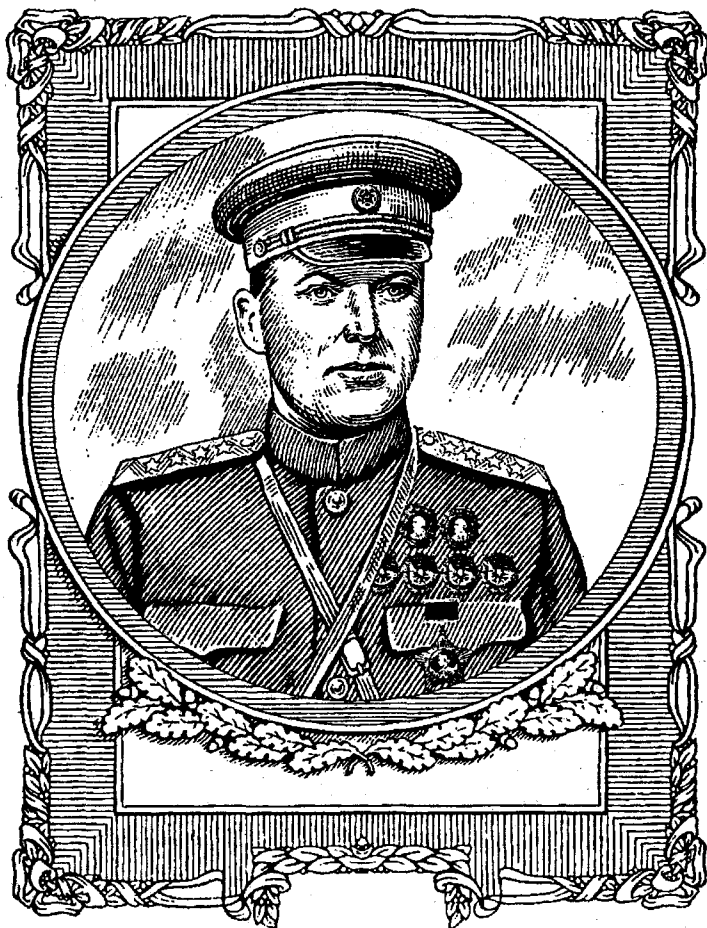

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
РОКОССОВСКИЙ

1896–1968

РУССКИЕ
ПОЛКОВОДЦЫ

РОКОССОВСКИЙ

Анатолий Карчмит

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ СЛАВЫ

РОМАН

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2001

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К27

Оформление
В.И. Харламова

Карчмит А. А.
К 27 **Рокоссовский: Терновый венец славы: Роман/А. А. Карчмит – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 576 с.: ил. – (Русские полководцы).**

ISBN 5-17-004521-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-01691-9 (ООО «Издательство Астрель»)

Легендарному военачальнику, герою Великой Отечественной войны, Маршалу Советского Союза Константину Константиновичу Рокоссовскому (1896–1968) посвящен новый роман Анатолия Карчмита «Терновый венец славы».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-17-004521-2
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-01691-9
(ООО «Издательство Астрель»)

© Карчмит А.А., 2001
© ООО «Издательство Астрель», 2001

Из Советской Военной Энциклопедии
Москва, Воениздат, 1979 г.

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ. Родился 9 (21) декабря 1896 года в городе Великие Луки (ныне Псковская область), скончался 3 августа 1968 года в Москве. Советский военный деятель и полководец. Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза, член КПСС с 1919 г. В Советской Армии с 1918 года. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1925) и курсы усовершенствования высшего начсостава при военной академии им. Фрунзе (1929). В армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны, воевал в составе 5-го драгунского Каргопольского полка, был рядовым и младшим унтер-офицером. После Октябрьской революции сражался в рядах Красной Гвардии, в ходе Гражданской войны командовал эскадронами, отдельным дивизионом и кавалерийским полком. За личную отвагу и мужество награжден двумя орденами Красного Знамени. После войны командовал 3-й кавалерийской бригадой, кавалерийским полком, 5-й отдельной кавалерийской бригадой, которая участвовала в боях на КВЖД. За боевые отличия награжден 3-м орденом Красного Знамени. С 1930 года командир 7-й, затем 15-й кавалерийской дивизии, с 1936 года командир 5-го кавалерийского, с 40-го – 9-го механизированного корпусов.

Полководческий талант проявился в годы Великой Отечественной войны. До 11 июля командовал 9-м механизированным корпусом, 16-й армией на Западном фронте. С июля 1942 года командовал Брянским, с сентября Донским, с февраля 1943 года – Центральным, с октября – Белорусским, с февраля 1944 г. – 1-м Белорусским, с ноября 1944 года до конца войны – 2-м Белорусским фронтом.

Войска под командованием Рокоссовского участвовали в Смоленском сражении, в 1941 г. – в битве под Москвой, в Сталинградской и Кур-

ской битвах, в Белорусской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской операциях. На Волоколамском направлении под Москвой танковому удару противника противопоставил глубокую противотанковую оборону, высокую активность и маневр, а в ходе контрнаступления для развития успеха создал в армии две подвижные группы, разумно сочетал фронтальный удар с обходом и охватом. При подготовке операций творчески применял принципы советского военного искусства, решительно массировал силы и средства на направлении главных ударов, смело маневрировал резервами, всегда учитывал сильные и слабые стороны противника, исключая шаблон в боевых действиях. В битве под Сталинградом войска Донского фронта под командованием Рокоссовского ликвидировали окруженную группировку врага. В битве под Курском Рокоссовский, команду войсками Центрального фронта, проявил военное искусство при отражении наступления немецко-фашистских войск, а затем и при разгроме орловской группировки противника в ходе контрнаступления. Организация и проведение артиллерийской контрподготовки 5 июля 1944 года в битве под Курском, оригинальность решения в операции «Багратион» (44), заключающаяся в нанесении двух мощных ударов войсками 1-го Белорусского фронта по сходящимся направлениям, достижение нарастающей силы ударов войсками 2-го Белорусского фронта по сходящимся направлениям, достижение нарастающей силы ударов войсками 2-го белорусского фронта с целью отсечения и разгрома крупных оперативно-стратегических группировок противника в 45 году в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях – наглядные примеры высокого полководческого искусства Рокоссовского, проявленного им в решающих сражениях Великой Отечественной войны. Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве 24 июля 1945 года.

После войны – главнокомандующий Северной группой войск (1945–1949).

В октябре 1949 года по просьбе правительства Польской Народной Республики с разрешения Советского правительства выехал в ПНР и был назначен министром национальной обороны и заместителем председателя Совета министров ПНР, ему было присвоено звание Маршала Польши. Рокоссовский избирался членом бюро ЦК ПОРП и депутатом сейма. По возвращении в СССР (1956 год) назначен заместителем министра обороны. С июля 1957 года – главный инспектор и заместитель министра обороны. С октября 1957 года командовал Закавказским военным округом. В 1958–1962 годах – заместитель министра и главный инспектор Минобороны. С апреля был генеральным инспектором группы генинспекторов Минобороны.

Рокоссовский много сделал для развития Советских Вооруженных Сил в послевоенный период с учетом опыта минувшей войны и научно-технической революции в военном деле. Депутат Верховного Совета СССР 2-го, 5–7-го созывов. Награжден 7 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 6 орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова 1 степени, орденом Победы и медалями. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Анатолий Карчмит

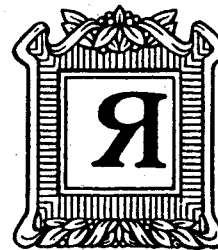
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТНИК РЯДОВОГО ЗВАНИЯ

Жизнь — вещь грубая. Ты вышел в долгий путь — значит, где-нибудь и поскользнешься, и получишь пинок, и упадешь, и устанешь, и воскликнешь: «Умереть бы!» — и, стало быть, солжешь. Здесь ты расстанешься со спутником, тут похоронишь его, там — испугаешься. Через такие вот неприятности ты и должен измерить эту ухабистую дорогу.

Луций Сенека

Глава первая

1
нварь 1937 года выдался в Москве морозным и снежным. На Красной площади с утра суетились уборщики снега, над древним Кремлем носились стаи ворон и, выполняя фигуры высшего пилотажа, оглашали напряженную тишину хриплым карканьем.

К Спасским воротам скорым шагом подходил высокий стройный мужчина в военной форме. На меховой шапке комдива серебрился иней, над головой клу-

бился пар. Он протянул документы военному служащему НКВД и, слегка улыбнувшись, произнес:

— Пожалуйста!

— Делегат чрезвычайного 17 съезда Советов Российской Федерации Рокоссовский Константин Константинович, — почему-то велух проговорил тот и вежливо козырнул.

— Проходите!

Рокоссовский впервые в своей жизни ступил на территорию Кремля. Хотя он был человеком не робкого десятка, но здесь его охватило какое-то неведомое до сих пор волнение, от которого трепетало сердце и горело лицо. Он медленно шел по стыллой брусчатке, где каталась поземка, и все глядел и глядел по сторонам. Кое-где в затишьях, там, где кремлевские стены смыкались под углом, дымилась снежная пыль. На куполах церквей и башнях Кремля дрожали золотые блики утреннего солнца.

Комдив обогнул колокольню Ивана Великого, остановился на мгновение у Царь-колокола и мимо Архангельского и Благовещенского соборов подошел к Большому Кремлевскому дворцу.

У входа во дворец у него вновь проверили документы, и он оказался в вестибюле, который был запружен делегатами съезда и встречающими. Оставив шапку и шинель в гардеробе и зарегистрировав свое прибытие, Рокоссовский по белокаменной мраморной лестнице, устланной коврами, начал подниматься в зал заседаний.

По этой лестнице поднимались сегодня, кажется, все представители российского общества — министры и ученые, писатели и военачальники, артисты и композиторы, в скромных одеждах рабочие и колхозники, гордые кавказцы в национальных костюмах.

Вместе с другими делегатами Рокоссовский прошел в зал заседаний и занял свое место посередине во втором ряду. Ровно в одиннадцать часов под бурные аплодисменты зала расселись в президиуме: Калинин, Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов и другие руководители партии и правительства.

Когда зал притих, на сцене, неся впереди левую руку, появился Сталин, в защитного цвета костюме и в сапогах.

Рокоссовский, в свои сорок лет проводивший всю свою сознательную жизнь в боях и походах, никогда не видел и даже не мог предположить, что обыкновенный земной человек может пользоваться такой любовью, славой и уважением, фанатичной преданностью людей.

Более десяти минут зал был заполнен возбуждающими возгласами и бурными рукоплесканиями. Почти каждый считал

своим неперенным долгом — кто густым басом, кто тенором, а чаще всего визгливым голосом — громко выкрикнуть здравицу в честь великого вождя.

Казалось, могут рухнуть своды этого исторического зала от неистового восторга, беспорядочного гула голосов и криков.

Наконец Сталин опустился на стул в центре президиума и зал притих. Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин объявил съезд открытым и провозгласил повестку дня: принятие новой Конституции РСФСР.

После дружных оваций Калинин близоруко посмотрел в зал, протер и повесил на нос очки, огладил седую клиновидную бородку и тихим голосом начал читать.

— По поручению российского исполнительного комитета...

— Да здравствует товарищ Сталин! Ура-а-а! Товарищу Сталину! — гремел зал.

— По поручению исполнительного комитета я приветствую делегатов 17 съезда Советов Российской Федерации, — продолжал Калинин. — Успехи социалистического строительства в Советском Союзе нашли свое яркое и четкое выражение в Сталинской Конституции 1936 года.

— Творцу сталинской Конституции сла-а-ава! — кричали делегаты. — Слава Сталину! Вперед к победе коммунизма! Да здравствует мировая революция!

— И наше первое слово и коммунистический привет... — снова начал читать взволнованным голосом Председатель ЦИК, — мы шлем тому, под чьим руководством...

Зал опять перебил докладчика.

— Вождю советского народа товарищу Сталину — ура-а! Слава Сталину — руководителю всех наших побед! Да здравствует мудрый вождь товарищ Сталин! Слава! Слава товарищу Сталину!

В таком же ключе продолжались все доклады и выступления. В начале работы съезда Рокоссовский чувствовал прилив необыкновенной энергии, радуясь тому, что доля и его труда есть в успехах, которые завоеваны под красными знаменами революции. Как-никак почти десять лет с небольшими перерывами он вел борьбу с врагами советской власти, с колчаковцами, семеновцами, бандами барона Унгерна и китайскими милитаристами во время конфликта на КВЖД. Однако Рокоссовский не мог согласиться со многими выступлениями. Служая гладкие и пустые речи, комдив невольно отмечал, что ораторы че-

ресчур стараются уверить товарища Сталина, что под его личным руководством СССР достиг процветания в экономической и культурной жизни.

Рокоссовский, исколесивший тысячи верст по Дальнему Востоку, не мог не видеть и голод, и разруху, особенно в сельской местности, и свирепость чиновников, отбирающих порой последнюю краюху хлеба в счет государственных поставок. Да и в Псковской области, где теперь дислоцируется его кавалерийский корпус, жизнь людей далека от того, о чем говорят на этом съезде.

«Видимо, безмерное восхваление благоденствия народа и заслуг в этом товарища Сталина считается обязательным для официальных речей. Кто знает, может, это надо для дела», — подумал Рокоссовский и посмотрел на президиум. Он не мог до конца понять, почему такое преклонение перед Сталиным захватило и людей, стоящих у руля партии и государства. Весь президиум напоминал ему хор, который без видимого дирижера рукоплескал вождем так, будто участникам хора заплатили за несколько месяцев вперед. Каждый член президиума до иступления хлопал в ладоши и подобострастно поглядывал в глаза Сталину. Особенно старался один — как потом выяснилось, это был Никита Сергеевич Хрущев. Он вытирал платком редкий пушок на крупной, как арбуз, голове и, улыбаясь до ушей, долгие всех рукоплескал, заискивающе глядя на вожда. Рокоссовскому показалось, что он даже слегка приседал, как бы говоря: «Смотри, смотри на меня, дорогой и любимый вождем, как я тебе самозабвенно предан!»

Небольшое расстояние до президиума позволило комдиву впервые в жизни разглядеть живого Сталина. Небольшого роста мужчина, густые черные волосы, невысокий лоб, острый прямой нос, под роскошными усами резко очерченные губы. Сталин вставал и садился медленно — почти никаких эмоций в движениях. Создавалось стойкое впечатление, что этот человек обладает недюжинной силой воли.

Когда зал в неистовстве кричал: «Да здравствует Сталин!..» — на его лице не дрожал ни один мускул. Лишь едва заметная улыбка — иногда совершенно безразличная, иногда довольная — играла на его надменных губах.

Под строгой темноватой маской — никаких признаков переживания, спрятанные под темными густыми бровями глубоко посаженные глаза не выдают ни единого движения мысли.

Все страсти Кремлевского зала вдребезги разбивались о невозмутимое спокойствие вождя, как штормовые волны о гранитную скалу.

Рокоссовский, увлекшись размышлениями, не заметил, как выбыл из общего темпа оваций, и начал вяло хлопать в ладоши. Вдруг он ощутил на себе тяжелый взгляд Сталина. Казалось, этот взгляд спрашивал: «Ты что, вояка, не уважаешь вождя народов?»

Почувствовав внутренний холодок, Рокоссовский устремил взгляд на трибуну, за которой очередной выступающий пел осанну товарищу Сталину, и захлопал в ладоши так, что рукам стало жарко.

Вся обстановка в этом зале для комдива была необычной и новой. Она, по всей вероятности, отражала основное направление политики партии и правительства на данном этапе развития страны. Оказывается, столица живет по каким-то своим меркам и законам, значительно отличающимся от принятых на периферии. Там жизнь естественнее и попроще, а тут напыщеннее и насквозь пропитана политикой.

Начиная с 1917 года, когда он перешел в ряды Красной Армии, в центре европейской части Союза Рокоссовский бывал очень редко. В 1924–1925 годах вместе с Жуковым, Еременко и Баграмяном учился на кавалерийских курсах в Ленинграде. В 1929 году был слушателем курсов усовершенствования высшего состава в Московской области. В 1930–1931 годах командовал дивизией в Белоруссии.

И вот теперь уже более года в Ленинградском военном округе командует корпусом и является начальником гарнизона Пскова.

А в основном вся его военная жизнь проходила в Забайкалье в маленьких городках и поселках среди простого люда.

И с русскими, и с бурятами, и с монголами, и с байкальскими чалдонами — со всеми он находил общий язык и поддерживал бескорыстную дружбу.

«Жалеть не о чем, романтическое было время, — подумал он. — Сколько надо было приложить энергии, сил и ума, чтобы склонить чашу весов в пользу революции? Ведь ее темпы там, где я воевал, помогал устанавливать Советскую власть, не совпадали со столичными, люди в провинциальных городах, в деревнях, в горах и лесах соображали не так быстро, как в центре страны. Они воспринимали идеи гораздо осторожнее и воплощали их по

собственному разумению. И слово большевиков в Сибири, в Бурятии отличалось от первоначального источника. Люди там и теперь многое понимают по-своему».

Под конец дня работы съезда была создана комиссия по выработке Конституции и делегаты вздохнули с облегчением – у них появилось много свободного времени.

2

После заседания комиссии съезда Рокоссовский ознакомился с храмом славы русского оружия – Георгиевским залом Большого Кремлевского дворца. Не торопясь, он ходил по залу и не мог отвести глаз от великолепия. Оторваться от этого зрелища и в самом деле было трудно.

Внушительные размеры зала, белизна стен и свода, украшенного великолепным резным орнаментом, – все это взволновало воображение Рокоссовского. Ничего подобного в своей жизни он не видел. Он долго стоял возле изображения святого Георгия на коне, поражающего дракона, и вспоминал свою кавалерийскую молодость. По золотистому паркету нельзя было ходить без восхищения. С непривычки от тысячи лампочек в бронзовых люстрах рябило в глазах.

Комдив переходил от одной мраморной плиты к другой, где были высечены золотыми буквами наименования 500 отличившихся в боях воинских частей и имена свыше одиннадцати тысяч кавалеров ордена Георгия Победоносца. Среди них – имена А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Ф. Ф. Ушакова, П. С. Нахимова, П. И. Багратиона.

Рокоссовского приятно удивило, как царское правительство заботилось о сохранении памяти воинской славы и ратных традиций.

«Мы тоже не лыком шиты, – улыбнулся своим мыслям комдив. – За Первую мировую войну имеем Георгиевские медали 4-й и 3-й степени*. В Каргопольском полку разведчик Костя Рокоссовский был не из робкого десятка».

В этом зале Рокоссовский был, пожалуй, самым заметным посетителем. Его фигурой и осанкой нельзя было не залюбоваться. Открытые правильные черты лица, миндалевидные голубые глаза, приятная сдержанная улыбка, высокий рост, атлетическое телосложение, прямые каштановые волосы – все это невольно привлекало внимание делегатов, особенно женской половины. Свойственное всем женщинам особое чутье на умных и красивых мужчин сработало и здесь.

Видимо, не случайно две насмешливые и бойкие подружки все время не упускали его из виду.

Одна из них, среднего роста, стройная блондинка, с тугими косами, закрученными венцом вокруг головы, с круглым симпатичным лицом и большими темными глазами, нашептывала подруге:

– Ты только посмотри, какие у него глаза – озера. Я готова в них утонуть хоть сейчас, сию минуту.

– Губа у тебя не дура, но в твои 25 лет топиться рано, – сказала подруга, глянув на комдива. – Ничего не скажешь – сложен, как греческий бог.

– Мне попалась в руки свежая газета «Ленинградская правда». Там есть статья «Командир корпуса*», – проговорила Валентина и, украдкой стрельнув глазами на комдива, уверенно заявила: – Ольга, честное комсомольское – это он. Была не была, давай подойдем.

– А что, давай.

– Здравствуйте, товарищ командир! – бойко проговорила блондинка. – Мы давно за вами наблюдаем и нам нравится, как вы внимательно изучаете военную историю... Скажите, можно с вами познакомиться?

– Конечно, можно.

– Меня зовут Валентина. Я первый секретарь тульского обкома комсомола, а это, – она повернулась к подруге, – Ольга Звягина, историк.

– Очень приятно, – улыбнулся комдив. – Меня зовут Константин Константинович Рокоссовский.

– М-да, жаль, – произнесла Валентина.

– Чего же вам жаль? – с любопытством произнес комдив.

– Жаль, что я не воевала вместе с вами.

– Что вы, дорогие женщины, у вас другое предназначение.

– Какое? – глянув на Рокоссовского, расцвела Валентина.

– Как будто не знаете?

– Вы хотите сказать, что наше дело мужиков рожать, – глядя снизу вверх, произнесла Валентина. – Так сказать, пополнить живую силу армии, – и, рассмеявшись, весело добавила: – Вы думаете, это очень просто?

– Лучше раз в году родить, чем день-деньской бороду брить, – поддержал шутливый тон разговора комдив.

– А я читала о вас в газете, – сказала Валентина с интригой в голосе. – Вот так. Статья называется «Командир корпуса». Вы ее читали?

— Нет, не читал.

— Константин Константинович, дайте нам слово, что вы после ужина заглянете к нам в двадцатую келью гостиницы «Метрополь», — кокетливо глянув на собеседника, проговорила Валентина. — Живем мы втроем. Скучать вам не дадим. Угостим вас чайком, поговорим. Я прочитаю статью, а вы слушаете. Хорошо?

— В вашей келье не хватает инок? — полюбопытствовал Рокоссовский.

— Вы правы, — ответила Валентина, улыбнувшись.

— Ну что ж, тогда загляну. Я тоже ищу жития совершенного, постнического и обещаешь старицею сохранить себя в девстве и целомудрии, — весело смеясь, сказал комдив и молодцевато направился к выходу.

Дамы оживились, заговорили и тоже покинули Георгиевский зал, восхищаясь остроумием своего нового знакомого.

3

К вечеру гостиница «Метрополь» стала заполняться делегатами съезда. На втором этаже у буфета начала выстраиваться очередь на ужин. По трое-четверо подходили люди, тихо переговаривались, заказывали сосиски, чай и чинно садились за столы. Рокоссовский на ходу перекусил и спустя несколько минут уже был у своих знакомых.

— Прошу садиться, — пригласила Валентина, широким жестом указывая на стул. Она была любезной и внимательной. Ольга поставила на стол печенье, стаканы и пузатый чайник.

— А где же ваша третья монашка? — спросил Рокоссовский.

— Она у нас передовая общественница, — пояснила Ольга. — Сегодня встречается со стахановцами завода. Вполне возможно еще куда-нибудь заглянет.

Гостеприимство женщин, их непринужденность комдиву очень понравились, а когда он отхлебнул из стакана глоток ароматного напитка, произнес:

— Очень вкусно, чудесный чай.

За чаем они разговорились о житье-бытье и незаметно перешли на статью о Рокоссовском.

Валентина хорошо поставленным голосом читала:

«Вечером в штаб наступающей группы был вызван командир конного дивизиона Рокоссовский. Штаб стоял на западном берегу реки Ишим. А на другом берегу находились колчаковцы.

После разгрома на Каме они долго и торопливо отступали. На Ишиме они остановились. На восточном берегу — холмистом, господствующем над местностью — они строили прочные укрепления, подтягивали сюда резервы. Собирались тут перемолоть наступающего противника. Но у противника были свои планы, не согласованные с колчаковским командованием. В ту же ночь, во исполнение этих планов, конный дивизион Рокоссовского осторожно продвигался вдоль реки, нащупывая в позициях колчаковцев уязвимое место.

Начиналась пора жестоких сибирских морозов, свежий ноябрьский лед уже обуздал быстрину реки Ишим. Дивизион выбрал место для остановки. От него отделились 35 человек, тряпьем обмотали ноги коням. Повел их в разведку сам Рокоссовский. Они несколько раз переходили реку, держа коней в поводу, и были в кустах, когда услышали крики колчаковцев. «А что, если...» — мелькнуло у Рокоссовского.

Он даже улыбнулся при мысли о том, что противника, занятого сменой частей, легче всего застать врасплох. В эту минуту один из разведчиков, посланный Рокоссовским, уже возвратился на западный берег.

Дивизион подошел через час. Были выброшены вперед 12 станковых пулеметов. Спустившись, дивизион ворвался с гранатами в окопы. Передовые части белых дрогнули. Рокоссовский послал в штаб донесение о первом успехе и о том, что он развивает операцию и на рысях идет к селу Вокаринскому, где перекрещиваются пять дорог и где должен быть штаб колчаковцев. Дивизион прошел лесом 25 километров, трижды сметая встречавшееся сопротивление противника. Два эскадрона увлеклись в лесу преследованием нескольких рот. Третий эскадрон вышел из леса к селу Вокаринскому. Рассветало. Из села выскочили две батареи. И в то же время из леса выезжал развернутый казачий полк. Сейчас батареи дадут губительные для конников залпы картечью.

«Один эскадрон против полка и двух батарей?.. Маловато! Но один эскадрон и две батареи противника — это уже терпимо». И Рокоссовский повернул эскадрон на батареи. Ударил картечью. Эскадрон, продолжая бешеную скачку, изрубил часть артиллеристов, остальных сбил в кучу. Рокоссовский крикнул колчаковским артиллеристам: «Номера — к орудиям! Огонь по казачьему полку! Вы будете стрелять метко или попрощаетесь с жизнью!» Над батареями сверкали клинки. Картечь застави-

ла казаков повернуть в лес. Потом батареицы стреляли по селу Вокаринскому, которое взял дивизион Рокоссовского вместе со штабом, обозом и техническими ротами колчаковцев. Потом подошли свои части.

Блистательная удача всегда сопутствовала Константину Рокоссовскому, теперь командующему корпусом, — грудь его украшена тремя боевыми орденами и орденом Ленина.

Рейд бригады Рокоссовского во время дальневосточного конфликта, рейд в глубоком тылу у беломаньжур, захват поезда со штабистами, раскрытие оперативных планов противника и после этого — быстрый марш на Чжалайнор, взятие города и огромного количества пленных — это прямое следствие высоких боевых качеств командира Красной Армии.

В мирное время подготовка дивизий Рокоссовского на «отлично» — это также результат глубокого осознания своего долга перед социалистической родиной».

Эти слова Валентина произнесла страстно и взволнованно, будто она находилась на трибуне, а в зале ее слушали комсомольские активисты.

— Это все обо мне? — насмешливая улыбка тронула губы Рокоссовского.

— Да, это все о вас! — Валентина окинула взглядом комдива и продолжала читать:

«Рокоссовский — человек могучего сложения, и несколько пулевых ран он лечил в походе, не слезая с коня. Пулю в плече он носил четыре года. Но с пробитой костью ему пришлось лечь в госпиталь на станции Мысовая на Байкале».

— Вы были на самом Байкале? — воскликнула Ольга.

— Да, был, — улыбнулся Рокоссовский. — Даже ловил там омуля. Золотая рыбка, скажу я вам.

— Поехали дальше, — глянув на подругу, сказала Валентина.

«Однажды ночью его разбудили перепуганные сестры и врач. Бледные, растерянные, они сказали, что на станцию пришло несколько крестьян, бежавших от Унгерна. Потрепанный барон опять собрал отряд и двигается на Мысовую. Рокоссовский живо представил себе всю остроту ситуации: боевых частей в Мысовой нет, Унгерн возьмет станцию, не встретив сопротивления, взорвет тоннели, и тогда надолго прекратится движение по великой сибирской магистрали.

— Выше голову, друзья! — сказал Рокоссовский. — Что можно сделать с ногой, чтобы она не сломалась?

— Можно, не надевая сапога, прибинтовать ногу к двум деревянным палкам.

— Бинтуйте!

Его посадили на тачанку и дали пару костылей. С помощью двух выздоравливающих комбатов Рокоссовский сформировал из сапожников, портных батальон пехоты и взвод конницы. Они заняли позиции. К вечеру подошли главные части барона Унгерна, сотни четыре. Красноармейцы дрались отлично. Потом отряд Рокоссовского преследовал конницу барона, повернувшую к Верхнеудинску.

Младший унтер-офицер Рокоссовский найден и выдвинут революцией, как найдены ею и выдвинуты многие другие таланты страны. Бывший младший унтер-офицер Рокоссовский, подчас командовавший меньшими силами, чем образованные, до зубов вооруженные генералы, исправно бил их, как били их Ворошилов и Буденный, Щаденко и Городовиков — славные красные командиры»*.

— И этот герой сидит рядом с нами! — воскликнула Валентина, восхищенно глянув на комдива.

— Таких командиров, как я, у нас хоть пруд пруди, — рассмеялся Рокоссовский.

— Не скромничайте, — насмешливо проговорила Валентина и с заботливым видом спросила: — Вам еще чаю?

— Не откажусь.

— А кто такой барон Унгерн? — не удержалась Ольга от вопроса.

— О, это была одиозная личность, — произнес Рокоссовский. — Барон Роман Унгерн фон Штенберг — потомок старинного немецкого рода, с 13 века осевшего в Прибалтике. Унгерн в 20 лет попал на Дальний Восток, увлекся там буддизмом, изучал китайский и монгольский языки. Принимал участие в Первой мировой войне и дослужился до чина войскового старшины. К октябрю 17-го года барон вновь в Забайкалье. Он становится помощником атамана Семенова. А чуть позже сам создал «иностранческую конную дивизию» и повел беспощадную борьбу с Советской властью. Это был страшно жестокий человек.

— А чего он хотел добиться? — спросила Валентина, не сводя глаз с Рокоссовского. Она наблюдала за переменчивым, живым лицом рассказчика и любовалась им.

— Он хотел восстановить монархическое правление в России. Правда, во время допроса в штабе 5-й армии, которой командовал Уборевич, плененный барон заявил о том, что к судьбе России безразличен и она должна быть оккупирована Япо-

нией, так как славяне не способны к государственному строительству.

— А кто поддерживал барона? — спросила Валентина. — Наверно, какой-нибудь уголовный сброд?

— Тут вы ошибаетесь. Ядро его дивизии составляли забайкальские и оренбургские казаки. А они умели воевать.

— Да, мы плохо разбираемся в военных делах, — сказала Валентина. — Я поступаю в мединститут. Там, я думаю, меня просветят и по военным вопросам.

— А разве в комсомоле работать хуже? — спросил Рокоссовский.

— Не хуже, но мне больше нравится медицина.

— Валентина, не уводи в сторону разговор, — сказала в сердцах Ольга. Видимо, ей, как историку не только по образованию, но и по призванию, было интересно слушать комдива. Она под села поближе к Рокоссовскому. — Кроме станции Мысовая, у вас были еще стычки с бароном?

— Да, были.

— Наиболее интересная из них?

— В конце февраля 1921 года барон смог захватить столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор) и стать диктатором этой страны. А весной он начал готовиться к нападению на Сибирь и Забайкалье.

Ольга понимающе кивнула головой, а Валентина уселась в кресло и с неизменным интересом продолжала наблюдать за Рокоссовским.

— Угроза вторжения заставила Уборевича принять срочные контрмеры, — говорил комдив. — Мой отдельный кавалерийский дивизион более месяца провел в стычках с казаками Унгерна. В конце мая барон решил направить основной удар на Кяхту. Это важный купеческий город на границе с Монголией. И надо сказать честно, имея превосходство в живой силе и артиллерии, барону удалось потеснить наши полки. Он смог полностью окружить один из наших батальонов. И вот мне выпала честь его выручать. Если б вы видели, какой у меня был высокий, гордый и красивый конь! — При этих словах Рокоссовский оживился, подтянулся, словно вот-вот собирался вскочить на гнедого англо-дончака и поскакать на выручку товарищам.

— Не повезло нам с тобой в жизни, Ольга, — мечтательно сказала Валентина. — Что мы с тобой видели? Все подвиги совершены без нас.

— У вас еще все впереди. — Рокоссовский поднялся из-за стола, прошелся по комнате. — Кто знает, чем кончится приход фашистов к власти в Германии. — Он, спросив разрешения у дам, закурил и начал дымить в форточку.

— А что было дальше? — спросила Ольга.

— Казаки не выдержали нашего напора и попытались спастись бегством, — продолжал Рокоссовский. — В это время случилась беда. Мой конь споткнулся, пробороzdил мордой землю и повалился. Соскочив с лошади, я тут же свалился и сам — пуля пронзила мне ногу. Ординарец подвел мне нового коня, и я, в азарте боя не заметив ранения, продолжал драться до тех пор, пока через верх сапога не начала сочиться кровь. Так я оказался в госпитале на станции Мысовая. А дальше вы все знаете.

— Что вам больше всего запомнилось во время войны? — уточнила Валентина.

К удивлению женщин, Рокоссовский не стал говорить ни о подвигах на поле боя, ни о героическом порыве своих подчиненных, ни о походных трудностях.

— Больше всего мне запомнилось затишье, — сказал он, — когда война, по сути дела, закончилась. Лето. Вечер. Село на русско-монгольской границе. — Рокоссовский уселся за стол и продолжал: — Где-то пиликает гармошка, и закатное солнце золотыми бликами играет на стеклах окон. На улице вдоль наспех сколоченных коновязей длинные ряды лошадей, рядом возы с сеном, мешками овса. В воздухе — запахи полей, дыма.

— И дым отечества нам сладок и приятен, — улыбнулась Валентина.

— В это время, представьте себе, — с усмешкой говорил Рокоссовский, — я лежу на копне сена, достаю из походной сумки томик стихов Байрона и начинаю читать. Ни волнения предстоящего боя, занозой сидящие в сердце, ни тревога за жизнь солдат, ни тайные замыслы противника — ничто мне не мешает наслаждаться лирикой поэта.

В это время открылась дверь и в комнату вошла дородная женщина с круглым, волевым, красным от мороза лицом. Едва поздоровавшись, она разделась, повесила пальто в гардероб и, повернувшись к столу, громко произнесла:

— Б-р-р-р! Какой на улице мороз! Зуб на зуб не попадает!

— Агафья Петровна, шеф-повар МТС, она же секретарь парт-организации, — представила вошедшую Ольга.

— Девочки, можно горяченького чайку? — спросила та, потирая руки и усаживаясь за стол.

Ольга принесла чаю, наполнила вазу печеньем, и беседа возобновилась.

— Константин Константинович, — сказала Валентина, боясь, что с появлением шеф-повара собеседник может уйти. — Вы что, увлекаетесь поэзией?

— Да, имею к ней слабость.

— Ваши любимые поэты? — не унималась Валентина.

— Байрон, Мицкевич, Пушкин.

— Военный человек — и любовь к поэзии, странно? — сказала Валентина, призадумавшись. — А чем вам нравится Байрон?

Рокоссовский обвел синими глазами женщин и, улыбаясь, произнес:

Быть может, род мой не высок
И титул мой под стать поместью,
Но не завидуй мне, дружок,
Гордись достоинством и честью.

Он произнес эти слова охотно и с глубоким убеждением.

— Разве можно не любить такие стихи? — добавил он тихим приятным голосом. Допив чай, Агафья Петровна отодвинула стул и села поближе к окну.

— Вы извините меня, — сказала она бойко. — Вот вы, слышу, говорите о поэтах... О... как его там?

— О Байроне, — подсказала Валентина.

— Да, да, о Байроне... А что дал простому народу ваш Байрон?.. Что? — вытаращила она маленькие глаза, приподняв припухшие веки.

— Джордж Байрон, великий поэт Англии, защищал свободу и независимость Греции, где заболел и умер, — пояснил Рокоссовский, неодобрительно взглянув на собеседницу.

— Подумаешь, герой, у нас тоже много болтунов расплодилось. Гнилая интеллигенция — революции помеха. — Она направила на комдива яркие глаза. — Пустобрехи! Кому они нужны? А?.. Кому?.. Кому нужен теперь поэт Байрон?

— Пушкин называл Байрона гением и властителем дум, — как будто между прочим сказал Рокоссовский. — Его уважали декабристы. Для них он был примером служения делу свободы и борьбы с тиранией. Это был их кумир.

— Небось из богатых ваш Байрон?

— Да, он принадлежал к старинному роду английской и шотландской аристократии. Даже был лордом.

— Вот видите! — Агафья Петровна развернулась всем корпусом, так что заскрипел стул. — Знаем мы этих лордов. Не первый день на свете живем и кое-что видели! Отдадут они добровольно что-нибудь народу? Как бы не так, держи карман шире!

— Когда Байрон путешествовал по Италии, Португалии, Турции, его поразили социальные контрасты. Он увидел бесправие простого народа и встал на его сторону. — Заметно было, что этот непредвиденный спор начал Рокоссовского забавлять.

— Вот видите, путешествовал, а за чей счет, позвольте вас спросить?

— Ну, по всей вероятности, за свой счет.

— А кто ему положил денежку на его счет, — агрессивно, рассекая воздух широким взмахом руки, спросила Агафья Петровна и тут же ответила: — Эти денежки заработал потом и кровью крестьянин и рабочий. Вот так-то!

Рокоссовский взглянул сначала на Ольгу, потом на Валентину, которые едва подавляли смех, и улыбнулся. Собеседники еще раз переглянулись и притихли.

— Что молчите? — спросила недоверчиво повариха и тут же восторженно вскричала: — Не какого-то Байрона читать надо, а мудрые речи и статьи товарища Сталина! Там есть ответы на все вопросы: как нам работать, жить и бороться с негодяями, бандой врагов, белогвардейскими пигмеями и козявками, правыми уклонистами, право-левыми уродами. — Она подвернула рукава, чтобы они не мешали размахивать руками.

— Где вы набрали такой богатый букет врагов? — уточнил Рокоссовский.

— Как это где? — округлила глаза повариха. — Товарища Сталина читать надо, милок, а не всяких там байранов!

«Такая вот петрушка», — подумал комдив и нахмурил брови. Этот разговор начал раздражать и Валентину. Мягким, женственным движением она поправила волосы и подошла к Агафье Петровне:

— Выходит, вы нам даете уроки: как нам жить, что нам читать, с кем бороться...

Повариха замахала руками, как курица крыльями, прервала Валентину:

— А как вы думали? Товарищ Сталин нас учит, что ни на одну минуту нельзя забывать о врагах народа, которые прут на наше социалистическое государство, как саранча на капусту. А вообще-то, я вам скажу, дорогие мои, вот что: если мы не будем держаться за товарища Сталина, то пропадем ни за понюх табаку!

Агафья Петровна была такой пухлой, что обе ее ягодицы свешивались со стула. Она встала и покатила к выходу, бросив на ходу:

— Не забывайте, милые, что я сказала! Знайте, я кость от кости того простого народа, о котором так заботится наш дорогой вождь и учитель товарищ Сталин!

Она распахнула дверь, остановилась и, повернувшись к Рокоссовскому, с упоением добавила:

— Не кто иной, а родные наши вожди Ленин и Сталин дали нам, кухаркам, широкие права по управлению государством!

Никто из собеседников не посмел комментировать то, что сказала Агафья Петровна. Разговор дальше не клеился, и все, слово набрали в рот воды, молчали.

Рокоссовский попрощался и ушел к себе в номер. Он открыл серебряный портсигар, подаренный ему женой в день рождения, взял папиросу и закурил с тем особенным удовольствием, которое охватывает курящего в одиночестве и в раздумье. Он взял со стола газету «Рабочая Москва». Глаза выхватили заголовки: «Металлурги перевыполнили Сталинский план», «Политическое двурушничество», «Главный уклон тот, с которым перестают бороться», «Вступим в новые цеха, вооруженные шестью историческими указаниями товарища Сталина»...

Он положил газету на стол, подошел к окну, за которым свистел ветер и кружился снег. Горьковатый дымок папиросы, подхваченный холодным воздухом, сизыми струйками уходил в проем форточки.

Рокоссовский присел к столу, положил голову на руки. Он задумался о разговоре с поварихой и хотел его забыть. Но увы! Ее слова обладали какой-то магической силой и туманили сознание какой-то неопределенностью. Его неудержимо тянуло домой, к жене и дочери, где он всегда обретал душевный покой, где он встречал мягкое обхождение и понимающий взгляд.

Рокоссовский ждал с нетерпением окончания непривычной для себя работы, ему хотелось поскорее заняться своим любимым делом — боевой учебой. Было уже 10 часов вечера. Рокоссовский задумчиво прошелся по комнате и снова закурил, затем

сел в кресло, раскрыл томик Лермонтова и начал читать. Однако вскоре отложил книгу в сторону: не мог сосредоточиться на том, что читал. Он разделся, выключил свет и лег под одеяло. Но сон не приходил: бередил душу разговор с женщинами, да и газетная статья подлила масла в огонь — на него нахлынули воспоминания.

Глава вторая

1

Весна 1921 года в Забайкалье выдалась ранняя и теплая. Легкий ветерок доносил с полей запах весенних палов, окутывал сопки сизым неподвижным маревом, с гор налетал пьянящий запах багульника, несло горьким ароматом освободившейся от снега прошлогодней полыни. К этому времени уже успокоились свирепые ветры, которые раскаленная пустыня Гоби притягивает к себе, в Монголию.

Гражданская война, казалось бы, закончена, но на востоке России, куда военная судьба на долгие годы забросила Рокоссовского, нельзя было утверждать, что войне пришел конец. Японские интервенты все еще оккупировали Приморье, барон Унгерн был разгромлен, но остатки его отрядов, так же как и другие банды, еще скрывались в степях и лесах Забайкалья. Они делали набеги на села, рвали мосты, выводили из строя железную дорогу.

После семи лет, проведенных в походах и сражениях, Рокоссовский не мыслил себе иной жизни, кроме жизни военной. Он принимает участие в освобождении Урги, ему поручают формировать новые полки, часто переводят с одного места в другое.

В декабре 1921 года он получает новое назначение — ему доверили командовать кавалерийской бригадой, которая размещалась в Троицкосавске, рядом с пограничным городком Кяхтой. Троицкосавском город был назван в честь русского посла Саввы Рагузинского. Заложил он город на обратном пути из Пекина в Троицын день в 1727 году. Впрочем, это было лишь официальное название: и сам город, и торговую слободу на границе одинаково звали Кяхтой.

На протяжении второй половины 19 века здесь проходил главный торговый путь из России в Китай и Монголию, по которому шли огромные караваны с шелком и другими товарами. Со времени строительства Транссибирской железной дороги торго-

вое значение города несколько снизилось, но он по-прежнему оставался опорным пограничным пунктом в торговле России и Монголии.

В городе имелись мужское реальное училище и женская гимназия, действовали отделение императорского географического общества и краеведческий музей. Несмотря на то что в годы Гражданской войны культурным ценностям был нанесен существенный урон, город, в котором Рокоссовскому пришлось провести несколько лет своей жизни, хотя и находился на самой окраине России, нельзя было назвать глухоманью.

По приезде в этот город он сразу же приступил к делу. Ему довелось сражаться с многочисленными бандами, бродившими по Забайкалью. Части 5-й Кубанской кавдивизии, в которую входила и бригада Рокоссовского, вели постоянные бои. Армейские будни той поры нельзя назвать легкими. Истощенная бесконечными войнами страна не могла позволить себе большие расходы на армию. В результате демобилизации к сентябрю 1923 года армия сократилась до полумиллиона бойцов и командиров. В армии остались лишь те, кто решил посвятить свою жизнь военной службе. Среди них был и Рокоссовский. Он остался не только потому, что имел склонность и любовь к военной службе и считал, что принесет немалую пользу Красной Армии, но еще и потому, что у него в Советской России, по сути дела, не было ни родителей, ни родственников, ни жены, ни детей — как говорится, ни кола, ни двора.

Демобилизация коснулась и 5-й Кубанской кавдивизии. Она была преобразована в кавалерийскую бригаду, в которую входили три полка. Одним из них стал командовать Рокоссовский. Не было тогда в городке ни благоустроенных казарм, ни столовых, ни клубов, ни домов начальствующего состава. Командиры и бойцы жили в частных домах; лишь гораздо позже полки бригады стали квартировать в «красных казармах» на окраине городка. До Гражданской войны там размещались пограничные войска. Теперь, после ремонта, казармы получили наименование «Пламя революции». Он работал тогда по 15–16 часов в сутки, но пришлось заниматься не только боевой подготовкой. Вот приказ командира бригады, весьма характерный для армейской жизни той поры: «1. С 20-го июля прекращаю в частях вверенной мне бригады, находящихся в лагерях, строевые занятия и приступаю к полевым и хозяйственным работам по обеспечению вверенных мне частей всем

необходимым на предстоящий зимний период. Исполняющему должность комполка 27 тов. Рокоссовскому до 24-го сего июля остаться в лагерях, ведя занятия и подготовительные работы хозяйственной кампании. 25 же июля, оставив конный состав в лагере с необходимым количеством красноармейцев и комсостава, перейти пешим порядком на дровозаготовку в район Троицкосавска, к каковым и приступить самым интенсивным образом...»

Так, чередуя погоню за бандитами со строевыми занятиями, заготовкой дров и сельскохозяйственными работами, командовал Рокоссовский полком в 1922–1923 годах.

2

Из окон квартиры, которую снимал Рокоссовский, были видны песчаные холмы и сверкающие на солнце черепичные кровли башен монгольского города Маймачена. Квартира ему нравилась: одна солнечная комната, стол, два кресла, диван, на стенах китайские акварели, гостиная и столовая, общая с хозяевами.

Хозяйка, Елизавета Ильинична, в шутку Рокоссовскому напоминала:

— Живешь ты, Костя, один как сыч. Жениться тебе надо. Такой видный парень, за тебя любая девушка с закрытыми глазами выскочит.

— Что-то не скажут, Елизавета Ильинична.

— Значит, плохо стараешься.

— Что ты пристаешь к человеку! — вступался за него хозяин. — Приспичит — женится. Вон какие крали по улицам шлепают — выбирай любую.

Но любая для Рокоссовского не подходила. В прошлом году он приметил в местном театре черную, как цыганка, невысокую девушку. Она задела его сердце и припала ему по душе. Но сколько потом он ни высматривал ее среди театральной публики, найти никак не мог. Он очень переживал, что не осмелился к ней подойти и познакомиться. Он понимал, что за время войны очерствел душой и растерял тот небольшой опыт общения с девушками, какой имел до армии. Ему уже шел 28-й год, и пришла пора обзаводиться семьей.

В редкие часы одиноких раздумий его иногда охватывало сознание непоправимой ошибки: несколько мгновений нерешительности стоили ему теперь мучительных переживаний. Он да-

же плохо помнил содержание пьесы, шедшей тогда в театре. Дело в том, что та девушка сидела в партере — как раз напротив ложи для почетных гостей, откуда он не сводил с нее глаз.

С тех пор прошло более года, но он хорошо помнил ее красивое продолговатое лицо, прямой изящный носик, короткую стрижку черных волос, над темными бровями забавные завиточки, которые она часто поправляла обнаженной до локтя рукой. По всей вероятности, она чувствовала на себе взгляд Рокоссовского, видимо, поэтому время от времени поглядывала на него темными выразительными глазами и едва заметная улыбка появлялась на ее красиво очерченных губах.

3

Шла весна 1924 года. После двухмесячной лагерной жизни Рокоссовский взял себе выходной — не все же время корпеть в казарме. Он вышел из дому и спустился в Нижнюю Кяхту. Ему захотелось побродить по городу одному.

Деревья одевались в весенний наряд. Пушистые, словно цыплята, фиолетового цвета подснежники густо покрывали склоны холмов. С одной стороны горизонта на фоне Троицкого собора проступали темные леса, с другой — белели церковь Вознесения и Гостиный двор, вдали, на равнине, усеянной рядами деревянных домов с резными наличниками, смутно вырисовывалось массивное здание Краеведческого музея. Это был, пожалуй, самый лучший музей Забайкалья с богатой коллекцией экспонатов и старинных книг, образцов флоры и фауны края.

Стояла тихая весенняя погода. В окнах домов, в гранях песчинок отражались лучи полуденного солнца, воздух был насыщен запахом трав и леса.

Уже несколько месяцев подряд он не видел гражданских лиц, в лагерях одни военные, и вот на тебе — толпы празднично одетых людей. По их лицам можно было судить, что они устали от братоубийственной войны и соскучились по мирной человеческой жизни.

Он медленно ходил по городу, всей грудью вдыхая тугой весенний воздух и ощущая на лице легкие прикосновения ветра.

Он присел на скамейку в сквере, в противоположном углу которого сидела молодежь. В центре круга парень играл на гитаре, рядом сидела девушка и пела. Рокоссовский прислушался к мелодии. Голос девушки был грудной, ровный и приятный. Из-за

расстояния трудно было разобрать слова, но мелодию можно было понять — она пела о несчастной любви, о долгой разлуке...

Рокоссовский поймал себя на том, что он думает о той девушке, что встретила ему в театре и постоянно будоражит его воображение. Он встал, глянул на молодежь и направился в сторону Краеведческого музея. Он решил остаток выходного дня посвятить истории теперь уже для него родного края.

Когда он подошел к музею, навстречу ему по ступенькам, стуча каблучками, живо спустилась девушка. Рокоссовский поднял глаза и — о чудо! — это была его цыганка. Во всем ее облике, стройном и гибком стане, смуглой коже чувствовалось, что кто-то из ее предков принадлежал к роду, вышедшему когда-то из индийских племен.

— Девушка, здравствуйте, — улыбнувшись, сказал Рокоссовский.

— Здравствуйте, — ответила та, спрыгнув с последней ступеньки и собираясь уходить.

— Вы торопитесь? — Он твердо про себя решил — не теряться ни при каких обстоятельствах.

— Да, меня ждут дома.

— Можно вас на минуточку? — сказал он, увлекая ее в сторону, подальше от посетителей музея.

— Н-ну, если только на минутку, то можно.

— Меня зовут Константин Рокоссовский, а вас?

— Юлия Петровна Бармина, — удивленно подняла глаза девушка.

— Разрешите вас проводить.

— Вы со всеми так бесцеремонно знакомитесь? — спросила она, окинув его насмешливым взглядом.

— Н-нет, только с вами.

— А почему такое исключение? — спросила Юлия, взглянув на него своими черными, загадочными глазами.

Рокоссовский даже на время растерялся. Ему показалось, что она просветила его насквозь. Хотя все мысли в отношении этой девушки у него были светлыми, но все равно она вынудила его покраснеть.

— Я вас давно ищущу. С тех пор как в прошлом году увидел вас в театре.

— Вот оно что? Так это были вы? — сказала она с улыбкой.

— Да, это был я.

— Тогда проводите меня.

После этой встречи они назначали свидания несколько дней подряд. Командир полка Рокоссовский всегда приходил без опозданий, минута в минуту. Молодые люди быстро нашли общий язык, будто они были знакомы давно. Как призналась Юлия, она тоже часто ходила в театр и каждый раз надеялась встретить того внимательного наблюдателя, но, увы, он так и не появился.

Девушка рассказала, что после окончания Троицкосавской гимназии она училась еще на дополнительных курсах, давших ей право преподавания в начальных классах, и что она педагог с двухгодичным стажем. Он узнал также, что в их семье одиннадцать детей и среди девочек она самая старшая.

Рокоссовскому нравилась ее не по годам житейская мудрость, рассудительность, умение слушать, не перебивая, а ее певучий голос просто завораживал его. Он все больше и больше думал: как же ее попросить, чтобы она стала его женой.

Возвращаясь к себе после свидания с девушкой, он был рад, что на излете третьего десятка, после многолетней кровавой войны, не огрубели его чувства и не остудилось сердце. Ему теперь казалось, будто в знойный летний день пронеслась гроза и омыла жаркое небо, унесла пыль и омоложила землю.

И вот пришла очередная суббота. Они встретились вечером у поймы мелководной реки Кяхты, где было оборудовано место для купания и стояло несколько скамеек.

Давно село солнце за горизонт; на востоке, над монгольской пустыней Гоби висела краюха луны; была прохладная весенняя звездная ночь. Вокруг — ни души.

Рокоссовский и Юлия сидели молча на скамейке и вслушивались в тишину. Когда его рука нежно опустилась ей на плечо, она доверчиво прильнула к нему, будто понимая, что судьба ее решена, хотя и мучили ее некоторые сомнения.

— Юленька, — вдруг заговорил тихим голосом Рокоссовский, прижал к себе девушку и поцеловал. — Я тебя очень люблю, выходи за меня замуж.

— Тише ты, задушишь, медведь, — проговорила она с дрожью в голосе. — Знаешь, Костя, ты красный командир, много видел, много знаешь, воевал за Советскую власть, вел борьбу, как сейчас говорят, с мироедами и кровопийцами. — Она замолкла и отстранилась от Рокоссовского.

— Юленька, говори дальше. — Он взял ее руки в свои теплые ладони.

— Мой дед, Иван Бармин, был купцом, да и отец не чурался купеческих дел, — сказала она, подняв на него глаза, в которых выступили слезы. — Вот мы и есть те мироеды и кровопийцы. Теперь что ты скажешь?

— Юленька, какое это имеет значение? Ведь я тебя люблю!

— погоди, Костя, это еще не все, — сказала она дрожащим от волнения голосом. — Мой старший брат Петр был есаулом в казачьих частях атамана Семенова. Правда, потом перешел со своей сотней к красным, но все равно получил десять лет, теперь отбывает срок в Сибири. Подумай, Костя, нужна ли такая жена красному командиру? Ведь наша семья... — Она не договорила, прижала его руку к своей щеке.

Рокоссовский ощутил на ней капли слез.

— Ты что, милая, вот уж не думал, Юленька...

— А знаешь, каким именем меня окрестили? — Она выкладывала все свои сомнения.

— Каким?

— Июлиания, — ответила тихо она. — В 20-м году я заменила на «Юлию».

— Очень хорошо. Ты не догадываешься, как я буду тебя теперь называть?

— Как?

— Люлю, отныне ты моя Люлю.

— Ой, какой ты смешной!

Вскоре они вернулись в город и долго бродили возле дома Барминых, обговаривая, как объявить родителям о их решении.

Назавтра, в воскресенье, Рокоссовский заехал за своей будущей женой на легковой машине, и они позволили себе небольшое путешествие — посетили музей декабристов в городе Селенгинске.

Ровно в полдень они подошли к месту, где были похоронены Николай Бестужев, жена Михаила Бестужева, его дочь и декабрист Торсон с матерью, приехавшей к нему за несколько дней до смерти.

Ансамбль памятников из черного мрамора, обнесенный якорной цепью, возвышался над окружающей местностью, словно маяк на самом высоком берегу океана.

Глубоко внизу, под скалистыми обрывом, кипела и до рези в глазах искрилась шустрая река Селенга. Через сотни километров ее синевато-серые воды, дробя на множество мелких речушек, принимал в свои широкие объятия седой Байкал.

Чуть ближе, по зеленому буераку, раскинулись руины домов старого казачьего селения. Низкорослые, кряжистые деревья, переплетенные хмелем и плющом, держали в осаде потемневшую от времени церковь, намертво приросшую к земле наперекор стихии.

Глухой плеск реки, ленивая игра солнечных лучей, восторженный крик каких-то серых птиц, паривших над селением, сухой и пахучий, как дыхание ребенка, теплый воздух, сизая дымка над зелеными скатами гор – все это наполняло душу Рокоссовского любовью к жизни, к неувядающей красоте природы. Он стоял возле памятника декабристам и не в силах был сдвинуться с места.

Он посмотрел на свою Люлю. В легкой светлой шляпке, защищавшей голову от палящего солнца, в розово-белом, как утренний туман над его родной Вислой, костюме, раскрасневшаяся от волнения, она нежно прижимала к груди охапку полевых цветов, собранных ее Костей, и мило-мило улыбалась. Она казалась ему самой прелестной женщиной на свете, олицетворением красоты этой природы, короткой и знойной забайкальской весны.

Через две недели состоялась скромная свадьба. В легком подпитии, кряжистый крепкий мужчина лет 60-ти, с роскошной курчавой, седой бородой, отец Юлии, Петр Иванович, заманив зятя в отдельную комнату, повел с ним откровенный разговор.

– Неужели тебе не надоела, сынок, военная служба? – спросил он, хитро заглядывая в глаза. – Жили бы у нас, дом большой, хватило бы места всем. Я вижу, ты мужик крепкий, сообразительный, глядишь, жили бы не хуже других.

– Я думал об этом, но тяга к военной службе – крепче моей воли. Я пришел к выводу, что военная служба не только моя профессия, но и моя судьба.

– Как ты думаешь, может, все-таки пройдет поруха и мы опять заживем как люди? – Прокуренными пальцами старик достал портсигар, угостил зятя папиросой и сам закурил. – Или будешь продолжать обирать тех, кто нажил добро своим горбом?

– Заживем, Петр Иванович, обязательно заживем. Ради чего надо было заваривать всю эту кашу? Только ради хорошей жизни всех людей.

– Хотя у нас и окраина России, но жили мы дай бог каждому, – сказал отец, прикуривая погасшую папиросу. – Кого только не увидишь, бывало, на улицах нашего города? Купцов – да не из одних сибирских городов – от Нижнего, из Казани, из са-

мой Москвы наведывались гости. А сколько в этой сутолоке было татар, бухарцев, калмыков, тунгусов? Не счастье. Скотоводы, купцы, охотники...

Рокоссовский заметил, что старик тоскует по торговому делу и понимает в нем толк.

– Мягкой рухляди – завались: бобры, выдры, соболи, белки, песцы, – охотно продолжал Петр Иванович, заметив в глазах зятя неподдельный интерес. – Все это обменивалось у китайцев на шелка и бархаты, на ремень, сахар, на фарфоровую посуду. Скажу я тебе, Костя, откровенно: у нас был порядок. На протяжении нескольких верст с российской стороны стоял широкий прогон, а перед самой Кяхтой – плотина и мост с большим шлагбаумом, чтобы всякий едущий к границе со своим товаром не прошмыгнул мимо таможни. О, с налогом было строго.

Петр Иванович в запале продолжал бы изливать душу и дальше, но в комнату зашла Юлия.

– Папочка! Ты зачем увел жениха? Гости кричат «горько», а мне целоваться не с кем, – сказала она, изображая на счастливом лице обиду.

– Костя, иди целуйся, а я посижу здесь, – засмеялся отец.

Глава третья

1

Годовой круг обернулся для Рокоссовского семейным счастьем – появилась на свет дочка Ариадна. Первое время он ее почти не видел – был на курсах в Ленинграде. Потом возвратился снова в Забайкалье.

Летом 1926 года он вывел личный состав бригады для полевой учебы на берег реки Уды. Он свято выполнял свое правило: если хочешь, чтобы солдат не дрогнул в бою, – закаляй его перед боем. У него были грандиозные планы по совершенствованию полевой выучки бригады.

Но заниматься не пришлось – первого июня Рокоссовский получил приказ: передать бригаду и убыть к новому месту службы.

Этим новым местом службы была Монгольская народная республика, где ему отводилась роль инструктора первой кавалерийской дивизии. К этому назначению он отнесся двояко. С одной стороны, после учебы в Ленинграде, он в глубине души лелеял смутную надежду о переводе в европейскую часть союза,

где давно служили его сверстники Г.К. Жуков, А.И. Еременко и И.Х. Баграмян, а с другой – он привык к Забайкалью, полюбил его красивую и уникальную природу, нашел здесь настоящую любовь, личное счастье. Правда, иногда возникал сам по себе вопрос: почему его все время держат здесь, подальше от западной границы? Приходили разные мысли, но он от них отбивался как от назойливых мух. «Сиди, Костя, в этих краях, как гвоздь, заколоченный по самую шляпку, и не держи ни на кого обиды», – усмехался он своим мыслям.

Народно-революционная армия нуждается в помощи, и его опыт здесь пригодится. Он знал, что в этой стране уникальные условия для охоты и рыбалки, в случае чего – можно будет отвести душу. Природа для него была лучшим отдыхом, советчиком и другом. Он хорошо помнил слова Эпикура: «Если в жизни ты сообразишься с природой, никогда не будешь беден, а если с людским мнением, то никогда не будешь богат».

Как бы то ни было, пришлось готовиться в дорогу. У Рокоссовского где-то глубоко в сердце закралась тревога: как перенесет путешествие малыш Ада? Он неоднократно бывал в Монголии и хорошо знал климат этой страны – зимой не прикрытая снегом земля выстуживается до минус сорока градусов, летом стоит такая жара, что сворачиваются листья, словно их обожгли огнем. А земля нагревается до шестидесяти градусов. Весной, после дневной жары, вдруг ударяет сильный мороз и все вокруг замирает. Такой разницы между дневной и ночной температурой нет больше нигде – ни в Якутске, ни на Диксоне. О своем беспокойстве он жене не сказал – она была и так не в восторге от предстоящей поездки.

Рокоссовскому пришлось ломать голову над созданием походного уюта для девочки. Для нее была построена специальная детская кроватка. Ее прикрепили к повозке, а сверху соорудили пятнистый зонт, напоминающий мухомор.

Через несколько дней три повозки выехали из Верхнеудинска, где располагался штаб бригады, в Кяхту.

Проводы и прощание затянулись надолго. Дедушка Петр и бабушка Анна не знали, как угодить своей любимой внучке: то приносили подушки, то носочки, то разбавленный водой мед.

– Милые детки, смотрите за нашей крохой, – говорила бабушка Анна, вытирая слезы. – Вы же везете ее в тмутаракань.

Ада смотрела на всех живыми, умными не по возрасту глазами и улыбалась.

– Ишь как она рада, смеется себе – и всё, – говорил дедушка Петр. – Ничего, ничего, все будет хорошо. Напрасно ты, Анна, расстраиваешься. Род Барминых живуч.

Поближе к полудню, пятого июля, Рокоссовские покинули Кяхту.

2

Дорога шла по ровной, как стол, степи. На первой повозке сидел возница-монгол, сносно владеющий русским языком, – его специально прислали из Урги для сопровождения Рокоссовского. Вторую повозку занимала Юлия с дочкой, а на последней находился Рокоссовский. Эта повозка была загружена походной юртой и другими дорожными принадлежностями. Ружье и удочки, на прощание подаренные комбригу руководством областного комитета партии и правительством Бурят-Монгольской АССР, были всегда под рукой. Все телеги были крытыми.

Стоял июльский знойный день. Над путниками широко опрокинулся голубой купол неба, а вокруг простиралась рыжая, широкая степь. Далеко, на самой кромке горизонта, как сказочные привидения, маячили отроги горных хребтов.

Дороги не было видно, но монгол вел этот небольшой караван по едва заметной колее.

Рокоссовский соскочил в повозки и подошел к жене.

– Дочурка спит?

– Да, только что поела и уснула.

– Как настроение?

– Так себе.

– Привыкай, милая Люлю, к кочевой жизни. Знала, за кого выходила замуж.

Хрустели по гальке колеса, будто на ленивых волнах, покачивалась походная спальня. С небольшими остановками они ехали уже более девяти часов. Внезапно наступила ночь. По дороге попадались юрты, вокруг них пылали костры.

Рокоссовский, положив руки под голову, устремил взгляд в небо. Ему казалось, что он ни разу не видел такого темного бездонного неба, столь ярко горящих звезд. Все это было похоже на необычайно громадный купол цирка, густо усеянный искусственными огнями. Прислушиваясь к монотонному скрипу колес, он невольно улыбнулся: его жена и дочь беззаботно спят в самом сердце Азии, где когда-то земля гудела от грозных всадников Чингисхана и Батыя.

Они остановились на ночлег на берегу небольшой речки Буры.

Утром Рокоссовский проснулся очень рано, когда монгол только что увел лошадей на водопой, а дочка и жена еще спали.

На востоке багряным отсветом горел горизонт. Мохнатый прозрачный сумрак высвечивал обширную долину, на которой паслись овцы, лошади и верблюды.

Вскоре проснулись жена и дочка. Рокоссовский никогда не думал, что такими восторженными и душевно глубокими могут быть отцовские чувства. С тех пор как родилась Ада, он отдавал ей все свободное время. И теперь, едва она проснулась, он ее умыл, накормил и отправился с ней гулять. Малышка только что научилась ходить: она то стояла и лепетала «папа, мама», то шла, то, держась за отцовскую руку, бежала. У отца ликовала душа — он поднимал ее, как пушинку, и целовал в пухленькие щечки.

Юлия, счастливо улыбаясь, наблюдала за ними и не скрывала радости.

Уже поднялось солнце и начало подогрывать землю. Отец поднес девочку к ближайшей юрте. Они вместе наблюдали, как полутолый карапуз — от горшка два вершка — ведет на веревочке здоровенного верблюда, подводит его к тюкам. Пожилой монгол кричит: «Сок!» — и по этой команде верблюд покорно опускается на колени и спокойно ждет, пока его навьючат. А рядом ждет своей очереди другой верблюд, который привязан к воткнутой в землю палочке. Выдернуть палочку или порвать веревочку для верблюда не составляет никакого труда, однако он этого никогда не сделает: верблюд понимает, что его привязали.

3

Монгольские пустыни были очень похожи на степи Даурии, где Рокоссовскому приходилось воевать. Но по мере продвижения к столице Монголии начала появляться гористая местность, сосновые и березовые леса, склоны холмов, сплошь покрытые багульником. Лошади шли тяжело, а потом и вовсе остановились — пришло время их кормить.

Глухо шумел лес. Рокоссовский взял на руки дочку и пошел на гулкий и дробный стук. На сосне сидел дятел, наряженный в темно-синий фрак с красным подбрюшником и белым галстуком. Он, деловито разглядывая результаты своего труда, старательно долбил клювом.

Лес и горы мало-помалу редели, и постепенно появились песчаные холмы, а за ними глубоководная река. Здесь они остановились на ночлег.

Утром Рокоссовский уговорил монгола пойти на рыбалку. Над рекой висел густой туман; было прохладно. То тут, то там появлялись на воде круги — резвилась рыба. Рыболовы забросили удочки. Почти мгновенно поплавки задрожали и пошел ко дну. Рокоссовский умело подсек и начал подводить рыбу к берегу, а затем выбросил ее на поверхность. На солнце затрепетали всеми цветами радуги громадных размеров сит.

Поминутно рыбаки вытаскивали то чебака, то сига, то крупного тайменя.

— По нашей буддийской вере, рыбу ловить категорически запрещается, — сказал монгол.

— Почему?

— Рыба является живым существом, и ее душа в будущем вполне может переродиться в человека, может, даже она уже была человеком и попала в воду за какие-то грехи.

— А как же овцы, лошади, которых вы употребляете в пищу? Это соответствует буддийским представлениям о неприкосновенности всего, что живет на земле?

— Это исключение: мясо — единственная пища в наших монгольских степях. И без шкур животных мы обойтись не можем. Конечно, тут имеется противоречие, но наши ламы на это внимания не обращают.

— В христианстве тоже имеются противоречия, — произнес Рокоссовский, следя за поплавком. — Бог велел человеку обрабатывать землю и питаться ее дарами. Каин занимался земледелием, а ведь Авель пас овец. Вряд ли бы он стал пастухом только для того, чтобы играть на свирели и любоваться своими овцами.

— Откуда вы знаете христианскую религию? — удивился монгол.

— Когда учился в польской школе, а затем в гимназии, Закон Божий был обязателен для всех.

— Раньше я был ламой, — сказал монгол, — потом меня засосала торговля.

— Где вы усвоили русский язык?

— О, я более двенадцати лет имел дело с вашими купцами.

— Коротко поясните: в чем суть буддийского учения?

Монгол отложил в сторону удочки. Он не спеша набил трубку табаком и, глубоко затянувшись, сказал:

— Божественный дух рассеян по миру маленькими частицами. Каждый человек носит эти частицы в себе. Спасение человека в постоянном общении с хорошими друзьями. На небесах — это буддисты и будды, а на нашей земле — ламы. Будды могут являться в мир в образе человека. И на земле самый добрый друг — это лама. Освещая путь светом его наставлений, человек может надеяться на счастливое перерождение после смерти.

— А чему учит ваш лама? — спросил Рокоссовский. Он полагал, что для работы с малограмотными монголами эти сведения могут пригодиться.

— Прежде всего надо избегать черных грехов и следовать белым добродетелям.

— Это как понимать? — Рокоссовский поднялся и закинул удочку почти на самую середину реки.

— Девять черных грехов человеческих делятся на три разряда. Первый — это грехи тела: воровство, убийство и всякий блуд. Ко второму разряду принадлежат грехи языка: злословие, клевета, ложь. К третьему — грехи, совершенные мыслью: злоба, зависть, неверие. Достигнуть святости может только тот, кто верит в Будду. И те, кто не знает истинной веры, хотя и имеет человеческий облик, носят в себе все признаки животного. Кто не верит в буддизм, те обречены на вечные страдания. После смерти душа человека, исповедующего ложную религию, может за грехи возродиться в теле какого-нибудь зверя или вот в такую рыбу. — Он кивнул на ведра, в которых шевелилась рыба.

Рокоссовский, погруженный в думы, смотрел на реку, по берегам которой важно расхаживали дикие гуси. «Самое главное во всякой религии, — подумал он, — это ответ на вопрос: как жить человеку на этой грешной земле и что станет с ним после смерти».

Вскоре беседа закончилась — пора было двигаться дальше.

4

К вечеру они добрались до широкой и бурной реки. Здесь же решили перебраться на другой берег и заночевать. У переправы находились четверо монголов. Ни паром, ни лодок у них не было, лишь у обросшего тальником берега болтались на привязи несколько сколоченных попарно бревен. Монголы называли их батами. Воды в реке было чуть выше пояса, но сильное течение сбивало с ног. Лошади с трудом были переправлены вброд, а телеги загрузили на баты. Переправлять сразу жену и дочку Ро-

коссовский не решился. На каждом бате находились по двое монголов. Они смело входили в воду, поворачивали бревна торцом к берегу и удерживали их в таком положении, пока другая пара грузила повозку. Телега ложилась на бревна, колеса по самую ступицу погружались в воду. Бурная река норовила унести бат по течению, но монголы длинными шестами удерживали его и направляли к противоположному берегу.

— Мне страшно за них, — с тревогой в голосе говорила Юлия. — Один неосторожный шаг — и они полетят в стремнину.

Но монголы, ловко орудуя шестами, уверенно выполняли свою работу.

Рокоссовский вместе с ними переплыл туда и обратно и пришел к выводу: можно перейти реку только на верблюде.

Монгол договорился с погонщиками, которые выделили са-мого сильного двуторбого верблюда с седлом. Рокоссовский переправил на противоположный берег жену, потом дочку. Ада сначала боялась садиться на верблюда, а потом не хотела с него слезать.

После короткого ночлега снова тронулись в дорогу. Почти до самой Урги дорога вилась по взгорьям и волнистым долинам. Воздух был насыщен запахами полыни и чабреца.

По дороге то и дело попадались поклонные холмы. Это были памятники степного суеверия. Рокоссовские не раз наблюдали, как монгол, проезжая мимо такого места, слезал с коня, обходил холм с юга и, повернув лицо к северу, бил несколько земных поклонов, очень громко произносил несколько гортанных слов и бросал на холм то, что оказывалось под рукой, — камни, ветку, кусок материи, а то и длинную трубку. Один укреплял на вершине холма желтый платок, другой — несколько пестрых лоскутков или же пучок конских волос.

На следующий день до Урги оставалось километров двадцать. Дорога круто пошла вверх на перевал Гэнтэй — самый высокий из тех, какие им попадались на пути. Ехать было тяжело — снег сделал дорогу скользкой и опасной. С вершины хребта была видна долина, на которой раскинулась Урга. Чем ближе подъезжали к ней, тем оживленней становилась дорога. Навстречу попадались всадники, длинные караваны верблюдов.

По широкой пустынной улице они въехали в город. Юлия Петровна все ждала, когда же появятся городские строения. Но вот они оказались на пустынной площади, и, к удивлению Рокоссовских, монгол объявил, что это центр города. Кругом ни

одного дерева, за глухими высокими заборами не было видно ни зданий, ни даже юрт. Они проехали еще километра полтора и остановились у деревянного домика, где стоял часовой.

5

Работы в Монголии было непочатый край. Пришлось заново создавать армию, которая отвечала бы требованиям военно-политической обстановки. В подчинении Рокоссовского находилось большое количество советских командиров, работающих инструкторами в подразделениях — от эскадрона, роты, батареи, до дивизиона, полка и бригады. Они воспитывали кадры, занимались формированием соединений, частей, их штабов.

Кавалерийские качества монголов вызывали восхищение. На учениях монгольские командиры и бойцы — цирики — лихо джигитовали, однако слабо владели пашкой и пикой. Личный состав не имел постоянных лошадей, а лошади постоянных хозяев. Каждая часть располагала своим табуном. Для боевой подготовки из табуна поочередно пригоняли лошадей, которых через несколько месяцев снова меняли.

Рокоссовскому пришлось не только решать вопросы боевой подготовки, но и заниматься ликвидацией безграмотности среди цириков. И тут ему очень пригодились знания по буддийской религии.

Подразделения были разбросаны по всей стране. Приходилось бывать и в горно-лесистых районах севера, и в степях юга, где брала начало пустыня Гоби. Единственной отдушиной для Рокоссовского была охота.

В трудах и заботах шел месяц за месяцем. Многие начинания в армии он довел до конца, кое-что не получилось — не по его вине. Бедность и нищета давали о себе знать и в армии. Монгольское правительство, народно-революционная партия прилагали немалые усилия, но катастрофически не хватало денежных средств.

Весна 1928 года вошла в силу и клонилась к лету. От жары, казалось, плавилась камни, а ядовитая горячая пыль проникала даже через закрытые окна домика.

Вечером Рокоссовский готовился к очередной командировке. Он заметил, что Юлия Петровна была грустной, какой прежде он ее не видел. Это настроение передалось и дочери, которая вытянулась, повзрослела. И вот они обе начали хандрить. С семьей он бывал мало — мотался по стране день и ночь. Таков уж

у него был характер — если брался за любое дело, то считал его в данный момент самым важным и с упорством доводил до конца.

— Люлю, что случилось? — спросил он, заглядывая жене в глаза.

Она обронила несколько ничего не значащих фраз и замолчала.

— Ты не хочешь со мной разговаривать?

Она посмотрела на него с упреком, с нежностью, посадила возле него Аду, села сама и сквозь слезы сказала:

— Костя, дорогой, я здесь больше не могу. Я очень устала. Сижу, как сова, в этом гнезде и никакого просвета не вижу. Общаться здесь не с кем. Нет ни подруг, ни... А, что говорить! У тебя работа, ты постоянно занят. А я?..

Рокоссовский сочувственно смотрел на жену и молчал.

Юлия взяла на руки хныкающую дочку и подняла на мужа глаза.

— Ты извини, Костя, я все понимаю.

— К концу лета, думаю, мы отсюда уедем. Потерпите немного.

— Да, папочка? — Дочь уселась к нему на колени, обняла за шею и поцеловала. — Скажи, мы уедем?

— Да, доченька, уедем.

— Ой, как хорошо.

Глава четвертая

1

Жизнь Рокоссовского вошла снова в обычную колею — похулевший, смуглый от загара, он вернулся из Монголии и в октябре 1928 года стал командиром все той же 5-й Кубанской бригады и ее военным комиссаром. Это совпало с введением единоначалия в Красной Армии. Теперь ответственность командира за все стороны жизни бригады значительно возрастала. Этой же цели служила и учеба командиров. В январе 1929 года Рокоссовский был командирован в Московскую область на двухмесячные курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС).

Кончилось его одинокое двухгодичное теоретизирование в Монголии, и он набросился на военную науку с неистощимой жадностью. Он не оставлял в покое ни одного преподавателя, заводил с ними споры и смелые дискуссии.

Еще до курсов он изучил труд Шапошникова «Мозг Ар-

мии». Особенно будоражила его ум книга заместителя начальника штаба РККА В.К. Триандафилова «Характер операций современных армий». Он был знаком с работами М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевского, С.С. Каменева и немецкого военного бога Клаузевица*.

Профессор Егоров как-то признался своему напарнику:

— Я удивляюсь Рокоссовскому. Он хорошо разбирается не только в тактике, но и в стратегии военного искусства. Я пришел к выводу, что он на голову выше многих наших слушателей.

— Это, дорогой мой, будущий полководец. Ты не замечал, сколько в нем сдержанной энергии, тонкого юмора и красивого таланта.

— Ишь загнул: «красивого таланта».

— Да, да, запомни это, Мирон. Между прочим, я с ним тоже согласен, что будущая война будет характеризоваться стратегией сокрушения, а не войной на измор, как мы часто об этом говорим.

— И ты туда же.

— Да, и я туда же, куда твой оппонент Рокоссовский.

— Мало того, он ставит под сомнение некоторые пункты моего мобилизационного плана.

— И правильно делает, над этим тоже следует подумать.

— А как насчет военного бюджета и линии Генштаба в этом вопросе?

— Об этом с Рокоссовским можно поспорить.

2

Закончив курсы, Рокоссовский в апреле 1929 года снова возвратился в Забайкалье, к своим кубанцам, к которым за годы службы проникся искренним уважением.

После Монголии ожила и семья. Жена устроилась на работу в детский сад и взяла с собой Аду.

Бригада Рокоссовского прикрывала границу с Китаем пограничной реке Аргуни. После Гражданской войны восточная граница СССР была тревожной и опасной, а с конца 1928 года обстановка еще более обострилась.

Китайские милитаристы, поддерживаемые США, Англией и Францией, а также белоэмигрантами, нашедшими приют на территории Маньчжурии, летом 1929 года захватили принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу

(КВЖД)*, грубо нарушив тем самым заключенное в 1924 году советско-китайское соглашение о совместном управлении дорогой. Более двух тысяч служащих КВЖД были арестованы и брошены в концлагеря.

На дальневосточных границах от Владивостока до станции Маньчжурия совершались налеты китайских солдат и белогвардейцев. Особенно жестокостью отличались набеги на станцию Маньчжурия и у 86-го разъезда. За несколько месяцев были убиты десятки красноармейцев и мирных жителей.

Неоднократные протесты Советского правительства к положительным результатам не приводили. Китайское командование подтягивало силы и готовилось к крупным военным операциям. По городу Маньчжурия маршировали молодчики из мукденского «Отряда уничтожения СССР», распространялись воззвания, на которых советский Дальний Восток включался в состав Китая. Оставалось единственное средство — проучить провокаторов и заставить их образумиться.

Была поздняя осень, а в Бурятии это уже начало зимы. На дворе стоял крепкий мороз, жгучим северным ветром тянуло со стороны Байкала.

Именно в это время Рокоссовский получил приказ о совершении бригадой форсированного марша к месту дислокации. Комбриг дал соответствующие распоряжения и поздно вечером заехал домой.

— Милая Люлю, спасибо за ужин, я уезжаю.

— Куда?

Рокоссовский посмотрел в чистые и робкие глаза жены и не смог скрыть правды.

— Я уезжаю на небольшую войну.

— Опять?

— Да, опять.

— Боже мой, когда же все это кончится? — спросила она испуганно. — Когда?

— Это от меня не зависит.

Он подошел к кровати, где, улыбаясь во сне, спала Ада, прикоснулся губами к ее щеке и тихо произнес:

— Спи спокойно, моя красавица, я скоро вернусь, и мы с тобой обязательно поедем на рыбалку.

Он взял походный чемодан и не торопясь направился к выходу.

— Береги себя, родной. — Юлия прильнула к его груди, стара-

ясь скрыть слезы. — Мы тебя очень любим. Помни об этом на той проклятой войне.

— Буду помнить, — сказал Рокоссовский и ободряюще улыбнулся. Он поцеловал жену и вышел.

Полки бригады были рассредоточены на большом расстоянии друг от друга, и им пришлось совершать длинные переходы.

Части бригады, выступившие во главе с командиром, за сутки прошли более ста километров. Вскоре подтянулись другие полки и конно-артиллерийский дивизион.

Сумеречным вечером Рокоссовский с командирами частей прибыл в станицу Олочинскую, которая более чем на версту раскинулась на левом берегу Аргуни.

Вокруг было пустынно, тихо, лишь изредка где-то лаяла собака да над несколькими домами курился дымок. Пограничное село почти опустело, на пепелищах домов как памятники варварству торчали черные печные трубы.

Китайские солдаты из крепости Шивейсян почти постоянно вели огонь по селению.

За сопкой командиры отыскивали отдельный домик, в котором еще теплилась жизнь. Его обитатель, пожилой мужчина, вручил Рокоссовскому резолюцию, которую приняли оставшиеся жители станицы:

«Мы просим Советскую власть и командование Дальневосточной армии принять такие меры против белокитайских бандитов, от которых они не очухались бы и в будущем не посмели бы издеваться над людьми и мешать мирному труду».

Старик рассказал Рокоссовскому, что два дня назад с китайской стороны были сброшены пять мешков с отрубленными головами русских железнодорожников.

— Мы обещаем вам, отец, что защитим вас от дикарей, — сказал Рокоссовский.

Боевой приказ бригаде гласил: перейти в наступление от Абагатуевской сопки, выйти на линию железной дороги, остановить противника с северо-запада и уничтожить гарнизон Чжалайнор.

17 ноября, в час ночи, после тщательного обследования дна реки, три полка бригады и конно-артиллерийский дивизион пошли в наступление.

Колючим снегом хлестал ветер в лицо, слепил глаза, туманная изморось и скользкий лед на реке Аргуни изводили лошадей. Под Рокоссовским горячился его буланый конь, колесом изгибая

могучую шею. Он грыз удила, рвал из рук хозяина поводья и, мелко перебирая ногами, шел боком поперек реки и против ветра.

К семи часам утра 75-й полк вышел к линии железной дороги в тыл Чжалайнорского гарнизона.

Появление кавалеристов Рокоссовского в тылу ошеломило китайцев. Они пытались вывести из крепости часть своих войск, но уже было поздно — железная дорога была перерезана. Замысел комбрига атаковать поезд 74-м полком оправдался. Разрозненные группы противника были уничтожены или взяты в плен.

Как и предполагал Рокоссовский, китайское командование бросило на выручку гарнизону новые силы со стороны Халайнара и пыталось ударить во фланг бригаде, но противник с большими потерями был отброшен.

Захватив поезд и отбив контратаки, бригада переправилась через протоку и закрепилась на южной окраине крепости в районе сопки «Мать».

Однако наступление пришлось остановить — замедлилось движение стрелковых частей, которые должны были атаковать Чжалайнор с севера.

Намеченная на вечер атака крепости не состоялась. На занимаемых позициях бригаде пришлось провести всю ночь. Ночевка эта была тяжелой: под открытым небом, при низкой температуре и холодном ветре. Командование бригады не имело возможности эвакуировать раненых. Положение усложнялось тем, что не было воды, горячей пищи. Люди валились с ног. Ведь это они в течение двух дней под сильным ружейно-пулеметным огнем, пронизываемые ледяным ветром, преодолевали крутые голые каменные сопки, изрытые рвами и окопами.

С утра 18 ноября совместно со стрелковым полком кубанцы возобновили наступление на Чжалайнор.

Часть войск противника все же смогла вырваться из крепости и направиться на юг, но комбриг перерезал им дорогу 75-м полком.

Не сходя с коня, Рокоссовский подозвал к себе штабиста.

— Я буду вон на той высоте, — ручкой нагайки показал он на вершину. — Отдельное дерево видишь?

— Вижу!

— Передай командиру 74-го полка, пусть прекратит атаковать крепость в лоб, а обойдет ее с левой стороны в направлении водонапорной башни.

Поднявшись на вершину горы, Рокоссовский спешил, привязал коня к дереву. Вся долина, где располагалась крепость, была как на ладони. Отсюда уходили связисты и штабные работники для передачи распоряжений комбрига. В течение двух часов шел ожесточенный бой. К одиннадцати часам сопротивление противника было сломлено.

После взятия Чкалайнора бригада передокнула и уже на следующий день была переброшена на станцию Маньчжурия, где приняла участие в уничтожении окруженного гарнизона.

20 ноября генерал Лян Чжуцзян отдал приказ о капитуляции.

Этот бой запомнился Рокоссовскому на всю жизнь — он был последним боем, которым он руководил в качестве кавалерийского командира. За него он получил третий орден Красного Знамени.

Более месяца, пока шли изнурительные переговоры об урегулировании конфликта, бригада стояла в Чкалайноре.

Китайцы, не замешанные в конфликте, остались в городе и вели привычный образ жизни. Здесь жили рабочие, занятые в угольных родниках, ремесленники, купцы, крикливые нищие. Центр города был запружен лошадьми, мулами, осликами. Китайцы копшились как в муравейнике. Многие из них понимали русский язык и сносно на нем объяснялись. Видимо, приграничная торговля, общение с русскими железнодорожниками, белыми эмигрантами давали о себе знать.

Была бесснежная и морозная зима. На отопление казарм не хватало дров. Пришлось обращаться к местному начальству за помощью.

Когда Рокоссовский подошел к чиновнику, руководившему разгрузкой угля, тот сдержанно и с достоинством поклонился.

— Здравсайте, — сказал он, прижимая кулаки к груди. — Здравсайте.

— Здравствуйте, — ответил Рокоссовский, улынувшись. — Спасибо за помощь.

Китаец достал из кармана листок бумаги.

— Пи-ши-ча.

— Расписаться за уголь?

— Таки-таки. Пи-ши-ча.

Рокоссовский заметил, что у отдельных грузчиков были длинные-длинные косы, мешавшие им работать. Чтобы они не болтались, один засунул ее за пояс, другой, скрутив на макуш-

ке спиралью, плотно прикрыл ее войлочной шляпой с приподнятыми вверх полями.

— Господин начальник, зачем они носят косы? — спросил Рокоссовский. — Они же им мешают. Разве нельзя их укоротить или совсем обрезать?

— Нелизя.

— Почему же вы обходитесь без кос?

— Ихани китайца, а наша — маньчжур. Коса маньчжур носи надо. Така знака.

— Знак верноподданства, что ли?

— Во-во, так, так. Наша императора велела поданный голова чисто брити. Косы большой толика макушка надо.

Из рассказа чиновника Рокоссовский понял, что после завоевания Китая император маньчжуров Кан Си издал указ, чтобы подданные брили головы и носили косы. Приведение указа в исполнение поручалось цирюльникам. С мечом в одной руке, с бритвой в другой они обходили свои участки, предлагая каждому китайцу на выбор — постригаться или лишиться головы. Не обошлось без протестов, возмущений, даже бунтов.

— И все-таки, как же удалось выполнить такой трудный указ? — спросил Рокоссовский, с любопытством наблюдая за китайцем.

— Императора Кан Си хорошо думай, и тогда вся китайца коса носи.

— И что же он такое придумал?

Оказалось, что Кан Си был человеком очень остроумным. Он запретил носить косы монахам, преступникам и низшему сословию. И коса сделалась как бы знаком привилегий каждого порядочного и честного человека.

— Неглупый человек был ваш император, — рассмеялся Рокоссовский.

— Така-така, он и мангула сопсем-сопсем бояси нету.

— А почему он не боялся монголов? Ведь они наводили ужас на весь мир? — спросил Рокоссовский, бросив на собеседника любопытный взгляд. Находясь в Монголии, он так и не нашел ответа на вопрос: почему монголы утратили былую воинственность и стали такими покладистыми.

— Мангула при Кан Си сопсем-сопсем ослабали.

— Почему они ослабли?

— Кан Си много думай, и лама их ослабали.

— Это интересно.

Рокоссовский услышал любопытную точку зрения. Одно из важных политических соображений Китая — это управление Монголией посредством буддизма. Угроза неотвратимого возмездия за грехи обуздала их неумную свирепость. А буддийское чувство милосердия истребило в монголах страсть к убийству.

Глава пятая

1

В боях во время конфликта на КВЖД Кубанская бригада показала превосходные боевые качества. Ее командир Рокоссовский за годы, прошедшие со времени окончания гражданской войны, многому научился, а богатый военный опыт, смекалка позволяли достигать в бою самых оптимальных результатов.

В конце декабря 1929 года бригада оставила Китай и была переведена в Читу. В это время среди командиров Красной Армии продолжался оживленный спор о возможности применения кавалерии в будущих военных конфликтах. Рокоссовский признавал роль артиллерии и танков в современном бою (несколько десятков танков участвовали в Чкалайнор-Маньчжурской операции). Он видел в них решающую силу в будущей войне. Он также считал, что конницу списывать еще рано.

В своих «Выводах и пожеланиях по рассмотрению боевых действий, проведенных 5-й отдельной Кубанской кавбригадой» ее командир писал:

«Действия в конном строю при борьбе с китайской армией наших дней, конные атаки являются одной из наиболее частых форм боя».

Рассматривая все стороны применения кавалерии и ее взаимодействия с другими родами войск, Рокоссовский напоминал: «Действия частей бригады в конном строю (конные атаки) имели место в течение всех трех дней операции и себя оправдали, так как конными атаками противнику был нанесен наибольший ущерб».

Бригада размещалась в старых из красного кирпича царских казармах. После боев и многоверстных переходов она приводила себя в порядок. Бойцы и командиры чистились, чинили обмундирование, мылись в бане. Через неделю бригаду было не узнать — она представляла собой стройное и организованное соединение.

В начале 1930 года командующий Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер направил в бригаду делегацию Коммунистического интернационала. Он объяснил Рокоссовскому мотивы: Кубанская бригада одна из лучших и у вас есть что показать.

«После приема у Блюхера, — вспоминает председатель делегации Зенон Новак, — мы посетили части, которые возвратились из района боевых действий. Мы с волнением и с восхищением приветствовали героических красноармейцев. В памяти осталась особо приятная встреча с кавалеристами. Их молодой, стройный командир, когда узнал, что я поляк, обратился ко мне, к моему удивлению, по-польски. Представился — Рокоссовский».

Константин Рокоссовский соскучился по родному языку, по родине, и делегация вынуждена была задержаться более чем на час, чтобы удовлетворить любопытство командира бригады. Он подробно расспрашивал своего земляка о том, как живет польский народ, Варшава, о районе, где прошло его детство, о мосте Понятовского, который он облицовывал своими руками.

Вскоре командир бригады получил в Чите квартиру и уже собирался перевезти туда жену и дочку, но не успел осуществить свою мечту — Рокоссовский внезапно получил назначение в Белорусский военный округ на должность командира дивизии. 7-я Самарская кавалерийская дивизия, которой предстояло командовать Рокоссовскому, дислоцировалась в районе Минска. В послевоенные годы ее возглавляли прославленные командиры: Н.Д. Каширин, Г.Д. Гай, Д. Сердич. Дивизия подчинялась 3-му кавалерийскому корпусу, которым командовал С.К. Тимошенко, будущий маршал и нарком обороны СССР.

Юлия Петровна — дитя Забайкалья, простодушно верила, что лучше ее родины на свете нет. Поэтому известие о переводе в Белоруссию она восприняла с грустью. Ей жаль было расставаться с большой дружной семьей, с отцом, матерью, которые ее часто посещали и помогали чем могли.

Рокоссовского это назначение удивило. Ведь он давно свыкся с мыслью, что его служебный удел — Дальний Восток. И все же через три дня они собрались в дальнюю дорогу. На Читинском вокзале их провожал Петр Иванович; в валенках, в меховой шапке, в овчинном тулупе он был похож на старинного русского купца. Перед отходом поезда он взял на руки свою любимую внучку, прижался к ней колючей бородой и, смехом смахивая набегавшую слезу, сказал:

— Живите, детки, дружно. Не успеешь и глазом моргнуть, глядишь, а на пороге старость. Берегите внучку... Может быть, я ее больше не увижу...

— Увидимся, папа, мы обязательно еще увидимся, — проговорил с дрожью в голосе Рокоссовский, глянув на плачущую жену.

— Дедуленька, мы будем и к тебе и к бабушке приезжать, — сказала Ада.

Мороз в это утро был таким жестоким, что воробьи замерзали на лету. Забайкальская лютая стужа злилась вовсю. Казалось, что все вокруг: дома, деревья, провода, бесснежные сопки, — все покорилося морозу, застыло.

Рокоссовский, держа на руках Аду, стоял рядом с женой, по щекам которой катились горошинки-слезы, и смотрел в окно. Поезд, сердито пытаясь, набирал скорость. Петр Иванович стоял на перроне и махал рукой до тех пор, пока последний вагон не скрылся в холодном синем мареве.

2

Самарская дивизия имела три бригады и насчитывала довольно-таки большое количество, как тогда часто говорили, едоков — около семи тысяч. Командиром одного из четырех полков, а затем комбригом был Г.К. Жуков. После Ленинградских курсов они не встречались и теперь рады были друг другу как старые знакомые.

Маршал Жуков в воспоминаниях пишет:

«...Я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт боевой подготовки и воспитания личного состава. Я приветствовал его назначение и был уверен, что К.К. Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой умел ценить и развивать инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием».

Уже тогда Рокоссовский высоко ценил талант Жукова, этого невысокого, физически крепкого, решительного и деятельного командира, не предугадывая, как переклестнутся их военные дороги, какие возникнут между ними споры, какие почетные роли уготовила им история.

Рокоссовские поселились в небольшом одноэтажном деревянном домике в южном пригороде Минска Ратомке. Это была чистенькая, уютная деревня, насчитывавшая около сотни домов. Казалось, сама природа создала этой деревушке, расположенной в сосновом бору, счастливое предназначение — радовать людей здоровым смолистым воздухом, прелестью яблоневых и вишневых садов.

Шли дни за днями, месяц за месяцем и вот уже наступило лето 1931 года. Жизнь в это время в Минске, да и во всей Белоруссии, как заметили Рокоссовские, шла в каком-то особом, свойственном для белорусов мажорном ключе. Атмосфера революционного энтузиазма, жизнерадостности, бодрости пронизывала ее насквозь, хотя люди чувствовали, что внутреннее и внешнее положение страны было не из легких.

Дивизия Рокоссовского прикрывала границу с Польшей, которая не питала дружеских чувств к нашей стране, и напряженность отношений чувствовалась здесь более остро, чем на Урале, в Забайкалье или даже в столице.

Граница проходила чуть ли не у порога квартиры Рокоссовских, почти в двух десятках километров.

Хозяйство республики, как и всего государства, переживало еще первые этапы восстановления после десяти лет войны, революции и разрухи. Не хватало хлеба, промышленных товаров, топлива. Люди все это прекрасно сознавали, но не падали духом. Рокоссовские тоже были полны горячей веры в будущее, и это будущее, как им тогда казалось, было совсем-совсем близко. Как и прочие люди страны, они с восторгом «катались на карусели вдохновения и энтузиазма».

Константин Рокоссовский, как всегда, был занят на службе с утра до вечера. Нередки были случаи, когда он не появлялся дома по десятку дней. И вот результаты его труда: на летних маневрах Самарская дивизия получила высокую оценку. При подведении итогов командир корпуса С.К. Тимошенко подчеркнул:

— На маневрах с самой лучшей стороны показала себя Самарская дивизия. Она организовано и вовремя вышла форсированным маршем из летних лагерей. Обстановка заставила ее изменить маршруты продвижения частей, и она с этой задачей справилась успешно. Самарцы своевременно вышли в район сосредоточения, а затем и на исходные позиции. Хочу отметить, что связь между частями и штабом дивизии — я редко употребляю такую оценку — была безупречной. Дивизия провела стремитель-

ную атаку и во встречном бою одержала верх. Она охватила противника с обоих флангов и успешно окружила его. Командир дивизии Рокоссовский показал себя умным и волевым военачальником. Он умело организовал решение задач оперативного характера и хорошо подготовил соединение к боевой обстановке.

Эти слова заставили Рокоссовского покраснеть, но, разумеется, ему было приятно, что его труды не пропали даром.

3

Юлия Петровна расцвела, чуть пополнила и стала еще более привлекательной и женственной. Она занималась домашними делами и лелеяла, растила любимицу семьи Аду. Мир здесь для девочки был широк и просторен. В детском сердце рождалось, росло и жило восхищение природой, своим знаменитым папой в красивой военной форме, с всегда блестящими сапогами со шполами.

Порой Рокоссовские отправлялись в лес за ягодами или за грибами, а иногда просто на прогулку. Вот и теперь, после успешных маневров, Рокоссовский по просьбе семьи выкроил себе выходной день.

Все семейство, как на праздник, тщательно готовилось к выходу в лес за грибами. Еще с вечера были подобраны к теплым носкам резиновые сапоги, приготовлены лукошки и спортивные костюмы.

Такие семейные сборы бывали не часто, и Ада, порядком соскучившись по отцу, не отходила от него ни на шаг. Мать с улыбкой наблюдала за ними и радовалась за свою дружную семью.

— Папочка, ты только не забудь меня разбудить, — не раз напоминала Ада, заглядывая отцу в глаза. — Хорошо, папуля?

— Не беспокойся, не забудем, куда же мы без тебя денемся, — отвечал он, с умилением глядя на суетящуюся дочь.

Рокоссовские вышли из дома рано. Еще была заметна бледная заря на востоке, но уже вершины соснового бора пылали солнечными огнями. Где-то без умолку стрекотала сорока, тонкими нежными голосами перекликались птицы, всюду звенели комары.

Они шли гуськом: впереди вышагивал Рокоссовский, за ним топала малышка, стараясь не отставать от папы-великана, замыкала «колонну» Юлия Петровна. За их ногами тянулся, словно шлейф, темно-зеленый росистый след. Он только тогда

прекратил их преследовать, когда они вышли на лесную стезю, обильно присыпанную опавшими хвойными иглами.

Запахи лесной земли, хвои, вечнозеленого душистого можжевельника наполняли душу каким-то необыкновенным душевным покоем. Юлии Петровне думалось, что из этих благодатных мест никуда не надо уезжать, что не надо искать другого пристанища, что здесь именно тот уголок земли, где можно тихо прожить всю оставшуюся жизнь.

Солнце уже было в зените, когда Рокоссовские, набрав по кошелке боровиков, возвращались обратно. Кругом — ни звука. Казалось, тишина поглотила лес, землю, небо и все вокруг охвачено беспробудным сном.

— Ой, мамочка! — крикнула Ада. — Посмотрите, какой красивый грибок!

— Доченька, ты его не трогай, — сказал Рокоссовский. — Это ядовитый гриб мухомор.

— Как ядовитый? Тогда почему он такой красивый?

— Не всё, доченька, с виду привлекательное является по-настоящему красивым и полезным, — наклонился к дочери отец.

— А что будет, если его съесть?

— Его ни в коем случае нельзя есть, человек сразу может умереть, — пояснил Рокоссовский.

— Я не хочу умирать, — задумавшись, произнесла Ада.

— Оставь этот гриб в покое.

— А почему человек умирает? — Девочка остановилась и посмотрела сначала на мать, потом на отца.

— Человек живет, живет, и к нему постепенно подкрадывается старость, — пояснил Рокоссовский. — Потом человек все больше и больше дряхлеет и умирает. Так заведено в природе.

— А почему так заведено в природе?

— Так устроена жизнь. У каждого начала есть свой конец.

— Я никогда не умру! — надула губки Ада, капризно присев на пенек. — Я не хочу умирать! Не хочу!

— Хорошо, хорошо, доченька, — вмешалась мать, стараясь увести разговор от этой щекотливой темы. — Раз ты не хочешь умирать, значит, будешь жить вечно.

Вскоре они расположились под вековым разлапистым дубом. Юлия Петровна постелила на зеленую траву скатерку, разложила съестные припасы. Они просидели некоторое время за «столом», потом еще долго бродили по лесу, собирая ягоды.

Солнце уже висело над лесом, когда Рокоссовские подходили к своему дому. Ровным желто-красным сиянием ложилась на землю тихая задумчивость летнего вечера. Они решили передохнуть и молча присели на скамейку. В постоянном движении была лишь Ада. Она забегала в дом, возвращалась и приносила то конфеты, то яблоки, то груши.

— Папуля, мамочка, ну съешьте еще по одной, — упрашивала она родителей.

— Спасибо, доченька, — улыбался Рокоссовский и гладил ее по головке.

— Ну, посиди ты, егоза, целый день не находишь себе места, — говорила мать. — Удивляюсь, сколько же в тебе энергии?

Ада пожалла плечиками и опустила глаза.

— Очень много.

Рокоссовский рассмеялся, взял на руки дочку и вошел в дом.

Не один раз Рокоссовские, оставив у соседей Аду, посещали Белорусский драматический театр, где часто шли пьесы Янки Купалы и Кондрата Крапивы. Им нравился мягкий, нежный и певучий белорусский язык. Однажды на одном из спектаклей Юлия Петровна уловила реплику актера: «Як ты свинню ня клич, яе завседы выдасть лыч». Она повторила ее несколько раз и попросила мужа перевести ее на русский язык.

— Как ты свинью ни назови, ее всегда выдает рыло.

Жена разразилась таким хохотом, что Рокоссовскому пришлось ее успокаивать.

— Костя, как ты умудряешься с ходу переводить? — спрашивала она.

— Очень просто: белорусский и польский языки во многих словах имеют одни и те же корни — это раз. А второе, поляки и белорусы испокон века живут рядом и взаимопроникновение языков этих народов является очень глубоким.

4

Быстро, как один день, пролетело лето; наступила осень. Октябрь в Белоруссии оказался дождливым и холодным. То днем и ночью шел нудный и промозглый дождь; то ползал по земле туман; то вдруг, словно коршун, налетал свирепый ветер, безжалостно срывал с деревьев последние листья и, подсушив их, загребал в затишье. В отдельные дни из просветов рваных облаков сочились солнечные лучи и бликами носились друг за другом по полям и озерам.

В это время в Минске командир 3-го кавалерийского корпуса Семен Константинович Тимошенко с командирами соединений и их штабами проводил занятия по оперативной подготовке. В течение трех дней штудировались теоретические основы стратегии и оперативного искусства, изучались вероятный противник и возможный характер военных действий.

Затем Тимошенко с присущей ему дотошностью на карте и макетах местности отрабатывал оперативное взаимодействие между соединениями.

Последний день занятий из теплых, уютных залов был перемещен на приграничную местность. Там предстояло уточнить взаимодействие не только между дивизиями, но и пограничниками. Сначала занятия проводились в Заславле, затем в Рогове, а на заключительном этапе группа прибыла на пограничную заставу напротив местечка Радошковичи, расположенного в трехстах метрах на польской территории. Этот участок границы входил в полосу прикрытия Самарской дивизии.

Двухэтажная деревянная пограничная застава располагалась в лесу, на господствующей высоте. Командиру корпуса понравилось, как она была оборудована для ведения оборонительного боя. Каменные стены с бойницами, траншеи, переплетенные лозой, бетонные укрытия — все выглядело с военной точки зрения внушительно и аккуратно.

Рокоссовский взял бинокль и начал рассматривать территорию сопредельного государства. Он видел польскую стражницу*, разглядывал кладбище, где среди зеленых высоких деревьев высилась золотая маковка церкви, а дальше в центре поселка возвышался белокаменный костел.

— В этом местечке располагается пограничная часть поляков, — сказал Рокоссовский, глянув на стоящего рядом Тимошенко, затем, повернувшись к пограничнику, уточнил: — Владимир Игнатьевич, я не ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь.

Начальник пограничного отряда доложил обстановку на участке границы, подробно изложил порядок охраны, внес свои предложения по взаимодействию.

Командир корпуса, вооружившись указкой и поглядывая то на карту, то на местность, рассуждал о значении сложенных действий на поле боя частей, соединений и пограничных войск. Под конец своих теоретических выкладок и практических советов он сказал:

* Стражница — застава (польск.).

— Командир Самарской дивизии не совсем согласен с некоторыми пунктами нашего стратегического плана. Хотелось бы знать, как думает действовать Рокоссовский, если польская военная группировка попытается прорваться с юго-запада в направлении Минска со стороны Баранович.

Начал накрапывать дождь, и участники занятий зашли под навес, устроенный из палатки посередине двора заставы.

— Я думаю, — начал Рокоссовский с легким польским акцентом, — чтобы группировка не прорвалась на нашу территорию, необходимо срочно усовершенствовать фортификационные сооружения на границе. Кроме долговременных огневых точек, наблюдательных и командных пунктов, надо срочно построить капониры для артиллерии и танков.

— Начальник штаба корпуса, — перебил его Тимошенко, — запишите все предложения. Извините, Константин Константинович, продолжайте дальше.

— Я думаю, что военный и экономический потенциал Польши вряд ли позволит развязать с нами войну в одиночку.

— Вы в этом уверены? — осведомился Тимошенко.

— Да, я в этом уверен.

— А вы не ошибаетесь? — напомнил о себе контрразведчик корпуса. — Надо помнить двадцатые годы. Или их некоторые уже забыли?

— Территория Польши — хороший плацдарм для нападения на нашу страну, — произнес Рокоссовский, задетый вопросом, — но наша военная мощь одной Польше не по зубам, и если она вздумает развязать войну, то обязательно будет искать себе союзников. Он посмотрел на контрразведчика и добавил: — Надо иметь в виду, что сегодня не двадцатые годы, а тридцатые. Да, мы тогда драпали из-под Варшавы...

— Может, не драпали, а отходили? — уточнил контрразведчик, поглаживая широкий лоб. — На это были свои причины, и прежде всего — усталость войск.

— Нет, там были другие причины.

— А именно? — контрразведчик играл голосом, удивляя обилием неожиданных интонаций.

— Недооценка противника — раз, — сказал Рокоссовский, — грубые просчеты в управлении войсками — два. И третье — отсутствие взаимодействия с Юго-Западным фронтом, который вместо того, чтобы помочь Западному фронту, топтался на месте под Львовом.

— Между прочим, членом реввоенсовета Юго-Западного фронта был Иосиф Виссарионович Сталин, — важно произнес контрразведчик, — и ошибок там быть не могло.

— А командовал фронтом, — улыбнулся Рокоссовский, — Александр Ильич Егоров.

— Товарищи, мы уклонились от темы, — сказал Тимошенко. — Командир дивизии, продолжайте.

— Если противник все-таки сможет потеснить наши части на юго-западном направлении Минска, то я предлагаю преградить ему путь не Самарской дивизией, как это предусмотрено планом, а другому соединению корпуса.

— А ваша дивизия чем будет занята?

— Своей дивизией я нанову удар в направлении Радошковици, Граничи и Красное. В Красном перерезаю противнику коммуникации, железную и шоссейную дороги. Одним полком организую там оборону, а остальными частями нанову удар на Лиду и вновь перерезаю железную дорогу и угрожаю противнику с тыла. А дальше все будет зависеть от обстановки и взаимодействия с другими соединениями округа и корпуса.

— Я просил бы обратить пристальное внимание на эти смелые и оригинальные мысли, — сказал командир корпуса.

— Разрешите высказать еще одно соображение, — уверенно продолжал Рокоссовский, заметив неподдельное внимание слушателей. — Вооруженные силы капиталистических стран интенсивно внедряют технику, и, перерезав коммуникации, мы полностью перекрываем кислород противнику и лишаем его возможности активно использовать новейшую технику на поле боя.

— Очень дельное предложение, — сказал Тимошенко, улыбувшись. — Мы внесем изменения в планы и подумаем насчет усиления дивизии танками и артиллерией.

На этом занятия закончились.

Глава шестая

1

Многие интересные замыслы и планы в Самарской дивизии Рокоссовский, к сожалению, осуществить не успел, но ожиданий тех, кто его сюда назначил, не обманул: дивизия была наиболее боеспособным соединением в Белорусском военном округе.

10 февраля 1932 года Рокоссовского вызвали в отдел кадров округа. Высокий кадровый начальник сказал:

— Константин Константинович, вы знаете, что в 1931 году японские империалисты вторглись в Маньчжурию и начали ее оккупацию.

— Разумеется, знаю.

— Так вот, — продолжал кадровик, — японцы открыто заявили о планах захвата Советского Дальнего Востока, а Северный Китай они выбрали в качестве плацдарма для нападения на нашу страну. Мы вынуждены срочно укреплять свои границы. В Приморье и Забайкалье направляются новые части и соединения. Из вашей отдельной Кубанской бригады принято решение создать 15-ю кавалерийскую дивизию в составе четырех полков, одного конно-артиллерийского полка и одного механизированного.

— Да, это мощное соединение, — улыбнулся Рокоссовский, догадываясь о том, куда клонит кадровик.

— Эта работа поручается вам. — Начальник испытующе глянул на комдива и добавил: — Как вы на это смотрите?

— Как всегда, положительно.

— Я так и знал, сегодня же доложу об этом в Москву.

И снова сборы, прощания с друзьями и сослуживцами, к которым привыкли и которые, как часто бывает у военных, стали почти родными. Юлию Петровну тянуло на родину, в Забайкалье, но и здесь она уже привыкла, полюбила людей, природу. Поэтому, как водится, не обошлось без слез и взрыва эмоций. Впоследствии она напишет своей подруге, местной учительнице, в Ратомку:

«Я постоянно ловлю себя на том, что мечтаю снова вернуться в Белоруссию. Уже пришла весна, и наша деревня, видимо, очень хороша. Я до сих пор помню, как по вечерам в наш домик врывается запах сирени и черемухи, залетали красные в белую полосочку бабочки, а прямо под окном заливались соловьи. Я никогда не забуду тот райский уголок земли».

В конце февраля Рокоссовский вновь вступил в командование кубанцами, а в конце марта дивизия уже была сформирована.

2

Дивизия Рокоссовского вместе с пограничным отрядом дислоцировалась в пограничном городке Даурия, недалеко от реки Аргунь, которая берет свое начало в отрогах скалистого хребта Большой Хинган. Небольшим ручейком течет она к югу, но, словно одумавшись, что не выдержит жары солнечной Монголии, она постепенно поворачивает к западу и, преодолев не одну

сотню километров по китайской территории, у озера Чжалайнор круто уходит на север. От казачьего села Абагатуй вплоть до слияния с Шилкой Аргунь на протяжении почти тысячи километров становится пограничной рекой: правый берег китайский, левый — русский. Именно здесь, в верхнем течении реки, раскинулись огромные необозримые степи. Ходи, скачи на самом резвом коне, катись на машине — и не заметишь ни пашни, ни кустика, ни хотя бы корявого деревца. Но зато раздолье здесь для джейранов, которые большими стадами, в соседстве с двумя — четырьмя волками пасутся круглый год, благо снега здесь бывает мало, а к морозам они привыкли. Санитары-волки спасают этих небольших антилоп от болезней и эпидемий.

Но ни с чем не сравнима даурская степь в летнюю пору, когда, напившись вволю живительной влаги весной, она покрывается ярким узором разнотравья.

Художница-природа щедрой рукой разбрасывает по степи и небесный разлив острца, и красные маки, и низкие белые ромашки, и розовые колокольчики, и множество другой растительности.

Рокоссовский и начальник пограничного отряда Никон Колесник выкроили себе выходной день и поехали на реку Аргунь. Рядом с водителем «газика» сидел Рокоссовский, а на заднем сиденье чинно восседал Колесник. Он был безумно рад, что сумел уговорить начальника гарнизона выехать на рыбалку. Начальник отряда был мужчина лет сорока, с жесткими черными волосами, хитроватыми серыми глазами и тугим борцовским животом.

Солнце приподнялось над зааргунскими горами и начало потихоньку припекать, когда «газик» прошел около двадцати километров.

По сторонам, среди нескончаемого разноцветья, то здесь, то там попадались большие стада джейранов. Завидев машину, они поднимали кукольные головки с большими ушами и, почувя опасность, как по команде, поворачиваясь к незнакомцам белыми хвостиками и делая отчаянные прыжки, мгновенно исчезали. За ними лениво трусили волки, показывая своим видом: все равно от нас вы далеко не уйдете.

Охотничий азарт Рокоссовского тревожил его душу, но до сезона еще было далеко, поэтому пришлось сдерживать эмоции.

«Какая же все-таки чудесница природа, — подумал он, — все предусмотрела до мелочей. Каждое живое существо старается убежать от гибели. А ведь оно приходит к этому не на опыте, а

благодаря врожденной любви к самому себе. Животное понимает, что хорошо, что плохо. Заяц убегает не от сороки, не от вороны, а от известного ему коршуна. Видимо, первое, что дала природа живому существу для выживания, — это любовь к себе и приспособление к окружающей среде».

— О чем задумались, Константин Константинович? — спросил Колесник.

— О жизни, — вяло ответил Рокоссовский и, оживившись, спросил: — Ты лучше скажи, Никон, какая рыба водится в верховьях Аргуни?

Казалось, этого вопроса начальник отряда только и ждал.

— О, осмелюсь доложить — в здешних краях нет лучше места для рыбалки. — У Колесника разъехались губы в улыбке. — Разве что с таким рыбным местом может потягаться Байкал-батюшка.

— Насчет Байкала не говори. Я там не раз ловил омуля. Прелесть, а не рыбалка.

— В верховьях Аргуни, — хвастливо продолжал Колесник, — дно илистое и очень кормное для рыбы. Сазаны там, как бревна, сомы — от одной морды оторопь берет, караси попадаются величиной с лопату. Знаю все это — сам ловил. Это очень лакомое место для рыбаков.

— Порыбачим за милую душу, — улыбнулся Рокоссовский. От предвкушения отменной рыбалки приятная теплота всколыхнула его сердце.

— Константин Константинович, почему вы сами не ведете машину? — спросил Колесник и авторитетно присовокупил: — Тут куда ни кинь — дорога ровная, как стол, ни тебе рытвин, ни даже бугорков — катись себе куда глаза глядят.

Рокоссовский ничего не ответил и приказал водителю остановить машину.

— Перекур!

После короткого отдыха Рокоссовский занял место водителя, завел машину и, резко рванув с места, направил ее на дорогу. Машина катилась по колее степной дороги, как по ровному асфальту. Потом, когда до Аргуни оставалось километров десять, она повернула направо и пошла по целине.

— Вы отлично водите машину, — сказал Колесник с оттенком подхалимажа в голосе. — Можно подумать, что за рулем сидит профессионал.

Есть в лести некая сила, вкрадчивая и соблазнительная. На Рокоссовского похвала подействовала положительно, и он сме-

ло прибавил газу. Справа и слева убегали назад красные маки, сиреневые колокольчики, белые ромашки, шарахались в сторону какие-то птички.

Рокоссовский садился за руль несколько раз, но почему-то до сих пор не испытывал особой тяги к управлению машиной. Только сегодня он впервые почувствовал прелесть скорости: стоило чуть-чуть нажать на газ и машина повинуетя тебе без какого-либо сопротивления. Машины не лошади, на которых ему довелось проскакать тысячи и тысячи километров. Каждая из них имеет свой характер, причуды, и к ней надо приноравливаться. А машина не живое существо. Тут знай свое дело: нажимай на газ и крути баранку.

И вдруг — Рокоссовский не успел и глазом моргнуть, как машина провалилась в заросший травой окоп. Она, как бык, уперлась рогами в землю и стала на дыбы, а затем, пыхтя, завалилась на правый бок и заглохла. Над ней кружилось облако пара.

Не помня себя, первым выбрался из машины Колесник и, тяжело дыша, начал помогать Рокоссовскому и водителю. Минут десять все трое сидели на бруствере окопа и угрюмо молчали.

— Вот тебе и караси с лопату, — нарушил молчание Рокоссовский, прикладывая спиртовую примочку ко лбу, на котором красовалась синяя шишка. Он с усмешкой глянул на начальника отряда и добавил: — Одного не пойму, Никон, ты же в полтора раза толще меня, сидел сзади, а выбрался из машины первым.

— Ей-богу, до сих пор понять не могу, как это все произошло. Я только тогда сообразил, что я жив, когда увидел машину и встал на ноги.

«Любовь к самому себе», — подумал Рокоссовский, а вслух спросил:

— Это не ты мне посадил сапогом синяк?

— Вполне возможно.

— Ладно, руки целы, ноги целы, головы тоже вроде на месте, — сказал Рокоссовский. — Что будем делать, Николай?

— Надо вытаскивать машину, — ответил водитель.

Они провозились с машиной около пяти часов. И все же кое-как подняли ее наверх, сняли побитое ветровое стекло, выправили капот, подровняли дверцы. Напрягаясь изо всех сил, они прокатили ее около десятка километров. Далеко за полночь они устроили себе небольшой ночлег.

Ночью Рокоссовскому все казалось, будто что-то шелестело, шевелилось в степи, словно конь, находясь рядом, сорвался с

привязи и, фыркая, все бегал и бегал впотьмах. Он открыл глаза. Над ним висело темное-темное небо, усыпанное угольками ярких звезд. Голос какой-то птицы жалобно охал и охал вдаль, трещали рядом кузнечики. Вскоре начался рассвет и все крылатое и бескрылое население степи запело, засвистело, зачирикало. А вокруг раскинулась бесконечная, как море, будто в гору идущая разноцветная даль.

Утром водителю удалось завести машину, и они с остановками к обеду добрались домой.

Жены встретили рыбаков, как пришельцев с того света. Они знали, что их мужья будут ловить рыбу на пограничной реке Аргунь, а на границе может быть все: и перестрелка, и непредвиденные провокации.

С тех пор Рокоссовский до конца своих дней ни разу не сел за руль машины, но страсть к охоте и рыбалке не угасала в нем никогда.

Незаметно пробежали четыре года. В результате проверки боевой подготовки частей дивизии соединение получило оценку «хорошо». Начальник штаба управления по боевой подготовке РККА, подводя итоги, писал, что «полки вполне сколочены и боеспособны; тактическая подготовка частей гарнизона выделяется на одно из первых мест в Забайкальской группе частей ОКДВА*, и они могут выполнять сложные и ответственные задачи, налагаемые на современную конницу».

За успехи в подготовке частей дивизии Рокоссовский получает еще одну высокую награду — орден Ленина, первый из семи таких орденов, полученных им в армии.

В сентябре 1935 года в Красной Армии вводятся персональные воинские звания для командного состава. Рокоссовский получает звание комдива.

В начале 1936 года его переводят в Ленинградский военный округ и назначают командиром 5-го кавалерийского корпуса и он становится начальником гарнизона старинного русского города Пскова.

Глава седьмая

1

Делегаты съезда собрались на заключительное заседание, где была единогласно принята Конституция РСФСР. По церемониалу это заседание не отличалось ничем от первого дня работы

съезда. Может быть, только еще больше было хвалебных речей, здравниц, восторга и рукоплесканий в честь великого вождя товарища Сталина.

Рокоссовский испытывал сложное чувство. С одной стороны, принятая Конституция исходила из того, что в советском обществе нет больше антагонистических классов. Она закрепила равноправие и содружество наций и народностей, гарантировала права и свободы всем народам России.

А с другой — в выступлениях делегатов, в прессе шла дикая кампания по разоблачению врагов народа, которые якобы затаились во всех учреждениях, в городе, на селе, в армии и хотят взять реванш — восстановить старые порядки.

Эта двойственность закрадывалась в душу тяжелыми и неотвязными мыслями.

Прочитав внимательно Конституцию, Рокоссовский пришел к выводу, что она открывает новые возможности в строительстве социализма. Однако все это не вязалось с возбуждением злых и темных чувств, которые начали, как показалось Рокоссовскому, овладевать психологией масс. Комдив не мог понять, как ни старался, зачем совмещать уважение к правилам социалистического общежития с истеричной борьбой с врагами народа. С такими сложными чувствами он вышел из зала.

Он еще не успел привести в порядок свои мысли, придать им некоторую последовательность и логичность, как увидел стоящую в сторонке Валентину, которая не спускала с него глаз.

— Константин Константинович, вы когда уезжаете? — спросила Валентина, покраснев.

— Завтра вечером.

— А мы сегодня. — Она пристально посмотрела на Рокоссовского. — Мы с вами больше не увидимся?

— Не знаю. В жизни все может быть. Она богата неожиданными встречами.

— Жаль с вами расставаться, — сказала Валентина, потупив глаза, затем, взглянув на Рокоссовского, неожиданно спросила: — А ваши подчиненные вас любят?

— Признаться, я об этом даже и не думал.

— В вас, наверное, влюбляются все женщины?

— Откуда вы взяли? — рассмеялся Рокоссовский.

— Мне так кажется, — конфузливо сказала Валентина. Она тоже улыбалась, но ее глаза оставались печальными и грустными. — До свидания, было приятно с вами познакомиться.

Рокоссовский почувствовал, как дрогнули пальцы Валентины, когда она протянула руку для прощания.

— До свидания, Валечка, передавай привет своим подругам.

— Обязательно передам. — Валентина окинула его долгим взглядом, резко развернулась и легко побежала по мраморным ступенькам вниз.

В это время в фойе Большого Кремлевского дворца нервно ходил из угла в угол мужчина лет тридцати пяти. Он был среднего роста, с выразительными темными глазами. Его волнистые светлые волосы обрамляли продолговатое светлое лицо. На нем было серое пальто. Держа под мышкой меховую шапку, он то и дело поглядывал на парадную лестницу, по которой спускались делегаты съезда и, казалось, кого-то ожидал.

Это был Белозеров Андрей Николаевич, служивший, как и Рокоссовский, в отряде Адольфа Казимировича Юшкевича, поляка, уроженца города Вильно, фанатичного революционера и большевика. Белозеров воевал вместе с Рокоссовским с 1917 по 1919 год. Они были не только командирами эскадронов в отряде Юшкевича, но и закадычными друзьями.

Белозеров родился и вырос на Волге, рядом с немецкой колонией, учился вместе с немецкой детворой в школе и, незаметно для себя, свободно овладел немецким языком.

Рокоссовский, постояв несколько минут в раздумье, начал спускаться по лестнице в фойе.

К нему шагнул взволнованный Белозеров.

— Костя, не узнаешь?

— Постой, постой! Андрей, дорогой друг! Какими судьбами?

Друзья обнялись и расцеловались, обратив на себя внимание многих делегатов съезда.

— Поехали ко мне.

— Удобно ли тревожить твоих близких?

— Костя, о чем ты говоришь? — воскликнул Белозеров. — Жаль только, что жена уехала с сыном в Куйбышев. Но ничего, нам не впервой заниматься самообслуживанием.

— Ну что ж, поехали!

Под вечер через Боровицкие ворота они вышли из Кремля.

Погода совсем испортилась. Сегодня целый день без перерыва свирепствовала снежная вьюга. Неукротимый ветер швырял ошметки снега, норовя сломать деревья и снести с домов крыши. Они с трудом поймали такси, которое доставило их в небольшой переулочек на улице Горького.

В двухкомнатной квартире Белозеровых не было роскошной мебели. Две деревянные кровати, стол, два стула, книжный шкаф, один стол на кухне и две табуретки — вот и все, чем располагала эта скромная обитель.

Уже было далеко за полночь, а друзья сидели за рюмкой вина и все вспоминали, говорили и говорили.

В октябре 1917 года Рокоссовский и Белозеров связали свою судьбу с Советской Россией.

Они вспомнили, как более недели тащились эшелонами на Восток. Рокоссовский тогда увидел впервые бескрайние русские поля и леса. Последней стоянкой в истории Каргопольского полка, в котором воевал в Первую мировую войну Рокоссовский, а с 1918 года служил Белозеров, оказалась станция Дикая, что в 25 верстах к западу от Вологды. Здесь полк пробыл до окончательного расформирования. 7 апреля 1918 года состоялось прощальное заседание полкового комитета, после которого последний руководитель полка Иванькин, по всей вероятности, имевший склонность к художественному творчеству, занес в протокол следующие слова: «Итак, Каргопольский полк, просуществовав более 211 лет, выйдя от грани абсолютизма и дойдя до грани социализма в эпоху полной хозяйственной разрухи и народного бедствия, умер. Слава и честь ушедшему в вечность славному Каргопольскому полку».

Хотя Каргопольский полк перестал существовать, но многие его солдаты продолжали воевать на стороне революции. Каргопольский красногвардейский отряд, в котором воевало около сотни бывших драгун, уже в январе — феврале 1918 года активно включился в борьбу с врагами Советской власти.

Командные должности в Красной гвардии тогда были выборными, и каргопольцы избрали своим командиром Адольфа Юшкевича. Константина Рокоссовского, пробывшего в отряде несколько недель рядовым, товарищи избрали помощником командира отряда, а Белозерова, несмотря на его 18 лет, командиром эскадрона.

Обстановка в Вологде в это время сложилась крайне неблагоприятная, и каргопольцам было работы невпроворот. В памяти друзей сохранился боевой эпизод, когда им пришлось встретиться с анархистами.

В первых числах февраля в Вологодский совет поступило известие, что к Вологде по железной дороге продвигаются не-

сколько так называемых «буйных» эшелонов. Возвращавшиеся с фронта солдаты, попав под влияние анархистов и уголовников, сметали все на своем пути: громили привокзальные магазины, грабили пассажиров, расстреливали кого хотели.

Состав прибыл на станцию, и «буйные» с гамом и шумом начали выскакивать на перрон и пытались высыпать на привокзальную площадь. При выходе им преградила путь группа красногвардейцев.

— Вы куда, ребята? — спросил Рокоссовский.

— Какое твое дело! Пошел ты!.. Знаешь куда?

— Не спешите! Посмотрите туда! — он кивнул в сторону вокзала.

Только теперь «буйные» заметили, что с обеих сторон перрона на платформе установлены пулеметы; Белозеров готов был дать команду к стрельбе. Пулемет стоял и при выходе с перрона, за спиной у Рокоссовского.

— А ну, по вагонам! Не то!..

— Братцы, за что боролись?! Триста лет ярмо носили!.. Теперь нам мешают вести борьбу с буржуазией! — кричали анархистские демагоги. — Долой всякую властную сволочь!

В это время командир отряда Юшкевич, отделившись от группы пулеметчиков, направился к первому вагону.

— А ну, скажите, кто у вас тут главный?

— Я-а! — нехотя ответил необычайно широкий в плечах матрос. Прислонившись к верхнему брусу в проеме и закрыв собой двери теплушки, он лениво, словно происходящее его не касалось, лузгал семечки и наблюдал за любителями «свободы» на перроне. Над его бескозыркой колыхалось черное знамя — символ анархии.

— Подавай команду сдать оружие!

— Чаво? — скорчил гримасу верзила. — Чаво?

— Костя, покажи ему «чаво»! — произнес Юшкевич.

Рокоссовский подошел к вагону.

— Немедля прыгай вниз!

Верзила окинул опытным взглядом высокую, крепко сбитую фигуру Рокоссовского и соскочил с вагона.

Рокоссовский подошел вплотную к матросу и, прищутив глаза, сдавленным голосом произнес:

— Вот что, браток! Дай команду сдать оружие и проваливай отсюда на все четыре стороны! Будешь артачиться — заставим силой!

Главарь анархистов пытался торговаться, но из этого ничего не вышло. Неохотно, с криками и с бранью, солдаты все-таки сдали оружие.

Были те минуты ночи, когда все люди, кажется, погружены в непробудный сон, когда полная тишина будит воспоминания с особенной чуткостью.

Друзья пили крепкий чай, и их разговор разгорался все ярче. Они вспомнили, как восстанавливали Советскую власть в Костромской губернии, как боролись с мятежниками в городе Салигаличе.

Особенно тяжелым был 1918 год. Вместе с весной пришли и суровые испытания Гражданской войны и иностранной интервенции. Уже в феврале на западных границах Республики Советов положение было катастрофическим. Германские и австро-венгерские вооруженные силы 18 февраля 1918 года возобновили военные действия и двинулись в направлении Петрограда, Белоруссии и Украины. Пришлось бросать навстречу врагу все имеющиеся в распоряжении Советского правительства силы Красной Армии.

В конце марта 1918 года Каргопольский красногвардейский отряд был погружен в эшелон и через Москву направлен в Брянск, откуда уже походным порядком выступил навстречу врагу.

— До сих пор у меня стоит перед глазами ласковое апрельское солнце, весеннее половодье, — говорил Рокоссовский, дымя папиросой. — Помнишь, Андрей, как ты меня и мою лошадь вытаскивал из грязи?

— Еще бы, — усмехнулся Белозеров. — Хорошо мы тогда погуляли по тылам и флангам противника.

— А как мы поддали жару гетману Скоропадскому? — воскликнул Рокоссовский. — Помнишь?

— Его гайдамаки кое-чего стоили только в обозе немецко-австрийских войск. А так боялись наших шапек, как огня. Жаль, что нам не дали его доколоть и перебросили нас на Урал.

3

В мае 1918 года на всем протяжении Транссибирской железной дороги, от Волги до Владивостока, с запада на восток двигались эшелоны с чехословацкими legionерами. Чехи и словаки, бывшие военнослужащие Австро-Венгерской империи, взятые в плен русской армией в ходе войны 1914–1917 годов, выразили

желание сражаться против немцев. После заключения Брестского мира руководители корпуса захотели выехать во Францию через Владивосток. Советское правительство пошло им навстречу.

Чехи обязались сдать оружие, но обещания не выполнили. Более того, они подняли мятеж против Советской власти. В течение недели мятежники, воспользовавшись неожиданностью выступления и отсутствием у Советской власти Поволжья, Урала и Сибири боеспособных частей, захватили значительную часть территории.

Туда, на Урал, и отбыл 10 июня 1918 года Каргопольский отряд. Путешествие через всю европейскую часть России было долгим. На скорости передвижения эшелона сказывалась разруха, парализовавшая железнодорожный транспорт.

Многочисленные хребты, разделенные межгорными глубокими котлованами, озера и бурные реки, темные хвойные леса, разлапистые липы и клены, ковыльно-разнотравные и полынные степи — все это поражало взор необыкновенной красотой. Рокоссовский и Белозеров были в этих местах впервые.

На Урале развернулись упорные бои, в которых красногвардейские части терпели поражение и несли большие потери. Во второй половине июля отряд вступил в бой под Екатеринбургом. Войска красных не выдержали натиска белых и сдали город. Отступил в сторону Кунгура и сильно поредевший отряд Юшкевича. Бойцы, теряя лошадей, часто ходили в атаку в пешем строю. На протяжении всего фронта многие населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз. Кровавопролитные бои не прекращались ни на один день.

В августе 1918 года на Восточном фронте, протянувшемся на две тысячи километров, произошли важные организационные перемены. Период Гражданской войны подходил к концу, и для победы над врагом понадобилось создание регулярных воинских частей и соединений. Весь Восточный фронт был разделен на пять армий.

Отряд Юшкевича был переформирован в 1-й Уральский кавалерийский полк, который вошел в состав 3-й Уральской дивизии 3-й армии. Командиром полка был назначен Юшкевич, командиром 1-го эскадрона стал Рокоссовский, второго — Белозеров.

Что собой представляла дивизия, можно судить по докладу Конева начальству. Его хранил Белозеров, как реликвию, в особой папке.

«Район нашего нахождения мы весь объели, надежды же на получение из отдела снабжения штаба дивизии необходимого фуража и продовольствия у нас нет. Теплого обмундирования не хватает. Перчаток, теплых портянок нужно страшно, у многих их нет, отдел снабжения не дает, а выдал вязаные, как это кавалеристам носить — неделю, а все порвались. Нет у многих шинелей, когда пришла пора ходить в шубах, а у некоторых нет ни того, ни другого, и таких порядочно в полках, сапоги развалились и чинить их нечем, кожи подошвенной дают десятую часть необходимого. Сапог нет, в четвертом номерном полку некоторые ходят в лаптях».

Во второй половине 1918 года эскадроны полка расположились по деревням северо-западнее Кенгура, в трех-четыре верстах от передовых частей неприятеля. Между эскадронами была установлена телефонная связь.

Белозеров вспомнил, как днем его эскадрон подвергся внезапному нападению колчаковской конницы, а Константин немедленно бросился ему на выручку.

На обратном пути, довольные успешным боем, кавалеристы оживленно обсуждали его итоги. Под вечер ударил сильный мороз, и у конников не попадал зуб на зуб.

Поблизости от деревни, где стояли эскадроны, навстречу колонне попался крепкий бородатый мужик в длинном овчинном тулупе. Поравнявшись с ехавшим впереди Рокоссовским, мужичок пристально окинул взглядом всадников, затем снял шапку и низко поклонился.

Рокоссовский придержал коня:

— Ты что, дедуля, поклоны бьешь?

— Здравствуйте, дорогие избавители. По всему видно — белые: сами аккуратные, лошадки как на подбор.

Один из наезжавших сзади младших командиров уже хотел выразить свое возмущение и выхватил из ножен шапку. Но Рокоссовский жестом его остановил.

— Ну и что ты еще скажешь, дедуля?

— Приглашаю вас в гости, люди добрые, угощу чем Бог послал, да и за вашей спиной немного переведу дух. А то полк красноголовиков не дает мне покою. Он стоит версты две отсюда.

— Ты не ошибаешься, дед?

— Нет, что вы? Я хорошо знаю тропы и могу вас туда привести без единого выстрела.

— Что ж, Андрей, съездим, погреемся, — невозмутимо сказал Рокоссовский.

— А что, не мешало бы, — ответил Белозеров, презрительно глянув на старика.

Вскоре они сидели в избе, вместившей несколько десятков человек. По велению хозяина его домашние выставили на стол все, что было в доме, но кавалеристы к еде не притронулись.

— Почему не угощаетесь, дорогие гости? — недоумевал старик.

— Хватит, дед, играть в молчанку; мы, как ты говоришь, «красноголовики», — сказал Рокоссовский. — Да, да, красноголовики.

Старик с окаменелым лицом упал на колени.

— Простите меня, ради Бога! Попадите! У меня дети и маленькие внуки!.. Попадите меня, старого дурака!

— Что будем делать? — спросил Рокоссовский у Белозерова, когда рядовые бойцы вышли из дома.

— Эту контру, Костя, надо обязательно шлепнуть.

Услышав эти страшные слова, старик ползал по комнате на коленях и молил о пощаде. Большое семейство заголосило на все лады. Пожилая женщина, видимо, жена старика, причитала и рвала на себе волосы.

— Уймись, дед, и садись за стол, — произнес Рокоссовский. — Скажи, за что ты ненавидишь красных?

— Я их люблю, — испуганно проговорил старик и неуверенно опустился на скамью. — Виноват, простите. Я очень люблю красных.

— Мы знаем, как ты их любишь! — громко сказал Белозеров.

— И все же, отец, скажи честно, — произнес Рокоссовский, — за что ты нас ненавидишь? Только правда может спасти тебе жизнь.

Старик поправил взлохмаченные волосы, посмотрел сначала на Белозерова, потом на Рокоссовского и, со страхом следя за ними, трясущимися руками взял со стола ломтик черного хлеба и сказал:

— Вот этот хлеб я зарабатывал своим потом всю свою жизнь, имел лошадей, овец, коров, мне хватало, и на рынок кое-что возил. Государству налог платил, а красные объявили меня кулаком и говорят, что меня надо уничтожить. Посмотрите на них! — Он протянул мозолистые руки и заплакал. — Дети работали, копейка водилась...

— Настоящая контра, — перебил его Белозеров. — Ты, Костя, старше меня и решение за тобой. Я бы его или пустил в расход, или отдал в особый отдел.

— Ни то ни другое, — сказал Рокоссовский, поднимаясь. — Хата твоя небогатая, дед, красным ты не помеха, но я бы тебе советовал держать язык за зубами.

— Да, да, я его сам откушу, если он захочет сказать пакость, — взвился старик, не зная, как отблагодарить красного начальника, сохранившего ему жизнь. Он хватал со стола хлеб, сало, держал их перед собой и умолял: — Сыночки, возьмите с собой. Вы, наверное, голодные... Возьмите.

— Ничего мы брать у тебя, отец, не будем, — произнес Рокоссовский и кивнул на маленьких детей, сидевших на печи. — Самому пригодится. Вон у тебя сколько ртов!

— Сынок! Сынок! Я тебя век буду помнить. Мои дети и внуки будут молиться за тебя, — навзрыд плакал старик и низко кланялся. — Век не забуду!

Было уже около трех часов ночи, а они все сидели за столом, пили вино и курили. Несмотря на поздний час, спать не хотелось.

Белозеров смотрел в голубые глаза Рокоссовского, на его лицо и думал, что восемнадцать лет, прошедших с того времени, как они не виделись, не изменили его друга. Разве что появилось несколько серебряных нитей в его русых волосах да в глазах светились какая-то скрытая воля и тонкая проницательность. На выразительном лице виделись жизненный опыт и внутренняя сила.

— Ты молодец, Костя, — сказал Белозеров, наполняя вином бокалы. — Не тронул деда. Эдакое благородство в тебе всегда било ключом. А я был не в меру горяч. Ох! Как я был не прав. Честно скажу: ты спас мою совесть. Ведь я мог бы кокнуть старика и смерть невинного человека мучила бы меня всю жизнь. Умница ты, Костя. Сложное было время, ох, сложное...

— Особенно в 1918 году, когда мы вели борьбу с «верховным правителем России» Колчаком, — сказал Рокоссовский и потушил в пепельнице слабо тлеющий окурочок. — Как же ему хотелось соединиться с войсками американо-английских интервентов! Прямо из кожи вон лез. Бросал в бой одну дивизию за другой.

— А окружение в деревнях Верхние и Нижние Жады! Пом-

нишь, как мы прорывали кольцо? — Белозеров говорил медленно — он был уже навеселе. — Ведь тогда колчаковцы усеяли трупами все поле боя. Досталось и нам на орехи.

— Зато в начале 1919 года мы не только сдерживали наступление колчаковцев, но и сами их успешно атаковали, — вновь закурил Рокоссовский. — А ночь 10 января не забыл? Кромешная тьма, а мы переправляемся по льду реки Камы на западный берег.

— Это когда я попал в полынью вместе с конем?

— Мало того, ты еще и меня заставил искупаться в ледяной воде. Я едва выкарабкался, чуть не пошел под лед.

— Виноват был я — ведь ты меня выручал, — усмехнулся Белозеров.

— Знаешь, Андрей, мне кажется, что нас всех выручал наш командир Юшкевич.

— О, это был сорвиголова, но не фанфарон, а человек, до иступления преданный идее революции. Знаешь, Костя, таких коммунистов я больше не встречал. А какой же он был мужественный и терпеливый! Когда в мае 19-го он был тяжело ранен и мы вместе с ним мучились в госпитале, он не проронил ни звука, хотя ему делали тяжелейшую операцию без наркоза. Я удивлялся его железной воле.

— После ранения я вас потерял совсем. Говорят, что Юшкевич воевал где-то под Перекопом. Не знаю, правда это или нет, но у меня о нем нет никаких сведений.

— Мы встретились с ним в 1920 году и вместе воевали с бароном Врангелем.

— Ну-ну, вот это интересно, — оживился Рокоссовский.

— Знаешь, Костя, после госпиталя Юшкевич командовал кавалерийским полком в прославленной 51-й дивизии Блюхера. Я у него был командиром дивизиона, — пояснил Белозеров и, тяжело вздохнув, глянул на Рокоссовского. — 20 октября — самый печальный день в моей жизни.

— Чем же этот день врезался тебе в память?

— В этот день, Костя, во время преследования вражеской пехоты был в упор убит Юшкевич. — Белозеров взял папиросу, закурил и, помолчав, добавил: — Он умер на моих руках... Мы похоронили его в братской могиле под Перекопом.

— Да, — с грустью произнес Рокоссовский. — Жаль, что он не дожид до наших дней.

— Когда я его поднял, он уже умирал, — говорил Белозеров с

хрипотцой в горле. — Прежде чем закрыть глаза, он произнес: «Передай Косте Рокоссовскому, что...». И дальше фраза оборвалась.

У Рокоссовского подкатил комок к горлу. Он встал, поднял бокал и глухим, будто чужим, голосом, с резким польским акцентом, сказал:

— Если бы не Адик Юшкевич, меня бы скорее всего здесь не было. Это он, наспигованный революционными идеями, увлеченный примером польского генерала Домбровского*, сделал меня борцом за свободу угнетенного народа. В затишье между боями в Первую мировую войну мы много с ним говорили о равенстве, братстве, о свободе и чести, читали Байрона, Мицкевича. Он был старше, опытнее и удерживал меня от опрометчивых поступков. А ведь на фронте я творил немало глупостей: козырял своей смелостью, мог встать во весь рост на бруствере окопа и грозить кулаком в сторону немцев, не всегда ладил с командирами, склонными к самодурству, — зачастую рискованно лез на рожон. Мне иногда кажется, что он оставил мне частицу своего доброго сердца. Пусть же для сироты поляка Юшкевича русская земля, за которую он пролил много крови и отдал свою жизнь, будет отцом и матерью, мягкой и нежной, как пух. За память об этом великоленном человеке. — Несколько подумав, Рокоссовский закончил тост по-польски: — *Ty będziesz, drogi przyjacielu, fascynować nas zawsze**.

Друзья выпили вино, не чокаясь бокалами, и молча сели.

4

Хотя сегодня и был выходной, но дом начал просыпаться рано. Где-то был слышен высокий голос женщины, глухо стукнула дверь, в верхней квартире тихо звучала музыка.

Друзья улеглись и еще некоторое время вполголоса говорили, пока их окончательно не сморил сон.

Рокоссовский спал всего лишь четыре часа. Скитания по дорогам войны, постоянные учения, тревоги, ночные занятия приучили его к спартанскому образу жизни и выработали привычку к короткому, но глубокому сну. Он взглянул на торчащие из-под одеяла ноги, которые не помещались на диване, и усмехнулся.

В комнате было тепло, уютно, на столе тикал будильник, а через открытую дверь из спальни слышался мощный храп Белозерова. Рокоссовский заложил руки за голову и начал думать о

* Ты будешь восхищать нас, дорогой друг, всегда (польск.).

вчерашнем разговоре. Рассказ Андрея о гибели Юшкевича не выходил у него из головы. Его мучил вопрос: что хотел сказать ему Адик в последний миг в своей жизни? Теперь этого не узнает никто.

Рокоссовский никогда не мог представить себе Юшкевича мертвым. Ему всегда казалось, что он где-то энергично делает свое дело, что-то доказывает, с кем-то спорит или же в кругу друзей рассказывает остроумные анекдоты.

— Ты уже проснулся? — Из соседней комнаты вышел Белозеров. — Я, наверное, задал храпака?

— Я спал как убитый и ничего не слышал, — улыбнулся Рокоссовский.

Вскоре они позавтракали, закурили и продолжали разговор.

— Итак, в 1924 году ты уволился из армии, — начал Рокоссовский. — Затем закончил педагогические курсы и преподавал в школе немецкий язык.

— Да, в районном центре, на Волге. Почти четыре года учил детей. Потом меня выбрали секретарем райкома, в 1931 году послали учиться в Высший коммунистический институт просвещения России. Это был первый набор. После трехлетней учебы тружусь в Наркомате просвещения.

— Что ж, достойная профессия.

— Она мне нравится.

— Каково направление твоей деятельности?

— Коммунистическое воспитание студенческой молодежи, — ответил Белозеров и, глядя в глаза Рокоссовского, спросил: — Какое ты вынес впечатление от чрезвычайного съезда?

— Как тебе сказать? — задумался Рокоссовский. — В основном все гладко и хорошо, если можно так выразиться, без сучка и задоринки. Но...

— Что «но», договаривай.

— Мне показалось, что многовато шуму и трескотни. Ведь мы принимали сугубо деловой документ — Конституцию России. На митинге такой пафос сошел бы с рук, а на съезде был явный перебор... Хотя стоит ли об этом говорить?

— Стоит, Костя, стоит, — загорелся Белозеров. — Я прекрасно понимаю, о чем идет речь. Знаешь, мой дорогой, внутренняя и внешняя обстановка архисложная. Пойми, Костя, она требует твердой руки. У руля партии и государства должен стоять вожь, кристально чистый человек с бесспорным авторитетом. Именно таким человеком и является товарищ Сталин.

— Возможно, — кивнул Рокоссовский.

— Да, если хочешь, у вожь должна быть неограниченная власть. Только тогда мы победим империалистов и внутреннюю гидру всех мастей, — Белозеров говорил непримиримо, напористо, видимо, мысленно представлял, что перед ним сидит студенческая аудитория.

Рокоссовский никак не мог уловить, отчего это — от чрезмерной уверенности в своих убеждениях или от старания убедить и его в том, во что он сам самозабвенно верит. Напрасно, он тоже член партии и без колебаний готов отдать жизнь за самое справедливое общество на земле — коммунизм.

— Каждое теоретическое положение Сталина, — продолжал Андрей воодушевленно, — связано с конкретными запросами и потребностями социальной практики. Преподавателям, ученым он всю теорию марксизма-ленинизма преподнес прямо на блюде. Посуди сам: три основные черты диалектики, четыре этапа развития оппозиционного блока, три основные черты материализма, три особенности Красной Армии и т.д.

Белозеров закурил, его матовое лицо оживилось, глаза возбужденно горели.

— Если бы мы не имели такого вожь, как Сталин, то самые справедливые, всечеловеческие идеи партии попадали бы в холодную почву и прорастали бы слишком медленно или же вовсе погибали. А это непопустительная потеря времени.

— Вижу, ты зря время не терял. — Рокоссовский ткнул себя указательным пальцем в лоб. — Подкован на все четыре ноги.

— А ты посмотри, Костя. — Похвала подмаслила увлеченность Белозерова. — Как же мастерски наш вожь ведет полемику с идейными оппонентами, какое красноречие, хлесткость выражений: «болтун», «клеветник», «путаник», «невежда», «пустозвон». Он употребляет эти слова по-народному и без всякого смущения. — Он окинул взглядом чуть растерявшегося Рокоссовского. — Как, я тебя убедил?

— Ты напрасно, Андрей, меня убеждать не надо. Ты знаешь об этом не хуже меня.

— Ты уж извини. Я действительно в пылу полемики сел на своего конька.

— Гляжу на тебя и думаю: ты все такой же заводной, но только больше увлечен политикой. Вчера мы были навеселе, и я ждал от тебя другого. Считал — жив, жив, курилка.

— Что-то ты темнишь, мой друг.

— Где же наша любимая песня? Ее тоже любил Юшкевич. Помнишь?

Рокоссовский вполголоса запел:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...

Белозеров негромко, но хорошо поставленным баритоном продолжил:

Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...

— А ведь мы ходили с песней в бой, зная, что можем не вернуться живыми, — насмешливо и горько улыбнулся Белозеров. — И все-таки, Костя, мы любили жизнь.

Рокоссовский, глянув на часы, поднялся, положил руку на плечо другу, пристально посмотрел на него:

— Давай и теперь не будем отказываться от любви к жизни. Я очень рад, такая встреча мне только снилась.

Они обменялись адресами и дали друг другу слово встретиться летом в Пскове в расширенном составе — семьями.

Рокоссовский уговорил Белозерова не провожать его до вокзала и, тепло попрощавшись, ушел.

Поздно вечером он уже сидел в мягком вагоне поезда «Москва — Ленинград». Пассажиров было мало, и он в купе оказался один. Некоторое время Рокоссовский задумчиво смотрел в окно, где мелькали близкие огни и уплывали далекие созвездия сел и городов, а затем расправил постель, залез под одеяло и уснул.

Глава восьмая

1

В шестидесяти километрах к юго-западу от Познани, в живописном крае, среди сосновых и березовых лесов раскинулось большое и богатое село Ракосово. Здесь в весенние и летние дни радуют глаз зеленеющие нивы, а дружное пение птиц славит гостеприимство и трудолюбие здешних селян.

В 1139 году один из жителей этого села по имени Каторб взял фамилию «Рокоссовский», положив начало этому известному теперь роду.

В «Польском библиографическом словаре» названа не одна фамилия наследников Каторбы, оставивших заметный след в истории Польши и России.

Одна из линий родства Рокоссовских в 17–18 веках потянулась до Витебщины, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. К ее потомкам принадлежит известный политический деятель России барон Платон Иванович Рокоссовский, генерал от инфантерии, губернатор Великого княжества Финляндского, член Государственного совета в царствование Александра Второго.

Предки Константина Рокоссовского жили в центральной Польше. Его прадед Юзеф Рокоссовский был офицером 2-го кавалерийского полка времен Варшавского княжества, а его сын Винцентий был управляющим имением Стоки (уезд Острав-Мозоветский). Он был женат на Констанции Холевицкой (близкой родственнице солистки балета Варшавской оперы Елены Холевицкой).

В семье было десять детей, и все они получили образование и были воспитаны в культурных традициях польского народа.

Патриотическая атмосфера так повлияла на десятилетнего Ксаверия, будущего отца маршала, что после начала восстания в 1863 году он убежал из дома в поисках повстанческих отрядов и отец с большими приключениями разыскал маленького «Тадеуша Костюшко»*, как он себя называл.

В дружной многодетной семье незаметно летели годы. Наконец встал вопрос о выборе будущей профессии. Как старшему сыну в семье ему давали много советов. Но он оказался человеком упрямым и не поддавался уговорам. Он выбрал нелегкую, но модную в то время профессию железнодорожного машиниста. Ему нравилось мотаться по различным дорогам России и Польши, познавать природу, изучать людей и их обычаи.

Ксаверий был красивый среднего роста мужчина, крепкого телосложения. Постоянные разъезды мешали созданию семьи. Видимо, поэтому он женился уже в зрелом возрасте. В жены он выбрал учительницу из Пинска — Антонину Овсянникову. Вскоре родился первенец — дочь Мария, а 21 декабря 1896 года — сын, которого по настоянию отца называли Константином.

Семья Рокоссовских жила в предместье Варшавы в районе Праги, на улице Сталевой. В 1898 году после рождения третьего ребенка, дочери Елены, Ксаверий получил место ревизора на железной дороге. В то время это была высокооплачиваемая должность.

Отец был все время в разъездах, и на плечи матери легли воспитание детей и домашние заботы. Но обеспеченная семейная жизнь скоро ушла в прошлое — Ксаверий попал в железнодорожную катастрофу и умер в 1902 году в возрасте 49 лет. Он был похоронен на кладбище Брудно, где в 50-х годах сыном Константином была установлена надгробная плита.

Смерть отца, единственного кормильца, потрясла мать и детей. Косте шел всего лишь шестой год. Антонина Рокоссовская из-за маленьких детей не могла найти постоянную работу и за мизерную плату подрабатывала время от времени на трикотажной фабрике.

Расходы по содержанию сирот частично взяли на себя близкие родственники. Костя жил у бабушки Констанции, а младший брат Ксаверия, Александр, имевший стоматологическую практику, занялся его образованием. Он устроил мальчика в престижную частную школу Антона Лагуны.

Теперь Костя жил в самом центре города. Каждое утро, отправляясь в школу, он шел по Маршалковской, протянувшейся на несколько верст многолюдной улице, застроенной новыми, красивыми домами.

Учеба давалась ему легко, поэтому оставалось много времени для чтения. Ребенок обладал феноменальной памятью. За короткое время он мог запомнить целые страницы текста. Он свободно владел польским и русским языками. Костя больше всего увлекался книгами о путешествиях и приключениях.

Высокий, физически крепкий, уравновешенный и спокойный мальчик пользовался уважением учителей и ровесников.

В 1906 году, в возрасте 48 лет, умер опекун Кости дядя Александр. Дальнейшим воспитанием мальчика занялся младший брат Александра — Михаил. Он устроил его в гимназию купеческого собрания. Одиннадцатилетний Костя и здесь был в ладу с учебой.

Не прошло и трех лет, как мальчика постигает очередное горе. В августе 1906 года трагически гибнет Михаил Рокоссовский. Теперь он поселяется у тетки, сестры отца, Софьи Высоцкой. Не желая быть в тягость многочисленной семье, Костя устраивается на работу в кондитерский магазин, а затем к зубному врачу, но грубость и несправедливость хозяина заставляют его пойти на фабрику трикотажных изделий, где раньше работала его мать. Но злой рок настигает его вновь — в 1911 году внезапно умирает мать. Именно ей он обязан тем, что рано научился

читать. Это она привила детям любовь к литературе, учила их ценить искусство. Легко себе представить, как переживал Костя, когда не стало самого близкого и дорогого человека. На долгое время он становится мрачным и угрюмым.

На фабрике Костя работал более года, и все-таки постоянная его жизнь была в ином — в жадно поглощаемых книгах, в труде по самообразованию. В 1912 году за участие в демонстрации рабочих его выставили за дверь. Он устраивается учеником в каменотесную мастерскую, принадлежащую мужу тети Софьи — Стефану Высоцкому. Эта мастерская, кроме надгробных плит, каменных ограждений, получала заказы на выполнение каменных облицовок строившегося в это время моста Николая Второго (ныне Понятовского).

Вскоре Высоцкие переселяются в провинциальный город Груец, где заказов было побольше и сырья вдоволь. Этот переезд обрадовал Костю Рокоссовского. Ему нравилась природа маленького городка.

Дом Высоцких был обнесен живой изгородью из кустов сирени, жасмина и кустарниковых роз. Вдоль старинной, но разрушенной временем ограды высились стройные тополя, липы и каштаны.

Молодой каменотес работал на совесть и вскоре мог выполнять сложные заказы самостоятельно, высекая на обработанном камне свои инициалы.

Он не ограничивался только работой. Все свободное время он был занят в танцевальном кружке, где, как заядлый танцор, стройный и красивый юноша пользовался успехом у местных девушек. Влечение к музыке привело его в оркестр пожарной команды, где он играл на басовой трубе.

2

Наступило жаркое лето 1914 года, оно резко изменило судьбу Кости Рокоссовского. До конца дней своих он хранил в памяти лица дорогих ему людей и образы той земли, того края, который он покинул на заре своей юности, чтобы вернуться сюда только через три десятилетия, и то лишь для того, чтобы помочь своим землякам освободить поруганную землю от фашистов.

2 августа 1914 года Каргопольский полк под звуки духового оркестра вступил в город Груец.

В садах, на улицах города уже не было той красочной весенней зелени, а летний зной покрыл ее позолотой — приметой зре-

лости. В окрестностях Груеца бил поклоны земле и людям, которые ухаживали за ним, светло-синими головками леги; пушисто-розовым ковром укрывал поля клевер; сурепка возвышалась ярким желтым огнем над зеленой пшеницей и овса; щетились усатыми колосьями поля ржи и ячменя.

Вступление полка в город стало как бы рубежом, разделяющим жизнь на мирную и военную. Груец стал последним пристанищем спокойного и тихого бытия для Кости Рокоссовского. Ладный и уютный домик с садом, любимые увлечения, милые сестры, Мария и Анна, дорогие родственники, вырастившие его и научившие ценить труд, цветы, особенно его любимые розы, — все это останется в прошлом. Налетевший ураган войны а затем и революции сметет волнующие душу мечты и надежды. А светлое будущее, находящееся далеко за горизонтом, будет покрыто плотным пологом кровавого тумана.

Трудно теперь судить, что побудило Костю уйти добровольцем в армию и за что он пошел воевать... «За веру, царя и отечество»?.. А может, глубокое фамильное чувство рыцарства повело его на фронт? Или же естественная тяга романтического юноши к острым приключениям? По всей вероятности, все эти элементы так или иначе сыграли в этом решительном поступке свою роль.

Как бы то ни было, а стройный высокий юноша, с легкой усмешкой в голубых глазах, в фуражке с блестящим козырьком, из-под которой выглядывал светлый чуб, в белой рубашке с серым галстуком, в модном костюме с двумя рядами пуговиц, предстал перед полковым командиром Артуром Адольфовичем Шмидтом. В тот момент он торопился на банкет к местной знати и диктовал адъютанту полка поручику Лисовскому последний пункт приказа.

— Замечено мною в Варшаве и здесь, — басил обрусевший немец, — что нижние чины продают за бесценок черный хлеб или же просто выбрасывают его в расчете, что им на привале будет куплен новый хлеб. Объявить всем, что всякий нижний чин не только обязан хранить бережливо выдаваемое ему продовольствие, но и обязан съедать его, дабы иметь силы в предстоящей ему боевой работе.

Закончив диктовать и надев белые перчатки, полковник поднял глаза.

— А это что за молодец?

— Ваше высокоблагородие, — ответил адъютант, — местный житель из города просит зачислить в полк.

— Зачислить в полк? — Полковник устремил глаза на молодого человека. — Чем занимаетесь?

— Работаю каменотесом, ваше высокоблагородие!

— Как зовут?

— Рокоссовский Константин, — ответил юноша, глянув на стоявших в сторонке местных девчат и парней.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Вы мне нравитесь, но я подчиняюсь закону. В армию мы берем лиц, достигших 21 года. Так что извольте не обижаться.

— Ваше высокоблагородие, возьмите меня, не пожалеете. Я буду все добросовестно делать, что скажете. Буду стараться изо всех сил. Я очень многое умею.

— А на лошади вы скакать умеете? — глянул полковник на часы.

— В имении дяди Александра я объезжал непокорного жеребца. Дядя сказал, что из меня получится хороший наездник.

— Хороший наездник, говоришь? — Полковой командир с интересом осмотрел крепко сбитую фигуру каменотеса, затем повернулся к адъютанту. — А где наш неукротимый Ад?

— Здесь, рядом, в обозе.

— Так вот, Константин, Ад еще никому не позволил сесть на себя верхом, — сказал полковник, улыбаясь. — Не струсил?

— Не струшу, ваше высокоблагородие!

— Если ты на него сядешь, дарю тебе эту лошадь и зачисляю в полк.

По команде поручика Лисовского на площадь, где проходил разговор, привели крепкого статного каурого коня, который тут же встал на дыбы, вызвав дружный смех молодежи.

— Ну, давай, молодец, покажи свою прыть, — проговорил полковник, заведомо зная, что он поставил перед юношей невыполнимую задачу.

Рокоссовский сбросил с себя пиджак, снял галстук и протянул их симпатичной белокурой барышне:

— Зосенька, поддержи!

— Костя, я за тебя боюсь.

— Волков бояться — в лес не ходить, — сказал он, не сводя глаз с лошади.

Рокоссовский подошел к коню, схватил за узду, резко повернул мордой к солнцу — он заметил, что конь пугается собственной тени; затем рядом с ним пробежал по улице и, слегка натя-

нув поводья, легким и быстрым прыжком вскочил на коня. Ад встал на дыбы, но Костя припал головой к могучей шее и, поглаживая коня, слегка натянул поводья, стараясь не дергать за узду. Конь рванулся вперед и, поднимая пыль, поскакал по улице.

Когда Рокоссовский спусти несколько минут подъехал к полковнику, тот уже отдал приказ о зачислении его в полк:

«Мещанина гмины Комарово Островского уезда Рокоссовского Константина Ксаверьевича, родившегося в 1896 году, зачислить на службу в вверенный мне полк охотником рядового звания, коего зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением в 6-й эскадрон».

3

Так Константин Рокоссовский стал рядовым Каргопольского полка 5-й кавалерийской дивизии. Кавалерия в те далекие времена была, пожалуй, самым привлекательным родом войск: уланы, драгуны, гусары, кубанские, донские, терские и другие казачьи полки.

Три года Первой мировой войны не пропали даром: они привили ему любовь к военному ремеслу, научили взаимной выручке и солдатской дружбе. За годы войны он привык, втянулся в службу и относился к ней как к обыкновенной работе. Сандомир, Висла, Ковно, Поневеж, Рига... Бои, награды, благодарности, разведки, конные атаки, рукопашные схватки... Каргопольский полк был теперь для него родным домом, а товарищи по оружию заменяли родных, от которых с момента расставания он не получал никаких вестей. В суровых боевых буднях закалялся характер Рокоссовского.

Война нередко огрубляет душу человека, ожесточает его сердце, лишает сострадания. Рокоссовский же сохранил на всю жизнь доброжелательность, рассудительность, спокойствие, стремление понять человека. Ему претило мнение некоторых людей, что сильная воля неотделима от грубости и жестокости.

В полку Костю Рокоссовского любили и уважали.

И внешний вид стройного, щеголеватого, широкоплечего драгуна, и храбрость, и удаль, образованность и начитанность — все это вызывало расположение сослуживцев.

Семнадцатый год, словно вихрь, ворвался в жизнь Рокоссовского горячими спорами, стихийными солдатскими митингами, а иногда кровавыми расправами над неугодными командирами. Бурлила страна, вместе с ней бурлил и полк, наводнен-

ный ораторами и агитаторами от кадетов, большевиков, оборонцев, социалистов, эсеров и меньшевиков...

Драгуны полка выбрали Рокоссовского в эскадронный, а затем и в полковой комитет. Как один из самых храбрых воинов и заслуженных Георгиевских кавалеров он был избран в полковую георгиевскую думу и выполнял там обязанности секретаря.

В великой смуте и разногласии тех дней, в неразберихе деклараций и призывов, обещаний, угроз, воззваний и программ наиболее импонировали взглядам Рокоссовского лозунги «Долой войну!», «Да здравствует свобода!».

Константин все больше сближался с большевиками, такими как его друг Адольф Юшкевич. Пришло время и драгунам Каргопольского полка делать выбор. Еще в начале декабря 1917 года эскадрон покинули друг его юности Странкевич и двоюродный брат Франц Рокоссовский — вместе с группой драгун-поляков они присоединились к частям, сформированным под руководством правых политических группировок.

Таковы были суровые законы начинавшейся Гражданской войны. В этой будущей братоубийственной войне каждый должен был определить свою позицию, причалить к тому или иному берегу.

Двоюродный брат и друг Странкевич долго и упорно уговаривали Константина Рокоссовского оставить полк и уехать вместе с ними, но уговоры были напрасны — пути старых боевых друзей разошлись навсегда. Юшкевич и Рокоссовский связали свою судьбу с Советской Россией.

Под новый 1917 год вышел из Латвии поезд с красногвардейцами Каргопольского полка.

За окном вагона серебрились на зимнем морозном солнце вековые редкие сосны. Они не стояли на месте, а бежали назад, туда, где остались его родина, родные и близкие люди. Бежали сосны и их длинные утренние тени. Не стояли на месте и годы: Константину Рокоссовскому только что исполнился 21 год, а он уже побывал «и на коне и под конем».

Это была самая сверкающая и яркая пора в жизни — пора молодости, пора осуществления надежд и желаний. Уже можно было думать о семье, о домашнем очаге, можно было сажать розы и наслаждаться их прелестью, приумножать красоту земли, слушать любимые трели жаворонка над зелеными полями.

Однако Рокоссовский думал по-другому: «Человек приходит в этот мир, чтобы выполнить то, ради чего он рожден».

Витая в высоких идеологических сферах, он чувствовал себя освобожденным от мелочных житейских забот, политических сомнений и с головой ушел в борьбу за народное дело.

Глава девятая

1

Пятиэтажный, с шестью подъездами, белый дом стоял на пригорке при въезде в Псков из Ленинграда. С одной стороны к нему примыкал молодой сосняк, с другой — склоны гор, перерезанные дорогой. В доме жили семьи командного состава 5-го кавалерийского корпуса и дивизии, расположенной неподалеку.

Рокоссовские занимали трехкомнатную квартиру на втором этаже. Просторные комнаты были обставлены казенной мебелью. Под высоким потолком висели простенькие плафоны, освещая комнаты в темное время суток серым рассеянным светом.

В скромно убранной столовой, за небольшим накрытым полотною скатертью опрятно сервированным столом сидели Юлия Петровна и дочь Ада. Дождаясь Рокоссовского (он позвонил, что скоро приедет), они пили чай. Юлия Петровна выглядела моложе своих тридцати шести лет. Одиннадцатилетняя дочка, похожая на обоих родителей, тонким энергичным лицом, темной челкой на лбу напоминала шаловливого мальчишку, которого силой усадили за стол.

— Ну, что у нас за папа, вечно его не бывает дома, — сказала Ада.

— Военная служба, доченька, не считается со временем. А наш папочка — служака. Ты не волнуйся, он скоро приедет.

Звонок в дверь сорвал их с места.

— Здравствуйте, moja kochana zona i córeczka*, — расплылся в улыбке Рокоссовский, целуя жену и дочь.

— Я твоя цуречка, я твоя цуречка, — говорила Ада, прыгая вокруг родителей.

Юлия Петровна прижала голову к груди мужа и нежно смотрела ему в глаза, в которых светилось счастье.

За ужином Рокоссовский с восторгом рассказывал о Москве, о Большом Кремлевском дворце, о Георгиевском зале и о неожиданной встрече с Белозеровым.

Юлия Петровна пыталась выведать у него, как прошел съезд, но Рокоссовский отделался оговоркой:

*Мои любимые жена и дочка (польск.).

2

Оставшиеся дни зимы и всю весну 1937 года Рокоссовский почти безвыездно находился в соединениях и частях корпуса. Он инспектировал их, проводил полевые учения, проверял штабы дивизий, совершенствовал взаимодействие на границе с пограничными частями, с которыми всегда находил взаимопонимание. Он занимался нелегким делом, связанным с бурным развитием Красной Армии. После принятия в декабре 1936 года нового полевого устава появился новый вид вооруженных сил — механизированные войска, состоявшие из танков, самоходной артиллерии и мотострелковых частей. Корпус тоже был усилен танковыми подразделениями и артиллерией. На вооружение поступали новые типы ручных, станковых и зенитных пулеметов. На кавалерию возлагались теперь более сложные задачи.

Как и всегда, страстный поклонник новых идей в развитии армии, он с присущей ему энергией упорно и последовательно вводил все передовое. Но давалось ему все это непросто. Рокоссовский не мог не замечать, что в штабах корпуса, дивизий, полков да и среди командиров бывали не единичные примеры, когда кавалеристы с трудом перекидывали тяжелые тела на круп лошади, а затем тряслись в легкой рыси, боясь перейти в галоп. Как человек всегда подтянутый, он не мог смотреть на все это без возмущения и негодования. И хотя роль кавалерии потихоньку стала отходить на второй план, но пока ее не упразднили, надо было готовить настоящих кавалеристов.

Выявляя недостатки, Рокоссовский старался относиться к ним спокойно: не раздражался, не оскорблял подчиненных, попавших под горячую руку. Словом, и здесь, командуя таким большим соединением, как корпус, он был верен самому себе.

В конце весны 1937 года на базе псковской кавалерийской дивизии комдив проводил командно-штабные учения. Подводя итоги, он сказал:

— Решительность действий и смелость — вот основа современного боя. С появлением автоматического стрелкового оружия кавалерия стала слишком уязвима. В бою не спрячешься за камень, не укроешься за куст. Поэтому маневр, скорость наступления, глубокий прорыв в боевые порядки противника теперь

более актуальны, чем когда-либо за все время существования конницы. В связи с этим нелегко будет вести в бой войска командирам, склонным к ожирению. — Он глянул на начальника штаба одной из дивизий, грузного и чванливого человека:

— Федор Филиппович, а вы как думаете, правильно я говорю?

— Мой живот мне не мешает, — ответил тот обиженно.

— Подойдите, пожалуйста, сюда, — попросил Рокоссовский. —

Вот вам лошадь, садитесь.

— Может, не надо? — увидев высокого, стройного коня, сказал начальник штаба.

— Садитесь, садитесь!

Штабист несколько раз пытался забраться в седло, кряхтел, пыхтел и под общий хохот участников учений не смог забраться на лошадь. Тяжело дыша, красный как рак, он стоял перед строем, опустив голову, и не знал, что сказать.

Рокоссовский подошел к лошади, по-юношески вскочил на нее, показал несколько головокружительных упражнений, легко проскакал по полосе препятствий.

— Что скажете, Федор Филиппович?

— Вы правы, месяца через три я буду в форме.

— Я верю в это, — улыбнулся комдив.

3

Первого мая 1937 года Юлия Петровна с дочерью сидели дома и ждали, когда начальник гарнизона вернется с парада. Отец обещал сегодня познакомить их с городом и посетить пушкинские места. Однако Рокоссовский пришел домой поздно вечером и объявил, что завтра обязательно выполнит все, что обещал.

Второго мая жена и дочь оделись в легкие весенние платья, а Рокоссовский облачился в элегантный светлый костюм.

— Ты прямо как жених, — пошутила над ним жена.

— А что, мне всего лишь сорок лет. Царские офицеры женились и постарше.

Машина, петляя по улицам города, доставила их к Гремячей горе, где стояла церковь Косьмы и Дамиана, построенная в четырнадцатом веке. Почти рядом, касаясь берега реки Псковы, находилась высокая Гремячая башня.

Хотя солнце и пригревало почти по-летнему, здесь было прохладно. В невысокой траве пестрели светло-голубые головки ранних полевых цветов, всюду звенели шмели. В Гремячей баш-

не, в амбразурах светло-серой стены, поминутно подергивая голловками, ворковали голуби. Внизу пенилась, бурлила и сверкала на солнце река Пскова, на дне которой обнажились валуны, похожие на гигантских черепах. Прямо за рекой — старый, с плешинами площадей, куполами церквей, посеревший от времени город. В другой стороне, вверх по речке, просвечивала голубишной водная гладь плотины, а над нею ярко зеленел холм — немецкое кладбище.

Вскоре они оказались на стрелке двух рек — Псковы и Великой, где возвышалась крепость Кром. Здесь Рокоссовские приобрели билеты на экскурсию в Троицкий собор и пристроились к группе. Они с интересом слушали гида о том, как выдерживал Псков осады и Стефана Батория в Ливонскую войну*, и Густава Адольфа в Смутное время*. От Троицкого собора провожали воинов на войну и здесь же хоронили защитников города. В соборе на самом видном месте висели два меча — главные реликвии древнего псковского государства. Глубоко запала в душу Рокоссовского надпись на одном из них: «Чести моей никому не отдам». «Какие простые слова, а сколько в них глубокого смысла», — подумал он и про себя повторил: «Чести моей никому не отдам». Он подвел к мечам Аду и тихо сказал:

— Посмотри, доченька, и запомни эти слова.

Выходя из собора, Рокоссовский взглянул на часы. Стрелка приближалась к двенадцати. Дочку и жену он посадил на заднее сидение, сам сел рядом с водителем.

— Дима, к Святогорскому монастырю!

По берегам озер, подернутых рябью, преодолевая невысокие серые холмы, мимо лесов, болот и памятников старины, пересекая многочисленные мосты, мчалась легковая машина. Пассажиры молчали: каждый думал о своем. И вдруг, повернувшись к отцу, Ада спросила:

— Папочка, объясни мне — кто такой враг народа?

— А почему ты спрашиваешь?

— Вчера учительница сказала, что отец Оли — враг народа. И мы все должны об этом знать.

— Ада, я же тебе говорила не раз, что не надо совать нос в дела взрослых, — недовольно сказала Юлия Петровна. В ее глазах была тревога.

Кому-кому, а Рокоссовскому было известно, что в корпусе арестовано более десятка военных, с которыми он проработал больше года и о которых был высокого мнения. На днях на чер-

ном «воронке» из их подъезда увезли командира дивизии, Олиного папу. Куда и зачем — никто ничего не знает.

Рокоссовский долго и мучительно думал об этих повальных арестах, и вопрос дочери его еще больше обескуражил.

— Враг народа, доченька, — осторожно начал отец, — видимо, это тот человек, который что-то делает во вред своему народу. Олиного отца я хорошо знаю, он не может быть врагом народа. Ваша учительница могла что-то перепутать.

Рокоссовский замолчал. Он заметил, что дочь печально опустила голову и задумалась.

Недалеко от оживленного шоссе, делающего размашистый поворот к поселку, машина повернула налево и вскоре остановилась.

Впереди виднелся холм, поросший столетними деревьями. Кругом его простирались холмы поменьше, покрытые темно-зелеными соснами и белыми стройными, словно свечи, березами. Все это когда-то называлось Синичьими горами. Здесь в 1569 году по велению царя Ивана Грозного на самом высоком холме был основан женский Святогорский монастырь.

По крутой многоступенчатой лестнице, сложенной из камня, они поднялись вверх. На площадке перед входом в собор с протянутыми потемневшими от тяжелой работы руками стояли две старушки, а поодаль, с разорванной штаниной, с бутристым и синим носом сидел на камне средних лет мужчина. Рокоссовский глянул на жену, дочь и, прочитав в их глазах сочувствие к людям, живущим подаян timer, протянул старушкам деньги. Те машинально крестились и заученно повторяли:

— Дай вам Бог здоровья, сыночек. Спасибо, здоровья вам всем, Бог о вас будет помнить.

— А что же меня обходишь, дорогой товарищ? — спросил хриплым голосом мужчина.

— Не стыдно, пьянь забубенная? — сказала одна из старушек. — На тебе пахать надо в колхозе, а ты попрошайничаешь. Стыдоба!

— Вот уж не надо. Я сижу на своем законном месте и вас не трогаю, — тяжело проговорил мужчина, заискивающе глядя на Рокоссовских. — Мне терять нечего, от вас тайть не стану. Я живу лучше, чем при коммунизме: не работаю, а ем, да еще если повезет, то и выпиваю. На людей зла не держу. А коли выпью, то ни у кого от этого не убудет. Бог милостив. Он все простит. — Мужчина протянул дрожащую руку. — Красавец, Христом молю: дай на опохмелку.

— Папочка, посмотри, какие у него хорошие глаза, ну дай ему, — сказала Ада.

— За откровенность, — улыбнулся Рокоссовский и протянул деньги.

— Ой, благодарствую, как раз на сто пятьдесят. Я, слава Богу, тренированный, мне хватит на целый день.

В неподвижном воздухе струились лучи солнца, заливая Святые горы мягким светом. Было тихо. Едва проклюнувшиеся ярко-зеленые листья на деревьях напоминали о том, что весна набирала силу. То тут, то там раздавалось нестройное пение птиц.

Рокоссовский, как опытный гид, рассказывал жене и дочке об истории пушкинских мест, а под занавес осознанно оставил могилу великого поэта. До этого он им напомнил, что его друг Юшкевич особенно любил бессмертные строчки Пушкина:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

— А где теперь твой друг Юшкевич? — спросила Ада.

— Лежит в земле под Перекопом.

С замиранием сердца Рокоссовские подошли к мраморному обелиску, на котором было написано: «Александр Сергеевич Пушкин, родился в Москве 26-го мая 1799 года, скончался в С.-Петербурге 29-го января 1837 года».

— Прах поэта лежит рядом с прахом его предков, — вполголоса объяснял Рокоссовский. — Здесь погребены его дед, Иосиф Абрамович Ганнибал, его бабка Мария Александровна Ганнибал, урожденная Пушкина, его мать и отец, а в соборе, вы видели, — его маленький братик. Видимо, у Пушкина было какое-то предчувствие своей близкой гибели.

— Почему ты так думаешь? — спросила Юлия Петровна.

— В 1836 году, похоронив мать, поэт купил себе здесь место.

Рокоссовские уже собрались спускаться вниз, но, заметив Аду, которая стояла у могилы поэта, будто в зачарованном сне, остановились. Уже прошла группа студентов; молчаливой стайкой проскочили школьники; в философском раздумье задержалась, а затем ушла группа пожилых экскурсантов; а она, ученица четвертого класса, Ада Рокоссовская, все не могла оторвать-

ся от истока могучей реки, обладающей волшебной силой. Заметив на глазах у дочери слезы, отец и мать переглянулись.

— Ну, что ты, доченька, — ласково погладил ее по головке отец.

Ада ничего не ответила, а, вытирая кулачком слезы, прижалась к отцу.

В четвертом часу дня, наспех перекусив в дорожном буфете, Рокоссовские направились в Тригорский парк. Погода была теплая и ясная. Машина дошла до «Михайловских роц» и остановилась.

Дальше они пошли пешком и вскоре вошли в лес, где когда-то гулял великий поэт. От обомшелых сосен, от ганныбаловских елей, пирамидой уходящих в небо, от голубеющей реки Сыроти, от серого деревенского домика, где Пушкин коротал грустные вечера со своей верной няней и с крыльца которого в морозные зимы, слышав колокольчик, выбегал на крыльцо, — от всего этого веяло таким древним и чистым русским духом, что Рокоссовским казалось, что эту необъяснимо-чарующую силу и грусть можно испытать только здесь, в этих заповедных местах.

— Все-таки странная штука жизнь, — с сожалением сказала Юлия. — Почему так рано ушел из жизни Пушкин?

— Так распорядилась судьба, — ответил Рокоссовский.

— А что такое судьба? — подняла глаза на отца Ада.

— Судьба — это жизнь, не зависящая от самого человека.

— А у меня, у тебя и у мамы тоже есть судьба?

— Конечно.

— А какая моя судьба, ты не знаешь?

— В том-то и загадка жизни, что человек не знает свою судьбу.

Они прошли горбатый мостик, постояли и помолчали на «Аллее Керн», а затем направились в Тригорский парк. Здесь, среди могучих дубов и лип, они нашли скамейку и присели. Отдохнув, Рокоссовские направились к машине.

Глава десятая

1

Четвертого мая 1937 года в 25-й кавдивизии проходил парт-актив по вопросам февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б). Стены клуба были украшены лозунгами «Классовая борьба — движущая сила общества», «Врагам народа не будет

пощады», «Помни! Классовый враг хитер и беспощаден: он может приспособиться и к армейской среде».

К этому времени уже была окончательно оформлена концепция «врага народа». Она напрочь освобождала правовые органы от обязанности искать какие-либо доказательства преступления. Главным доказательством вины стало «признание» самого обвиняемого. Доносы, наушничество, стукачество, всеобщая подозрительность, недоверие — все это крутой волной захлестнуло страну.

В этот год культ личности Сталина достиг своего апогея. Сталин воспринимался большинством людей не как обыкновенный смертный человек, а как бессмертный вождь и учитель, буревестник революции и светоч социализма. Любые негативные явления в жизни страны воспринимались как злые, коварные умыслы «врагов народа», а все положительное и созидательное приписывалось ему, любимому вождю всех народов. Словами «родной отец», «солнце», «бессмертный гений», «великий кормчий» — пестрели все газеты, гремело радио, были пересыпаны все письма любимому и дорогому вождю товарищу Сталину.

В то же самое время страна выходила на путь индустриализации: создавались заводы, строились фабрики, развивалось машиностроение. Днепрогэс, Магнитка удивляли своей инженерной мыслью и смелым размахом. На всю страну гремели трудовые подвиги Стаханова, Бусыгина...

Для армии налаживался выпуск легких, средних и тяжелых танков. К примеру, танк «Т-35», хотя и оказался хорошей мишенью на поле боя, но все равно поражал воображение огневой мощью. Он имел пять башен, на вооружении было три пушки, пять пулеметов, экипаж состоял из одиннадцати человек. И весила эта машина пятьдесят тонн.

Несмотря на репрессии, на житейские трудности, народ продолжал верить в революционные идеалы и старался приблизить к ним свою страну.

На сцене за длинным рядом столов, накрытых красной материей, в президиуме занимали свои места командир корпуса Рокоссовский, вновь назначенный командир дивизии (прежний неделю тому назад был арестован), помощник по политической части корпуса И.С. Болошов, другие комиссары и секретари парторганизаций.

С раннего утра под нахмурившимся небом отдыхала псковская земля. Теплый ночной дождь вымыл крыши домов, осве-

жил темные сосновые леса и бархатистую зелень лугов. Было тихо, кое-где в низинах серебрились ручьевые проточины. Казалось, что природа выплакалась вволю и ей стало легко.

А тем временем на партактиве кипели страсти. Как всегда, тон задавали комиссары. На трибуне стоял, бурно жестикулируя, человек, высокий, как жердь, худощавый, с большими запысынами, обладатель высокого голоса. Это был очередной докладчик, дивизионный комиссар Болошов.

— В годы Гражданской войны и иностранной интервенции, — говорил он, — организаторский и полководческий гений товарища Сталина привел советский народ и героическую Красную Армию к победе над врагами Родины. В каждое преобразование, большое или малое, поднимающее нашу страну все выше и выше, наш вождь и учитель вложил свою мудрость, неукротимую энергию и железную волю.

Рокоссовский делал в блокноте наброски своего выступления и время от времени поглядывал на докладчика. Речь комиссара и аплодисменты зала напоминали ему фрагменты чрезвычайного съезда Советов, где принималась Российская Конституция.

— В своей речи на февральско-мартовском Пленуме товарищ Сталин нас предупреждает, — продолжал говорить Болошов, — цитирую его мудрые слова: «Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше мы будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, как последнее средство обреченных». — Докладчик поднял вверх правую руку и после эффективной паузы, бросил в зал: — Какие мудрые слова, товарищи! Послушаем дальше и возьмем на вооружение каждое слово. Вот что говорит наш всевидящий вождь! — Болошов поднял обе руки вверх, и его голос густой волной пошел в толпу: «Врагов мы будем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом». Как видите, товарищи, Сталин призывает нас к жестокой и бескомпромиссной борьбе. Он сам показывал и показывает нам в этом пример.

Далее докладчик широко развернул панораму бескомпромиссной борьбы товарища Сталина за чистоту рядов большевистской партии. Согласно докладу выходило, что, начиная с 1924 года, продолжатель дела Ленина только и знал, что вел борьбу с антибольшевистскими фракциями, с правыми и левы-

ми уклонистами, с заговорщиками и в конце концов с врагами советского народа.

Внимательно слушая доклад Болошова, Рокоссовский вспомнил не один десяток соратников Ленина, партийных работников, выдающихся ученых, организаторов производства. И теперь большинство из них распрощались с жизнью.

«Что-то тут не сходятся концы с концами. Выходит, что делали революцию и строили социализм одни враги народа, — подумал он. — Да, может, кто-то из них допускал ошибки, но разве гуманизм и борьба взаимно исключают друг друга? Времена творцов «безжалостного и беспощадного русского бунта» Разина и Пугачева давно прошли». От этих мыслей какая-то трудно объяснимая тревога всколыхнула его душу и застыла на лице. Он выглядел усталым и, что с ним бывало нечасто, угрюмым. Его пугало то, что в Европе разгорается очаг войны и непрочный мир дышит на ладан, а мы вместо повышения боеготовности армии занимаемся самоедством, возможно, и самоубийством.

Когда же Рокоссовскому предоставили слово, он шел к трибуне уже без грусти на лице, а более спокойно и уверенно.

— Товарищи, — начал он ровным голосом. — Я хотел бы обратить ваше внимание на другой аспект бдительности, который, без сомнения, имеет в виду рассматриваемый нами Пленум. Теперь уже и малoverы убедились в том, что германский фашизм вынашивает планы завоевания Европы и установления своего господства. Основным стержнем этого плана является захват Советского Союза. Вот что пишет вождь фашистов Гитлер: «Когда в настоящее время мы говорим о новых землях в Европе, то мы должны в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба указывает нам этот путь». Мы должны обратить внимание на то, что вся политика фашизма подчинена подготовке к мировой войне. Уже возникла группировка фашистских стран Германии, Италии и Японии. Она добивается коренного передела мира. Разве не об этом говорят факты? В прошлом году Германия и Италия напали на Испанию. Годом раньше Италия объявила войну Эфиопии. Япония на Дальнем Востоке воюет с Китаем. Тень фашизма висит над народами мира. И если эту зловещую силу некому будет остановить, то мировой пожар неизбежен.

Рокоссовский обратил внимание на то, чтобы недостатки в боевой подготовке и полевой выучке (он их перечислил подробно) были устранены в кратчайший срок.

– Корпус и дивизия прикрывают самый ответственный участок границы, – сказал он в заключение. – Отсюда до возможно-го противника – рукой подать.

С полной убежденностью в правоте того, что он сказал, Рокоссовский покинул трибуну.

2

В начале мая 1937 года Рокоссовские на семейном совете решили провести отпуск в городе Пскове и его окрестностях. Они написали письмо Белозерову и вскоре получили ответ, что во второй половине августа он с удовольствием придет к ним в гости с женой и сыном. Юлия Петровна и Ада строили планы, мечтали, как они будут принимать гостей, ловить рыбу, гулять по лесу, собирать грибы и загорать. Им нечасто приходилось отдыхать с отцом, да еще летом.

Поддаваясь настроению дочери, не дававшей покоя своими неумными фантазиями, Юлия Петровна старалась держать себя в руках и не думать о том, что люди стали какими-то нервными, скрытными, неразговорчивыми. Даже всем известные женщины-болтушки, жены военнослужащих и те прикусили языки. По ночам все чаще и чаще начали появляться зловещие, как смерть, черные фургоны. После их посещения все больше и больше появлялось женщин с опухшими от слез лицами. Ночами, слушая тяжелые шаги на лестнице, она вздрагивала и, чтобы унять биение сердца, готового выскочить из груди, тайком от мужа принимала валерьянку.

Юлия Петровна стала замечать в себе перемены: она почти перестала смеяться, шутить, веселиться в любой компании. Может быть, она такой женщиной никогда и не была, а только присвоила себе на время черты характера той Юленьки, которую так любили ее домашние и муж Костя? Она часто задавала себе вопрос, что с ней происходит? И не находила ответа. Видела, что даже дети стали не такими раскрепощенно-веселыми, какими были всегда. Ей иногда казалось, что птицы, баловни природы, щебечут и поют не так, как они это делали раньше.

Людям, не испытавшим этого страха, трудно поверить, сколько тревог, сколько отчаяния, сколько изнуряющего и мучительного ожидания тайлось тогда под крышами многих домов.

В середине июня, закончив дела в штабе корпуса, Рокоссовский зашел домой, чтобы взять вещи и уехать в долгую коман-

дировку для организации учебы частей и соединений в летних лагерях.

К нему подошла жена, встала на цыпочки и чмокнула в щеку.

– Что случилось, Костя, ты какой-то сам не свой?

– Да так.

– А все же?

– Сегодня утром арестовали двух командиров полков и заместителя начальника штаба корпуса.

– За что? Они что-нибудь натворили?

– Да нет.

– Так за что же?

– Юленька, никто ничего не знает, – вздохнул Рокоссовский. – Я пытался выяснить.

– И что ты выяснил?

– Лучше и не спрашивай, – сказал он, давая понять, что разговор на эту тему закончен. Он сочувственно глянул на жену и спросил: – А где дочка?

– Должна скоро прийти. Она задержалась у подруги. Дочь Гуляева, ты, наверно, знаешь?

– Его арестовали три дня назад.

– Может, Аде не надо к ним ходить? – почти шепотом спросила она. Ее лицо покрылось красными пятнами.

– О чем ты говоришь, Юлия? При чем тут дети?

В комнате раздался телефонный звонок.

– Да, – поднял трубку Рокоссовский. – Да, да, я слушаю. Хорошо, подавайте машину. Я сейчас выхожу.

Он взял чемодан и направился к выходу.

– Люлю, не волнуйся, через два месяца я вернусь. Возьмем отпуск и отдохнем на славу. Поцелуй дочурку. – Он обнял жену и вышел.

Когда Рокоссовский подошел к машине, возле нее стояли широкоплечий, с небольшим животиком, похожим на дыню, начальник особого отдела корпуса и дивизионный комиссар Болошов.

– Что все это значит, Иван Степанович? – спросил настороженно Рокоссовский.

Болошов потоптался на месте, покраснел и ничего не ответил.

– Это значит, что вас просят в штаб корпуса для объявления важного документа, – пояснил особист.

– Кто просит?

— По поручению командующего Ленинградским военным округом, — сказал особист. — Мы вас просим.

— Ну что ж, поехали, — сухо сказал Рокоссовский и сел рядом с водителем.

Болошов и особист заняли места сзади.

Ехали молча. Над деревенскими домами и уличной зеленью ярко сияло солнце, вдоль заборов сплошными рядами кудрявилась сирень.

Рокоссовский, время от времени попыхивая папиросой, думал о том, что еще два дня тому назад отношение к нему сослуживцев стало каким-то вежливо-настороженным. Он это уловил сразу и под прессом этого впечатления жил уже двое суток, а ночами почти не спал. Ему казалось, что начальник штаба корпуса и Болошов что-то от него скрывают и не могут набраться смелости об этом сказать. Теперь же те, кто сидит у него за спиной, судя по всему, уполномочены заявить об этом открыто. Присутствие особиста, который, как ему стало известно, принимал участие во всех арестах руководящего состава корпуса и дивизий, не сулило ничего хорошего.

Рокоссовский вдруг повернулся назад и спросил:

— Вы мне можете сказать, о чем пойдет речь?

— Нет, мы уполномочены заявить об этом в штабе, — ответил особист.

— Время терпит? Если мы приедем в штаб на полчаса позже, ничего не случится?

— Конечно, нет, полчаса туда или сюда дела не меняет, — сказал особист и, повернувшись к Болошову, уточнил: — Я думаю, так?

— Я тоже так думаю.

— Дима, поворачивай к Святогорскому монастырю, — сказал Рокоссовский.

Проехав несколько минут по течению реки Великой, машина подкатила к подножию горы и у обрыва остановилась.

Не переставая дымить папиросой (он их курил одну за одной), Рокоссовский вышел из машины.

— Он не отмочит чего-нибудь? — тихо спросил особист, когда Рокоссовский отошел на пару десятков метров. Он положил руку в карман, ощупывая пистолет.

— Нет, я в этом уверен, — ответил Болошов, готовый в эту минуту сгореть от стыда из-за своего унижительного положения. С таким умным и деликатным командиром, как Рокоссовский, он встречался впервые за свою многолетнюю службу.

Рокоссовский стоял на вершине холма и, глядя на Святогорский монастырь, чтобы отвлечься от тяжелых дум, восстанавливал в памяти связанные с ним исторические события. Куда ни забрасывала его военная судьба, прежде чем приступить к работе, он изучал историю местности, где ему приходилось служить.

Он хорошо помнил, что Святогорский монастырь упоминается в летописи в 1299 году. Название горы «Снетная» происходит от слова «снеть» — снеток, крошечная рыбка, которой когда-то были переполнены реки Пскова и которую могли ловить люди обыкновенным решетом.

«Это был самый богатый монастырь на псковской земле, — думал он, подставляя лицо солнцу, словно предвидя, что он встретится с ним нескоро. — Здесь, в этом монастыре, находили пристанище состоятельные люди не для того, чтобы исполнить суровый монастырский обет, а чтобы избавиться от всяких мирских обязанностей и пожить на свободе».

Он глянул на золотой купол Рождественского собора, на залив реки Великой, на шапки леса, покрытые сизой дымкой, и как бы от предчувствия беды ему неудержимо захотелось забиться в какой-нибудь тихий уголок или же в монастырь, побыть там, поразмышлять и хотя бы на время уйти от мрачной реальности.

Свежий ветер ласково трепал волосы комдива и уносил его душу и сердце вдаль, в глубину веков. Он на миг мысленно представил себе, как в 1472 году на этот берег, где он теперь стоял, с большого речного судна с высокими бортами сходила племянница последнего византийского императора Софья Палеолог — невеста Великого князя Московского Ивана Третьего, следовавшая из Рима в Москву. Рокоссовский дословно помнил слова летописи, рассказывающей о встрече красавицы: «Они наливали кубки и роги злащенные с медом и вином и пришедши к ней чело ударяша».

— Чего он там стоит? — спросил начальник особого отдела.

— Если б мы знали, о чем думает этот человек, нас бы замучила совесть, — ответил Болошов, прикуривая.

— Странный вы человек. Говорите о какой-то там совести, — буркнул особист. — На том месте, где была совесть, — там вырос осиновый кол. Контрреволюционеры, враги народа, давно ее потеряли.

Подождал Рокоссовский, и машина направилась к штабу корпуса. Они вошли в кабинет Болошова и уселись вокруг стола.

Болошов открыл сейф, достал оттуда папку и, взглянув на Рокоссовского, спросил:

- Разрешите прочитать?
- Читайте, – неохотно ответил комдив.

«Приказ

Народного комиссара обороны Союза ССР по личному составу армии

№ 2455 от 13 июня 1937 года, г. Москва

Командир 5-го кавалерийского корпуса Рокоссовский Константин Константинович освобождается от занимаемой должности и зачисляется в распоряжение Управления по начальствующему составу РККА.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза Ворошилов».

Рокоссовский побледнел, глаза загорелись каким-то странным неестественным блеском. Он машинально достал из кармана портсигар, закурил.

После долгого молчания, которое тяготило всех, глубоко задумавшись, Рокоссовский спросил:

- Как это все понимать?
- Нам предоставлено время, чтобы кое-что проверить в отношении вас по линии НКВД. Наши товарищи помогут вам устроиться.
- Это что, что-то вроде домашнего ареста?
- Не совсем так, но общение с друзьями и знакомыми Вам будет запрещено.
- И с семьей тоже?
- Да, и с семьей тоже, – ухмыльнулся особист. – Зачем расстраивать близких людей? Может, сыр-бор разгорелся просто так, из-за пустяков.

3

Пятиэтажная гостиница НКВД была расположена в сосновом лесу. Она была обнесена полутораметровым каменным забором, по которому проходили четыре ряда туго натянутой колючей проволоки, и охранялась людьми в военной форме.

Двухкомнатный номер, на первый взгляд, казался уютным и комфортным: мягкий диван, обитый темной кожей, трюмо, стол, покрытый белой скатертью, настольная лампа с красным абажуром. Окна занавешены бледно-желтыми гардинами, а комнаты освещены с потолка голубыми плафонами. В одной комнате со стены смотрел Сталин, в другой – Ежов. Свет от плафонов, бледный, слабый, напоминающий свет луны, вначале создавал настроение спокойного уюта, и только через некоторое время Рокоссовский почувствовал одиночество и тоску.

К нему постоянно, утром, днем и вечером, заходила молодая дама и приносила еду. Он ни разу в своей жизни не видел подобной женщины. Голова ее, круто обвитая рыже-красными жгутами волос, напоминала перевернутый вверх дном горшок. А открытый низкий лоб и красное лицо с рельефно очерченным волевым подбородком делали ее мужиковатой. По серым застывшим глазам нельзя было узнать, что творилось в ее душе. Узник этих комнат пытался несколько раз заговорить с ней, но она по-солдатски отвечала: «так точно», «никак нет».

Все дни Рокоссовский проводил за чтением книг, которые по его просьбе доставляли из местной библиотеки. Он даже удивился, что не было ни одного случая, чтобы не выполнили его пожелания.

Через десять дней затворничества его вызвали на партсобрание Управления штаба 5-го кавалерийского корпуса. Его привезли туда двое работников НКВД.

Рокоссовский не узнал своих сослуживцев. Он никогда не мог предположить, что от него отвернутся друзья, что его покинут люди, для которых он не жалел времени и сил. Особенно из кожи лез комиссар Болошов. А ведь они с ним жили душа в душу. На каких же низменных чувствах человека надо играть, чтобы разжечь в его душе такой пожар ненависти? Как они только не называли Рокоссовского: и «предатель», и «изменник Родины», и «двурушник», и даже «негодяй», «враг народа».

Он стоял перед этими озверевшими людьми, как изваяние. Его губы посинели, лицо заострилось и побледнело, как мел, а небесного цвета глаза потемнели. Руки, оплетенные тугими мускулами каменотеса, до боли были сжаты в кулаки.

Покинуть это сборище одурманенных борьбой с «врагами на-

рода» людей он не мог, а презирать их в душе за предательство и ложь — это было его право.

Всё партийное расследование было построено на доносах НКВД. Рокоссовский был так ошарашен услышанным, что в свое оправдание не сказал ни слова: доказывать, что он не предатель Родины, — смешно, а что он никогда не был негодяем — и вовсе глупо. Его исключили из партии единогласно.

Итак, Рокоссовский снова вернулся в гостиницу, он ходил по комнатам из угла в угол и никак не мог обуздать свои нервы. Ему теперь казалось, что на него вылили ушат грязи, от которой невозможно отмыться. Он ушел в себя и до того погрузился в раздумья, что не заметил женщины, принесшей ему ужин. Та постояла, взглянула на прислонившегося к окну Рокоссовского, окутанного табачным дымом, и проговорила:

— Константин Константинович, ужин на столе. — Она впервые назвала его по имени и отчеству.

— Ах да, спасибо, — окинул ее рассеянным взглядом Рокоссовский.

Когда женщина вышла, он к еде не притронулся, а только выпил стакан чаю.

Дни тянулись медленно и нудно. Глупая неопределенность ситуации, в которой он оказался, терзала и мучила его до бессонницы, до головной боли. Чего он только не передумал за эти дни!

Однажды вечером Рокоссовский поднял глаза на портрет Сталина, который смотрел на него спокойными, мудрыми и, как ему показалось, чуть насмешливыми глазами. Он долго смотрел на вождя всех народов, потом мысленно к нему обратился:

«Скажи, товарищ Сталин, с кем же ты останешься, когда перебьют, перекалечат тех, кто был истинно верен идеалам революции, социализма, кто шел на смерть за свободу, за волю, за землю, за счастье простых людей? Скажи мне, товарищ Сталин, ради чего затеяна охота на «врагов народа»? Скажи, кому все это нужно и кто от этого будет в выигрыше?.. Молчишь?.. Неужели нечего сказать?..» Рокоссовскому показалось, что из глаз вождя улетучилась усмешка и в них светилась теперь жестокая сила.

Единственным спасением для него были книги. Вот и сегодня с карандашом в руках он сидел за сочинениями Плутарха и делал пометки в свой блокнот.

Внезапно за дверью раздался стук.

— Входите!

Дверь открылась, и в комнату вошли начальник Управления НКВД по Псковской области Коровин и начальник особого отдела корпуса.

— Здравствуйте, Константин Константинович, — дружно сказали они.

— Здравствуйте. — Рокоссовский вышел из-за стола и пожал протянутые руки.

Глянув на стол, Коровин спросил:

— Что читаете?

— Древнего Плутарха. Мудрый был мужик.

— К примеру? — уставился на книгу Коровин.

— Послушайте, — сказал Рокоссовский, приглашая «гостей» сесть на диван. Он занял место за столом, взял в руки книгу и начал зачитывать полюбившееся ему место: — «Придворные льстецы, обманом вкрадываясь в доверие государей, словно птицеловы, подражают голосам и переманивают повадки тех, на кого охотятся; что до государственного мужа, то перенимать народный нрав ему, конечно, не пристало, но знать надо, чтобы с умением подойти к каждому. Ведь и в гражданских делах отсутствие такта ведет к ошибкам и провалам, не менее тяжким, чем в близком общении с царями».

— Не зря я вам доставал книги в городской библиотеке, — улыбнулся Коровин.

— Вот оно что, так это вы, Павел Семенович, снабжали меня литературой. Я вам благодарен.

— Константин Константинович, мы пришли для того, чтобы вам сказать: вы можете ехать домой, — спокойно заявил Коровин.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул Рокоссовский. — Разве с самого начала не было ясно, что за мной не водилось и не водится никаких грехов перед Советской властью? Я знал, что справедливость восторжествует. Спасибо!.. Спасибо!.. Я знал!.. Я знал!..

Коровин с каким-то едва уловимым сочувствием глянул на покрасневшего от радости Рокоссовского, достал из портфеля деловую бумагу и протянул ему:

— Прочтите и распишитесь.

Рокоссовский поднялся и, с опаской глянув на посетителей, начал читать:

*Народного Комиссара обороны Союза ССР.
По личному составу.
№ 2940 22 июля 1937 года, г. Москва*

1. Состоящий в распоряжении по начальствующему составу РККА комдив Рокоссовский Константин Константинович увольняется в запас РККА по статье 43 пункту «Б» Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА.

Народный Комиссар обороны Маршал Советского Союза Ворошилов».

Ноги Рокоссовского словно приросли к полу: он не мог двинуться с места. Лицо его приняло трагическое выражение. В нем было столько страстной и безнадежной тоски, отчаяния, что даже у представителей НКВД на короткое время шевельнулась в груди жалость.

— За что меня так унизили? — произнес Рокоссовский хриплым голосом. — Скажите, за что? — В его глазах стояли слезы, руки были сжаты в кулаки.

Коровин и особист, опустив глаза, молчали.

— За то, что я безоговорочно перешел на сторону Советской власти? За то, что воевал за нее и проливал кровь? — Он окинул долгим взглядом собеседников и, подумав, более спокойно сказал: — Теперь, как я понимаю, дело за арестом?

— Не обязательно, — ответил до сих пор молчавший особист.

Рокоссовский подошел к нему вплотную и, глядя на его невысокую фигуру, будто уточняя, что кроется за его словами, произнес:

— Если бы это было иначе, то со мной обошлись бы по-другому.

— Вы можете ехать домой, — сказал Коровин. — Машина у ворот.

— А дальше что?

— Распишитесь, пожалуйста, что вы не покинете город Псков. — Коровин подал ему отпечатанный бланк.

Рокоссовский расписался и начал собирать вещи. Теперь он был уверен, что его жизненную лодку без руля унесло ветром в открытое море. И теперь придется терпеть и морскую болезнь, и все остальное, что может с ним приключиться.

1

В самом начале августа 1937 года бессердечно припекало солнце. Казалось, что этому пеклу не будет конца. Уже более трех недель жара косила зеленую траву, превращая ее в рыжую, худосочную колючку. Лиственные деревья поникли, преждевременно пожелтели поля. Только мужественно держали марку сосны да ели: они выглядели еще более темными на фоне выгоревшего ландшафта.

Юлия Петровна и Ада вышли из дому и присели под елью на деревянную скамейку. День по-прежнему был ясный, только далеко на горизонте, за лесом, выплывала громадная черная туча. Десятки блестящих ласточек сидели на проводах и без умолку чирикали, словно обсуждали какую-то важную новость. Некоторые из них, как бы обидевшись за то, что к их мнению не прислушиваются, взмывали вверх и выделяли невероятные кульбиты, а затем опять присоединялись к стае. В воздухе стоял дурманящий терпкий запах.

К дому подъехала машина, из которой вышел Рокоссовский. Он не успел осмотреться, как к нему с радостным криком подбежала Ада.

— Папочка, родно-ой мой! Как я по тебе соскучилась! Ну где же ты пропадаешь? — Она забралась к нему на руки и, прижавшись головой к его лицу, замерла.

— Доченька, дай мне хоть один раз поцеловать папу, — сказала жена, расцветая от радости.

— Мамоchка, только, чур, один раз!

Рокоссовский растерянно обнимал жену и дочь. Он изо всех сил старался не подать и виду, какие в его жизни произошли события, хотя, то ли от стыда, то ли еще отчего, ему хотелось провалиться сквозь землю.

— А почему ты не на своей машине? — спросила Юлия Петровна.

— Моя поломалась.

— Костя, — заглянула ему в глаза жена и осторожно спросила: — Ты был в лагерях и совсем-совсем не загорел... Ты сегодня какой-то странный, будто тебя подменили.

— Мама, как тебе не стыдно так говорить? Моего папочку никто не может подменить, — возразила Ада, нежно поглаживая волосы отца и откровенно любуясь им.

— А почему же его никто не может подменить? — улыбнулся

Рокоссовский, довольный тем, что дочь помогла уйти от неприятного ответа.

— Да потому, что он самый красивый и умный. Мой папочка — самый-самый.

— Ты преувеличиваешь, доченька, — прижал ее к себе отец и поцеловал.

Внезапно тучи начали заволакивать все небо. Блеснула молния, загредел гром. Рокоссовские зашли в беседку, по кровле которой застучал дождь. После грозы пошел ровный, что называется, грибной дождик. На глазах оживала и молодела природа. Бескрайний небесный простор, затянутый легкой дымкой, был похож на тихую водную гладь вышедшей из берегов реки во время раннего весеннего паводка. Радуга, горящая разноцветными огнями, одним концом упиралась в озеро, расположенное в трехстах метрах от дома, а другим, образуя полукруг, уходила в серые облака. Создавалось впечатление, что она пьет воду из озера.

Поздно вечером, когда Ада уснула, Рокоссовский рассказал жене все, что с ним произошло за эти дни. Этой трагедии он старался придать будничный характер, но Юлия Петровна понимала всё. Ее охватил страх за будущее. Она с ужасом думала о том, что мужа могут арестовать со дня на день; безумие возможной предстоящей разлуки не давало ей покоя до утра.

— Юленька, я тебя очень прошу: не надо заранее печалиться. Может, все образуется. Слава богу, силы у меня еще есть, устроюсь каменотесом и будем жить, как живут все простые люди.

Она прекрасно понимала, что муж говорит все это ради того, чтобы заставить ее уснуть. Она чувствовала всем сердцем, что и он так же переживает и мучается, как и она, но только старается держать себя в руках.

2

Рокоссовские встали рано и занялись множеством дел — важных и пустяковых. Жена и дочка приступили к домашним делам, а Рокоссовский почти целый день ходил по магазинам. Ему трудно было привыкать к новому положению, к гражданской жизни. Он обладал даром привлекать к себе людей, ничего особенного для этого не делая. В одних он пробуждал к себе уважение своим ровным, спокойным поведением, в других — пробуждал интерес своей эрудицией. Теперь же если бывшие сослуживцы встречались с ним один на один, то всем видом показывали

свое к нему расположение. Однако когда эта встреча происходила с двумя или более, то те делали вид, что они и вовсе с ним незнакомы. В связи с этим Рокоссовские, чтобы не мозолить глаза жителям дома и не ставить их в неловкое положение, весь вечер прогуляли на озере до захода солнца. Они дышали последождным воздухом и много говорили о будущем. Но там не сияло солнце, и в его безмерных просторах, не подвластных настоящему, тоже нельзя было отдохнуть душой.

Сегодня Рокоссовские легли спать рано. Убаюканные природой и разговорами о будущем, все быстро уснули.

Под утро на лестнице раздались шаги. Первой услышала жена. Каждый тяжелый, размеренный шаг болью отдавался в ее сердце. «Неужели к нам? — думала она. — Господи, пронеси». Она глянула на обнаженную грудь мужа, прикрыла ее одеялом, будто хотела спрятать от беды. Вдруг шаги застыли... Тишина... Через минуту-две в прихожей раздался длинный и властный звончок.

— Набрось халат, — сказал моментально проснувшийся Рокоссовский. Он торопливо надел спортивный костюм. — Я открою сам.

В комнату вошли три человека в форме военнослужащих НКВД, за ними стояли два сослуживца по штабу корпуса из соседнего подъезда — понятые.

— Оружие есть? — спросил один из военнослужащих.

— Нет, сдал, — ответил Рокоссовский.

— Одевайтесь, вы арестованы.

— Боже мой, что же это такое? — вышла из соседней комнаты жена, по ее щекам ручьем текли слезы.

— Юлия, милая, веди себя достойно, — проговорил Рокоссовский, надевая гражданский костюм.

Сослуживцы стояли у порога и не поднимали глаз.

— Проходите в комнату, — обратился к ним Рокоссовский.

— Спасибо, мы стоим здесь.

— Вы быстрее собирайтесь и не разводите антимонию! — сказал один из военнослужащих, сверкнув глазами на Рокоссовского.

— Зачем же так грубо?

— Вот ордер на арест и обыск, — более вежливо сказал старший группы. — Попрошу вас расписаться.

Рокоссовский повертел в руках бумагу, расписался и сел на стул. Сзади к нему подошла жена и обняла его дрожащими руками.

Работники НКВД привычно, профессионально отработанными движениями начали потрошить столы, полки, шкафы.

— Осталась та комната, — старший кивнул на детскую, когда дело подходило к концу.

— Может, оставите девочку в покое? — сказал Рокоссовский, повернувшись к старшему группы. — Пусть думает, что папа уехал в длительную командировку. Она к этому уже давно привыкла.

— Нет, не можем. Обыск есть обыск.

— Ну что ж, Юлия, поднимай дочку.

Жена зашла в спальню и оттуда вышла с заспанной Адой, которая остановилась посередине комнаты, смотрела то на незнакомых людей, то на родителей и никак не могла сообразить, что здесь происходит.

— Папочка, ты куда? — испуганно спросила она, догадываясь о пришедшей к ним в дом беде. Она подбежала к отцу и бросилась к нему на шею.

Юлия Петровна заплакала и вышла в соседнюю комнату. Отец и дочь сидели рядом, прижавшись друг к другу, и молчали.

Прошло около часа. Жена собрала кое-какие вещи и вместе с консервами, хлебом, печеньем и сахаром сложила в дорожный чемоданчик, которым пользовался всегда муж, когда уезжал в длительную командировку.

Закончив все формальности, представитель НКВД заявил:

— Константин Константинович, следуйте за мной к машине.

Рокоссовский медленно поднялся, попрощался с женой и дочерью, взял чемоданчик и направился к двери.

За его руку уцепилась Ада и истеричным голосом закричала:

— Папочка, миленький, я тебя никуда не отпущу! Не слушай их, не уходи! Папочка-а!

— Доченька, родная, не надо так! Успокойся, ты же у нас умница, — говорил сдавленным голосом Рокоссовский, легонько освобождаясь от рук дочери. — Это какое-то недоразумение. Я скоро вернусь. Поверь мне, доченька... Вот увидишь, я скоро вернусь... Я обязательно вернусь...

Под вооруженным конвоем, как опасный государственный преступник, Рокоссовский скрылся за дверью. Все происходящее, не оправданное никаким здравым смыслом, угнетало душу, мutilовало сознание, заставляло сердце сжиматься от боли. Опустив голову, он медленно сходил по ступенькам вниз за конвоиром, боясь встретить кого-нибудь из знакомых.

Юлия Петровна сидела на диване, прижав к себе рыдающую Аду.

«Черный ворон», в котором везли Рокоссовского в тюрьму «Кресты», размещавшуюся в Ленинграде, остановился где-то в сотне километров за Псковом. Двум чекистам и узнику разрешили перекурить. Рокоссовский с трудом достал папиросу — мешали наручники, — прикурил у конвоира и жадно затянулся дурманящим дымом.

В утренних лучах солнца нежались деревья, пропитанные смолистым запахом, лесные цветы и трава. Разнообразными голосами перекликались птицы; кругом веяло мудрым спокойствием.

Синее небо, прозрачный и звонкий воздух, гомон птиц, яркая зелень, легкий и ласковый ветерок воспринимались теперь Рокоссовским не так, как это было на воле. Сейчас все казалось более привлекательным и красивым, возможно, потому, что где-то глубоко в душе занозой сидела мысль — может случиться так, что эту красоту он больше никогда не увидит. Он был хорошо осведомлен, что смерч по выявлению «врагов народа» разбушевался в стране не на шутку. Но сдаваться он не собирался и твердо для себя решил: во что бы то ни стало бороться за свое честное имя.

Глава двенадцатая

После расстрела маршала Тухачевского (12 июня 1937 года) волна репрессий охватила Красную Армию с еще большей силой. В числе других, несколько раньше, был арестован заместитель начальника Управления боевой подготовки РККА, комкор Чайковский Косьян Александрович, 1893 года рождения, русский, уроженец Тамбовской губернии. Он окончил три курса Московского университета, после этого пошел добровольцем в армию, участвовал в Первой мировой войне, находился в плену у немцев, где в 1915 году познакомился с Тухачевским и был о нем самого высокого мнения.

Чайковскому вспомнили, что в середине 1936 года на одном из официальных совещаний в Москве он заявил:

«Когда в январе 1936 года маршал М.Н. Тухачевский вместе с Литвиновым* приезжал на похороны английского короля Георга Пятого, то привлек к себе всеобщее внимание своей военной эрудицией, своей молодостью, внешностью, поведением и манерами, своим культурным кругозором».

Однако его заключили под стражу как одного из участников военного заговора и руководителя военно-троцкистской организации в одиннадцатом мехкорпусе в Забайкальском военном округе, в котором долгое время служил Константин Рокоссовский. Многие «свидетели», в том числе и Чайковский, «дали» показания, что командир 15-й кавдивизии Рокоссовский тоже был активным участником заговора.

В топку репрессий бросались лучшие военные специалисты. Самым главным было арестовать сотню-другую, а там можно смело клепать обвинения. Благо все военные имеют друзей, родственников и сослуживцев, а за наркомом Ворошиловым дело не станет.

Вместе с Рокоссовским изгонялись из армии, а потом были репрессированы многие десятки его коллег. В их числе начальник штаба Киевского военного округа комбриг Подчивалов, начальник артиллерийского научно-исследовательского института РККА военинженер 1-го ранга Струсельба и т.д.

Можно представить себе, с какой скоростью работал конвейер по перемалыванию военных кадров.

Надо сказать, что «заговор маршалов» 1937 года был сфальсифицирован не келейно, как то иногда преподносится прессой и исторической литературой. Это не тайная расправа Сталина над видными военными деятелями. Эта кощунственная кампания проводилась открыто и с большим размахом.

С 1 по 4 июня проходило расширенное заседание Военного Совета при наркомате обороны с участием членов Политбюро. С профессиональной режиссурой здесь был поставлен спектакль по разоблачению контрреволюционеров.

Один из главных актеров этого спектакля – народный комиссар обороны Ворошилов выступил с большим докладом «О раскрытии органами НКВД контрреволюционного заговора в РККА».

Участники Военного Совета имели на руках «чистосердечные признания» Тухачевского, Якира, Уборевича, Примакова и других заговорщиков.

Бритоголовые (тогда это было модно) маршалы, командармы 1-го и 2-го рангов, комкомы и комдивы со всего Советского Союза были приглашены на расправу над своими друзьями, боевыми товарищами и сослуживцами. Мы не знаем, присутствовал ли на этом спектакле Рокоссовский, – таких сведений нет.

– Органами Наркомвнудел раскрыта в армии долго существ-

вовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная организация, возглавляемая людьми, которые стояли во главе армии, – говорил Ворошилов. Он на все лады восхвалял органы НКВД, которые бескомпромиссной деятельностью спасли вооруженные силы от заговорщиков и шпионов. Далее он призвал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек...».

Второго июня на Военном Совете выступил Сталин. На удивление, его речь была сумбурной и путаной. Он перескакивал с одной мысли на другую, и в речи отсутствовала логическая последовательность. Сославшись на показания самих арестованных, Сталин пришел к выводу, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся германскими фашистами...», а «...эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера*...»

Доверительно сообщив, что только по военной линии уже арестовано 300–400 человек, Сталин объяснил: «...Заговор этот имеет не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия...»

Обсуждение доклада Ворошилова продолжалось три дня. В прениях выступили 42 человека.

Боевые соратники, сообщая добывавшие славу Советской власти и Красной Армии, проливавшие кровь на полях сражений, вылили ушат грязь и клеветы на тех, кто был повержен в скорбь, в ужас и отчаяние, кто ждал в тюрьмах смерти.

Герои революции, Гражданской войны, поднятые на пьедестал почета интеллигенцией, клеймили позором и предавали анафеме тех, с кем в годы испытаний делили невзгоды, с кем вместе отдыхали, сидели за праздничным столом.

Среди них были маршалы Блюхер и Егоров, командармы и комкомы Кулик и Дыбенко, Алкснис и Федько, Дубовой и Белов, Мерецков и Грязнов.

Не пройдет и года, как из 42 выступивших в прениях по докладу Ворошилова 34 будут арестованы и расстреляны, в их числе Грязнов и Шестаков, которые, только что вернувшись из Москвы, и подписали, по сути дела, донос на своих сослуживцев.

О шпионах и вредителях говорили не только те, с кем общались «враги народа», – на дыбы была поставлена и вся страна. Когда судьи только приступили к рассмотрению дела и еще не вынесли приговора, в республике, края и области была направлена следующая телеграмма:

«Нац. ЦК крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должен быть окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. 12 июня.

11 июня 1937 года. Секретарь ЦК Сталин».

Вот в такое время, когда все следили за всеми и все подозревали всех, был арестован и Рокоссовский.

В первой половине июня 1937 года командующий войсками Забайкальского военного округа комкор Грязнов и член Военного Совета корпусной комиссар Шестаков давали показания в читинской тюрьме. Их поместили в камеру читинского острога, где уже сидел Косьян Чайковский.

Они многие годы служили вместе и были хорошо знакомы. Теперь того рослого, стройного и красивого комкора трудно было узнать: синяки под глазами, опухшее лицо с кровоподтеками, неразумительные, постоянно что-то ищущие глаза изменили его до неузнаваемости.

— Что с тобой, Косьян? — спросил Грязнов.

— Вот что со мной, Иван. — Чайковский дрожащими руками достал из подкладки одежды лезвие. — Если бы не вы... Я сегодня же перерезал бы себе вены.

— А ну, дай сюда, — сказал Шестаков и, измельчив лезвие на маленькие кусочки, бросил их в парашу. — Несмотря ни на что, надо уметь держаться.

— Косьян, я тебя помню волевым человеком, — проговорил Грязнов. — Ты был для нас образцом поведения.

— Был, — едва зашевелил распухшими губами Чайковский. — Держался сначала.

— А потом? — уточнил Грязнов.

— Признался, что меня завербовал Тухачевский... Любуйтесь, перед вами активный участник антисоветского заговора, — потупив глаза, произнес Чайковский. — Подлец я...

— За что же ты так себя? — осведомился Шестаков.

— За все... Следователь называл фамилии, а я подтверждал, что эти люди входили в военно-троцкистскую организацию,

шпионили... Рубинова, Веденева... Рокоссовского... На всех, на всех наклепал.

Чайковский вытер полотенцем вспотевшее лицо, лег на кровать, отвернулся к стене и замолчал.

Вскоре в камеру привели едва державшегося на ногах пожилого человека, с профессорской бородкой и взлохмаченными рыжими с проседью волосами. Он сел на койку и, закрыв лицо руками, просидел более часа, затем лег в постель. Целые сутки старика никто не беспокоил, и он потихоньку пришел в себя.

— Судя по вашему разговору, любезные, вы военные? — неожиданно спросил он.

— Да, военные, — ответил Грязнов.

— А вас за что?

— Контрреволюционные элементы, — горько усмехнулся Грязнов.

— Произошла какая-то неувязка, — добавил Шестаков. — А вы кто будете?

— Воронов Михаил Иванович, — ответил старик, поправляя подушку. — Я из Красноярска. В институте занимался законами о наследственности и изменчивости организмов. Теплилась еще недавно такая наука, генетикой называется. — Он хотел сказать еще что-то и не смог: его душил кашель. Наконец он с надрывом в голосе продолжил дальше. — А теперь — враг народа. Терплю побои, издевательства... Но ничего, осталось недолго, может, скоро, дай бог, все эти мучения кончатся.

— Скорее бы, — подал голос Чайковский, который уже несколько дней не вставал с постели. — У меня порок сердца. Просил следователя показать врачам, а он и ухом не повел. До чего мы дожили! Куда только смотрит товарищ Сталин?

— Косьян, ты Сталина не трогай, — сказал Шестаков. — Он здесь ни при чем. Сталин, Советская власть были и будут на стороне народа.

— Вас еще не пытали, любезный? — уточнил ученый.

— Нет, у меня со следователем полное взаимопонимание.

— У меня вначале тоже так было, — сказал Чайковский, прижавшись к постели. — А потом: говори, отвечай, проклятый враг народа! А, подлец, не хочешь говорить? Следователь открывал дверь и кричал: «Оболдуй, развяжи ему язык!» И тот Оболдуй с гирями-кулаками, с тупой, как у настоящего дебила, мордой, рязывал мне язык не один раз. Теперь мне все безразлично, я что угодно подпишу — лишь бы скорее кончилась эта мука.

— Удивляюсь я — до чего же тесен мир у руководителей нашей страны, — сказал Воронов, присев за стол рядом с Шестаковым. — Как незатейливы у них мысли о самом прогрессивном обществе на земле — социализме.

— О чем Вы это говорите? — с возмущением спросил Шестаков. — Это уже не лезет ни в какие ворота.

— Вот видите, товарищ бывший корпусной комиссар, — старик уставился на Шестакова. — Вам до сих пор невдомек, что диктатура, на вершине которой восседает Сталин, рассматривает народ как лес для порубки.

Шестаков жестом руки пытался остановить старика, но тот, присев рядом с Чайковским, продолжал:

— Выслушайте меня, пожалуйста, и не перебивайте. Вполне возможно, что эти мысли я высказываю в первый и последний раз. Имейте мужество их выслушать.

— Я категорически не разделяю ваших взглядов! — воскликнул Шестаков.

— Пожалуйста, это ваше право. — Воронов покраснел, руки его дрожали, взлохмаченные волосы придавали ему вид непримиримого спорщика. — Разве вы не видите, любезные мои, что народ трепещет от страха, который парализует его волю и терзает душу? — Он покосился на молчавших сокамерников и продолжил. — Страна не может терпеть диктатуру одного человека, не презирая его и не питая к нему ненависти. Эта ненависть, на первый взгляд, смиренных и послушных, как овцы, граждан бурлит и клокочет в их душах. Ведь только туда защитники вождя заглянуть не могут.

— Народ Сталина поддерживает! — бросил Шестаков. — Вы говорите неправду!

— Нет, любезный, я говорю правду, — глухо сказал старик, побледнев. — Всеобщий страх днем вынуждает людей поддерживать вождя, неистово аплодировать ему, а ночами эти же самые люди кусают себе локти от возмущения.

Шестаков вспыхнул, вскочил со стула:

— Вот теперь я убедился, что вы самый настоящий враг народа!

Грязнов и Чайковский уставились на старика: что он скажет в ответ на это внезапное обвинение.

— Знаете, любезный, — более спокойно продолжал рассуждать Воронов, — сам по себе напрашивается вопрос: кто же такие враги народа? Ученые, командиры производства, поднимающие экономику страны, так называемые кулаки, которые

умели и хотели работать на своей родной земле. Может, военные, такие, как вы, отдающие свои знания, силу и энергию на повышение боевой мощи Красной Армии? — Старик тяжело поднялся, включил в камере свет и встал посередине комнаты. — Разве этим люди враги народа? А может, враги народа те, по чьей воле страдает народ? Кто по туполобому самодурству единолично правит страной и уничтожает генетический фонд нации?..

— Хватит! Сейчас же прекратите! Иначе я вызову охрану! — прикрикнул на старика Шестаков. — Где же выросло такое пако-
стное зелье?

— На воле, любезный, на воле, на сибирской земле.

— Вы губите свою душу! — зло произнес Шестаков.

— А вы предавайте своих друзей, — ответил старик. Он повернулся и поднял глаза к тюремному окошку. На его седой бороде дрожали капельки слез.

Чуть меньше чем через месяц в полный голос «заговорили» Грязнов и Шестаков. В их письменных показаниях фигурировало больше «заговорщиков» против Советской власти, чем в «признаниях» Чайковского. Среди них важное место занимал их бывший сослуживец Рокоссовский.

Всех, кто сидел в камере читинского острога, постигла одна и та же участь — они были расстреляны.

Глава тринадцатая

1

При въезде в Ленинград Рокоссовский смотрел в решетчатое окно «воронка» и не мог отвернуться — не было сил. Лучи солнца скользили по траве, мелькали одетые в зелень деревья, телеграфные столбы, машины, прохожие. Но через два часа уже было темно и холодно — он сидел в одиночной камере в известной своими порядками старинной тюрьме «Кресты» — символе самодержавной власти русских царей.

Сколько людей перебивало в этом центре? Одни были ислателями лучшей жизни; другие совершали уголовные преступления; третьи — покупались на устои власти. И вот теперь невеселая доля привела сюда тех, кто, казалось бы, боролся за лучшую жизнь, равенство, братство.

Каменная ограда тюрьмы была высокой и суровой. Ни один звук не проникал через стены ее казематов. Серая, убогая жизнь

человека, попавшего сюда на годы, делала его похожим на цветок, выросший без солнечного света.

Камера была маленькой. Одна железная кровать, табуретка, привинченная к полу, тумбочка и столик. Небольшое квадратное отверстие в стене, у самого потолка, было устроено так, что пропускало лишь бледный клочок света, который назойливо дразнил воображение Рокоссовского: на воле поют птицы, земля радуется солнцу, по синему небу плывут облака, цветет сирень, распускаются розы, но все это для других, а не для меня.

В течение недели его не вызывали на допрос, не обращали на него никакого внимания, будто напрочь забыли, зачем его сюда привезли. Прогулки внутри тюрьмы разрешали ему такие короткие, что он не успевал ощутить прелести свежего воздуха.

Рокоссовский старался не думать о предстоящих допросах, — он не сомневался, что они когда-нибудь начнутся, — а старался предаваться воспоминаниям. Сегодня вечером, после мутной похлебки с кусочком черствого хлеба, он улегся на кровать и, положив руки под голову, думал о земле, где прошло детство, где он вырос и возмужал.

В тюремной тиши краски далекого прошлого были очень живыми и яркими, словно картины талантливого художника-пейзажиста, когда на них смотришь издали. Он вспомнил учебу в варшавской школе. С первым и третьим классом занимался один учитель. Он до сих пор помнит его имя — Эрвин Мельник. Это был добрый и умный педагог, владеющий тремя языками — польским, немецким и русским. А как он играл на скрипке произведения Шопена и Огинского! Заслушивались его исполнения родители и вся школа.

В часы самостоятельной работы в первом классе учитель привлекал лучших учеников третьего класса для оказания помощи малышам. Он и теперь видел себя возле кудрявой белокурой девочки Зоси. Он все время помогал ей больше, чем другим ученикам. И в каникулы они часто гуляли вместе, ловили рыбу и купались в затоках летней Вислы.

Но летело время. Он оказался в городишке Груец, она осталась в Варшаве. Время от времени они обменивались детскими посланиями. И когда ему пошел восемнадцатый год, она приехала на лето в Груец к родственникам. Ему особенно запомнился тот день, когда они встретились впервые, уже будучи почти взрослыми. Вот они поднялись со скамейки в саду, идут в лунную ночь по безлюдной улице, внезапно останавливаются, гово-

рят о чем-то несерьезном, но своем, личном, потом сидят под раскидистым кленом.

Ему нравились черты лица той девушки, прямой носик, копна светлых, как дневное облако, волос, худенькая, невысокая фигурка. Ему казалось тогда, что в ней было все, что является неотъемлемой привилегией жизнерадостной, гордой юной красавицы.

Однажды она пришла с книгой. «Посмотри, Констанцы, — сказала она. — Ты ведь знаешь больше меня. Стоит ли читать?» Он тогда глянул на книгу: «P. Chmielewski, Adam Mickiewicz, 1902 rok, Warszawa*». «Почитай, это интересная книга, — сказал он ей. — Но она написана взрослым языком, боюсь, что ты не все поймешь». «Ты думаешь, что я маленькая, — капризно проговорила она. — Я все равно буду читать». «Ну, зачем же обижаться, Зосенька, читай себе, читай», — он тогда не сводил с нее глаз.

Когда он твердо решил уйти в армию, она отговаривала его, но он был непреклонен. Накануне они сидели поздно вечером на скамейке у дома в яблоневом саду. Они тогда готовы были к юношеской любви, как розы к весеннему цветению, но стеснялись об этом друг другу сказать.

Рокоссовский грустно улыбнулся и подумал: «Где ты теперь, Зосенька? Жива ли ты, вышла ли замуж, есть ли у тебя дети?»

Рокоссовский так забылся в воспоминаниях, что от резкого стука в дверь он невольно вздрогнул. Звякнул замок, открылась дверь. Тюремщик рывкнул:

— Проверка!

— У нас все в порядке, — поднялся он.

— Хорошо, так и доложим!

2

На следующий день после обеда загремели засовы и открылась дверь камеры. Рядом с дежурным тюремщиком стояли два конвоира и за ними еще какой-то начальник, который вышел вперед и сказал:

— Рокоссовский Константин Константинович?

— Да.

— На выход, к следователю.

Через несколько минут он сидел в кабинете перед аккуратно одетым мужчиной, лет тридцати, с тонким крючковатым носом, массивным лицом. Его слегка прищуренные, неопределенного цвета глаза с любопытством изучали арестанта.

* П. Хмелевский, Адам Миккевич. Варшава, 1902 год (польск.).

Кабинет был мрачным, тяжелым. Огромный однотумбовый стол, сейф, легкий чернильный прибор, будто хозяин стола боялся, что его могут использовать для нападения, одно кресло, на котором сидел следователь, и один, как и в камере, привинченный к полу стул. Судя по всему, дневной свет в этом кабинете не уважали: окна были завешены стального цвета шторами. Над головой следователя в рамке из темного багета висел портрет Сталина. Он был изображен сидящим в фуражке военного покроя, в шинели, во рту держал рукой трубку и, наклонившись вправо, словно просвечивал насквозь сидящего на стуле. Кажется, его взгляд спрашивал: не могу понять тебя, Рокоссовский, что ты за птица?

Следователь, слегка шевеля красными губами, взял пухлую папку из высокой стопки, лежащей справа, и углубился в чтение. Затем он поправил густые волосы, ниспадающие на высокий лоб, отложил в сторону ручку.

— Ну, что ж, Константин Константинович, я думаю, мы можем начать?

— Начинайте, это ваше право.

— Как вы понимаете, я следователь НКВД. Меня зовут Никита Иванович Кавун.

— Очень приятно, — слегка улыбнулся Рокоссовский.

— А теперь скажите, пожалуйста, как и при каких обстоятельствах поляк, уроженец Вильно, Адольф Казимирович Юшкевич, резидент польской разведки, смог завербовать вас и заставить работать в пользу враждебного нам государства, — сказал Кавун и, слегка наклонившись к столу, не глядя на бумагу, сделал какие-то пометки. Возможно, только известным ему способом он фиксировал реакцию подследственного на это тяжелое обвинение.

— Это неправда, — сказал, покраснев, Рокоссовский. Он глянул добрыми глазами на следователя. — Никита Иванович, это чистейший вымысел.

— Это вы говорите! — с чувством собственного превосходства воскликнул Кавун. — А мы располагаем неоспоримыми фактами, что он завербовал вас в 1916 году еще в Каргопольском полку, будучи унтер-офицером пятого эскадрона. И, чтобы поглубже внедриться в Страну Советов, правдами и неправдами пролез в командиры полка, в котором вы тоже служили и ходили у него в лучших друзьях.

— Значит, по-вашему, Юшкевич с целью шпионажа в пользу

польской разведки проливал кровь за революцию? — спросил у следователя Рокоссовский. — После тяжелого ранения сбежал из госпитали, чтобы продолжать бить Колчака, Врангеля. Выходит, так, согласно вашей версии?

— Это тоже один из приемов матерых разведчиков, — продолжал гнуть свою линию следователь. — Быть всегда на виду, проявлять рвение в службе.

— Воевать за Советскую власть и безоглядно отдавать жизнь за ее идеалы — это вы называете приемом?

— Тут выбирать не приходится: или пан, или пропал.

Рокоссовский с недоверием посмотрел на следователя и с обидой в голосе произнес:

— Я должен вас разочаровать: ваши доказательства шиты белыми нитками.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Мне доподлинно известно, что Юшкевич, командуя полком в дивизии Блюхера, героически погиб в борьбе с Врангелем. Это случилось 28 октября 1920 года под Перекопом.

— Полноте, — скептически заметил Кавун. — Сведений о его гибели нет, свидетелей тоже. Мы располагаем проверенными данными, что Юшкевич нелегальным путем ушел в Польшу в районе Радошкович под Минском, когда вы командовали Самарской дивизией. И вы знаете, почему он выбрал этот участок границы.

— Вы намекаете на то, что я помог ему уйти? — повысил голос Рокоссовский.

— Вы угадали, — улыбнулся следователь. — И спорите вы из чистого упрямства.

Кавун перелистал страницу дела и, внимательно взглянув на подследственного, углубился в чтение.

Молчание тяготило Рокоссовского. Ему захотелось закурить, но он не стал спрашивать разрешения у Кавуна: посчитал это унижением.

— Жаль, я ждал от вас другого поведения, — нарушил молчание Кавун, поглядывая на свои заметки. — Что вы были завербованы Юшкевичем, вы категорически отрицаете?

— Да, категорически отрицаю.

— Тогда расскажите, как вы помогали своему другу нелегально перейти границу, — спокойно сказал следователь. — Кстати, начальника пограничного отряда Ковалева Владимира Игнатьевича вы хорошо знали?

— Да, его участок границы входил в направление, которое прикрывала Самарская дивизия. Мы с ним были в хороших дружеских отношениях.

— Так вот, Ковалев дал нам показания, как вы с его помощью переправляли через границу Юшкевича, — проговорил Кавун. Он достал из дела лист бумаги и протянул Рокоссовскому: — Можете ознакомиться.

Рокоссовский, прочитав документ, изменился в лице. Он молча вернул его следователю.

— Ну, что вы теперь скажете? — спросил следователь с торжеством в голосе.

— Если у вас мертвые ходят через границу... — голос у Рокоссовского погас, у него вертелось на языке грубое слово, но он не стал его произносить.

— Чем вы можете доказать, что Юшкевич погиб?

Рокоссовский, ошеломленный показаниями пограничника, с упреком посмотрел на Кавуна. «Неужели он всерьез уверен в том, что я шпион? — подумал он. — Как мог дать такие ложные показания Ковалев?» Он смотрел на следователя со все возрастающим удивлением. Горькая улыбка пробежала по его губам. Это было единственное, что он мог себе позволить для выражения гнева.

— Я был уверен, что у вас доказательств о смерти Юшкевича нет, — ухмыльнулся Кавун.

— Вы и здесь ошибаетесь.

— Вот это вы зря.

— Жив человек, у которого Юшкевич умер на руках.

— Где живет?

— В Москве, на улице Горького, номер дома не помню.

— Где работает?

— В Наркомате просвещения. Белозеров Андрей Николаевич.

— Мы потратили с вами уйму времени, — с досадой сказал Кавун. — Для пользы дела хотелось бы еще кое-что выяснить. Ответьте мне на вопрос: если вы не имеете никакого отношения к польской разведке, то почему вы, командир дивизии, на занятиях по оперативной подготовке под Минском утверждали, что панская Польша не развяжет с нами войну. Как прикажете понимать ваши слова? Не подрыв ли это боеготовности Красной Армии?

— О том, что Польша в одиночку не нападет на Советский Со-

юз, я это утверждаю и сейчас, — решительно сказал Рокоссовский. — Почему? Я повторять не собираюсь. Судя по всему, у вас материалы имеются. Я там объясняю причины.

— Нам осталось выяснить еще один вопрос, Константин Ксаверьевич, — сказал Кавун, сделав ударение на последнем слове.

— Пожалуйста, выясняйте.

— Почему вы поменяли отчество, чем оно вам не нравилось?

— Это мое личное дело, — сухо ответил Рокоссовский, — и к тому, о чем мы сегодня говорили, никакого отношения не имеет.

— Ну, а все-таки, — продолжал Кавун. — Стоит ли из-за моего вопроса сразу лезть в бутылку. У нас с вами должны быть доверительные отношения. Удовлетворите, пожалуйста, мое любопытство.

— Причиной этому было то, что «Ксаверьевич» непривычное слово для русского уха и его постоянно перевирали, писали то Савельевич, то Ксавельевич, то еще получше, — пояснил Рокоссовский. — Человек задним умом крепок. Теперь каюсь: молод был, не надо было этого делать.

— Что ж, на сегодня хватит, — сказал Кавун, собирая в папку бумаги. — А вы, Константин Константинович, хорошо подумайте, о чем мы с вами сегодня толковали. Не все сразу признаются в содеянном. Честное признание и раскаяние являются смягчающими вину обстоятельствами. Теперь мы будем встречаться с вами часто. Лучше будет для нас с вами, если вы расскажете все начистоту.

— Мне не о чем рассказывать.

— Как знать, — загадочно улыбнулся следователь.

В сопровождении конвойных Рокоссовский покинул кабинет. Когда он вернулся в камеру, был уже вечер. Подали ужин. Он насилил выпил стакан чаю и съел кусочек хлеба.

Как загнанный в клетку дикий зверь, он ходил по камере (четыре шага туда, четыре — обратно) и все думал и думал. Предъявленные ему обвинения сильно озадачили и поставили его в тупик. Сегодня он убедился — намерения НКВД в разладе с действительностью. Раз его хотят поймать на такую дохлую наживку, значит, у них дела идут из рук вон плохо. Сколько ни думал, сколько ни гадал Рокоссовский — все равно не мог понять: кто же основной организатор этой глупой затеи. Зачем и кому надо делать из него польского шпиона? И то, что следователь знает многие подробности его служебных разговоров, подтверждает предположение, что особисты следили за каждым его шагом.

Рокоссовский вспомнил анкету, которую ему дали заполнить, когда назначали командиром корпуса. Будто кадровикам не было известно, что он не состоял в национал-шовинистических, троцкистской и других контрреволюционных организациях, не отклонялся и не колебался от генеральной линии партии, не служил в белой армии, в антисоветских националистических отрядах. Все равно его заставили ответить на каждый пункт анкеты.

Много воды утекло с тех пор, как установилась Советская власть, а мы почему-то считаем, что внутренние враги спят и видят, чтобы ее уничтожить. Пример самого справедливого общества, лучший в мире уклад жизни, а не грубая и никем не обузданная сила перемелет в порошок любого противника.

Где-то к полуночи он, не раздеваясь, лег в постель и скоро уснул. Всю ночь его мучили тревожные и беспокойные сны. То он гулял со своей Юлией на берегу реки Селенги, то они стояли у памятника декабристам и целовались... Потом он видел маленькую Аду. Она заливалась в отчаянном плаче, а он носил ее по комнате, напевая какую-то мелодию. Ему стало так жарко, что он рванул на себе тюремную робу и тут же проснулся. Он присел на койку, затем собрал на полу оторванные пуговицы и положил их в карман. В квадратном окошке под потолком еще не было видно признаков рассвета, но он уже не мог уснуть и снова начал мерить шагами камеру.

Глава четырнадцатая

1

Прошло почти девять месяцев, а следователь Кавун не сумел довести дело Рокоссовского до суда тройки. Он рвал на себе волосы: ему впервые попался такой крепкий орешек. Бывало, месяц-два, от силы три — и люди не выдерживали, сдавались. А этот стоит на своем — не виноват, и все. Пробовали выбить из него показания — и это не помогло. А ведь начальство давит: где признания и собственноручная подпись шпиона Рокоссовского? Грозят даже понизить в должности. «Что ж, сломаешься, никуда не денешься. Ты у меня еще заговоришь, упрямый осел», — так думал Кавун, находясь в своем кабинете. Он ждал Рокоссовского.

Открылась дверь, и конвоиры ввели в кабинет подследственного. Рокоссовского трудно было узнать: его спортивная фигура

осунулась, лицо было в синяках, красная царапина шла от уха к подбородку, посиневшие губы были сжаты.

— Здравствуйте, — сказал Кавун, окинув узника недружелюбным взглядом.

— Можно сесть? — тяжело поднял глаза Рокоссовский.

— Садитесь.

— Спасибо.

— Твоя вежливость у меня уже сидит в печенках.

Рокоссовский с презрением глянул на следователя и промолчал.

Кавун пошел с места в карьер.

— На всех тактических и штабных учениях практиковать опрос пленных по имеющимся словарям пленных изображают один-два командира, отвечающие только на японском языке. С июля сего года во всех штабах установить один день в пятидневку, закрепив в этот день один час, в течение которого весь разговор в штабе лицами начальствующего состава, используя словарь, вести только на японском языке. Изучению японского военного-разговорного языка придать исключительное значение, поставив целью к декабрю сего года всему начальствующему составу овладеть суммой слов, необходимых для опроса пленных. — Закончив читать, Кавун оторвал взгляд от бумаг и уставился на Рокоссовского. — Это ваш приказ?

— Да, — нехотя ответил тот. — Это приказ по пятнадцатой дивизии.

— Чем же вас так ублажили японцы, что приказали своим подчиненным изучать их язык?

— Это требование тогдашнего командира Забайкальской группы войск Грязнова, а ныне командующего Забайкальским военным округом.

— Вы отстали от жизни, Константин Константинович. Ой как вы отстали. — Кавун покачал головой. — Грязнов арестован еще в прошлом году.

— То есть как арестован?

— Так же, как и вы.

— Странно. Это был прекрасный командир.

— А что тут странного? — следователя явно забавляло поведение Рокоссовского. — Ваш Грязнов признался, что был завербован японской разведкой. Он ждал, когда японцы оккупируют Дальний Восток, и готовился встретить их во всеоружии. А за то, что его подчиненные лопотали бы на японском языке, знае-

те какое бы он получил вознаграждение? Хм, нам, простым людям, и не снилось. — Кавун кашлянул и, внимательно разглядывая Рокоссовского, добавил: — А вы, выходит, ему помогали. Вот такая вышла на деле петрушка.

— В изучении языка будущего противника я ничего плохого не вижу.

— Если бы дело было только в изучении языка.

Рокоссовский посмотрел в холодные глаза Кавуна.

— Похоже, вы мне и шпионаж в пользу японской разведки собираетесь пришить?

— Дело покажет. Ясно одно — вы были тесно связаны с Грязновым и ходили у него в друзьях. Вполне возможно, что вы с ним работали на японцев заодно.

— Это ложь! — зло сказал Рокоссовский. — Лучше сразу обвиняйте меня, что я работал на английскую и французскую разведки. Семь бед — один ответ.

— Вы не язвите, гражданин Рокоссовский! — повысил голос Кавун и, выйдя из-за стола, положил перед ним протокол допроса. — Подпишите!

— Я ничего подписывать не буду.

— Снова за свое.

— Я сто раз об этом говорил: я ни в чем не виновен!

— Тогда скажите, вы были знакомы с Чайковским Косьяном Александровичем?

— Да, был. Он служил в штабе Забайкальского военного округа. В его ведении были бронетанковые и механизированные войска, и мы с ним часто решали служебные вопросы.

— А по неслужебным делам вы с ним общались?

— Несколько раз встречался на охоте, на рыбалке, — со скрытым раздражением в голосе ответил Рокоссовский. — Он вернулся к Кавуну. — В связи с чем возник этот вопрос?

— Он тоже дает очень интересные показания не в вашу пользу, — сказал Кавун, занимая свое место за столом. — Гражданин Рокоссовский, я даю вам время, подумайте, где вы встречались в неслужебной обстановке с Грязновым, Чайковским и другими. Для следствия представляет особый интерес — о чем вы говорили, к чему готовились. В следующий раз у меня будет к Вам очень много вопросов. Я еду в командировку в Читу и буду очень занят. — Он вышел из-за стола, прошелся по кабинету и, остановившись напротив Рокоссовского, произнес: — Видите, как я с вами откровенен. Хотелось бы, чтобы и вы платили мне той же монетой.

Кавун нажал на кнопку звонка, и на пороге появились конвоиры.

— Уведите!

Был яркий и солнечный день мая 1938 года. Пока открывали заднюю дверь «воронка», Рокоссовский окинул взглядом голубое поднебесье, откуда доносились трели какой-то птицы; легкий ветерок обдавал лицо приятной прохладой.

— В машину! — подал команду старший конвоир.

«Как же хочется на волю», — подумал Рокоссовский, с трудом отрывая глаза от розовых тюльпанов на газоне у дома НКВД.

До поздней ночи просидел Рокоссовский на кровати. Он подтянул коленки, обнял их руками, положил на руки подбородок и на несколько часов подряд превратился в живую скульптуру.

Дело принимало новый оборот — его собираются обвинять в шпионаже теперь уже в пользу японской разведки. Пока только прозрачно намекают. По всей вероятности, Кавун и собрался ехать в Забайкалье, чтобы собрать на него материал.

Рокоссовский перебрал в памяти всех своих бывших сослуживцев по Забайкалью, особенно тех, на кого намекал следователь, и ничего предосудительного в их поступках не нашел.

Комкор Грязнов — это талантливый и сильный военачальник. У Рокоссовского не вызывало сомнений, что он, обладая даром управлять войсками, в то же самое время был простым и скромным человеком. Он воевал в Первую мировую войну, а в Гражданскую уже в двадцать лет командовал дивизией. «Нет, нет, не может этого быть, чтобы Грязнов был японским шпионом, — подумал он. — Это очередной бред особистов».

Рокоссовский думал о том, что они были почти одногодками, их военные судьбы были очень похожи. Может быть, поэтому они жили в дружбе. А больше всего они узнавали друг друга на рыбалке и охоте.

Живо вспомнилась Рокоссовскому охота и рыбалка на таежной речке, название которой он уже забыл. Грязнов, он и Чайковский проехали километров пятьдесят на машине и через два часа дошли до заимки, расположенной у крутой каменистой горы, северный склон которой покрывали могучие лиственницы, сосны и кедры. В ущелье протекала горная речка, а из-под горы вырывался на волю говорливый родник.

Заимка была построена из бревен, земляной пол с двумя окошками, печь из дикого камня, обмазанного белой глиной,

стол, сколоченный из неотесанных досок, в углу нары, а вместо табуреток — чурбаки.

Поздно вечером у печки хлопотал Чайковский, готовил ужин, а Грязнов и он сидели на нарах, травили анекдоты и наблюдали — повар не разрешал никому прикасаться к продуктам, пока не будет готова царская еда. В полутьме светились огоньки папирос, дым от них уходил в приоткрытое окошко. В займке пахло дымком и свежим сеном. Небрежно привалившись спиной к стене, Грязнов, взволнованный удачной охотой, попыхивал папиросой и говорил:

— Как только я забрался на скалу, вижу — внизу пасутся две козы. Винтовка у меня, как вы знаете, первый класс. Мне ее Уборевич подарил за одну очень удачную операцию. Прицеливаюсь под левую лопатку и — бах! — с первой же пули удача.

Он тоже тогда убил козла. Не повезло только Чайковскому — он два раза промахнулся. После ужина с двумя-тремя рюмками водки они спали как убитые.

Утром, на зорьке, они вышли на рыбалку. Ночью было холодно, даже в затишке река подернулась ледком, но день обещал быть теплым.

Рокоссовский как теперь видел тайгу. Она раскинулась без конца и края. После зимы, посеревшая, местами раскрашенная в зеленый цвет кедром и сосняком. Громадные отвесные утесы были густо покрыты мхами и лишайниками.

Они тогда выбрали широкий тихий плес в излучине реки. Чайковский сидел под кустом лозняка, недалеко от него внимательно следил за поплавком Грязнов, правее закинул две удочки он. На серебряной глади глубокого омута подрагивали от шаловливого ветра поплавки. И вдруг его поплавок резко нырнул под воду и пошел к середине реки. Сердце у него тогда зашло от радости. Он вытянул из воды рыбину, которая шлепнулась о землю и затрепыхалась в траве.

— Косьян, смотри! — крикнул Грязнов.

— Не кричи своей луженой глоткой, рыбу распугаешь! — ответил тот с некоторой завистью. — Подумаешь, сазан, килограмма на полтора, не больше. Прошлый раз, помнишь, я поймал килограмма на четыре.

— Имей скромность, — улыбнулся Грязнов. — Не загибай.

На Рокоссовского нахлынула такая волна сладких воспоминаний, что она вытеснила из головы мысли о его безотрадном тюремном существовании, и он на время забыл о ноющей боли в

спине после позавчерашних побоев. «Где вы теперь, друзья, вспоминаете ли когда-нибудь нашу рыбалку?»

Конечно, Рокоссовский не мог знать, что Грязнова заставили подписать письмо Ворошилову, где он просил «серьезно проверить через органы НКВД» Рокоссовского по «подозрительным связям с контрреволюционными элементами». Он многое знал, о многом догадывался, но пока еще не в полном объеме представлял, до какого абсурда была доведена охота на «врагов народа», какие унижительные и жестокие экзекуции осуществлялись над людьми, свято верившими в социализм.

Еще долго Рокоссовский блуждал по лабиринту памяти, как заяц по снегу. Особенно они были безрадостными, когда он думал о семье. Он не имел понятия, где теперь живут жена и дочка, что с ними произошло после его ареста. Он делал несколько попыток написать письмо по старому, псковскому адресу, но ему ни разу не дали ни ручки, ни бумаги.

2

Летели дни, месяцы, и уже минуло более года, как Рокоссовский без суда находился в тюрьме, в одиночной камере. Несколько месяцев его не вызывали на допрос. Видимо, нарочно тянули время, чтобы он окончательно убедился, что к расследованию его дела готовятся серьезно. Он изнемогал от одиночества. Ему хотелось хоть с кем-нибудь поговорить, пусть даже с тем же следователем, все равно — был бы живой человек. Правда, иногда во время прогулки удавалось перебраться с кем-нибудь одним-двумя предложениями, но это были ничего не значащие слова. Все эти месяцы Рокоссовский был предоставлен самому себе. Не сломали его допросами, неоднократными избиениями — может быть, теперь решили взять одиночеством? Он старался мобилизовать силу воли, чтобы хоть как-нибудь заполнить окружающую его пустоту.

Его мысли обращались в прошлое, к тому, как он делал выбор, переходя на сторону большевиков, как воевал, с кем дружил, как создавал семью. Он оглядывался назад, ворошил и ворошил отошедшее, много думал о том, что случилось со страной и к какому берегу теперь она причаливает.

Бывало, чтобы отогнать эти навязчивые мысли, заглушить помимо воли вкрадывающуюся в сердце тоску, он выпрашивал газету «Правда», которую узникам время от времени разрешали чи-

тать. Он и раньше выписывал эту газету и был хорошо знаком с ее идейным содержанием, но теперь он читал ее совершенно другими глазами.

Тюремное начальство, видимо, рассчитывало положительно влиять на заключенных, знакомя с советской действительностью, а все получалось наоборот. Небольшие заметки о разоблачении шпионов, террористов, врагов народа давали повод Рокоссовскому сделать вывод, что уничтожение военных кадров, ученых, командиров производства поставлено на поток.

На фоне достижений советского народного хозяйства, энтузиазма людей поиск врагов, ему казалось, перечеркивает то положительное, что имелось в стране. Ведь то унижение, что выносят люди от своих же единомышленников, в несколько раз хуже самой смерти. А что товарищ Сталин? Куда он смотрит? Он ведь вездесущ, всемогущ. С большими колебаниями и сомнениями Рокоссовский приходил к неутешительному выводу: или он видит все это и не хочет замечать, или, что хуже всего, руководит сам беззаконием.

В поисках разрешения своих сомнений Рокоссовский призвал на помощь философов древности, современности, но и у них не всегда находил ответы на свои вопросы, а это еще больше бередило душу. В его каменном мешке было так тихо, что, казалось, было слышно, как горит электрическая лампочка под облезлым и заросшим паутиной потолком. За этот год он так и не смирился с тем, что он совершил преступление против Советской власти. Он считал себя невиновным.

3

В начале сентября Рокоссовского вызвали на допрос. На этот раз его привели в специально оборудованную для этого комнату в тюрьме «Кресты». Допрашивал его все тот же следователь Кавун. Сегодня он выглядел более уверенным и бодрым. Создавалось впечатление, что он обладает доказательствами того, что его подследственный виноват во всех грехах, в которых его обвиняют.

— Собственноручно будете писать протокол допроса или заниматься этим мне?

— Как хотите, я ничего писать и подписывать не буду.

— Старая песня?

— И на старый лад.

— Вы злоупотребляете гуманным к вам отношением следст-

вия, — недовольно заметил Кавун. — Видимо, отдых не пошел на пользу.

— Ничего себе, невиновный человек год сидит в тюрьме и вы это называете гуманным? — Рокоссовский с любопытством глянул на следователя. — Хотел бы я вас видеть на моем месте.

Кавун не обратил внимания на резкий выпад подследственного, а продолжал делать какие-то пометки в протоколе допроса. Он поднял голову и, поглядывая в записи, сказал:

— Следствие еще раз предлагает вам чистосердечно рассказать о совершенных вами преступлениях против коммунистической партии большевиков и советского государства.

— Я никаких преступлений не совершал ни против партии, ни против советского государства. Если вы считаете преступлением то, что я на их стороне воевал, тогда следствие стоит на правильном пути.

— В прошлый раз вы подтвердили, что с Чайковским водили дружбу?

— Да, мы были друзьями.

— Хороши у вас друзья, ничего не скажешь, — съязвил Кавун. — На допросе 20 июля 1937 года ваш друг Чайковский признал себя виновным в участии в антисоветском заговоре и в шпионаже в пользу японской разведки. И завербовал его враг народа Тухачевский. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Это дело его, Чайковского, он вправе признаться в изнасиловании английской королевы. Это меня не касается.

— Напрасно, напрасно! — воскликнул Кавун. — Не зря же говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Чайковский показал, что вы являетесь активным участником антисоветской организации и участвовали в разработке программы заговора.

Еще одним обвинением Рокоссовский был сбит с толку и с минуту смотрел на следователя с недоумением.

Кавун сделал вид, что не замечает его удивления, и, приставив руку ко лбу козырьком, приступил к чтению показаний Чайковского.

«Цель заговора — установление диктатуры во главе с Тухачевским. Методы достижения цели: в случае возникновения войны — создание предпосылок для поражения СССР, после чего свалить вину на руководство партии и правительства и устранить их от власти. В мирное время — саботаж и вредительство с целью вызвать недовольство в войсках и среди населения и захватить власть путем мятежа».

— Ну, — произнес Кавун, закончив чтение и указывая пальцем на показания, добавил: — Впоследствии Чайковский от этих показаний отказался. Поэтому следствие изобличило его с помощью показаний других лиц, проходящих по делу о заговоре в войсках Забайкальского военного округа. Было проведено большое количество очных ставок, где Чайковский был окончательно изобличен, хотя своей вины и не признал... Так что... — добавил следователь и с иронией устремил взгляд на Рокоссовского.

— Я вас понял, — с горечью произнес Рокоссовский.

— У меня имеются протоколы этих ставок, — продолжал следователь с недоброй усмешкой, — а также показания лиц, уличивших Чайковского в совершении преступлений. Должен вам сказать, что там фигурирует и ваша фамилия. Я предлагаю ознакомиться с этими документами.

— Мне это совсем неинтересно.

— Вот это уж напрасно. Грязнов и Чайковский показали, что вы с ними на заимке, уединившись в тайге, разрабатывали план заговора по установлению военной диктатуры на Дальнем Востоке.

По лицу Рокоссовского пробежала саркастическая улыбка.

— Вот это уж зря, зря смеетесь. вам и в голову не может прийти, насколько все это серьезно.

— Это очередное вранье, — с невозмутимым видом сказал Рокоссовский. — Да, мы были втроем в тайге, но отводили душу на охоте и рыбалке. Кстати, если вам придется побывать в тех краях, сходите в тайгу, полюбуйтесь ею, не пожалеете. — После этих слов он оживился. — А вообще-то, если они говорили и писали о заговоре, то нельзя ли организовать эту встречу, говоря вашим языком, провести очную ставку? Мне хочется посмотреть Чайковскому и Грязнову в глаза.

— К сожалению, Чайковский умер в читинской тюрьме 22 июня 1938 года от остановки сердца.

— Давайте тогда Грязнова.

— Грязнов расстрелян, — произнес Кавун и, отодвинув в сторону дело, закурил сам и угостил сигаретой Рокоссовского. Жадно затянувшись дымом и посмотрев ему в глаза, он как бы между прочим сказал: — Признание — основа доказательства вины.

Рокоссовский заметил, что впервые за время допросов сквозь маску строгого блюстителя «государственных интересов» проглянуло лицо обыкновенного человека.

Кавун потушил сигарету и несколько мягче обычного сказал:

— Не думал я, что вы будете стоять на своем. Твердый вы человек. Откуда вы только свалились на мою голову?

Этот неожиданный поворот в разговоре несколько обескуражил Рокоссовского, и он с сочувствием посмотрел на следователя.

— Что ж, видимо, я не подобрал к вам ключика. Пусть подбирают другие.

— Меня передают другому следователю? — спросил с удивлением Рокоссовский.

— Раз не хотите признаться мне... — пожал плечами Кавун.

— Мне не в чем признаваться: я не виноват.

Следователь вышел из-за стола, выразительно на него посмотрел, протянул ему руку и вызвал конвоиров.

Глава пятнадцатая

1

О ходе расследования дела Рокоссовского ленинградские органы НКВД постоянно докладывали в Москву. Оттуда требовали: «Это непримиримый враг советского государства. Он должен получить по заслугам. Выжимайте все, что можете».

Кавун был опытным следователем, но не настолько, чтобы «расколоть» Рокоссовского. Поэтому перед последним допросом начальник управления переговорил с Москвой и оттуда получил команду: если в результате допросов не будет результатов и сегодня, то Рокоссовского вечером направить в Москву со всеми материалами дела, с которыми должен прибыть Кавун, чтобы ввести в курс расследования нового следователя.

В тюремном вагоне в сопровождении трех конвоиров Рокоссовский ехал в Москву. В вагоне было холодно: ноги стыли, под потертым солдатским одеялом всю ночь пришлось дрожать.

Рано утром его посадили в «черный ворон», и вскоре он оказался в одиночной камере во внутренней тюрьме на Лубянке.

Камера была похожа на свою родную сестру в «Крестах». Может быть, только меньше размером. Все те же стальные облупленные стены, все то же решетчатое окошко под самым потолком да тусклый, вьедливый свет электролампочки, густо покрытой серой пылью.

Вначале Рокоссовскому показалось, что он никуда не переезжал, но, когда принесли завтрак и грубо окрикнули, понял, что

это не «Кресты», — в этой тюрьме, видимо, свои порядки. Он заметил, что к глазку у двери чаще подходит надзиратель; там они следили за ним реже.

Рокоссовский сел на постель, достал папироску (эти гвоздики выдавали в тюрьме) и закурил. Около часа дня открылась форточка и дежурный выкрикнул:

— Выходи на прогулку!

Выйдя в коридор, Рокоссовский заметил, что на их площадке четыре камеры, в которых сидят тринадцать человек. Значит, одиночная предназначена только ему.

По бесконечным коридорам, обнесенным решетками, по лестницам и переходам их вывели на квадратный мощный дворик, со всех сторон окруженный стенами пятиэтажных домов. В углу дворика стояла скамья, на которую плюхнулись пять человек, еле державшихся на ногах.

Остальные, в том числе и Рокоссовский, построились в колонну по двое и в течение пятнадцати минут маршировали по мостовой. Дыша свежим воздухом, он поглядывал на клочок голубого неба и прислушивался к вороньему крику, который казался ему теперь более музыкальным, чем соловьиное пение в белорусском лесу под Ратомкой.

Через два дня его вызвали на допрос. Ходить далеко не надо было — кабинет следователя находился в подвале тремя этажами ниже. Наклонить голову и заложить назад руки — так велели идти два дюжих молодца, которые топали один впереди, а другой сзади. Они распахнули настежь дверь и, втолкнув туда Рокоссовского, остановились у порога.

— Будем сейчас работать или попозже?

— Пока свободны, — небрежно кивнул сидящий за столом мужчина лет тридцати пяти. Рядом с ним находился молодой человек.

— Садись! — поднял голову следователь, глянув исподлобья на подсудимого.

Присев, Рокоссовский заметил, что новый следователь отличается от Кабуна: он был выше среднего роста и крепок в плечах. Грубое лицо, сплюснутый нос, покрытые рукавами темной рубахи тугие мышцы делали его похожим на боксера полутяжелого веса. Находившийся рядом парень, возможно, практикант, по сравнению со следователем выглядел жидковато.

Кабинет производил мрачное впечатление: окон не было, стены были покрашены в коричневый цвет, над столом горела

электrolампочка, вмонтированная в плафон, какие часто используются в парилках бань.

— Говорят, ты требуешь к себе культурного обращения? — грубоватым голосом спросил следователь.

— Да, уважаю культурное обращение.

— Хочешь знать, с кем имеешь дело?

— Разумеется, — изучающе посмотрел на следователя Рокоссовский.

— Меня зовут Урнов Михаил Зиновьевич, а это, — он дружески хлопнул по плечу соседа так, что тот пригнулся, — мой помощник — Зяблик Виталий Афанасьевич.

— Спасибо.

— А теперь, уважаемый Зяблик, дай этому джентльмену форму протокола и ручку. И сразу же берем быка за рога. — Он окинул острым взглядом Рокоссовского и с издевкой спросил: — Надеюсь, ты обвинение знаешь?

— Да, знаю.

— Я люблю конкретику.

— Статья 58-1, п. «Б».

— Хорошо, что знаешь. Ты заговорщик, шпион и должен написать об этом собственноручно.

— Я ничего писать не буду.

— Я об этом догадывался, — скривил в улыбке губы Урнов. — Однако запомни, уважаемый джентльмен: у нас другие порядки. Это тебе не Кресты. Это внутренняя тюрьма НКВД. Понял?

— Начинаю понимать.

— Вот и хорошо, что мы находим общий язык. А теперь давай пиши!

— Я еще раз заявляю: ничего писать не буду!

— Что ж? — задумался Урнов. — Тогда я тебе рекомендую прочитать показания свидетелей.

— Этот поклев я читать не собираюсь.

— Круто берешь, уважаемый джентльмен, — прищурил глаза Урнов и, повернувшись к соседу, сказал: — Ладно, Зяблик, веди протокол ты.

— Я готов, — произнес тот бабьим голосом.

— Что ж, тогда слушай, — презрительно улынувшись, сказал следователь и углубился в бумаги. — Вот выдержки из показаний преступных лиц, проходивших по делу Чайковского и Грязнова. Шестаков Н.Н. Бывший член Военного Совета, корпусной комиссар, 13 июля 1937 года на допросе заявил: «В кавалерии в

троцкистскую организацию входил Рокоссовский К.К., бывший командир 15 кавдивизии, в данное время командир кавкорпуса в городе Пскове. Завербован Грязновым». Урнов поднял глаза. — Ты подтверждаешь это?

— Нет, — заявил твердо Рокоссовский. — Это неправда.

— Неправда, значит, — презрительно усмехнулся Урнов. — Идем дальше. 5 июля 1937 года начальник генштаба Забайкальского военного округа комдив Рубинов в протоколе пишет: «В 15 кавдивизии — крепкая группа участников контрреволюционной организации. К ним причастны Рокоссовский и бывший командир 57 дивизии Данненберг». — Следователь глянул на Рокоссовского. — Как?

— Это ложь.

— 6 января начальник разведотдела штаба, — продолжал следователь, — Забво Рубен Ю.Г. показал: «В японскую резидентуру Забво, руководимую Рубиновым, входили: Виденев Николай Борисович — командир 15 мехполка 15 к.д. и Рокоссовский. В беседе Чайковский сообщил мне, что по шпионской работе он связан с Рокоссовским. Раньше, в 1935 году, у меня на квартире были Чайковский, Рокоссовский и Слуцкий. В беседе с Чайковским в присутствии указанных лиц он повторно сообщил, что Рокоссовский, Слуцкий и Проффен по контрреволюционной и шпионской работе связаны с ним. В подтверждение этого Рокоссовский сказал: «Да, вместе работать — вместе ответ держать». Мне известно, что Рокоссовский еще в 1932 году был лично связан с начальником японской военной миссии в Харбине — полковником Камацубара. По словам Рокоссовского, встречался он с Камацубара в Даурии во время официального приезда полковника для разрешения вопросов, связанных с интернированием китайского генерала Су Тинь Бьеня. Как участнику контрреволюционной организации мне известно: Грязнов, Шестаков, Рубинов, Рокоссовский, Чайковский... — Урнов поднял тяжелый взгляд на Рокоссовского. — Дальше перечислять не стану — тут около сотни фамилий. — Он положил на стол увесистые кулаки и откинулся на спинку стула. — Что-о?.. И теперь будем молчать?

— Я не молчу, — поблел Рокоссовский и опустил голову, затем, посмотрев на Урнова, сказал: — Когда вы спрашиваете, я отвечаю.

— «Я ни в чем не виноват» — для следствия это не ответ! — повысил голос Урнов. — Ты должен говорить по существу прочитанного.

— По этому поводу я скажу одно: от начала до конца все это выдуманно, — произнес Рокоссовский, с опаской глядя на кулаки Урнова.

— Значит, я тебя не убедил? — сказал следователь. — Ну что ж, поехали дальше. 2 января 1938 года начальник разведотдела штаба 11 механизированного корпуса Проффен Г. Г. на допросе отвечал так: «Вопрос: кого Чайковский использовал на шпионской работе по Забайкальскому военному округу и 11 мехкорпусу? Ответ: Чайковский проявлял большой интерес к Даурскому погранотряду и высказывал мне свое большое желание связаться с пограничниками. Для этого он неоднократно ездил в Даурию, где, как мне известно, установил связь с Рокоссовским и Дубовым — бывшим командиром полка. В 1935 году, говоря о Рокоссовском, Чайковский сказал, что это прекрасный человек, с которым он установил дружеские отношения и что Рокоссовский является своим человеком, которому можно верить. В этом же разговоре Чайковский сказал, что это Рокоссовский познакомил его с нужным ему работником погранотряда — Ставровым, помощником начальника Даурского погранотряда. Из характера связи Чайковского и Рокоссовского я сделал вывод, что он имеет связь с Рокоссовским по шпионской работе». — Следователь закрыл дело. — Теперь что скажешь?

— Я скажу еще яснее: эти так называемые показания давали люди под чью-то диктовку. В них что ни слово, то ложь.

Урнов по-медвежьи выбрался из-за стола, подошел вплотную к Рокоссовскому и, покраснев, сжав кулаки, в упор спросил:

— Тебе что, шкура, мало доказательств? За мою практику таких железных улик не было ни у одного врага народа! Отвечай, змея подкодная, как ты водил шашни с изменниками родины?!

— Мне нечего отвечать: я ни в чем не виноват, — чересчур спокойно ответил Рокоссовский.

Это окончательно взбесило Урнова. Он размахнулся и со всей силы нанес сильный удар подследственному в подбородок. Это явилось сигналом для тех дюжих молодцов, которые его сопровождали. Они моментально скрутили ему руки и начали его избивать. Урнов бил каблуками сапог по костям голеней. Один снял ему ботинки и топтал пальцы ног. Третий зашел сбоку и принялся бить кулаком по лицу. Голова Рокоссовского моталась из стороны в сторону. Он катался по полу, а его истязатели били носками сапог куда попало.

Когда эта экзекуция закончилась, Рокоссовский, лежа на полу, стонал и корчился от тупой боли. Через минут двадцать, открыв глаза, он не мог дать себе отчет, где находится. Наконец, увидев Урнова, он сообразил, что с ним произошло.

— Садись! — рявкнул следователь. — Продажная тварь!

Рокоссовский с трудом сел и, опустив голову, молчал.

Урнов и Зяблик закурили. Почувствовав запах табака, Рокоссовский испытал жажду курильщика.

— Может, закуришь? — спросил Урнов.

— Нет, — едва разлепил опухшие губы Рокоссовский. Перед собой он видел слабо — запылили глаза.

— Ну-у! Выкладывай, как ты продал Советскую власть, — сказал Урнов, усаживаясь за стол. — Кому говорят, выкладывай!

— Я вам, *psia krew**, выложу всё! — Рокоссовский, не помня себя от злости, вскочил со стула, со скрежетом отодрал верх табуретки, привинченной к полу, и свирепо поднял над головой. Однако удар не состоялся: следователя и его помощника из кабинета как ветром сдуло.

Он зло осмотрелся вокруг, бросил в угол увесистый кусок дубовой доски и бессмысленно уставился в пол. Через некоторое время тихонько приоткрылась дверь и уже четверо молодых навалились на Рокоссовского. После очередных зверских побоев двое мордоворотов накинута его руки себе на шею и волоком оттащили в камеру.

Рокоссовский лежал и отходил от «допроса» более пяти суток. Боли в голове медленно проходили, пульс потихоньку пришел в норму. Чтобы меньше чувствовать боль, он старался лежать неподвижно. По мере выздоравливания он убеждал себя: «Не раскисай, Костя, иначе сломают, как былинку, и тогда всему конец. А у тебя еще впереди половина жизни. Ты еще не сделал всего того, что тебе предназначено. Страх разъедает волю, как ржа железо. Держись, Рокоссовский, держись».

2

Несколько дней спустя за сопротивление следствию его посадили в карцер. Камера по сравнению с ним была раем. Карцер — это каменный мешок, грязь под ногами, ломтик хлеба и три стакана воды в сутки.

В кромешной темноте Рокоссовский стоял трое суток. Отдыхал, если это можно назвать отдыхом, присев на корточки. Рез-

* Собачья кровь (польск.).

кие боли в теле еще не утихли, поэтому стоять, а тем более приседать было тяжким испытанием.

Теперь перед ним открывался еще более страшный и жестокий мир. У следователя уйма показаний о том, что он один из активных участников контрреволюционной деятельности и заговора. Каким способом добыты эти признания, он узнал на своей собственной шкуре. Но факты есть факты, и он, Рокоссовский, опровергнуть их пока ничем не может. Единственное его оружие — во что бы то ни стало не оговаривать себя. Если станут судить без его признания — это уже другой вопрос. Вполне возможно, что участь его решена. Однако есть еще маленькая надежда — раз выбивают показания, значит, суд, пусть даже тройка, должна иметь под руками «признание» самого подсудимого. Даже в такой ситуации, видимо, каждый судья старался делать вид, что у него совесть чиста и он поступает по справедливости и по закону. Не зря же в ленинградской тюрьме какой-то молодой следователь мимоходом заметил: «Рокоссовский, ради бога не оговаривайте себя. Я вижу, вы порядочный человек». На данном этапе его жизни осталось выполнить единственную задачу — не дать ослабнуть воле и мужественно держаться на допросе.

Вернувшись в камеру, Рокоссовский продолжал зализывать раны. Следователь Урнов вызывал его еще несколько раз на допрос, пытался уложить его «на лопатки» показаниями сообщников, но результат получился снова нулевой. На этих допросах Рокоссовского уже не пытали. Однажды следователь изволил даже пошутить:

— Силища у тебя, как у слона. Не зря работал каменотесом. Не каждому под силу разнести в щепки такой стул.

Но Рокоссовский молчал — ему было не до шуток.

Этот допрос проходил в конце 1938 года, когда в кресло наркома внутренних дел из первых замов пересел Лаврентий Берия. Над головой бывшего наркома Ежова уже висел смертельный меч, и репрессии, несмотря на высокие ранги, задевали своим черным крылом его сподвижников по НКВД. Началась грандиозная чистка в центральном аппарате этого ведомства. По всей вероятности, и следователь Урнов почувствовал какую-то опасность и для своей персоны; скорее всего, поэтому допросы проходили без пыток.

Справедливости ради надо сказать, что во второй половине 1938 года безумие репрессий чуть-чуть поутихло. 17 ноября

1938 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», где прямо говорилось о перегибах в ведомстве НКВД, признавалось наличие фактов извращенияности советских законов. В это же время были упразднены судебные тройки, даже было разрешено узникам в камерах пользоваться книгами и настольными играми.

Однако эта внезапная оттепель снова сменилась лютым морозом. Видимо, руководство страны боялось расслабляться в преддверии военной грозы. Поэтому органы НКВД безработными не остались, а усердно продолжали наводить «революционный порядок». Стоит только вспомнить трагическую судьбу дважды Героя Советского Союза, начальника Военно-Воздушных Сил Красной Армии Якова Смушкевича, которого в Испании называли «Генерал Дуглас». Его арестовали перед началом войны в госпитале, где ему сделали тяжелейшую операцию на обеих ногах. А через четыре дня арестовали жену и несовершеннолетнюю дочь. Постановление об аресте гласило: «Ученицу средней школы Смушкевич Розу как дочь изменника Родины приговорить к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в трудовых исправительных лагерях Карлага с последующей пожизненной ссылкой».

Такие факты были не единичны. И надежда выбраться из застенков НКВД у Рокоссовского была минимальной. При подтасовке «доказательств», имеющих в его пухлом деле, можно было свободно сфабриковать не одно преступление, за которое положена высшая мера наказания. Безусловно, это прекрасно понимал Рокоссовский. Поэтому он цеплялся за любую соломинку, чтобы спасти себе жизнь.

3

В начале 1939 года руководство НКВД на специальном оперативном совещании рассмотрело самые громкие незаконченные дела. В поле зрения начальников попало и дело Рокоссовского. Детальное знакомство с ним показало, что оно весьма перспективное и его пора передавать в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР, даже если обвиняемый и не признает свою вину. Было рекомендовано самому перспективному чекисту, начальнику Управления по Ростовской области, где разоблачение врагов народа шло наиболее успешно, Абакумову (он приехал для собеседования по поводу назначения заместителя наркома) познакомиться с опасным преступником и взять под личный конт-

роль прохождение дела. Желательно добиться личного признания Рокоссовского, так как это положительно скажется на авторитете НКВД и его следственных органов.

В середине января поздно вечером надзиратели открыли камеру и передали заключенного конвоирам, которые вели себя на редкость вежливо. Это и побудило Рокоссовского задать вопрос.

— Куда так поздно?

— Пойдемте, там узнаете, — ответил один из них.

Снова коридоры, лестницы, переходы и вдруг большая приемная с вышколенным, щегольски одетым молодым человеком.

— Конвоирам остаться здесь, а вы, Константин Константинович, проходите, пожалуйста, в кабинет, вас там ждут.

Он робко переступил порог роскошного кабинета, все стены, столы и стулья которого были отделаны под орех. Четыре громадных окна, занавешенные зелеными шторами, хрустальная люстра под потолком поразили воображение Рокоссовского своим величием и размахом.

Из-за стола навстречу ему вышел высокого роста, плечистый, молодой мужчина в строгом темном костюме. Слегка улыбаясь, он подал руку.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — смутившись, ответил Рокоссовский.

— Прошу садиться.

— Спасибо.

— Курите?

— Не откажусь, — сказал Рокоссовский и чуть подрагивающими пальцами взял папиросу из протянутого ему позолоченного портсигара.

Молодая смазливая женщина на подносе принесла чашки, сахар и печенье. Мельком поглядывая на Рокоссовского, она наполнила чашки ароматным чаем, от которого у него запершило в горле, и, поставив вычурный чайник на подставку, вилля бедрами, удалилась.

Хозяин кабинета закурил, и на мгновение его лицо скрылось в клубах дыма. Некоторое время они присматривались друг к другу, а затем стали пить чай и вступили в разговор.

— Что такое Советская власть, думаю, вам объяснять не надо, — начал рассудительно Абакумов.

— Нет, не надо, — ответил спокойно Рокоссовский, ломая голову над тем, зачем его сюда вызвали.

— Наша народная власть любит правду-матку, — продолжал

Абакумов, исподволь поглядывая на собеседника. — Органы НКВД стоят на страже Советского государства, и они тоже без правды обойтись не могут. — Он впился взглядом в Рокоссовского, затем отхлебнул глоток чаю и поднял глаза. — На все наши обвинения, на все показания свидетелей Вы утверждаете, что это неправда, оговор, ложь. А так ли это?

— Раз ваши органы любят правду, я им и выкладываю, как вы говорите, правду-матку, — сказал Рокоссовский, догадываясь о дальнейшем смысле разговора.

— Нет, не о той правде вы говорите, — с сожалением произнес Абакумов. — Мы эту правду знаем, и нам бы хотелось, чтобы вы ее подтвердили сами.

Рокоссовскому страшно надоел разговор на тему его «преступлений». Ему хотелось говорить о чем угодно, но только не об этом. Помощником в приемной он был информирован о том, кто с ним собирается беседовать, поэтому, рассчитывая на эрудицию собеседника, он неожиданно задал вопрос:

— Интересно, как вы относитесь к генералу Драгомирову*?

— Вы решили валять дурака? — Абакумов, бывший грузчик, был необразованным человеком, он никогда не слышал о генерале Драгомирове.

— Нет, что вы, генерал никогда дураком не был, хотя Лев Толстой и называл его пьяницей.

— За что же он его так называл? — незаметно для себя Абакумов пошел по следу мысли Рокоссовского.

— В ноябре 1896 года Лев Николаевич написал письмо Кузьминскому, где просил его уговорить Драгомирова, чтобы он не писал, привожу дословно, «таких гадких глупостей... Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей».

— За что же он так на него ополчился? — спросил Абакумов, с интересом разглядывая собеседника.

— За то, что тот напечатал статью в журнале «Разведчик», где доказывал неизбежность войн, якобы вытекающих из основного закона природы, которой равно безразлично как разрушение, так и созидание.

— У вас хорошая память, — холодно произнес Абакумов. — Вы были хорошим разведчиком. Видимо, поляки и японцы были довольны вами?

— Неужели правда только в силе?

— Я от вас не скрываю — и в силе тоже, — заявил Абакумов. —

Хотя положение наше разное, но мы беседуем на равных. Это говорит о гуманности нашей силы.

Рокоссовский посмотрел на Абакумова и, горько усмехнувшись, сказал:

— Ястреб поймал в когти скворца и говорит ему откровенно: что ты пищишь, несчастный, я сделаю с тобой, что захочу — или сейчас же съем, или отпущу на свободу. Это у птиц господство права сильного, а мы ведь люди?

— И все-таки я бы вам не советовал отрицать свою вину. — Ничего умнее Абакумов сказать не мог.

— Мне не в чем признаваться. Я не виноват, — в который раз сказал раздосадованный Рокоссовский.

— Вы хотите сказать, что несколько десятков правдивых показаний ничего не стоят?

— Как добывают эти правдивые показания, я знаю не понаслышке, — заявил Рокоссовский, сдерживая гнев.

— Вы намекаете на то, что к вам применяли недозволенные методы следствия?

— А то вы не знаете?

— Мы таких указаний не даем. Эти упреки несправедливы, — с жаром сказал Абакумов. — Я еще раз вам советую — не юлить. Правдивые показания только в ваших же интересах.

— Виноватым я себя не признаю ни при каких обстоятельствах!

— Жаль.

— Я бы хотел задать вам один вопрос.

— Задавайте.

— Если вдруг начнется война, кто будет тогда командовать войсками? Вы хоть думаете об этом? — Рокоссовский не спускал глаз с Абакумова.

— Об этом у нас есть кому думать, — скривил в усмешке губы тот. — Наше дело — разоблачать врагов народа. Они в войне не только помеха, но и пособники противнику. И дело чести чекистов — выкорчевать эту многоголовую гидру под самый корень.

— Эх, вы, борцы с врагами народа, — с укоризной произнес Рокоссовский. — Небось...

— Вы слишком осмелели! — грубо перебил его Абакумов. — Вы что, не боитесь за свою жизнь?

— Если вам так нужна моя жизнь, то сделайте милость, дайте мне пистолет и хотя бы один патрон — я умру как солдат! — По лицу Рокоссовского пробежала тень.

— Зачем же так? Все должно быть по закону, — важно объяснил Абакумов. — Только суд имеет право лишить вас жизни, если будет установлено, что вы изменили присяге и предали Родину.

— Вы меня простите, но я хотел бы задать еще один вопрос, — сказал Рокоссовский, делая вид, что он потерял интерес к беседе.

— Я вас слушаю.

— Я полтора года сижу в тюрьме и ничего не знаю о судьбе моей семьи: жены, дочери, — он с надеждой посмотрел на Абакумова. — Если можете, скажите: что с ними произошло после моего ареста и где они, если живы?

— К сожалению, такими данными я не располагаю.

— Что ж, и на этом спасибо, — сказал Рокоссовский и уставился на свои порванные башмаки, способные украсить ноги любого отпетого босняка.

— Да. Жаль, не получилось у нас душевной беседы, — произнес Абакумов, подбрасывая на ладони портсигар. — Придется все обстоятельства вашего предательства выяснять в суде. — Он вышел из-за стола и прошелся по кабинету. — Не думайте, что он для вас будет легким. Нарушение присяги, измена Рабоче-Крестьянской Красной Армии — это не просто обвинения.

— Я готов ко всему.

— Вдруг надумаете выложить мне правду, — Абакумов остановился у окна, — а это, без сомнения, явится смягчающим вину обстоятельством на суде, — то дайте сигнал надзирателю. Я готов буду вас принять в любое время.

Рокоссовский продолжал смотреть на свои башмаки и молчал.

Абакумов подошел к Рокоссовскому, внимательно посмотрел на него, затем открыл двойные двери кабинета и произнес:

— Уведите!

Среди хорошо одетых людей, шагающих по коридорам (тогда чекисты работали по ночам), Рокоссовский в поношенном солдатском обмундировании, в опорах на босу ногу, чувствовал себя униженным и оскорбленным.

Глава шестнадцатая

1

После ареста мужа, убитая горем, Юлия Петровна почти весь день ходила по квартире, вновь и вновь уговаривая дочь,

чтобы та перестала рыдать.

— Папочка, мой родной папочка! Я люблю тебя! Я не могу без тебя! Где ты теперь, мой папочка! — билась в истерике Ада, лежа на диване и закрыв лицо кулачками. — Папуленька мой!.. Родной мой!..

Эти многочасовые причитания дочки сводили Юлию с ума. Наконец под утро следующего дня они обе уснули. Но и во сне глубокая душевная травма заставляла ребенка плакать.

Утром Юлия, чтобы отвлечь Аду от потрясений, отвела ее к дочери знакомой учительницы, а сама тайком решила посетить церковь. Она воспитывалась в старых русских традициях и в душе была набожным человеком. Вместе с матерью они крестили и Аду в церкви Вознесения в Кяхте.

Узнав от учительницы, что действующей церкви нигде поблизости нет, она решила посетить собор Святогорского монастыря, который был открыт для посетителей как старинный музей.

Автобус, в котором ехала Юлия, за Варлаамскими воротами повернул влево и вырвался из душного города на простор. Справа промелькнул былинных размеров вяз, поднимающий высоко в небо корявые узловатые кроны, похожие на большие натруженные руки пахаря, и вскоре автобус остановился у подножия горы.

Юлия Петровна посмотрела на распорядок работы собора и чуть не заплакала — сегодня был выходной. Она подошла к охраннику, клевавшему носом в сторожевой будке.

— Разрешите посетить собор, — взмолилась она.

— Нельзя, сегодня выходной, — буркнул охранник.

— Сделайте, пожалуйста, исключение. Я очень прошу вас. У меня арестовали мужа. Я хотела бы...

Сторож поднялся, лениво глянул на скорбный вид просительницы и сочувственно сказал:

— А?.. Понимаю.

Загребел тяжелый засов, раскрылись кованые двери, и Юлия Петровна погрузилась в приятную тенистую прохладу. Акустика собора была настолько совершенной, что каждый стук каблучков женщины отзывался длинным и объемным эхом по всему собору. Юлии даже показалось, что где-то под куполом отдается ее приглушенное дыхание. Через боковые щели окон ярко пробивались солнечные лучи. Фрески на стенах и куполах собора окружали ее повсюду.

Особый, неподражаемый мир, созданный древними строителями и живописцами, принял жену Рокоссовского не сразу. Сначала фрески показались ей расплывчатыми и бледными, однако стоило ей присмотреться повнимательней, как они начали оживать, будто выходили из стен ей навстречу.

Она остановилась перед серым двуглавым чудищем в виде страшного змея с лапами и белым брюхом, с широко раскрытой пастью, готовой проглотить что угодно. На мгновение у нее сжалось сердце и нервная дрожь всколыхнула все тело. Она вспомнила арест мужа, и эта пасть вызвала у нее приступ страха.

«Упаси нас, Господи, от всякой напасти», — сказала она шепотом, оторвав взгляд от страшилища. Она перевела свой взор на ангелов, которые под хорами сворачивали небесный свиток, усеянный звездами, похожими на полевые цветы. На этот свиток поднял голубые и печальные, словно наполненные слезами глаза, красивый, с русой головой, пророк. Он напоминал Юлии мужа. «Что будет теперь с ним, с нами? Что уготовила нам судьба?» — думала она. Ей захотелось крикнуть на весь собор: «Костя! Знай, мы любим тебя! Слышишь? Мы любим тебя!» Вместо крика она мысленно произнесла эти слова, и ее душа наполнилась неизбежной печалью и тоской.

Юлия Петровна прошла чуть дальше и на другой стороне стены увидела, как белый косоглазый ослик, похожий на конька-горбунка, по синему полю везет свою драгоценную ношу в Египет. Ей даже показалось, что прядает длинными ушами. В реке Иордан плескались золотые рыбки, апостолы с трагически напряженными лицами покоились на руках ангелов, спешащих ко гробу Богородицы; у стены выстроились сосредоточенные и мудрые старцы; торжественно распахнулись крылья ангелов, сидящих на троне воскресшего.

Юлия подошла к восточной части свода и подняла глаза вверх. Чуть соскальзывая с креста, повисло тело Христа. Голова склонилась к правому плечу, руки опущены вдоль туловища. Глядя на распятие, она опустила на колени и, подняв глаза, наполненные слезами, сказала:

— Господи, помоги нам. Избавь нас от злых и страшных людей. Сохрани жизнь Константину Рокоссовскому... Помоги нам, Господи...

Она еще раз долгим взглядом посмотрела на Христа, прося у него покровительства, и, осенив себя крестом, вышла из собора.

Юлия поблагодарила охранника, прошла вдоль ограды собора, опустилась вниз и уселась на камне на самом берегу реки Великой.

Справа, вдоль воды, узкой полосой тянулся сероватый песок, а слева вода прижималась к самой скале, нависшей над водой каменистыми уступами, состоящими из светло-серых плит, которые были покрыты, словно крылья здешних бабочек, разноцветной бархатистой пылью. С плит, как слезы, стекали лилово-розовые полосы, переходящие у самой воды в нежно-зеленые подтеки.

Юлия глянула на часы: было уже далеко за полдень. Она поднялась и быстрым шагом направилась к автобусной остановке.

2

Спустя пять дней после ареста Рокоссовского комендант военного городка объявил его жене, что она должна немедленно освободить квартиру. Особисты взяли у нее подписку, что она и дочь не будут жить в Москве, Ленинграде, в столицах республик и краев. Было перечислено еще более двадцати городов, где они не должны появляться.

— Не выселяйте нас из квартиры, — умоляла Юлия. — У нас нет денег, нам некуда ехать. Дочка привыкла к школе, к подругам. Поймите нас, пожалуйста.

— Это нас не касается, — отрезал комендант, бывший сослуживец мужа. — Через десять дней в этой квартире должен поселиться новый командир корпуса.

Другого выхода не было — Юлия Петровна продала за бесценок многие вещи мужа и свои, чтобы скопить денег на дорогу. На неполном семейном совете было решено: ехать отсюда куда глаза глядят. Необходимо было соблюсти только два условия — на дорогу должно хватить денег и в том месте, куда они поедут, должен быть мягкий климат, так как все теплые вещи они вынуждены были продать. Так они оказались в городе Армавире Краснодарского края.

За мизерную плату они сняли квартиру у престарелой женщины, которой они должны были помогать ухаживать за огородом и держать дом в чистоте.

Небольшой провинциальный город жил той же жизнью, что и вся страна. Люди ходили на работу, получая скромную зарплату, строили, создавали, днем их водили на организованные митинги, где рьяно разоблачали «врагов народа», а ночами дро-

жали от страха: не дай бог, черная машина окажется у их дома. Лица людей, как и в Пскове, были пасмурными и серыми, словно осенняя водяная муть. Люди, будто отравленные каким-то ядом, боялись друг друга, как огня: давала о себе знать всеобщая слезка. Донос был возведен в норму жизни: если я на тебя не донесу, то ты донесешь на меня. Таким был 1937 год в Армавире.

В течение 1937–1938 годов Юлия Петровна сменила много профессий: она работала и бухгалтером на железнодорожной станции, и наладчицей на заводе высокоизмерительного приборостроения, и несколько месяцев учительницей младших классов. Но, когда соответствующие органы доводили до начальства, что она жена «врага народа», ее немедленно увольняли. Она просила, слезно умоляла оставить ее на работе, но руководители, даже те, кто ей сочувствовал, говорили: извините, от нас это не зависит. Наконец, она устроилась уборщицей на захудалой машинно-тракторной станции, где вездесущие энкавэдисты оставили ее в покое.

Дочь Ада за год сменила несколько школ. Несмотря на угрозы матери, она оттуда убегала, когда дети каким-то невероятным образом узнавали и начинали ее допекать «дочерью врага народа». Обделенная отцовской лаской, лишенная нормальных условий существования, она металась из школы в школу, а за ней неукротимой волной проносился поток оскорблений – «дочь врага народа», «шпионка», «дочь изменника родины».

В очередной школе, куда ее кое-как устроила мать, в январе 1939 года по инициативе энкавэдистов проводился митинг, где Ада Рокоссовская должна была осудить отца за то, что он предал Родину и Советскую власть. Накануне этого бесчеловечного собрания с пятиклассницей Адой проводили беседы директор школы, парторг, секретарь комсомольской организации, а классный руководитель даже составил текст и заставил ее выучить наизусть. Ада обязана была заклеить позором своего отца и отречься от него за то, что он оказался врагом народа.

В спортивном зале были собраны учителя и ученики старших и младших классов.

– Товарищи, – начал свою речь директор, приглаживая пучки золотисто-седых волос вокруг большого черепа, – наши славные органы НКВД, бдительно стоящие на страже нашей родной советской власти, разоблачили и до сих пор разоблачают сотни и тысячи шпионов, диверсантов, террористов и прочей сволочи,

которая пытается подорвать наш самый справедливый строй в мире, строй трудящегося народа. Педагоги и ученики нашей школы говорят: мы не допустим, чтобы эти отщепенцы общества на нашей земле творили свое гнусное дело. Мы будем их выискивать и разоблачать, в какие бы красивые одежды они нирядились. Нас учит этому великий вождь нашей страны товарищ Сталин!

Бурные аплодисменты зала прервали цветистую речь директора.

– Эти, с позволения сказать, люди, – продолжал он, когда смолкли овации, – служат немецкому фашизму и другим империалистическим государствам. – Он мельком глянул на энкавэдиста, сидящего в президиуме, и тот поднял большой палец, мол, очень здорово.

Вдохновленный этим жестом, директор пошевелил трибуну, стоявшую на столе, и, взглянув на первую скамейку, где сидела Ада, произнес:

– У нас учится дочь врага народа Константина Рокоссовского, Ада. Ее отец еще в 1937 году был арестован за шпионаж и заговор против Советской власти. Я уверен, она даст правильную оценку действиям своего отца, хотя я сомневаюсь, что его можно называть отцом.

Он подошел к первому ряду, взял за ручку девочку и поставил ее за трибуну, а сам занял место в президиуме.

– Говори, Ада, говори откровенно, что ты думаешь о своем отце.

Нахмуренная, с горящими глазами, девочка стояла посредине зала и молчала.

– Ну, говори, Ада, говори! – подбадривал ее директор, напряженно поглядывая на энкавэдиста. – Ну, что же ты молчишь? Говори-и!

Ада капризно дернула плечиками и, поправив на лбу темную челку, сказала:

– Я не буду ничего говорить!

– Почему, Ада? – забеспокоился директор.

Девочка почувствовала, как ее руки и ноги внезапно пронзила мелкая дрожь.

– Ада, что с тобой? – повысил голос директор.

Ада резко повернула голову, окинула взглядом президиум и крикнула:

– Мой папа лучше вас всех! Да! Да!.. Лучше всех!

Она заплакала, забежала в гардероб, взяла свое поношенное пальтишко, достала из сумки вязаную шапочку, надела их и выбежала на улицу.

Мощный северный ветер гнул к земле деревья, грохотал по крышам домов, немилосердно хлестал Аду в лицо. Но она не замечала его холодного напора и, шлепая по лужам резиновыми сапожками, все прибавляла шагу.

Зайдя в дом, она швырнула портфель на пол и, забившись в угол, заплакала навзрыд.

Назавтра ее исключили из школы за дерзкий поступок и неуважение к педагогам. Обида так разыгралась в душе девочки, что она наотрез отказалась учиться. И только в новом учебном году Юлии Петровне удалось уговорить дочь пойти в другую школу.

Глава семнадцатая

1

Однажды, еще в юношеские годы, Рокоссовский, купаясь в Висле, заплыл за буй. Его немедленно задержали и отправили в участок.

Знакомый полицейский, желая помочь юноше, высказал предположение, что он, вероятно, не заметил буй, запрещавшего плыть к фарватеру реки. Но молодой человек стоял на своем: он уверял полицейского, что он хорошо видел запретный буй и что он готов заплатить штраф. Выкручиваться и лгать он не собирался.

Этот незначительный эпизод в высшей степени характеризует Рокоссовского, для которого честь и правда были превыше всего. Это было его жизненное кредо. Его душу не грызли противоречия, когда речь шла о справедливости, чести и совести. Может быть, именно в этом заключалась тайна того, что из оклеветанного Рокоссовского, как ни старались, что ни делали, не могли выбить «признания».

Таких твердых, упрямых, волевых среди репрессированных были единицы. Маршал Тухачевский «заговорил» на третий день после ареста, командарм 1-го ранга Якир «признался» в антисоветском заговоре на следующие сутки. Комкор Виталий Примаков «раскололся» в день процесса и собственноручно дал показания на многих военачальников, не находившихся под арестом. В том числе на Каширина, Дыбенко, Шапошникова,

входивших в состав Верховного Суда СССР. После этого были арестованы и вскоре расстреляны 108 руководящих работников Красной Армии и флота.

Другие же, предвидя опасность, рассыпались мелким бесом перед теми, от кого зависели их судьбы, кто могли сделать их без вины виноватыми.

Может быть, не совсем правильно противопоставлять Рокоссовского военачальникам, репрессированным в те трагические годы. Однако, изучая подробно «Дела» и обстоятельства, от этого соблазна трудно удержаться. Через адские пытки энкавэдистов прошли многие, но Рокоссовский никого не оговорил, никого не оклеветал, не спасал свою жизнь за счет других, пусть даже несимпатичных ему людей. Даже в таких нечеловеческих условиях он не запятнал своего доброго имени.

2

Март 1939 года. Перед закрытым судебным заседанием, без участия защиты и обвинения, Рокоссовский, чтобы отвлечься от дум о предстоящем судилище, которое ничего хорошего не предвещало, перелистывал принесенные ему накануне газеты. Сообщения прессы о международных событиях не были утешительными. Мюнхенское соглашение (1938 год), подписанное Францией, Англией, Германией и Италией, привело к тому, что Гитлер захватил Чехословакию. Нависла реальная угроза над Польшей и Румынией. Оккупирован фашистами Мемель*. Правительствa Англии и Франции не шевелят и пальцем, чтобы обеспечить гарантии целостности и неприкосновенности обрубка Чехословакии, оставшегося после судетской «ампутации». Президент Чехословакии Бенеш убежал в США.

Рокоссовский, опустив голову, ходил из угла в угол по камере. «Мюнхенское предательство может аукнуться тяжелыми последствиями не только для Англии и Франции, но и для других стран, — подумал он. — Над миром висит кошмар войны».

Он на миг представил себе, что вновь командует корпусом, совместно со штабными офицерами готовит весенне-полевые учения, проводит занятия с командирами полков, дивизий... «Сколько бы я мог сделать полезного для армии... Дали бы мне свободу, — размышлял он. — Да разве может быть иначе? Ведь армия — мое призвание». Стоило закрыть глаза, и ему казалось, что он на машине ездит по гарнизонам полков, дивизий, ему докладывают, его уважают, считаются с его мнением. Он делает

то, о чем давно мечтал: по совершенствованию управления войсками, надежному прикрытию границы. Как хотелось бы в свои зрелые годы потрудиться на армейской ниве и принести пользу своему отечеству.

Рокоссовский присел у столика. Что его ждет на суде? Из того, что говорили Абакумов и следователь, можно сделать только один вывод – расстрел. Сегодня он дольше обычного метался по камере. Собственная беспомощность и безысходность висели тяжелым камнем на сердце и вселяли в душу страх перед смертью.

Вскоре, как обычно, загрели засовы, открылась дверь. Конвоиры увели его на суд. Он заметил, что конвоиры относились к нему с сочувствием – кто-кто, а они наверняка знали, чем кончаются такие суды.

В небольшом зале, без присутствия посторонних лиц, проходило заседание Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР. За столом сидели председательствующий, два члена суда и чуть поодаль от них – секретарь.

За барьером находился подсудимый – Рокоссовский Константин Константинович. Лицо его было бледным, изнуренным, голова обрита наголо. Он был одет в летнее хлопчатобумажное обмундирование без пуговиц на гимнастерке, без ремня. За его спиной стоял часовой с винтовкой.

Сначала, как и на всех протокольных допросах, были приведены биографические данные подсудимого. Судили Рокоссовского военные юристы: председатель Е.В. Багринцев, члены суда – Климин Ф.А. и Деренчук М.Н., секретарь – Чародей В.К.

Багринцев открыл судебное заседание и объявил дело, которое предстояло рассмотреть. Рокоссовский обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 58-1, п. «Б» (измена Родине, совершенная военнотружущим).

Удостоверившись в личности подсудимого, председательствующий уточнил: вручена ли ему копия обвинительного заключения и ознакомился ли подсудимый с ним.

Рокоссовский ответил утвердительно. Затем был оглашен состав суда и разъяснено подсудимому право отвода кого-либо из состава суда при наличии к тому оснований. Рокоссовский отвода судьям не заявил.

Судебное заседание началось с того, что председательствующий огласил обвинительное заключение и спросил подсудимого, понятно ли ему обвинение и признает ли он себя виновным.

– Предъявленное мне обвинение понятно, – ответил усталым

голосом Рокоссовский. – Виновным себя в шпионаже в пользу польской и японской разведок не признаю. Участником антисоветского заговора я никогда не был.

– Показания свидетелей, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете? – спросил Багринцев.

– Этим показаниям верить нельзя. Они являются ложными. Я прошу вызвать в суд хотя бы несколько свидетелей. Я должен посмотреть им в глаза.

– Я прошу вызвать свидетеля по делу о шпионаже в пользу польской разведки, – дал распоряжение коменданту суда Багринцев.

В зал ввели Белозерова Андрея. Увидев его, Рокоссовский изменился в лице. Он даже поднялся со стула и непроизвольно воскликнул:

– Андрей, это ты?

Белозеров, худой, с землистым цветом лица, со странно бегающими глазами, стоял некоторое время перед судьями, приняв стойку «смирно». Затем, прищурясь, словно он был близоруким, посмотрел на Рокоссовского и медленно отвел взгляд в сторону.

По рекомендации начальства очная ставка с обвиняемым не проводилась – боялись, что Рокоссовский может отрицательно повлиять на своего бывшего друга и Белозеров откажется от своих показаний.

– Свидетель Белозеров Андрей Николаевич, – продолжал председательствующий. – На предварительном следствии вы дали следующие показания: «В 1918 году на Урале от самого Рокоссовского я узнал, что он был завербован Адольфом Юшкевичем. Цель вербовки – работа на разведку панской Польши. В дружеской беседе Рокоссовский говорил мне это не один раз и просил, чтобы об этом никто и никогда не узнал. О гибели Юшкевича я ничего не знаю. Мы с ним расстались в 1920 году».

Рокоссовский, сжав кулаки, впился глазами в Белозерова и, казалось, готов был разорвать его на части.

– Вы подтверждаете свои показания в суде? – спросил Багринцев.

Белозеров, опустив голову, молчал.

– Свидетель Белозеров, вы подтверждаете свои показания? – с раздражением повторил председательствующий. – Скажите, да или нет!

Белозеров направил взгляд на Рокоссовского, как бы извиняясь перед ним за эту ложь, за предательство, которое он совер-

шил по отношению к своему лучшему другу. Ему показалось, что глаза Рокоссовского спрашивали: «И этот подлец был моим другом?»

— Граждане судьи!.. — Белозерова трясло как в лихорадке, его лицо стало бледным, глаза налились слезами. — Граждане судьи!.. Все... Все, что я говорил на предварительном следствии, — это неправда, это ложь!.. Я прошу вас не верить ни одному моему слову.

— Успокойтесь, свидетель! — повысил голос Багринцев. — Объясните суду: почему вы меняете показания?

— Я меняю показания потому, что у меня их выбивали силой, — ответил Белозеров, немного успокоившись. — Посмотрите на мои ногти на ногах, и вы убедитесь в этом. — Он повернулся к подсудимому. — Костя, прости меня, не выдержал пыток. Я даю тебе слово, что распрощаюсь с жизнью, но трусом и подлецом не буду... Прости меня, Костя, если можешь.

У Рокоссовского чуть-чуть посветлело лицо, и он едва заметным кивком головы поблагодарил друга за мужественный поступок.

— Я прошу вас, свидетель, не отвлекаться и отвечать на вопросы только судей, — сказал Багринцев.

— А что вы скажете насчет Юшкевича, его смерти? — спросил Климин.

— Он умер у меня на руках под Перекопом.

Судьи, о чем-то посоветовавшись между собой, объявили перерыв. Через полчаса рассмотрение дела было отложено и направлено на исследование.

Рокоссовского вновь посадили в одиночную камеру и почти ежедневно начали таскать по следователям. Но он неуклонно стоял на своем — я ни в чем не виновен.

Глава восемнадцатая

После холодного и ветреного февраля март в Армавире выдался очень теплым. Уже повсюду цвели яблони и груши, и на вишнях появилась зеленая завязь. Первые фиолетово-зеленые листочки показались и на «цветях Константина Рокоссовского» — так называли розы его жена и дочь.

У дома, где они жили, эти нежные, прелестные цветы занимали пятую часть огорода, и хозяйка торговала ими на рынке. Ада все свободное от учебы время возилась с розами: по совету

бабушки подрезала их, спасала от всяких паразитов, не раз, когда хозяйка занемогала, продавала их на рынке. А когда появлялись на розах бутоны, она садилась в огороде на скамеечку и не сводила с них глаз.

— Мои прелестные рокоссовочки, — часто говорила она. — Папины цветочки, скажите мне, где теперь мой папочка?... Жив ли он еще на свете? Скоро ли он будет вместе с нами?

Тайком от матери, разговаривая с розами, она не один раз проливала слезы.

В тот же месяц, поздно ночью, к ним зашел военный и передал письмо от сестры Юлии Петровны, Ларисы. Вот что она писала:

«Милые мои Юленька и Ада! Сообщаю вам, что моему мужу через знакомых военных юристов удалось узнать, что нашего Костю в 1938 году из ленинградской тюрьмы перевезли в Москву, во внутреннюю тюрьму на Лубянке. О том, жив он или нет, узнать трудно, да и расспрашивать о нем, как говорит мой муж, очень опасно. Единственное, что я могу сказать точно — это если в приемной НКВД на Кузнецком мосту принимают посылку от близких родственников — значит, заключенный еще жив.

Дорогая Юлечка, я тебя очень прошу, как только прочитаешь это письмо, немедленно сожги его. Не дай бог, оно попадет в чужие руки, тогда никому из нас несдобровать. Целую вас, ваша Лариса. Подавай иногда весточку по адресу: Ленинград, Главпочтамт до востребования. Свой адрес и фамилию не пиши».

Это внезапное письмо одновременно обрадовало и огорчило — оно не внесло ясности в самый главный вопрос: жив ли Рокоссовский?

Теперь надо было срочно ехать в Москву. Юлия Петровна отлучиться с работы не могла — ее бы немедленно уволили. Осталось одно — направить туда Аду, которая охотно согласилась. Юлия договорилась с учителями, чтобы они отпустили дочку дней на десять для поездки к родственникам, и вместе с хозяйкой дома, собрав кое-как денег на дорогу, купила килограмм дешевых конфет и пять пачек сигарет. Когда все это было запаковано в посылочку, женщины приступили к инструктажу.

— Вы так много говорите, что невозможно запомнить, — не выдержала Ада. — Я не маленькая, мне уже тринадцать лет.

— Слушай, глупенькая, — говорила мать, — ты впервые едешь в такую дальнюю дорогу.

— Как вы не можете понять? Я уже взрослый человек! — хорохорилась девочка от того, что именно ей поручалось такое ответственное дело. Но, когда ее посадили в плацкартный вагон поезда «Ставрополь — Москва», она забилась в угол вагона и, испуганно поглядывая вокруг, не знала, куда деть свою сумку, чтобы не потерять драгоценную посылочку.

— Девочка, дай я положу твою сумочку на верхнюю полку, — предложил мужчина, сидевший напротив с солидной дамой.

— Спасибо, не надо, она мне не мешает, — ответила та, настоятельно глядя на незнакомых людей.

— Я тетя Оля, а моего мужа зовут Валерием, — подала голос дама. — А тебя как зовут?

— Ада. Ада Рокоссовская.

— Куда ты едешь? — продолжала расспрашивать дама.

Девочка начала плакать.

Ольга уселась рядом с ней, погладила по голове. Валерий достал из сумки плюшевого мишку и подарил его девочке.

— Ну, а все-таки, куда ты едешь? — уточнила Ольга.

— Я еду к папе, — робко ответила Ада.

— А где он?

— В тюрьме.

— За что сидит?

— Не знаю, — насупилась девочка, потом, доверчиво глянув в глаза женщине, добавила: — Мой папа уже давно сидит в тюрьме за какого-то врага народа.

— Хорошо, Ада, все понятно, — прервала разговор Ольга, понимая, взглянув на мужа и покосившись на женщину, стоящую напротив дверного проема.

Вскоре Ольга достала из сумки съестные припасы и разложила их на столе.

— Ада, давай с нами ужинать.

— Спасибо, у меня есть еда. Она здесь, в сумке.

— Так доставай свою еду и вместе перекусим.

Девочка положила на стол несколько сухариков черного хлеба, ломтик соленого сала и баночку вишневого варенья и, уловив недоумение в глазах женщины, сказала:

— Мне хватит, я много не ем.

— Знаешь, доченька, ты свою еду положи в сумку. Она тебе еще пригодится, — сказала Ольга, намазывая масло на хлеб. — Мы тебя сегодня угощаем.

— Спасибо.

После ужина девочка посмелела, почуяв своим детским сердцем, что рядом с ней хорошие, добрые люди.

— А что ты знаешь о своем папе?

— О, тетя Оля! — оживилась девочка, поглаживая плюшевого мишку. — Мой папа очень красивый и добрый-добрый. Он такой же мягкий, как этот плюшевый мишка.

Чуть попозже Ада подробно рассказала этой паре о цели своей поездки в Москву.

Ольга незаметно вытерла появившиеся на глазах слезы, сказала:

— Ты не волнуйся, доченька, дядя Валерий поможет тебе найти приемную. А когда отдашь свою посылочку, дай бог, чтобы ее приняли, то переночуешь у нас, а на следующий день мы тебя отправим домой.

— Спасибо, вы такие же добрые, как мой папа.

В осеннем мамином пальтишке, под которое было поддето два поношенных свитера, Ада простояла на московском мартовском холоде около шести часов. Чего она только не наслушалась в приглушенном злобном шипении толкающихся в очереди людей. Таких грубых слов она отродясь не слышала, но смутно догадывалась о том, что они означают. Когда наконец приблизилась ее очередь, она потеряла самообладание: ноги у нее стали ватными, в горле пересохло, сердце билось, как у вору.

— Кому передаешь? — рявкнул из окошка толстомордый де-тина.

— На посылке написано: Рокоссовскому Константину Константиновичу, — дрожащим голосом пояснила девочка.

Тот несколько минут водил прокуренным пальцем по списку, а затем поднял глаза и произнес:

— Бери! Подавай!

Трясущимися ручками она подала посылочку — за ее спиной, казалось, выросли крылья, и ей хотелось подняться в небо. Она стремглав выбежала из приемной НКВД, несколько раз, поскользнувшись на льду, падала, но тут же поднималась и бежала дальше.

В условленном месте в магазине «Детский мир» она нашла дядю Валерия и, прижавшись к нему, разрыдалась от радости.

— Ну что, взяли?

— Дяденька Валерочка!.. Мой папа жив!.. Мой папа жив!.. Мой папочка жив!..

Глава двенадцатая

1

После очередного допроса, который ничего не дал ни той, ни другой стороне, Рокоссовский лежал на кровати и перечитывал «Войну и мир» Льва Толстого.

Вдруг открылось в двери окошко и надзиратель сказал:

— Гражданин Рокоссовский, примите передачу!

— Спасибо! — Он вскочил с постели и с душевным трепетом снял крышку уже вскрытой посылки. Он взял записку и начал читать:

«Здравствуй, наш дорогой папочка! Мы живем в Армавире. У нас все хорошо, выращиваем твои любимые розы. Посылку тебе передала Ада. Целуем тебя крепко. Твои — жена и дочь».

Он прижал к губам записку и, радостно улыбувшись, поцеловал ее.

— Спасибо, мои любимые! Как я рад, что вы есть на свете!

Рокоссовский присел на стул, закурил сигарету, и ему показалось, что в этом горьком дыме есть что-то родное и сладкое, напоминающее о прошлой жизни. Вечером он пил чай с «подушечками», а ночью почти до утра не спал. Он думал о жене и дочери. Он видел себя на свадьбе со своей Люлю, со всей семьей ехал по степям Монголии в Ургу, с дочкой ловил рыбу в Селенге, собирал грибы в лесах Белоруссии, с женой и дочкой ходил по пушкинским местам.

2

В конце апреля 1939 года Рокоссовского из внутренней тюрьмы на Лубянке перевели в Бутырку. К серым, окованным железом воротам его привезли на черном «вороне» ночью. Начальник конвоя, молодой энкавэдист, выскочил из кабины, опустил кобуру на серой шинели и дал команду:

— Выходи!

Двое конвоиров, сидевших вместе с заключенным, отгороженные от него железной решеткой, выпрыгнули из машины, за ними в наручниках спустился Рокоссовский. Он был в солдатских брюках, в порванных кирзовых сапогах, в помятой шапке-ушанке и замызанной телогрейке. От свежего воздуха у него кружилась голова.

— Заводи! — крикнул вновь появившийся начальник конвоя.

Рокоссовского завели в тамбур, и его встретил с делом в руках средних лет мужчина с повязкой дежурного. Он громко назвал фамилию, имя, отчество, год и место рождения и статью, по которой обвинялся заключенный. После этого его провели в бокс, раздели до трусов и осмотрели все его вещи, даже прощупали на трусах резинку. Затем его провели в тюремный двор, за забором которого яркой россыпью виднелись огни ночной Москвы. К нему подвели еще десятка два заключенных и повели их в приземистый сарай, который именовали баней. Из тамбура одна дверь вела влево, а другая — вправо. Провожатый открыл правую дверь, и эки гуськом, как утята за уткой, потянулись за ним. Когда все зашли в моечную, раздалась команда: «Всем раздеться! Вещи в жарку!»

Заключенные складывали вещи на стол и заходили на стрижку волос. Только после этой процедуры можно было заходить в моечную.

Набрав в тазик воды, Рокоссовский с усердием тер себя мочалкой, похожей на заячий хвост, и кричал от удовольствия. Такой роскошной бани на Лубянке не было, и он старался ответить душой.

Пока мылись, получали вещи на складе, наступило утро. Его завели в камеру, где уже находились три человека.

— О-о-о! Лещ! В каком водоеме тебя такого сухого поймали? — прокричал черноглазый здоровяк, с любопытством оглядывая Рокоссовского. — Братцы! Скорее всего, его вытащили из сетей на Аральском море.

— Еще одно такое слово якнешь и недосчитаешься зубов! — взял за шиворот черноглазого Рокоссовский так, что у того сразу же пропала спесь. — Впредь называть меня Константином Константиновичем и никак по-другому!

— Х-хорошо! Буду только так!.. Буду!.. Буду!..

Почти полгода просидел Рокоссовский в этой тюрьме. Вместе со всеми его водили на работу, как будто он уже давно получил свой срок. Он собирал ящики, научился работать на строгальном станке, овладел профессией мебельщика — делал шкафы, табуретки, столы.

Но в сентябре 1939 года его вновь посадили в одиночную камеру, а неделю спустя состоялось новое заседание Верховного суда СССР. Заседатели были те же, что и на первом рассмотрении дела, — М.Н. Деренчук, Ф.А. Климин. Председательствующим вместо Багрянцева был назначен П.С. Гиль.

Накануне нового судебного заседания он не сомкнул глаз. Вся ночь прошла в мучительно-тяжелых раздумьях. Какой приговор его завтра ожидает? Похоже, решили с ним больше не канителиться, раз организуют судебное разбирательство без его личного признания. Иначе какой смысл в повторении того, что было на первом судебном заседании? Неужели так бесславно оборвется его жизнь?

А теперь я предоставляю слово человеку, перенесшему четыре инфаркта, дожившему до преклонных лет, полковнику юстиции в отставке, члену КПСС с декабря 1918 года, бывшему члену Верховного суда Союза ССР Ф.А. Климину. Он оставил завещание: после его смерти вскрыть пакет, который он с педантичной аккуратностью опечатал сургучной печатью и хранил в своем рабочем столе на квартире. Привожу дословно.

«В марте 1939 года я был членом военной коллегии Верховного суда Союза ССР, когда судили комбрига Константина Константиновича Рокоссовского. Сидел я по правую руку от председательствующего, ближе к барьеру, за которым находился подсудимый. У комбрига было измученное лицо, под «нулевку» подстрижен. Был одет, как все заключенные военные высокого ранга – в потрепанное солдатское обмундирование. Его охранял рослый, с глазами навывкате часовой.

Я взглянул в лицо подсудимого и как-то растерялся: какие же я увидел глаза? Открытые, честные, они как бы свидетельствовали: этот человек не способен говорить ложь, ему можно, должно верить. Мне даже почудилось, что я в чем-то виноват перед Рокоссовским. Но нужно было подавить это чувство: какое может быть стеснение? Перед кем? Комбриг предан суду как участник антисоветского заговора в армии. Мне ли, члену суда, впадать в сентиментальность? На предварительном следствии Рокоссовский отверг все обвинения и отказался подписать протоколы допроса. А на столе лежали сорок объемистых папок свидетельских показаний. Все свидетели категорически утверждали: Рокоссовский – враг Родины, он подло изменил ей. Протоколы подписаны свидетелями, и только один остался в живых, и тот отказался от показаний.

Что делать, думал я? Довериться глазам, честным и открытым? Это не доказательство для суда. Согласиться с показаниями мертвых свидетелей? Тогда надо немедленно осудить Рокоссовского по самой страшной статье. А она повелевала определить только высшую меру без права обжалования. Днем приговорили к расстрелу, а уже ночью приговор будет приведен в ис-

полнение. Но в виновности К. Рокоссовского у меня возникли серьезные сомнения.

Глаза Константина Константиновича, мягкие и доброжелательные, с нежным голубоватым отливом, продолжали оставаться спокойными. Ответы на вопросы тоже ровные, спокойные, гордые, полные достоинства. И опять меня терзают навязчивые сомнения: может ли быть такой человек врагом Родины? Вопрос сложный, психологически трудный, хочется разобраться во всем объективно и справедливо. Я стал придираться к явным нарушениям в ходе следствия. Даже зло упрекать в полном невежестве следователей: мол, неужели не понятно, как вести допрос? К счастью для Рокоссовского, такую же позицию занял и второй член суда.

Дело отложено...

Через полгода, осенью 1939 года – следующее заседание. Рокоссовский еще больше похудел, был бледен, щеки его запали. Но глаза, глаза! Я теперь окончательно был уверен, что передо мной оклеветанный человек. Председательствовал другой дивюрист, но второй заседатель был тот же. Не сговариваясь, члены суда оказались единомышленниками. Снова придирки к следователям. И во второй раз дело отложено... Третье заседание не состоялось: Константина Константиновича освободили и он вернулся в строй.

Гораздо позже, когда в приказах Верховного Главнокомандующего я встречал имя Рокоссовского (а оно появлялось в печати), я всегда думал о том, что хоть как-то помог выдающемуся полководцу выйти на волю и занять свое достойное место в рядах сражающейся армии».

Уважаемый полковник юстиции Ф.А. Климин не только «как-то помог», но, по сути дела, спас Рокоссовского от неминуемой гибели. Не будь у нашего героя таких привлекательных, симпатичных, «честных, с голубым отливом» глаз, – страшно подумать! Наша страна, мир так и потерял бы навсегда этого выдающегося человека и полководца.

Чтобы закончить рассказ об этой драматической странице в жизни Рокоссовского, приведу еще одно письмо, датированное 15 сентября 1965 года.

«Уважаемый Константин Константинович!

В этом последнем моем письме очень прошу извинить меня за причиненное беспокойство, благодарю за последний звонок и разъяснение, что не стоит ворошить прошлое.

Меня лишь крайне огорчило Ваше предложение, что, состоясь наша встреча, мне пришлось бы покраснеть.

Вы не знали и не могли знать, что я, не имеющий никакого отношения к следствию, в 1938 году вмешался в Ваше дело и написал смелый для того времени рапорт, в котором протестовал против передачи Вашего дела на рассмотрение тройки. Я позволил себе тогда, в 1938 году указать, что такого рода дело является «диверсией против Красной Армии». Я добился тогда лишь одного: дело было снято с рассмотрения на тройке. Моему рапорту предшествовала одна встреча с Вами, во время которой я советовал Вам ни в коем случае не оговаривать себя.

Никогда бы я Вас не посмел побеспокоить, не появившись в Москве слух о том, что Вы однажды в кругу своих друзей будто бы рассказали, что во время следствия к Вам неожиданно заявился один молодой чекист и посоветовал Вам не давать показаний, и при этом весьма положительно характеризовали этого человека.

Понимаю теперь, что слух этот, возможно, лишен был основания, потому как этим человеком был я, поэтому я позволил себе написать Вам письмо. Мне крайне не хотелось, чтобы Вы подумали обо мне плохо, как о наглеце, который мало того, что участвовал в таком позорном деле, но еще и аудиенции добивается, чтобы смаковать прошлое...

Дело было позорное, одно из многих в то время таких дел, но моя роль в нем была отнюдь не позорной.

Ни с одним человеком я не говорил об этом, но горжусь по сей день тем, что вырвал из лап тройки (там судили заочно) такого Человека. Никогда Вас больше беспокоить не буду, извините! Желаю Вам многих лет здоровья и благополучия. Н. Лернер».

Продержали Рокоссовского в Бутырке до марта 1940 года. И не случись советско-финляндской войны*, где долгим эхом аукнулась чистка командиров Красной Армии, несомненно состоялся бы очередной суд над Рокоссовским. Среди вершителей людских судеб того времени sentimentalность была не в моде. Другие члены Верховного суда СССР, другие дивористы наверняка не смотрели бы в голубые глаза Рокоссовского, как это сделал Климин, а довели бы дело до конца.

Существует не одна версия о том, кто помог освобождению заключенного из тюрьмы. Когда в Великую Отечественную войну взойшла звезда Рокоссовского, расцвел его военный талант в полную силу, оказалось, что многие приближенные к отцу наро-

дов Сталину радели о будущем полководце: то Буденный ходил к Сталину с просьбой, то Шапошников замолвил слово, то Жуков хотел вырвать его из тюрьмы, то Тимошенко хлопотал о его освобождении. Подтвердить эти версии документально или же со слов самого Рокоссовского невозможно. Ясно одно — подавляющее большинство его сослуживцев сами дрожали за свою жизнь. Почему его бывшие соратники и друзья, оказавшиеся на верху армейской пирамиды, бросили его в беде, по-другому объяснить трудно.

Скорее всего, обжегшись в Финляндии на линии Маннергейма*, Сталин поручил Лаврентию Берии разыскать по тюрьмам и лагерям уцелевших военачальников, пропустить их через чекистское сито и выпустить на волю. В числе таких командиров, чудом оставшихся в живых, оказался и Рокоссовский.

Сразу же после окончания советско-финляндской войны (март 1940 года) его освободили из тюрьмы и восстановили во всех гражданских правах.

3

Весной 1940 года в Сочи наблюдался большой наплыв приезжих. По территории санатория Наркомата обороны бродили с облупленными носами жены военных, в бильярдной гоняли шары и, закрывшись в душных комнатах, расписывали пулюку их мужья.

Рокоссовский, его жена и дочь, ни на минуту не покидавшая отца, лежали рядом на пляже. Морская вода с мягким шорохом подходила к берегу, облизывала ноги, тела и с тихим шепотом уходила обратно. Рокоссовскому казалось, что не было ни тюрьмы, ни голода, ни холода, ни физической боли, а есть и всегда будет такое душевное блаженство, как теперь: рядом самые близкие и родные люди, чистый свежий воздух, ласковое солнце и безмерная голубая даль.

Ада, светясь радостью — улыбкой, глазами, — прикоснулась к плечу отца:

— Папочка, почему ты не хочешь говорить о том, как ты там жил в тюрьме, о чем ты думал, чем ты там занимался. Это нам очень интересно. Мы ведь ничего от тебя не скрывали — рассказали все-все.

Рокоссовский присел, посмотрел на дочь, на жену, обнял их за плечи.

— Люлю и Адуля, давайте с сегодняшнего дня, с этой минуты

договоримся: о том, что было с нами за последние три года, больше ни слова, никогда, ни при каких обстоятельствах. Не было той полосы в нашей жизни, не было и все. — Он прижал их к себе. — Ну что, договорились?

Жена и дочь молча подали ему руки в знак согласия.

— Вот и молодцы! — улыбнулся Рокоссовский и, под пристальным вниманием женской половины пляжного общества, нырнул в ледяную воду.

Вечером Рокоссовский познакомился с отдыхающим из соседней палаты. Им оказался заместитель командующего войсками Закавказского военного округа генерал Павел Иванович Батов. Этот невысокого роста крепыш с каштановыми волнистыми волосами пришелся Рокоссовскому по душе, и они до полуночи говорили об Испании, где воевал Батов, спорили о войне с Финляндией, обменивались мнениями об обстановке в Европе в связи с захватом гитлеровскими войсками Польши.

Когда Батов пытался расспросить Рокоссовского о годах, проведенных в тюрьмах, тот сказал:

— Дорогой мой Павел Иванович, я дал себе клятву не вспоминать те годы. Теперь, когда я на свободе, говорить об этом просто нет никакого смысла. Прошу извинить, но нарушать данное себе слово я не буду.

— Ну а все-таки, Константин Константинович, — не сдавался настырный Батов, — у вас же были хорошие знакомые, вхожие к самому Сталину. Они же наверняка знали, что вы ни сном ни духом не виноваты.

— Например?

— Тимошенко, ваш бывший начальник. Он — командир корпуса, а вы — командир дивизии в Белоруссии. Или тот же Жуков, который командовал полком в вашей Самарской дивизии. Вы же вместе с ним учились на курсах, были хорошими друзьями.

— Павел Иванович, вы помните, кто такой Галилео Галилей? — хитровато улыбнулся Рокоссовский.

— Кажется, физик, астроном.

— Да, да, это он развил учение Коперника* о движении Земли. Его знаменитая фраза перед казнью: «А все-таки она вертится» — будет жить вечно.

— Великий итальянец.

— Так вот, дорогой мой, ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупее; он знал, что вертится Земля, но у него была семья.

— Ох и Рокоссовский, ох и Константиныч! — проговорил Батов и расхохотался. — Отличный стрелок — прямо в яблочко.

Разошлись они ближе к полуночи, сыграв на прощание три партии в бильярд.

Желание Юлии Петровны сбылось — теперь вся семья была вместе. После долгой разлуки, мучений и скитаний — это были самые счастливые дни в их жизни. Отпуск подходил к концу, а ей так хотелось продлить его хотя бы недельки на две. Но ничего не поделаешь — завтра надо собираться в дорогу.

Она медленно шла вдоль берега по мягкому, как бархат, песку и любовалась ручейками, оставленными уходящей волной. Она присела, опустила руки в воду и долго наблюдала, как на морских волнах качаются, как поплавки, две желтых шапочки. Там плавали ее муж и дочь. Юлия как курица-наседка ходила по берегу и, не умея плавать, горела желанием броситься в воду и оказаться рядом с ними.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

*Память войны! Счастлива, кто
не знает ее, и я хотел бы поже-
лать всем добрым людям: и не
знать ее никогда, не ведать, не но-
сить раскаленные угли в сердце,
сжигающие здоровье...*

Виктор Астафьев

Глава первая

1
начале лета 1940 года уже несколько дней подряд моросил мелкий дождик. В Москве было прохладно и пахло сыростью.

К зданию Народного комиссариата обороны подъехал «ЗИС-101». Из него вышел генерал-майор Рокоссовский, высокий, статный, в форме с иголочки. От бывшего заключенного не осталось и следа. Он шел по широкому коридору и, отвечая на многочисленные приветствия, думал о предстоящей встрече с Народным комиссаром обороны: какое будет решение, где предстоит ему служить? С некоторым волнением он переступил порог массивного кабинета.

— Здравствуйте, Константин Константинович, — навстречу ему вышел из-за стола Тимошенко.

— Здравия желаю, Семен Константинович, — весело улыбаясь, произнес Рокоссовский.

— Прошу, — кивнул Тимошенко и занял место в кожаном кресле.

— Спасибо, — Рокоссовский сел напротив.

— Вижу, военная косточка еще сохранилась.

— Со стороны виднее.

— Тяжело было?

— Бывало всяко, — ответил Рокоссовский, давая понять, что у него нет желания вести разговор на затронутую тему. — Соскучился по настоящей работе. У меня уже давно руки чешутся.

— Без работы не останетесь, — сказал Тимошенко, затем взял указку и подошел к висевшей на стене карте. — После оккупации фашистами Польши мы вышли на границу Западной Украины и Белоруссии. Теперь имеем непосредственное соприкосновение с гитлеровцами. На третий день после нападения Гитлера на Польшу Франция и Англия объявили Германии странную войну.

— В чем ее странность? — Рокоссовский подошел к карте.

Тимошенко вытер платком вспотевшую безволосую голову.

— В том, что эти страны проявляют поразительную медлительность и неповоротливость. Создается впечатление, что перед нами крепкий молодец, одетый в военную форму и снабженный неплохим оружием. Выпятив грудь, он бодро топает на месте, так и кажется, что он вот-вот бросится в драку. А на самом деле он ищет подходящего момента, чтобы сбросить с себя военные доспехи и, облачившись в мирные одежды, занять место в ресторане и спокойно сосать холодное пиво.

Рокоссовский, пораженный образностью языка народного комиссара, улыбнулся.

Тимошенко положил указку, сел за стол для совещаний, рядом с собой усадил генерала.

— Я мельком встречал в газетах заметки о тройственных переговорах, — сказал Рокоссовский. — Интересно знать: почему мы не договорились?

— Потому, что Англия и Франция эти переговоры саботировали.

— В чем заключался их саботаж?

— Узнаю прежнего Рокоссовского, — засмеялся Тимошенко. — Советская военная миссия во главе с Ворошиловым считала, что СССР, не имея общей границы с агрессором, мог оказать помощь Англии, Франции, Румынии и Польше лишь при условии пропу-

ска его войск через польскую территорию. Других путей для соприкосновения не было. Западные миссии не согласились с позицией советской стороны. Хуже того, польское правительство открыто заявило, что не нуждается в помощи со стороны Советов.

— Когда б клюнул жареный петух, никуда бы поляки не делись. Неужели эти 200–400 километров явились камнем преткновения в таких важных переговорах?

— Если хотите, в этом была основа разногласий, — сказал Тимошенко, взглянув на генерала. — Поэтому переговоры прервались, и мы вынуждены были заключить пакт о ненападении с фашистской Германией.

— Любопытно, какими силами располагал будущий тройственный союз, если бы он состоялся?

Маршал Тимошенко открыл сейф, нашел нужную папку и уселся за стол.

— Франция могла поставить 110 дивизий, 4 тысячи современных танков, 3 тысячи пушек и 2 тысячи самолетов, Англия — 31 дивизию и 2 тысячи самолетов. Как видите, силы немалые.

— Да, силы немалые, — согласился Рокоссовский и, подумав, спросил: — А мы чем располагали для борьбы с агрессором в Европе?

— Мы могли поставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч орудий, 10 тысяч танков, 5 тысяч боевых самолетов. Кроме того, к услугам всех держав имелись военно-морские флоты.

— Итого, — моментально прикинул Рокоссовский. — Какая сила — почти 300 дивизий, 15 тысяч танков, более 10 тысяч самолетов? — Он посмотрел на маршала. — Как же мы отказались от такой сокрушительной силы из-за пустяка?

— Как из-за пустяка? — резко возразил Тимошенко. — Нам не давали коридор — это не пустяк!

Он посмотрел внимательно на Рокоссовского и подумал: «А он ничуть не изменился: все та же смелость мыслей, все та же раскованность. Только, пожалуй, более категоричные суждения».

— Было не до коридора, когда гитлеровцы начали кромсать Польшу. Я больше чем уверен — польский народ встречал бы нашу армию хлебом и солью.

— Ладно, Константин Константинович, в своей полемике мы можем далеко зайти, — сказал Тимошенко, отдавая себе отчет, что этот разговор, когда уже заключен пакт о ненападении с Германией, является совершенно неуместным.

После некоторого молчания маршал произнес:

— Вы снова будете командовать 5-м кавалерийским корпусом. Пока корпус в пути — он перебрасывается на Украину, — я вас направляю в распоряжение командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Жукова.

— Жукова? — переспросил Рокоссовский.

— Да, да, Жукова, — подтвердил Тимошенко, посмотрев на генерала. — Теперь вы меняетесь местами — он начальник, а вы подчиненный.

— Я ничего не имею против. Мы всегда были с ним добрыми друзьями.

— Вот и хорошо, — сказал Тимошенко и молниеносно поднял трубку красного телефонного аппарата, который задрожал от звонка.

— Слушаюсь, товарищ Сталин! — принял стойку «смирно» маршал. — Слушаюсь!.. Сейчас же выезжаю!.. Слушаюсь, товарищ Сталин!

Тимошенко дрожащими пальцами застегнул пуговицы, опоясал ремнем, нахлобучил почти до самых бровей фуражку и, тревожно взглянув в зеркало, на ходу бросил:

— Товарищ Рокоссовский, предписание у помощника!

2

Киев встретил Рокоссовского радушно. Лето было в разгаре. Роскошные шапки темно-зеленых каштанов придавали улицам нарядный и праздничный вид. От синего Днепра веяло прохладой.

Жуков и Рокоссовский встретились по-дружески. Как старые солдаты обнялись, похлопали друг друга по плечу и приступили к делу.

— Пока твой корпус подтягивается к новому месту дислокации, — говорил Жуков, — попроси у штабистов материалы, связанные с войной в Финляндии, там есть, что посмотреть. Одним словом, входи в курс дела.

Все лето 1940 года прошло для Рокоссовского в изучении документов, в учениях и инспектировании войск. И только в конце июля он принял свой 5-й кавалерийский корпус. Там оказалось немало старых сослуживцев, которые встретили его с искренней радостью. Но были и те, кто «бичевал» его на партийном собрании, разносил в пух и прах, когда его отстранили от должности командира корпуса. В связи с этим он вынужден был собрать офицеров.

— Работать с подчиненными, которые прячут глаза от командира, не лучшее средство для взаимопонимания, — открыто сказал он. — Кто-нибудь заметил, что я отношусь предвзято к некоторым из вас?

— Н-нет! — дружно ответили голоса.

— Так вот, все, что было, было поросло, — мягко сказал он, улынувшись той обаятельной улыбкой, которую хорошо знали подчиненные. — Теперь мое кредо — кто старое помянет, тому глаз вон. Кому не любо, что против шерсти глажу? Время не терпит — на пороге, на мой взгляд, тревожные события.

Когда в зале раздалась дружная аплодисменты, Рокоссовский поднял руку.

— Извините, друзья, я говорил не для того, чтобы сорвать аплодисменты.

После этого разговора напряжение между отдельными подчиненными и Рокоссовским как рукой сняло. Весь коллектив включился в боевую работу.

Штаб корпуса располагался в городе Славуте. Рокоссовский с жадностью окунулся в привычную обстановку. Он вновь мотался по гарнизонам, помогал частям, соединениям обживать новые места. Он был рад, что попал в свой военный мир и ему предоставилась возможность снова заниматься своим любимым делом, но сердце генерала стремилось к Москве, где жила его семья. Вот что он пишет в письме от 20 июля 1940 года.

«Милая, дорогая Люлю!

Теперь я в Славуте. Знакомлюсь с новым местом жительства. День тому назад лил проливной дождь, а сегодня ясный солнечный день и вокруг одна зелень. Приятно лаская слух, шумят деревья. Воздух пропитан смолистым запахом. Все это напоминает мне Ратомку под Минском.

Я вспоминаю, как мы с тобой слушали трели соловья и ты все ждала, когда же он запоет арию.

Славута по своей флоре и климату сильно напоминает Белоруссию. Мне кажется, что тебе здесь понравится. И вообще, милая жинка, привыкаю к украинской мове. Жить мы будем здесь хорошо. К жизни в больших городах мы с тобой не привыкли, поэтому скучать по городскому шуму и блеску мы не будем. Думаю, что Адуля будет довольна, т.к. Дом Красной Армии под боком. Там ежедневно демонстрируются фильмы, идут различные спектакли.

На днях поеду на машине в Киев (250 км), там окончательно

узнаю, разрешат ли мне выехать за вами. Я уверен в том, что ответ будет положительный. Как раз к вашему приезду наступит грибной сезон. Вот мы вместе и направимся в лесные дебри. Помнишь, как мы собирали грибы в белорусском лесу? Здесь также очень много ягод, есть места для рыбной ловли и охоты. Одним словом, мы будем жить в земном раю. Только бы собраться вместе, а то я дьявольски по вас соскучился.

Работы у меня много. Больше нахожусь в разъездах, почти все время в движении. Одному, конечно, скучно, и в мыслях я всегда с вами — моей дорогой Люлю и моим светлым лучиком Адулей.

С нетерпением жду от вас новостей. Пишите чаще, а то я сижу в лесу, как Робинзон, и не нахожу себе места.

Целую тебя и Адуся. Любящий вас — Костя».

Увы! Пожить Рокоссовскому в «земном раю» не пришлось. Вскоре вышел новый приказ: его назначили командиром вновь формирующегося 9-го механизированного корпуса, штаб которого располагался в Новгороде-Волынском. Так под конец 1940 года он навсегда распрощался с кавалерией, которой отдал около двух десятков лет. Пришлось в короткий срок осваивать новый род войск. Корпус состоял из одной моторизованной дивизии и двух танковых. Когда командир корпуса познакомился с материальной частью, ему стало не по себе.

— Как же мы с этим старьем будем воевать? — спросил он у начальника штаба корпуса генерал-майора А.Г. Маслова. — Танки Т-26 и БТ-5 уже давно просятся на свалку, не хватает автомашин. Алексей Гаврилович, что будем делать?

— Будем ждать новой техники, — пожал плечами Маслов. — Пока надо осваивать старую.

— Даже этой рухлядью мы обеспечены всего лишь на тридцать процентов, — с возмущением произнес Рокоссовский.

— Об этом знают в Генеральном штабе и в Киевском военном округе.

В течение нескольких суток они не выходили из кабинета начальника штаба и составляли планы по боевой водготовке и совершенствованию выучки командного состава.

От подъема до отбоя всю зиму 1940–1941 годов Рокоссовский со своими замами и штабом проводили командно-штабные выходы в поле со средствами связи, военные игры на картах, полевые поездки по возможным направлениям нападения противника.

Жилье для семьи нашлось только весной 1941 года.

— Костя, что с тобой, ты случайно не заболел? — ужаснулась при встрече жена, увидев худое, загорелое до черноты лицо мужа. — На тебе кожа да кости.

— Ничего, Люлю, были бы кости. — Он приподнял ее, как ребенка. — А сало с твоей помощью нарастет.

— Что ты делаешь? — взмолилась жена.

— А ты говоришь, малышка, что я совсем немощный! — хохотал Рокоссовский.

Глава вторая

1

Оставив машину у здания штаба корпуса, Рокоссовский, с букетом красных роз, ранним утром майского дня шел домой. Полевые учения прошли успешно, но все равно на душе было неспокойно. Какая-то глубокая внутренняя тревога не покидала его ни на минуту. На ровной, как стрела, улице за пышной зеленью почти не было видно крестьянских домов.

Он открыл калитку. Кругом было тихо. Домашние, видимо, еще спали, и он, чтобы их не тревожить, присел в саду на скамейку.

Небо было ясное и голубое; в верхушках деревьев играли солнечные лучи; пели-заливались птицы. За забором лениво мычали коровы; где-то поодаль лаяла собака; старались перекричать друг друга петухи.

Вскоре открылось окно детской комнаты и появилась растрепанная головка дочери.

— С добрым утром, папуля! — закричала она и выбежала на крыльцо. — Мама, папочка приехал, неси скорей вазу!

Не прошло и часа, как вся семья сидела в саду за столом и завтракала.

Рокоссовский ел так, как будто его морили голодом несколько дней. Они болтали, угощали друг друга, шутили и смеялись.

— Как мы счастливы! — сказала дочь. — Снова вместе. Теперь мы не будем никогда разлучаться. Правда, папочка?

— Ну что ты пристаешь к отцу, Ада? — сказала жена. — Дай ему хоть немного отдохнуть. Он, наверное, всю ночь не спал.

— Часа два прикорнул, — улыбнулся он. — Теперь нам не до сна.

— Почему? — спросила Ада.

— Как тебе сказать? — задумался Рокоссовский. — В воздухе пахнет войной, дочь.

— Костя, на тебя не похоже, — сказала Юлия. — Ты что, паникуешь?

— Факты — упрямая вещь, — ответил он с грустью в голосе. — Пока есть возможность, надо было бы в далекий тыл эвакуировать семьи.

— Раз ты так считаешь, то почему вы этим не занимаетесь? — спросила жена подавленным голосом.

— Приказано не поддаваться панике, — ответил Рокоссовский, обнимая дочь, которая за год вытянулась так, что доставала до отцовского плеча. Он начал помогать убирать посуду. Потом, как бы между прочим, заметил: — Береженого Бог бережет. Я рекомендую тебе, Юленька, свяжи в узелки наши скромные пожитки.

Через пару часов к дому подъехал дежурный офицер штаба, и уже спустя десять минут комкор вместе с начальником штаба находился в своем кабинете.

— Приказано отправить артиллерию всех соединений корпуса на полигоны, — протянул шифрограмму генерал Маслов.

— Алексей Гаврилович, ты представляешь, что это значит? — поднял на него глаза комкор.

— Не дай бог, начнется война — всей артиллерии каюк.

— То-то же, — жестко проговорил Рокоссовский. — Я такую команду выполнять не буду.

— Это же приказ.

— Приказы отдают люди, а чтобы приказывать, надо иметь голову, — сказал Рокоссовский и подошел к аппарату ВЧ. — Я сейчас переговорю с командующим округом Кирпоносом.

— Михаил Петрович, это Рокоссовский. Здравия желаю! — сказал в трубку комкор. — Насчет отправки артиллеристов с материальной частью на полигон, видимо, получилось какое-то недоразумение. Я так понимаю.

— Никакого недоразумения нет. Все идет по плану Генерального штаба. Я должен завтра доложить об исполнении приказа.

— Обстановку на границе хоть кто-нибудь учитывает?

— Наверху больше информации, и им виднее.

— Извините, а мы что, пешки? Приказ этот я выполнять не буду.

— Как это не будете?

— Докладывайте в Москву и снимайте с должности или же отменяйте приказ.

— Товарищ Рокоссовский, мне говорили, что вы вежливый, исполнительный командир!

— Михаил Петрович, докладывайте в Генштаб, что я не выполняю приказ.

— Докладывать я не буду. Что вы предлагаете?

— Мы с Масловым сделаем все, чтобы отработать упражнения на месте.

— Добро, отрабатывайте... Если что, отвечать будете вы.

— Я ответственности не боюсь. Спасибо. — Рокоссовский положил трубку и прошелся по кабинету. — Скажи, Алексей, что с нами творится? Мы что — загипнотизированы фюрером фашистов?

— Н-ну, нет, наверное, — замялся Маслов.

— Как это нет? — Рокоссовский уселся за стол, взял карандаш и начал чертить на бумаге какие-то закорючки. — В пограничном районе Киевского особого военного округа происходят невыездные вещи. Через границу шмыгают неизvestные лица. В пограничной полосе разгуливают на автомашинах переодетые в штатское немецкие офицеры, получившие разрешение не от кого-нибудь, а от самого правительства. Видите ли, немцам пришлось разыскать и эксгумировать захороненных якобы здесь военнослужащих. Что это?..

— Да, тут явная неувязка.

— Скажи, Алексей, почему нам запрещено стрелять по немецким самолетам, нагло нарушающим границу?

— Что я могу ответить? — сказал Маслов. — Помните, сколько мы возились с двумя самолетами, вынужденными совершить посадку? Казалось бы, шпионаж налицо: новейшая фотоаппаратура, на пленках засняты мосты, железнодорожные узлы. Я не знал, куда себя деть, когда получил из наркомата обороны распоряжение: самолеты с немецкими офицерами отпустить и сопроводить до границы двумя нашими истребителями.

— Как понимать все это? — с возмущением произнес Рокоссовский.

— Ума не приложу.

— Алексей Гаврилович, ты же у нас «академик», скажи мне, пожалуйста, зачем мы сосредоточили нашу авиацию на передовых аэродромах и расположили склады центрального подчинения в прифронтовой полосе? Мы что, собираемся наступать?

— Вроде не похоже. Эти действия не поддаются логике.

— А ты утверждаешь, что мы не загипнотизированы Гитле-

ром, — сказал Рокоссовский и вышел из-за стола. — Ну что ж, давай, дорогой мой начштаба, покумекаем над тем, как выполнить артиллерийские упражнения.

2

Немилосердно жгло июньское солнце. Река Случь, вдоль которой растянулся Новгород-Волынский, сузилась, обмелела — воровью по колено.

Рокоссовский возвращался на машине в штаб корпуса после посещения танковой дивизии, где проверял ее боеготовность. По темному сосновому лесу дорога бежала навстречу, как бесконечная серая лента. Расстроенный вконец старыми малобоеспособными танками, он с грустью думал о том, что если начнется война, то нечем будет встречать фашистов. Он дал две недели на то, чтобы отремонтировать изношенную технику, — но легко отдавать приказы, а вот как их выполнять, когда запчастей с гульки-нос? Он никогда не ожидал, что в таком плачевном положении окажутся механизированные войска, главная ударная сила в Киевском особом военном округе. «Надо срочно ограничить использование танков для учебных целей, — подумал он. — Может быть, хоть так сохраним кое-какой моторесурс».

Лесная чащоба расступилась сначала березовой опушкой, затем широким полем пшеницы. В ветровое стекло машины било солнце, слепило глаза.

Он вышел из машины. Горячим, немигающим глазом стояло солнце в зените. Тревожно-безлюдным было пшеничное поле. У дороги, в листьях раскидистой дикой яблони, пряталась от жары какая-то маленькая птичка, поминутно кричавшая: цви-и, цви-и, цви-и! Возможно, она почуяла опасность для находящихся где-то рядом птенцов. Белый, с черными крапинками мотылек, взвился из-под его ноги и, кружась, скрылся на полуме уса-той пшеницы.

Проехав еще около десятка километров, Рокоссовский заметил на поле запряженную пару лошадей, а за ней, налегая на ручки плуга, шел крепкий, загорелый мужчина в белой рубашке с завернутыми рукавами, в сапогах, в соломенной шляпе, из-под которой выбивались курчавые клочья светлых волос.

— Здравствуйте, — сказал Рокоссовский.

— Здравствуйте, — остановил лошадей пахарь.

— Что же один, почему не помогают колхозники?

— Я не в колхозе, живу на хуторе. Повозились со мной в 40-м и отстали.

— Под пшеницу? — кивнул комкор на вспаханный клин.
— Нет, под озимую рожь, — ответил мужчина и, сняв шляпу, достал из нее пачку сигарет. — Курите?
— Да, спасибо, — ответил Рокоссовский, прикуривая.
Они присели у дороги на траву и задымили.
— Вижу, вы большой армейский чин, — глянув на Рокоссовского, спросил пахарь.
— Да, не маленький.
— Тогда скажите мне, — затягиваясь дымом, сказал мужчина, — успею я посеять рожь до войны?
— В поход собирайся, а жито сей, — улыбнулся Рокоссовский.
— Ну, а если серьезно?
— Как вас звать?
— Степаном.
— Так вот, Степан, судя по всему, войны с немцами нам не избежать.

— Я тоже так думаю, — холодно заметил Степан. — А скоро?
— Думаю, скоро, — ответил Рокоссовский, глянув на часы. — Мне пора. — Он попрощался с пахарем и направился к машине.
— Но-о! — крикнул Степан, и лемех плуга довольно быстро врезался в землю. По блестящему железу потекли ручейки серой, как мелкий порошок, земли.

В штабе корпуса комкора встретил Виктор Феодосьевич Леснов.

— Константин Константинович, вы читали сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года?

— Нет, не читал.

— Вот, прочтите!

Рокоссовский, прочитав сообщение ТАСС, изменился в лице: глаза его были широко раскрылись от удивления, брови поднялись, губы сжались.

— Ну и как? — осторожно спросил Леснов, заметив расстроенный вид комкора.

Тот долго молчал, опустив голову, а потом, окинув тяжелым взглядом Леснова, сказал:

— Оно вызывает у меня недоумение.

— Почему?

— Оно ставит в неравные условия нас и гитлеровцев.

— Как это?

— Что значит — не поддаваться на провокации в этот, может быть, самый ответственный момент в жизни нашей страны? —

установился на политработника комкор. — Не потворство ли это фашистской наглости?

— Ну, это слишком, — испуганно произнес Леснов. — Наше правительство стремится использовать малейшую возможность, чтобы оттянуть начало войны.

— Конец этого начала не у нас, у гитлеровцев.

— Может быть, это является военно-политическим зондажом? Ведь фашистские главари не отвечают на запрос, обращенный к ним Советским правительством, о непонятном сосредоточении войск у наших границ.

— Для кого непонятном? — с сарказмом спросил Рокоссовский.

— Для всех.

— Детский лепет.

— Какой может быть детский лепет! — с возмущением сказал Леснов, — В заявлении ТАСС звучит забота партии и правительства о безопасности нашей Родины и ее жизненных интересах.

— До чего же мы наивные люди, — горько усмехнулся Рокоссовский. — Глупое решение или умное — все равно забота партии и правительства о народе.

— Вполне возможно, что это внешнеполитическая акция, и она нас не касается, — не сдавался Леснов.

— Как это не касается! — воскликнул комкор, закуривая папиросу. — Как это не касается? — повторил он. — Все, что сказано наверху, у нас должно неукоснительно выполняться всеми. Разве вы об этом не знаете? И это сообщение вносит непоправимую дезорганизацию, в первую очередь, в армейскую среду.

— Это проверка истинных намерений фашистов, — настаивал на своем Леснов.

— Об их намерениях, думаю, мы скоро узнаем, — заявил твердо Рокоссовский. — Положили голову в пасть тигру и боимся пошевелиться — не дай бог, спровоцируем его и он вдруг сожмет челюсти.

— Жестко вы все это оцениваете, — примирительно сказал Леснов, — и очень смело. Я бы вас просил: пусть этот разговор останется между нами.

— Дорогой мой, Виктор Феодосьевич, — комкор взял его за руку, — ты думаешь, что я меньше болею за страну, чем ты?

— Как раз я так не думаю.

— Боль у меня вот здесь сидит! — он стукнул кулаком в грудь. — Обидно, милый мой комиссар, что очевидные вещи плавают в ту-

мане. И дай бог, чтобы мои опасения не оправдались, тогда мы встретим 1942 год вместе с семьями у меня дома.

— А может, раньше встретимся за праздничным столом? — улыбнулся Леснов. — Наши жены уже познакомились и поговаривают о встрече.

— Я не против.

Глава третья

1

С утра 21 июня, закончив разбор командно-штабного ночного учения, Рокоссовский пригласил командиров дивизий в выходной день на рассвете отправиться на рыбалку. В здешних местах он еще ни разу не рыбачил, и ему хотелось побыть на природе вместе со своими сослуживцами. По службе в Забайкалье он знал, что неформальное общение помогает лучше узнать друг друга, снимает официальный налет во взаимоотношениях, который зачастую ограничивает инициативу и мешает раскрытию командирских способностей.

Закончив дела, он уселся в кабинете и начал листать газеты. В них он не заметил ни капли той тревоги, которая мучила его душу в последние дни. Все газеты пестрели заголовками благодушия и успокоенности. Пресса была пропитана духом заявления ТАСС.

День уже клонился к вечеру, и он вышел во двор штаба, где его сослуживцы играли в волейбол.

— Константин Константинович, я уже наигрался, — сказал раскрасневшийся Леснов. — Уступаю место.

— Спасибо, — сказал Рокоссовский, раздеваясь по пояс. — Тряхнем стариной!

— Выше, выше подавай! — крикнул он и резким ударом принес команде очко.

— Ничего себе! — засмеялся Леснов. — И это называется «тряхнем стариной».

В сумерках к Рокоссовскому подошел дежурный и подал записку. Начальник штаба писал: «Пограничники передали, что ефрейтор немецкой армии, поляк из Познани, перешел границу. Перебежчик утверждает, что немцы начнут наступление рано утром в воскресенье 22 июня».

Рокоссовский быстро оделся и зашел в кабинет начальника штаба.

— Штаб округа об этом ефрейторе знает?

— Знает.

— Ну и что?

— Говорят, Москва просит соблюдать спокойствие.

Комкор связался с командирами дивизий, поделился с ними полученными сведениями, отменил рыбалку и приказал всех перевести на казарменное положение.

Он заехал домой, забрал походные вещи, переговорил с семьей, чтобы на всякий случай были готовы к отъезду.

Рокоссовский зашел в кабинет, где уже стояла раскладушка с постелью, связался с оперативным дежурным округа. Там никакого беспокойства и тревоги не было. Возможно, это было ошибочное мнение, но, по крайней мере, на словах, все, с кем он говорил, утверждали — особых причин для тревоги нет. Пример тому — поведение Генштаба. Если бы правительство и руководство комиссариата обороны были убеждены, что начнется война, они бы немедленно привели войска в повышенную боевую готовность и ввели в действие мобилизационные планы.

На этом благодушном фоне Рокоссовского тоже начали брать сомнения. Может быть, он и в самом деле перехлестывает в своих оценках современной военно-политической ситуации и все, о чем он говорил со своими заместителями, — плод его фантазии. У Генштаба в распоряжении информация не одного перебежчика, которого действительно могли подослать немцы, а на него работает внешняя разведка, десятки тысяч квалифицированных дипломатов. «Да, возможно, я перегибаю палку, — подумал он. — Наверняка так и есть. Ну, что ж, я тоже живой человек и могу ошибаться. Извинюсь. Это не зазорно, когда ты неправ».

Он подошел к окну, открыл его и облокотился на подоконник. Была тихая звездная ночь. Черные силуэты огромных деревьев стояли вдали. Из-за домов, из-за пустынной улицы пахло душистым луговым сеном и ароматом жасмина. Где-то захлопал крыльями петух. Сонная птица испугалась, два раза крикнула и умолкла. Все его существо наполнялось приятным, умиротворяющим ощущением. Правее, где-то недалеко, раздался веселый девичий смех. Через некоторое время он услышал песню, которую пели в два голоса. Мужской и женский голоса задушевно вели мелодию.

Чорні брови, карі очі,
Темні, як нічка, ясні, як дні
Ой, очі, очі, очі дівочі,
Деж ви навчилися зводити людей?

Голоса переливались, дрожали и хватали за сердце Рокоссовского. Он вспомнил свою юность, Зосю, первый поцелуй в саду города Груеца.

Вас і немає, а ви мов тут
Свитите в душу, як дві зорі,
Чи вас улита якась отрута,
Чи, може, справді ви знахари?

Рокоссовскому показалось, что в этой простой и протяжной песне чувствовалась душа народа, добрая, певучая, грустная и безбрежная.

Чтобы не разбудить ночную тишину, он осторожно закрыл окно и направился в кабинеты командования корпуса, пожелал всем спокойной ночи, зашел к себе и, не раздеваясь, лег на раскладушку.

Около четырех часов утра 22 июня, за несколько минут до начала войны, генерал Маслов вручил ему телеграмму из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранящегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива. В ней говорилось: «Немедленно переведите корпус в боевую готовность и выступите в направлении Ровно — Луцк — Ковель...»

Согласно плану оперативного развертывания войска Киевского особого военного округа (четыре общевойсковых армии, восемь механизированных корпусов, десять авиационных дивизий) должны были действовать в полосе шириной 800 км, прикрывая четырьмя армиями главное Киевское направление. Предусматривалось создать эшелон прикрытия государственной границы на глубине 100–150 км, расположив войска второго эшелона на протяжении 500 км. Армии прикрытия должны были разворачивать пехотные соединения вдоль границы, оставляя механизированные корпуса во втором эшелоне для нанесения решительного удара по противнику. Надо сказать, что на бумаге все выглядело очень гладко.

— Войска подняты по тревоге! — доложил под утро генерал Маслов.

— Движение начинаем в 14 часов, — говорил комкор, склонившись над картой, — по трем маршрутам в направлении Ровно — Луцк. — Он поднял глаза на Маслова. — Связь с вышестоящими штабами не появилась?

— Связи до сих пор нет ни с Киевом, ни с Москвой.

— Во сколько отправлены машины с семьями?

— В пять часов четыре грузовых машины ушли на Киев.

В это время в воздухе над Новгород-Волынском на большой высоте, без сопровождения истребителей, лавинами, по нескольку десятков, фашистские бомбардировщики летели на восток. В воздухе не появился ни один наш самолет. На полевых аэродромах они были разнесены в щепки.

Около 14 часов 23 июня Рокоссовский собрал командование корпуса.

— Все готово к маршу?

— Да, товарищ комкор, все соединения на исходных позициях, — произнес Маслов.

— Разведка, охранение?

— Организовано согласно вашим указаниям, — ответил начальник штаба.

— Во всех подразделениях проведены партийные и комсомольские собрания, назначены агитаторы, — добавил Леснов.

— Ну что ж, как говорили в старину, с богом вперед! — подал команду Рокоссовский. Выдержка и спокойствие не покидали его ни на минуту.

За первый день был совершен 50-километровый переход. Комкор с болью в сердце смотрел, как совершали марш танковые дивизии. Жара доходила до 40 градусов, а солдаты шли пешком. К тому же они несли на себе ручные и станковые пулеметы, минометы и боеприпасы. И это под непрекращающимся огнем авиации противника. Глядя на все это, Рокоссовский сократил переход до 30–35 км.

Вечером 23 июня авангард колонн наткнулся на головную походную заставу немцев. Батареи 85-миллиметровых пушек мгновенно заняли позиции, но противник уклонился от боя, и только на рассвете следующего дня корпус встретился с фашистами и организованно вступил в бой.

В той неразберихе, которая царил в первые дни войны, маневр Рокоссовского отличался высокой дисциплиной, порядком и имел успех. Вот как оценивает его в своих воспоминаниях маршал, в то время начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта*, И.Х. Баграмян: «Когда позднее мы читали это донесение, то не верили глазам. Как это удалось Рокоссовскому? Ведь его так называемой моторизованной дивизии предстояло следовать пешком. Оказывается, решительный и иници-

ативный командир корпуса в первый же день войны, на свой страх и риск, забрал с окружного резерва в Шепетовке все машины — а их было около двухсот, — посадил на них пехоту и комбинированным маршем двинул вперед корпус. Подход его частей к району Луцка спас положение. Они остановили прорвавшиеся танки противника и оказали этим значительную помощь отходившим в тяжелой обстановке соединениям».

Против войск Юго-Западного фронта противник развернул группу армий «Юг» в составе танковой группы, трех немецких, двух румынских армий и венгерского корпуса. Они должны были нанести удар по Киеву, захватить переправу на Днестре, а затем продолжать наступление вдоль правого берега реки на юго-восток. Гитлеровцы захватили инициативу и уже в первый день войны вклинились на 30 км вглубь территории.

В первом бою корпус столкнулся с танковыми дивизиями противника. Два дня вела кровопролитные бои танковая дивизия полковника Черняева, отражая атаки противника, который во что бы то ни стало старался перерезать шоссе Ровно — Луцк. 26 июня корпус нанес удар в направлении Дубно, дивизия Черняева глубоко вклинилась в боевые порядки противника. Но уже на следующий день немцы прорвали оборону соседнего 36-го корпуса. В этой ситуации Рокоссовскому ничего не оставалось, как подумать об эффективной обороне.

Ожесточенные бои продолжались до 29 июня. После форсированных маршей и десятидневного боя в корпусе осталось всего лишь несколько танков. Несмотря на это, корпус не потерял боеспособности — выручали стрелки и артиллеристы.

Жара не спадала ни на минуту. Полевые дороги были окутаны клубами горячей въедливой пыли. Некоторые физически слабые солдаты падали в обморок — нечем было дышать.

30 июня Рокоссовский подъехал к переправе через реку Горынь, где наводила мосты 13-я междивизия полковника Калинина.

Вскоре по проложенной через болота дороге части корпуса отбываясь, отходили на новый оборонительный рубеж. Они должны были организовать оборону вдоль реки Случь и перекрывать дорогу на Житомир.

За мужество в боях под Луцком и Новгород-Волынском многие командиры и солдаты были удостоены высоких наград. Генерал Рокоссовский был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В лесу, за рекой Горынь, на КП корпуса было тихо. Только где-то в отдалении был слышен грохот орудий и нудный гул самолетов.

Рокоссовский после короткого сна на рассвете вышел из палатки. Обитатели леса, будто и не было никакой войны, жили установленной природой жизнью: пели птицы, стрекотали кузнечики, где-то рядом раздавался звонкий голос кукушки. Он отошел подальше от часовых и присел на валежину.

На душе у него было мутно и тоскливо. Ему не давали покоя глаза стариков, женщин и детей, которые нескончаемым потоком тянулись по дорогам. Сколько же горечи, обиды и упреков он видел в этих иступленных от страха глазах. Ему иногда хотелось упасть перед ними на колени и просить прощения, что они, вояки, оказались такими беспомощными перед фашистскими ордами, ввергли этих невинных людей в неимоверное горе и многих обрекли на смерть. Он сам был свидетелем, как самолеты фашистов на бреющем полете уничтожали беженцев. А они, воины, с этими самолетами не могли ничего поделать. Держа на руках умирающую девочку, он тогда дал себе клятву, что будет бить фашистов, пока они не покинут нашу землю.

К нему подошел Леснов.

— Не спится?

— Да, Виктор Феодосьевич, не спится.

— Извини, Костя, ты был, к сожалению, во всем прав. Как в воду глядел.

— Поздно говорить об этом, Виктор, теперь ни к чему толочь воду в ступе. Ты лучше скажи, что будем делать с людьми в калсынах, которых мы отловили не одну сотню?

— Говорят — окруженцы, а сбросили с себя военное обмундирование, чтобы их не расстреляли немцы.

— Глупые люди, — горько усмехнулся комкор, — у них на калсынах штампы военных частей. Они думают, что немцы дураки.

— Надо их переодеть, и пусть воюют, — сказал Леснов, глянув на командира. — Не пойму, откуда столько дезертиров. Драпают с поля боя целые части.

— В таких частях, наверное, не проводились партсобрания и не были назначены агитаторы, — произнес Рокоссовский, поднимаясь. — Пойдем, друг мой, нас ждут серьезные дела.

На следующий день Рокоссовский с группой штабных работников выехал в части и соединения корпуса для оказания помощи в организации обороны.

В районе Клевани группа комкора наткнулась на «воинов», среди которых были и командиры без знаков различия и оружия. В одной из групп, насчитывающей более сотни человек, внимание Рокоссовского привлек сидящий под сосной мужчина в годах, по своему виду и манере поведения никак не похожий на солдата. С ним рядом находилась молоденькая санитарка.

— Командиры, подойти ко мне! — приказал Рокоссовский.

Никто из сидящих не повел и ухом. Повысив голос, он повторил приказ. Снова никто не пошевелился.

Комкор подошел к вальяжному мужчине.

— Встать! В каком вы звании?

— Полковник, — равнодушно, с наглым вызовом выдавил из себя мужчина. — Ну и что?

— Сейчас же расстреляю как собаку! Предатель! — Комкор схватил пистолет. К нему подбежала вооруженная охрана.

С полковника браваду как рукой сняло. Он тут же упал на колени:

— Не убивайте меня!.. Пощадите!.. Свою вину искуплю кровью. Вот увидите!..

— Полковник! К утру собрать всех себе подобных, сформировать команду и доложить мне. Мой КП будет в двухстах метрах отсюда.

Приказ был выполнен. В команде оказалось свыше пятисот человек, которые восполнили боевые потери.

Корпус, ведя бои, окапывался и готовился к активной обороне. Но 14 июля Рокоссовский получил приказ — немедленно отбыть в Москву. Передав командование корпусом Маслову, он выехал на машине в Киев. В этот же день ночью он был в столице Украины. Когда-то шумный и веселый город встретил его зловещей тишиной и безлюдьем. Крепчатики, обычно в это время заполненный толпой, смехом, шумом и песнями, был пуст и погружен в кромешную тьму. На улице не было видно ни одной живой души.

Рокоссовский остановил машину, закурил.

— Гаси огонь!.. Кому говорят, гаси огонь!.. Тебе что, жить надоело? Так твою!.. — из темноты показалась молодая женщина.

— Такая красивая, а ругаешься, как байкальский грузчик, — усмехнулся Рокоссовский. — Лучше скажи, где штаб фронта.

— Говорят, в Броварах, — более сдержанно ответила женщина, проверив у Рокоссовского документы.

Под утро он представился командующему фронтом генерал-полковнику М.П. Кирпоносу и доложил ему обстановку в 5-й армии и 9-м корпусе. Тот был растерян и слушал его вполуха. Он то и дело подбегал к окну комнаты, где сидели штабисты, и кричал:

— Куда делось ПВО?.. Самолеты противника нагло летают, и никто их не сбивает!.. Безобразия!.. Куда подевалась артиллерия?.. Что она — спит?.. Усилить активность ПВО!.. Вызвать сюда его начальника!.. — Он несколько раз подходил к телефону и отдавал кому-то приказания: — Бросить в бой обе дивизии и решительно... Контратака!.. Контратака!.. Одна за одной... Поняли меня?!

Рокоссовский не выдержал этого оригинального стиля управления войсками и, воспользовавшись тем, что командующий на него не обращает внимания, выехал без разрешения в аэропорт. Там, ожидая самолета, он более двух часов проговорил с весьма компетентным полковником Генерального штаба.

— Ну почему укрепления на старой границе были заброшены и разрушены? — спросил с возмущением Рокоссовский. — Кто дал такую глупую команду? В 30-м году я сам занимался их совершенствованием. Ведь гитлеровцы прут направо по дорогам. Я помню, в районе Радощкович и Вязынки мы построили такую систему огня, что на шоссе Молодечно — Минск немцы поломали бы зубы. А они оказались в столице Белоруссии чуть ли не на четвертый день.

— Теперь крайних не найдешь, — ответил полковник Супрун. — В Генеральном штабе сейчас грызутся, как пауки в банке, никто не хочет отвечать за преступные команды и такую же бездеятельность.

Вскоре к взлетной полосе подрулил самолет и Рокоссовский вместе с полковником улетели в Москву.

Сталин находился в своем служебном кабинете в Кремле. Как обычно, он был одет в полувоенный костюм и сапоги. Он неслышно прохаживался по мягким ковровым дорожкам и дымил трубкой; лицо его было жестким и мрачным; в коричневых при-

щуренных глазах светилась тревога. Мысль о положении на фронте его ужасала. Допущено было много промахов и ошибок. Теперь он знал это лучше, чем кто-либо, но признаваться в этом не хотелось даже самому себе. Стоило так кокетничать с Гитлером, как это делали мы?.. Уже месяц войны с фашистами – результат плачевный. Плохо воюем...

Он вспомнил, как многие из тех военных, кто перешел на сторону Советской власти, успешно воевали с белыми генералами, били их и побеждали. А где они теперь, те военные?.. О том, что в армии много прорех, показала и финская кампания... В чем причины, почему так?.. Возникло много вопросов, но он не мог найти на них ясные ответы. Голова, точно не своя, – плохо соображала. Советники притихли, чего-то ждут. Да и некогда храбрые на вид генералы Генштаба ведут себя боязливо – чувствуют свою вину. Яд страха охватил многих. В воздухе висит какое-то грозное напряжение. Вот-вот может разразиться буря.

Впервые за многие годы он почувствовал, что у него уходит почва из-под ног. Пока у него все рычаги политической и военной власти и пока за каждым его шагом наблюдает народ, надо действовать.

Подозрительный ум Сталина медленно, с большим трудом приходил к выводу: в военное время надо в корне менять стиль руководства. Прежде всего необходимо как можно чище смести паутину страха и недоверия. Когда надо для дела, надо уметь переступить через самого себя.

Сталин даже повеселел от такой революционной для себя мысли. «Теперь надо работать более открыто, – подумал он. – И обязательно прислушиваться к дыханию страны, пока оно не угасло». Он подошел к столу и нажал на кнопку.

На пороге появился Поскребышев. Доложил:

– Рокоссовский прибыл, товарищ Сталин!

– Пусть войдет, – Сталин взмахнул рукой о-дымящейся трубкой и подошел к двери. Он пожал вошедшему руку и, усаживаясь за стол, жестом пригласил Рокоссовского сесть.

Рокоссовский про себя отметил, что с января 1937 года, когда он видел последний раз Сталина, в его внешности произошли большие перемены: в волосах появилась седина, лицо осунулось, прокуренные рыжие усы поредели и не выглядели такими пышными, как раньше, сеть глубоких морщинок окутала по-прежнему живые глаза.

Теперь Рокоссовский не испытывал перед ним того душевного трепета, который волновал его сердце в Кремлевском дворце, на съезде. Видимо, годы тюрьмы и июньские кровопролитные бои притупили чувство страха даже перед самим Сталиным.

– Как вы себя чувствуете, товарищ Рокоссовский? – спросил Сталин, пососав трубку и выдыхая клубы дыма.

– Все мои чувства, товарищ Сталин, поглощены войной, – спокойно ответил Рокоссовский, посмотрев на Сталина.

– Мне доложили, что ваш корпус организованно принял бой с фашистами.

– Да, насколько позволяла обстановка.

– Вы можете откровенно высказать свое мнение по поводу наших бед в начавшейся войне? – спросил Сталин, прищурив глаза.

Рокоссовский на мгновение задумался. Он понимал, какую ответственность берет на себя, собираясь отвечать на этот, пожалуй, самый острый вопрос в жизни страны.

– Я слушаю, товарищ Рокоссовский, – тихо произнес Сталин, набивая трубку.

– Можно было предположить, – начал генерал, – что противник, намного опередивший нас в развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Мы должны были ожидать, что на определенном рубеже, где-то в глубине, по реальным расчетам Генерального штаба, будут развернуты наши главные силы. Им предстояло организованно встретить противника и нанести ему мощный контрудар.

– Повторилась ошибка старого русского генералитета? – сказал Сталин, глядя в упор на Рокоссовского.

– Я бы так не сказал, – произнес генерал, чувствуя интерес собеседника к начатому разговору. – Изучая план русского Генштаба, составленный до начала Первой мировой войны, я пришел к выводу, что он был составлен профессионально. В плане предусматривались сравнительные возможности России и Германии, и это учитывалось при определении рубежа развертывания и его удаления от границы. В связи с этим определялись технические силы и состав войск.

– Ну и где же по тому плану проходил рубеж развертывания? – спросил Сталин, прикуривая трубку.

– Рубежом развертывания в основном являлась полоса пограничных крепостей.

— А разве у нашего Генштаба такого рубежа развертывания не было?

— Насколько мне известно, Генштаб не успел составить реальный план на начальный период войны. В 1930 году был такой план, и согласно ему рубеж развертывания совпадал с рубежом наших укрепрайонов недалеко от границы.

— А мог ли этот рубеж сохранить свое значение в 41-м году?

— На мой взгляд, мог, товарищ Сталин, — твердо заявил Рокоссовский. — На этом рубеже, я его хорошо знаю, фашисты могли получить сильный отпор. Мы обязаны были сохранить наши Уры* на старой границе с Польшей.

— Но мы же строили новые Уры на новой границе, — Сталин показывал свою осведомленность в военных делах.

— Да, строили, но все это проходило на глазах у немцев, и было бы наивно думать, что они дадут нам их достроить.

Сталин молча ходил по кабинету и сосал трубку.

— Продолжая мысль о плане Генштаба русской армии, — не вынес молчания Рокоссовский, — надо сказать, что он перед войной своевременно провел от мобилизацию и привел войска в повышенную боеготовность.

— Мы тоже это сделали. Дали указание.

— Я его получил за несколько минут до начала войны, — с раздражением в голосе, которого от себя не ожидал, сказал Рокоссовский. — Оно уже ничего не меняло.

Сталин не стал развивать неприятный для себя вопрос, а, установившись у стола, спросил:

— Скажите, чем объяснить преступную беспечность, допущенную командованием округов?

— Я могу ответить за Киевский особый военный округ.

— Любопытно, — пыхнул трубкой Сталин.

— Из тех наблюдений, которые я вынес за небольшой срок службы в округе, я убедился, что командованием почти ничего не было сделано, чтобы достойно встретить противника.

— Вот вы, товарищ Рокоссовский, правильно все говорите, — Сталин подошел к окну, откинул занавеску, глянул в окно и снова заходил по кабинету. — Может быть, причина такого положения заключалась в том, что у нас мало было опыта?

— В Забайкалье, на Дальнем Востоке, — Рокоссовский поворачивал голову так, чтобы не упускать из виду хозяина кабинета, — мы вместе с пограничными войсками всегда были готовы в течение нескольких часов приступить к активным действиям. И все

эти вопросы тщательно отрабатывались на военных играх и полковых учениях. А в период угрожающего положения войска вводились в предусмотренные заблаговременно районы.

— В Киевском округе этого не было? — Сталин занял свое место за столом.

— Да, если сказать честно, то в округе господствовала тишь да благодать, — последовал ответ. — Если и проводились учения, то их цели были слишком далеки от реальной обстановки. Дислокация войск округа у нашей границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие соединения не имели положенного комплекта. Накануне войны артиллерию вывезли на полигоны. Там она и осталась.

— Это же вредительство! — грозно произнес Сталин. — За это надо расстреливать на месте!

Рокоссовский испугался, что то, о чем они сегодня говорили, вместо дела может сослужить плохую службу многим военачальникам. И он будет выглядеть как доносчик. С тяжелым чувством разочарования он подумал о том, что зря вступил в эту полемику.

Переживания генерала, похоже, уловил Сталин. Он встал, остановился у стола и стал сосредоточенно выбивать из трубки пепел в стеклянную пепельницу. Он явно хотел дать ему время успокоить свои нервы.

— Я хорошо понимаю вас, товарищ Рокоссовский, — сказал тихо Сталин. — Этот разговор мне нужен для того, чтобы в дальнейшем делать правильные выводы и допускать меньше ошибок.

По всей вероятности, он выбрал для откровенного разговора Рокоссовского не случайно. Сталину доложили еще раньше, в 40-м году, когда Рокоссовского освободили из тюрьмы, что он талантливый военный специалист, культурный, начитанный и выдержанный человек. Выбор на Рокоссовского, видимо, пал и потому, что он, в отличие от многих военных, без паники встретил войну и организованно вступил в бой с фашистами.

— Вы хотите сказать, что указания выше были иногда необдуманными и даже вредными? — Сталин набил трубку и снова задымил.

— Именно так.

— Приведите убедительный пример такого положения, — сказал Сталин, сделав ударение на слове «пример».

— Можно об этом судить по содержанию оперативного паке-

та, который был мною вскрыт в первые часы войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено по штату. А реально мы находились в начальной стадии формирования. Поэтому Генеральный штаб и округ поставили перед нами непосильные задачи. А это напрямую связано с неоправданными потерями людей и техники.

— Как вы думаете, почему они так поступили?

— Это делалось, думаю, для того, чтобы оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для «решительных» действий был отдан. А отдуваться будут те, кто его не выполнил.

— Что, по-вашему, надо было делать командованию Юго-Западного фронта в сложившейся ситуации?

— Когда были установлены направления главных ударов, основные группировки немцев, надо было срочно отводить войска в старый укрепленный район. Но время было упущено.

— Тогда чем же занималось командование фронта? — спросил Сталин с нотками недовольства в голосе.

— Оно без пользы затыкало бреши, образовавшиеся от ударов противника. Люди бросались на верную гибель, хотя заранее явно было видно, что таким способом немцев остановить нельзя.

— У нас еще много головотяпства, — сказал Сталин, откинувшись на спинку стула. — Скажите, как Вы относитесь к генералу Павлову*?

— В настоящее время я его плохо знаю. Когда я командовал дивизией в Белорусском военном округе, он был у меня посредственным командиром полка.

Сталин вызвал Поскребышева.

— Шапошников прибыл?

— Да, прибыл.

— Пусть заходит.

Маршал Борис Михайлович Шапошников, только что сменивший Жукова на посту начальника Генерального штаба, разложил на столе карту и с разрешения Сталина коротко доложил обстановку на Смоленском направлении.

— После отхода советских войск из Белоруссии командование самой мощной немецкой группировки — группы армий «Центр», не ожидая подхода полевых армий, начало наступление двух танковых групп. Мы думаем, что цель этого наступления — окружение и уничтожение наших войск на смоленском направлении. Этим самым гитлеровцы хотят открыть дорогу на Москву. Используя свое

явное превосходство в живой силе, танках, артиллерии и авиации, противник форсировал Днепр на участке Орша — Рогачев и стремится овладеть господствующими высотами к югу от Ельни и к востоку от Ярцево. Командование вновь сформированного Резервного фронта еще не овладело обстановкой. На наиболее опасных направлениях создаются пять армейских групп. Перед ними ставится задача — нанесение контрудара в общем направлении на Смоленск с целью восстановления связи с 20-й и 16-й армиями и оказания им помощи в выходе из окружения.

Сталин, склонившись над картой, выслушал доклад Шапошникова, а затем сказал:

— На пост командующего группой, действующей под Ярцевом, назначаетесь вы, Константин Константинович.

С тех пор и до конца войны Рокоссовского и Шапошникова Сталин называл по имени и отчеству, а остальных, в том числе и Жукова, только по фамилиям.

— Есть, товарищ Верховный Главнокомандующий! — принял «строевую стойку» Рокоссовский. — Постараюсь ваше доверие оправдать!

— Какие дивизии и полки входят в состав группы? — спросил Сталин у маршала.

Шапошников покраснел и ничего не ответил.

— Подчиняйте себе все, что найдете по дороге от Москвы до Ярцева, — произнес Сталин, пожимая генералу руку. — Более конкретно получите задачу у командующего фронтом Тимошенко.

Глава четвертая

1

После тяжелого разговора со Сталиным, спустя два часа, Рокоссовский с небольшой группой молодых выпускников академии М.В. Фрунзе на двух автомашинах, на которых были зенитные пулеметы и радиостанция, выехал из Москвы. К вечеру этого же дня новое «соединение» прибыло на фронт.

Когда группа подъезжала к Касне, где располагался командный пункт маршала Тимошенко, на горизонте пылал яркий июльский закат. Над верхушками леса висела ярко-багровая полоса, будто предвестница кровавых боев в этой красивой лесной стороне.

Рокоссовский представился командующему фронтом и познакомился с обстановкой. Она была более чем серьезная. Посту-

пали непроверенные сведения о воздушных десантах и появлении танковых частей противника в районе Ярцево, с некоторыми армиями не было связи.

Темной ночью Рокоссовский выехал в район Ярцево. Маршал напутствовал:

— Подойдут подкрепления — получишь две-три дивизии, а пока подчиняй себе все, что попадется под руку. Я надеюсь, что противодействие на Ярцевском рубеже будет прочным.

В короткое время Рокоссовский собрал большое количество людей. К нему стекались пехотинцы, артиллеристы, связисты, саперы, медицинские работники. В местных колхозах он раздобыл несколько грузовиков. В процессе боев в районе Ярцево началось формирование соединения, которое официально называлось «группой Рокоссовского».

Ярцево уже было захвачено противником, и генерал в спешном порядке организовал оборону по реке Вопь. Здесь под руководством командующего складывался уникальный коллектив руководителей, которые впоследствии были его соратниками почти на протяжении всей войны. В первую очередь это начальник штаба М.С. Малинин, начальник связи П.Я. Максименко, начальник артиллерии В.И. Казаков, начальник бронетанковых войск Г.Н. Орел. Это они под бомбами и артиллерийским огнем приучали необстрелянных бойцов к окопам, учили их обороняться и наступать.

Бои на ярцевском рубеже шли днем и ночью. Группа несла большие потери, но и противник не продвинулся к югу и не смог окружить армии, сражающиеся под Смоленском.

На КП, расположенный в некотором удалении от фронта, зашел Рокоссовский.

— Слушай, Михаил Сергеевич, — обратился он к начальнику штаба полковнику Малинину, — я только что с передовой. Не могу понять, почему наша пехота ведет жиденький огонь по наступающему противнику? В основном мы выезжаем за счет артиллерии. В чем дело, ты можешь мне сказать?

— С ходу ответить на этот вопрос трудно, — произнес Малинин. Он подошел к умывальнику, протер холодной водой глаза, виски.

— Так вот, слушай, мой друг. Я добрался до ячейки и сменил сидящего там солдата. Сидя в ней, я сознавал, что слева и справа находятся такие же бойцы, как и я. Но понимаешь, какая штука?

— Стоило ли вам так рисковать?

— Стоило, Миша, — Рокоссовский закурил папиросу. — Как ты знаешь, я старый солдат, был не в одной передрыге. Сознаюсь откровенно, я чувствовал себя в этом гнезде, как трусливый заяц в своей норе. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или они уже давно их покинули.

— Ну, если ощущение тревоги не покидало вас, то легко можно представить себе, как трепещет солдат, впервые попавший в бой, — сказал Малинин, вытирая полотенцем свое круглое лицо. — Но наши уставы учат строить оборону по ячейечной системе. Мол, пехота будет нести меньшие потери от огня противника.

— Я пришел к выводу: человек всегда остается человеком и в минуты опасности ему хочется чувствовать локоть друга. Не зря же говорят: на миру и смерть красна. И командир отделения обязательно должен видеть подчиненных: кого похвалить, кому дать совет, а кого и подбодрить.

— Давайте от ячеек переходить к траншеям. Я «за».

— Посоветуйся еще со своими штабистами и давай распоряжение.

— Командующего фронтом ставить в известность?

— Обязательно.

Командующий фронтом Тимошенко одобрил инициативу, и обороняющиеся начали рыть траншеи на всех фронтах.

2

В тяжелые дни конца июля и начала августа действия группы Рокоссовского, успешно освоившей активную оборону, становятся популярными. О ней заговорили центральные и фронтовые газеты. Ее боевые успехи поддерживали веру, подорванную неудачей в первые месяцы войны.

Бои приняли затяжной характер. К концу июля положение войск группы значительно упрочилось, и у Рокоссовского родилась смелая идея. Он более суток лазил по переднему краю, изучал обстановку, советовался на передовой с командирами, а затем собрал короткое совещание командования.

— Противнику не удалось сомкнуть кольцо окружения вокруг наших армий в районе Смоленска, — говорил он. — Он хочет обеспечить себе условия для овладения автомагистралью, идущей к Москве. Наша активность, вероятно, озадачила немецкое командование. Оно нас «признало», и с нами считаются.

Фашисты увидели, что наши части не только обороняются, но и наступают. Все это создало у них преувеличенное представление о наших возможностях. Думаю, мы должны этим воспользоваться.

— Каким образом? — спросил начальник артиллерии Казаков.

— Я предлагаю атаковать Ярцево, — сказал Рокоссовский, взглянув на Малинина. — В случае успеха, а я в этом уверен, мы поднимем боевой дух наших войск, и не только наших, но и соседей.

— Противник вряд ли сможет предположить, что после тяжелого оборонительного боя мы способны еще и наступать, — сказал Малинин. — Время выбрано удачно.

В результате тщательной подготовки силами трех дивизий был нанесен внезапный удар и части овладели Ярцевом.

Наступил август. Он принес печальное известие — Смоленск сдали. Маршал Тимошенко в этой ситуации принял единственное верное решение — отдал приказ об отступлении.

Немецкое командование, нанося мощные удары войсками группы «Центр», было уверено, что операция закончилась удачно и войска Западного фронта окружены. Но противник просчитался. Он встретил на московском стратегическом направлении не пустоту, как предполагал, а вновь созданную оборону. Для ее преодоления потребовалось немалое количество войск и времени. А это в планы гитлеровцев не входило.

3

На «ЗИС-101» Рокоссовский подъехал к КП под утро. Днем он обычно ездил на «козле». Это было вызвано тем, что фашистские летчики гонялись за командирскими машинами, не жалея времени, пуль и бомб. Он передал дежурным, чтобы не будили начальника штаба, который часто от усталости валился с ног, поставил машину возле мотоцикла Малинина и сам решил отдохнуть.

В лесу было спокойно. В бездонном небе сверкали звезды. Где-то далеко гроыхали глухие взрывы: не то бомбежка, не то громовые раскаты.

Сердце Рокоссовского сжималось от тоски. Сегодня из Москвы вернулся знакомый полковник, обещавший разыскать его семью, но ничего утешительного не привез. Ему удалось выяснить, что семьи руководства корпуса добрались до Киева, а

далее все спасались, кто как мог. Где теперь искать жену и дочь? И живы ли они?

Под тяжестью печальных мыслей о семье и нелегких забот нового дня, он опустил сиденье и крепко уснул. За эти годы он выработал привычку отключаться на три-четыре часа от всех забот и волнений, и это спасало его от переутомления, помогало постоянно находиться в рабочей форме.

Когда забрезжил рассвет, к машине подошел Малинин и легонько постучал по ветровому стеклу.

— Константин Константиныч!

— Да, — отозвался генерал, надевая фуражку.

— Вас срочно требует маршал Тимошенко.

— Хорошо, сейчас иду! — Рокоссовский вышел из машины, умылся, облил голову холодной водой и, разминаясь на ходу, спустился в землянку, где связался с командующим фронта, который попросил его немедленно приехать к нему.

КП фронта было рядом, в 20 километрах, и он через полчаса уже был на месте.

— Поедем к героям Смоленска, — сказал Тимошенко. — Вам поручено принять под свое командование 16-ю армию, а Лукин назначается на 20-ю, вместо Курочкина, который уезжает в Москву.

Белые березы, похожие друг на друга, как родные сестры, облепили деревню Васильки. Здесь не было слышно пулеметных очередей, разрывов снарядов и бомб. Яркое солнце, синеголубое небо. Запах скошенных лугов. В зеленой палатке командарма — бревенчатый стол, наспех сколоченная скамейка.

Из палатки вынесли Лукина Михаила Федоровича, тяжело раненного во время бомбового удара по переправе, где он, спасая людей, наводил порядок. Возле командующего неназойливо хлопотал, усаживая раненого, плотный, среднего роста дивизионный комиссар, — генеральское звание до него не успело дойти.

— Лобачев, член Военного Совета, — с трудом произнес Лукин. — Мировой мужик.

Тимошенко поздравил Курочкина, Лукина и Лобачева с награждением орденом Красного Знамени, пожелал Лукину выздоровления, познакомил с обстановкой на фронте. В заключение спросил:

— У кого есть вопросы?

— Произошло, по сути дела, объединение войск нашей группы с войсками 16-й армии, — сказал Рокоссовский. — Я прошу

назначить начальником штаба армии полковника Малинина, а начальником артиллерии генерала Казакова.

— Хорошо, ваша просьба будет выполнена.

После объединения в распоряжении Рокоссовского оказалась внушительная сила: пять дивизий, из них две танковых и одна мотострелковая, танковая бригада и тяжелый артиллерийский дивизион. Группа занимала оборону на протяжении более 50 километров, перехватывая основную магистраль Смоленск — Вязьма — Москва.

Впервые на этом участке была применена батарея реактивной артиллерии («Катюши»). Когда она давала залп, наши воины выскакивали из окопов и, стоя в рост, кричали:

— По фашистам — огонь! Ура-а-а!

Но Казаков был недоволен сверхсекретными инструкциями, которые ограничивали применение этих мощных артиллерийских установок.

— Да, — согласился с ним командующий армией. — С этими «катюшами» приходится возиться, как с капризами женщин. — И он под свою ответственность внес некоторые послабления в инструкцию.

Во второй половине августа немцы усиленно укреплялись западнее реки Вопь. На холмах рылись окопы, траншеи, впереди оборонительной полосы ставились мины. Данные разведки и опрос пленных подтверждали, что немецкое командование хотело сковать наши войска и освободить резервы для боев под Ельней.

Перед Рокоссовским была поставлена задача — перейти в наступление и не допустить переброски резерва на Ельнинский выступ. Его армия должна была обойти Смоленск с севера и освободить его.

Река Вопь, где предстояло наступать армии, проходила по широкой долине. Фашисты занимали крутой берег, хорошо приспособленный к обороне. Глубина реки была до трех метров, а ширина доходила до тридцати. Войскам предстояло преодолеть около трех километров открытого пространства, которое простреливалось всеми видами оружия, и форсировать водную преграду.

Ударная группировка, собранная в один мощный кулак, под покровом темноты построилась в четыре эшелона. Это позволило постепенно наращивать силы в ходе наступления. Для нанесения удара по возможным контратакам командарм выделил в резерв отряд подвижной артиллерии.

Вечером Рокоссовский на «газике» объехал все войска и пришел к выводу: к наступлению все готово. В темную ночь части форсировали Вопь и заняли исходные позиции. Немцы наконец очухались и открыли беспорядочную стрельбу.

Командарм находился на армейском КП, когда в 6.30 заговорила артиллерия. Вскоре он направился к реке, чтобы лучше видеть картину боя. Пробираясь по оврагу, он вышел на самую опушку леса, где шел бой за деревню Кривопусково. Он видел, как немцы метались, падали, забегали в окопы, суетились. После получасовой артподготовки пехота, сопровождаемая огненным валом и танками, пошла в атаку. Передний край противника был сломлен, и пехота стала продвигаться в глубь обороны. Командарм, а за ним и работники штаба переправились через реку Вопь. Рокоссовский, как всегда, был в форме и при всех орденах.

Не все понимали такое демонстративное поведение командира. Член Военного Совета 16-й армии Лобачев впоследствии писал об этой привычке:

«В начале совместной работы меня несколько обескуражила эта манера появляться в окопах, словно на параде. Я усмотрел в этом чуть ли не рисовку, однако потом убедился, что все показное чуждо Константину Константиновичу. У него выработаны твердые нормы, согласно которым командиру положено всем своим поведением, внешним видом, вплоть до мелочей, внушать войскам чувство спокойствия, ощущение хозяина положения».

Сам же командарм в этот момент чувствовал глубокий душевный подъем: после мучительных дней отступления войска успешно бьют противника. У него гулко билось сердце, от волнения горели щеки, глаза блестели.

Немцы пришли в себя и сообразили, в чем дело. К 11 часам авиаразведка донесла, что со стороны Смоленска и Духовщины идут длинные колонны машин с пехотой. К исходу дня эти резервы вступили в бой и сопротивление противника усилилось. Сражение продолжалось до глубокой ночи. 2 сентября бой возобновился с еще большей силой. Создавалась явная угроза прорыва немецкого фронта. Фашисты в срочном порядке начали подтягивать резервы и к вечеру 3 сентября предприняли контратаку. В следующих два дня бои шли с переменным успехом. Для того чтобы сохранить силы, Рокоссовскому пришлось отводить войска.

Армия не смогла прорвать оборону и освободить Смоленск. Это было ей не под силу. Но она отвлекла значительную часть резервов противника, которые предназначались для Ельнинского выступа. 6 сентября войска 24-й армии освободили город Ельню. В немалой степени способствовала этому армия Рокоссовского. Ее заслуги были признаны: ряд дивизий стали именоваться гвардейскими, а командарм 11 сентября получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

4

В сентябре генерал И.С. Конев был назначен командующим Западным фронтом. 19-ю армию возглавил Лукин, 20-ю — генерал Ершаков. На участке 16-й армии и у соседей в основном было спокойно. Штабы трех армий держали друг с другом связь и совершенствовались взаимодействие.

Командующий армией со штабом разработали подробный план действий на занятом рубеже, где предусматривалось дать решительный отпор наступлению противника. В то же время, учитывая горький опыт боев с превосходящими в несколько раз силами немцев, был предусмотрен и второй вариант — противнику удалось прорвать оборону. Тогда войска, нанеся врагу максимальный урон, организованно отходят и закрепляются на новом рубеже. Рокоссовский считал, что таким методом можно немцев измотать, обескровить и в конце концов перейти в контрнаступление. Только таким образом можно сберечь силы и не дать фашистам растерзать части и соединения.

Как ни настаивал командарм на своем варианте, Конев категорически отверг его предложение. Между ними по этому поводу состоялся резкий телефонный разговор.

— Вторая часть твоего плана размагничивает людей, — говорил Конев, — и настраивает их на отступление. Это я утвердить не могу.

— Иван Степанович, эта ошибка может нам дорого стоить.

— Война требует жертв. Не уговаривай, утверждать не буду.

— Противник во всех отношениях еще сильнее нас. Надо правде смотреть в глаза. Инициатива пока за ним, и, когда очевидно поражение, организованный отвод войск — единственный разумный выход.

— Только жесткая оборона может спасти нас от поражения, — настаивал на своем Конев.

— Жаль, что мы ничему не научились. Я подчинюсь. Мне тоже хочется, чтобы я оказался неправ.

К концу сентября в штаб 16-й армии прибыл командарм 19-й — генерал Лукин. На поляне среди пожелтевшего леса и пожухлой травы из свежих берез была сооружена сцена, и на ней выступали московские артисты. Мужской хор из пары десятков мужчин разбудил лесную тишину.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Находясь в сторонке вместе с Лукиным, Рокоссовский исподволь наблюдал за суровыми и напряженными лицами солдат и командиров, слушающих эту святую для всех песню. О чем они теперь думают? На что надеются каждый в отдельности и все вместе? Думают ли о том, что, может быть, завтра не будет кого-то в живых? Он прислонился плечом к березе и думал, что слова и музыка песни обладают каким-то волшебством и заряжают его душу оптимизмом и верой в победу.

После хоровых песен баянист, наклонившись к мехам, отчаянно заиграл плясовую. В такт музыке дробно застучали пять пар ног. Парни перед девушками извивались, прыгали вокруг вприсядку, а те кружились, с вызывающей улыбкой вздрагивали, и снова вихрь танца носил их по неровной сцене. Ноги их обнажились выше колен, и видны были кружева панталон.

Солдаты аплодировали, переговариваясь между собой, и улыбались так, что уши уходили к затылку.

— Песни и танцы — это хорошо, — сказал Рокоссовский, удаляясь с Лукиным в лес. — В данный момент мне не нравится затишье на немецкой стороне. Не перед бурей ли это, как ты думаешь?

— Да, меня тоже это волнует, — ответил Лукин, прихрамывая.

На следующий день оба командарма провели по отдельности силовую разведку. Пленные фашисты показали, что в тылу на ярцевском направлении появились новые танковые и моторизованные части. В связи с этим генералы приняли меры по усилению войск, прикрывающих главную магистраль Вязьма — Смоленск.

Глава пятая

1

Вечером 5-го октября пошел холодный осенний дождь. Он не переставал несколько дней подряд и с шумом заливал оборонительные позиции. Все вокруг наполнила серая застоявшаяся мгла. Солдаты ежились от сырости. Командарм проверял прочность обороны на шоссе Смоленск — Вязьма. В зеленой накидке с капюшоном он обходил одну траншею за другой. Он подошел к солдату, укрывшемуся плащом.

— Вы же так ничего не видите?

— Зато слышу, как немцы начинают болтать! — ответил резко солдат, не поворачивая головы.

— Товарищ солдат! — повысил голос командир полка, сопровождавший командарма. — Кто вы такой?

— Рокоссовец я, — буркнул солдат.

Генерал улыбнулся и направил бинокль на немецкие окопы.

— Я фамилию вашу спрашиваю.

— А кто ты такой, чтоб я тебе свою фамилию выкладывал?

Командир полка от такой дерзости солдата готов был взорваться, но успокаивающий жест Рокоссовского остудил его пыл.

— С вами разговаривает командующий армией, — сказал, сжимая губы, майор.

— Кто? — произнес солдат из-под плаща. Он небрежно снял капюшон и вдруг подскочил, словно его ошпарили кипятком. — Виноват!

— Не надо кричать, рокоссовец, противник услышит, — усмехнулся генерал и, нагнувшись, пошел дальше по траншее.

Рокоссовский всегда ходил по передовой без свиты. Он любил сам наблюдать, общаться с солдатами, узнавать их настроение. Собственное мнение о противнике, о состоянии морального духа своих войск для него было очень важным, особенно перед принятием решения.

Ночью, находясь на переднем крае, со стороны противника командарм слышал гул моторов и лязг гусениц. Рано утром он прибыл на КП, который располагался в восьми километрах от переднего края, и срочно собрал командование.

— Я уверен, противник вот-вот начнет наступление, — говорил Рокоссовский. Он повернулся к начальнику штаба. — Чем мы можем усилить центральную часть фронта?

— У нас в резерве только один полк.

— Пошли туда хотя бы один батальон и пять противотанковых пушек.

— К вечеру они будут там.

— А что артиллерия? — командарм посмотрел на Казакова.

— Для стрельбы прямой наводкой у меня больше артиллерии нет, — ответил тот. — Я прикрою это направление тяжелой артиллерией.

— И это дело, — сказал Рокоссовский.

На пороге землянки появился заместитель начальника штаба армии.

— Товарищ командующий, вам телеграмма.

Командарм развернул ее и зачитал вслух:

«Немедленно передать участок генералу Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. В районе Вязьмы получите пять стрелковых дивизий со средствами усиления. Командующий Западным фронтом Конев».

— Уходить в такое время из войск? Уму непостижимо! — воскликнул Малинин.

— Может, это немцы дали такую телеграмму, подключившись к нашей связи? — с недоумением произнес Лобачев.

— Михаил Сергеевич, готовь телеграмму. Пусть подтвердят приказ в письменном виде за подписью Конева, — решительно заявил Рокоссовский.

— И за подписью члена Военного Совета, — добавил Лобачев. — Нас что, разыгрывают? Но сегодня же не первое апреля!

Ночью летчик доставил аналогичное распоряжение за подписью Конева и члена Военного Совета Булганина.

Передав армию Ершакову, штаб Рокоссовского направился к новому месту войны.

2

Чем дальше уходил Рокоссовский со своим штабом от позиций 16-й армии, тем тревожнее становилось на душе. На оборонительном рубеже восточнее Ярцева они не увидели в окопах ни одного человека. Что здесь произошло, никто не знал. По дороге в панике убегали люди в сторону Москвы. Высланные вперед разведчики в районе Вязьмы не обнаружили никаких войск. Командарма мучил вопрос: где находятся дивизии, обещанные в приказе Конева?..

В перелеске, километрах в десяти северо-восточнее Вязьмы, они нашли КП.

— Михаил Сергеевич, давай связывайся с фронтом или ставкой и организуй розыск войск, — сказал Рокоссовский. — Мы с Лобачевым отправимся в город.

— Хорошо, — сказал Калинин и крикнул вдогонку: — Зря не рискуйте, там могут быть немцы!

Начальник гарнизона генерал Никитин доложил:

— В Вязьме осталась только милиция, в городе и его окрестностях войск нет.

— Где местная партийная и советская власть? — спросил Рокоссовский.

— В соборе.

В городе Вязьме, на высоком холме, в тени деревьев стоял величественный, из красного кирпича, с ржавой крышей собор. В его подвале командарм и Лобачев нашли секретаря Смоленского обкома партии Д.М. Попова и других представителей партийной и советской власти. Здесь же оказался и начальник политуправления Западного фронта Д.А. Лестьев.

— О, какие гости! — обрадовался он. — Теперь будет порядок. Знакомьтесь с командующим...

— Командующий есть, да командовать ему нечем, — сказал Рокоссовский.

— Как же так? — удивился Лестьев. — Я только что из штаба фронта. Меня заверяли, что тут у вас не менее пяти дивизий. Они ждут прибытия вашего штаба.

— Я случайно встретил начальника штаба фронта Соколовского, который с группой офицеров проводил разведку, — сказал Лобачев. — Он тоже ничего не знает.

В это время вбежал запыхавшийся председатель Смоленского горсовета Вахтерев.

— В городе немецкие танки!

— Откуда известно? — спросил Рокоссовский.

— Я видел их сам с колокольни!

— Алексей Андреевич, готовь машины, — кивнул командарм Лобачеву, а сам поднялся на колокольню и, увидев танки, ведущие огонь, быстро спустился вниз.

— По машинам!

«ЗИС-101» и два «газика» под носом у немцев сумели уйти из города.

Появление танков в городе было обусловлено тем, что гитле-

ровцы 6 октября начали операцию «Тайфун», целью которой было окружение советских войск к востоку от Смоленска (кольцо окружения предполагалось замкнуть в районе Вязьмы) и взятие Москвы. Противнику удалось прорваться в тыл 3-й и 13-й армий Брянского фронта, а также создать угрозу окружения Западного и Резервного фронтов. На этом направлении главный удар наносился в стык 19-й и 30-й армий. К вечеру после минутного совещания Рокоссовский заявил:

— Скучные сведения по обстановке, которыми мы располагаем, указывают на то, что мы оказались между внутренним и внешним кольцом окружения гитлеровских войск. Когда оно сожмется, мы не знаем. Остается только один выход — сейчас же оставить наш КП и полевыми дорогами уходить в направлении Можайска. Увидев растерянность в глазах некоторых своих спутников, он, улыбнувшись, добавил: — Я понимаю, что это путешествие будет нелегким. Но если в жизни нет опасности, то в ней мало огня.

Колонна около ста машин уехала в ночь. Как назло, шел проливной дождь, в лесу пахло мхом и прелым папоротником. По раскисшим дорогам колонна выехала утром в поле, пересекла речушку, покрытую плотным туманом, и снова зашла в лес. Первый привал был назначен через двадцать километров близ небольшой деревушки. При подходе к ней разведчики и головная застава встретили немецких мотоциклистов и две машины пехоты. В результате короткого боя противник был уничтожен.

На станции Туманово группа обнаружила эшелон с продовольствием и пополнила свои скудные запасы. На привале Рокоссовский, Калинин и Лобачев зашли в избушку.

— Кругом шныряют немцы на мотоциклах, машинах, — говорила хозяйка дома, подогревая в русской печи консервы. — Спасу нет — загребают свиней, кур...

— Товарищи командиры, что же вы делаете? — подал голос седебородый старик, лежавший на кровати. — Я воевал командиром роты в Первую мировую... Тьфу! Такой позорной войны я не видел. — Он замолчал, а потом сел на кровати. — Едут по полю герои. Эх да Красной Армии герои!

— Папа, прекрати! — сказала хозяйка, расставляя на столе посуду. — Не видишь, люди устали, им без тебя тошно.

— Пусть говорит, — произнес Рокоссовский, — выскажется, легче будет.

— Отец, мы все равно побьем гитлеровцев. — сказал Лобачев. — Поверь мне, отец, побьем!

— Что, обязательно надо было драпать до Москвы, чтобы его побить? — откашлявшись, сказал старик.

— Он же на нас напал вероломно, внезапно, — пояснил Лобачев.

— Байки эти рассказывай кому-нибудь другому, командир.

— Я не командир. Я — политработник.

— А, вот оно что? — Старик уставился на Лобачева. — Если завтра война... Всё выше и выше... Ля-ля-ля... Долялякались. Тьфу!

— Не надо расстраиваться, отец, — произнес командарм, допивая чай. — Потихоньку все образуется. — Больше ему сказать было нечего.

Ведя непрерывные стычки с немецкими частями и подчиняя себе все встречающиеся на пути подразделения, группа Рокоссовского продвигалась все дальше. С 8 на 9 октября, форсировав ночью реку Гжать, генерал-лейтенант остановил подразделения под Можайском, а сам со штабом направился в город. Здесь оказался штаб Западного фронта, которым уже командовал Жуков.

— Костя, — сказал тот, — обстановка — хуже не придумаешь. Как можешь, восстанавливай 16-ю армию и организуй оборону на Волоколамском шоссе.

В октябре 1941 года под Волоколамском Рокоссовский оказался в обстановке не лучше, чем в июньские дни под Ярцевом. Разница была лишь в том, что он сумел сохранить хорошо сработанный штаб и необходимые средства связи.

Скелет обороны, который начал строить Рокоссовский, состоял из «прихваченной» по пути в Можайск 18-й московской стрелковой ополченской дивизии, 316-й стрелковой дивизии генерала М.В. Панфилова, прибывшей из Казахстана, вышедшего из окружения 3-го кавалерийского корпуса генерала Л.М. Доватора и сводного полка кремлевских курсантов.

Глава шестая

1

В летних оборонительных боях войскам Советской армии, несмотря на большие потери, все-таки удалось сорвать гитлеровский план молниеносной войны. И все же фашистское руководство от блицкрига не отказалось. Немцы продолжали рваться к Мо-

ске. По убеждению Гитлера и его окружения, захват советской столицы принес бы им полную победу. Ставка делалась на сокращение советской обороны мощными и стремительными ударами. Поэтому и сама операция получила громкое название «Тайфун».

В первой половине октября противнику удалось замкнуть вяземскую группировку советских войск не только с юга, но и с севера. Внешнее кольцо окружения, которое предвидел Рокоссовский, не застало его группу врасплох — она, как мы видели, не только успешно вышла из окружения, но и вывела оттуда некоторые части и соединения. Остальные же окруженные войска, в течение двух недель ведя упорные бои, так и остались в этом кольце. Лишь небольшая часть сил сумела выйти на Можайский рубеж обороны.

Ничем не обоснованные амбиции, а зачастую и неразбериха в руководстве Западным фронтом играли только на руку немцам. Тем не менее своими действиями окруженные войска внесли немалый вклад в срыв наступательных замыслов гитлеровского командования.

Развернув командный пункт в Волоколамске, Рокоссовский собрал подчиненных. Он всегда был немногословен, но здесь позволил себе высказаться пространно:

— Государственным комитетом обороны в Москве вот-вот будет введено осадное положение. Принято решение срочно эвакуировать из Москвы в Куйбышев часть центральных учреждений, весь дипломатический корпус, а также вывезти из столицы особо важные государственные ценности. Значит ли это, что мы собираемся отдать фашистам Москву? Нет. За нашу столицу мы будем драться до последней капли крови. В Москве укрепляется противовоздушная оборона, миллионы граждан добровольно идут на фронт, строятся оборонительные сооружения. Мы с членом Военного Совета Лобачевым и с начальником политотдела Романовым, выезжая из Москвы, с болью в сердцах глядели на изнуренных недоеданием и холодом женщин, которые роют окопы. Такого всеобщего энтузиазма еще не видел мир. Только общими усилиями народа и армии мы отстоим Москву и одержим победу над фашизмом!

Те, кто хорошо знал Рокоссовского, были удивлены тем, с каким душевным трепетом он говорил эти слова. Все привыкли к его сдержанности, спокойствию и ровному голосу. Видимо, у командующего наболело на душе и он изменил в этот момент своей манере общения с подчиненными.

— Товарищи, больше времени у нас для разговора не будет, — сказал он в заключение более спокойно. Он повернулся к Лобачеву: — Алексей Андреевич, вы хотите что-нибудь сказать?

— Нет, вы все сказали.

— А теперь группы офицеров штаба и политотдела, назначенные нами, на инструктаж к Малинину, — сказал командарм. — Ваша главная задача — отыскивать и перехватывать прорывающиеся из окружения части, подразделения, группы и даже отдельные солдаты.

Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние и на Рокоссовского. Он собственными глазами видел немецкую силу, зачистую безнаказанную наглость, был под пулями и бомбами, видел народное горе, кровь и смерть. Все это горькой печатью лежало на его сердце, а если прибавить к этому разлуку с семьей, которая длилась многие годы, то можно было удивляться, как ему удалось держать себя в руках. Об этом знал только он один.

Сегодня у него был очень усталый вид и чувствовалась огромная душевная усталость. Но засиживаться было некогда, и он сразу же после разговора с офицерами и генералами управления армии направился на передовые позиции. Командарм понимал, что объехать и обойти 100 километров участка фронта до начала наступления немецких войск он не сможет, поэтому решил в первую очередь пообщаться с командирами, организующими оборону на самых важных направлениях.

На широком фронте севернее Волоколамска вплоть до Волжского водохранилища занимал оборону кавалерийский корпус под командованием генерала Доватора. Корпус оказался во вражеском тылу и только благодаря таланту и мужеству командира был выведен из окружения. Рейд конницы Доватора в тыл противника навел на фашистов панику.

День был на исходе, когда командарм вместе с командиром вернулся в штаб корпуса.

— Лев Михайлович, меня здесь нет, командуй, — сказал Рокоссовский, уселся в углу у окна деревенской избы и закурил.

Генерал-майор Доватор, молодой, сознающий свою красоту, с небрежно-решительным лицом, не раздеваясь, подошел к столу, с каким-то особым шиком развернул карту и, оживленно обведя взглядом командиров дивизий Плиева и Мельника, прибывших на КП несколько минут назад, стал объяснять обстановку и план усовершенствования обороны. Он говорил быстро, коротко и ясно.

— Я принял решение о переводе штаба корпуса из села, — сказал начальник штаба. — Когда вас не было, немцы сбросили сюда четыре бомбы.

— Отменить! — произнес Доватор весело. — Темнота — наше время, а для них помеха. Командный пункт остается здесь, поближе к войскам. Разговор закончен.

Рокоссовский наблюдал за командиром корпуса и улыбался. Ему нравились его манера поведения, непринужденность в обращении и остроумие.

— Лев Михайлович, — обратился Рокоссовский, когда командиры соединений ушли ставить задачу командирам полков. — Расскажите, как вы гуляли по тылам немцев?

— О! Это долгий разговор, — просиял Доватор. — Наделали мы у них шороху. Мне попал в руки приказ командира корпуса генерала фон Нагеля. Вот это умора!

— Что же он писал в том приказе?

— Приказ извещал немецкие войска, что в их тыл прорвалось не 100 тысяч казаков, а всего лишь 18 тысяч.

— А на самом деле сколько вас было? — спросил командарм, собираясь уходить.

— Смешно сказать — всего лишь три тысячи.

— Ну что ж, надеюсь, что и здесь, под Коломенском, вы наведете на фашистов страху, — усмехнулся Рокоссовский, прощаясь. — Держите клинки наготове.

— Наше главное оружие — винтовка! — картинно проговорил Доватор. — Клинок, граната. Бутылка с горючей смесью и наше лихое казачье «ура!»

Левее лихих кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника Младенцева. Он приступил к созданию обороны по восточному берегу реки Лама. Для оказания помощи курсантам в организации обороны к ним был направлен Лобачев, боевая юность которого начиналась в стенах кремлевской военной школы.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада, занимала оборону 316-я дивизия. 14 октября Рокоссовский ехал на встречу с командиром этого соединения.

Утром подморозило, и под колесами машины хрустела морозная корка. Веяло холодной свежестью, казалось, туманное небо прижималось к земле. Поглядывая по сторонам, командарм подумал, что и небо может быть серым и грустным. Напра-

во — свинцовая гладь озера, налево, затерявшись в холмах, покрытых смешанным лесом, тесной толпой стояли деревянные дома.

Штаб дивизии размещался в деревне Шишкино, примерно в пятнадцати километрах от Волоколамска. Зайдя в комнату, Рокоссовский приветливо оглядел Панфилова, пожал ему руку. Генерал, в противоположность Доватору, был щупловат и небольшого роста. Бросалась в глаза его аккуратность. Лицо умное, строгое, под крючковатым носом чернел квадратик усов.

Рокоссовский заглянул в карту, лежащую на столе, и опытным глазом окинул картину раздробленного фронта. Он видел красные ошметиненные дуги, кружки, обозначающие боевые части и подразделения. Разрывы и промежутки между ними достигали кое-где километра.

— Ну что, уважаемый Иван Васильевич, — сказал Рокоссовский, — не хватает сил организовать сплошную оборону?

— Не хватает, товарищ командующий, — взволнованно ответил Панфилов.

— И я не могу ничем помочь, дорогой мой, хотя понимаю — сил у вас маловато.

— Как у всех, — сказал уже менее взволнованно командир дивизии. Видимо, участливый и уважительный тон разговора обуздал его волнение. — Посмотрите, пожалуйста, — продолжал он, нагнувшись над картой, — это опорные точки, так сказать, узелки нашей обороны.

— Промежутки простреливаются?

— Да, я уверен, что машинам и орудиям пройти будет трудно.

— Хорошо, — сказал Рокоссовский. — Теперь давайте посмотрим, как выглядит ваша оборона на местности.

Они обошли позиции двух батальонов. Подходя к реке Рузе, Панфилов сказал:

— А здесь мы сидим на колышках.

— Как это?

— Строители не успели ничего сделать. Вместо оборонительных сооружений мы нашли только колышки.

— Постарайтесь в короткий срок залезть в землю, — проговорил командарм. — И еще: исходя из оценки местности, мы считаем, что, вероятнее всего, свой главный удар противник обрушит на левый фланг вашей дивизии. Передвиньте сюда хотя бы тройку противотанковых орудий. Казаков занимается маршрутами перегруппировки артиллерии на угрожающие участки, в

том числе и на ваш. Кроме того, созданы подвижные отряды саперов с минами и зарядами.

— А как они будут передвигаться?

— На машинах и повозках. Их задача — в процессе боя перехватывать танкоопасные направления и преграждать им пути в глубину нашей обороны.

— Меня беспокоит, что мы выделили почти все силы в первый эшелон.

— Армия занимает оборону на широком фронте, — пояснил Рокоссовский. — У нас в резерве только один стрелковый полк да дивизия ополчения.

Командарм распрощался с Панфиловым, когда начинались сумерки.

2

На рассвете 16 октября противник нанес удар танковыми и моторизованными подразделениями на левом фланге 16-й армии, именно там, где предвидело командование. Гитлеровцы навалились на соединение Панфилова двумя танковыми и двумя пехотными дивизиями.

Воздух раскальвался от рева орудийных залпов, от воя пикирующих бомбардировщиков, рычания танков и стонов умирающих людей. Завязался тяжелый оборонительный бой на всем участке армии. За два дня боев фашистам удалось оттеснить части Панфилова, но и противник выдохся и вынужден был прекратить атаки. Потери наших войск были очень большими. В жестоких боях, встречая танки гранатами и бутылками с горючей смесью, гибли пехотинцы, от сильного огня, восстанавливая связь, падали связисты, у своих орудий умирали расчеты.

Передышка длилась недолго — бои возобновились с новой силой. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок, которому казалось, что до Москвы остался один шаг, приказал своим генералам, не считаясь с потерями, идти напролом. На Волоколамское направление были выведены свежие части противника.

Имея подавляющее превосходство в силах, фашисты километр за километром теснили наши войска.

К концу октября немцы овладели рядом населенных пунктов, форсировали реку Рузу и, бросив в бой около 150 танков, захватили станцию Волоколамск.

На КП к Рокоссовскому зашел потемневший в лице генерал Казаков.

— Товарищ командующий, армия понесла чувствительные потери в артиллерии.

— Разведка и показания пленных свидетельствуют о появлении перед нами новых танковых частей, — сказал командарм.

— У нас не хватает артиллерии для борьбы даже с теми силами, которые противник уже ввел в сражение.

Рокоссовский посмотрел долгим взглядом на Казакова и, не сказав ни слова, позвонил по ВЧ командующему фронтом Жукову.

— Георгий Константинович, Христом-богом молю помочь артиллерией. Нечем остановить лавину танков.

— Почему отошла дивизия Панфилова? — вместо ответа на просьбу грубо спросил Жуков.

— Потому отошла, что не смогла сдержать удар! — ответил Рокоссовский, чуть повысив голос.

— Приказано стоять насмерть!

— Армия осталась без артиллерии! Я прошу помочь! — повторил свою просьбу Рокоссовский.

— Почему, на каком основании, отступая, бросили артиллерию и тягачи? — не меняя тона, спрашивал командующий фронтом. Держа трубку, Рокоссовский поднялся во весь рост. У него заходили скулы.

— Они потеряны в неравном бою, а не на полигоне! — произнес он, опершись кулаком о стол. — Люди сделали больше, чем могли. Я жалею, что позвонил.

— Ты извини, Костя, — проворчал Жуков. — У твоего соседа в армии Говорова положение еще хуже. Противник прорвал оборону, занял Дорохово и рвется на Тучково и Кубинку. В 30-й армии дела не лучше. Фашисты овладели Калининским и продвигаются на восток вдоль берега Московского моря.

— Я все это понимаю, — сказал Рокоссовский примирительно.

— Сейчас же звоню начальнику штаба Соколовскому, — продолжал Жуков. — Он даст команду выделить тебе два полка зенитных пушек.

— И на этом спасибо, — положил трубку командарм.

— Чем поможет? — спросил Казаков.

— Двумя полками зенитных пушек.

— Из них хорошо стрелять по воробьям, — с грустью произнес Казаков. Трагедия заключалась в том, что и командующий

фронтом, и командарм — оба были правы: у Рокоссовского не было сил защищать Волоколамск, а у Жукова не было резервов, чтобы ему существенно помочь. Командующий армией, будучи ранимым и восприимчивым человеком, переживал, что на него незаслуженно повысили голос. Командующий фронтом, будучи излишне крут и суров в своей требовательности, мучился от того, что не смог удержаться от повышенного тона.

Как известно, всякая сила имеет свой предел, даже если она во сто крат увеличена волей к победе. На Волоколамском направлении силы противоборствующих сторон были далеко не равны. Человек не мог устоять против танков, артиллерии и авиации, как ни старался это сделать, даже ценою своей жизни.

27 октября немцы овладели Волоколамском. Но попытка противника перехватить шоссе восточнее города, ведущее на Истру, была остановлена кавалерийской дивизией генерала Плиева. Панфиловская дивизия и курсанты не позволили противнику продвигаться дальше. Немцы тоже понесли огромные потери, особенно в артиллерии и танках. Они вынуждены были остановить наступление для подтягивания свежих сил и перегруппировки.

Передышка нужна была и 16-й армии Рокоссовского. Ведя локальные бои, она продолжала укреплять оборонительные позиции и пополняться свежими силами. Сюда прибыли четыре кавалерийских дивизии из Средней Азии, но самым существенным пополнением была сибирская 78-я стрелковая дивизия полковника А.П. Белобородова. Были получены танковая дивизия без боевой техники и две танковые бригады с мизерным количеством танков.

Командарм в начале ноября ехал в Звенигород по вызову Жукова.

Ночь стояла тихая и лунная. Рокоссовскому казалось, что он давно не видел таких сказочных ночей. По сторонам дороги то и дело появлялись и исчезали деревушки, нежно окутанные розовым маревом, деревья, одетые в пушистую белую изморозь. Уходящие к лесам поля, запорошенные ранним снежком, сверкали приглушенным золотым блеском. По дороге попадались колонны пехотинцев, отдельные машины с потухшими фарами. Рокоссовский, покачиваясь в машине, вспоминал подробности прошедших боев, и его сердце наполнялось горечью и обидой за то унижение, которое испытывает самый выносливый солдат в мире. ♦Что-то не то и теперь творится в нашей армии, — думал он. — Казалось бы, обожглись на многих догмах стратегии и тактики. Ан

нет! «Стоять насмерть!» — и всё. Остановить противника надо было в глубине за счет отвода соединений, сохранивших боеспособность, и свежих сил. Сколько зря погибло людей и техники? Разве нельзя было применить подвижную оборону, отходя от рубежа к рубежу? Измотали бы противника и сохранили бы основные силы. А теперь бросаемся на танки с бутылками с горючей смесью. На словах твердим, что не надо забывать опыт своих великих предков, а что на деле?.. Ведь Кутузов и Барклай де Толли в 1812 году тоже могли дать приказ «стоять насмерть», но они этого не сделали, хотя были уверены, что русский солдат выполнит их волю. Не то, что мы, — они мудро учитывали неравенство сторон и на смерть зря солдат не посылали. Им надо было уравнивать силы и только потом дать решительное сражение».

На рассвете Рокоссовский уже был в штабе Жукова.

— Константин Константинович, я предлагаю возглавить тебе конную армию, — начал Жуков.

Рокоссовский недоумевающе посмотрел на командующего фронтом.

— Ее можно будет сформировать из прибывших из Средней Азии дивизий и корпуса Доватора.

— Предположим так, — Рокоссовский внимательно посмотрел на командующего фронтом. — И что будет делать вновь сформированная конная армия?

— Этой армии предстоит прорвать вражеский фронт южнее Волжского водохранилища и нанести решительный удар во фланг и тыл противнику в районе Волоколамска, — совершенно серьезно заявил Жуков.

— Лошади среднеазиатских дивизий не перекованы к зиме, бойцы и командиры представления не имеют, как их конница будет действовать на пересеченной и лесисто-болотистой местности — это раз, — пояснил Рокоссовский. — А второе — мы что, хотим потешить немцев и взять их в плен, когда они будут качаться от хохота?

— Я тебя не пойму.

— А что тут понимать? — сказал командарм, улыбнувшись. — Их авиация, артиллерия и танки перещелкают нас, как куропаток.

Рокоссовскому пришлось долго доказывать, что эта затея, кроме гибели людей, ни к чему не приведет.

На прощание Жуков просил обдумать это предложение, но больше к нему не возвращался.

Ноябрь 1941 года, особенно вторая его половина, выдался морозным. Порой температура опускалась до 15 градусов. Выдержанный на морозе ветер продирает насквозь; с неба часто сыпалась мелкая ледяная шрапнель.

12 ноября температура упала до 10 градусов. В этот день в белорусском городке Орше под руководством главнокомандующего сухопутными войсками Германии фельдмаршала Браухича и начальника его генерального штаба генерала Гальдера проводилось совещание командующих группы армий «Центр». Цель совещания — подбросить горючей смеси в затаившийся «Тайфун». Гитлер приказал: развеять панические настроения среди некоторых высших военачальников и всеми силами поддержать здоровый наступательный дух командующего группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока. Последний просил Браухича, чтобы он передал фюреру, что солдаты и офицеры полны решимости сделать последнее усилие и захватить Москву.

— Мы уже у цели. Русские деморализованы, — говорил он. — Мы проявим максимум упорства и сделаем трудный, но решительный бросок. Противник по численности не уступает нашим войскам, но он не может как следует обороняться, тем более наступать. Для наступления на Москву группа «Центр» имеет: тринадцать танковых, семь моторизованных и тридцать одну пехотную дивизии, около десятка тысяч орудий и более шестисот самолетов. Эта сила сметет русскую армию. Победа близка, она за нашей доблестной немецкой армией.

Здесь же Браухич объявил приказ Гитлера об осеннем наступлении 1941 года. В эти трудные дни все силы командования Западного фронта были подчинены одному — мобилизации усилий на защиту Москвы. В обращении Военного Совета говорилось: «В час грозной опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, героизма и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной и любимой Москве. Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию».

1 ноября 1941 года в ставку был вызван командующий Западным фронтом генерал-полковник Жуков.

— Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, парад войск, — сказал Сталин. — Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

— В ближайшие дни враг не начнет большого наступления, — ответил Жуков. — Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден пополнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве авиацию с соседних фронтов.

И действительно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» были проведены торжества, а 7 ноября на Красной площади неожиданно состоялся военный парад. Бойцы прямо с парада шли на фронт. Это имело огромное влияние на укрепление морального духа армии, советских людей, на поднятие авторитета страны на международной арене.

Западный фронт активно готовился к обороне. Душой этой обороны был командующий фронтом Г.К. Жуков. Строилась глубоко эшелонированная оборона, создавались противотанковые опорные пункты и районы. Войска пополнялись личным составом, вооружением, боеприпасами.

Основная часть войск концентрировалась на Волоколамском, Клинском и Истринском направлениях, где, как правильно решило командование фронта, фашистами предполагалось нанести главный удар.

Именно на этом направлении находилась и 16-я армия. Рокоссовский активно использовал передышку между самыми горячими боями: части и соединения глубоко зарывались в землю, строили инженерные сооружения. Со своими замами и начальниками служб он посетил все возможные направления.

К обеду в один из морозных дней командарм оказался на позициях дивизии генерала Панфилова. Он никого не предупреждал, что будет именно там. На этом направлении позиции немцев не простреливались — мешал лес.

Оставив машину в лощине, он с адъютантом шел по длинному, отлого поднимающемуся склону, в конце которого виднелась полоса елей. По дороге попадались воронки от снарядов и неглубокие, по-видимому, недорытые траншеи. Рокоссовский расстегнул полушубок и, шагая по мерзлой трескучей траве,

слегка припорошенной снегом, подошел к траншее. По ней, как куклы, двигались каски. Они то появлялись в траншее, то исчезали.

— Что здесь происходит? — спросил командующий и, сняв перчатку, протянул руку командиру. — Рокоссовский.

— Командир батальона Исаев! — вытянулся в струнку молодой человек, лет двадцати пяти мужчина.

— Что это за странное передвижение?

— В сапогах мерзнут ноги, вот и греемся.

Рокоссовский покачал головой и спросил:

— Валенки обещали?

— Так точно, обещали, но пока не привезли.

— Связь со штабом полка есть?

— Так точно.

— Девушка, будьте добры, соедините меня с командиром полка, — сказал командарм, держа трубку полевого телефона.

Поздоровавшись, Рокоссовский спросил:

— Товарищ Назарбеков, вы во что обуты?

— В валенки.

— А ваши солдаты в окопах мерзнут в сапогах. Как вы думаете, это влияет на настроение солдат?

— Конечно, товарищ командующий. Теплое обмундирование прибыло, но мы не успели его развезти.

— Передайте генералу Панфилову — сегодня к вечеру он должен мне доложить, что вся дивизия переодета в зимнее обмундирование.

Командарм осмотрел окопы, расспросил, поставлены ли перед колючей проволокой мины.

— Чем прикрыта полевая дорога, выходящая из леса? — уточнил он. — Противотанковыми минами, а в самом лесу я ее завалил поваленными деревьями.

— Молодец, — похлопал по плечу комбата Рокоссовский. — Готовы отбить атаку?

— Будем стоять до конца! — ответил Исаев.

— Что ж, я рад был с вами познакомиться, — прощаясь, Рокоссовский улыбнулся все той же обаятельной улыбкой, которая поднимала у бойцов настроение и вселяла уверенность в победу.

К вечеру он был на КП командира дивизии Панфилова.

— Ну что, Иван Васильевич, одели солдат? — спросил Рокоссовский.

— Только что доложили: ваш приказ выполнен, — смущенно ответил Панфилов. — Это моя оплошность, товарищ командующий.

— Это и наша вина. Могли бы снабженцы проявить заботу об этом и раньше. — Командарм оглядел руководство дивизии, которое собрал командир. — А теперь поразмыслим о предстоящих боях. Он подошел к карте. — У нас обобщены данные о группировке немецко-фашистских войск. Против нашей армии противник сосредоточил семь танковых, три моторизованных и три пехотных дивизии, до двух тысяч орудий и большое количество авиации*.

— Извините, Константин Константинович, ваши сведения о противнике немного не совпадают с фронтовыми данными, — сказал присутствовавший на этом совещании генерал, представитель штаба Западного фронта.

— Представитель фронта склонен считать, что наши донесения преувеличивают силы противника, — продолжал Рокоссовский. — Мы, разумеется, понимаем товарищей. Вам очень хочется, чтобы у противника было сил поменьше. Да и мы не возражаем против этого. Но пленные, взятые на различных участках, неоднократно подтверждали наши сведения. Поэтому успокаивать себя и войска мы не имеем права.

Рокоссовский попросил начальника штаба дивизии доложить, как организована оборона, сделал ряд существенных замечаний, дал советы по организации взаимодействия со средствами усиления.

— Против левого фланга нашей армии, — говорил командарм, — это значит против вашей дивизии и полка курсантов развернулись четыре танковых дивизии и моторизованная дивизия СС под названием «Рейх». Это очень серьезная сила. Прошу это иметь в виду.

— В случае необходимости, на что мы можем рассчитывать в ходе боя? — спросил Панфилов.

— Для этого мы привлекаем корпус Доватора. За счет сибирской дивизии Белобородова создаем глубину обороны. При необходимости она вступит в бой немедленно.

Вскоре Рокоссовский был вызван к ВЧ.

— Командующий фронтом приказал, — говорил генерал Соколовский, — вашей армии нанести удар севернее Волоколамска по группировке противника.

— Срок подготовки?

— Одна ночь. Завтра утром вы должны атаковать волоколамскую группировку противника.

— Василий Данилович, вы же опытный военачальник и должны понимать, что такую ответственную операцию за ночь нельзя подготовить, — сказал Рокоссовский. — Переговорите с Жуковым. Я прошу отменить эту операцию. Или же дайте мне больше времени для подготовки.

— Я разговаривал с командующим по этому поводу. В своем решении он непреклонен. Завтра утром я ему обязан доложить о начале операции.

Рокоссовский положил трубку и посмотрел на Панфилова отсутствующим взглядом, затем, словно опомнившись, сказал:

— Иван Васильевич, приказано провести наступательную операцию. Вызовите ко мне срочно Доватора и вашего начальника штаба.

Рокоссовский выполнил приказ Жукова — на рассвете 16 ноября нанес по противнику частный удар. На первых порах группе наших войск удалось вклиниться в оборону немцев на глубину до трех километров. Но в это же самое время гитлеровцы начали наступление на всем фронте 16-й армии и выдвинувшимся вперед частям пришлось срочно уносить ноги. Особенно трудно было группе генерала Доватора. Противник давил на нее со всех сторон. Лишь природная смекалка командира помогла конникам с большими потерями вырваться из этого клина и избежать полного окружения. Ни Рокоссовский, ни другие генералы так и не могли понять «стратегического» замысла этой операции, которая заранее была обречена на неуспех.

2

Итак, 16 ноября немецкие войска группы армий «Центр» перешли в наступление по всему фронту от Калинина до Тулы.

Рокоссовский и Лобачев находились на НП дивизии Панфилова и наблюдали такую картину.

На позиции нашей пехоты сначала обрушился артиллерийский и минометный шквал огня. Создавалось впечатление, что весь наш передний край охвачен пожаром. Грохот орудий и раскаты взрывов слились в ровный протяжный гул. Самолеты, пикируя один за другим, с воем сбрасывали бомбы на позиции дивизии и курсантского полка. То и дело в воздухе завязывался бой немецких штурмовиков с нашими истребителями. Горящие факелы падали на землю те и другие.

— Пошли танки, — не отходя от треноги, хриплым голосом произнес Панфилов.

Несколько танковых клиньев группами по 15–30 машин, рассчитывая расцечь нашу оборону, со скрежетом ползли на позиции. Казалось, что танковые колонны не шли по земле, а плыли в огненном клубящемся тумане. Внезапно налетевший ветер унес плотный вал дыма и высветил пехотные колонны. Пехотинцы, пригибаясь к земле, табунами выскакивали из леса и на ходу сбивались в кучу за броней танков.

За пехотинцами выползали колонны машин с мотопехотой, гремели тягачи, волокущие пушки и тяжелые минометы.

Танки с пехотой подходили все ближе и ближе. Рокоссовский хорошо представил себе напряжение бойцов и командиров, сидящих в окопах и оглушенных взрывами снарядов и бомб.

— Залп дивизиона «Катюш»! — дал команду Панфилов.

Пронзительно завизжали снаряды, и в полосе нескольких километров загорелась земля под ногами немцев. Мгновенно оправившись от удара снарядов, танки с поредевшими колоннами пехоты продолжали движение.

Наблюдательный пункт Панфилова находился впереди КП, на опушке леса. Он был сооружен в густых кронах елей и с помощью оптики позволял обзирать довольно-таки большой участок боя. Рядом с грубо сколоченной лестницей были вырыты щели — убежища, где находилась связь.

Рокоссовский часто спускался вниз и вел разговор с начальником штаба Малининым, который постоянно держал его в курсе боев на остальных участках фронта.

Танки подошли к рубежу, когда артиллерия могла вести огонь на поражение, но Панфилов медлил с открытием огня, чтобы не обнаруживать свои позиции и не нарваться на артиллерийский огонь противника.

— На каком расстоянии откроет огонь артиллерия? — спросил командарм.

— Примерно с четырехсот метров, — ответил Панфилов. Бинюк в его руке слегка подрагивал. — На местности имеются хорошо видимые ориентиры, и командиры будут открывать огонь самостоятельно.

И в это время перед батареями, размещенными в полосе первого рубежа, мелькнули языки пламени, и в воздухе повисли облачка темного дыма, затем прокатился протяжный залп.

Вспышками орудий озарился весь передний край. Затарактели малокалиберная зенитная артиллерия и счетверенные пулеметные установки. Открыла огонь пехота.

Многие немецкие танки приостановились — одни были окутаны густым черным дымом, другие — крутились на месте, у третьих — были сорваны башни. Уцелевшие танки гитлеровцев, открывая беспорядочный огонь, пытались уклониться от огня наших батарей. Танки, шедшие сзади, напирала на них и тоже попадали под огонь. Солдаты ложились, вставали, ползли. Поле боя напоминало растревоженный муравейник.

А когда Панфилов ввел новый дивизион артиллерии и удачно накрыл пехоту, Рокоссовский, улыбнувшись, сказал:

— Молодец, Иван Васильевич, так держать! — Он повернулся к Лобачеву: — Алексей Андреевич, пошли, нам тут делать нечего.

Лобачев отправился в курсантский полк, где тоже шел горячий бой, а командарм уехал на основной КП армии в Устинове. Вдоль фронта он дважды попадал под обстрел самолетов противника, которые постоянно патрулировали над шоссе Волоколамск — Москва и гонялись почти за каждой машиной.

Малинин, как всегда, аккуратно вел карту и досконально знал обстановку.

— На участок курсантского полка непрерывно идут атаки, — говорил Малинин, склонившись над картой. — Сибирская дивизия вступила в бой левее панфиловской и ведет его успешно.

Рокоссовский глянул на круглую и добродушную физиономию начальника штаба, вымазанную синими чернилами, и улыбнулся. Он чувствовал теплую дружескую привязанность к этому трудолюбивому, беспокойному и неугомонному человеку, которого узнал не так давно, но проникся к нему глубоким чувством уважения.

Именно в этот день, в разгар самых кровопролитных боев, у разезда Дубосеково совершили свой всемирно известный подвиг двадцать восемь героев из панфиловской дивизии во главе с политруком Василием Клочковым. Его слова «Велика Россия, а отступать некуда» облетели всю страну, а для армии явились живым примером, как надо защищать Родину.

17 ноября противник ввел в бой новые части и усилил давление. Ему способствовали в данном случае морозы, сковавшие болота, — танки и моторизованные части получили свободу действий. В связи с погодой немцы изменили тактику. Когда им не удавалось обойти наши позиции, они в прорыв бросали большое

количество танков, массированно применяли артиллерию и авиацию.

В ответ армия Рокоссовского применяла маневр батареями, отдельными орудиями и танками. Им часто удавалось перехватывать танки противника и выводить их из строя. А подвижные группы саперов ставили на путях возможного появления техники фугасы и мины.

В 16-й армии не было резерва, и противник имел подавляющее преимущество в танках и авиации, поэтому она вынуждена была постепенно отходить. За три дня боев она отошла кое-где на 3 – 8 километров. Но прорвать оборону армии немцы не смогли.

Рокоссовский находился на КП, когда к нему подошел в подавленным настроением Малинин.

– Константин Константинович, на наблюдательном пункте, где вы были, погиб генерал Панфилов.

– Как? – воскликнул командарм.

– Погиб, мне только что доложил начальник штаба.

Опустив голову, Рокоссовский стоял несколько минут, как статуя. Он снял шапку, посмотрел на Малинина, Лобачева и тихо произнес:

– Сколько же у тебя было благородства и силы воли, Иван Васильевич?! Ты шел своей дорогой до конца... Прости нас, Иван Васильевич... Прости.

Командующего вывел из забытья разорвавшийся недалеко снаряд. Его осколки запели, словно множество скрипок, тянувших различные мелодии.

– Михаил Сергеевич, – сказал Рокоссовский, надевая шапку, – нас засекли. Перемещай КП на новое место. Он сел в машину и, пригласив Лобачева, кивнул: – Я жду тебя в Ново-Петровском.

3

Село Ново-Петровское находилось на автострате Волоколамск – Москва. КП армии размещался в заброшенном доме.

Ночь была темной и морозной, но в доме было тепло: загодя натопили русскую печь. В одной комнате висели светлые полушубки и каракулевые шапки. В другой – более просторной – кипели жаркие споры о дальнейшей организации обороны.

Здесь собрались члены Военного Совета, работники штаба и почти все командование армии. На двух столах – развернутые карты с нанесенными оборонительными позициями, разграни-

чительными линиями, направлениями главных и вспомогательных ударов противника. Заместитель начальника штаба цветными карандашами наносил на карту самые последние данные об изменениях в положении борющихся сторон. Генерал Малинин сделал обстоятельный доклад о положении дел на фронте.

– На Клинском направлении гитлеровские войска собрали танки в крепкий кулак, – говорил он. – Таким образом, над нами нависла угроза с севера. На левом крыле нашей обороны, где исчерпаны все резервы, нажим противника ежечасно усиливается. Бой в центре и на левом фланге идут в 10–12 километрах от Истринского водохранилища.

Высказали свое мнение заместитель командующего генерал Ф.А. Захаров и член Военного Совета Лобачев.

В заключение взял слово Рокоссовский.

– Войска армии понесли большие потери в людях и технике, – сказал он. Лицо его было усталым, под глазами виднелись синеватые отеки. За последние четверо суток ему удалось поспать только в машине при переезде с одного места в другое.

– Люди смертельно устали, многие валяются с ног, – продолжал командующий. – Я хотел бы обратить ваше внимание вот на что. Посмотрите на карту, и вы убедитесь, что река Истра, водохранилище и прилегающая к ним местность представляют собой прекрасный естественный рубеж. Если его занять заблаговременно, можно организовать превосходную оборону, и ни один танк противника преодолеть ее не сможет. Для этого потребуются небольшие силы.

– Тогда некоторое количество войск мы бы вывели во второй эшелон, – заметил генерал Захаров, – создав этим самую глубокую оборону.

– Совершенно верно, – оживился Рокоссовский. – А часть сил мы могли бы перебросить на Клинское направление.

Всесторонне обдумав и обсудив этот замысел, Рокоссовский изложил его командующему фронтом Жукову.

– Я считаю этот замысел неудачным, и его я не могу поддерживать, – категорически заявил командующий фронтом. – Приказываю стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

– Я понимаю, – сказал Рокоссовский, – на войне может быть ситуация, когда решение стоять насмерть является единственно возможным.

– У нас именно такой случай.

— Я с этим не могу согласиться, — возразил командарм. — Такой приказ правомерен, если преследуется цель — спасение от верной гибели большинства...

— Большинство — это народ, — перебил его Жуков.

— За нашей спиной нет других войск, и если мы погибнем, то путь на Москву будет открыт, — настаивал на своем Рокоссовский.

— Эти доводы здесь неуместны, — дал понять Жуков, что разговор закончен. — Приказываю — ни шагу назад! Стоять на смерти!

Рокоссовский считал, что вопрос об отходе на Истринский рубеж в данной ситуации чрезвычайно важен, и отступать от своего замысла не собирался. Его долг и честь командира, от которого зависят жизни десятков тысяч людей, не позволяли безропотно согласиться с Жуковым. Штаб армии подготовил телеграмму, в которой обстоятельно было мотивировано это предложение, и за подписями Рокоссовского и Лобачева направил в адрес начальника Генерального штаба. Через небольшой промежуток времени был получен ответ. Борис Михайлович Шапошников санкционировал и дал санкцию на отвод войск.

Рокоссовский хорошо знал Шапошникова еще по довоенной службе и был уверен, что он наверняка согласовал ответ с Верховным Главнокомандующим.

Командарм в этот же день дал распоряжение об отводе ночью главных сил за Истринское водохранилище. Прежние позиции продолжали занимать усиленные отряды, которые под давлением противника должны были приближаться к переднему краю обороны главных сил. Офицеры связи довели распоряжение до частей.

— Теперь фашисты на Истринском рубеже сломают себе шею, — весело потирал руки Малинин. — Мы вам покажем кузькину мать!

Но долго ликовать не пришлось — последовала телеграмма Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни на шаг назад не отступать. Генерал армии Жуков».

— Самодур! — пробормотал себе под нос Малинин и отнес телеграмму командарму.

Рокоссовского эта телеграмма задела за живое, но приказ есть приказ, а он был Солдатом. Пришлось подчиниться.

К сожалению, опасения Рокоссовского оправдались. Противник отбросил наши части на восток, форсировал с ходу Истру и захватил на ее восточном берегу плацдармы. Южнее Волжского водохранилища он прорвал оборону на участке 30-й армии и распырил прорыв. Немцы ввели в бой пять новых дивизий и овладели Солнечногорском, а затем и Клином. Обойдя Истринское водохранилище, противник начал продвигаться на юг в сторону Москвы.

4

На рассвете 23 ноября Рокоссовский и Лобачев находились на переднем крае левого фланга армии, когда им сообщили, что противник овладел Солнечногорском, где оборону по поручению командующего фронтом держал комендант Москвы. Командарм с тревогой взглянул на карту — фашистские войска обтекали 16-ю армию с севера. Это очень опасно. Для прикрытия Ленинградского шоссе нужны резервы, а их нет. Ему удалось с местной почтой связаться с начальником штаба фронта Соколовским. Коротко доложив обстановку, он попросил подкрепления. — Командующий фронтом уже направил в район Солнечногорска группу танков, несколько зенитных дивизионов. Из района Серпухова ждем подкр...

На этом связь оборвалась — снаряд угодил в здание почты. Слева от командующего сверкнул огонь, и его отбросило в сторону взрывной волной. Лобачев подбежал к правому крылу здания, из которого выскочил Рокоссовский. Он на ходу протирал глаза и покрытое копотью лицо.

— Не зацепило? — выдохнул встревоженный Лобачев.

— Кажется, пронесло, — ответил командарм не своим голосом.

К вечеру машина подходила к КП армии. Они несколько часов ехали по выжженной земле, мимо развороченных траншей, ходов сообщений, следов крови. На дорогах неподвижно чернели сгоревшие, взорванные, пробитые танки. Железный запах гари, с одной стороны, вызывал тошноту, а с другой — вселял надежду, что усеивать так густо наши поля танками у немцев не хватит возможностей. Рокоссовский поделился своими мыслями с Лобачевым.

— Алексей Андреевич, нам надо во что бы то ни стало продержаться хотя бы десяток дней. Фашист слишком далеко замахнулся своим бронированным кулаком. Думаю, пробивная сила этого кулака вот-вот иссякнет.

Лобачев не ответил. Командарм глянул на заднее сиденье: генерал, примостившись в углу машины, дремал.

Прибыв в штаб глубокой ночью, командующий приказал начальнику артиллерии Казакову снять с других менее опасных направлений два противотанковых полка и направить их под Солнечногорск.

После двухчасового сна на временном КП в деревне Пешки командарм на рассвете вышел из избы. По небу, усеянному яркими звездами, огненной дугой вспыхнула комета и над горизонтом погасла. Почти до конца села хорошо были видны хаты, за которыми простиралось белое поле. Вокруг деревни время от времени падали снаряды. Они проносились с жалобным свистом и мягко шлепались на землю. Видимо, танки стреляли болванками. Справа от деревни прорезала проклюнувшийся рассвет полоса трассирующих пуль.

Рокоссовский зашел на КП. В избе толпилась группа генералов. Стоял шум. Каждый старался высказать свое мнение по поводу состояния дел в полосе обороны армии. Это были многочисленные представители штаба Западного фронта.

— Что здесь происходит? — спросил командарм.

— Не дают работать! — буркнул Калинин. — Каждый норовит дать указание!

Рокоссовский заметил, что начальник штаба доведен до белого каления, раз проявляет такую несдержанность.

— Вы что, нам не доверяете? — спросил командарм.

— Н-нет, что вы, — ответил старший из них. — Вы делаете все возможное, чтобы на своем участке отстоять Москву.

— Тогда в чем дело?

— Мужики, хватит тут устраивать балаган! — сказал старший группы. — Поехали в соседнюю армию.

В середине дня Рокоссовский выехал на Истринское направление, где шли тяжелые бои. В течение суток он изучал противника, говорил с людьми, давал советы по укреплению обороны.

Когда он поздно вечером вернулся на КП, Калинин доложил:

— Несколько раз звонили Жуков, Соколовский и уточняли, перешли ли войска в наступление под Солнечногорском.

— Какое может быть наступление, если мы на пределе сил держим оборону?

— Командование фронта изменило задачу войскам, которые мы послали для обороны Солнечногорска.

— Но ведь соединения еще на марше, — возмущенно проговорил Рокоссовский, — и на организацию наступления времени нет.

— Я такие же доводы приводил командованию фронта.

— Ну и что?

— Просили по этому поводу их больше не беспокоить и немедленно начать наступление.

Поспешное, неподготовленное наступление на Солнечногорск, как и следовало ожидать, успеха не имело. Противник быстро подтянул достаточно сил и сначала остановил наступающих, а затем отбросил их в исходное положение. Группа Доватора, поддержанная мизерным количеством танков и артиллерии, несмотря на решительные действия, задачу выполнить не смогла. Многие населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки, но одолеть противника не хватило сил. Конница понесла большие потери и вынуждена была перейти к обороне.

Обстановка была запутанная и сложная. Может быть, поэтому вышестоящие командиры и штабы отдавали распоряжения и приказы, которые не успевали за событиями и, когда доходили до исполнителей, уже не соответствовали сложившейся обстановке. Так было и с наступлением под Солнечногорском. Это хорошо понимал Рокоссовский, но все равно он глубоко переживал потерю людей.

С передовых позиций продолжали поступать тревожные вести. Командарм вновь уехал на Истринское направление. Там противник ввел в бой новую танковую дивизию и потеснил наши войска до двух километров вглубь.

Командарм шел по траншее вместе с командиром полка, где противнику удалось потеснить наши войска наиболее болезненно. Здесь обязательно надо было нанести небольшой контрудар, чтобы занять более выгодную позицию и выровнять линию фронта. Командарм перебросил сюда 10 танков Т-34. Медлить было нельзя. Противник наверняка попытается расширить клин и сосредоточить там побольше сил, а следовательно, может нависнуть прямая угроза прорыва фронта. А это — прямой путь на Москву.

Когда все было готово к атаке, командир полка дал команду:

— В атаку, вперед!

Под ураганным огнем противника солдаты боялись высунуть голову и медлили с выполнением приказа. Создавалась угроза отрыва танков от пехоты, и такой важнейший удар мог не состояться.

Рокоссовский мгновение подумал, оценил ситуацию, затем вылез из окопа, встал во весь рост и закурил папиросу. Рвались снаряды, свистели пули, а он стоял и курил, словно ему и сам черт не брат. Казалось, что генерала больше всего занимает приятный дымок папиросы.

И бойцы, восхищенные своим командующим, выскакивали из окопов и с криками «ура» шли в атаку. Возникла такая схватка, что трудно было различить своих и чужих. Через час бой закончился и задача была выполнена полностью. Рокоссовский никогда и никому не рассказывал о том, что он чувствовал в тот момент. Когда он снова прибыл на КП армии, Калинин заметил, что у командующего, когда он доставал из портсигара папиросу, дрожали руки.

Только гораздо позже он узнал от командира полка, каким до безумия храбрым может быть его командующий армией.

Рокоссовский и Калинин весь вечер обзванивали части и соединения, уточняли обстановку и занимаемые ими позиции. Ночью, когда они собирались вздремнуть, дежурный доложил, что командарм вызывает по ВЧ Сталин. Рокоссовский шел к аппарату и думал о том, что опять будет забучка, как и от командующего фронтом, за то, что части армии потеснены на отдельных участках обороны. Командующий взял трубку.

— Рокоссовский у аппарата.

— Здравствуйте, Константин Константинович, — послышался спокойный голос Сталина.

— Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий!

— Как обстановка на Истринском рубеже?

— Кое-где, товарищ Сталин, нас потеснили, но мы принимаем меры...

— О ваших мерах противодействия говорить не надо, — мягко перебил его Сталин. — Вы скажите, тяжело ли вам?

— Да, товарищ Сталин, тяжело.

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем... До свидания, товарищ Рокоссовский.

Такое внимание Верховного, его теплый отеческий тон подбодрил командарма, еще больше укрепил уверенность в исходе битвы под Москвой.

К утру следующего дня прибыла обещанная помощь — два противотанковых полка, три батальона танков и полк «Катюш».

Все понимали: святая обязанность каждого — продержаться еще немного. Жуков тоже чем мог старался подкрепить ослабевшие войска.

К Москве по решению Ставки подтягивались войска, создавался стратегический резерв. Разведка доносила, что фон Бок втянул в бой все резервы. В конце ноября на КП Крюково Рокоссовского снова вызвал Сталин.

— Константин Константинович, вам известно, что в районе Красной Поляны появились немцы?

— Да, известно.

— Фашисты могут начать обстрел столицы крупнокалиберной артиллерией.

— Мы подтянули сюда силы с других участков и сделаем все, чтобы гитлеровцев оттуда выбить.

— Хорошо. Мы подбросим вам войска из московской зоны обороны.

Был подготовлен контрудар, и немцы с большими потерями отошли на 4–6 километров. Шли бои по всему участку фронта, но основной удар наносился на участке 16-й армии. Особенно жестокие схватки продолжались у деревни Крюково, которая неоднократно переходила их рук в руки.

И все-таки под конец московского сражения силы противника были на исходе, чувствовалось на всем фронте, что фашисты выдыхаются.

Глава восьмая

1

Гитлеровская военная машина дала сбой. Немцы оказались в трудном положении. В ходе сражения под Москвой немецкая армия потеряла 38 дивизий, понесла огромные потери в живой силе и технике, лишилась лучших своих кадров. Был уволен из армии главнокомандующий сухопутных войск фельдмаршал Браухич, снят с должности командующий группы «Центр» фельдмаршал фон Бок, отстранен от должности командующий танковой армией Гудериан.

Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение о контрнаступлении под Москвой. Для этого уже были готовы три резервные армии.

Рокоссовский возвращался с совещания, где командующий фронтом Жуков поставил задачи армиям на контрнаступление.

Бронетранспортер шел по заснеженному шоссе, которое было забито колоннами машин, танками, тягачами. По дороге возникали заторы, и пришлось ползти со скоростью пешехода.

Он с каким-то особым чувством сострадания смотрел на разрушенные дома, покореженные снарядами деревья, валяющиеся по обочинам дороги машины. Отсюда были выбиты немцы только три дня назад.

До командного пункта армии он добрался к обеду. Село, где он располагался, стояло в лесу, в стороне от больших дорог, и поэтому отступающие фашисты его не сожгли. Домик, который для него подготовили, был стареньким, но еще крепким. Из одного окна был виден сосновый лес, из другого — холмистое заснеженное поле.

Сняв трубку, командарм передал Малинину распоряжение, чтобы все участники совещания зашли к нему.

Рокоссовский подробно обрисовал обстановку, совместно с Малининым поставил задачу каждому соединению. Он дал время начальникам служб на уточнение задач своим подчиненным.

— За оставшиеся сутки мы должны подтянуть к наступающим войскам все приданные нам силы, — сказал командарм в заключение, — а они немалые — это стрелковая дивизия, 15 полков, около 70 установок «Катюш».

Он поблагодарил командиров, политработников за стойкость и мужество в боях за Москву и попросил штаб ускорить подготовку материалов по наградам.

Увлеченный наступательными делами, заботами, Рокоссовский не заметил, как наступили сумерки и порученец опустил на окнах черные шторы, зажег керосиновую лампу. Поздно вечером он зашел к Малинину, еще раз уточнил некоторые вопросы по предстоящему наступлению.

Когда командарм собрался уходить, Малинин сказал:

— Звонил Говоров и спрашивал — не видел ли я его позолоченную трубку, очень ценный для него подарок. Велел спросить, на всякий случай, у вас.

— Она у меня, и я ее вручу Леониду Александровичу при личной встрече, — улыбнулся Рокоссовский.

— Что это за история с трубкой?

— Когда ты был на рекогносцировке, — командарм сел за стол и закурил, — к нам на КП неожиданно нагрянул Жуков и привез с собой командарма пятой армии Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего фронтом, я приготовился к разному. Тог-

да на Истринском направлении противнику удалось потеснить нашу дивизию. Я доложил обстановку на участке армии и стал ждать, что же будет дальше. Обращаясь ко мне, Жуков заявил: «Что, немцы опять вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете! Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать». «Против 5-й армии действуют только пехотные дивизии, — заметил я, — а против нас танковые и механизированные». «Все равно он умеет воевать лучше вас», — сказал Жуков.

«Спасибо, — проговорил я. — Учиться никому не вредно».

— Оставив нас с Говоровым, — продолжал Рокоссовский, потушив сигарету в пепельнице, — Жуков ушел в соседнюю комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и мнениями о том, как ему противостоять. Вдруг, хлопнув дверью, вбегает Жуков. Вид у него был грозный и возбужденный. Повернувшись к Говорову, он срывающимся голосом закричал: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского? Он отражает удары всех танковых дивизий и бьет их! А против тебя пришла какая-то паршивая пехота и погнала на десятки километров!.. Вон отсюда!.. Если не восстановишь положения...» Он так загнул, что хоть уши затыкай.

Малинин расхохотался таким смехом, что, казалось, его красное лицо может лопнуть от перенапряжения.

— Бедный Говоров, — усмехнулся командарм, — не мог вымолвить ни слова. Он тут же ретировался, забыв на столе свою трубку.

— А что там произошло с армией Говорова? — уточнил Малинин, вытирая слезы.

— В этот день с утра противник, подтянув моторизованную дивизию, перешел в наступление и продвинулся до 15 километров. Это как раз в то время, когда они ехали к нам.

Близко к полуночи Рокоссовский зашел в свой домик, разделся и залез под одеяло. Впервые за многие дни обстановка на фронте была спокойной и можно было без спешки передохнуть, собраться с мыслями.

Многообразная и беспокойная жизнь заполнила все его существо. Мысли его постоянно вертелись вокруг армейских дел. Он думал о Панфилове и жалел, что он не дожил до того дня, когда его гвардейцы-панфиловцы пойдут в атаку на фашистов. Мысли уст-

ремились к Доватору — таких мужественных и способных командиров, как он, ему редко приходилось встречать на военных дорогах. Но его измотали непосильными задачами, и теперь в каждом полку кавалеристов осталось лишь по 60–100 бойцов. Он вспомнил командира 1-й гвардейской танковой бригады, который после тяжелых боев обратился в Военный Совет армии с просьбой предоставить бригаде два-три дня на приведение материальной части в порядок. И он, командарм, поступил несправедливо, дав ему ответ:

«Обстановка сейчас такая, что нет времени думать о передышке, ценность представляет каждый солдат, если он вооружен. Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого требует обстановка. Налаживайте технику в процессе боя и переходов». Конечно, неутешительная телеграмма. Но выхода другого не было — противник едва не прорвал оборону именно у него, у Катукова, на Истринском направлении.

Незаметно мысли перекинулись на жену и дочь. На его запросы в соответствующие инстанции пока никто толком не ответил. Да и сколько он сделал этих запросов — всего лишь три. Не до этого теперь людям — все работают на борьбу с фашизмом и личные дела ушли на второй план.

Через несколько минут он забылся крепким солдатским сном.

2

В начале декабря в Подмосковье пришла настоящая зима. Температура воздуха понизилась до 30 градусов. Искристый снег, словно живой, скрипел под ногами солдат. Сугробы, как северные медведи, катались по полям. Дышал стужей и сыпал в глаза снег. Из труб уцелевших деревенских изб поднимались темно-голубые клубы дыма и мягкой куделью стлались по земле. В глубоком снегу, будто трудолюбивые кроты, бойцы рыли траншеи и ходы сообщений. Команды подавались вполголоса — чувствовалось напряжение перед наступлением.

В 10 часов утра 7 декабря после 13-минутной артиллерийской подготовки части 16-й армии начали атаку крюковского укрепленного узла немцев. Сражение продолжалось днем и ночью. Только 8 декабря Крюково и соседние населенные пункты были освобождены. На поле боя фашисты оставили 54 танка, 120 автомобилей и два 300-миллиметровых орудия, из которых они собирались обстреливать Москву. Так армия Рокоссовского начала наступление под столицей.

Вечером готовилось распоряжение войскам на следующий день наступления.

— Гитлеровцы поспешно отходят на заранее подготовленный рубеж, — докладывал Малинин. — Наступление развивается успешно. — Низкорослый, крепкий, он склонил русую густую шевелюру над картой и уверенным, чуть более бодрым, чем обычно, голосом продолжал: — Соседняя 20-я армия, тоже продвигается вперед, хотя и замедленными темпами. Сосед слева, 5-я армия, идет на запад.

В это время открылась дверь и с шумом ввалилась целая ватага корреспондентов газет, радио и кинооператоров. Они всегда были желанными гостями в армии Рокоссовского и находили там внимание и поддержку. Но в этой обстановке они явно мешали работать — пытались брать интервью у командарма и Лобачева.

Не желая обижать представителей прессы, Рокоссовский нашел выход. Взглянув на тикавшие на стене часы-ходики, где вместо гирь висели грузила, завернутые в просаленные кусочки брезента, он, подмигнув Лобачеву и Малинину, сказал:

— Товарищи, будьте осторожны и не дотрагивайтесь до этих часов.

— Почему? — спросил оператор.

— Они заминированы.

Рокоссовский сказал это самым серьезным тоном, а эти люди уже хорошо знали, что командарм пользовался репутацией человека, способного пренебречь смертельной опасностью. Через несколько секунд прессу как корова языком слизнула.

— Меня больше всего беспокоит Истринское направление, — сказал Рокоссовский.

— Мы не воспользовались как следует этим рубежом, гитлеровские генералы своего шанса не упустят, — сказал Лобачев.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Малинин. — Тут надо кумекать, что мы можем им противопоставить.

— Преодолеть с ходу этот рубеж мы не сможем, — сказал командарм и подошел к карте. — А что, если создать две подвижные группы и поставить им задачу обойти водохранилище? Катук со своими танкистами обойдет его с юга, танкисты Ремизова это же самое сделают с севера.

— Оригинальный замысел, — улыбнулся Лобачев.

— Я тоже «за», — произнес Малинин.

— Раз есть поддержка этой идеи, то давайте оформлять распоряжение, — по-юношески задорно сказал Рокоссовский.

Вскоре бои шли на подступах к Истринскому рубежу. Командарм находился в центре полосы наступления, где сражались сибиряки Белобородова.

Только что прошел легкий снежок; холодный северный ветер, постоянный спутник нынешнего декабря, гнал по небу серые клочья облаков; в промежутках между ними выглядывала луна, словно уточняла, что творится на поле боя. В ее тусклом свете на мгновение появлялись танки, а за ними — нестройные колонны солдат. В валенках, шубах и масках они едва поспевали за рычащими машинами, стараясь не упустить снежную колею. Сибиряки с ходу сминали разрозненные отряды противника, прикрывавшие отход основных сил, и стремительно приближались к реке Истре.

Утром 13 декабря во всех центральных газетах на первых страницах были напечатаны портреты командующего фронтом Жукова и командующих армиями, в том числе и Рокоссовского. Под портретами крупным шрифтом было набрано сообщение Верховного Главнокомандования о первых шагах контрнаступления под Москвой. Были там и такие строки: «Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5-ю, 10-ю и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС, 35-ю дивизию противника, заняли город Истру». С этого момента Рокоссовский перестал быть для советского народа генералом «Р» (так официально называла его пресса). Не раз битый противник знал это имя уже давно.

Отступая, фашисты уничтожили все переправы на реке Истре и взорвали дамбу на водохранилище. Гигантский поток воды, разлившийся до 50 километров, преградил путь наступающим. Отдельные подразделения пытались преодолеть водный поток с ходу, но их постигла неудача, и они вынуждены были вернуться на восточный берег. В этот момент Рокоссовский ввел в бой подвижные группы. Они создали угрозу окружения гитлеровцев, и те начали отходить.

Одновременно дивизия Белобородова приступила к форсированию бущушего ледяного потока. Командарм наблюдал за переправой. Правый берег Истры, где находились немцы, был покрыт лесом и возвышался над противоположным берегом. Оттуда, не переставая, летели снаряды и мины.

Командиры отдавали распоряжения и вместе с подчиненными садились на плоты, ворота, заборы, бревна, коряги и шеста-ми, досками, руками приводили их в движение.

Рокоссовский увидел в бинокль, как один плот закрутило,

завертело в водовороте; через мгновение он мог оказаться в пучине и несколькими десяткам людей грозила гибель. С соседнего парома бросился в воду солдат, успел поймать трос и передать его подоспевшим саперам. В этот момент смельчака накрыла льдина, и больше его никто не видел. Командарм успел заметить только, что у солдата были светлые волосы.

— Афанасий Павлантьевич, — повернулся он к Белобородову, — представьте героя к награде.

Подошел связист и передал, что генерал-лейтенанта требует Жуков.

Рокоссовский зашел в машину связи, где было тепло и по сравнению с суетой переправы по-домашнему уютно. Посмотрев на аккуратно одетых девушек, стоявших по команде «смирно», командарм улыбнулся.

— Вольно, красавицы, соедините меня, пожалуйста, с командующим фронтом.

После приветствий Жуков спросил:

— Мне доложил Калинин, что противник начал покидать Истринский рубеж? Это так?

— Да, это так. С севера и юга успешно пробиваются танковые группы Каткова и Ремизова, и над немцами нависла угроза окружения, вот они и сматывают удочки.

— Прекрасно. Чья это идея?

— Наша.

— Как думаешь, дивизия Белобородова форсирует взорванное водохранилище?

— Я не думаю, а знаю, что форсирует.

— Подкрепление нужно? — в голосе командующего чувствовалось удовлетворение.

— На сей раз нет. Противник обнаружил свои неподвижные огневые точки, и нам хватит для их подавления дивизиона «Катюш».

— Хорошо, — сказал Жуков. — Было бы так везде.

— Товарищ командующий, попили бы с нами чайку, — сказала одна из связисток.

— Я бы не отказался, милые девушки, но нет времени, — проговорил Рокоссовский и вышел.

Преодолев Истринский рубеж, войска 16-й армии с боями продолжали продвигаться на запад.

Победа советских войск под Москвой для Западного мира свалилась как снег на голову. Привыкшие к немецким победам,

его политики с некоторым сомнением и недоверием воспринимали информационные сообщения СССР. Приглашенный для осмотра мест боев в Подмоскovie министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, видимо, неслучайно оказался на участке армии Рокоссовского.

Ленинградское шоссе, по которому следовал кортеж с берегов Альбиона, было завалено немецкими танками, артиллерийскими орудиями, автомашинами всех стран Европы, кругом валялись тысячи трупов фашистов, которые еще не успели убрать. Завоеватели, топтавшие землю Крита и Нордкапа, Варшавы и Дюнкерка*, Салоник и Парижа, нашли бесславную смерть в снегах русского Подмоскovie.

Энтони Иден, ошеломленный увиденным, признал: «Успех действительно прекрасный, ничего не скажешь».

Но с каждым днем оборона противника становилась прочнее, а силы наступающих постепенно шли на убыль. Дивизии 16-й армии насчитывали всего лишь по 1200–1500 человек. Попытка советских войск во второй половине декабря продолжить наступление успеха не имела. В начале января контрнаступление под Москвой закончилось. Фашисты были отброшены от столицы на 100–300 километров.

Глава девятая

1

Ставка Верховного Главнокомандования, окрыленная успехом, приняла решение продолжать наступление, 16-я армия велла боевые действия не на левом, а на правом крыле Западного фронта. В первые дни сражения она выбила немцев из четырнадцати населенных пунктов, превращенных фашистами в сильные узлы сопротивления. Но управлять своей армией дальше командарму не пришлось.

В конце января Рокоссовского неожиданно вызвали в штаб Западного фронта. Машина шла по расчищенному грейдерами шоссе. День был морозным и солнечным. На деревьях, покрытых инеем, висели телефонные провода; снег до слез слепил глаза, и генерал жалел, что не взял с собой светозащитные очки.

Вскоре показался шлагбаум контрольно-пропускного пункта. Рядом с сугробом бугрилась землянка. У шлагбаума стояли два автоматчика в полушубках. Один из них поднял вверх руку и подошел к машине.

– Разрешите документы!

Рокоссовский расстегнул полушубок и достал удостоверение личности.

– Можете следовать дальше, – сказал солдат и, повернувшись к напарнику, крикнул:

– Пропустить!

Тот нажал рукой на короткий конец шлагбаума, к которому на другом конце был подвешен кусок железа, и освободил дорогу.

Чем ближе подъезжала машина к КП фронта, тем реже встречались следы прошедших боев и все белее становился снег. Под вечер Рокоссовский уже доложил командующему фронтом о прибытии.

– Наступающая на крайнем левом фланге нашего фронта 10-я армия генерала Голикова, – говорил Жуков рублеными фразами, – не справляется со своими задачами. Она позволила противнику овладеть крупным железнодорожным узлом Сухиничи и его окрестностями. Таким образом, перерезаны пути снабжения левого крыла нашего фронта. Во что бы то ни стало надо отбить Сухиничи.

– Но это же не наше направление, – сказал Рокоссовский, недоумевая.

– Как будто я не знаю! – повысил голос Жуков. – Мы предлагаем тебе – передать личный состав и технику 5-й армии, а со своими управлениями и штабом немедленно отбыть под Сухиничи.

– Ему уже приходится передавать свои войска за пять месяцев в третий раз, – пояснил Лобачев. – Не много ли?

– Этого требует дело, – ответил Жуков. – Сухиничи должны быть нашими.

– Были бы силы, – произнес Рокоссовский.

– Голиков передаст вам пять стрелковых дивизий, танковую бригаду и два лыжных батальона, – сказал начальник штаба фронта Соколовский.

– Разве это силы, – усмехнулся Рокоссовский.

– Нехитра задача, если сил много, – улыбнулся Жуков, – а вот с малыми силами... Мы рассчитываем на твое умение. Я думаю, противник там не очень сильный. Дивизии переброшены из Франции. Они там разложились от безделья.

– Георгий Константинович, не очень я в это верю. Я уже с этими «французами» имел дело. Из каждой деревни мы их выбивали с боями.

— Надеюсь, ты с ними справишься, — приподнято сказал Жуков.

Рокоссовский немедленно связался с Малининым и дал ему указание передать войска и со штабом следовать на новое место.

— Встретимся в Калуге.

Эту ночь Рокоссовский и Лобачев, приехавший в штаб фронта еще вчера, провели в Москве. Город встретил их настороженно: затемнены окна, на улицах патрули, не видно ночью машин, только кое-где заметны небольшие солдатские колонны. Они остановились у бывшего сослуживца командарма по Забайкалью В.Н. Романченко, управляющего московской городской милицией. После походной фронтовой жизни благоустроенная квартира со всеми удобствами, радушие хозяина, постель с чистым накрахмаленным бельем для бывалых солдат показались раем. Рокоссовский впервые с начала войны спал без грохота снарядов и бомб, без трескотни выстрелов.

Еще не взошло солнце, а командарм и Лобачев уже ехали по Варшавскому шоссе, по которому непрерывным потоком шли тракторы, тягачи, танки, грузовые автомашины — всё двигалось в сторону фронта.

К обеду они уже были в Калуге. И вновь Рокоссовскому пришлось принимать управление новыми соединениями, и вновь приходилось это делать в кратчайшие сроки. Пока командарм занимался войсками, штаб Малинина налаживал связь, проводил разведку расположения противника и местности, готовясь к наступлению на Сухиничи. Уже в полночь 27 января стала действовать новая 16-я армия.

2

Небольшая русская деревенька Жердево была засыпана снегом почти до самых крыш. Дороги были непроходимы, и сюда можно было добраться только на крестьянских санях. О том, что здесь теплилась жизнь, говорили дымящиеся трубы да глубокие траншеи, соединявшие дома, по которым крестьяне ходили друг к другу. Деревня находилась в двадцати километрах от Сухинич.

В эту ночь на КП армии было жарко, хотя на улице трещал мороз и бушевала метель. Здесь шли горячие споры об операции по взятию Сухиничей. Кроме штаба и командования в ее обсуждении принимал участие и заместитель командующего Западным фронтом Ф.И. Кузнецов.

— По нашим данным, — докладывал начальник разведки армии, — в Сухиничах прочно обосновалась пехотная дивизия, прибывшая из Франции, генерала фон Гильса. Пленный майор этого соединения утверждает, что дивизия укомплектована опытными солдатами, На усилении имеет до 50 танков и полк артиллерии. Это подтверждено и другими источниками. Почти на всем участке железной дороги имеются дзоты, обнесенные колючей проволокой.

— Какие есть предложения у начальника штаба? — спросил Рокоссовский, сидевший посередине стола и делавший какие-то пометки на карте.

— Учитывая состояние нашей армии, в ближайшее время мы не можем атаковать город, — ответил Малинин.

— А как быть с выполнением приказа? — поднял глаза на начальника штаба командарм. — Ведь его надо как-то выполнять.

— На мой взгляд, есть два пути выхода из ситуации, — сказал осторожно Малинин. — А именно: или добиться отмены приказа, или же просить подкрепления. Другого выхода я не вижу.

— Приказ никто отменять не будет, да это и невозможно, — вмешался генерал-полковник Кузнецов. — Фронт не располагает резервами, чтобы вам хоть чем-нибудь помочь. Я это твердо знаю.

— Брать город нечем, а приказ надо выполнять! — с возмущением произнес Лобачев. — Ничего себе подбросили задачу. — Он повернулся к Кузнецову. — Федор Исидорович, объясните нам, как выйти из этого тупика?

— Как в данном случае быть? — поднял брови Кузнецов. — Выполнять приказ.

— Может, вы подскажете, как это сделать? — уставился на него Лобачев.

— Решение принимает тот командир, которому поручено провести операцию, — уклонился от прямого ответа заместитель Жукова. — Сухиничи должны быть в наших руках.

— Ну что ж, Федор Исидорович во всем прав, — Рокоссовский вышел из-за стола и, достав из нагрудного кармана гимнастерки ручку, подошел к карте. — Я согласен с начальником штаба, что с такими растопыренными на большом фронте силами задачу выполнить невозможно.

Кузнецов занервничал и готов был что-то возразить. Лобачев и Малинин, хорошо знакомые с твердыми логическими довода-

ми командарма и его нестандартными мыслями, ждали, что он скажет дальше.

— Поставленная фронтом задача не соответствует силам и средствам, имеющимся в нашем распоряжении, — спокойно продолжал Рокоссовский. — Но мы к этому уже привыкли.

— Мы что, собрались для того, чтобы заниматься критикой командования фронта? — взвился Кузнецов. Он вскочил с места. — Мы уходим в сторону от основной задачи!

Рокоссовский выслушал Кузнецова молча и, когда тот сел за стол, сказал:

— В этой обстановке нам ничего не остается, как подтянуть силы с других участков и создать мощный кулак на главном направлении. Пока противник, добившись своей цели, особой активности не проявляет, а, по всей вероятности, собирается в Сухиничах зимовать, мы должны действовать немедленно.

— А кто ответит за участки, которые будут ослаблены таким решением? — спросил Кузнецов.

— Тот, кто принимает решение, — сказал командарм.

— В этом решении заложен громадный риск, — произнес Кузнецов. — Не слишком ли смело?

— Смелость — города берет, — улыбнулся Рокоссовский, немного обескураженный возражением заместителя командующего фронтом. — Да, мы рискуем. Ну что ж, риск — благородное дело. Без него войны не бывает. — После некоторого раздумья он подошел к карте. — Если член Военного Совета и начальник штаба не будут возражать, то я предлагаю в ударную группировку включить гвардейскую дивизию генерала Чернышева и соединение Карпухина. Сюда же мы подтянем артиллерию и десяток танков.

— У меня нет возражений, — почти одновременно ответили Лобачев и Калинин.

— Зато у меня есть возражение, — сказал Кузнецов и встал у карты рядом с командармом. — Как только противник узнает, что вы оголили фланги и подтянули в центр основные силы, он наверняка нанесет удары с двух сторон и наша основная группировка окажется в мешке. Вот чем это кончится.

— Условия местности и погода не позволят противнику нанести удар с обоих флангов, — водил по карте ручкой Рокоссовский. — А если он попытается атаковать на одном из них и вклинится в нашу оборону, то мы из Сухиничей нанесем мощный удар под основание клина. И тогда мы посмотрим, чья возьмет.

— Я категорически против такого плана! — гневно сказал Кузнецов. — Сейчас же доложу об этом Жукову.

— Докладывайте, — нахмурился командарм и подошел к Малинину. — Михаил Сергеевич, оформите замысел нашей операции и передайте Жукову. Укажите наши разногласия с генерал-полковником Кузнецовым.

Через несколько часов был получен ответ — Жуков согласился с командармом.

— Я снимаю с себя ответственность за последствия этой операции и убываю в штаб соседней армии, — обиженно проговорил Кузнецов.

— Товарищ Малинин, помогите Федору Исидоровичу с транспортом и обеспечьте безопасность продвижения по участку армии, — сказал Рокоссовский, пожимая руку генералу. На лице командарма не было и тени торжества по поводу того, что его мнение в споре одержало верх. Видимо, это позволило Кузнецову на прощание произнести:

— Константин Константинович, желаю успеха в проведении операции.

— Спасибо, — улыбнулся Рокоссовский и протянул солдатское одеяло. — Будете ехать на санях — укроете ноги. На улице сильный мороз.

Кузнецов благодарно глянул на командарма и передал одеяло связистке, которая приехала с ним.

В течение нескольких часов был детально отработан план операции. За скрытность подхода основных сил отвечали все — от командующего армией до командира роты. Начальником связи армии было разработано секретное указание связистам по правдоподобной дезинформации противника. Еще до наступления противник имел сведения, что город прибыла брать в полном составе 16-я армия генерала Рокоссовского. В дивизиях и полках в открытых переговорах по всем линиям связи указывалась фамилия командарма, называлось полунамеками в несколько раз больше соединений, собирающихся штурмовать город, чем их было на самом деле. Атака была намечена на утро 23 января. Войска заняли исходное положение ночью, а артиллерия обжила позиции еще раньше. За несколько часов до начала штурма Рокоссовский прибыл на НП генерала Чернышева. Рядом с ним находились начальники артиллерии и бронетанковых войск Казаков и Орел.

В стылом, густо усеянном мигающими звездами небе, едва-

едва забрезжил рассвет. Было тихо, на морозе время от времени трещали деревья.

На опушке леса замерло более десятка танков; по снежному полю рассыпалась пехота. Слева нарушил тишину оружейный выстрел. Еще один, сразу несколько — это работала полковая разведка. К атаке было все готово, и Казаков нетерпеливо поглядывал на часы.

На НП прожужжал зуммер. Командир дивизии поднял трубку и изменился в лице.

— Вы что, шутить вздумали?.. Этого не может быть!

— Что там произошло? — спросил Рокоссовский с тревогой в голосе.

— Говорите с командующим, — Чернышев передал трубку. — Это командир полка.

— Я слушаю.

— Рядом со мной находятся четыре жителя города. Они в один голос утверждают, что немцы в спешном порядке покидают Сухиничи.

— Что вы предприняли?

— Выслал в город усиленную разведку и направил туда батальон пехоты с двумя танками.

— Хорошо, держите с нами связь. — Рокоссовский отошел от телефона и опустил голову в раздумье.

— Очередные фашистские штучки! — воскликнул Казаков, когда командир дивизии сообщил о содержании разговора.

— Конечно, трудно в это поверить, — сказал командарм и глянул на Казакова. — От артогня пока воздержись.

Со стороны города были слышны пулеметная стрельба, нечистые разрывы снарядов. Все стояли в напряжении и ждали.

Чернышев снова поднял трубку. Лицо его покрылось красными пятнами.

— Спасибо, молодец! Так и надо было! Правильно. Орден за мной!

— Ну что? — улыбнулся Рокоссовский. — Подтвердилось?

— Да, подтвердилось. По докладу командира полка, немцы драпанули из Сухиничей. Разведка, танки и полковая артиллерия уже в городе.

— Ура-а! — вырвалось у начальника бронетанковых войск Орла. Как специалист он хорошо понимал, что десяток танков для штурма города — это капля в море. Рокоссовский связался с Малининым.

— До выяснения обстановки в штаб фронта пока не доносить. Поставить задачи обеим дивизиям и выделить отряды для преследования и разведки. Подготовить КП к перемещению в город, ко мне выслать оперативную группу со средствами связи. Миша, действуй!

Вероятно, дезинформация ввела фашистов в заблуждение, и они решили унести ноги из города. Впоследствии пленные гитлеровцы это подтвердили.

Итак, задача, поставленная командующим фронтом, была выполнена — Сухиничи находились в наших руках.

Когда вечером Рокоссовский доложил в штаб фронта: «Сухиничи взяты. Город очищается от автоматчиков», — оттуда последовал немедленный ответ: «Рокоссовскому и Лобачеву. Взяты ли Сухиничи? Что значит «очищаются от автоматчиков»? Ответьте, есть ли в городе немцы?» На что Рокоссовский ответил, что штаб его находится в городе.

В Сухиничах были видны следы поспешного бегства фашистов. На улицах валялись брошенная техника, горы боеприпасов. Во дворе, где квартировал фон Гильс, находилась новенькая легковая машина.

Немцы в шести километрах южнее города организовали прочную оборону. К вечеру в штаб фронта повалили корреспонденты, известные писатели. Некуда было деваться — пришлось отмечать успех нового соединения. Как же, взят такой важный железнодорожный узел, да еще без крови. Словом, был повод хотя бы немножко расслабиться.

В железнодорожной столовой был накрыт стол. Стараниями Ильи Эренбурга и Лобачева нашлись и горячительные напитки. У стола хлопотали две симпатичные девушки. Поначалу они растерялись перед наплывом именитых гостей, а потом притащили из соседних домов стулья, чашки, тарелки, ножи и вилки.

Пока собирались гости, Рокоссовский дал ряд распоряжений Малинину, проверил, как выполняется приказ по нейтрализации артиллерийских точек противника, из которых велся огонь по городу.

Когда он вошел в столовую, его встретили аплодисментами. В хорошо подогнанной форме генерал-лейтенанта, высокий, стройный, с улыбающимися синими глазами, он выглядел сегодня моложе своих сорока пяти лет.

Держался он просто, естественно, как человек, не умеющий подделываться под чьи-то вкусы и настроения. На его мужест-

венном, обветренном войной и морозами лице отражалось все, чем он жил в эту минуту, — удовлетворение от того, что он сегодня сделал для освобождения города. Ему было лестно находиться в обществе этих людей.

Он занял в центре стола отведенное для него место и сразу же подчинился общему настроению: поднимал тосты, смеялся, рассказывал анекдоты, улыбался женщинам, которые тянулись к нему, как бабочки на свет. Он чувствовал себя своим среди этих ярких, интеллигентных людей.

Веселое настроение не покидало Рокоссовского до тех пор, пока он не переговорил со знакомым газетчиком Л. Кудреватых.

— Вы что-нибудь узнали об Андрее Белозерове? — спросил генерал.

— Да, узнал, — ответил Кудреватых.

— Он жив?

— Говорят, жив.

— Где он?

— В НКВД мне дали справку, что Андрей Белозеров находится под следствием.

— В чем его обвиняют?

— Они мне об этом не сказали, сославшись на тайну следствия.

Где-то рядом разорвался снаряд, и в столовой со звоном посыпались стекла. Застолье оборвалось в самый разгар душевных бесед. Гости засуетились, смущенно стали прощаться, будто стыдясь своей торопливости, и быстро разошлись.

3

Потерпев поражение под Москвой, немцы не потеряли боеспособности. Они продолжали перебрасывать войска с запада и укрепляли оборону. Ее основу составляли опорные пункты, расположенные в селениях или в рощах, промежутки между ними минировались, простреливались, усиливались проводочными заграждениями. Под домами строились блиндажи с бойницами для широкого обстрела. Танки закапывались в землю и представляли собой артиллерийско-минометные точки.

В начале февраля поступила директива фронта. Она требовала: «Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

Эта директива застала командарма на КП в Сухиничах. Она вызвала у него сомнения, но он никому об этом не сказал и поехал

обследовать войска, пытаясь разобраться в причинах слабой эффективности нашего наступления. Вернувшись из войска, он поделился своими впечатлениями с коллективом управления армии.

Рокоссовский пришел к выводу: в сложившейся обстановке мы не в состоянии достичь решающего успеха в наступлении. Своими мыслями он решил поделиться с командующим фронта Жуковым.

— Ну, выкладывай, что у тебя наболело, — сказал командующий фронтом, когда Рокоссовский прибыл на КП, который располагался в лесу на окраине села в доме лесничества.

Жуков, заложив руки за спину, мерил тяжелыми шагами конференц-зал лесничества и, нахмутив брови, приготовился слушать командующего армией.

Рокоссовский, облокотившись одной рукой на трибуну, стоял у стола и следил за выражением лица своего непосредственного начальника.

— Что молчишь, говори, — сказал Жуков, повернувшись к командарму.

— Георгий Константинович, — начал осторожно Рокоссовский, — мне не совсем понятно, как можно «изматывать противника наступательными действиями, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы».

— А точнее можно?

— Противник заранее подготовил оборонительные рубежи и уже основательно на них закрепился, — продолжал Рокоссовский. — Гитлеровская Германия не связана военными действиями на западе, и помешать накапливать ей силы за счет переброски войск мы никак не можем. Наша армия такими средствами не располагает.

— Так, так, — с раздражением в голосе произнес Жуков.

— Изматывая противника, мы будем больше изматывать себя, — сказал командарм и пристально посмотрел на Жукова.

— Почему? — Жукову показалось, что в словах Рокоссовского звучит неприкрытый вызов его директиве.

— Одно дело изматывать противника оборонительными действиями, добиваясь уравнивания сил. Но чтобы изматывать его наступательными действиями, когда соотношение сил не в нашу пользу, я этого понять не могу.

— Как это не в нашу пользу? — остановился Жуков напротив Рокоссовского. Он окинул его острым взглядом и после паузы сказал: — По количеству дивизий мы его превосходим.

— Но по качеству отстаем. — Рокоссовский подошел к заранее вывешенной им карте и, вооружившись указкой, продолжил: — Здесь нанесены полки и дивизии, которые занимают оборону на нашем участке. Численность личного состава немецких дивизий в 8–10 раз больше, чем наших. Разведка докладывает, что из дивизий немцев, понесших большие потери, весь рядовой и командный состав передается для укомплектования других соединений, а командование и штабы выведены в тыл для нового формирования.

— Ты предлагаешь учиться у фашистов?

— Разумному учиться не грех и у противника.

— Ничего себе предложение.

— А мы что делаем? — сказал Рокоссовский и, когда Жуков повернулся к нему лицом, добавил: — Продолжаем изматывать свою терпеливую пехоту. В наших подразделениях не только мало солдат и командиров, но не хватает пулеметов, артиллерии, а о танках и говорить нечего. На сухиничскую операцию я наскреб всего лишь десяток машин.

— Ну и что же предлагает твоя умная голова? — с плохо скрываемой иронией спросил командующий фронтом, продолжая расхаживать по комнате.

— Несостоятельность наступательной затеи очевидна. Она выгодна только противнику. — Рокоссовский положил указку и подошел к столу. — Вместо бесцельного наступления надо использовать отвоеванное у противника время на подготовку войск к предстоящей весенней операции. Для этого надо перейти к прочной обороне и пополнить войска личным составом и техникой.

— Ты представляешь, какие трудности переживает страна? — повысив голос, спросил Жуков. — Где мы это все сразу возьмем?

— Вот поэтому спешить не надо — война только начинается.

— До этого мы, выходит, не воевали? — покраснел Жуков. — Константин Константинович, вместо того, что ты тут наговорил, надо подумать о том, как выполнять задачу, поставленную фронтом, Ставкой и Генеральным штабом.

— Что ж, я высказал свое мнение и при нем останусь, — совершенно искренне сказал Рокоссовский. — Что касается директивы фронта, то я ее обязан выполнять.

— Вот и договорились, — произнес на прощание Жуков. Когда командарм возвращался в Сухиничи, настроение у него

было никуда негодным. Его мучила совесть, что не смог ничего доказать Жукову, хотя очевидность его доводов была несомненной.

Машину мотало, трясло на снежных сугробах и, будто в такт этой тряске, металась мысль Рокоссовского. Почему Жуков не хотел понять меня? Или он думает, что я вышел со своими предложениями, чтобы показать себя и высказать несогласие с директивой? Тогда он ошибается. Единственная цель моих рассуждений — сохранение сил для последующего разгрома фашистов. Он не имел права отмахиваться от его доводов. Это же абсурд: сильнейший обороняется, а более слабый наступает, барахтаясь по уши в снегу и служа прекрасной мишенью. Это что, стратегическая неадекватность Верховного Главнокомандования и Генерального штаба? Неужели Жуков со своим авторитетом не может пойти против мнения Ставки и доказать, что наступление в данной обстановке — грубая ошибка. Теперь другие времена, и Сталин вынужден считаться с военными. Он же мужественно выслушал меня по поводу причин нашего поражения в начале войны.

Сколько ни думал, так и не мог он добраться до истинной подоплеку того, почему, как ему казалось, его дельные предложения повисли в воздухе. Выходить с ними в более высокие инстанции у него не было желания. Он и так обжегся, обратившись в Генштаб по поводу отвода войск за Истринское водохранилище, и теперь не хотел снова попадать впросак.

4

Чтобы выполнить директиву фронта, но не терять зря людей и технику, командарм 16-й армии нашел и здесь оригинальное решение: наносить удары последовательно, то по одному, то по другому опорному пункту, создавая для этого превосходство в живой силе и технике. В штабе армии имелись проверенные данные, что немцы собираются всю зиму отсиживаться в обороне и по приказу Гитлера готовиться к весеннему наступлению. Это развязывало руки — можно было маневрировать армейскими силами, не слишком оголяя остальные участки.

На правом фланге армейских позиций на первой такой операции присутствовал командарм. Ночью на господствующей высоте в густом осиннике был оборудован НП дивизии, штурмующей опорный пункт противника.

Начинался новый день. На рассвете клубилась поземка; холодный ветер продувал насквозь. В темноте саперы проделали проходы для танков и обозначили их вежами, пехота заняла исходные позиции. После артподготовки по приказу командира дивизии Кирюхина пошли танки и пехота. Отдельные орудия, заблаговременно пристрелянные по целям, уничтожали ожившие огневые точки. К обеду опорный пункт в селе Попково был взят. Во второй половине дня при поддержке авиации немцы попытались контратаковать, но завязли в снегу и были сразу же уничтожены. Противовоздушная оборона сбила шесть самолетов противника.

Командование и штаб армии убедились, что тактика наступательных действий выбрана правильно – большой успех при минимальных потерях. На очереди были другие опорные пункты, к штурму которых готовились соединения.

8 марта командарм с группой офицеров побывал в частях, готовящихся к боевым действиям, и к вечеру на аэродроме вернулся на КП. Здесь уже царило оживление – командование фронта готовилось к «семейному» ужину по случаю женского праздника. По этому случаю начальник тыла достал где-то три бутылки шампанского.

К Казакову, который был заранее назначен тамадой, приставал Малинин:

– Вася, ты мне скажи откровенно, как ты будешь разливать три бутылки шампанского на добрый десяток здоровенных мужиков?

– Разолью, не беспокойся, тебя не обижу.

В разговор вступил Рокоссовский.

– Как-то Илья был виночерпием на пиру, – говорил он. – Взяв кувшин с вином, он, обращаясь к присутствующим, спросил: «Эй, народ, как бы вы хотели наливать вино – по-божески или по-человечески?» «По-божески, по-божески!» – кричали со всех сторон. Илья обошел присутствующих, – продолжал Рокоссовский, – налил им вино в бокалы: кому каплю, кому полбокала, кому чуть больше, а кому и вовсе полный. Разлив все вино, он отошел в сторонку. «Илья, ты с ума спятил? Мне досталась одна капля. Что ты сделал?» – возмутился Петр. «Петр, народ велел наливать бокалы по-божески, а ведь Бог не всем одинаково отпускает: одному он дает много, другому – мало, третьему – еще меньше. Как Бог дает, так и разливаю». Под общий хохот Малинин спросил:

– Вася, ты сколько мне нальешь?

– По-божески, Миша, по-божески, – рассмеялся Казаков.

Только утих смех и Рокоссовский взял ручку, чтобы подписать приказ об итогах первого штурма опорного пункта, как его оглушило ударной волной и отбросило на середину комнаты. Он лежал на полу и побелевшими пальцами судорожно сжимал ручку, затем, едва разлепив губы, спросил:

– Что случилось?

– У окна разорвался снаряд, – ответил нагнувшийся над ним Лобачев.

Малинин говорил по телефону:

– Срочно врач! Нет, больше не пострадал никто!

Эти слова Рокоссовский услышал отчетливо. Но вдруг тело ослабло, стало каким-то невесомым. Ему казалось, что он парит в воздухе и куда-то улетает. Он сделал движение рукой – другая ему не подчинялась, – чтобы зацепиться за что-нибудь и задержаться, но полет продолжался. На мгновение он увидел Малинина, Казакова, Лобачева. Он с удивлением смотрел на них и не слышал слов, только видел, как шевелились их губы. Он попытался что-то сказать, но не смог – не поворачивался язык. Перед его глазами завертелся потолок и постепенно уплыл куда-то вдаль...

Вдруг все прояснилось, и он увидел отца, мать, сестер, жену, дочь... Перед его глазами прошла целая галерея родных лиц.

К Рокоссовскому бросились друзья, положили его на диван, сняли окровавленный китель. Хирург армии Воронцов, оказывая первую помощь, ответил присутствующим:

– Командарм тяжело ранен, осколок ударил по позвоночнику, прошел между ребрами, пробил легкое. Его необходимо немедленно оперировать. Надо везти в Козельск, здесь ничего сделать нельзя.

– O, Matka boska!.. – бредил Рокоссовский. – Już blisko... Niech Malinin zadzwoni wieczorem... Kiedy i dokąd... Kazakow?..*

Рокоссовский очнулся, когда его несли на носилках в машину. «Это все? – мелькнула у него мысль – Нет... нет... Я должен жить...»

Из Козельска после сложной операции командарма по указанию Жукова на самолете доставили в Москву.

* Матерь Божья!.. Уже близко... Пусть Малинин позвонит вечером... Когда и куда... Казаков? (польск.)

Глава десятая

1

Военный госпиталь, в котором лечился Рокоссовский, размещался в Тимирязевской академии. Ее старинное кирпичное здание стояло, пожалуй, в самом живописном месте столицы. С двух сторон к нему вплотную подходил сосновый лес, с третьей стороны, среди лугов, раскинулись пруды, соединенные рекой. Здесь было раздолье для диких уток.

Апрель был на исходе. Рокоссовский сидел в госпитальном халате на скамейке под липой и любовался тюльпанами. За этой клумбой он наблюдал уже более десяти дней. Он приходил сюда рано утром, когда легкий весенний морозец укладывал на землю тюльпаны вповалку, словно сильный противник своих врагов на поле боя. Он любил наблюдать, как появлялись первые лучи солнца и тюльпаны оживали: они почти незаметно просыпались, поднимались, поворачивали свои желто-красные головки к солнцу и вскоре радовали глаз стройными зелеными ножками.

Природа — вещь беспокойная: она давала отдых телу и тревожила ум. Он не переставал удивляться царству природы. После почти двухмесячного лечения в нем вновь появилось прежнее ощущение жизни. Забота врачей и крепкий от природы организм мало-помалу восстанавливали силы, хотя опасное и тяжелое ранение давало о себе знать: боли в позвоночнике немного утихли, но они не прекращались ни днем, ни ночью.

Рокоссовский глянул на часы: было половина двенадцатого. К нему подошла сестра.

— Константин Константинович, вас просят зайти в палату. К вам прибыл гость.

— Алексей! — воскликнул он, войдя в палату.

— Костя, дорогой! — Лобачев обнял друга, поцеловал. — Ну как ты тут? Как себя чувствуешь?..

— Пошел на поправку. Хотел к маю направиться в войска, но врачи воспротивились. Упрямые как черти!

— Костя, спешить не надо. Это не тот случай, когда нужно то-ропиться.

— Понимаешь, Алексей, я больше устаю от безделья, чем от лечения, — улыбнулся Рокоссовский. — Расскажи, как там наши дела?

— Понимаешь, Костя, обстановка на советско-германском фронте сложилась не в нашу пользу. Продолжительное затишье взорвалось ожесточенными боями. Крымский фронт трещит по всем швам. Под Харьковом положение не лучше.

— А как наша армия?

— Штаб армии уже не в Сухиничах. Калинин отгрохал КП в лесу. Хороший мужик Михаил. Я все время удивляюсь его работоспособности.

— Повезло нам с начальником штаба.

— Армия отбросила немцев до Жиздры. Тактика, которую мы начали применять при уничтожении опорных пунктов, полностью себя оправдала, — продолжал Лобачев. — К сожалению, есть потери. Тяжело ранен командир дивизии Еремин. — Он посмотрел в глаза Рокоссовскому — говорить, не говорить?

— Говори, Алексей, я все равно узнаю, — понимающе произнес Рокоссовский.

— Убит командир дивизии Герой Советского Союза Кравченко. Совершенно глупая смерть.

— Разве умные смерти бывают?

— Да что мы все о делах, о службе, — спохватился Лобачев. — Ты семью нашел?

— Пока нет. Написал письма во все концы. Если живы — найдутся.

Зашла сестра:

— Лечащий врач просит посетителя через десять минут покинуть палату. Больному предстоят процедуры.

— Сестричка, милая, принеси два стаканчика, — попросил Рокоссовский. Через минуту появилась сестра, поставила на стол стаканы, улыбнулась и вышла.

— Понимаешь, ко мне иногда навещаются писатели, артисты и обязательно что-нибудь приносят. — Рокоссовский открыл тумбочку и достал бутылку коньяку. — Не обходится и без таких подарков. Мне баловаться этим зельем нельзя. Но ради друга сегодня разговееусь.

Вскоре Лобачев ушел, и Рокоссовский остался в палате один. Его охватили невеселые мысли. Подумать только, такие события разворачиваются на фронте, а он сидит в этой роскошной госпитальной палате и бездельничает. Теперь его заботило лишь одно: как быстрее вырваться из госпиталя и оказаться на передовой.

Он подошел к окну, закурил. В очередной раз оживали в памяти лица фронтовых друзей, с которыми можно смело идти в огонь и в воду. Он часто видел их во сне и даже слышал голоса то Малинина, то Орла, то Казакова... Целый день прошел под впечатлением разговора с Лобачевым.

Уже поздно вечером, вернувшись с прогулки, он уселся в кресло, начал перелистывать газеты, затем отложил их в сторону. В палате было тихо, а на душе тоскливо. На тумбочке ритмично тикал будильник, на дежурном пункте кто-то громко говорил по телефону, по коридору провезли стонущего больного.

Он вспомнил первые дни пребывания в госпитале. Его осматривали известные ученые-медики. Строгий приговор: ранение тяжелое – пробито легкое, у позвоночника застрял осколок, который в Козельске не смогли удалить. Точки зрения специалистов разделились. Одни ратовали за операцию, а другие утверждали, что хирургическое вмешательство опасно – можно задеть физически важные центры и сделать человека инвалидом на всю жизнь. Последнее слово было за ним. «Раз организм не может жить без железа, то так тому и быть – оставьте осколок в покое», – сказал он тогда, вызвав одобрение у противников операции. И вот теперь этот военный сувенир остался у него на всю жизнь.

Время шло к полуночи, и дежурный врач, обходя палаты, попросил Рокоссовского лечь в постель.

2

Еще одну неделю проскучал Рокоссовский в госпитале. Его самочувствие подсказало окончательное решение: через день-два он должен покинуть госпиталь – хватит, и так провалялся здесь более двух месяцев. Накануне ему принесли из пошивочной Военторга новую, с иголочки, форму. Он прикрепил свои многочисленные ордена, три нашивки за ранения, надел китель и подошел к зеркалу. На него смотрел бодрый, молодой, уверенный в себе генерал-лейтенант. «А что, ничего себе мужик», – подумал он и, улыбнувшись, повесил форму в шкаф. Весь день он был как на иголках, а к вечеру, когда наступила в госпитале тишина, его снова заела скука. Он неожиданно для себя пришел к выводу: есть два врага человеческого счастья – боль и скука. Как только боль уходит и ты не занят ничем интересным и полезным, то тебя тут же начинает изводить скука.

Основное лекарство от этой беды в его случае – возвращение к своим друзьям на передовую. Чувством мести за поруганную фашистами землю, за униженный и оскорбленный народ он был насыщен, как губка.

Сегодня, 23 мая 1942 года, он, как обычно, поднялся рано. В 16 часов этого же дня состоится консилиум врачей, где должна прерваться его госпитальная одиссея.

После завтрака, чтобы скоротать время, Рокоссовский надел форму и вышел за ограду госпиталя.

Из-за леса уже выплыло солнце и обливало все вокруг мягким светом.

Над зеленой травой возвышались белые, голубые, оранжевые и ярко-красные головки цветов. Ему даже показалось, что они, покачиваясь от ласкового дуновения ветра, приветствуют его выздоровление и одобряют его решение уехать на фронт. В лесу звенел голос кукушки, под управлением невидимого дирижера слаженно пел хор птиц. Это пение ему чем-то напоминало рапсодию Мусоргского «Рассвет над Москвой-рекой».

Рокоссовский более часа ходил по тропкам вдоль фасада академии и не мог освободиться от мыслей, которые преследовали его после утреннего обхода госпитального начальства и профессора-консультанта. Лечащий врач мимоходом сказал, что ему, вероятно, придется еще провести в госпитале как минимум недельки две. Но ведь он твердо решил, что не подчинится уговору врачей, если они попытаются продлить лечение. Но не хотелось бы нарушать дисциплину. «Впрочем, все решено, нечего печалиться, завтра так или иначе я буду на свободе», – подумал он и извилистой тропинкой направился в лес.

Здесь пахло смолой, можжевельником и прошлогодними прелыми листьями. Перелетая с места на место, по соснам стучал красногрудый дятел. Где-то печально кричала птичка: пи-и, пи-и, пи-и. Вокруг высились огромные сосны. Их вершины сходились и заслоняли солнце. Надышавшись вволю, Рокоссовский замедлил шаг, на развилке повернул вправо и подошел к пруду, который вился змеей на протяжении нескольких километров.

Вдруг он услышал женский смех. Он повернул голову и на стволе ивы, нависшей над водой, увидел женщину с книгой в руках. Уткнувшись в книгу, она заливалась смехом. До противоположного берега было метров семь, и Рокоссовский заметил, что девушка хороша собой. Загорелое молодое лицо, пышные

пряди светлых волос, цветной купальник подчеркивал стройную фигуру.

Заметив статного военного, не сводившего с нее глаз, она бесцеремонно спросила:

— Что, нравлюсь?

— Не то слово, — улыбнулся он. Впервые за всю войну он увидел полуобнаженную женщину.

— Так в чем же дело, командир, греби сюда.

Рокоссовский в нерешительности промолчал. Он надеялся преодолеть свою застенчивость какой-нибудь шуткой, но, как на грех, ничего остроумного в голову не приходило.

— Что замолчал? Раздевайся, оставь на берегу вещи и плыви, я подам тебе руку, посидим, побалагурим.

— Слишком заманчивое предложение, — растерянно произнес он, — и очень смелое.

— Я свободный человек и не придерживаюсь никаких формальностей, — сказала она, кокетливо улыбаясь.

— А я придерживаюсь.

— То-то и видно, — сказала она, взяв книгу под мышку. — Небось такому красавцу женщины сами на шею вешаются. Хочешь, я сама к тебе подплыву? А? Хочешь?

Рокоссовскому легче было руководить армией на поле боя, чем ответить на этот вопрос.

А между тем время приближалось к обеду.

— К глубокому сожалению, мне пора уходить.

— Да, наверно, скучно слушать болтовню актрисы, — сказала она с веселым упреком. — Я драматическая актриса и готова была взять над тобой шефство. Во мне играет та сила, помнишь, у Чехова, ради которой «вдруг забываются тюки, почтовые поезда... все на свете!» — Она театрально рассмеялась, поправляя свои пышные волосы. — Что не отвечаешь, скучно, да?

— Почему же? — ответил он, сияя улыбкой. — Жаль, что я не располагаю временем.

— Я приду вечером в театр и своим подругам скажу: сегодня красавец генерал был у моих ног... Не возражаешь?

— Просто жалею, что это не так, — ответил Рокоссовский и неторопливо направился в лес. Он украдкой поглядывал на актрису — во взгляде светилось сожаление, что больше он ее не увидит. Посмотрел на небо и, повернувшись, крикнул:

— Будет гроза! Поберегитесь!

Он кипел желанием уехать на фронт, а вместе с тем, оказы-

вается, у него могут появляться и иные чувства. Он шел по лесу, а перед глазами стояла незнакомка.

Вдруг с шумом набежала черная туча и над лесом разразился настоящий бой... В воздухе сверкало, свистело, гремело. Все смешалось в один клубок, и нельзя было определить, какими силами располагают противоборствующие стороны и на чьей стороне будет победа.

Рокоссовский пришел с прогулки промокший до нитки, но бодрый и веселый. Приключение на прогулке вселило в него еще большую уверенность в своих силах, подняло душевный настрой. Раз такие русалки кладут на него глаз — значит, он настоящий мужчина.

Он быстро переоделся в больничное обмундирование и предстал перед консилиумом.

— Константин Константинович, мы тут обсудили течение вашей болезни, — начал профессор, — и пришли к выводу, что вам надо подлечиться еще дней десяток. За это время прочнее зарубцуется рана, и вы, возможно, полностью восстановите силы. Как вы на это смотрите?

— Отрицательно, — уверенно ответил Рокоссовский. — Я прошу меня выписать из госпиталя сегодня. Я постараюсь долечиться у армейских врачей.

— Я бы вас просил не уподобляться инвалиду, которому ампутировали ногу, а он все время забывает об этом, — строго заметил профессор. — У вас очень тяжелое ранение, и, чтобы восстановить здоровье, нужно время.

— Спасибо за все, что вы для меня сделали, — настаивал на своем Рокоссовский. — Прошу вас выписать меня из госпиталя досрочно. Я готов написать по этому поводу расписку.

— Раз вы так настаиваете, — произнес профессор, надевая на нос очки, — то мы силой держать вас не будем, но остаемся при своем мнении. — Он сделал запись в истории болезни и поднял голову. — Мой вам совет — еженедельно показывайтесь хирургу.

— Спасибо, — поднялся Рокоссовский. — Я обязательно воспользуюсь вашим советом.

Профессор снял очки, подошел к генералу, пожал ему руку:

— Мне интересно было общаться с вами не только как с больным, но и как с человеком. Желаю вам дальнейших успехов в борьбе с фашистской ордой.

Рокоссовский поблагодарил медиков и вышел.

1

Юлия Петровна и Ада спали, когда в 4 часа 22 июня к ним постучали в дверь.

— Кто там?

— Игорь Иванов, из штаба корпуса. Меня послал комкор.

«Это война», — подумала Рокоссовская. У нее от страха зашлось сердце.

— Началась война. На сборы тридцать минут, — сказал тревожным голосом Иванов. — Машины на площади у дома.

— Ада, доченька, поднимайся!

— Сейчас, мамочка, — ответила Ада, протирая спитые глаза. — Что случилось?

— Скорее, доченька, война!

Солдаты забрасывали в машину баулы, узлы и чемоданы, помогали женщинам и детям залезать в машину.

Иванов взглянул на часы, сел в головную машину и, открыв дверцу, крикнул:

— Все сели?

— Все-е! — ответили хором пассажиры.

Колонна из четырех машин, вилась по улицам Новгород-Волынска, вышла на дорогу и направилась в Киев.

День набирал силу. Солнца еще не было видно, но ярко-красный ореол уже висел над лесом. С западной стороны доносился непрерывный тяжелый гул, от которого, казалось, дрожала земля.

К десяти часам утра машины прошли около ста километров. Но чем ближе они подъезжали к Киеву, тем страшнее становилась дорога. Тысячи людей ехали на телегах, на каких-то фурах, на сделанных на скорую руку повозках. На каждой из них по восемь — десять пар круглых детских глазенок. А еще больше брело людей рядом с подводами. Женщины и старики, судорожно сжимая в руках узлы, сумки, корзины, изо всех сил стремились на восток. Поднимая тучи пыли, ползли гражданские машины и трактора.

На западе, уныло склонив голову, лишь молодые парни с фанерными чемоданчиками и заплечными мешками. Это были новобранцы, спешившие на свои сборные пункты. Еще не знали эти безусые юнцы, что впереди никаких сборных пунктов нет и что часть из них погибнет на этих дорогах под бомбами и пуле-

метным огнем, а многие окажутся в плену, не успев получить оружие.

При подъезде к мосту, запруженному напуганными людьми, повозками, стояли два командира и, угрожая пистолетами, до хрипоты кричали:

— Остановите машины!.. Такую вашу!.. Дайте пройти людям!.. Пулю в лоб захотели?.. Вы что там, оглохли?..

Вскоре машины остановились в лесу, набитом беженцами. Казалось, эти толпы не рассосутся никогда. В ушах стоял шум, плач и крик. Припекало солнце, на небе — ни облачка.

Вдруг над лесом раздался отдаленный гул и появились немецкие самолеты. Они начали сбрасывать бомбы и обстреливать толпу из пулеметов.

Рокоссовская поминутно бросалась на землю и, накрывая собой Аду, сквозь слезы приговаривала:

— Лежи, доченька, лежи, милая!

Старики и дети валялись на земле, корчась от страха. Рядом молодая женщина свалилась на тюк, перевязанный веревками, и окровавленными руками держалась за грудь.

Когда гул самолетов утих, Иванов сказал:

— Придется потесниться, одна машина подбита.

Три машины поздно ночью прибыли в Киев и остановились недалеко от железнодорожного вокзала. Народу на привокзальной площади — яблоку негде упасть.

Под утро Рокоссовская с дочерью стояли у газетного киоска и ждали Иванова. Рядом с ними находился чемодан и два небольших узелка — все остальные вещи они потеряли по дороге. От усталости и голода их клонило в сон. Ада, прижимаясь к матери, дремала.

В девять часов утра, с оборванными путовицами на кителе и без фуражки, появился Иванов. Он взял чемодан:

— Идите за мной!

Он с трудом посадил их в товарный вагон, приспособленный для перевозки людей.

— До отхода поезда осталось сорок минут. Я скоро вернусь. — С сухарями и несколькими банками консервов он появился за пять минут до паровозного гудка. Он передал пакет Юлии Петровне:

— Вот и все, что я мог сделать.

— Спасибо тебе, Игорек, увидишь мужа... — Она не смогла договорить — ее душили слезы.

— Все будет хорошо, вы едете в Казахстан! — Иванов помахал рукой уходящему поезду и нырнул в толпу.

Оглушительный грохот вагонов, резкие толчки, вытряхивающие последние силы из пассажиров, частые стоянки в тупиках, суетливая беготня за кипятком — все это длилось более трех недель.

Наконец глубокой ночью около десятка семей высадились на станции Атбасар. Зал ожидания, где их разместили, огласился детским плачем, раздраженными женскими криками, жужжанием мух, которые ползали по облупившимся стенам и бились о стекла окон.

Головой к окну, на скамейке, крестом раскинув руки, лежал человек. В изголовье стояли железные костыли. Он был укрыт шинелью. Лица не было видно, только торчал круглый подбородок, поросший черным пушком. Из-под шинели выглядывал пыльный кирзовый сапог.

К нему подошел пожилой милиционер и, откинув шинель, неожиданно рывкнул:

— Встать! Здесь должен сидеть женщин с ребятам!

Человек, глянув на блюстителя порядка, дотянулся рукой до костыля:

— Ходи отсюда, шкур!

Милиционер резво отскочил на безопасное расстояние и, правив на боку пистолет, под пристальными взглядами женщин и детей, гордо подняв голову, вышел из зала.

Юлия Петровна, постаревшая, с покрасневшими глазами, в мягкой шляпке, сидела в углу на чемодане, рядом с ней, прислонившись к стене, стояла Ада. Она то и дело поправляла челку, темным крылом прикрывавшую горящие от нервного перенапряжения глаза, и уговаривала мать выйти на свежий воздух.

На востоке уже занималась заря, а на противоположной стороне небесного свода еще горели созвездия. Было тихо, только едва заметный ветерок перебирал листья пирамидальных тополей. На морщинистом асфальте станционного двора, переходившего в степь, стояло несколько повозок. К ним были привязаны лениво жевавшие солому ослики.

— Мамочка, что будет с нами дальше? — спросила Ада, глянув на изможденного старика в тюбетейке, набросившего на осла какой-то мешок.

— Что и со всеми, доченька, — ответила вяло Рокоссовская. — Нас переправят в какое-то село, и мы будем там жить.

— Где теперь наш папочка?

— Доченька, меньше задавай вопросов, — вздохнула мать. — Фашистов бьет наш папа.

В десять часов утра к ним подошел начальник районного НКВД, он же комендант по распределению и надзору за беженцами. Это был мужчина лет пятидесяти с лицом. Его фамилия была Кириллов, но он был похож на казаха. Он подробно рассказал, кто где будет жить, чем должны заниматься взрослые люди и как должны вести себя дети.

— Прошу иметь в виду, — сказал он в заключение, — в селе Федоровка, где вы будете жить, большинство людей входят в секту христиан-баптистов. У них свои обычаи, свой кодекс жизни. В целом — это трудолюбивые и честные люди. Они не курят, не пьют... У меня к вам настоятельная просьба — присмотритесь к ним и постарайтесь найти общий язык. Иначе жить под одной крышей будет неудобно.

Вскоре их погрузили на четыре повозки и направили к новому месту жительства. До села от станции было около семидесяти километров.

Куда ни кинь взгляд, везде ровная, однообразная степь, выгоревшая до черноты от яркого и знойного солнца. Нигде не видно ни одного деревца, ни цветочка, ни селений, ни хуторов. Только кое-где по сторонам дороги, как сторожевые башни, возвышались одинокие овчарни. Завидев повозки, оттуда выбегала стая волкодавов и, злобно нарычавшись, трусила обратно. Иногда попадались какие-то птицы, которые темными силуэтами двигались по степи на высоких, как у цапли, ногах. Распластав крылья, высоко в небе, высматривая добычу, плавали ястребы.

Рокоссовские ехали на последней повозке. Настроение у Юлии Петровны было гораздо хуже, чем тогда, когда она ехала по степям Монголии. Там был вместе с ними муж, была надежда и не было лишений и страданий, которые они испытывают сейчас. Думала ли она когда-нибудь, что на ее долю выпадет в жизни столько мытарств и горя? Только ожила после освобождения мужа, и вдруг на тебе — новое испытание.

Ада полулежала на соломе и, прищурив глаза от солнца, с тоской смотрела вдаль, куда степь уходила за горизонт. Она была похожа на оперившегося, но не умеющего летать, выброшенного из гнезда птенца.

Под утро следующего дня они доехали до села Федоровка. Оно раскинулось в степи недалеко от истоков реки Ишим, в ни-

зовьях которой Рокоссовский когда-то воевал с колчаковцами. Вокруг зрела пшеница, за деревьями едва просматривались дома. Вдоль улицы по арыкам бежала мутная вода. В селе насчитывалось около пятисот домов.

Рокоссовских поселили в доме Лузанна. Отец семейства, Тимофей Иванович, мужчина лет сорока пяти, без кисти правой руки, которую он потерял на уборке урожая, отвел им комнатушку — четыре шага в ширину и пять — в длину.

Дом по деревенским меркам был просторным — четыре комнаты. У хозяйки дома, полной неулыбчивой женщины лет сорока, Анны Владимировны, было шестеро детей. Старший сын сидел где-то в тюрьме за отказ в армии брать в руки оружие, две девочки и один мальчик ходили в школу, а двое детей были еще малышами.

В доме было чисто. Он был обставлен самодельной мебелью, окна занавешены светлыми шторами. В каждом углу комнат, почти под самым потолком, находились выписки из Евангелия. Они были в рамках и под стеклом. В комнате Рокоссовских было написано: «Отдай сердце твое мне. Притч. 23, 26».

Самая большая комната была предназначена для собраний братьев и сестер — так называли друг друга баптисты. Тимофей Иванович Лузанн был духовным наставником секты.

Лузанны появились здесь более века тому назад из Пензенской губернии. Они добрались сюда, как сотни и тысячи других, в поисках лучшей жизни и новой доли.

Юлия Петровна устроилась учительницей в местной школе, а Ада пошла учиться в седьмой класс.

Прошло более семи месяцев. Жизнь Рокоссовских мало-помалу вошла в определенную колею. Хозяин и его жена называли Юлию Петровну «сестрой» и к ее дочке относились по-родственному.

Иногда появлялся комендант, учинял допросы и, удовлетворенный ответами, надолго исчезал.

За это время Рокоссовская написала в разные инстанции, по различным адресам около десятка писем, но ни одного ответа не получила — или плохо работала здешняя почта или людям, которым она писала, в эту тяжелую пору было не до писем.

Вроде бы все шло своим чередом. Но Рокоссовская начала замечать какие-то странности у дочери: то она замыкалась в себе и не хотела вступать в разговор с матерью, то она пропускала

уроки в школе и неизвестно где пропадала, то на вопросы матери отвечала: «Мама, на все Божья воля».

Сначала Рокоссовская пыталась объяснить эти странности в поведении дочери тем, что ей уже шел семнадцатый год и в этом переломном возрасте могли быть различные причуды. Тем более ее детство было связано с трагическими переживаниями и в течение трех лет оно проходило в постоянном страхе. «Может быть, прошлое и незавидное настоящее будоражат душу ребенка», — думала мать. Но когда она начала глубже анализировать ее поступки, взвешивать, сопоставлять, то пришла к выводу: дочь попала под чье-то сильное влияние и запуталась в каких-то неведомых тенетах.

В один из апрельских дней, это было как раз в субботу, когда баптисты собирались на моление, Юлия Петровна отпросилась с уроков и пришла домой. Ада в это время должна была учить уроки, но в комнате ее не было. Мать не нашла ее и на скамейке у дома, где она часто читала. А тем временем из большой комнаты доносилось заунывное, выворачивающее душу песнопение.

Рокоссовская незаметно вошла в полуоткрытую дверь затемненной комнаты, и кровать у нее прилила к лицу. Рядом с Тимофеем Ивановичем стояла ее Ада и самозабвенно страдальческим голосом пела:

Если путь мой темен, враг идет с грозой,
Все же слышу ясно: «Я, дитя, с тобой».
Лик его на небе буду видеть я.
Буду петь там вечно: не оставь меня.

Лицо дочери и глаза дышали каким-то странным вдохновением, какого никогда она за ней не замечала. Когда протяжные голоса хором подхватили песню, Рокоссовская не выдержала и незаметно вышла.

В течение нескольких дней мать уговаривала, просила, убеждала дочку не ходить больше на собрания баптистов и порвать с ними все отношения, но та стояла на своем.

— Мама, — говорила она, — нет другого пути, чтобы обрести спасение. Со мной бесполезно разговаривать на эту тему: я все равно буду с ними. Там, на небесах, открыта книга жизни. Придет переключка, и если мы в этой книге не записаны, то в Царство Божие не попадем.

Рокоссовская выяснила, что исподволь, почти ежедневно, когда мать с утра до вечера была занята в школе, Лузанн проводил с Адой беседы и его слова легли на благоприятную почву — открытая и добрая душа ребенка приняла баптистские догмы за истину. Она пыталась поговорить с духовным наставником баптистов, но тот неизменно отвечал:

— Юлия Петровна, не берите грех на душу. Господь полюбил Вашу дочь. Как дышит в семени цветок, а дерево в зерне, так и Бог живет в Вашей дочери.

Рокоссовская вынуждена была написать родному брату в Новосибирск, чтобы он принял их. Она разыскала его только несколько недель тому назад и знала, что брат после десяти лет лагерей (это он воевал на стороне атамана Семенова, а потом перешел со своей сотней в ряды Красной Армии) стал инвалидом. Другого выхода у нее не было — она могла потерять дочь. В мае Рокоссовская получила письмо от брата, который согласился принять их в свою семью. Учителя собрали денег на дорогу, и Рокоссовские с разрешения коменданта выехали в Новосибирск.

Ада попала в совершенно другую обстановку и вскоре забывала о своих увлечениях. Юлия Петровна устроилась работать на почту и в июле 1942 года написала обстоятельное письмо в Генеральный штаб, где сообщила свой адрес и просила его передать на фронт мужу. В это время уже вовсю гремело имя Рокоссовского в газетах и по радио. Она могла бы узнать о муже и раньше, но в семьях баптистов не читали газет и не слушали радио.

Глава двенадцатая

1

После зимнего наступления Советская Армия все же вынуждена была весну 1942 года встретить в обороне. Войска вгрызались в мерзлую землю, минировали подступы, ставили различные заграждения. А Ставка и Генеральный штаб разрабатывали план дальнейшего ведения войны.

Страна продолжала активно помогать фронту. К маю 1942 года в действующей армии насчитывалось более пяти миллионов человек, около четырех тысяч танков, более двух тысяч самолетов.

Рассчитывая на обещанное союзниками открытие второго

фронта, располагая такими силами, Верховное Главнокомандование намеревалось не только ограничиться активной стратегической обороной, но и провести ряд наступательных операций: под Ленинградом, на смоленском и курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму.

Оценивая стратегические планы противника, Ставка и Генштаб считали наиболее вероятным с его стороны удар на Москву с обходом столицы с юго-запада. Но, как показали дальнейшие боевые действия, наши стратеги просчитались.

Немецко-фашистское командование тоже активно готовилось к весне 1942 года. Раз молниеносная война провалилась, пришлось думать об изнурительной затяжной войне.

Гитлеровскому военному руководству удалось к маю этого года сосредоточить на восточном фронте более шести миллионов солдат, свыше трех тысяч танков и почти три с половиной тысячи самолетов.

Гитлер и его окружение пока не теряли оптимизма. В директиве № 41 от 5 апреля 1942 года фюрер ставил перед войсками задачу «снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику». Главный удар предусматривалось нанести не там, где предполагало советское руководство, а «на южном участке, с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти через кавказский хребет».

В начале мая развернулись ожесточенные бои, где советские войска потерпели ряд неудач. В середине мая войска Крымского фронта оставили Керчь, пал Севастополь. Под Харьковом фашисты окружили большую часть Юго-Западного фронта. Гитлеровское командование развернуло масштабную подготовку к главной летней операции — удару на Сталинград и Северный Кавказ.

Вот в такой обстановке в конце мая 1942 года Рокоссовский, восторженно встреченный сослуживцами, вновь принимает командование 16-й армией. Именно в этот момент готовилась частная наступательная операция. Армии Рокоссовского и 61-й армии М.М. Попова предстояло отвлечь внимание фашистов от подготовки наступления на правом фланге Западного фронта.

В обеих армиях не хватало людей, и они не могли создать группировку для прорыва фронта. За короткий срок к предстоящему бою было подобрано все, что можно было найти, —

из госпиталей возвратили подлечившихся солдат и командиров, под ружье поставили многих работников тыла. Но и это не помогло.

В конце мая началась операция. Пехота с приданными ей танками сумела потеснить противника, но развить успех не удалось. В ходе боя обнаружилось, что танковый корпус, составляющий резерв армии, расположился слишком далеко от исходных позиций, завяз в заболоченной местности и не успел вступить в бой. За это время противник подтянул свежие силы и установил пехоту. Этот просчет послужил хорошим уроком для командования армии, особенно для начальника штаба Малинина, который, как бывший танкист, сам взялся вводить в бой танковый корпус.

К тому же, стремясь выиграть время для переброски войск, немцы использовали авиацию, которая продолжала господствовать в воздухе. Вклинившись в оборону противника на глубину до десяти километров, армия по приказу командарма перешла к обороне.

Не имела успеха операция, проведенная и в июне 1942 года. Когда все было готово к операции, Рокоссовский находился на НП, устроенном на высоте, откуда прекрасно было видно поле, на котором должно было развернуться наступление.

Из тыла к позициям одной из дивизий подъехал командующий фронтом Жуков. Он был в плащ-палатке, в простой офицерской фуражке. Его «газик» ничем не отличался от обыкновенных батальонных машин. Он слышал ругань уставших солдат и офицеров.

Он подъехал к одному из командиров, на которого указали солдаты.

— Майор, почему у тебя такие злые подчиненные?

— Я сам скоро залаю собакой! — ответил командир полка, почти не глядя на командующего фронтом.

— Чем же ты так расстроен?

— Всю зиму и весну наступаем и наступаем! Азиатские верблюд и то не выдержали бы. В полку осталось чуть более двухсот человек! — майор оторвал глаза от планшета и в испуге произнес: — Извините, товарищ командующий!

— Ничего, майор, ничего, — успокоил его Жуков. — Здесь где-то должен быть командующий армией Рокоссовский.

— Он вот на той высоте, — указал майор, — в трехстах метрах отсюда.

— Держись, майор! Держись! — сказал Жуков и направился к командующему армией.

Когда, после короткой артподготовки, пехота ворвалась в траншею неприятеля, генералы, увлеченные боем, вылезли из окопа и стали наблюдать за наступлением.

— Хорошо, молодцы! Я так и думал! — говорил Жуков, не отрывая глаз от бинокля. — Так, так их, проклятых фашистов!

Рокоссовский закурил и удивленно уставился в небо. Увидев девятку штурмовиков, он потянул за полу палатки Жукова и крикнул:

— В укрытие!

Как только генералы завалились в окоп, вокруг раздалась оглушительные взрывы, с бруствера посыпалась земля, завизжали осколки...

Жуков, заметив звезды на фюзеляжах самолетов, сказал:

— Это наши штурмовики осваивают реактивные снаряды.

— Они специально бьют по командующему фронтом, чтоб убедить его, что они мастера своего дела, — произнес Рокоссовский, примостившись к стенке окопа. Плечи у него тряслись от смеха. — Хочешь не хочешь, а придется поощрять.

Отряхивая пыль с гимнастерки, Жуков что-то буркнул себе под нос и замолчал. К полудню войска 16-й армии были остановлены и по приказу командующего фронтом перешли к обороне. На этом ее наступательные действия под командованием Рокоссовского закончились.

В самом начале июля командарм находился на КП и заслушивал заместителей и начальников служб по результатам поездки в войска.

— Товарищ командующий, на ВЧ Жуков. Просит вас к телефону, — доложил дежурный штабист.

Поздоровавшись, командующий фронтом спросил:

— Как ты считаешь, Малинин справится с должностью командарма?

— Да, разумеется, — ответил Рокоссовский, взглянув на начальника штаба. — Это очень толковый генерал. А в связи с чем возник этот вопрос?

— Ставка предполагает назначить тебя командующим Брянским фронтом. Есть возражения?

— Может, не стоит уходить мне из армии?

— Это решено окончательно, — категорично заявил Жуков. — Предупреди Малинина и немедленно выезжай в Москву.

В Москве только что прекратился дождь; по небу, толкая друг друга, уходили на юг облака; то в одном, то в другом месте между ними появлялись прогалины, из которых выглядывало солнце. Кое-где на асфальте блестели лужи; сердитый ветер стряхивал с деревьев последние капли дождя.

Когда машина с кремлевским пропуском мчала Рокоссовского к Боровицким воротам, он думал не о том, как в 1937 году он шел сюда пешком в Большой Кремлевский Дворец — это уже давно прошло, — а о том, что скажет ему сегодня Сталин. После их откровенной беседы в Кремле прошло около года. «Каким он будет сегодня, — подумал Рокоссовский. — Таким же откровенным, как и тогда, или же совсем другим?»

Когда Рокоссовский вошел в кабинет к Сталину, тот встал из-за стола, накрытого картой, и, выйдя навстречу, произнес:

— Здравствуй, Константин Константинович. — Он поднял глаза на вошедшего. — Как вы себя чувствуете после ранения?

— Я уже об этом начинаю забывать.

Сталин жестом попросил генерала сесть, а сам направился к столу и начал набивать свою знаменитую трубку.

Рокоссовский не заметил в нем особых перемен, разве что он немножко постарел и чуть осунулся.

Присматриваясь к Рокоссовскому, Сталин прикурил трубку, медленно подошел к столу, заглянул в карту.

Бросив мимолетный взгляд на карту, генерал заметил: на ней были нанесены позиции наших фронтов, армий и основные группировки противника.

— Вам придется командовать Брянским фронтом, — начал тихим голосом Сталин, нагнувшись над картой. — Обстановка под Воронежем сложилась для нас весьма неудачно. — Дымя трубкой, он начал прохаживаться по ковровой дорожке. — И это несмотря на то, что командование Брянским фронтом имело в своем резерве четыре танковых и два кавалерийских корпуса, четыре стрелковых дивизии и несколько отдельных танковых бригад. Имея такие силы, — продолжал Сталин, махнув трубкой, — Брянский фронт не только не отразил наступление противника на Курско-Воронежском направлении и не уничтожил армейскую группу гитлеровцев «Вейс», но и позволил ей прорваться на глубину 150 — 170 километров. — Он подошел к генералу, заглянул ему в глаза и спросил: — Как вы думаете, товарищ Рокоссовский, имеем мы право воевать так бездарно?

Рокоссовскому ничего не оставалось, и он вынужден был ответить:

— Бездарно мы воевать не должны, товарищ Главнокомандующий.

— Вот результат беспомощного командования фронтом, — произнес Сталин, усаживаясь за стол. — Фашисты форсировали Дон и ворвались в Воронеж... Мы разделили Брянский фронт на два. Часть его войск отдали Воронежскому фронту, а пять армий и два корпуса оставили вам.

— Какая моя основная задача, товарищ Главнокомандующий? — спросил Рокоссовский, чувствуя, что разговор подходит к концу. Сталин подошел к генералу и после некоторого раздумья сказал:

— Первейшая ваша задача — это не дать противнику прорваться к северу вдоль западного берега Дона.

Рокоссовский встал, собираясь уходить.

— Если у вас имеются на примете отдельные работники, — сказал Сталин, хитро улыбнувшись, — то я помогу вам заполучить их для укомплектования штаба и управления Брянского фронта.

— Я был бы рад у себя видеть М.С. Малинина, Г.Н. Орла, В.И. Казакова и П.Я. Максименко.

Сталин подошел к столу, записал эти фамилии и, раскурив погасшую трубку, добродушно произнес:

— На днях они будут в вашем распоряжении.

— Спасибо!

— Константин Константинович, мы надеемся на вас, — протянул руку Сталин. — Успехов вам.

Солдаты и генералы Брянского фронта сразу же почувствовали опытную руку военачальника. Заместитель командующего фронтом по формированиям П.И. Батов вспоминает:

«К.К. Рокоссовский не любил одиночества, стремился постоянно быть ближе к своему штабу. На Брянском фронте чаще всего мы его видели у операторов или в рабочей комнате начальника штаба. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие встречаются трудности, поможет советом, предложит обдумать то или иное положение. Все это создавало удивительно приятную атмосферу, когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать свое мнение, отличное от суждений старшего. Наоборот, каждому хотелось смелее думать, смелее говорить. Одной из прекрасных черт командующего было то, что он

в самых сложных условиях не только умел оценить полезную инициативу подчиненных, но и вызывал ее своей неугомонной энергией, требовательным и человечным обхождением с людьми. К этому нужно прибавить личное обаяние человека широких военных познаний и большой души.

Строгая, благородная внешность, подтянутость, выражение лица задумчивое, серьезное, с располагающей улыбкой в голубых, глубоко сидящих глазах. Преждевременные морщины на молодом лице и седина на висках говорили, что он перенес в жизни немало. Речь немногословна, движения сдержанные, но решительные. Предельно четок в формулировке боевых задач для подчиненных. Внимателен, общителен и прост».

И действительно, командующий фронтом надежду Ставки опровергал — были отражены все попытки противника продвинуться вдоль Дона к северу. После этого по приказу Верховного командования Брянский фронт перешел к обороне. Теперь основные бои шли юго-западнее. Гитлеровцы, отбросив за Дон соединения Воронежского фронта под командованием Ватутина, продолжали развивать наступление к югу, по западному берегу реки.

3

К июлю 1942 года был оставлен Крым, советские войска потерпели поражение под Харьковом, в Донбассе и под Воронежем. Стратегическая инициатива вновь перешла к фашистам. К концу июля они вышли к Дону и захватили Ростов. Вводя в бой свежие силы, немецкие войска начали стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. Перед фашистскими дивизиями маячили хлебобородные степи Ставрополя, а за ними — нефтяные вышки Баку, снежные вершины Кавказа и экзотика черноморского побережья.

Ставка Гитлера жила ожиданием сообщений, могущих искупить горечь разочарований от проваленных военных планов и заставить мир заново оцепенеть от страха перед силой немецкого оружия. И снова, как и во время битвы под Москвой, стрекотали телеграфные аппараты, стучали пишущие машинки, мчались из Берлина курьеры мировой прессы с баснословными цифрами, из которых следовало — противник повержен и путь на Кавказ открыт.

Положение Советской страны было действительно тяжелым. С невеселыми думами об этом Рокоссовский и Малинин изучали только что поступивший в войска приказ № 227 Народного комиссара обороны И. Сталина от 28 июля 1942 года.

После совещания с начальниками управлений и командующими родами войск по совершенствованию обороны они остались одни. Класс школы, где размещался штаб фронта, был увешан картами, схемами и диаграммами.

Рокоссовский сидел в углу за партой и, как прилежный ученик, следил за начальником штаба фронта Малининым, который, расположившись за столом, читал приказ. Командующий, облокотившись на руки, задумчиво прослушал список перечисленных в приказе районов и городов, которые захватили гитлеровцы, и рассказ о том, как «многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток», о «позорном поведении на фронтах» отдельных командиров.

— Эти слова я подчеркнул красным карандашом, — сказал Малинин и со свинцом в голосе читал дальше:

«Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограниченны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжавшие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов и фабрик. Мы потеряли 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону». Малинин поднял голову.

— Как, Константин Константинович? Здорово сказано, правда?

— Жаль, Миша, что мы начали думать об этом только сейчас, а не перед началом войны, — произнес Рокоссовский. — Читай дальше.

«Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца и политработника является требование — ни шагу назад без приказа высшего командования», — продолжал чи-

тать с воодушевлением Малинин. — Командиры рот, батальонов, полков, дивизий, соответствующие комиссары, политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины».

— Ничего себе, — сказал командующий фронтом и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по классу. Он, как человек, испытывавший на себе ярлык «врага народа», не мог безоговорочно принять такое категоричное требование приказа. В душе он боялся, что, выявляя «предателя Родины», можно наломать дров. Рокоссовский остановился, посмотрел на начальника штаба.

— Что там еще?

Малинин откашлялся, выпил глоток воды. «Сформировать в пределах армии 3 — 5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до двухсот человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте комиссаров, трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной. Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 — 200 человек в каждой), куда направить рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

Малинин отложил в сторону приказ и, чувствуя какую-то смутную вину за то, что принял его содержание с каким-то пылким энтузиазмом, наблюдал за командующим, который стоял у окна с дымящейся во рту папиросой.

— Как ты думаешь, Михаил, где мы подхватили эти радикальные идеи? — спросил Рокоссовский, подойдя к начальнику штаба. — В истории военного искусства я не встречал таких примеров.

— На этот вопрос отвечает сам приказ.

— Любопытно...

«После своего зимнего отступления, — читал Малинин, — под напором Красной Армии, когда в немецких войсках распалась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более ста штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости и неустойчивости, постави-

ли их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свою вину. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их впереди неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой...»

— У немцев многому можно было поучиться, как вести войну, но только не этому, — произнес Рокоссовский, присев за стол. — Ты помнишь, Михаил, я тебе об этом рассказывал, как мы косили таких штрафников под Истрой? Они там начинали.

— Да, помню, — сказал Малинин, положив в папку приказ.

— Хлебнув перед смертью изрядную долю шнапса, они шли на верную гибель. Как бы они угрожающе ни орали, но мы их не боялись. — Рокоссовский снова закурил и глянул на начальника штаба. — Как ты думаешь, с руки ли нам копировать вот такие приказы фашистов?

— Конечно, не от хорошей жизни издали мы этот приказ, — уклонился от прямого ответа Малинин.

— Какая бы жизнь ни была, хорошая или плохая, но гнать на бойню людей я никогда не буду, — категорически произнес Рокоссовский. — Я прошу тебя, Михаил Сергеевич, доведи приказ до всех рот и так далее, но прошу иметь в виду, что требования этого приказа выполнять только после личных консультаций со мной. Мы постараемся сделать так, чтобы у нас не было ни трусов, ни паникеров. А если они, в семье не без урода, кое-где появятся, то мы будем судить их так, как разливал Илья вино. Помнишь?

— По-божески, — рассмеялся Малинин.

— Вот именно, — улыбнулся командующий фронтом.

4

Во второй половине августа Рокоссовского вызвали в Ставку. Когда он вошел в кабинет к Сталину там уже был Н.Ф. Ватутин. Время было жаркое, и Главнокомандующий сразу же приступил к делу.

— Мы вас вызвали для того, чтобы рассмотреть вопрос о взятии Воронежа, — начал Сталин. — Познакомьтесь с обстановкой. Даю десять минут на размышление.

Пока генералы уточняли некоторые детали обстановки, Сталин переговорил с Жуковым о положении дел на Ленинградском фронте.

— Вы готовы доложить свои соображения? — спросил Сталин, подойдя к генералам, стоявшим у карты.

— Да, — ответил Ватутин, вытирая платком вспотевшее лицо.

— Ваши предложения? — Сталин повернулся к Ватутину.

— Форсировав реки Дон и Воронеж, мы организуем лобовую атаку на город всеми силами Воронежского фронта, — говорил Ватутин, размахивая указкой. — Войска Брянского фронта помогают нам своим левым флангом. — Он повернулся к Сталину. — Вот такой, товарищ Главнокомандующий, мой общий план.

— Константин Константинович. — Сталин пытливо посмотрел на Рокоссовского. — Как бы осуществили эту операцию вы?

— Я бы предложил, товарищ Сталин, нанести основной удар не с восточного, а с западного берега Дона, удачно используя положение нашей 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого необходимо подтянуть сюда побольше сил.

— Что это дает? — спросил Сталин, садясь за стол.

— При таком варианте удар по воронежской группировке носился бы во фланг и выводил бы наши войска в тыл противнику. К тому же этот удар неизбежно вынудил бы немцев ослабить свои силы, которые действуют против Юго-Западного фронта. В данной обстановке такой ход операции, как мне кажется, будет наиболее правильным.

Сталин, оценивающе глядя на генералов, набивал табаком трубку.

— Товарищ Ватутин, вы настаиваете на своем варианте? — разгоняя рукой струйки дыма, спросил Сталин.

— Да, настаиваю.

Посасывая трубку, Сталин вышел из-за стола и начал ходить по кабинету.

— Что ж, если Ватутин примет план Рокоссовского, то в случае неудачи свалит на него всю вину. — Он остановился, окинул внимательным взглядом командующих фронтами. — Товарищ Ватутин, освобождайте Воронеж согласно своему замыслу, а мы из резерва Ставки кое-чем поможем.

Надо сказать, что воронежская операция, сроки проведения которой много раз откладывались, успеха не принесла. Войска Воронежского и Брянского фронтов вновь перешли к обороне.

По окончании доклада Ватутин вышел первым, за ним собирался перешагнуть порог Рокоссовский, но Сталин остановил его.

— Константин Константинович, погодите уходить. — Он подошел к открытой двери.

— Товарищ Поскребышев, пригласите ко мне Голикова. Вот вы, товарищ Голиков, жалуетесь, что мы, отстранив вас от командования Брянским фронтом, незаслуженно вас наказали, — произнес Сталин, указывая трубкой на папку, в которой, видимо, лежали документы, имевшие отношение к данному разговору.

Рокоссовский почувствовал себя не совсем уютно. Ему показалось, что он в чем-то виноват перед генералом, приняв у него фронт.

— Да, товарищ Главнокомандующий, — ответил сконфуженный генерал. — Считаю, что меня обидели.

— Тогда скажите, почему на фронте дела шли из рук вон плохо? — повысив голос, спросил Сталин.

— Мне мешали командовать фронтом представители центра.

— Чем они вам мешали?

— Они вмешивались в мои распоряжения, часто их отменяли, — с обидой в голосе сказал Голиков. — Устраивали совещания, когда нужно было действовать, а не заниматься пустыми разговорами. Они старались подменить командующего.

— Так, так, — вышел из-за стола Сталин, раскуривая трубку. — Значит, они вам мешали? Не давали вам развернуть ваш талант?

— Да, они мне мешали, — ответил Голиков и, достав из кармана цветастый носовой платок, вытер им вспотевшую лысую голову.

— Но командующим фронтом были вы?

— Да, я.

— ВЧ у вас было?

— Да, было.

— Почему вы не доложили, что вам мешают командовать? — Сталин остановился против Голикова.

— Не осмелился жаловаться на вашего представителя.

— Вот за то, что вы не осмелились позвонить и бездарно провалили операцию, мы вас и сняли, — недовольно произнес Сталин. — На справедливое наказание жаловаться не следует. Вы свободны.

Голиков двумя пальцами расправил под ремнем гимнастерку и, держа руки по швам, вышел.

— Товарищ Рокоссовский, вы тоже свободны, — сказал Сталин, протянув руку.

В конце августа обстановка на Брянском фронте была относительно спокойной. Фашисты, проведя несколько острых атак, убедились в прочности обороны на этом участке, присмирели и направили основные усилия на юго-восток. Передышка между боями помогла Рокоссовскому вспомнить рекомендации профессора: в течение полугода не менее одного раза в неделю показываться врачам. Он связался с начальником полевого госпиталя и попросил прислать к нему хирурга.

В субботу утром он уладил дела в управлении фронта, направил машину с адъютантом за врачом в госпиталь, который находился в сотне километров в тылу участка фронта, и к вечеру, в расчете на то, что вот-вот должна появиться машина, явился в дом, где его разместили работники квартирной службы.

Хозяева жили неподалеку у родственников, а свой дом временно передали в распоряжение командующего фронтом. Сюда протянули связь, во дворе поставили палатку, где разместили душевую установку, умывальник и другие необходимые удобства.

Начальник штаба поставил у дома часовых, но их убрали по просьбе Рокоссовского. Командующий считал, что для охраны вполне достаточно патрулей, которые постоянно курсировали по деревне, находившейся километрах в двадцати от переднего края.

КП фронта располагался на другом конце деревни, поэтому телефон командующему провели лишь для того, чтобы можно было вызвать его, когда в этом возникнет необходимость. Были созданы все условия, чтобы, пользуясь передышкой на фронте, командующий мог отдохнуть.

Рокоссовский принял душ, переоделся в спортивный костюм, уселся в саду на скамейке и закурил.

Незаметно начала подкрадываться осень. Охрой она проплась уже по полям, лесам и перелескам, а здесь, в саду, заиграла зрелыми краснобокими яблоками и огненными гроздьями рябины. После дождей установились ясные солнечные дни. По улице проходили женщины с детьми, подавали голова коровы. Уходило за горизонт солнце, погружаясь в багряную тучу. В саду было мирно, тихо, словно не было рядом никакой войны.

Вдруг заурчала машина и остановилась у ворот. Открылась калитка, и во дворе появилась невысокая женщина. Она была одета в зеленый армейского покроя костюм, ладно сидевший на крепкой стройной фигуре. Рядом с ней шел адъютант, в руках которого были чемодан и увесистая сумка с красным крестом. Рокоссовский поднялся, бросил папиросу в урну и вышел навстречу.

— Здравствуйте, товарищ командующий, — бодро сказала женщина и, покраснев, протянула руку.

«Где я видел эту симпатичную блондинку? Светлые косы, закрученные вокруг головы?..» — лихорадочно думал Рокоссовский.

— Не узнаете? — спросила, улыбаясь, женщина, подняв на Рокоссовского темные большие глаза.

— Постойте, постойте!.. Валентина Круглова? — расплылся в улыбке генерал.

— Большой Кремлевский дворец, январь 1937 года.

— Спасибо за память, — проговорила Круглова и участливо спросила: — Выкладывайте, как вы живете со своим осколком?

— Живем — не скачем, упадем — не плачем, — весело произнес генерал, разглядывая гостью. — Оказывается, и так можно нормально жить.

— А вы все такой же. — Круглые щеки Валентины вспыхнули ярким огнем. — Все шутите.

— Приходится.

— Где вас можно осмотреть? — спросила врач деловым тоном, который ей был не к лицу.

— Еще успеете, — ответил Рокоссовский. Он повернулся к адъютанту. — Ваня, будь добр, организуй нам ужин. Такая гостья свалилась с неба.

— Есть! Я все понял! — козырнул адъютант, сел в машину и уехал.

— Я думаю, на ночь глядя, вы не поедете обратно в госпиталь? — спросил генерал.

— Нет, я отпросилась на десять дней. Мне надо заехать по делам в Тулу.

— Где бы вы хотели переночевать? — осторожно спросил Рокоссовский. В его взгляде затаилось любопытство.

— Я гостья, а вы хозяин, — ответила Круглова. — Где разместите, там и переночую.

— В этом доме есть две свободных комнаты. Вас они устроят?
— Конечно.
— Вот и хорошо, присядьте на скамейку. Я сейчас вернусь. — Он взял чемодан, сумку и отнес в дом.

— Вам здесь нравится? — спросил он, присаживаясь рядом.
— Очень, здесь так тихо, — сказала с едва уловимой грустью Валентина. — Нет стона раненых, не надо возиться со скальпелем, ломать, резать... Тяжелая это работа.

— А как вы попали на фронт?
— Помните, — она повернулась к Рокоссовскому, — я еще в 37-м говорила, что поступаю в мединститут? Так вот, закончила ускоренный курс, вместо шести училась четыре года. Затем отправилась искать счастья на войну.

— Ну и нашли?
— Мое счастье в том, что я помогаю людям выжить, — ответила Валентина, немного помолчав. — В этом вся моя жизнь.
— А как с личным счастьем? — спросил Рокоссовский, заглядывая ей в глаза.

— Личного счастья нет, я вековуха, — рассмеялась Круглова.
— А кто такая вековуха?
— Н-ну, можно сказать, старая дева.
Рокоссовский подошел к дереву, сорвал самое зрелое яблоко и протянул Валентине:

— Угощайтесь.
— Спасибо, — сказала она, сверкнув благодарным взглядом. — Это не запретный плод? Ведь так хочется попасть в рай.
— Адам и Ева давно нарушили этот запрет. А мы их потомки. Поэтому мечтать о рае не возбраняется, но попасть туда, видимо, очень сложно.

— Через час ужин будет готов, — доложил подошедший адъютант и, повернувшись к Кругловой, спросил: — Может, уважаемый врач после пыльной дороги желает принять душ?
— Спасибо, с удовольствием.

Круглова, взяв чемоданчик, скрылась в палатке, а Рокоссовский помогал сервировать стол. Когда все было готово, он поблагодарил адъютанта и повара, и те уехали на машине командующего в штаб. Дом состоял из трех комнат. В самой большой размещался командующий фронтом. Здесь стояла широкая деревянная кровать, накрытая легким одеялом, на ней горкой возвышались подушки и подушечки. В углу стоял стол, а над ним висела керосиновая лампа. Ее сумеречный свет разгонял лишь

близкую темень, а уже в четырех-пяти шагах от стола с трудом можно было различить стеклянные дверцы шкафа. На стене, в метре от стола, отсвечивало в человеческий рост зеркало. В самой дальней, угловой комнате, которая была отведена для гостей, тоже стояла деревянная кровать, накрытая темным шерстяным одеялом. Рядом находилась тумбочка и небольшой столик. Окна в доме были занавешены плотной темной материей. Видимо, хозяева дома тщательно соблюдали светомаскировку.

Рокоссовский и Круглова уже более двух часов сидели за столом и вели беседу, как старые знакомые. А еще перед ужином Валентина осмотрела рану генерала и нашла ее вполне удовлетворительной.

Генерал был в белой тенниске, подчеркивавшей его крепкий торс, а Валентина надела бордовую кофточку, которая удивительно гармонировала с распущенными до пояса косами, неизвестно как сохранившимися во фронтовых условиях.

Они пили маленькими рюмками армянский коньяк и продолжали разговор. Особенно много говорила чуть захмелевшая Валентина. Рокоссовский с улыбкой слушал звонкий голос Кругловой, и ему казалось, что он у нее, словно горный ручеек: то переливается через камни, то кидается вниз водопадом, то тихим говором нежится на золотом песке.

— Вы, наверное, относите себя к категории людей, которые считают себя непобедимыми? — спросила Валентина, очаровательно улыбаясь.

— Нет, почему же, меня противник иногда тоже бьет, да еще как! — Синие глаза Рокоссовского светились дерзким огоньком.

— А ваше сердце может кто-нибудь завоевать? — Она уставилась на генерала большими черными глазами.

— Оно уже завоевано.

— Кем?

— Женой.

— А где она?

— Вчера сообщили из Генштаба, что она живет в Новосибирске. — С лица Рокоссовского не сходила улыбка.

Валентина расслабилась, раздумянулась, у нее слегка кружилась голова. Обворожительная улыбка и голубые глаза Рокоссовского не давали ей покоя. «Он по-прежнему неотразим», — подумала она, и тут же у нее появилось страстное желание обнять его и поцеловать, но, не заметив в глазах Рокоссовского взаимности, передумала.

— Пора спать, — сказала она. — У меня кружится голова. Спасибо за угощение, — произнесла она выходя из-за стола.

— Я не привык так рано ложиться спать. Я еще покурю.

Круглова зашла к себе в комнату и через некоторое время вышла и подошла к зеркалу. Она была одета в прозрачную ночную рубашку, через которую просвечивали тугие груди. Женщина, словно колдунья, распустила светлые волосы по округлым плечам и, взглянув на Рокоссовского, продолжала «чистить перышки». На загорелом ее лице горячо и влажно блестели глаза. Вспыхивающие искрами серьги придавали Валентине озорно-бесшабашное выражение. Казалось, весь вид ее говорил: ну что же ты медлишь, дурачок?

«Фигура, как гавайская гитара», — назойливо вертелись мысли у Рокоссовского.

Он молча потушил папиросу, встал из-за стола и подошел к зеркалу. Там стояла симпатичная добрая фея, рядом с ней — красавец мужчина с серебряными нитями на висках. У обоих в глазах играл бес-искуситель, а их лица таяли от нежности и счастья.

Он бережно, как драгоценную ношу, взял Валентину на руки, а она обвила его шею, поцеловала и обдала дурманящим запахом духов. Всматриваясь широко раскрытыми глазами в его лицо, она, задыхаясь, сказала:

— Родной мой, я этого счастья ждала пять лет.

...Вместо медового месяца им было отпущено судьбой чуть больше недели.

Каждый день с Юго-Западного фронта приходили безрадостные известия. Преодолевая сопротивление наших частей и соединений, гитлеровские войска километр за километром врзались в нашу оборону и развивали успех, тараня наши отходящие войска.

Рокоссовскому пришлось помогать соседям. По приказу Верховного Главнокомандования он отправил на Юго-Западный фронт сначала один, потом второй, а потом третий танковые корпуса.

В начале сентября обстановка стала еще более тревожной. Противник форсировал Дон, добрался до матушки-Волги и завязал бои на окраинах Сталинграда.

На душе у Рокоссовского становилось все более тоскливо. Теперь он, впервые за время войны, оказался на обочине борьбы — на его фронте тишь да благодать. «Сидишь себе в глухой оборо-

не и наслаждаешься общением с любимой женщиной, — думал он. — А в это время люди, истекая кровью, дерутся за каждую пядь земли».

В воскресенье утром, дав соответствующие распоряжения своим заместителям и начальникам служб, Рокоссовский возвращался на квартиру пешком. Был прохладный осенний день. Легкий ветерок гонял по дороге желтые листья, катал по земле сухую солому. Небо, затянутое клочковатыми тучами, было спокойно-угрюмым. «Завтра же звоню в Генштаб, — размышлял он, подходя к дому, — и прошусь под Сталинград. Неважно, кем командовать, я готов принять корпус, лишь бы быть там, где я принесу больше пользы».

Валентина, словно предчувствуя расставание, нежно прижалась к нему и ласково заглянула в глаза:

— Костя, ты чем-то расстроен?

— Да, Валюша, я обязан уехать на Юго-Западный фронт во что бы то ни стало.

— Я понимаю, Костя, — упавшим голосом произнесла Круглова, на ее глазах заблестели слезы. Она взглянула на него, встала на цыпочки и поцеловала. — Костя, ты можешь меня взять с собой?

— Нет, Валюша, не могу. — Он взял ее руки и поцеловал.

— Чтобы не было раздора между вольными людьми? — она улыбнулась сквозь слезы.

— И это тоже. — Он посадил ее рядом, обнял за плечи. — Прости, Валюша, что так получилось.

— Что ты, Костя, я этим «прости» буду жить до конца своих дней. — Она гладила его волосы и тихо продолжала: — У нас будет ребенок... Я перенесу свою любовь к тебе на нашего малыша и буду счастлива. Ты хочешь, чтобы у нас был ребенок?

— Да, хочу, — сказал он, прижимаясь к ее щеке. — Я буду вам помогать. А теперь я поступить по-другому не могу, не имею права. Я командующий фронтом, и все мои мысли и днем, и ночью должны работать на победу.

— Я тебя искала, когда ты воевал под Москвой. Уже нашла, но испугалась и не приехала. — Она повернула голову так, чтобы видеть его лицо, нежно погладила морщинки, идущие от крыльев носа к уголкам рта, и, всхлипывая, сказала:

— Милый ты мой человек. Ты моя первая и последняя любовь.

Рокоссовский уткнулся лицом в ее пушистые волосы. Она прижалась к нему, словно маленький ребенок, и продолжала

всхлипывать. Они сидели так около получаса, пока не подошла машина.

Вскоре они подъехали к опушке леса, и в двух километрах от деревни машина остановилась. По узкой тропке они прошли в лес. Рокоссовский положил руки на ее плечи, бережно притянул ее к себе и, увидев ее большие, испуганные, полные влажного блеска глаза, прильнул к ее дрожащим губам. Они обожгли друг друга горячим поцелуем, которой будут помнить всю свою жизнь.

Валентина отпрянула, поспешно подошла к машине, не оглядываясь, села в нее и захлопнула дверцу.

Рокоссовский стоял до тех пор, пока машина не скрылась из виду, потом пошел на КП фронта.

Навстречу ему двигались телеграфные столбы, облитые выглянувшим из-за тучи солнцем. С проводов и темных крестовин с фыркающим шорохом сыпались птицы и исчезали над почерневшим неубранным полем пшеницы. Пока месил сапогами высохшую грязь, он все время думал о Валентине Кругловой. Он вспомнил ее мягкую податливость, огонь ее губ, вырывающийся из груди радостный смех, хмельное от любви лицо.

Глава тринадцатая

1

Сентябрь 1942 года подходил к концу. Деревня, где располагался штаб фронта, давно погрузилась во тьму, а в рабочей комнате начальника штаба горел свет. Рокоссовский и Калинин играли в шахматы.

— Если немцы на нашем участке будут спать и дальше, то мы с тобой, Миша, станем военными евнухами, — сказал Рокоссовский, делая ход конем. — Настоящие мужчины воюют, а мы с тобой работаем кое-как, через пень колоду валим.

— А мне наше положение по душе, — улыбнулся Калинин. — Я впервые за всю войну хоть отоспался. — Он двинул вперед офицера. — Шах!

— Ты думаешь, меня напугал? — Рокоссовский закрылся пешкой.

— Не думаю, но все-таки.

Вдруг зазвонил телефон. Из Москвы к аппарату ВЧ вызывали командующего фронтом.

— Снова будут кланчить войска для Сталинграда, — сказал Рокоссовский, вставая.

— Надо отбиваться, у нас самих ничего не осталось.

— Как дела на вашем фронте? — поинтересовался Сталин.

— Без особых изменений, товарищ Главнокомандующий. Перемещения войск не замечено. Мы и противник сидим в обороне.

— А вам не скучно на Брянском фронте?

— Да, скучно, товарищ Сталин.

— Собирайтесь и приезжайте в Москву. Нам понадобился командующий Донским фронтом под Сталинградом. Команду себе подбирайте сами. Брянский фронт примет Макс Андреевич Рейтер.

После разговора с Москвой Рокоссовский весело прошелся по комнате, подошел к Калинин и театрально произнес:

— Михаил Сергеевич, Бог услышал мою молитву. Я еду воевать в Сталинград!

— А мы?

— Всю нашу веселую команду забираю с собой.

Услышав разговор, из соседней комнаты вышел заместитель командующего Батов.

— Товарищ командующий, я готов ехать с вами хоть на дивизию.

— Оставайся пока здесь до прибытия нового командующего фронтом.

— А как моя просьба?

— Павел Иванович, твое желание я разделяю. Думаю, все решим положительно.

На следующий день Рокоссовский уже был в Москве. После разговора с Жуковым он еще больше проникся тревогой за ситуацию, сложившуюся на Юго-Востоке и на Юге. Новое наступление фашистов таило в себе угрозу для страны. Двумя мощными клиньями немцы врзались в нашу оборону, вышли к Сталинграду и продвигались через Ростов на Кавказ.

К вечеру этого же дня Рокоссовского принял Сталин. Кивком головы поздоровавшись, он ходил по кабинету неслышными шагами и, поглядывая на Рокоссовского, как бы оценивая его полководческие способности, молчал. Верховный был мрачен, на его серо-землистом лице застыла тревога.

Вдруг Сталин прибавил шагу, подошел к Рокоссовскому, посмотрел ему в глаза и сухо сказал:

— Надо спасать Сталинград! Немцы прорвались к Волге и режут 62-ю армию Чуйкова на части. Вам следует немедленно вы-

лететь туда и принять командование фронтом. Летите вместе с Жуковым. Счастливого пути.

— Спасибо, — произнес Рокоссовский и в знак доверия изысканно опустил голову. — Постараюсь сделать все, что в моих силах.

Сталин усмехнулся и пожал ему руку. Видимо, такой аристократизм в поведении военных чинов был ему непривычен.

Когда Рокоссовский вышел из кабинета, его одолевали сложные чувства. Слова Верховного «надо спасти Сталинград» резанули по сердцу острой болью. Ему показалось, что в этих словах заключалась горечь отчаяния с едва уловимой надеждой, что еще не поздно найти выход из крайне затруднительного положения. С другой стороны, он гордился тем, что ему выпала честь воевать на самом ответственном участке фронта.

Вылет намечался на утро следующего дня. Он успел встретиться с секретарем Московского комитета партии Г.М. Поповым, который взялся помочь перевести семью из Новосибирска в Москву и пообещал выделить ей квартиру. Это известие обрадовало Рокоссовского, и он, прослушав оперу «Иван Сусанин» в Большом театре, проспал до утра как убитый.

Самолет «Ли-2» поднялся в воздух с одного из московских аэродромов и взял курс на Сталинград. Во избежание встречи с немецкими истребителями он летел почти над самой землей.

В светлом салоне самолета находились два генерала; перебросившись дежурными фразами, они замолчали. Жуков, облокотившись двумя руками на стол, дремал; Рокоссовский, сидя в кресле, смотрел в иллюминатор.

Навстречу самолету летели табуны светло-серых облаков, время от времени маячили блики солнца. Внизу плыли острова лесов, по-осеннему унылые поля, деревни, погосты, серой лентой тянулись прифронтовые дороги, на которых кое-где копошились солдаты, облепившие машины, шли танки и самоходки.

Рокоссовский посмотрел на усталое, но привычно суровое лицо заместителя Верховного и подумал: «Измотали человека работа в Ставке и челночные поездки по фронтам». Не одобрял Рокоссовский такой стиль руководства войсками. Жукову и начальнику Генштаба Василевскому пристало не заниматься гасролями и латать бреши в обороне, а, находясь в центре, куда стекаются все данные, управлять вооруженными силами и планировать операции. Поэтому часто мероприятия, проводимые решениями Ставки, страдают недальновидностью. «Да, — с горе-

чью подумал Рокоссовский, глянув на Жукова. — Неужели представителям Ставки непонятно, что, попадая под влияние «местных условий», они теряют нити общей обстановки и способны принятию Ставкой ошибочных решений».

Рокоссовский вновь прильнул к иллюминатору. Под крылом самолета уже плыли приволжские степи. Темно-бурая поверхность была изрыта траншеями, в которых торчали солдатские каски. Заблестела Волга, вдали были видны контуры Сталинграда. Плотную пелену дыма разрывали яркие вспышки, то тут, то там поднимались в небо огненные языки.

Самолет лег на правое крыло и вскоре коснулся земли. Изпод шасси взметнулись буруны пыли.

— Приземлились? — протер глаза Жуков.

— Да, — ответил Рокоссовский, отправляясь в хвост самолета за багажом.

С аэродрома генералы немедленно направились на наблюдательный пункт фронта, находившийся возле населенного пункта Ерзовка. День был солнечным и ветреным. Машины неслись по фронтовой дорожке, поднимая огромные клубы пыли.

Зарево пожаров над Сталинградом становилось все более страшным. Берег Волги был окутан дымом и огнем. Фашисты по-прежнему пытались сбросить защитников Сталинграда в Волгу. Атака следовала за атакой. Войска Сталинградского фронта (теперь уже Донского) должны были помочь истекающей кровью армии Чуйкова. Армию от фронта отделял коридор около десятка километров шириной. Гитлеровцы захватили его еще в августе, и войска фронта не могли их оттуда выбить.

Когда Жуков и Рокоссовский приехали на НП, заместитель командующего фронтом генерал Гордов, увлеченный управлением войсками, не заметил их прибытия.

— Что, что? Я не слышу! — кричал он надрывным голосом. — Что, поджилки затряслись?.. За это топтание на месте ты будешь отвечать перед судом военного трибунала... Ты на меня не кричи! Я что, за твоё бездействие хвалить тебя должен?.. Так, что ли? Где я тебе возьму танки?.. — нервничал Гордов, не стесняясь в выражениях. Это был невысокого роста худощавый средних лет мужчина с издерганным нервным лицом.

— Знаешь что, генерал-лейтенант, — не выдержал даже Жуков. — Бранью ничего не добьешься.

— Виноват, не заметил!

— Командующий 24-й армией Галанин, — буркнул, оправдываясь, Гордов. — Никогда не промолчит... Я его тоже понимаю: мы требуем активных действий, а у противника в два раза больше сил и средств. Поэтому атаки все время захлебываются.

Услышав поучения Жукова, Рокоссовский не мог сдержать улыбки.

Когда Гордов отлучился по каким-то делам, Жуков спросил:

— Чему улыбаешься? Вспоминаешь подмосковную битву?

— Именно так.

— Но ведь это было под Москвой.

Уточнив обстановку, Жуков и Рокоссовский отправились на КП фронта. Он находился почти на самом берегу Волги. Ночью сюда возвратился и Гордов.

— Я приказал войскам перейти к обороне, — доложил он Жукову.

— Как это — к обороне? — с металлом в голосе спросил Жуков.

— Я вынужден был это сделать.

— Чем вы это объясните?

— У меня не хватает артиллерии, боеприпасов, — резко ответил Гордов. — Меня все время торопят. Войска вступили в бой без подготовки. Нет времени на организацию взаимодействия.

— Кто в этом виноват? — спросил Жуков.

— Я докладывал в Ставку, чтобы дали время на подготовку операции. Оттуда один ответ — наступать.

— Георгий Константинович, — вмешался Рокоссовский. — Доводы генерала Гордова вполне обоснованны.

— Хорошо, — сказал Жуков, бросив неодобрительный взгляд на Гордова. — Константин Константинович, принимай командование фронтом. Разбирайся сам с положением дел. Но при любых обстоятельствах активных действий не прекращать.

— Я это прекрасно понимаю, — проговорил Рокоссовский.

— Подумаем вместе, как это сделать.

— Георгий Константинович, у меня есть одна убедительная просьба.

— Какая? — насторожился Жуков.

— Позволь мне единолично командовать войсками фронта в объеме той задачи, которую мы обговорили в Генеральном штабе.

Заместитель Верховного, генерал армии, резко повернулся в сторону генерал-лейтенанта Рокоссовского и неодобрительно сверкнул глазами. Подобную просьбу он выслушивал впервые. На всех фронтах его присутствие воспринималось с

благодарностью. Он готов был взорваться, но, увидев уверенность и невозмутимое спокойствие командующего фронтом, произнес:

— Ты считаешь, что мне здесь делать нечего?

Рокоссовский пожал плечами и промолчал.

— Хорошо, я сегодня же улечу в Москву. Командуй! — Жуков сухо попрощался, сел в машину и уехал.

2

Так 1 октября 1942 года Рокоссовский начал командовать Донским фронтом. Свои чувства и настроение он выразил в очередном письме к жене и дочери.

«Дорогие мои!

Перелет к новому месту совершил благополучно. Уподобился перелетной птице и потянул на юг. К работе приступил с первого дня и со всем остервенением и накопившейся злобой направил усилия на истребление противника.

Теперь немного о себе. Здоров и бодр. Несколько дней жил в балке, в землянке, чаще бывал в разъездах. Теперь живу в деревянном домике. Это подлинная избушка на курьих ножках.

Здесьняя местность — это копия Даурии. И когда вылез из самолета, невольно начал искать глазами даурский гарнизон. Растительности — никакой, кругом лишь голые сопки да степи. Уже несколько дней дует сильный ветер и поднимает столбы пыли. Придется заводить себе очки, а то начали болеть глаза.

Как живете вы? Пишите обо всем. Буду рад получить от вас восточку. Как только получите приглашение приехать в Москву, немедленно отправляйтесь в дорогу. Квартира вам обеспечена. Не вздумайте задерживаться в Новосибирске, а то мы и так продолжительное время были в разлуке и томились в неизвестности. Ваш К. Рокоссовский».

На новом месте, не раздумывая, Рокоссовский взялся за дело. Вновь, как и под Москвой и на Брянском фронте, ему помогли начальник штаба фронта Малинин, начальник артиллерии Казаков, начальник бронетанковых войск Орел, начальник связи фронта генерал Максименко.

Войска фронта вели активную оборону. Их постоянные удары не позволяли противнику перегруппировать силы. Прочно удерживая рубеж на реке Дон, войска наносили контрудары в

междуречье и тем самым помогали Сталинградскому фронту защищать город.

Для обеспечения прочной связи с войсками, растянувшимися по фронту на протяжении 400 километров, командующий перенес свой КП на хутор Малоивановку, который находился как раз в центре участка. Отсюда легче было организовать взаимодействие с армией Чуйкова. В начале октября фронт оттянул на себя более десятка фашистских дивизий.

Когда генерал Батов зашел под вечер на КП, командующий фронтом говорил по телефону.

— Скажи честно, Михаил Сергеевич, левое крыло фронта мы можем двинуть в контратаку? Все, тогда начинай, как условились. А вместо безвольного командира дивизии назначь толкового командира полка. Приказ отдадим задним числом. Пока.

Командующий фронтом положил трубку, протянул руку Батову:

— Павел Иванович, поздравляю с назначением командующим 4-й танковой армией

— Спасибо, что сдержали слово.

— Но есть одна закавыка, — улыбнулся Рокоссовский.

— Какая?

— В этой танковой армии всего лишь четыре танка.

— Многовато, — рассмеялся Батов.

— Срочно принимай командование, — торопливо проговорил Рокоссовский. — На днях мы ее переименуем в 65-ю общевойсковую армию. Так что не расстраивайся, принимай. Разберешься — доложишь.

За несколько дней Рокоссовский побывал на позициях трех армий. Последним соединением, с которым приехал знакомиться командующий фронтом, была 66-я армия Р.Я. Малиновского. Своим левым флангом она упиралась в Волгу и нависала над Сталинградом. Перед ней была поставлена задача — ликвидировать десятикилометровый коридор. Но немцы здесь сосредоточили большие силы и заняли построенные когда-то нами оборонительные укрепления. И выкурить их оттуда было не так-то просто.

В штабе армии Рокоссовский командарма не застал.

— Родион Яковлевич убыл в войска, — доложил начальник штаба Корженевич.

— Странно, он же знал, что я выехал в вашу армию, — удивился Рокоссовский.

— Сейчас мы его вызовем на КП.

— Не надо, я его сам найду, заодно и с частями познакомлюсь.

Но ни на дивизионных, ни на полковых командных пунктах Малиновского не оказалось. Рокоссовскому доложили, что он находится на ротном опорном пункте. Добрался туда командующий фронтом с трудом. Под артиллерийским и пулеметным огнем пришлось понюхать порошу. Один раз чуть не попал под танк, одно звено гусеницы у которого было сорвано и который, взрыхляя землю, продолжал елозить на уцелевшей гусенице. Видимо, кто-то заметил увернувшегося из-под танка человека. Вдруг открылась крышка люка и оттуда высунулась голова в засаленном шлеме.

— Какого хрена ты здесь крутишься? Тебе что, жить надоело?

— Ты не ругайся, а лучше скажи, где здесь КП роты?

— Дальше, метров триста!

Рокоссовского мучил спортивный интерес: чем может заниматься командарм на самой передовой?

Познакомившись с Малиновским, генерал спросил:

— Родион Яковлевич, вы не находите, что руководить армией гораздо удобнее со своего КП? Разве позиция роты для этого подходит?

Командарм взглянул на закопченное, как у кочегара, лицо командующего фронтом и, сдерживая смех, произнес:

— Все это я прекрасно понимаю, товарищ командующий фронтом. Только уж много развелось начальства и не дает житья своими указаниями. Вот я и прячусь от него.

— Как от нечистой силы, — рассмеялся Рокоссовский. Командующий вымыл лицо, руки и, сев в блиндаже, обговорил с командармом все вопросы, связанные с тяжелым положением армии и непосильными задачами, наметил меры по оказанию помощи.

— Катастрофически не хватает людей, — пожаловался Малиновский. — Три недели тому назад прислали штрафной батальон, и от него уже осталась только половина.

— Как они воюют?

— Прекрасно, — ответил Малиновский. — На одного я послал документы на присвоение Героя Советского Союза.

— Чем он отличился?

— Вечером переоделся в форму немецкого офицера и к утру со своим напарником притащил языка — штабного немецкого гене-

рала, который, изрядно хлебнув шнапсу, очухался только у нас. Говорят, в Москве дает очень ценные сведения.

— Он что, знает немецкий язык?

— Да, в совершенстве. Он еще и снайпер-охотник. Часами подкарауливает фрицев и редко выпускает их живыми.

— Как его фамилия?

— Белозеров.

— Не помните, как его звать?

Малиновский заглянул в записную книжку.

— Андрей Николаевич.

— Где его можно найти? — оживился генерал.

— Его снайперская позиция метрах в пятидесяти отсюда.

— Позовите, — командующий фронтом вышел из блиндажа.

В серой запыленной шинели, в каске, со снайперской винтовкой на плече, по траншее приближался к генералу старшина Белозеров. Не дойдя несколько шагов до начальства, он в испуге остановился, а затем начал пятиться назад.

— Андрей! — воскликнул Рокоссовский, пошел навстречу и заключил друга в объятия.

Обнявшись, они некоторое время стояли молча, а затем, улыбаясь сквозь слезы, сначала тихо, а потом в полный голос запели:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Малиновский и командир роты недоумевающе смотрели друг на друга и не могли понять, что случилось с командующим фронтом.

Немцы, видимо, услышав звуки песни, сделали несколько выстрелов, затем по громкоговорителю закричали:

— Рус! Рус! Скоро буль-буль Вольга! Ха-ха-ха! Буль-буль Вольга!

— Дайте нам только срок, мы вам покажем буль-буль! — сказал Рокоссовский, освободив из объятий Белозерова.

Рокоссовский в нескольких словах пояснил причину всплеска эмоций.

— Товарищ командующий, — сказал Малиновский, — надо отсюда уходить. Нас могут накрыть минометным огнем.

— Со мной пойдет и Белозеров, — произнес Рокоссовский. — Нам не хватает работников в штабе фронта, владеющих немецким языком. — Он повернулся к растерявшемуся старшине. — Андрей, не возражаешь?

— Сочту за честь!

И в этот же миг раздался вой снаряда, летевшего, как казалось, прямо над головами. Это заставило всех пригнуться. Но снаряд разорвался метрах в сорока за окопами.

Пока они выходили из траншеи, немцы сделали еще несколько артиллерийских выстрелов. Постепенно разгорался бой — ружейный и пулеметный огонь становился чаще, а потом перешел в сплошной грохот.

3

Чуткая фронтовая ночь. Небо над Сталинградом охвачено сполохами, словно северным сиянием. Поминутно слышны разрывы бомб и снарядов. Стены деревянного домика послушно отзываются на сильные глухие звуки.

Рокоссовский и Белозеров засиделись за чаем допоздна. Генерал в приказном порядке заставил своего друга разговаривать с ним на равных и на «ты».

— Хорошо, — согласился Белозеров. — Но на людях я буду знать свое место.

Рокоссовский про себя отметил, что Андрей сильно сдал. У него уже не было того огня, который постоянно светился в глазах в прошлые годы. Прежвременная седина и морщины на лице явно говорили о том, что тюремная жизнь не прошла для него бесследно. Теперь он вряд ли с безумной удалью вскочит в стремя и безоглядно пустится вскачь.

Уже ночь перешагнула на вторую половину, а они все еще не могли наговориться. На столе лежали открытые консервы, хлеб и сахар. На углу стоял самовар. Стеклобанная банка, заменявшая пепельницу, была доверху наполнена окурками. Тускло горела керосиновая лампа, едва освещающая две солдатские кровати, стоявшие в противоположных углах комнаты.

— Вот мы тут откровенничаем, — сказал Белозеров и, взглянув на потолок, на стены, спросил: — Тебя тут не прослушивают?

— Нет, конечно, теперь не до этого, — ответил Рокоссовский, улыбаясь. — Здорово же тебя напугали.

— Четыре года тюремных приключений даром не пропали, — сказал Андрей, отхлебывая чай. — Постоянные допросы с зуботы-

чинами и без... Но самым тяжелым для меня испытанием был март 1939 года, когда на суде объявили мои показания. — Ты, конечно, помнишь?

— Ну как же не помнить, — сказал генерал, прикуривая очередную папиросу. — Такое не забывается. — Перед его глазами возникли камеры, следователи, допросы... Он старался не думать и не вспоминать о тех страшных годах, и это ему удавалось, но Белозеров всколыхнул душу, и воспоминания пришли сами собой.

— У меня до сих пор стоит перед глазами председатель суда. Он взглянул на тебя презрительно-победоносно: мол, теперь ты не отвертись — дело о шпионаже в пользу польской разведки сейчас будет подкреплено железными показаниями.

— Да, ты прав, Андрей, это я тоже заметил.

— А сколько же презрения ко мне было в твоих глазах? — Белозеров закурил, помолчал. — Я жалел, что у меня не было пистолета. Единственный выход в моем положении — это пуля в лоб.

— Но у тебя же хватило мужества отказаться от своих показаний, — сочувственно поглядел на Андрея генерал.

— Это был поворотный пункт в моих тюремных похождениях. — Белозеров подошел к койке, взял полотенце и вытер вспотевшее лицо. — Даже в Лефортовской тюрьме из меня не могли выбить ни одного слова неправды, — сказал он, садясь за стол. — Своим взглядом ты преподавал мне урок на всю жизнь. — Чувствовалось, что ему хотелось высказаться. Рокоссовский глянул на часы и спросил:

— Скажи, Андрей, как тебе удалось попасть на фронт?

— Всесоюзному старосте я написал около десятка писем. Я ему изложил всю свою подноготную и просил направить меня на фронт. И только на последнее письмо я получил положительный ответ. — Белозеров потушил папиросу и положил окурки в банку. — Знаешь, чем я прошиб Калинина?

— Ну-ну?

— Я написал о том, что наш вождь и учитель товарищ Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года обратился к советским людям со словами: «Граждане! Братья и сестры, друзья мои!» Я сижу безвинно в тюрьме и являюсь гражданином, братом и другом, к которому обратился товарищ Сталин, — писал я. — После этого никто не имеет права держать меня в тюрьме, так как я готов выполнить просьбу нашего вождя и горю желанием от-

дать все силы на разгром фашизма, а если понадобится, то и жизнь.

— В остроумии тебе не откажешь, — усмехнулся Рокоссовский. — Ну и какой же ты получил ответ?

— Товарищ Калинин поблагодарил меня за патриотические чувства и разрешил направить меня в штрафной батальон.

— Ну что ж, Андрей, поговорили и хватит, лучше об этом не вспоминать. Теперь у нас другая задача — бить фашистов до полной победы. Я уже дал команду начальнику штаба Малинину. Тебе присвоят капитанское звание, и ты будешь заниматься радиоперехватом. Нам нужно знать, о чем говорит противник.

— Спасибо, Костя, я тронут твоим вниманием.

Вскоре они убрали со стола и легли отдыхать.

4

А между тем в Сталинграде шли бои и днем, и ночью — на улицах, в домах, на заводах и на берегу Волги.

Разведчики и политотдельцы фронта, убедившись, что капитан Белозеров в совершенстве знает немецкий язык, задействовали его в полную силу: он вел работу среди пленных, выступал по радио на переднем крае, составлял листовки, обращенные к солдатам противника, прослушивал немецкие переговоры.

— Где вы откопали такого прекрасного работника? — спросил однажды Малинин у командующего фронтом.

Рокоссовский подробно рассказал начальнику штаба о судьбе своего друга Белозерова и попросил:

— Михаил Сергеевич, он человек ранимый, держи его под своим крылом.

— Обязательно. Я ему подыщу более высокую должность. Кстати, он прекрасно ориентируется на карте и обладает каллиграфическим почерком.

С помощью разведки, допроса пленных и радиоперехвата удалось узнать, что Гитлер установил очередной срок взятия Сталинграда. К середине октября, после небольшой передышки, противник перешел в решительное наступление.

Донской фронт получил срочную задачу: разгромить гитлеровцев севернее Сталинграда и соединиться с дивизиями Чуйкова в городе. Эта задача не отличалась новизной. И в этот раз прорвать оборону противника не хватало сил. Но активные действия войск Рокоссовского заставили немцев сохранить свою

группировку в междуречье Дона и Волги. Войска 6-й армии фашистов понесли большие потери и потеряли свою былую боеспособность.

Тем временем в Ставке шло обсуждение плана предстоящего контрнаступления, определялись основные направления ударов, необходимые силы и средства, районы сосредоточения.

Когда план был утвержден Жуковым, Василевским и завершен Верховным, к его обсуждению подключились командование и штабы фронтов. Во второй половине октября работа по составлению плана операции была в основном закончена.

В начале ноября осень уже находилась в обороне, а зима готовилась к решающему наступлению. В природе установилось равновесие: днем моросил холодный дождь, а ночью дули студеные ветры и шел мокрый снег. Утром часто были заморозки.

Во второй половине ночи, когда легкий мороз сковал землю, 4 ноября на хутор Орловский приехали Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Н.Н. Воронов, Н.Ф. Ватутин, командующие армий, члены Военных Советов фронтов и несколько генералов из Генштаба.

Это представительное совещание проводил Жуков. Здесь были заслушаны доклады командующих фронтов и армий, зачитан план операции и обсуждены планы взаимодействия.

Дошла очередь и до 65-й армии Донского фронта.

Генерал Батов коротко доложил о готовности армии к контрнаступлению и, переходя к оперативной обстановке, сказал:

— Экономя ваше время, прошу разрешения начать сразу с выводов о противнике перед фронтом армии.

— Докладывайте, как положено, а выводы мы сделаем сами, — оборвал его Жуков.

— На такой доклад Павел Иванович имеет веские основания, — заступился за него Рокоссовский. — Покажите листы опроса пленных.

Батов положил на стол увесистую папку. Жуков тут же прочитал документы, и на его лице появилась довольная улыбка.

— Вы тут ничего не напутали?

— Нет, — ответил Рокоссовский. — Наш переводчик Белозеров владеет досконально немецким языком. Здесь ошибки быть не может.

Жуков подошел к телефону и вызвал по прямому проводу Ставку. Через несколько минут он докладывал Верховному.

— Товарищ Сталин, ваши предположения о наличии стыка между двумя группировками противника на Клетском направ-

лении подтвердились. Да, это подтвердили пленные румыны и немцы, захваченные войсками Рокоссовского. Нет-нет, сомнения быть не может. Да, товарищ Сталин, это в нашу пользу. Спасибо, передам. — Жуков положил трубку и, повернувшись к генералам, довольно сказал: — Верховный желает всем вам успеха.

Под конец совещания, в узком кругу, Жуков обговорил план будущей операции.

Он подошел к карте и обычным деловым тоном докладывал:

— Хочу обратить ваше внимание на то, что план Ставки масштабен. Предполагается нанести два сокрушительных удара по растянувшимся флангам сталинградской группировки противника, окружить и уничтожить ее. Эту задачу будут выполнять войска трех фронтов: Сталинградский — А.И. Еременко, Юго-Западный — Н.Ф. Ватутин и Донской — К.К. Рокоссовский.

Еременко наносит удар своим левым флангом в направлении северо-запада, Ватутин, действуя с плацдармов на южном берегу Дона, наносит удар в сторону Сталинградского фронта и соединяется с ним.

Жуков попросил генерала из Генштаба поддержать угол карты и, повернувшись к командующему фронтом, продолжил.

— Рокоссовский наносит два удара. Один удар совместно с соседней армией наносит Батов на юго-восток. Он должен заставить противника свернуть оборону на правом берегу Дона. В то же время армия Галанина наступает вдоль левого берега Дона на юг и отсекает войска противника в малой излучине Дона. — Жуков положил на стол указку. — Вот такой, товарищи, кратце план операции.

— Какую задачу будет выполнять армия Малиновского? — спросил Рокоссовский.

— Она остается на месте и сковывает противостоящие части противника, — ответил Жуков и, выйдя на середину комнаты, напомнил: — О масштабах операции можно судить по тому, что она разворачивается на фронте в 400 километров. А войскам, которые будут совершать маневр на окружение, предстоит пройти с боями расстояние в 120 — 140 километров. Я понимаю, что задача непростая. Поэтому каждому из нас надо пораскинуть мозгами, как ее лучше выполнить.

Под конец совещания в голосе Жукова чувствовалась усталость, под глазами появились синеватые круги. Видимо, сказалась бессонная ночь.

Вечером Жуков пригласил Рокоссовского на ужин. Они выпили по фронтовой стопке водки, перекусили, но отвлечься от предстоящей операции не смогли. Они обменялись мнениями о построении войск, об особенностях использования артиллерии резерва Верховного командования, о маневре войск в глубь вражеской обороны.

— Ну, как тебе показалась операция? — спросил Жуков.

— Это первая подобная операция в этой войне, и я думаю, мы зададим перцу фашистам. Я доволен, что все наши предложения учтены, но есть одно исключение.

— А именно?

— Армия Батова действует на главном направлении, а у него в танковых бригадах по 12 — 14 танков.

Жуков достал из полевой сумки расчет сил и средств и, нахмутив брови, углубился в чтение.

— Хорошо, можем тебе выделить около пятидесяти танков. Это максимум, что я могу сделать.

— Это, пожалуй, весомое подкрепление, — произнес Рокоссовский и, заглянув в глаза Жукову, спросил: — Ты не сказал ничего о сроках начала операции. Для нас теперь это самый важный момент.

— Мы планируем начать операцию 9 — 10 ноября. Время не терпит.

— Георгий, поверь мне, это нереально. Мы так можем провалить, может быть, самое важное дело в своей жизни.

— А что прикажешь делать? — возбужденно спросил Жуков. — Дать возможность противнику перехватить инициативу?

— Противник находится в таком состоянии, что для серьезного наступления у него не хватит духу, — это во-первых.

— А что во-вторых? — спросил Жуков, выходя из-за стола.

— А то, что погодные условия не позволят в короткий срок перебросить войска и обеспечить всем необходимым для боя, — убежденно произнес Рокоссовский. — К примеру, переброска артиллерийского полка резерва Верховного командования лишь на 150 километров заняла шесть суток.

— Может, ты и прав, — сказал Жуков и вновь сел за стол. — Я попробую убедить Верховного.

Они допили чай и, попрощавшись, разъехались. На второй день Рокоссовскому позвонил по ВЧ Жуков и сообщил, что операция переносится на 19 — 20 ноября.

Когда стали известны сроки операции, Рокоссовский собрал командующих армиями. Были поставлены задачи по сосредоточению войск, уточнены направления ударов, тщательно разработаны меры для сохранения строжайшей секретности.

— Дух немцев парализован, — заявил командующий армией Галанин. — Они не смогут оказать серьезного сопротивления.

— Нет большей опасности на войне, чем предположение о том, что противник глупее тебя, — вынужден был повысить голос Рокоссовский. — Немцы более года нам доказывают, что они умеют воевать и у них есть чем воевать. Такого арсенала оружия, который собран под Сталинградом, не видела еще ни одна война. — Он гневно взглянул на генерала Галанина. — Вы вынуждаете меня напоминать очевидные факты. Разве не здесь сосредоточены тяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы? Здесь применяется лучшая артиллерия, термитные и разрывные снаряды. Армады бомбардировщиков сосредоточены под Сталинградом. А вы смаете говорить о слабости противника!

— Извините, — сконфуженно сказал Галанин. — Подвели эмоции.

Несколько часов спустя командующие армиями доложили, что прибыли на свои КП.

Донская степь днем была безжизненной, унылой и однообразной. Она была вся усеяна холмиками старых нор, кое-где торчали высохшие кусты дикого терна и боярышника; густо темнел степной ковыль, и носился над степью горький запах полыни. Зато, когда спускалась на землю ночь, все менялось. Чувствовалось, как наливаются силой мускулы готовящихся к сражению войск Донского фронта.

Все, что днем пряталось и таилось по балкам и глубоким ложам от глаз противника, ночью оживало и двигалось на исходные позиции. На фоне горящего горизонта можно было заметить контуры танков, артиллерийских тягачей, машин с горючим и боеприпасами. К запаху полыни и вспаханной войной земли примешивались запахи солдатского пота и нефтяной копоти.

Почти все последние дни перед наступлением командующий фронтом колесил по степи. Вместе с ним трудились работники штабов, начальники всех родов войск и служб армейского и фронтового звена. Войска к установленному сроку сумели совершить перегруппировку и заняли исходные позиции для наступления.

К началу артиллерийской подготовки командующий фронтом вместе с членом Военного Совета Телегиным, генералами Казаковым, Орлом и Руденко прибыл на свой вспомогательный пункт управления на участке 65-й армии. Это был довольно просторный блиндаж, обшитый ольховыми досками; красноватый оттенок дерева придавал этому фронтовому жилью какой-то особый деловой вид. Здесь же находился стол, несколько стульев, рация, на стене висела плановая таблица взаимодействия. У стен по углам — четыре топчана.

До начала артподготовки осталось мало времени, но Рокоссовский успел переговорить со всеми командующими армиями.

Звонок командующему 65-й армией Батову:

— Павел Иванович, дорогой, как настроение?

— Превосходное. Готов выполнить приказ.

— Как противник?

— Нервничает. Всю ночь ведет ружейно-пулеметный огонь.

— Проходы в минных полях готовы?

— Да, готовы.

— Держись, Павел Иванович! От твоих действий во многом зависит наш успех.

Разговор с командующим 66-й армией Малиновским:

— Родион Яковлевич, надеюсь, начальство тебя не достает?

— Нет, товарищ командующий.

— На ротную позицию не собираешься?

— А зачем? Вы отшили от меня надзирателей, я теперь командир-единоначальник и могу позволить себе роскошь управлять войсками из КП.

— Ну, как управляется?

— У меня все готово.

— Вот и прекрасно, давай жару фашистам, как условились.

Рокоссовский повернулся к командующему воздушной армией Руденко.

— Сергей Игнатьевич, как погода?

— Пока нелетная, сплошной туман.

— Авиация работать будет?

— При такой погоде нет.

— Это хуже, — сказал Рокоссовский и покрутил ручку телефона. — Зиночка, достань мне командующего армией. — Иван Васильевич, здравствуй! Скажи, пожалуйста, как твое здоровье?

— В такие моменты Галанина здоровье не подводило.

— Ну что ж, это очень хорошо. Дорогой мой, я тебя очень прошу учесть то обстоятельство, что у тебя очень сильный противник. Переговори еще раз с командирами дивизий. Меня до сих пор в вашей армии волнует шапкозакидательское настроение.

— Не беспокойтесь, товарищ командующий, я понял свою ошибку и на эту тему подробно переговорил с командирами соединений.

— Вот это уже серьезный подход к делу. Желаю успеха.

Рокоссовский взглянул на начальника артиллерии Казакова, а затем на часы: секундная стрелка перескочила деление и будто остановилась на 7.30. И в тот же миг задрожала земля, и следом раздался тягучий непрекращающийся рев. Лицо командующего было по-юношески азартным и напряженным, глаза горели тревожным блеском. Он представил себе, как сотни тысяч солдат и командиров, затаив дыхание, прислушиваются к этому реву и с волнением готовят себя к броску на гитлеровские укрепления. И, вероятно, каждый из них погружается в свой мир, вспоминает родных, близких, думает о самом сокровенном.

Простонал первый залп гвардейских минометов. Мелькнули в облаках огненные хвосты реактивных снарядов и исчезли в сизой пелене. Туман окрасился в желто-багровый цвет.казалось, небо смешалось с землей и этот мир не выдержит напряжения и развалится на части.

Рокоссовский подошел к телефону.

— Павел Иванович, какая у вас видимость? — кричал он в трубку.

— Метров на триста. Но, кажется, туман рассеивается.

— Скоро буду у вас!

До НП армии Батова было недалеко, и командующий фронтом через несколько минут уже был на месте.

Рокоссовский встал у стереотрубы. В 8.50 раздался залп тяжелых минометов — сигнал к атаке. На мгновение все затихло, и вдруг весь плацдарм ожил, зашевелился и заполнился людьми. Командующему было видно, как солдаты выскакивали из окопов, бежали за танками и вместе с ними исчезали в тумане.

Первые линии траншей, расположенных на береговой возвышенности, были взяты с ходу.

Рокоссовский продолжал наблюдать за одним из самых напряженных моментов боя. По извилистому глубокому оврагу, упирающемуся в меловую стену высотой 20 — 25 метров, бежали солдаты, цеплялись руками за стену, лезли вверх и по размок-

шему мелу скользили вниз. Срываясь, падая, они поддерживали друг друга и все-таки преодолевали преграду.

Начал рассеиваться туман, и Руденко доложил, что в бой вступает авиация. На участке фронта Батова наступление развивалось успешно, и командующий, посетив Галанина, направился на КП фронта.

После обеда похолодало и мороз сковал землю. Машина Рокоссовского, крытая зеленым брезентом, виляла по разбитым дорогам, но скорости не сбавляла. Ему хотелось как можно быстрее добраться до цели, чтобы вникнуть во всю картину боя. Глядя на погоду, он не ощущал ни малейшей надежды на то, что она будет на руку наступающим войскам. Наоборот, мороз и снег помогают обороняющимся.

Когда Рокоссовский зашел на КП фронта, Малинин доложил, что сегодня, 23 ноября, части Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе хутора Степного. В неплотном кольце оказались 6-я армия и часть 4-й танковой армии фашистов общей численностью свыше 300 тысяч человек.

Рокоссовский хорошо понимал, что успех операции будет достигнут тогда, когда войска Донского фронта увеличат темпы наступления и не позволят противнику перебросить танковые и механизированные войска к месту прорыва. Для того чтобы окружить задонскую группировку немцев, надо срочно брать Вертячий. Это понимала и Ставка. Поэтому появилась такая телеграмма.

«Товарищу Рокоссовскому. Копия: товарищу Василевскому. По докладу Василевского, 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят. Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

23.11.42 г. 19 часов 40 минут. Сталин».

Прочитав телеграмму, Рокоссовский закурил и внимательно посмотрел в карту, лежащую на столе. Затем зашел в соседнюю комнату к Малинину, который говорил по телефону.

— Три — пять километров! Позор!.. Что мы будем сообщать в Ставку?

— Ты с кем разговариваешь?

— С Батовым, — прикрыл рукой микрофон начальник штаба.

— Можно прервать разговор?

— Пал Иваныч, переговорим чуть попозже, — немного остыл Малинин.

— Не надо так грубо говорить с командующим армией, — присел у рации Рокоссовский, — ему тошно и без твоих нотаций.

— Уж больно низкие темпы наступления.

— А что, от крика они увеличатся? — произнес Рокоссовский.

— Давай решать такую задачу: кому поручим брать Вертячий? Я был у Галанина и убедился, что это дело ему не по плечу.

— Почему? — с возмущением сказал Малинин. — Мы ему дали для поддержки первого эшелона семь артиллерийских полков и четыре полка гвардейских минометов. Это же большая сила.

— А толку мало. Он из рук вон плохо организовал взаимодействие между танкистами, пехотой и артиллерией.

— Будь моя воля, я его давно бы отстранил от должности.

— Не будем торопиться, Миша, за одного битого двух небитых дают. Ясно одно: с такими темпами наступления его армия Вертячий возьмет нескоро. Поэтому я предлагаю поручить эту задачу Батову.

— Это мужик надежный. Он добьется своего.

— А за что же ты на него кричал?

— Попался под горячую руку.

Рокоссовский подошел к телефону.

— Машенька, мне срочно нужен Батов. Павел Иванович, дорогой, выручай.

— Я готов, товарищ командующий фронтом.

— Вертячий за вашей армией, быстрее перегруппируйся и начинай. Ты понимаешь, с его взятием мы запираем кольцо окружения на замок.

— Хорошо, постараемся выполнить задачу.

— Как будешь форсировать Дон? Лед пока может выдержать только пехоту.

— У меня инженеры — сообразительные мужики и смогут его нарастить.

— Каким образом?

— Ночью настелят на лед доски, сучья, соломенные маты и обольют все это водой.

— Павел Иванович, умница, — улыбнулся Рокоссовский. — Мы подбросим тебе от Галанина два полка артиллерии и пару полков гвардейских минометов.

— Спасибо.

Вскоре командующий 65-й армией доложил план захвата Вертячего и командующий фронтом с ходу его одобрил.

6

— Ну что, капитан, как дела? — спросил Рокоссовский у Белозерова, который принес ему папку со свежими данными о противнике, которые были получены с помощью радиоперехвата.

— Спасибо. Лучше не придумаешь. — Генерал взял документы и кивнул на стул. — Пока я читаю, попей чайку.

«Радиограмма Гитлера Паулюсу: «6-я армия окружена. Я знаю шестую армию и ее командующего. Я знаю, что в создавшемся положении они будут стойко держаться. 6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы ей помочь и выручить ее. Я своевременно дам ей свои приказы».

«Немецкое командование приказало: превратить подступы к Вертячему в зону смерти. С солдат и офицеров взять подписку — если сдадут Вертячий или сами сдадутся в плен, то семьи их будут расстреляны».

«Наши тексты, неоднократно передававшиеся на немецком языке по радио, и листовки, разбросанные в больших количествах на территории, занятой гитлеровцами, оказывают разлагающее влияние на солдат и офицеров. Растет недоверие к Гитлеру. Часть немецких офицеров переселена в солдатские землянки, чтобы улучшить надзор за солдатами».

Телефонный звонок оторвал Рокоссовского от бумаг.

— Да-да, это я.

— Товарищ командующий фронтом, — докладывал Батов. — Двумя дивизиями форсировал Дон.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Превосходно. Выезжаю к вам немедленно.

Рокоссовский положил папку в сейф и сказал Белозерову:

— Андрей, так держать! Твоей работой довольны все.

— Спасибо.

— Продолжай искать свою семью. Мои уже находятся в Москве и сразу же включились в борьбу с фашистами.

— Каким образом?

— Юлия Петровна участвует в работе Антифашистского комитета советских женщин, — с гордостью сказал Рокоссовский. — А дочь учится в школе разведчиков-связистов и собирается к партизанам в Белоруссию.

Командующий фронтом проводил Белозерова и сел в машину.

7

Время приближалось к полудню. Машина катилась по проторенной степной дороге, словно по битому стеклу. Она шла по земле, где только что прогремели бои. Глаза Рокоссовского топились в сероватой мгле, окутавшей безбрежную степь. Солнце выглянуло сквозь плотные дымчатые облака и тут же спряталось, будто ему неприятно было смотреть на развороченные машины, танки, вспаханные снарядами мерзлые глыбы земли, кровавые пятна на потемневшем от гари снегу.

Чем ближе подъезжал командующий фронтом к позиции 65-й армии, тем больше он проникался убеждением, что эта грандиозная операция должна завершиться успешно. Теперь уже стало ясно, что на одном дыхании нельзя расчленить и разгромить окруженную группировку. Надо срочно брать Вертячий, замкнуть кольцо окружения и не дать возможности противнику закрепиться на внешнем обводе. Теперь это основная задача фронта. К вечеру Рокоссовский уже был на НП генерала Батова.

— Немцы ждут удара с севера, — докладывал Батов. — Там они укрепились основательно. — Он показал на карте пулеметные точки, противотанковые орудия, надолбы, инженерные заграждения. — А мы, форсируя Дон, обойдем селение с юго-западной стороны. Здесь гитлеровцы не так сильны.

— Что ж, умное решение, — улыбнулся Рокоссовский.

Батов подтянулся, на лице его сияла довольная улыбка.

— Разрешите выполнять?

— Давай, Павел Иванович, покажи немцам, на что способен генерал Батов.

Донские берега окутала темень. По дороге, построенной саперами и морозом, катились танки и артиллерия. Доносился то ропливый перестук топоров. К утру штурмовые отряды, поддержанные танками, медленно начали продвигаться в глубь селения с юго-западной стороны. Вторая группа, переправившаяся через Дон раньше, ударила по западной окраине, а третья — по северной. Командиры соединений донесли: встретили упорное огневое сопротивление.

— Что будешь делать, Павел Иванович? — спросил Рокоссовский.

— Там, где встречу сильное сопротивление, оставляю заслоны для блокирования, главными силами обхожу Вертячий с юга.

— Я бы тоже так поступил, — закурил папиросу командующий фронтом.

Утром следующего дня были получены донесения авиаразведки: замечено активное движение противника от Вертячего на восток.

К обеду передовые части армии уже были в 12 — 15 километрах восточнее селения и уничтожали отступающих фашистов. На внешнем обводе гитлеровцы были уничтожены полностью.

Рокоссовский и Батов зашли на КП немецкой дивизии. Увидев огромное помещение глубоко под землей — сверху двенадцать накатов бревен, — командующий фронтом сказал:

— Ничего себе устроились. Видно, собирались отсиживаться здесь не один месяц. — Он глянул на командарма и усмехнулся. — Фашисты только одного не учли.

— Чего именно?

— Что против них воюет невысокого роста, но крепкий телом, духом и умом русский генерал Павел Батов.

Командарм покраснел, одобрительно посмотрел на Рокоссовского, засмеялся и ничего не сказал.

Вокруг хутора немцы построили целый подземный город: блиндажи с перекрытиями, защищавшими от 152-миллиметровых снарядов. Здесь были размещены армейский госпиталь и до двух тысяч наших бойцов, захваченных фашистами в плен летом 1942 года.

Все попытки немцев остановить мощную группировку советских войск не увенчались успехом.

В фашистском тылу царил паника. Первый адъютант штаба 6-й армии В. Адам свидетельствует:

«От отдела снабжения до моста через Дон у Нижнечерской было уже недалеко, но то, что мы теперь пережили, превзошло все, что было раньше. Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт, они наезжали друг на друга, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы.

Тот, кто спотыкался и падал, уже не мог встать на ноги. Его затапывали, переезжали, давили. В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству...»

Оборонительная идея противника, после того как он оказался в «котле», была ясна: попытаться перемолоть наши силы и выйти из окружения. Вот что писал Э. Манштейн * в декабре 1942 года начальнику генерального штаба сухопутных сил Германии:

«Вполне возможно, что русские окопаются здесь и истекнут постепенно кровью в бесполезных атаках, что Сталинград станет, таким образом, могилой для наступающего противника».

Ноябрьское наступление закончилось. Площадь, на которой находились 22 дивизии противника, уменьшилась к этому времени в два раза. На первый взгляд, казалось — еще одно героическое усилие, и враг будет уничтожен. Но сделать это не удалось. Противник занял построенные нами укрепления и организовал прочную оборону.

Рокоссовский из своего КП связался по ВЧ со Сталиным.

— Товарищ Главнокомандующий, я считаю целесообразным операцию по ликвидации окруженной группировки противника поручить одному фронту — Сталинградскому или Донскому, подчинив ему все войска, действующие под Сталинградом.

— Мы обдумаем ваше предложение, Константин Константинович. — ответил Сталин. — К Вам выезжает начальник Генштаба Василевский, обсудите с ним все вопросы.

В Зварыгино, где размещался КП и штаб Донского фронта, шел спор и выяснялись точки зрения на дальнейший ход операции.

— Александр Михайлович, — говорил Рокоссовский на совещании руководства фронтом, которое проводил начальник Генштаба, — я предлагаю дать войскам хотя бы небольшой перерыв для перегруппировки сил. После направления трех пехотных дивизий и семи полков артиллерии на внешний фронт окружения мы ослабили и без того малочисленные соединения фронта. В создавшейся обстановке другого выхода нет. — Он вооружился указкой и подошел к карте. — Как мы видим, внешний фронт окружения проходит на удалении от 40 до 100 километров от «котла». Это облегчает ликвидацию противника внутри кольца.

— Так в чем же дело? — спросил Василевский.

— А дело в том, что не хватает сил для проведения этой операции.

— Ставка требует в начале декабря начать новое наступление, — категорично заявил начальник Генштаба. — Пока люди горят энтузиазмом, это надо делать, чем быстрее, тем лучше.

— В данном случае энтузиазма мало, — сказал командующий фронтом. — Но если так остро ставится вопрос, я предлагаю проводить атаки без длительной артподготовки.

— Это уже что-то новое. Почему? — с недоумением спросил Василевский и, облокотившись на пухлые щеки, не сводил глаз с Рокоссовского.

— Нами замечено, что нашу длительную артподготовку противник использует для того, чтобы подтянуть резервы к месту предполагаемого удара, затем огнем и контратаками отражает наше наступление.

— Константин Константинович, в ваших рассуждениях есть рациональное зерно, — оживленно сказал Василевский и вышел из-за стола. — И что вы предлагаете?

— Я предлагаю выделить хорошо подготовленные части, усиленные артиллерией и танками, и захватывать ими отдельные вражеские объекты, — говорил Рокоссовский. — В целях сохранения внезапности атака должна проводиться быстро, без артиллерийской подготовки, как днем, так и ночью.

— А как же артиллерия? — Василевский подошел к командующему фронтом и начал изучать на карте расчеты сил и средств при таком варианте атаки.

— Штурм предполагается начинать одновременно с открытием артиллерийского огня по атакующему объекту, — пояснил Рокоссовский, обращаясь к схемам. — Как только пехота, сопровождаемая танками, врывается на первую линию вражеских окопов, артиллерия переносит огонь в глубину и на фланги. А в это время стрелковые подразделения блокируют огневые точки, уничтожают их и развивают успех вглубь.

Василевский грузно уселся за стол и, повернувшись к члену Военного Совета Телегину, спросил:

— Константин Федорович, а вы как относитесь к этим нестандартным предложениям?

— Мы их обсудили на Военном Совете и считаем, что метод последовательного захвата отдельных вражеских объектов в нашей ситуации является наиболее приемлемым, — бойко ответил Телегин. — У нас с командующим разногласий нет.

— Раз у вас нет, то у меня тоже нет, — улыбнулся Василевский.

Хотя противник разгромлен не был, но своими активными и напористыми действиями войска Донского и Сталинградского фронтов нанесли ему большой урон в живой силе и технике, заставили его расходувать немногочисленные боеприпасы. Гитлеровцы были отеснены от Дона в сторону Волги на 20 — 30 километров, а кольцо вокруг противника сжалось еще крепче.

И все-таки протяженность линии фронта по кольцу составляла 170 километров.

На всем этом пространстве надо было держать плотный и прочный заслон, который бы удерживал противника и не позволял ему вырваться из кольца. Холмистую степь, изрезанную множеством балок с крутыми обрывистыми берегами, немцы использовали в качестве надежных укрытий, где размещали склады, сосредотачивали тактические резервы, развертывали штабы.

В юго-восточной части низины, где протекала река Рассошка, имелось много ровных площадок, очень удобных для посадки самолетов (снабжение осажденных происходило по воздуху). Берега реки были усеяны населенными пунктами, превращенными противником в мощные узлы обороны, которые маскировались толстым слоем снега. Сильные степные ветры, пурга, морозы свыше 30 градусов — все это затрудняло наступление наших войск.

Рокоссовский неоднократно выходил в Ставку с просьбой об усилении фронта дополнительными силами и средствами, и наконец ему направили 2-ю гвардейскую армию, которой командовал известный ему боевой генерал Р.Я. Малиновский.

Не дожидаясь подхода этой армии, командование фронта приступило к подготовке наступления. Представитель Ставки Василевский принимал самое активное участие в разработке операции.

8 декабря 1942 года разыгралась сильная метель, и командование фронта с трудом добралось до командного пункта армии Батова в Вертячий.

После обеда состоялся Военный Совет фронта. На нем присутствовали: Малинин, Казаков, Телегин, Батов и Малиновский.

— Нам предстоит окончательно доработать план операции по уничтожению окруженной группировки немцев, — говорил Рокоссовский. Он стоял у оперативной карты. — В плане операции заложена основная идея, которая заключается в том, чтобы вна-

чале расчленил войска Паулюса на две части, а затем каждую из них уничтожить отдельно. Для этого наши войска наносят главный удар по центру с запада на восток, а Сталинградский фронт наносит встречный удар с юго-востока на запад. По ходу наступления мы должны координировать свои действия так, чтобы встреча фронтов состоялась в самый короткий срок.

Командующий фронтом показал на карте и подробно доложил весь ход операции, а затем предоставил слово Малинину.

— Вторая гвардейская армия, которая составляет наиболее мощный ударный кулак фронта, полностью укомплектована и имеет в своем составе хорошо оснащенный механизированный корпус, — медленно говорил начальник штаба фронта. — Мы предлагаем ввести ее в бой на стыке 65-й и 21-й армий. На главном направлении рассекающего удара будут наступать силы трех армий. Это должно обеспечить успех операции.

К вечеру Военный Совет фронта принял план операции, а 11 декабря он был утвержден Ставкой. Наступление было намечено на 18 декабря. Но все карты спутал Манштейн — он нанес удар из Котельникова 12 декабря.

Разногласия в верхах военного командования Германии — отводить окруженные войска Паулюса на юго-запад или оставить на месте — были разрешены Гитлером:

«6-я армия остается там, где она находится сейчас. Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск — выдержать осаду».

Гитлеровскому командованию удалось создать ударную группировку «Дон», в которую входило (без окруженных войск Паулюса) до 30 дивизий. Во главе этой группировки был поставлен генерал-фельдмаршал Манштейн. Наступающие танковые дивизии этой группы создали угрозу прорыва внешнего кольца окружения.

Вечером 12 декабря в штабе Донского фронта в Зварыгино Василевский, не на шутку встревоженный наступлением Манштейна, решил довести обстановку до Рокоссовского и командующего 2-й гвардейской армией Малиновского.

— Закройте шторы и зажгите свет, — произнес Василевский, тревожно расхаживая по комнате.

Его адъютант одну за другой закрыл темные шторы, включил свет и вышел.

— Константин Константинович, — сказал Василевский, сев за стол и склонившись над картой. — Обстановка на Сталинград-

ском фронте не позволяет нам начать операцию по разгрому окруженной группировки Паулюса.

— Почему? — спросил Рокоссовский.

— Я намерен вторую гвардейскую армию направить навстречу наступающим войскам Манштейна. Сегодня же буду просить об этом Ставку.

Рокоссовский подошел к карте, некоторое время изучал направление удара группы Манштейна, состав ее сил. Затем, спросив разрешения у начальника Генштаба, закурил, прошелся по комнате, еще раз изучил карту.

— Я не согласен с таким использованием армии Малиновского, — сказал он наконец. — Я буду отстаивать свое мнение перед Верховным.

— Это ваше право.

— Я со 2-й гвардейской еще до подхода Манштейна разгромлю дивизию Паулюса. А потом всеми силами навалимся на группировку «Дон» и с ней покончим.

Через несколько часов состоялся разговор со Ставкой. Начальник Генштаба доложил Сталину о начавшемся наступлении противника и необходимости принятия срочных мер по недопущению прорыва внешнего кольца.

— Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску 2-й гвардейской армии с Донского на Сталинградский фронт. Когда разгромим Манштейна, можно будет подумать и о Паулюсе. Он от нас не уйдет.

— Вы уже и так долго возитесь с Паулюсом! — гневно произнес Сталин. — Пора с ним кончать! И вообще, вы постоянно просите резервы у Ставки, причем для тех направлений, за которые отвечаете. — Верховный явно был не в духе. — Рокоссовский рядом с вами?

— Да.

— Передайте ему трубку.

— Как вы относитесь к предложению Василевского? — услышал Рокоссовский глухой голос Верховного.

— Отрицательно, товарищ Сталин.

— Что вы предлагаете?

— Я думаю, следует сначала разделиться с окруженной группировкой.

— А если немцы прорвутся?

— В этом случае против них можно повернуть 21-ю армию.

Сталин помолчал, а затем сказал:

— Передайте трубку Василевскому.

В течение нескольких минут Василевский слушал то, что ему говорил Верховный, а затем вновь начал доказывать необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту.

— Еременко сомневается, что может отразить наступление противника своими силами, — говорил покрасневший от волнения начальник Генштаба. — Да, товарищ Сталин, передаю.

— Константин Константинович, — сказал Верховный, — Ваше предложение действительно очень смело, но риск чересчур велик. Мы здесь в Государственном Комитете Обороны сейчас все рассмотрим, взвесим все «за» и «против». Но, видимо, с армией Малиновского вам придется расстаться.

— В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут уничтожить Паулюса. Я прошу вас тогда отложить операцию.

После некоторого раздумья Верховный сказал:

— Хорошо, временно приостановите операцию. Мы вас подкрепим людьми и техникой. Я думаю, вам надо прислать Воронова, он поможет усилить вашу артиллерию.

Ставкой было принято предложение Василевского, а операция «кольцо» (разгром окруженной группировки) отложена.

Усилия Гитлера оказать помощь Паулюсу провалились: контрудар Манштейна не состоялся. Его войска были разгромлены и откатились на юг. Бушевавшая уже пять месяцев Сталинградская битва вступила в свою последнюю фазу.

Глава четырнадцатая

Юлия Петровна, закончив работу в Антифашистском комитете советских женщин, пришла сегодня домой пораньше. Она ждала дочь, которую не видела уже две недели. Как раз была суббота, и Ада обещала приехать.

Двухкомнатная квартира Рокоссовских ничем не отличалась от обычной квартиры того времени. В спальне находились две кровати с тумбочками, в другой комнате — платяной шкаф, стол, четыре стула, скромная кухонная мебель — вот и все, чем на первых порах могло обеспечить государство семью полковника. Видно было, что жильцы квартиры привыкли к чистоте и порядку, заботились о том, чтобы придать своему жилищу уютный вид. Юлия Петровна протерла полы, заменила постельное

белье, приготовила ужин и с нетерпением стала ждать дочь. В школе разведчиков-связистов Ада занималась уже более месяца. Мать не одобряла выбор дочери. Она хорошо понимала, что будущая военная профессия единственной дочери связана с большим риском и ей придется переживать не только за мужа, но и за дочь. Она просила, умоляла ее не поступать на эти курсы, даже пыталась припугнуть запретом, но Ада настояла на своем и поступила так, как считала нужным. Она мотивировала свой выбор тем, что ей уже пошел восемнадцатый год и она обязана внести свой вклад в разгром фашистов. Если она этого не сделает, то перестанет себя уважать. Зная характер дочери, мать отступила и смирилась.

Закончив домашние дела, Юлия Петровна надела праздничный костюм, который она не так давно купила в Новосибирске, подошла к зеркалу и начала причесываться. Она увидела усталое похудевшее лицо, седые нити в черных волосах, морщинки вокруг глаз и едва заметные складки на шее. «Начинаю стареть, — с грустью подумала она. — Интересно, а как выглядит Костя? Ведь мы не виделись целую вечность».

В школе Аду уважали за старание и усидчивость, а возможно, и за то, что она дочь прославленного генерала. Девушка мечтала о том, как она будет перелетать линию фронта, затем будет плыть над зелеными рощами, лесами, как потом будет ходить по партизанским тропам, жить в землянках и постоянно поддерживать связь с Большой землей.

Сегодня она завороченно прослушала выступление начальника Центрального штаба партизанского движения Пономаренко.

Похоже, это юное создание многое унаследовало от отца.

С видом счастливой студентки Ада вышла из здания школы. Погода была морозной, и она, вдыхая всей грудью свежий воздух, шла, скрипя сапожками по снегу, до трамвайной остановки. Военная форма необыкновенно ловко сидела на девушке. В щепетильной опрятности офицерской шинели, в зеленой юбке, в легких сапожках, в заливхатски одетой военной шапке, из-под которой выбивались пряди черных волос, чувствовалась кокетливость молодой девушки, сознающей свою привлекательность. На ее смуглом красивом лице постоянно присутствовала улыбка. Многие восхищенно смотрели вслед крепкой, ладно сложенной фигурке девушки.

Вскоре она прыгнула с подножки трамвая, прошла по переулку и забежала в подъезд. На первом этаже Ада открыла почто-

вый ящик, взяла письмо, поцеловала его и, прыгая через ступеньку, поднялась на четвертый этаж, нажала на кнопку звонка.

— Заходи, доченька, заходи! — открыла дверь Юлия Петровна.

— Здравствуй, мамуленька! — бросилась на шею матери Ада.

— Ой, Ариадна, какая же ты уже взрослая! — воскликнула Рокоссовская, снимая с дочери шинель. — Как твоя учеба?

— На четыре и пять, — подняла вверх ладонь Ада. — Все говорят, что из меня выйдет хорошая связистка.

Сидя за ужином, Ада с живым блеском в глазах рассказывала о занятиях в школе, о жизни белорусских партизан, об их борьбе с фашистами, о том, как им доставляют оружие, боеприпасы. В ее рассказе чувствовалось, что она уже жила затаенным ощущением опасности и романтической неизвестности.

По мере того как дочь открывала ей тайны своей будущей работы, у матери все больше сжималось сердце. Сами собой оживали долгие дни и ночи, когда ее Ада была совсем маленькая. Как хотелось Рокоссовской вернуться в то время, каким было счастьем — даже сердце трепещет, чуть только вспомнишь! — надеть малышке пижамку, положить ее спать, нежно целовать, петь ей песни и сочинять сказки.

Когда они закончили пить чай, Ада вышла на середину комнаты и, загадочно улыбаясь, проговорила:

— А теперь, дорогая мамочка, у меня для тебя приготовлен сюрприз!

— Что за сюрприз?

— Спляши, тогда скажу.

— Ада, не томи душу, — сказала мать, будто о чем-то догадываясь.

— Помнишь, когда нас папа учил танцевать польский танец краковяк?

— Помню.

— Тра-та-та-та-та-та-та, — вихрем завертелась Ада по комнате. — Ладно, мамуля, открываю секрет. — Она достала письмо, села рядом с матерью и начала читать.

«Дорогие мои, Люлю и Адуся!

Вчера получил от вас два письма, и это был для меня настоящий праздник. Я спокоен, зная о том, что мои дорогие существа живут в Москве и думают обо мне. Не знаю, чем объяснить то обстоятельство, что я не получал от вас писем целых три месяца. Я ужасно соскучился, и ваше молчание обострило мою тоску. Рад, что вы неплохо устроились.

Прошу тебя, дорогая Юлия, не волнуйся, не строй никаких мрачных предположений. Ранен я был в область грудной клетки, кое-что пробито, но не опасно. Организм у меня оказался железным и помог мне преодолеть опасность».

Юлия Петровна приложила платок к глазам.

— Ну что ты, мама? Послушай, что папа пишет дальше.

«Я сейчас здоров, работы очень много, и приходится часто недосыпать. Вот и сейчас пишу, а глаза так и слипаются. Только что вернулся с позиций, и так хочется прилечь, но посетителей очень много и приходится их принимать — дела не терпят промедления. Воюем мы неплохо, бьем фашистов и еще будем бить. Это только цветочки, а ягодки еще впереди.

Горю желанием видеть вас. На фронте при совершенно невероятных обстоятельствах встретился с Андреем Белозеровым. Он теперь работает у нас в штабе.

Милая Адуся! Спасибо за письмо. Не забывай папу и береги маму. Твой выбор стать разведчицей-связисткой я одобряю и горжусь тобой.

Не беспокойтесь, у меня будет все хорошо. Целую вас крепко. Ваш Рокоссовский».

Юлия Петровна и Ада проговорили допоздна, а потом, пристроившись за столом, писали письма на фронт. Сиреневый абакжур освещал их любящие, сосредоточенные лица.

Глава пятнадцатая

1

В конце декабря в кабинете Сталина проходило заседание Государственного Комитета Обороны, на котором обсуждался план дальнейших военных действий под Сталинградом.

Жуков обрисовал общую обстановку, делая упор на то, что противнику не удалось прорвать внешний фронт окружения и теперь настала пора расквитаться с Паулюсом. Он зачитал план разгрома окруженной группировки немцев, представленный Военным Советом Донского фронта. В составлении плана принял участие Н.Н. Воронов, который прибыл 19 декабря в Зварыгино.

Когда речь зашла о проведении операции по разгрому Паулюса, Сталин вспомнил предложение Рокоссовского.

— Руководство по разгрому окруженной группировки противника под Сталинградом нужно передать в руки одного чело-

века. — Он вышел из-за стола и направился к выходу. На полдороге остановился. — Сейчас действия двух командующих мешают делу. — Верховный оглядел членов комитета и спросил: — Кому поручим окончательную ликвидацию противника?

На выполнение этой важной, ответственной и почетной задачи были два претендента: командующий Донским фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский и командующий Сталинградским фронтом генерал-лейтенант Еременко.

Члены Комитета обороны, переглянувшись, молчали.

Каждый из них хорошо понимал, что сейчас они должны горько обидеть одного из двух боевых генералов. Но многие знали, что Сталин высоко ценил полководческий талант Рокоссовского и хотел, чтобы называли его имя.

— Так кому поручим? — Сталин провел рукой по лицу, слегка поправляя усы.

— Рокоссовскому, — слышались голоса.

Один Жуков сидел молча и для отвода глаз листал какие-то бумаги.

Сталин пристально посмотрел на Жукова и, сделав несколько шагов по кабинету, заметил:

— А вы что молчите, товарищ Жуков?

Последнему выбирать было нелегко. Много лет, еще с ленинградских курсов, он знал того и другого. Он был твердо уверен, что оба заслужили почетное право добить Паулюса.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил Жуков. — Еременко, конечно, будет обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— А что важнее — обида или интересы дела? — нахмурился Верховный, прикуривая трубку.

— Конечно, дело, — произнес Жуков.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал Сталин и, сделав паузу, сказал: — Товарищ Жуков, позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета обороны.

В этот же день 30 декабря в войска ушла директива:

«С 1 января 1943 года 57-ю, 64-ю и 62-ю армии передать в состав Донского фронта. Сталинградский фронт с 1 января ликвидировать. Средства, отпущенные Сталинградскому фронту для проведения операции «Кольцо» 57-й, 64-й и 62-й армиям, — передать Донскому фронту».

Эта телеграмма, как раз накануне Нового года, застала Рокоссовского в Зварыгино на КП фронта.

— Константин Константинович, поздравляю, — сказал Малинин, зачитав директиву с порога.

— Я уже знаю, мне звонил Жуков, — проговорил Рокоссовский. — Теперь знаешь, какая у нас главная задача?

— Конечно, уничтожить группировку Паулюса.

— С этой задачей мы справимся, меня тревожит другое.

— Что именно?

— Как избавиться от представителей Ставки, — сказал Рокоссовский. — Сталинградский фронт ликвидирован, и они могут двойным прессом навалиться на нас.

— Но они же вас побаиваются?

— Это единственная надежда, — улыбнулся командующий фронтом и подошел к Малинину. — Миша, у нас есть возможность впервые за годы войны по-человечески встретить Новый год. Передай Телегину, пусть возьмет все хлопоты на себя.

— Мы уже с ним об этом говорили. Думаю, встретим праздник по-настоящему. По моей команде летчики уже доставили настоящую елку, — довольно сказал Малинин.

Рокоссовский удивленно взглянул на начальника штаба.

— Да? Замечательно. Всех гостей, которые находятся в расположении фронта, надо пригласить на встречу Нового года.

— Обязательно, — весело произнес Малинин, уходя от командующего фронтом.

Рокоссовский закурил и подошел к окну, протер бумагой запотевшие окна и увидел утопающие в снежных сугробах дома с квадратными окнами, разрисованными морозом. В вечерних сумерках рядом с домами серебрились деревья. Надвигалась тихая морозная ночь. В холодной глубине неба уже проклюнулись звезды.

Рокоссовский долго стоял в уединении и, взволнованный решением Ставки, думал о том, как переговорить с Еременко, чтобы тот не держал на него обиду. Он давно знал Еременко и видел в нем умелого военачальника с обостренным чувством собственного достоинства. Он представил себе на миг реакцию генерала на директиву Ставки и тут же подошел к аппарату.

— Девушка, милая, дайте мне командующего фронтом.

— Он просил его не тревожить.

— Скажите, что Рокоссовский звонит.

— Хорошо, попробую вызвать.

— Андрей Иванович, это ты?

— А кто же еще!

— Здравствуй, дорогой!

— Поиздеваться надо мной вздумал?

— Ни в коем случае. Извини, пожалуйста, что так получилось. Но это произошло не по моей воле. Впереди у нас еще много сражений, так что ты не принимай близко к сердцу. Ты сделал очень много, чтобы загнать Паулюса в ловушку. И я уверен, что ты провел бы операцию лучше меня.

— Ладно, Костя, не будем об этом. Я пропустил фронтовые стограмм, и мне на душе стало легче. А то, что ты позвонил, молодец, я бы до этого не додумался.

— Андрей Иванович, я поздравляю тебя с Новым годом, желаю тебе здоровья и всего-всего хорошего.

Рокоссовский положил трубку, и его лицо светилось радостью — с души у него свалился огромный камень.

Командующий фронтом достал из сейфа карту, развернул ее на столе, вооружился цветными карандашами и начал намечать детали операции, которые не вошли в основной план.

2

В спортивном зале школы села Зварыгино были накрыты праздничные столы. Посередине стояла новогодняя елка, украшенная подручными средствами, а краснощекий генерал Малинин исполнял обязанности Деда Мороза. На нем был вывернутый наизнанку солдатский тулуп и мохнатая, из белой овчины шапка.

Рокоссовский обзвонил всех командующих армиями, членов Военного Совета, дежурных телефонисток и для каждого нашел теплые, нестандартные слова.

Когда во втором часу ночи он зашел в спортзал, все гости уже были навеселе. Заметив Рокоссовского, Дед Мороз громовым голосом объявил:

— К нам пожаловал на встречу Нового года командующий Донским фронтом, гроза фашистов Константин Константинович Рокоссовский!

Привлекая взгляды гостей, генерал в некоторой растерянности остановился посередине зала. В новой форме, начищенных до блеска сапогах, он казался еще стройнее и выше. Он внимательно оглядел зал, и его взгляд остановился на единственной женщине в этой мужской компании. Та, держа в руках стакан водки, осторожно вышла из-за стола. Он успел рассмотреть ее раскрасневшееся лицо, фигуру. Она была молода, красива. По

излишнему румянцу на пухленьких щеках было заметно, что она охотно поддержала не один тост.

— Штрафную Рокоссовскому, штрафную! — звонко говорила писательница Ванда Василевская, стараясь не расплескать содержимое стакана.

— Ванда, дорогая, — взмолился Рокоссовский. — Я такими дозами никогда не пил.

По их поведению было видно, что они были знакомы.

— Такой крепкий и симпатичный мужчина и не может выпить стакан водки? — Она окинула взглядом гостей, ища их поддержки, и продолжила: — Вы когда-нибудь видели такое?

— Нет, не видели! — громче всех воскликнул Корнейчук, муж Василевской. Он уже был в хорошем подпитии.

— Нет, Ванда, не могу! — улыбаясь, отрекся Рокоссовский.

Василевская состроила обиженную гримаску и очаровательно надула губки.

— А если женщина хочет, чтобы вы это выпили. — Она поставила на ладонь стакан. — Тогда как?

— Чего хочет женщина, того хочет Бог, — рассмеялся генерал и взял стакан. — За Новый год! За новые наши успехи в борьбе с фашизмом! За здоровье всех присутствующих на этом вечере! — Он опрокинул стакан водки и, взяв под ручку Ванду Василевскую, подошел к столу.

Он сидел между генералом Телегиным и Корнейчуком. Вскоре зашел разговор о пьесе писателя «Фронт».

— Вы читали эту пьесу? — спросил Корнейчук.

— Да, Александр Евдокимович, читал, — ответил Рокоссовский.

— Мы вместе с ней познакомились, — добавил Телегин. — Ваш командующий Горлов — колоритная фигура. Я таких видел на фронте, которые хвастались, как и он: «Я старый боевой конь. Я не привык ломать голову над картами».

— Так теперь воевать нельзя, — сказал Рокоссовский. — Действовать без размышлений — это явный проигрыш. Мы и так наломали дров в начале войны. Ваша пьеса затронула наши военные болевые точки. Она крепко ударила по нашим ретроградам.

А тем временем праздник продолжался. Гости веселились, рассказывали друг другу истории из своей жизни, сочувствовали друг другу, выслушивали предположения. Несмотря на

старания Ванды Василевской придать застолью непринужденность, мужчины продолжали говорить о войне, об открытии второго фронта, о предстоящих боях по уничтожению группировки Паулюса.

Корнейчук на радостях, что его пьесу высоко ценит сам Рокоссовский, позволил себе расслабиться, и майор Белозеров отвел его в комнату школы, где писатели остановились на отдых после посещения различных участков фронта.

Под утро неугомонная Ванда Василевская организовала конкурс по исполнению песен. Каждый из участников вечера должен был спеть хотя бы один куплет песни своего народа. Она сама с Рокоссовским исполнила несколько песен на польском языке, которые вызвали бурю оваций. Немногие из присутствующих знали, что командующий фронтом обладает таким нежным и приятным голосом.

Наконец, дошла очередь и до Деда Мороза. Малинин как мог отнекивался, ссылаясь на то, что ему на ухо наступил медведь и он полностью лишен музыкального слуха.

— Обладатель такого густого баса не может плохо петь, — наступала Ванда. — Михаил Сергеевич, за Вами долг. Я не отстану от вас, пока Вы его нам не вернете.

— Тогда закрывайте чем-нибудь уши, — засмеялся Малинин и подошел к елке.

— Э-э-эх! Ле-е-е-тя-ат у-у-utki-и-и, ле-е-е-тя-ат у-у-utki-и-и и два-а гу-у-ся-а, — Малинин извлек из своей медной глотки сверлящие и скрипящие звуки такой силы, что у многих гостей засвербило в ушах. Это была мелодия не протяжной русской народной песни, а, скорее всего, призыв о помощи зажатого в тиски человека или же боевой клич самого воинственного дикого племени. Все, и трезвые и подвыпившие, пожилые и молодые, катились от смеха и никак не могли прийти в себя.

— Миша, Миша, остановись! — поднял руку Рокоссовский, держа руки за живот.

— А что, я могу продолжить! За мной дело не станет, я только оседлал мелодию, — сказал Малинин, вытирая вспотевшее лицо.

— Майор Белозеров! — произнес Рокоссовский.

— Я вас слушаю!

— Эту песню в исполнении начальника штаба фронта запиши на пленку и перед началом атаки включи по громкоговорителю. Немцы будут в шоке, и мы их возьмем голыми руками.

— А я что говорил, — невозмутимо сказал Малинин, снимая доспехи Деда Мороза. — Я обманывать не привык.

Василевская подошла к Малинину и поцеловала его в щеку.

— Эту встречу Нового года я никогда не забуду.

Вскоре присоединился к компании начальник Генштаба Василевский, он ехал на Воронежский фронт. Он все пытался выяснить: нет ли у него с Вандой общих родственных корней.

Проводив начальника Генштаба, Рокоссовский и Василевская прогуливались по деревенской улице. Заканчивалась новогодняя тихая ночь. Над снежным саваном лился бледно-розовый лунный свет.

— Как теперь живет наша Варшава? — произнесла задумчиво Василевская, кутая лицо в воротник кофужа.

— Какая может быть жизнь при фашистах? — сказал Рокоссовский, стараясь идти в ногу.

Они говорили о будущем Польши, вспоминали Вислу, делились впечатлениями о своем детстве, которое во многом было похожем.

— Интересный вы человек, — сказала Ванда. Она взяла Рокоссовского за руку и повернула к себе лицом. — Дайте я вас поцелую.

— Поцелуй такой женщины — очень заманчивая вещь, — усмехнулся Рокоссовский. — Но нам пора спать. Часа через три я выезжаю принимать войска Сталинградского фронта.

— Долг прежде всего?

— Да, Ванда, долг прежде всего. — Он застегнул ей на верхнюю пуговицу кофужок, подвел к дверям школы и, поцеловав в щечку, весело произнес: — До встречи в Варшаве.

— До свидания, — усмехнулась Василевская и скрылась за дверью.

После встречи Нового года Рокоссовский еще некоторое время не мог уснуть. Он подумал о сотнях тысяч солдат окруженной немецкой армии, которые в эту морозную ночь, забившись в ледяные норы ждут своего часа. Впереди у них — никакого просвета, их ждет только гибель. Он понимал, что они оккупанты и сеют на нашей земле смерть, но помнил и рыцарское правило — лежачего не бьют. Генералу были чужды мстительные чувства. Перед тем как заснуть, он подумал об ультиматуме. Если фашисты его не примут, то, по крайней мере, он снимет с себя вину за бессмысленные жертвы.

К обеду 1 января Рокоссовский выехал знакомиться с новыми тремя армиями, которые он получил согласно решению Ставки: 57-я армия Ф.И. Толбухина, занимавшая юго-западный фланг кольца окружения, а также 64-я армия Шумилова, блокировавшая противника с юга, показались командующему фронтом надежными соединениями. Он дал указание Малинину подкрепить их людьми и техникой, а сам выехал в 62-ю армию В.И. Чуйкова.

С восточного берега Волги Рокоссовский и его спутники сквозь серую пелену дыма, измороси и тумана с грустью смотрели на искалеченный Сталинград, на пепелища и развалины.

Запасшись досками и веревками для переправы через разрушенные участки льда, командующий фронтом и сопровождавшие его работники штаба вступили на дорогу жизни 2-й армии — на искореженный лед, с торчащими, словно руки утопленников, бревнами, устланный соломой и ветками.

Заметив группу командиров, немцы открыли артиллерийский и минометный огонь. Чтобы добраться до противоположного берега, пришлось кланяться земле и даже ползти по льду.

На правом берегу Волги необычность обстановки поразила командующего фронтом. Высокие и крутые прибрежные откосы защищали армию от прямых попаданий вражеских снарядов. В откосах, как гнезда стрижей, располагались землянки, блиндажи, укрытия для техники. Взглянув на отмели, на прибрежный лед, испещренные воронками, глыбами мерзлой земли, Рокоссовский подумал: «Это работа навесного огня гаубиц и минометов. Несладкая здесь жизнь».

Командарм Чуйков, среднего роста, широкий в плечах, с потемневшим лицом, встретил командующего фронтом на берегу реки и провел на командный пункт, оборудованный также на прибрежном откосе. Он доложил о позициях, занимаемых армией в развалинах на волжском берегу, и силах и средствах, которыми он располагал на этот час.

Рокоссовский пробыл у Чуйкова целый день. Подводя итоги, он обнял командующего армией за плечи:

— Василий Иванович, я не нахожу слов, чтобы выразить то, что вы сделали для обороны Сталинграда. Спасибо вам за все — за мужество, за стойкость, за невиданную храбрость.

— Что вы, товарищ командующий фронтом! — покраснев,

произнес Чуйков. — Разве под Ленинградом и Севастополем люди делают меньше?

— Вам, Василий Иванович, предназначена особая роль в этой войне.

Рокоссовский довел до командарма задачу, которую он должен выполнить в ходе операции «Кольцо», и уехал на КП фронта.

По пути он заехал со своей группой в 66-ю армию Жадова. Здесь они осмотрели рубеж, который еще недавно занимал противник, и воочию убедились, насколько сильны были его позиции. На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа валялись наши подбитые танки.

— Это нам напоминание, — кивнул Рокоссовский, — о поспешных и бесполезных контратаках наших войск в период выхода немцев к Волге.

Уточнив обстановку и пообедав у Жадова, генералы поспешно набросили на себя полубухи, надели папахи и вышли на мороз. Пройдя по снежной тропе несколько сот метров, они сели в машины и уехали на КП фронта.

По дороге Рокоссовского вновь одолевали думы о предстоящей операции. Ее начало намечено на 6 января, но теперь он убедился, что фронт не будет готов к этому сроку наступления — многие эшелоны с войсками и транспорты с вооружением и боеприпасами запаздывают. Выход напрашивался один — необходимо отсрочить операцию хотя бы на неделю.

Он посмотрел на часы: было без пяти минут четыре. «Должен быть готов ультиматум, — подумал генерал. — Белозеров наверняка уже перевел его на немецкий язык и горит желанием передать по радио».

Утром 3 января Рокоссовский, представитель Ставки генерал-полковник артиллерии Воронов и Малинин находились на КП фронта в Зварыгино и обсуждали реальную готовность фронта к наступлению, а также проект ультиматума Паулюсу.

Рокоссовский, поджав губы, смотрел в обледенелое окно и молчал. Воронов и Малинин сидели за столом. Начальник штаба фронта наносил на карту какую-то обстановку, а Воронов в расстроенных чувствах вертел в руках карандаш так, будто он собирался его сломать. Продолговатое, с приятными чертами лицо представителя Ставки было напряженным. По атмосфере в этой комнате чувствовалось, что собеседники по какому-то

важному вопросу разошлись во мнениях и не хотят друг другу уступать. Рокоссовский повернулся и, держа за спиной руки, начал расхаживать по комнате.

Воронов, наблюдая за художавой фигурой, четким, красивым профилем командующего фронтом, не выдержал:

— Константин Константинович, вы думаете, Воронов — лстец и подхалим, который ставит личное благополучие выше общих интересов?

— Николай Николаевич, — остановился Рокоссовский и пронзил острым взглядом Воронова. — О вас я никогда так не думал. Но вы поймите! Люди истощены, устали от непрерывных атак. Им нужно хотя бы несколько дней передохнуть. — Рокоссовский снова начал ходить взад и вперед. — Пополнение людьми и вооружением запаздывает. В таких условиях операцию начинать нельзя. Это приведет к неоправданной гибели большого числа людей. Я убедился, что нахрапом оборону Паулюса не возьмешь. Нам необходимо шесть-семь суток для подготовки.

— Я знаю мнение Верховного — он на это не пойдет! Вы осведомлены об этом не хуже меня.

— Я вот тут подсчитал, проверил цифры, — загудел басом Малинин. — Опоздания эшелонов увеличились. Перенос операции неизбежен.

— Я вам еще раз объясняю: Сталин на это не согласится!

— Николай Николаевич, — Рокоссовский присел рядом с Вороновым. — Сойдемся на том, что выпросим хотя бы трое-четверо суток. Это минимум, на что можно согласиться.

Воронов взглянул на Рокоссовского и, после паузы, произнес:

— Убедили, попробуем.

Воронов тут же дозвонился до Верховного, объяснил ситуацию и попросил перенести операцию на 10 января.

Сталин посопел в трубку, недовольно крикнул, ничего не ответил, а только произнес «до свидания» и прекратил разговор.

— Одно дело — доклад по телефону, давайте лучше пошлем донесение, — предложил командующий фронтом.

— Хорошо, давайте, — неохотно согласился Воронов.

В течение нескольких минут документ был готов и направлен в Москву.

«Приступить к выполнению «Кольца» в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания к мес-

там выгрузки на 4 — 5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами.

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит изменить срок на плюс четыре. Все расчеты проверены мной лично.

Прошу Ваших указаний. Воронов».

Не прошло и получаса, как последовал звонок из Москвы.

— Мы зачем вас туда послали, товарищ Воронов? — раздраженно спросил Сталин.

— Координировать действия двух фронтов, — ответил Воронов не совсем уверенно.

— А почему занимаетесь не своим делом? — зло произнес Сталин с грузинским акцентом.

— Я... Я... занимаюсь делом, товарищ Главнокомандующий, — сказал Воронов, вытирая ладонью вспотевший лоб.

— Вы досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! Вы, товарищ Воронов, совсем не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорее кончать, а вы умышленно затягиваете! — Сталин помолчал, потом недовольно спросил: — Что значит в вашем донесении фраза «плюс четыре»?

— Нам нужно еще четыре дня для подготовки, — более уверенно сказал Воронов. — Мы просим разрешения начать операцию «Кольцо» не 6-го, а 10-го января.

Верховный с минуту молчал, а потом сказал:

— Утверждается.

— Хорошо ли было слышно? — спросила насмешливо телефонистка.

— Спасибо. Отлично было слышно, — буркнул Воронов, подошел к улыбающемуся Рокоссовскому. — Дай закурить!

— Спасибо, Николай Николаевич, — протянул портсигар командующий фронтом. — Будем считать, что первый этап операции мы провели успешно.

— Вам смешно, а мне каково?

— Не работа сушит, а забота, — весело сказал Рокоссовский и потормошил Малинина за плечо. — Вот тебе, Миша, и два гуся.

После песни Малинина в новогоднюю ночь, эти «два гуся» не давали покоя веселому характеру командующего. Начальник штаба тоже обладал чувством юмора и относился к этому с пониманием и даже с некоторым озорством.

Взаимопонимание между двумя генералами было настолько полным, что многие на их работу смотрели с завистью.

Хотя и до 10 января времени было не так много, но Рокоссовский был доволен, что удалось выкроить и эти дни. Войска полным ходом готовились к операции.

В Москве мысль об ультиматуме тоже поддерживали. Было принято решение вручить ультиматум за день-два до наступления. Когда начали искать парламентариев, от желающих не было отбоя.

— Андрей, — сказал Рокоссовский Белозерову, настаивавшему на том, чтобы его направили парламентарием. — Ты нам нужен для других целей — будешь передавать по радио ультиматум несколько раз в сутки.

— Что ж, буду передавать.

— Приказ Паулюса перевел?

— Да, перевел, — ответил Белозеров и протянул генералу документ. — Вот он.

— Андрей, скверное настроение отбрось, оно мешает работе.

— Мне очень хотелось пообщаться с немцами.

— Дело есть дело, — сказал Рокоссовский и углубился в чтение.

«За последнее время русские неоднократно пытались вступить в переговоры с армией и с подчиненными ей частями. Их цель вполне ясна — путем обещаний в ходе переговоров о сдаче надломить нашу волю к сопротивлению. Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление: большинство из нас ждет верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода и страданий в позорном сибирском плену. Но одно точно — кто сдастся в плен, тот никогда не увидит своих близких. У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона, несмотря на усиливающиеся холода и голод. Поэтому всякие попытки вести переговоры следует отклонять, оставлять без ответа и парламентариев прогонять огнем. В остальном мы будем и в дальнейшем твердо надеяться на избавление, которое уже находится на пути к нам.

Главнокомандующий Паулюс».

Прочитав приказ, Рокоссовский поднял телефонную трубку.

— Владимир Кузьмич, я вас попрошу, по приказу Паулюса организуйте целую серию радиопередач для противника. Да, плохи дела у Паулюса, раз он запугивает подчиненных. Эту ложь надо разоблачить. Белозеров сейчас придет.

— Андрей, тебя ждут, работы на радио неувядающая, — подал руку Рокоссовский. — Желаю успеха.

Вскоре было решено послать к противнику работника разведотдела штаба майора Смыслова и капитана Дятленко из политуправления.

Ранним морозным утром на передовой вдруг заиграли трубы. Это было настолько неожиданно, что некоторые наши солдаты вытянули шеи из окопов и пытались понять, что происходит. На позициях противника тоже было заметно оживление.

Накануне вечером и рано утром Белозеров по фронтовому радио несколько раз передал в штаб Паулюса сообщение о посылке парламентариев. Наши офицеры в сопровождении трубача вышли из окопов с высоко поднятым белым флагом. Когда они прошли метров сто, сначала раздались одиночные выстрелы, а затем и автоматные очереди. Парламентарии залегли, а потом вернулись в свои окопы. Когда доложили об этом в Ставку, оттуда последовала команда о прекращении попыток к переговорам.

Рокоссовский находился в 21-й армии Чистякова, когда в блиндаже зазвонил телефон.

— Вас генерал Малинин, — сказал Чистяков, обращаясь к командующему фронтом.

— Константин Константинович, Воронов только что говорил со Ставкой. Нам советуют подумать, не следует ли послать парламентариев на другом участке фронта.

— Раз Ставка считает это полезным — пожалуйста, но я думаю, что это ни к чему. Паулюс не настроен принимать ультиматум.

— Я тоже так считаю, но раз Ставка...

— Бери все в свои руки.

— Хорошо.

Снова на одном из участков фронта была прекращена всякая перестрелка. Попытка 9 января была более удачной. Наших парламентариев встретили немецкие офицеры на нейтральной полосе и предложили отдать пакет. Смыслов отказался это сделать, ссылаясь на то, что у него есть приказ передать пакет только Паулюсу. Тогда немецкие офицеры завязали глаза парламентариям, отвели их на командный пункт и по телефону доложили своему начальнику. Через некоторое время нашим посланником было объявлено, что немецкое командование уже знакомо с содержанием ультиматума (его передавали по радио) и отказывается принять его. Парламентарии благополучно вернулись в расположение своих войск.

Ночь перед началом наступления прошла тревожно. Командующий фронтом вздремнул всего лишь 2 – 3 часа, остальное время прокручивал в памяти некоторые детали боя, решал вводные за противника, предусматривал изменения главных ударов, если этого потребует обстановка. Какими бы железными нервами он ни обладал, но все равно в ночь перед самым грандиозным сражением в своей жизни они были натянуты, как струна.

Рано утром, еще до рассвета 10 января, командующий фронтом и Воронов прибыли на командный пункт армии Батова. Был небольшой мороз. Над землей висел густой туман, и позиции противника не просматривались даже через артиллерийские оптические приборы.

– Ну что, Павел Иванович, – улыбнулся Рокоссовский. – Скоро начнем?

– Да, скоро, – ответил Батов взволнованным голосом. – Вроде давно воюю, а на душе тревожно.

– Все пройдет, как задумано. Мы что, зря ползали на пузе по передовой?

– Кто его знает, – усмехнулся командарм.

До начала наступления Рокоссовскому казалось, что очень медленно идет время. Весь день, когда шла подготовка к операции, оно мчалось быстро, как во время кавалерийской атаки. Теперь же оно тащилось неторопливо, словно ехало на старой кляче.

Воронов и начальник артиллерии Казаков возбужденно переговаривались. Рокоссовский смотрел на часы: осталось десять, пять, одна секунда. И в 8 часов пять минут в воздухе появилась серия красных ракет, по радио прошла команда «Огонь!».

По степным просторам прокатился оглушительный вал. Постепенно начал рассеиваться туман. Над окопами противника в воздух взметался снег, клубились фонтаны земли, поднимались ввысь бревна от разбитых блиндажей и землянок. Так продолжалось 55 минут. Пошли в атаку танки и пехота.

Напряженный бой не прекращался весь день. К вечеру войска армии Батова вклинились в оборону противника до пяти километров. Чуть меньше обозначился успех на левом фланге 21-й армии Чистякова и 24-й армии Галанина. На остальных участках фронта продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника и облегчали задачу соединениям, наступавшим в направлении главного удара.

Через трое суток боев был полностью ликвидирован западный выступ гитлеровской обороны, а 15 января армии Рокоссовского успешно преодолели средний оборонительный обвод. Смелость и талант командующего фронтом проявились и здесь – он, на ходу изменив план операции, перенес направление главного удара в полосу наступления армии Чистякова. Он был признателен представителю Ставки Воронову, который, не в пример другим, не вмешивался в компетенцию командующего фронтом, а ограничивался дружескими советами.

В метель, бушевавшую и днем, и ночью, в тридцатиградусный мороз, упорно, шаг за шагом, пробирались вперед войска Донского фронта.

Когда вся армия Донского фронта перешла в наступление, рассекая группировку фашистов, 62-я армия Чуйкова двинулась с востока на запад, навстречу наступающим. Особенно кровопролитные бои разгорелись в окрестностях Мамаева кургана. За этот тактически важный опорный пункт сражались четыре дивизии, но злее всех дралась за курган дивизия генерала Батюка. Она словно выросла в Мамаев курган, в его расщелины, отроги, и гитлеровцы, как ни пытались ее оттуда выбить, успеха не имели.

С наступлением темноты 21 января гитлеровцы начали очередную контратаку.

Николай Филиппович Батюк находился на КП дивизии и руководил боем по радио.

Это был незavidного роста человек, с темным зеленоватым оттенком лица, который свойствен людям, долго жившим в землянках и измученным усталостью и болезнью. И действительно, у генерала были больные ноги. Порой он не мог передвигаться совсем. На передний край, на свои наблюдательные пункты уходил с палочкой, а возвращался в свою землянку на плечах адъютанта. Причем он это делал только ночью, чтобы, не дай бог, никто не увидел его беспомощности. Этот мужественный боевой генерал скрывал свою болезнь даже тогда, когда совсем не мог передвигаться.

В эту ночь к нему на НП с группой офицеров прибыл командующий армией Чуйков и внезапно явился в землянку.

– Ну что, Николай Филиппович, – спросил он, снимая с мохнатых бровей иней. – Как атака фашистов?

– Захлебнулась, – едва поднимаясь, ответил Батюк.
 – Что случилось? – спросил Чуйков.
 – Да ничего, пройдет
 – А все-таки?
 – Упал на мерзлый окоп и повредил ногу.
 – Может, нужна помощь?
 – Да нет, товарищ командующий, – нахмутив брови, ответил Батюк. Он боялся, что командарм обнаружит его болезнь.

Генералы сидели за разработкой плана действий на ближайшие три дня до поздней ночи.

– У вас когда-нибудь едят, или вы живете святым духом? – спросил Чуйков, потирая живот. – Уже кишки марш играют.

– Иногда бывает, – усмехнулся Батюк.

Адъютанты достали из вещмешков хлеб, консервы, термосы с чаем. Не успели как следует перекусить – зазвонил телефон.

Попытавшись, Батюк с трудом поднялся на ноги и, держась одной рукой за стол, склонился над телефоном.

– Здравия желаю, товарищ командующий фронтом. Василий Иванович, вас.

Поздоровавшись, Рокоссовский сказал:

– Наконец-то я вас поймал. Скажите, каковы ваши успехи?

– Хвастаться нечем – идем вперед черепашным шагом.

– Навстречу вам мы торопим Батова и Чистякова. Ваша самая главная задача – не терять черепашьего темпа и двигаться на запад.

– Это мы выполним.

– Как ведет себя противник?

– Упорно дерется, нередко до последнего патрона, – ответил Чуйков, вертя в руках кусочек сахара. – Вчера дивизия Соколова вышла на западную окраину поселка Красный Октябрь и окружила сильный опорный пункт фашистов.

– Предложите им капитулировать, чтобы не проливать лишней крови.

– Мы начали переговоры на эту тему.

– Ну и что?

– Гитлеровцы попросили у наших солдат хлеба.

– Надо было поделиться.

– Мы так и сделали – передали им пять буханок хлеба.

– А они что?

– Видимо, подкрепились и снова начали стрелять, – сказал

Чуйков. – После этого командир дивизии связался с артиллеристами, те выкатили несколько орудий и прямой наводкой в упор разнесли этот опорный пункт. Когда он был взят, оказалось, что гарнизон состоял из отчаянных головорезов. На груди у каждого были высокие гитлеровские награды.

– Правильно сделали, Василий Иванович, – сказал Рокоссовский на прощание. – Держись, дорогой, держись. Расстояние до встречи уменьшается с каждым часом.

Под утро командарм покинул дивизию Батюка и вновь направился на КП армии. На рассвете 26 января Чуйков видел в стереотрубу, как гитлеровцы метались в панике – садились в машины, прыгивали с них, вновь садились. Вдруг показались люди в красноармейской форме и появились наши тяжелые танки. Это гвардейцы дивизии Родимцева и других соединений бежали навстречу друг другу с красным флагом. Метались фигуры людей, прыгавших и кричавших от радости.

Капитан Гуцин и рядовой Николай Михайлов передали представителям армии Батова знамя, на полотнище которого было написано: «В знак встречи 26.1.1943 года». Это долгожданное братание состоялось в 9 часов 20 минут.

У Мамаева кургана вскоре встретились представители подразделений армий Чуйкова, Батова и Чистякова.

Днем с Чуйковым связался командующий фронтом.

– Василий Иванович, я поздравляю тебя с этой знаменательной встречей. Ты шел к ней дни и ночи на протяжении всей Сталинградской битвы. – Чувствовалось, что у Рокоссовского превосходное настроение.

– Спасибо, товарищ командующий фронтом, спасибо, – говорил выдавший виды воин, генерал Чуйков, слезы радости и гордости за содеянное сверкали у него в глазах под темными и насушенными бровями. Вечером 30 января командарм Чуйков опрашивал в своей землянке, теперь уже просторной и светлой, похожей на жилую комнату, пленных немецких генералов. Видя, что они голодны и нервничают, Чуйков распорядился принести чай и закуску. Все они были одеты в парадную форму и были при ордене. Генерал Отто Корфес, взяв дрожащими руками стакан чаю и бутерброд, спросил:

– Что это, пропаганда?

– Если генерал считает, что эти чай и закуска содержат пропаганду, – сказал Чуйков, – то мы не будем настаивать на принятии этой пропагандистской пищи.

Эта реплика несколько оживила пленных, и разговор продолжался более часа. Больше других говорил генерал Корфес, а генералы Пфедфер и Зейдлиц отмалчивались, заявив, что в политических вопросах они не разбираются.

Генерал Корфес развивал мысль о том, что современное положение Германии имеет много общего с положением, в котором она оказалась во времена Фридриха Великого и Бисмарка.

Генералы Пфедфер и Зейдлиц, произнося время от времени «Яволь» и «Найн», плакали. В конце концов, немного освоившись, генерал-лейтенант Зейдлиц-Курцбах, подняв глаза на Чуйкова, спросил:

— Командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский и командующий армией под Москвой — одно и то же лицо?

— Да, одно и то же, — ответил Чуйков, усмехнувшись. — Вы наверняка его хорошо запомнили?

Немецкие генералы, не сговариваясь, загалдели:

— Яволь!.. Яволь!.. Яволь!..

После некоторого молчания генерал Пфедфер спросил:

— Где находились вы и ваш штаб, господин генерал, во время боев за город 19 ноября?

— Мой командный пункт и штаб армии находились все время в городе, на правом берегу Волги, — пояснил Чуйков. — Последнее место командного пункта и штаба было здесь, на этом месте.

Генерал Пфедфер, кивнув головой, произнес:

— Жаль, что мы не верили своей разведке. Мы бы вас вместе со штабом могли стереть с лица земли.

— А вот об этом вы могли бы и не говорить, — улыбнулся Чуйков. — Хотя бы ради приличия.

Генералы, переглянувшись, промолчали. После вопроса их направили в штаб фронта.

7

Войска Донского фронта рассекли окруженную группировку немцев пополам. Паулюс сообщил в ставку Гитлера: «Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». На следующий день он получил ответ. «Запрещаю капитуляцию! — радовал Гитлер. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона».

Шестая армия была гордостью фюрера. Ее дивизии формировались из «чистокровных арийцев», зачастую исключительно из молодежи в возрасте от 20 до 27 лет.

Командующий 6-й армией генерал-полковник Фридрих Паулюс сидел за столом в своем КП в подвале сталинградского универмага и тупо смотрел на карту Европы, вспоминая свою головокружительную карьеру во время службы в рейхсвере и вермахте. Это он, Фридрих Паулюс, будучи первым оберквартирмейстером*, являлся одним из главных участников разработки плана нападения Германии на Россию. И вот что теперь из этого получилось. Его прославленные войска непобедимой 6-й армии разбиты и агонизируют. Он достал из кобуры пистолет и безумными глазами уставился в его черное отверстие, но, ощутив дрожь во всем теле, положил его в стол. Ведь ему исполнилось только 52 года. Он только что отметил свой день рождения с начальником штаба армии. «Рано, рано уходить из жизни», — подумал он.

Наверху сотрясали землю разрывы снарядов. От каждого такого взрыва заходило сердце, стучало в висках. Высокий, худой, с осунувшимся не по годам лицом, поседевший за несколько дней штурма, он напоминал человека, который выброшен на необитаемый остров после жестокого кораблекрушения и обречен на гибель.

Опустив седую голову, он ходил по ковру, курил одну сигарету за другой и, словно перед кончиной, вспоминал свою жизнь. Исполнилось 33 года, как он служил в германской армии. Первую мировую войну начинал строевым офицером. После поражения немецкой армии в 1918 году он не ушел, как другие, в отставку, а продолжал служить. Как хорошо складывалась его жизнь, когда Гитлер пришел к власти. Он сразу же стал начальником штаба армии, которой командовал сам генерал-фельдмаршал Рейхенау*. С этой армией осенью 1939 года он прошел Польшу, а в 1940 году громил Францию.

Его армии поручались наиболее ответственные задачи. Это его армию Гитлер бросил на восток. Сколько было славных побед на Украине, под Харьковом. Фюрер ему доверял. Именно поэтому он поручил его армии захватить Сталинград.

Паулюс закурил очередную сигарету и продолжал топтать трофейные ковры до тех пор, пока не принесли ему телеграмму. В ней говорилось о том, что Гитлер наградил его «Дубовым листом» к рыцарскому ордену Железного креста и присвоил ему

звание генерал-фельдмаршала. Прочитав телеграмму, Паулюс сел за стол и вслух произнес:

— Это, вероятно, означает приказ о самоубийстве. Такого, мой фюрер, ты от меня не дождешься. Жизнь у каждого человека одна.

Чтобы не слышать грохота взрывов, он включил на полную громкость радиоприемник. После истеричного выступления Геббельса диктор передал сообщение ставки Гитлера: «Русские предлагают 6-й армии сдаться, но все без исключения продолжают драться там, где стоят».

Паулюс выключил приемник и зашел в комнату к начальнику штаба, который сидел за столом, окутанный табачным дымом.

8

Шел завершающий этап операции. На НП в армии Батова было необычное оживление. Наблюдательный пункт был оборудован в основании насыпи окружной железной дороги. Стереотрубы, будто головы удавов, едва заметно вертелись между шпалами.

Рокоссовский, Телегин, Воронов и Казаков наблюдали за последними залпами орудий Сталинградской битвы. После трех — пяти минут артподготовки из блиндажей, подвалов, из-под танков и машин, из окопов выползали фашисты. Одни метались, бежали, другие падали на колени и поднимали к небу руки.

После артподготовки началась атака. Организованного сопротивления уже не было. Сотни, тысячи гитлеровцев сдавались в плен.

Утром 31 января генерал-фельдмаршал гитлеровской армии Фридрих Паулюс вместе со штабом сдался в плен воинам генерал-полковника Рокоссовского*. Еще днем командующий фронтом и маршал артиллерии Воронов вернулись в штаб фронта в Зварыгино.

Вечером этого же дня у домика, куда должны были прибыть военнопленные, царило всеобщее возбуждение — люди ликovali, поздравляли друг друга, у некоторых на глазах сверкали слезы радости. Рокоссовского и Воронова донимали вездесущие журналисты, писатели, операторы кинохроники.

— Не надо устраивать из этого спектакль, — сказал командующий фронтом. — Будем допрашивать Паулюса без посторонних лиц. Разрешаем присутствовать только одному оператору Роману Кармену.

Паулюса привезли глубокой ночью. По дороге он спросил у переводчика:

«Как можно узнать — кто маршал Воронов, кто генерал Рокоссовский?»

Переводчик подробно описал их.

Запела деревенская дверь, и в комнату, где находились Рокоссовский и Воронов, вошел Паулюс. Он остановился и поднятием правой руки приветствовал советских военачальников, сидевших за небольшим столиком. Рядом с ним находился переводчик Белозеров.

— Подойдите к столу и сядьте, — предложил Воронов.

Паулюс сел и внимательно посмотрел сначала на Рокоссовского, потом на Воронова.

На болезненном и худом лице Паулюса бегали усталые глаза. Левая часть лица время от времени нервно подергивалась; он не находил места своим длинным дрожащим рукам. Воронов подвинул к нему лежавшую на столе коробку папирос.

— Курите!

— Danke, — ответил Паулюс, но курить не стал.

— У нас к вам всего лишь несколько вопросов, генерал-полковник, — продолжал Воронов.

— Простите, — прервал его Паулюс, — я генерал-фельдмаршал, телеграмма о присвоении мне этого звания пришла недавно, и я не успел поменять форму. — Он снова внимательно оглядел Рокоссовского, будто уточняя, что именно этот генерал опозорил его на весь мир и нанес его армии самое сокрушительное поражение. — Кроме того, я надеюсь, что вы не будете заставлять меня отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению военной присяги.

— Таких вопросов мы касаться не станем, господин генерал-фельдмаршал, — сказал Воронов. — Мы предлагаем немедленно отдать приказ группе ваших войск в северо-западной части Сталинграда прекратить сопротивление.

— Это даст возможность избежать лишних жертв, — добавил Рокоссовский, закуривая. — Он протянул пачку папирос Паулюсу. — Курите.

Тот глянул на генерала, в знак благодарности кивнул головой, дрожащей рукой взял папиросу. Медленно прикурив и затянувшись дымом, Паулюс начал отвечать на вопросы.

— Я не могу принять ваше предложение, — сказал он. — В настоящее время я являюсь военнопленным и мои приказы не

имеют силы. Северная группа войск имеет своего командующего и продолжает выполнять приказ Верховного командования германской армии.

— В таком случае вы будете нести ответственность за напрасную гибель своих подчиненных, — сказал Рокоссовский. — Я располагаю силами и средствами, достаточными для их полного уничтожения. Если вы не отдадите приказа и будете настаивать на своем, то завтра с утра мы начнем наступление и эту группировку уничтожим.

Но Паулюс отказался снова и в свое оправдание привел те же аргументы.

— Теперь перейдем ко второму вопросу, — произнес Воронов. — Какой режим питания вам необходим, чтобы не вредить вашему здоровью? То, что вы больны, мы узнали от Вашего армейского врача.

Паулюс поднял удивленно брови, мельком глянул на Белозерова и, медленно подбирая слова, ответил:

— Мне ничего особенного не нужно. Я прошу лишь, чтобы вы хорошо относились к раненым и больным моей армии. Это единственная моя просьба.

— Эта просьба будет выполнена, — сказал Воронов. — В нашей армии, в отличие от немецкой, к пленным, особенно к раненым и больным, относятся гуманно. Я должен вам сказать, что наши врачи встретились с большими трудностями. Ваш медицинский персонал бросил на произвол судьбы переполненные госпитали. Думаю, вы понимаете, как трудно в такой обстановке наладить нормальное лечение десятков тысяч ваших солдат и офицеров.

Воронов встал, давая понять, что разговор окончен.

Паулюс вытянулся, высоко поднял правую руку, повернулся и вышел из комнаты.

— Каков гусь? — произнес Рокоссовский.

— Чего-чего, а форсу у него хватает, — улыбнулся Воронов. Командующий фронтом зашел в соседнюю комнату.

— Михаил Сергеевич, немедленно передай командармам, что поставленная перед ними задача остается в силе. Сегодня до обеда очаги сопротивления должны быть подавлены.

На следующий день в донесении Верховному Главнокомандующему сообщалось:

«Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.11.43 года закончили разгром и уничтожение сталинградской

группировки врага. В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде прекратились».

На плечи командующего фронтом легли теперь другие задачи: следовало подвести итоги операции, надо было разобраться с пленными, которых насчитывалось около ста тысяч, предстояло подобрать и похоронить почти сто пятьдесят тысяч убитых.

Но вечером 2 февраля было получено указание Ставки: Воронову и Рокоссовскому 4 февраля прибыть в Москву.

В тот же день в штаб фронта прибыли документы о присвоении отдельным военнослужащим званий Героя Советского Союза. Член Военного Совета А.С. Чуянов уехал в Сталинград на митинг и там собирался вручить высокие награды, а Рокоссовский вызвал к себе Белозерова, вручил ему Звезду Героя и дал двухнедельный отпуск для розыска семьи.

— Вернешься в часть, доложи Малинину, и он тебя направит к моему новому месту службы, — сказал на прощание Рокоссовский. — Когда приедешь, найдем время, чтобы отметить это знаменательное событие.

9

Перед отъездом в Москву Рокоссовский не мог не встретиться с командующими армиями, воевавшими под Сталинградом. Время было ограничено и позволяло увидеть только тех, кто был поближе и воевал на направлениях главного удара.

На землю опустились сумерки, когда он выехал к месту встречи. Была морозная тихая ночь. Везде ход пробирался по дорогам, где только что прошли тяжелые бои. В лунном свете виднелись воронки, вокруг них торчали разбитые, перевернутые вверх тормашками грузовые машины, покореженные орудия, обуглившиеся танки, темнела кухня с пробитым навывлет котлом, из которого тянулись застывшие на морозе ручейки какой-то пищи. То и дело попадались обрывки проволоки, валялись консервные банки. Везде на поле боя возле воронок, возле машин и танков — трупы в грязных, землистых мундирах, с перекошенными лицами, в невероятных позах.

Он посмотрел на часы. Было уже четыре часа утра — надо топориться. До встречи, назначенной на 10 часов, хотелось отдохнуть хотя бы пару часов.

На дороге, где не было видно следов войны, он пересел из бронетранспортера в машину. Вскоре он откинулся на спинку

сиденья и крепко заснул. 3 февраля в необычной тишине, установившейся в природе после кровопролитных и изнурительных боев, под синим небом и ярким солнцем, на высоком берегу Волги, с солдатскими кружками в руках, обнявшись, как родные братья, стояли генералы: Рокоссовский, Чистяков, Чуйков, Батов и Шумилов. Лица полководцев искрились, как снег на солнце. Сильными командирскими голосами они тянули мелодию песни:

Во-о-о-лга, Во-о-о-лга-а, ма-а-ать родн-а-а-я!
Во-о-лга, ру-у-усская река-а-а.
Не вида-а-ала ты пода-а-арка-а
От донско-о-ого ка-а-а-зака-а.

По льду уже тянулись вереницы подвод и пешеходов. Жители города возвращались в родные места. Услышав мелодию любимой песни, люди останавливались и, прикрывая глаза от солнца, смотрели вверх. Они были удивлены не только потому, что давно не слышали песен, но их больше всего удивляло, что это поют генералы. И это вселяло в людей надежду, что фашисты сюда не вернуться. Генералы обменялись дружескими тостами. Рокоссовский поблагодарил каждого за вклад в общую победу в Сталинградской битве и обещал сделать все, чтобы их фронтовые дороги не расходились в разные стороны. Если потребуются, он готов будет выйти на Верховного.

Тепло попрощавшись с командармами, Рокоссовский поехал на встречу с членом Военного Совета Донского фронта, председателем городского комитета обороны Алексеем Семеновичем Чуяновым, обещавшим вкратце познакомить его с тем, что осталось от города.

На машинах и пешком они с трудом пробирались по развалинам Сталинграда. Осмотрев подвал универмага, где располагался штаб Паулюса, они зашли в подвал соседнего здания, в котором находился немецкий военный госпиталь. Их встретил майор — главный врач госпиталя. Трясущимися губами немец доложил о состоянии и нуждах госпиталя. В помещении стоял трупный запах, стонали раненые и умирающие. Рокоссовский повернулся к сопровождавшему его начальнику медслужбы армии Чуйкова.

— Переведите их отсюда в более подходящее помещение. Дайте медикаменты и питание.

У немецкого врача, когда смысл перевода дошел до его сознания, на глазах появились слезы.

Генерал-полковник, наклонясь, чтобы не удариться головой о верхнюю перекладину, вышел из подвала на свежий воздух. Он достал пачку папирос.

— Алексей Степанович, вы курите?

— Нет, но сейчас закурю.

— Коротка память у немцев, — сказал Рокоссовский, прикуривая. — Почти двести лет тому назад, в результате разгрома Пруссии в семилетней войне, чудом оставшийся в живых Фридрих Второй, завещал своим потомкам две истины. Первая — наиболее опасным из всех противников считать Россию. И вторая — всякая длительная война для Пруссии губительна.

— Да, — произнес Чуянов, — Фридрих Второй зрил в корень. — Они продолжали ходить по развалинам города и видели, как по разбитым улицам от центра Сталинграда тянутся бесконечные колонны пленных.

Немцы плелись, едва волоча ноги, обмотанные в рваное тряпье. Согнутые в три погибели, «завоеватели», одетые в разноцветную ветошь, войлок, коврики, мешки, представляли жалкое зрелище.

— Характерная, я бы сказал, трагикомическая деталь, — сказал Чуянов, глядя на эту пеструю толпу. — Черт подери! Без сожаления оставили свое битое войско, но, когда где-то затерялась расческа и зажигалка «с прыгающим чертиком» у начальника штаба 6-й армии генерала Шмидта, он поднял шум.

Рокоссовский и Чуянов подъехали к станции. Вдоль железной дороги и вокруг здания разбитой товарной станции, сняв штаны, то и дело вставали и приседали военнопленные. Одни держались за ремни, а другие махнули на все рукой и на морозе светили голыми задами.

— Что здесь происходит? — улыбнулся генерал.

— Сейчас уточним, — нахмуренно ответил Чуянов и, вызвав начальника станции, спросил: — Это что еще за комедия?

— Мне дали пленных на погрузочно-разгрузочные работы.

— Ну и правильно, — произнес Чуянов — Едят наш хлеб — пусть работают!

— Сегодня мы разгружали семена клещевины. Я их предупреждал, чтобы не ели, а они налопались, и вот результат. Ведь из клещевины делают касторовое масло.

Рокоссовский взглянул на старательно встававших и приседавших пленных и, вспомнив окопную радиопередачу, весело сказал:

— Вот вам и буль-буль Вольга!

Утром следующего дня завершение великой битвы на Волге закончилось многотысячным митингом. А в это время самолет с Рокоссовским и Вороновым был уже в воздухе. Видимость была хорошая, но прижиматься к земле, как во время полета с Жуковым четыре месяца тому назад, не было необходимости. Фронт ушел далеко, и у авиации противника было много других забот. Оба пассажира сидели молча — за время боев наговорились вдоволь. Рокоссовский время от времени поглядывал в иллюминатор. Самолет медленно плыл над белым безмолвием, изредка задевая крылом мягкие, как лен, облака. Он думал о встрече с семьей.

Глава шестнадцатая

1

Майор Белозеров пробыл несколько дней в Москве, пытаясь найти жену и сына. В их квартире уже жили другие люди, и они ничего не знали о тех, кто жил здесь раньше. Через дальних родственников ему все-таки удалось уточнить, что в самом начале войны семья уехала в Куйбышев. Он писал письма родителям Ольги, но ни разу ответа не получил.

До конца отпуска оставалось более десяти суток, и он решил ехать в Куйбышев. Было девять часов вечера. Он сложил в чемоданчик вещи и начал рассматривать подарки жене и сыну. Спортивный костюм Сашеньке должен быть впору: он как раз рассчитан на мальчика восьми лет. Простенький материал, но где теперь возьмешь другой? Он поставил на стол теплые ботиночки, которые удалось купить у входа в метро, — подарок жене. Он изучал их вблизи, а потом отошел на пару шагов и, склонив голову, подумал: «Они должны подойти Оле». Он запаковал подарки и перевязал их лентой. В одноместном номере — его поместили туда как Героя Советского Союза — было жарко и душно. Он снял китель и приоткрыл форточку. В домах мелькали огни, на площади во весь рост стояла скульптура Сталина со снежной шапкой на голове. Вокруг площади мелким потоком текли машины. После тюрьмы и окопной жизни этот пейзаж был ему в диковинку.

Белозеров вскоре залез под одеяло, но уснуть сразу не мог: не давала покоя мысль о семье. За пять лет разлуки могло произой-

ти столько событий, о которых невозможно и догадаться. Вглядываясь в густую темноту, он вспоминал времена знакомства со своей будущей женой. После окончания Высшего коммунистического института просвещения России ему уже шел 34-й год. Белозеров приехал в родные места отдохнуть и там познакомился с Олей. Они долго тогда бродили по живописному берегу Волги, ослепленные любовью, и были убеждены, что им никогда не грозит разлука. Прежде чем уснуть, он еще долго перебирал в памяти семейные страницы, и чем дольше это делал, тем тревожней становилось на душе.

Он поднялся рано утром и поехал на вокзал. Ровно в 5 часов поезд отошел от перрона. Белозеров занял свое место на верхней полке и проспал несколько часов подряд. Под вечер поезд остановился на каком-то полустанке и против вагона оказалось пятиэтажное здание, очень похожее на тюрьму. Поезд уже отошел от остановки, и за окном появились новые пейзажи, но перед глазами Белозерова долго стояло то здание. Оглушающий вой встречных поездов каждый раз заставлял Андрея вздрагивать и внутренне сжиматься. Ему казалось, что каждый вагон, как следователь в тюрьме, повторял: «Шпион! Шпион! Шпион!» Всякий раз он с нетерпением ждал хвостового вагона, чтобы поскорее избавиться от этого страшного слова, которым его мучили в тюрьмах.

2

Когда Белозеров подходил к неказистому рейсовому автобусу, пассажиры брали его штурмом. Кое-как майору удалось поставить обе ноги на последнюю ступеньку, и за ним, конвульсивно подергиваясь, закрылась дверь. Минут через сорок автобус подрулил к конечной остановке, и пассажиры высыпали из машины.

Время приближалось к полуночи. Как человек, давно не бывавший в этих местах, он осмотрелся вокруг, чтобы уточнить дорогу к дому, до которого было около двух километров.

Было ветрено и морозно. На окраине города ветры особенно старались и сквозь легкую шинель продирали до костей. Подойдя к дереву, растущему у калитки, он решил передохнуть. Ветер еще больше усилился, и его жалобные напевы внушали Белозерову какую-то неодолимую тоску. Когда он открыл калитку, шаги его стали неуверенными и тяжелыми. Несмотря на поздний час, кое-где в окнах горели огни. Родительский дом жены выглядел сонным.

Мысли его кружились, путались, как снежный вихрь, уносились туда, где он любил сидеть в саду с Олей, высвечивали лица сына, Олиных родителей и вновь возвращались сюда, где он теперь томился в неизвестности. Белозеров поднялся на крыльцо, отряхнул от снега сапоги и постучал в дверь.

Послышались шаркающие шаги.

— Кто там?

— Это вы, Татьяна Степановна?

— Да я, а вы кто?

— Андрей... Белозеров.

Пропустив гостя и закрыв за собой дверь, седая, изможденная женщина некоторое время смотрела на Белозерова, потом обняла его, заплакала и запричитала:

— Сынок... Сынок дорогой... нет нашей Оленьки, нет... Нет Сашеньки... Нет отца. Я осталась одна...

Андрею стало плохо, губы его побелели. Чемодан выпал из рук и шлепнулся о деревянный пол. Это известие молнией отозвалось во всем теле, клещами сдавило грудь и колющей болью застыло у сердца.

С Татьяной Степановной Белозеров проговорил до самого утра. Она, захлебываясь слезами, рассказала, что Оля с сыном погибла в разбомбленном поезде. С помощью соседей она похоронила их на кладбище, а родственники собрали деньги на памятник. Отец остался где-то в Северном море — его корабль потопила немецкая подводная лодка.

Под утро ветер утих, установилась солнечная погода. Белозеров уложил Татьяну Степановну в постель, поручил соседке-врачу опекать ее и, оставив на столе остаток денег, пошел на кладбище.

Ровно в полдень, по расчищенной от снега дорожке, Белозеров прошел в ворота старинной кладбищенской ограды. Кресты. Памятники. Скульптуры. Скорбные фигуры пожилых людей.

Блестели на солнце, словно покрытые ртутью, стволы деревьев. Желтогрудые резвые птички, с нарядными головками, шиняли в переплете покрытых инеем ветвей и «пинькали» тонкими голосами. Синее небо, прозрачный звонкий воздух, легкий ветерок, как бы сговорившись, придавали кладбищенской грусти особый колорит.

Андрей осторожно открыл калитку, будто боясь нарушить тишину, и подошел к освещенному полуденным солнцем темно-

му гранитному памятнику. На нем были видны фотографии жены и сына.

Молчали деревья, молчала снежная мерзлая земля, приютившая людей, так мало поживших на белом свете. Неутешное горе мужа и отца окутало могилу, угнетало душу, мутило сознание, заставляло сердце сжиматься от боли.

Белозеров уцепился похолодевшими руками за подарки, которые он купил в Москве, и беспомощно опустил непокрытую голову. Мелко вздрагивали его плечи и поседевшие волосы: он беззвучно плакал.

Около часа он стоял перед памятником, затем молча положил на могилу подарки, закрыл калитку и ушел.

Глава семнадцатая

1

Самолет приземлился на Центральном аэродроме. Еще толстым слоем лежал снег и дул прохладный ветер, но дыхание весны ощущалось повсюду: с крыш свисали ледяные сосульки, на асфальте таял снег, в затишьях пригревало солнце.

Для тех, кто прослужил в Красной Армии более четверти века, вид встречающих был непривычным — на плечах у офицеров блестели погоны*.

— Куда мы попали? — улыбнулся Воронов, глянув на Рокоссовского.

— К белякам, — засмеялся генерал.

Торжественные и возбужденные встречающие взяли в плотное кольцо героев Сталинграда.

— Паулюс не с вами прибыл? — спросил один из генералов.

— Много чести, — ответил Рокоссовский.

С аэродрома они попали в кабинет Калинина, который вручил маршалу и генерал-полковнику ордена Суворова первой степени*.

После церемонии награждения они направились в кабинет Сталина пешком. По дороге, посмотрев на иссеченное ветром лицо Рокоссовского, Воронов сказал:

— Завалиться бы теперь куда-нибудь в укромное местечко, да хотя бы денька три отдохнуть. Ты не против?

— Дельное предложение, — засмеялся Рокоссовский. — Надо внести его Верховному. Я бы проспал, не отрываясь от подушки, более суток.

Когда генерал и маршал вошли в кабинет Сталина, тот против обыкновения не остался за письменным столом, а, не ожидая доклада, торопливо пошел к ним навстречу. На его довольном, сдержанно улыбавшемся лице веселой хитринкой светились глаза.

— Поздравляю вас, поздравляю с успехом, — он подошел к каждому и двумя руками пожал им руки. — Вот так и надо. Замечательно у вас получилась операция. До конца еще не все понимают, какую битву вы выиграли.

После продолжительной беседы Сталин на прощание сказал:

— Константин Константинович, мы даем вам новую задачу. От того, насколько вы успешно ее решите, зависит многое в драке с гитлеровцами. В Генеральном штабе вам все объяснят подробно. Желаю успеха.

Было уже семь вечера. Рокоссовский, выйдя из кабинета Сталина, позвонил в Генштаб. Там ему назначили встречу на одиннадцать часов следующего дня и предупредили, что после беседы придется сразу же убыть на фронт.

Теперь Рокоссовский предвкушал волнующую встречу с семьей. Прямо из приемной Сталина он переговорил с женой, которая, чувствовалось по голосу, едва сдерживала слезы.

Генералу во что бы то ни стало хотелось найти свои любимые цветы. После длительной разлуки с семьей он не мог явиться в дом без букета роз. Но где их в феврале достать, да еще в такое позднее время?

И он решился на отчаянный поступок. В приемной к нему подошел начальник охраны генерал Власик.

— Константин Константинович, я вас поздравляю с успешным завершением операции. Преклоняюсь перед вашим мужеством и талантом.

— Какой тут талант? — Рокоссовский задержал руку генерала. — Полтора года не видел жену, а достать букета роз не могу. За пять роз готов выложить любую сумму, а где купить — не знаю.

— Погодите немножко, — сказал Власик. — Попытаюсь помочь. — Он вышел в соседний кабинет и минут через десять вернулся.

— У вас машина есть?

— Есть.

— Езжайте на Арбат, дом 21. У первого подъезда ровно через час вас будет ждать женщина.

— Как ее узнать?

— Ее зовут Анна Аркадьевна. Она будет с букетом роз.

— Николай Сидорович, большое спасибо.

Вскоре Рокоссовский с богатым букетом роз поднимался на четвертый этаж. Он подошел к двери и, затаив дыхание, словно это было его первое свидание, остановился. Затем, поправив воротник полусубка, нажал на кнопку звонка.

— О, господи! Это он! — послышался голос жены.

Открылась дверь. На пороге стояла в праздничном вишневом платье, с зачесанными набок, коротко подстриженными волосами, его жена. Она мгновение смотрела на мужа, потом бросилась ему на шею и заплакала.

— Ну, чего ты плачешь, Юленька? Как видишь, жив, здоров. — Он вручил ей букет роз и как-то холодно, будто солдата при вручении медали, поцеловал.

— Спасибо, Костя, спасибо, — растерянно говорила она. — Как давно мне не дарили розы! Спасибо тебе, дорогой.

— А где же Ада? — спросил он, снимая верхнюю одежду.

— Ада сегодня дежурит, — ответила Юлия и поставила на стол вазу с цветами. — Она не стала отпрашиваться, сказала, что завтра вечером подъедет.

— Вечером меня уже в Москве не будет, — сказал Рокоссовский, присев на стул. — А мне хочется ее видеть. Но ничего, что-нибудь придумаем.

— Костя, ну как же это так — не успел приехать и снова на фронт? — Она прижалась щекой к его плечу. — Мы же столько не виделись!

— Я бы рад побыть с вами, но не позволяет обстановка.

Жена посмотрела на него печальным взглядом и замолчала. Ей показалось, что муж выглядит таким же усталым и худым, как и тогда, когда вернулся из тюрьмы. Немножко постарел. На лице обозначились новые морщинки, виски стали почти седыми. Но глаза такие же голубые, добрые и насмешливые.

— Не узнаешь? — он обнял жену за плечи.

Она промолчала. Ей казалось, что в нем появилось что-то чужое, далекое и казенное. В голове промелькнул сумбур сомнений и догадок. Она часто слышала от подруг, что многие военачальники на фронте имеют так называемых полевых походных жен. «Нет, нет, мой Костя не такой», — вдруг подумала она и пошла накрывать праздничный стол.

Рокоссовский окинул взглядом комнату: на стене он заметил целую галерею его фотографий, вырезанных из газет и журналов. Он подошел к ним и начал рассматривать: вот он под Вязмой среди артистов, а тут он позирует фотокорреспонденту во время битвы под Москвой. «Фу, какая сухая физиономия, — подумал он. — Самоуверенный петух. Даже неприятно смотреть. На допросе Паулюса сижу, будто аршин проглотил. Надо поменьше маячить перед камерами и фотоаппаратами. Новый пуп земли объявился».

Но то, что его родные по крупинам собирают сведения о нем, ему, разумеется, было приятно.

Он зашел в кухню.

— Молодцы, помните обо мне.

— Ты наш кумир.

— Я очень тронут. — Он поцеловал жену в щеку.

— Знаешь, Костя, мне не дает покоя Ада, — сказала жена, заваривая чай.

— А что такое?

— Не дай бог, она улетит к партизанам в Белоруссию, я сойду с ума. Мне хватает и тебя.

— Люлю, дорогая, не беспокойся, ее туда никто не пошлет.

— Ну да, скажи кому-нибудь другому. Она бредит партизанами и днем, и ночью. Ждет не дождется, когда покинет Москву.

— Скажу тебе по секрету, — Рокоссовский, улыбаясь, нагнул к ее уху. — После того как попал в плен сын Сталина Яков, появилось негласное указание: детей выдающихся личностей не посылать на передовую, чтобы противник, в случае чего, не мог их шантажировать.

— Ой, слава богу, — перекрестилась Юлия и, подумав, спросила: — А ты разве выдающаяся личность?

— Повернись к стене и посмотри на фотографии, — засмеялся Рокоссовский.

Они долго сидели за столом и отвечали друг другу на тысячи вопросов, и все равно обо всем не успели переговорить. После долгой разлуки они снова шли навстречу друг другу. Рокоссовский чувствовал, что даже при коротком сумбурном свидании, которое, видимо, неизбежно в подобных случаях, он по-прежнему любил жену и без нее не представлял себе дальнейшей жизни.

Утром следующего дня он заехал в школу, где училась дочь, которая познакомила своего знаменитого отца с начальством, и вернулся с ней домой. Тут же подвернулся какой-то фотограф, и

теперь мы имеем возможность видеть снимок семьи Рокоссовского, датированный февралем 1943 года.

В центре сидит генерал-полковник Рокоссовский. Лицо его задумчивое, серьезное. Кто знает, о чем он думал в этот миг? Он вновь уезжал на войну, где уже был несколько раз на волосок от смерти. Справа, в темном платье, с обнаженной красивой шеей и пышной прической, влюбленными глазами смотрит на него жена. Кажется, она чувствует твердость и тепло его руки, за которую держится, ощущая желание идти за ним хоть на край света. Обняв обеими руками за шею, повисла на его левом плече дочь Ада. Она в белой кофточке, с черной шапкой волос, с челкой, почти закрывающей глаза. Она светится радостью. Она так соскучилась по своему отцу, что не желает отходить от него ни на шаг.

Распрощавшись с родными, ровно в одиннадцать часов 5 февраля Рокоссовский уже был в Генеральном штабе.

2

— Донесения, поступающие с фронтов, не особенно утешительные, — начал с ходу Василевский. — Он поправил жесткие седеющие волосы, расчесанные на прямой пробор, и поднял глаза на Рокоссовского. — Это особенно касается Юго-Западного и Воронежского фронтов. Немецкое командование, по всей вероятности, готовит там крупное наступление. — Он помедлил, угостил Рокоссовского папиросой, а сам задымил трубкой. — В Ставке Верховного Главнокомандования созрел план развития наступления на курском направлении. Ради этого и создается новый фронт, который мы называли Центральным. Я с удовольствием объявляю, что командовать этим важнейшим фронтом поручено вам.

— Спасибо, — улыбнулся Рокоссовский, сидевший напротив Василевского. — Какими силами я буду располагать?

— В состав фронта мы включили три общевойсковые, одну танковую и одну воздушную армии. Эти армии предстоит перебросить из-под Сталинграда. — Начальник Генерального штаба положил дымящуюся трубку в пепельницу, подошел к висевшей на стене карте. — Войскам нового фронта предстоит развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в данное время не очень успешно продолжают наступление на курском и харьковском направлениях. Ваша задача: взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубокоохватывающий

удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировки противника. — Он снова уселся за стол и положил перед собой короткие пухлые руки. — Ну как?

Рокоссовский ничего не ответил, подошел к карте, некоторое время ее изучал и, повернувшись к Василевскому, сказал:

— Замысел красивый, ничего не скажешь.

— Это хорошо, что вам замысел пришелся по душе.

— Срок готовности?

— 15 февраля, — ответил Василевский и, посасывая трубку, ждал мнения командующего фронтом.

— Александр Михайлович, — поведя плечами, произнес Рокоссовский. — В который раз мы наступаем на одни и те же грабли. — Он встал и снова подошел к карте. — Я не могу понять, как это можно перебросить огромное количество войск из-под Сталинграда под Курск за такое ограниченное время. К тому же подготовить их к серьезному наступлению.

— Нам нужно начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы из глубокого тыла и с других участков.

— В настоящих погодных условиях перегруппировка войск сильно затруднена, — возмущенно произнес Рокоссовский. — Создается впечатление, что Ставка находится в Крыму, а не в Москве.

— Мы вам поможем, — сказал примирительным тоном Василевский.

Командующему Центральным фронтом оставалось одно — как можно быстрее вернуться под Сталинград и приступить к переброске войск.

Несмотря на все усилия, перегруппировку войск к назначенному сроку завершить не удалось. Плохая пропускная способность железных дорог, а также нехватка вагонов, тяжелые зимние условия срывали график движения. Рокоссовский доложил об этом в Ставку, но положение еще больше ухудшилось. Принять меры к ускорению перевозки было поручено НКВД. Сотрудники этого ведомства так напугали железнодорожное начальство, что положение дел стало еще хуже. Если до этого график как-то соблюдался, то теперь все было поставлено с ног на голову.

— Работа спорится не страхом, а умом, — заявил Рокоссовский старшему начальнику НКВД. — Вы завалили все перевозки.

— Вы разговариваете со мной очень грубо, — пытался угрожать тот. — И неуважительно относитесь к нашей работе.

— Я говорю то, что вы заслужили, — сказал Рокоссовский и тут же позвонил в Ставку с просьбой убрать представителей этого ведомства. После некоторых колебаний благодаря поддержке члена Военного Совета Телегина железнодорожная администрация начала руководить работами самостоятельно. Срок переброски и подготовки войск Центрального фронта к наступлению был продлен на 10 суток — до 25 февраля.

Оставив под Сталинградом своего заместителя генерала Трубникова, Рокоссовский со штабом и управлением фронта выехал в район Ельца, где был развернут командный пункт Центрального фронта.

Уже несколько дней бушевала метель. Метровые сугробы остановили весь наземный транспорт, но Ставка твердила одно — наступление откладываться не будет.

Кое-как в Елец добрался командарм 65-й — Батов.

— Павел Иванович, принимай все меры, чтобы взять войска в свои руки, — взволнованно сказал командующий фронтом. — До установленного Ставкой срока развертывания остается два дня. Твой левый сосед — вторая танковая армия генерал-лейтенанта Родина — на подходе.

— Как правый сосед? — спросил Батов.

— Прибывает из резерва Ставки 70-я армия генерала Тарасова, сформированная из пограничников. Это хорошо подготовленные солдаты, они могут вести бой в любых условиях. На эту армию мы возлагаем большие надежды и направляем ее на самый ответственный участок — на правый фланг, в стык с войсками Брянского фронта.

— Один прибывает, другой на подходе? — задумчиво произнес Батов. — А третий, то есть я, не знает, где находятся его войска. Да-а...

— Что задумался, Павел Иванович? — Рокоссовский взял с края пепельницы папиросу, сделав затяжку, спросил:

— Как понимать твое молчание?

— Не нравится мне эта спешка. В Генштабе полагают, что мы ловим блох!

— А ты думаешь, я от этой спешки в восторге? Убеждал, но никакого толку.

Начало наступления было успешным. Армия Батова и армия Родина к шестому марта продвинулись на 30–60 километров.

Кавалеристы корпуса Крюкова, встречая слабое сопротивление, вклинились в оборону противника до 100 километров.

Угроза глубокого охвата орловской группировки испугала немцев. В короткое время перед войсками Рокоссовского появились новые пехотные и танковые дивизии, переброшенные с других направлений. Положение конно-механизированной группы стало угрожающим. Командующий фронтом потребовал от Крюкова: приостановить наступление, перейти к обороне и держаться до подхода войск Батова. 12 марта гитлеровцы нанесли удар по флангам, и группа Крюкова оказалась в мешке.

Рокоссовский связался с Батовым.

— Павел Иванович, у меня резервов нет, чтобы развить успех вклинившихся в оборону противника войск. Войска поспешно отходят. Немедленно организуй оборону на реке Сев. Действуй сейчас же. Иначе противник на плечах отступающих форсирует реку и причинит нам еще больше неприятностей.

— Понятно. Выполняю приказ немедленно.

Кавкорпус и стрелковая бригада отступили под прикрытием сильных аррьергардов и с помощью войск Батова с потерями вышли из мешка.

Войска фронта, достигнув незначительных успехов, вели упорные бои, которые приняли затяжной характер. Поспешность наступления дала о себе знать.

Обстановка на фронтах складывалась не в нашу пользу. Войска Брянского фронта, встретив сильное сопротивление противника, остановились. Бил тревогу и штаб Воронежского фронта: немцы перешли в наступление и ведут бои в предместьях Харькова и Белгорода. Противник теснит наши войска и на Юго-Западном фронте.

Командующий Центральным фронтом, с трудом разыскав начальника Генштаба на Воронежском фронте, переговорил с ним по ВЧ.

— Александр Михайлович, мы израсходовали все силы. Фронт вытянулся в нитку и оторвался от своих баз.

— Причины?

— Причины все те же. В связи с поспешным наступлением мы не можем наладить нормального снабжения. Все резервы фронта забрали на другие направления, — говорил Рокоссовский с непривычным для себя возбуждением. — Разве можно в такой ситуации вести борьбу с превосходящими силами противника?

Мы же сами себя истязаем. Наши желания не соответствуют возможностям.

— Что вы предлагаете? — повысил голос Василевский.

— Немедленно перейти к жесткой обороне. Изучить возможности противника, свои и в спокойной обстановке принять решение.

— Но время уходит!

— Если мы не оценим трезво ситуацию, она будет работать на немцев.

— Я не могу принять такого решения.

— Но вы же начальник Генерального штаба, и эти вопросы относятся к вашей компетенции.

— Звоните Верховному Главнокомандующему!

Рокоссовский тут же связался со Сталиным, изложил ему обстановку и высказал свои предложения.

К вечеру Ставка приняла решение о нецелесообразности наступления на Орел. 21 марта фронт перешел к обороне.

«Вот тут-то и проявились, — пишет генерал армии С.М. Штеменко, — негибкая воля К.К. Рокоссовского, его большая организаторская активность и умение смотреть в лицо опасности, не теряя самообладания; маневрируя силами, используя обстановку уходящей зимы, он сумел организованно прекратить истощавшее себя наступление, умело избежать ударов врага и отвести войска на рубежи, образовавшие в последующем северный фас Курской дуги».

Когда были выданы и проверены команды по переходу к обороне, Рокоссовский пригласил к себе Малинина и Телегина. В комнате было тепло. На стене висела карта, испещренная красными, точно языки пламени, стрелами и кривыми линиями. Противник был обозначен синими значками. На столе, за которым находился командующий, лежала записная книжка в кожаном переплете и стояла пепельница. Приглашенные уселись напротив.

Рокоссовский передал содержание разговора с Василевским, посетовал на то, что в такой напряженный момент на фронтах в Москве оставался только один Верховный Главнокомандующий. Он взглянул на часы.

— Сейчас подойдут Родин, Крюков и Санковский. Представители Ставки настаивают, чтобы двух последних за самовольный отход отдать под суд военного трибунала согласно приказу № 227. С результатами расследования вы знакомы, за исключе-

нием одного обстоятельства — все это дело возникло по инициативе командующего танковой армией Родина. Окончательное решение за нами, и мы его должны принять сегодня.

Вскоре зашел в дом генерал-лейтенант Родин. Это был невысокого роста, широкий в плечах, крепкий сорокалетний мужчина, с волевым и, казалось, не терпящим возражений лицом. За ним стоял командир кавалерийского корпуса, генерал-майор Крюков, высокий, с озорным взглядом и открытым доверчивым лицом. На нем был коротенький кожаный жилет, крест-накрест перепоясанный ремнями.

Последним вошел командир стрелковой бригады полковник Санковский. Он неторопливо повесил свою дубленку на вешалку и занял место на одном из стульев. У полковника был какой-то виноватый взгляд, обычно свойственный людям, умеющим долго скрывать свою обиду.

Поздоровавшись с прибывшими, командующий фронтом открыл совещание, предварительно пояснив, чему оно посвящается. Рокоссовский, вооружившись указкой, подошел к карте.

— Как вы знаете, главный удар наносился силами левого фланга армии Батова и танковой армии Родина, — говорил он, глядя на присутствующих, и лишь изредка поворачивался к карте, чтобы убедительней подтвердить свою мысль. — Левее наступала стрелковая бригада Санковского и корпус Крюкова. Активные действия 70-й армии должны были сковать противника и обеспечить наступление на главном направлении. Но пограничники, всегда славившиеся высокими боевыми качествами, на этот раз подвели. С первого дня бои приняли ожесточенный характер. Противник успел усилить свою танковую армию на орловском плацдарме. — Рокоссовский глянул на полковника, который, казалось, чувствовал себя среди больших чинов не в своей тарелке. — Успех обозначился лишь на левом крыле фронта. Бригада Санковского прорвала на узком участке оборону противника на всю тактическую глубину. Что в такой ситуации можно было сделать?

— Развивать успех, — пробасил Калинин.

— Вот именно, что мы и сделали, — сказал Рокоссовский. — В прорыв были введены сначала части механизированных сил и кавалерийский корпус, а затем пошла и вся танковая армия. На мой взгляд, ни один стратег против таких действий возражать не станет. — Рокоссовский снова повернулся к карте. — Но когда передовые части находились где-то на пятидесятом километре,

пленные показали, что противник против вклинившихся войск ввел новые силы. Меняется обстановка, и мы принимаем новое решение. Батов поворачивает силы для оказания помощи провавшимся, а Крюков и Санковский получают приказ — остановить продвижение на запад, перейти к обороне, вести интенсивную разведку и ждать Батова. Но, скажем откровенно — генерал Крюков нарушил приказ и остановился только в 120 километрах от основной линии фронта, тем самым добровольно загнав себя в мешок. — Рокоссовский сел за стол и, повернувшись к генералу Крюкову, спросил: — Владимир Викторович, объясните, как это понимать?

Крюков встал и, сцепив пальцы рук, сказал:

— Я виноват, товарищ командующий. Увлёкся. Надоело отступать, вот и понесло меня.

— Вы тоже увлеклись, и вас понесло, Иван Ильич? — спросил Рокоссовский.

— Такая перспектива, попробуй тут удержаться, — ответил простуженным голосом Санковский. — Атака шла как по маслу.

— Что думает по этому поводу генерал-лейтенант Родин?

— Я вот что думаю, товарищ командующий фронтом, — подытожил генерал. — Коль они добились такого успеха, то не было никакого резону отходить. Казалось, еще небольшое усилие и мы откроем фронту выход к Днепру. — Он посмотрел на генерал-полковника. — После сосредоточения войск на курском выступе разве Днепр не был нашей заветной целью?

— Конечно, был, — улыбнулся Рокоссовский.

— Так вот, товарищ командующий, Крюкова и Санковского я обвиняю в самовольном отходе, и они должны отвечать за это перед судом военного трибунала. Поступи они иначе, мы бы, может быть, сегодня готовились к переправе через Днепр. Они нарушили требования приказа товарища Сталина № 227 и обязаны нести полную ответственность за это.

— Константин Федорович, Ваше мнение?

— У меня сложилось впечатление, что товарищ Родин не командующий армией, которая принимала участие в этом злополучном прорыве, а судья, не нюхавший пороха, — сказал Телегин. — Он тут явно перегибает палку. — Он неодобрительно посмотрел на генерал-лейтенанта. — Вам, товарищ Родин, прежде чем делать такие выводы и информировать представителей Ставки, не мешало бы проконсультироваться со своими непосредственными начальниками. Вот так я мыслю.

Родин покраснел и, сверкнув глазами с сторону члена Военного Совета, уставился в пол.

— Спасибо, — произнес Рокоссовский. — Что думает по этому поводу начальник штаба?

Малинин подошел к карте и подробно рассказал об операции отхода войск. В заключение произнес:

— Крюков и Санковский, осознав свою ошибку, отошли организованно и помогли вывести из-под удара значительные силы. Это смягчает их вину. А что касается командарма Родина, то ему мой такой совет: смотреть на дело не только со своей колокольни.

— Я думаю, что Крюков и Санковский за непослушание заслуживают сурового наказания, — подвел итог Рокоссовский. — Но если учесть патриотический порыв этих командиров, их добросовестное заблуждение и то, что они, занимая оборону на широком фронте, без резервов, при очень низкой плотности боевых порядков, сумели выбраться из мешка, то вполне можно обойтись и сегодняшним разговором. Самое главное, чтобы этот фронтовой инцидент пошел всем нам на пользу. — Он подошел к окрыленным Крюкову и Санковскому и пожал им руки: — Впредь горячку пороть не следует. Намотайте это себе на ус.

— Мы уже намотали, — улыбнулся Крюков.

Родин растерянно смотрел по сторонам и был готов к тому, что командующий фронтом устроит ему заслуженную головомойку.

Задержав командарма, Рокоссовский, улынувшись, произнес:

— Ну что ж, Алексей Григорьевич, могучий Днепр будем переплывать вместе.

— Так точно, товарищ генерал-полковник, вместе, — только теперь повеселел Родин. — Извините меня, я все понял.

— Вот и прекрасно, — подал ему руку командующий фронтом.

Глава восемнадцатая

1

После ожесточенных сражений зимой 1942 — 1943 годов на фронте наступило относительное затишье, продолжавшееся до июня 1943 года. Воюющие стороны извлекали уроки из прошедших боев, намечали планы дальнейших действий. Руководство фашистской Германии жаждало реванша за поражение под Сталинградом, пытаясь захватить инициативу и повернуть ход вой-

ны в свою пользу. По сути дела, оно шло ва-банк, готовя к сражению свои лучшие силы. В ходе наступления на Курск немцы планировали уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов и имеющиеся на этом направлении стратегические резервы. Операции было присвоено кодовое название «Цитадель».

Успех под Курском открывал дорогу дальнейшему наступлению на Восток. После этого предполагалось провести операцию «Пантера» — окружение и уничтожение войск Юго-Западного фронта. Затем гитлеровцы планировали ударить в северо-восточном направлении, чтобы перерезать связь Москвы с южными районами страны.

Подготовка к летне-осенней кампании проводилась с большим размахом. Была объявлена «тотальная мобилизация» людских и материальных резервов Германии и поработенной Европы. Особое внимание уделялось производству новых типов тяжелых танков и штурмовых орудий.

Всю силу удара гитлеровское командование решило сосредоточить на очень узких участках у основания выступа фронта, который образовался под Курском в ходе зимнего наступления. Мощным ударом немцы рассчитывали быстро прорваться к городу, окружить и уничтожить самую крупную группировку советских войск.

На Курском направлении фашисты сосредоточили пятьдесят дивизий, около миллиона солдат и офицеров, около десяти тысяч орудий и минометов, более двух тысяч самолетов. Накануне наступления Гитлер в приказе офицерскому составу войск, участвовавших в операции «Цитадель», писал: «Численность личного состава у нас поднята до высшего возможного предела». В тех же патетических тонах было выдержано и его обращение к солдатам: «Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть всё».

Несмотря на то что к лету 1943 года Советская Армия уже превосходила противника в силах и держала в руках стратегическую инициативу, советское командование решило создать в районе курского выступа мощную, глубоко эшелонированную оборону. План предусматривал: в упорных боях измотать ударные группировки противника, а затем перейти в контрнаступление и завершить их разгром. В дальнейшем было предусмотрено развертывание общего стратегического наступления в юго-западном направлении.

Задача по отражению наступления противника возлагалась на войска Центрального и Воронежского фронтов, которыми командовали К. К. Рокоссовский и Н. Ф. Ватутин. В составе этих фронтов было сосредоточено свыше 1,3 миллиона человек, 19 тысяч орудий и минометов, 3,4 тысячи танков и самоходных артиллерийских установок, более двух тысяч самолетов. В тылу курского выступа был развернут стратегический резерв Ставки – Степной фронт.

Рокоссовский и его штаб приступили к работе. К апрелю в состав Центрального фронта входили: 48-я армия генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, 13-я – генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, 70-я – генерал-лейтенанта Галанина (он заменил Тарасова), 65-я – генерал-лейтенанта П.И. Батова и 60-я – генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского. В резерве фронта находилась 2-я танковая армия А.Г. Родина. С воздуха войска фронта прикрывала авиация 16-й воздушной армии генерал-лейтенанта С.И. Руденко.

2

В начале мая 1943 года установилась теплая весенняя погода. В деревне Слобода, куда перебрался КП фронта из железнодорожного узла Ельца, подвергавшегося частым бомбежкам, цвели сады, зеленели луга, полевыми цветами пестрели холмы.

После ознакомления с положением дел на Центральном фронте член Государственного Комитета Обороны Г.М. Маленков, заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов и первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко, назначенный членом Военного Совета фронта, подводили итоги работы.

В конце совещания они предложили высказать свои соображения командующему фронтом.

Рокоссовский в присущей ему смелой манере коротко оценил обстановку, сложившуюся на его участке фронта, высказал уверенность, что немцы, следуя своей шаблонной тактике, и на сей раз не откажутся от своего излюбленного приема – нанесение удара под основание выступа по сходящимся направлениям.

– Константин Константинович, – сказал Антонов, сидевший за столом и делавший пометки в блокноте. – Какие у вас есть пожелания?

– У меня есть претензия к управлению войсками, – сказал Рокоссовский. – Я неоднократно ставил этот вопрос, но воз и ныне там. Считаю своим долгом напомнить об этом и сейчас.

Пономаренко окинул взглядом присутствующих и с любопытством посмотрел на командующего фронтом, словно прикидывая, с кем ему предстоит работать.

– Мне до сих пор непонятно, как можно управлять войсками, когда начальник Генерального штаба, вместо того чтобы управлять из центра, где сосредоточены все сведения по театру военных действий, убывает на длительное время на один из фронтов. Мало того, заместитель Верховного Главнокомандующего следует его примеру.

– А может, наоборот, – усмехнулся Антонов.

– Я не знаю, кто с кем соревнуется, но факт остается фактом: где находятся эти чины, там и лучше снабжение, и больше резервов. Я убедился, что это часто делается в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадает проведение не менее сложных операций.

Пономаренко улыбнулся и вновь продолжал наблюдать за командующим. Рокоссовский повернулся к Маленкову:

– Георгий Максимилианович, я просил бы вас поднять этот вопрос в Ставке. Такой стиль управления войсками наносит вред делу.

– Товарищ Антонов, запишите и доложите по команде, – сказал, подойдя к открытому окну, Маленков. – Командующий фронтом говорит дело.

На этом разговор закончился. Москвичи уехали, а командующий фронтом и Пономаренко остались одни. После обмена мнениями о планах на ближайшие дни член Военного Совета достал из папки документ и протянул его Рокоссовскому:

– Посмотрите, это касается нас обоих.

«Уважаемый Пантелеймон Кондратьевич! – читал Рокоссовский. – К вам обращается майор Белозеров Андрей Николаевич. Убедительно прошу Вас войти с ходатайством в штаб фронта генерал-полковника Рокоссовского о заброске меня с вашей помощью к партизанам Белоруссии, где я намерен продолжать борьбу с фашистами до победного конца. Несколько слов о себе. Родился я на Волге среди немецких поселенцев, к которым отношусь с большим уважением. С детства владею немецким языком и совершенствую его всю жизнь. Воевал на Гражданской. Закончил командиром дивизиона. После педагогических кур-

сов преподавал немецкий язык в школе. В 1934 году закончил Высший коммунистический институт просвещения России. Затем работал в Министерстве просвещения. В 1938 году арестован по делу Рокоссовского. Четыре года жестокого опыта доказали мне многое. Но я искренне верю в нашу победу и лучшую жизнь. Фашисты уничтожили мою семью.

Меня приютил в штабе фронта мой друг Рокоссовский, мы воевали вместе в Гражданскую войну. Опекая меня, он может привлечь к себе недружественные взгляды. Я не хочу мешать этому военному гиганту. Не знаю, может, я вламываюсь не в ту дверь, но, думаю, вы меня поймете.

Прошу удовлетворить мою просьбу.

Герой Советского Союза майор Белозеров».

Прочитав письмо, Рокоссовский прикусив нижнюю губу, просительно посмотрел на Пономаренко.

— Ну, что будем делать? — спросил тот.

— Пока не знаю, я должен с ним переговорить.

— За него можно поручиться?

— Без сомнения.

3

Между друзьями, Рокоссовским и Белозеровым, вечером того же дня произошел необычный разговор.

— Я понимаю твое душевное состояние после посещения могилы жены и сына, — говорил генерал, расхаживая по комнате. — Но почему ты подвергаешь сомнению нашу дружбу? На каком основании ты утверждаешь, что ты мне в тягость?

— Я не сомневаюсь в искренности нашей дружбы. — Понуришь голову, Белозеров сидел за столом. — Я чувствую какую-то ущербность, когда меня опекает сам командующий фронтом.

— Откуда тебе взбрела в голову подобная ересь?

— Извини, Костя, если тебя обижают мои рассуждения.

— Что случилось, Андрей? — сказал Рокоссовский, остановившись у стола. — Сколько с тобой ни говорил на эту тему — мои слова отскакивают от тебя, как горох от стенки. В чем дело? Откуда тебе пришла в голову мысль, что я тебя опекаю? Разве не ты уничтожал немцев из снайперской винтовки? Подвиг, который ты совершил при добыче языка, был на слуху у всей армии Малиновского. Неужели ты всерьез думаешь, что я излишне о тебе забочусь?

— Да, думаю.

— Закуривай, — кивнул генерал на пачку папирос, лежавшую

на столе, и сам глубоко затаился. — Андрей, я перестану тебя понимать.

— А что тут понимать? — произнес Белозеров и, подняв глаза на друга, решал про себя: говорить или промолчать. Это заметил Рокоссовский.

— Продолжай, раз начал.

— Уже трижды меня прощупывали особы. Уточняли: на какой почве командующий фронтом и простой старшина из штрафного батальона водят дружбу. Им это совершенно непонятно.

— Почему ты мне об этом не сказал? — повысил голос генерал. — Почему?

— Не хотел расстраивать, у тебя и без того уйма дел.

В открытое окно дунул слабый ветерок, принес с собой запах сырой земли. Под абажуром замигала электролампочка.

Рокоссовский смерил долгим взглядом Белозерова, и его осенила мысль: «А может, и правда, пусть летит в Белоруссию. Другая обстановка, другие люди. Он человек общительный... Это может помочь ему вновь обрести крылья». Рокоссовский сел за стол, положил свою руку на руку Белозерова.

— Андрей, обещаю мне, когда попадешь к партизанам, будешь беречь себя.

— Обещаю, Костя! — широко улыбнулся Белозеров.

— Я и Пономаренко дадим тебе рекомендации, и завтра утром ты можешь уехать в штаб партизанского движения.

— Спасибо! — Он поправил упавшие на лоб волосы, вслед за Рокоссовским вышел из-за стола.

— Андрей, ты обязательно давай о себе знать, — сказал Рокоссовский, обнимая друга. — Мы должны встретиться после войны. Хорошо?

— Непременно.

4

В первой половине июня 1943 года командир дивизии 70-й армии генерал-майор Аревадзе Михаил Егорович проверял готовность позиций полков к обороне. На его долю выпал ответственный участок фронта. Он понимал это и с беспокойством, свойственным горячему южному человеку, упорно готовился к тому, чтобы отстоять свои позиции.

Это был широкоплечий, невысокого роста человек лет пятидесяти, с потемневшим от загара лицом, с черными стрелками-

усиками. Пышные брови и карие живые глаза придавали ему вид строгого и решительного командира. Но это первоначальное впечатление сразу же менялось, стоило лишь внимательнее присмотреться к его мягкому доброму лицу. Он хорошо владел русским языком, но, когда сильно волновался, говорил с заметным грузинским акцентом.

Когда весной сформировали дивизию из пограничников и, как и всю 70-ю армию, направили на фронт к Рокоссовскому, он уже хорошо был осведомлен о душевных качествах этого полководца и знал, что солдаты на фронте с гордостью называют себя «рокоссовцами».

День и ночь Аревадзе пропадал на передовой и заставлял полки выполнять приказ командующего фронтом — закапываться основательно в землю. Привлекал он для этого в основном пехоту — саперы у него занимались другим делом: строили инженерные заграждения, ставили мины, проводили разминирование.

— О! Как умели строить крепости мои предки! — с восторгом говорил он своим саперам. — В моей родной Имеретии, рядом с нашим селом Сербайси, на высокой горе до сих пор стоит красивая крепость Вахани. Она построена еще при царице Тамаре, а годится для обороны и теперь. — Он подбадривал своих подчиненных. — Так что стройте, друзья, стройте надежные блиндажи, укрытия. Каждый солдат должен считать, что именно на его голову упадет снаряд или бомба. Запасных голов еще не придумали. Поэтому соображай, как ее, любимую, защитить.

За последние дни генерал много думал о предстоявшем сражении. Затишье, которое уже продолжалось более трех месяцев, обещало впереди грозные события. Переходя из одного окопа в другой, Аревадзе чувствовал, что тем же встревожены командиры и солдаты. Данные разведки подтверждали, что немцы подтягивают к исходным позициям все новые и новые силы, тяжелые танки, артиллерию.

К обеду он добрался до наблюдательного пункта полка, расположенного чуть ниже гребня холма, на который поднималась замаскированная траншея. На самом верш, в щелях, стояли стереотрубы. С командиром полка он вел некоторое время наблюдение за противником, затем, вернувшись на НП, спросил:

— Сколько у нас над головой накатов?

— Три.

— Если в ваш блиндаж попадет солидный снаряд, от вас останется одна пыль. А кому это нужно, вам? Нет. Мне тоже нужен живой и здоровый командир. Немедленно насыпать еще два наката и вечером мне лично доложить.

— Слушаюсь! — козырнул командир полка.

Генерал вышел из блиндажа, посмотрел влево — туда, где раскинулась холмистая зеленая равнина, и, взглянув на карту, уточнил ее на местности, сделал красным карандашом пометки. Командир полка доложил, какие противотанковые средства расположены в этой долине, а Аревадзе тут же нанес их на карту. Подбежал молоденький, высокий, как тополе, связист.

— Шейко, что случилось? — спросил командир полка.

— Генерала вызывают к телефону! — крикнул девичьим голосом тот и мигом скрылся на НП.

Аревадзе спустился вниз, взял трубку. Из штаба армии сообщили, что завтра часам к 10 утра командующий фронтом Рокоссовский будет у него на КП. Надо будет доложить о готовности дивизии к обороне, и, естественно, командующий не упустит возможности посмотреть кое-что лично.

К вечеру Аревадзе возвратился к себе на КП. Он составил план доклада командующему фронтом, продумал до мелочей порядок встречи, затем попросил адъютанта принести посылку, которую передала вчера грузинская делегация из Имеретии, приезжавшая к своим землякам, служившим в соседней дивизии.

В посылке были грецкие орехи, сушеные фрукты, две бутылки местного вина «Саперави» и письмо.

Генерал поцеловал письмо, положил его на стол и закурил. Он посмотрел влажными глазами на керосиновую лампу, потом снова перелистал письмо, будто хотел еще что-то прочитать между строк. Он сделал несколько шагов по деревянному полу землянки и опять сел за стол. Письмо навело воспоминания о доме, о детях, о его далекой Имеретии.

Он видел горы Звинодауры. Серые остроконечные горные вершины тянулись беспорядочными нагромождениями, будто их когда-то небрежно высыпали с неба, до самого туманного горизонта. В предгорьях темнели вековые деревья, среди которых прошло его детство.

Аревадзе вспомнил, как перед войной со своим малышом Годердзи он ловил форель в темном сыром ущелье. Притаившись за каменными валунами, они незаметно забрасывали ле-

ску, и форель в одно мгновение хватала наживку и тут же трепетала на золотом песке. Малыш был на седьмом небе от счастья, когда видел, как форель преодолевала пятиметровые водопады.

Последний звонок вновь окунул генерала во фронтовую обстановку. Из штаба армии сообщили, что встреча с командующим фронтом состоится в 9 часов на стыке правого фланга с соседней дивизией. Аревадзе переговорил с начальником штаба и после трехчасового сна уехал на передовую.

В условленное время состоялась встреча с Рокоссовским, одетым в полевое обмундирование без знаков различия. Только потом понял Аревадзе, зачем ему был нужен этот камуфляж: командующий фронтом уже неделю проводил рекогносцировку местности на направлении предполагаемого главного удара противника, изучал нашу оборону и давал распоряжения на перегруппировку сил.

После организации взаимодействия на стыке обороны двух дивизий командующий фронтом продолжал знакомиться с системой обороны соединения генерала Аревадзе.

Стояла июньская жара. Над дорогой за каждой машиной, словно пар из гейзеров, клубилась пыль. Рядом с водителем «Виллиса» сидел Аревадзе, а на заднем сиденье находился Рокоссовский. Дорога то поднималась вверх, то падала вниз, в глубокую котловину.

— Как вы думаете, Михаил Егорович, — спросил Рокоссовский, — можно надеяться на вашу дивизию? Она устоит перед танковой мощью противника?

— Товарищ командующий, я бы отказался командовать дивизией, если бы не был в этом уверен.

— Ну что ж, уверенность командира — это немало для успеха в бою.

Машина шла от переднего края, где генералы более двух часов беседовали с солдатами и офицерами, в глубь обороны дивизии. Командующему фронтом хотелось увидеть ее как бы в разрезе.

Перед его глазами одна за другой тянулись артиллерийские позиции, которые с воздуха не могли просматриваться, мелькали капониры с тяжелыми гаубицами. Длинные хоботы пушек тоже были прикрыты маскировочными сетками. Неподвижно стояли зарытые в землю танки. Везде чувствовалась крепкая хозяйская рука командира дивизии. Рокоссовский, исподволь

наблюдая за генералом, заметил, что при обнаружении малейшего недостатка в обороне командир сжимал губы и подергивал правой стрелочкой уса. Машина остановилась возле невидимого противотанкового района.

— Давай, дорогой, показывай, как обустроен этот район, — сказал Рокоссовский, вылезая из машины. Генералы поглядывали то на карту, то на местность.

— Видите, — говорил Аревадзе, — две расположенные параллельно высоты и ложбину между ними?

— Вижу.

— Это оборонительный узел, приспособленный для круговой обороны. Вот противотанковый ров. Справа от нас луг — тут могут пройти танки, если сохранится такая сухая погода.

— Что вы предприняли, чтобы танки не прошли?

— Мы в центре этого луга построили ямы — ловушки. Видите кусты?

— Да вижу, их много.

— Так вот, это маскировка. Под каждым кустом находятся ямы-ловушки.

Рокоссовский подошел к кусту, поднял его и, увидев глубокую яму, улыбнулся:

— Молодцы, хорошо придумали.

Улыбка до ушей озарила лицо командира дивизии. Они проехали около двух километров, и их остановил часовой.

— А здесь что происходит? — уточнил Рокоссовский, приоткрыв дверцу машины.

— Здесь идет боевая учеба, — ответил с какой-то особой гордостью генерал. — Люди, свободные от земляных работ, учатся наступать. Они штурмуют собственный дзот и последовательно отрабатывают элементы боевого порядка.

— Ничего не скажешь, разумно, — похвалил действия Аревадзе командующий фронтом. — Я об этом поговорю с Галаниным. Пока гитлеровцы предоставляют нам время, надо использовать его на полную катушку.

У комдива от похвалы самого Рокоссовского высохло в горле и сладко забило сердце. Он тут же решил угостить этого человека вином «Саперави». Теперь он был самым уважаемым для него командиром. Такое поведение военачальника было праздником для его души.

— Товарищ командующий фронтом, — покраснев, проговорил Аревадзе. — Я вас приглашаю на хлеб-соль.

Рокоссовский посмотрел на генерала, усмехнулся. Видимо, грузинский акцент пришелся ему по душе. Он тоже при определенных обстоятельствах был не чужд польского говора.

— Жена вчера прислала «Саперави»! — лихо поднял правую руку вверх Аревадзе. — Это самое лучшее вино в Грузии! В нем ласковые лучи солнца Имеретии.

— Раз так, попробуем вашего лучшего вина, — Рокоссовский взял под руку генерала. — Пошли.

У входа в землянку они умылись и по деревянным ступенькам спустились вниз.

Рокоссовский окинул взглядом землянку, уселся за стол. Аревадзе заглянул в тумбочку и опешил — там не оказалось ни одной бутылки вина. Он несколько раз приседал, заглядывая во все углы, но и там ничего не было. Он стоял посередине землянки красный, как вареный рак, и не знал куда девать глаза. Заметив растерянность генерала, Рокоссовский жестом руки пригласил его сесть.

— Михаил Егорович, — начал он, добродушно рассматривая своего собеседника. — Мне рассказывали, что в горах Грузии есть такой обычай — приглашать в гости незнакомца, если ты даже совсем беден. — Он глянул на вконец расстроенного Аревадзе и продолжал: — На коне через село ехал в пышном национальном костюме, с дорогим кинжалом на боку, всадник. Увидев незнакомца, один крестьянин сказал: «Братец, куда едешь в такой поздний час? Оставайся на ночь у меня, а завтра утром уедешь. Вино выпьем, шашлык съедим». — Командующий фронтом усмехнулся. — Всадник как раз этого и ждал. Он ловко соскочил с коня и спросил у крестьянина: «А где и к чему привязать коня?» «К кончику моего языка», — сердито ответил крестьянин, сожалея о предложении, сделанном чужаку.

— Я все понял, товарищ, командующий, — сказал глухим голосом Аревадзе и потупил глаза.

— Михаил Егорович, не расстраивайся, — сказал Рокоссовский сочувственно. — Чай есть?

— Я сейчас! — генерал забежал в соседнюю землянку и застал там адъютанта. — Ты не знаешь, куда исчезла моя посылка?

— Она у меня, — ответил тот.

— Жень, ты гений! — сказал Аревадзе и с посылкой исчез за дверью.

Закончив обед, Рокоссовский тепло поблагодарил хозяина, сел в машину и уехал в соседнюю дивизию. Когда машина запылила по дороге, адъютант спросил:

— Это кто такой?

— Перед таким человеком шляпу снимать надо, а ты не знаешь, кто такой! Это Рокоссовский.

— Рокоссовский? — удивился адъютант.

— А ты думал, генерал Аревадзе будет угощать имеретинским вином какого-нибудь простого человека? — Он подошел к адъютанту и кивнул на дорогу. — Видишь машину?

— Вижу.

— Это уехал от меня сам командующий фронтом, генерал армии Рокоссовский.

Глава девятнадцатая

1

Во второй половине июня появились явные признаки того, что противник вот-вот начнет наступление. Гитлеровская авиация постоянно прощупывала позиции Центрального фронта. Немцы усилили налеты на железнодорожные узлы, на линии связи и фронтовые коммуникации. Были замечены самолеты над селом, где располагался КП фронта.

Дом, в котором жил Рокоссовский, стоял у входа в старинный монастырский парк. Рядом с ним тянулись в небо два тополя. Вполне возможно, что они служили хорошим ориентиром для авиации.

После поездки на передовую у Рокоссовского впервые за две недели появилась возможность передохнуть. По крайней мере, хотя бы одну ночь хотелось выспаться вволю. Еще до наступления темноты он принял душ, переделся в свою генеральскую форму, поужинал и, открыв окно, закурил.

В деревне Слобода смеркалось. Густело жаркое небо. В низинах плавали предвечерние луговые туманы. Время от времени тишину нарушали взрывы артиллерийских снарядов. В глубине парка тоскливым, почти человеческим голосом, словно накликая беду, ухал филин. Через некоторое время, осмелев от фронтового затишья, сначала робко, будто настраивая голос, а потом в полную силу запел, зацелкал, зашвистел соловей. Казалось, что ему нет дела ни до чего на свете: ни до войны, ни до гибели людей, ни до хрупкого зати-

шья, которое скоро взорвется очередной человеческой бойней. Он помнил только одно — извечную мелодию своих предков. И, точно сообразив наконец, что они тоже курские солдаты, ему ответили другие. И весь парк, сады, деревья зазвенели соловьиными трелями. Рокоссовский отошел от окна и, дымя папиросой, начал ходить по комнате. И тут же в мысли ворвались фронтовые будни. Впечатление от подготовленной системы обороны, которая простиралась вглубь на сотни километров, вселяло уверенность, что противник об эти укрепления поломают зубы и тогда можно будет перейти в решительное контрнаступление.

«Правильно ли я определил, что по орловскому выступу противник нанесет главный удар? — думал он. — Ведь я там в полосе 95 километров сосредоточил около 60 процентов всех стрелковых дивизий фронта, 70 процентов артиллерии и около 90 процентов танков. Здесь же у меня находятся войска второго эшелона и фронтового резерва. Не слишком ли я рискую? Не ошибаюсь ли я, полагаясь на шаблонное мышление гитлеровского командования?»

С карандашом в руках он нагнулся над картой и в течение полутора часов изучал данные разведки, полученные из различных источников. «Нет, не ошибаюсь», — произнес он вслух и вскоре разделся и лег в постель.

На следующий день он проснулся рано, надел спортивный костюм и вышел в монастырский парк. Закончив зарядку, он начал прохаживаться по дорожкам. В парке было тихо. Верхушки деревьев полыхали солнечными огнями. Белые березы стояли в обнимку с кленами и липами, только древние дубы теснили ветвями соседей, отвоевывая для себя побольше пространства. Высоко в небе был слышен гул самолета; разорвали тишину несколько зенитных выстрелов.

Весь день пролетел незаметно в различных фронтовых хлопотах. А вечером командующий фронтом, как и раньше, ждал дежурного, чтобы просмотреть текущие документы. Как правило, после этого он шел в соседний дом, где располагалась столовая Военного Совета, на ужин. Но на этот раз Рокоссовскому не хотелось быть одному. Какая-то внутренняя тревога не давала ему покоя целый день. Может быть, виною тому был тревожный сон, который он видел сегодня ночью. К нему приходила мать и пыталась выманить его из дома, чтобы он не проспал и не опоздал в школу.

На этот раз Рокоссовский велел принести деловые бумаги в столовую и отправился туда сам. Ровно в 23 часа он начал изучать документы, обмениваясь репликами с Малининым и Казаковым.

Вдруг послышался гул самолета, и в небе появились осветительные бомбы, а затем раздался резкий свист. Посетители столовой бросились на пол и тут же слышали несколько оглушительных взрывов. В столовой вылетели стекла, но никто не пострадал.

Дом, в котором жил Рокоссовский, был уничтожен прямым попаданием бомбы. От него осталась только одна глубокая воронка.

«Если бы не сон, я бы наверняка остался дома», — подумал Рокоссовский, рассматривая дымящиеся бревна.

— Михаил Сергеевич, рисковать больше ни к чему, надо зарываться в землю.

— Завтра же даю команду в монастырском парке оборудовать блиндажи, — ответил Малинин.

— Хорошо, — кивнул Рокоссовский.

2

Наступил июль. Длительное ожидание наступления фашистов уже действовало всем на нервы. Сводки Совинформбюро постоянно передавали: «На фронте ничего существенного не произошло». Но 2 июля из Ставки сообщили, что, по имеющимся сведениям, 3 — 6 июля противник может перейти в наступление.

Глубокой ночью с 4 на 5 июля Рокоссовского попросил к телефону командарм 13-й армии Пухов. У этого человека с крепкими нервами на сей раз голос был необычно тревожным.

— Товарищ генерал армии, только что наши разведчики захватили сапера противника, который показал, что сегодня в три часа утра начнется наступление. Войска заняли исходные позиции, саперы проделывают проходы в минных полях.

С вечера 4 июля в штабе Центрального фронта находился представитель Ставки Жуков. Ему тут же доложил Рокоссовский о разговоре с командармом.

— Что будем делать? — спросил командующий фронтом. — Докладывать в Ставку — только терять время. Промедление может обойтись нам очень дорого.

— Ты командуешь фронтом, тебе и решать.

«Верить этим сведениям или не верить? — лихорадочно думал Рокоссовский. — А что, если эта информация является ложной? В этом случае половина боеприпасов артиллерии фронта будет израсходована впустую. Это неоправданный риск. У нас каждый снаряд на учете».

В течение нескольких секунд в памяти генерала прокрутились данные разведки с других участков, и он принял окончательное решение. Он глянул на молчавшего Жукова и спокойно произнес:

— Я отдаю приказ на открытие огня.

— Это твое право.

Необычная неуверенность в голосе Жукова не поколебала решения Рокоссовского. Он повернулся к начальнику артиллерии фронта.

— Василий Иванович, начинай.

Ровно в 2 часа 20 минут 5 июля артиллерия 13-й и 48-й армий открыла ураганный огонь по войскам немцев, которые изготовились к атаке. Канонада гремела в течение 30 минут, затем наступила зловещая тишина, которая должна была внести ясность: правильное решение принял командующий фронтом или же он просчитался. Прошел час. Все думали — если бы гитлеровцы пошли в атаку, было бы легче. Эта тишина угнетала всех — и штабы, и тех, кто сидел в окопах на передовой. Особенно она давила на психику командующего фронтом. Он курил одну папиросу за другой и, не отходя от телефона, ждал сообщения от командующих армиями. Он попал в странную ситуацию, которая редко встречается на войне, — командующий фронтом с нетерпением ждал, чтобы противник атаковал его войска.

И вот в 4 часа 30 минут сотни вражеских бомбардировщиков выплыли с немецкой стороны. Когда они освободились от смертоносного груза, артиллерия фашистов больше часа обрабатывала передний край Центрального фронта.

В шесть утра гитлеровские танки и пехота пошли в наступление. Члены Военного Совета, начальники родов войск, не спавшие всю ночь, ждали распоряжения командующего фронтом.

Рокоссовский посмотрел на их уставшие лица и спросил:

— Вы уверены в надежности нашей обороны?

— Да, уверены, — ответил за всех Калинин.

— Я тоже считаю, что войска фронта не подведут, — твердо заявил Рокоссовский. — Сейчас самое главное — не мешать тем, кто

занят боем. Через некоторое время командармы разберутся, что у них там произошло, и нам доложат. Я всем советую часика два отдохнуть. Вы как хотите, а я иду спать.

Трудно сказать, спал ли Рокоссовский в эти тревожные утренние часы и сколько сил и энергии стоило ему это спокойствие, но он был уверен в одном — все, что предстояло сделать перед атакой фашистов, было выполнено. Он надеялся на командиров соединений как на самого себя. И в этом он тоже не ошибся.

Главный удар немцев обрушился именно на тот участок, где и предполагал командующий фронтом. Противник в течение трех суток, обжегшись на одном направлении, наносил удар на втором, на третьем, но все в той же полосе, которую предвидел Рокоссовский. Кое-где противнику удалось потеснить войска на 8 — 10 километров, но прорвать полосу обороны он был не в силах.

Командующий фронтом смело и решительно маневрировал имевшимися в его распоряжении силами, без колебаний снимал войска с менее опасных участков и переводил их туда, где было опаснее всего. По приказу Рокоссовского Черняховский отдал дивизию, которая находилась у него в резерве. Пришлось расстаться с несколькими соединениями и прижимистому Батову.

Все эти трудные и напряженные дни командующий фронтом с самого начала до конца курского сражения неотлучно находился на КП и руководил сражением.

Бои на северном фланге Курской дуги продолжались 9 — 11 июля. Модель* 12 июля отдал приказ своим войскам перейти к обороне. В этот день на южном фланге Курской дуги были остановлены немецкие танки на фронте Ватутина. Около старинного селения Прохоровка разыгралось невиданное в мировой истории танковое сражение. На небольшой полосе изрезанной оврагами равнины сошлись в смертельной схватке 1200 танков. Обе стороны, потеряв по три с лишним сотни машин, отошли на исходные позиции. Противник перешел к обороне на всех фронтах. Операция «Цитадель» с треском провалилась.

3

Теперь перед Центральным фронтом стояла новая задача: через три дня начать наступление против орловской группировки противника. Впоследствии Рокоссовский оценил это наступление так: «...Снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложившейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступали без

достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, выталкивали его с Орловского выступа. А ведь, возможно, все сложилось бы иначе, если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов»*.

Но, как бы то ни было, приказ надо выполнять. Используя небольшую передышку, Рокоссовский решил посетить места, где упорнее всего шли бои. Рано утром он выехал на передовую, на стык 13-й и 70-й армий.

Было уже светло, когда машина по узкой полевой дороге оглядела озеро, над которым висел туман, окрашенный в светло-розовый цвет. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь плотную дымку, делали озеро похожим на чашу, заполненную оранжевой водой.

«Разбить бы здесь палатку да порыбачить, — подумал Рокоссовский. — Эх, мечты, мечты». Теперь ему казалось, что больше всего на свете ему хочется побыть в уединенном месте, где вокруг была бы только тишина — ни воющего звука бомб и снарядов, ни свиста пуль, ни тревожных, изнуряющих душу мыслей о предстоящих боях.

Машина выскочила на большак и, проехав около пяти километров, вновь повернула на полевую дорогу. По мере приближения к линии фронта порывы ветра приносили запахи пороха, горелой резины, обожженной земли и трупного смрада.

Одичавшие поля и безлюдье томили душу. Машина прошла по участку поля, которое, видимо, переходило из рук в руки не один раз. Земля вокруг была изрыта и перепахана, а на ней валялись остовы танков, машин, оружие, каски. И на все это мрачно смотрело солнце.

Машина остановилась на окутанном дымкой рубеже, где находился наблюдательный пункт дивизии. Рокоссовского встретили командармы Пухов и Галанин и командир дивизии. У генерала Аревадзе была перевязана левая рука: она висела на широкой полосе бинта, переброшенной через шею.

— Михаил Егорович, что случилось? — спросил Рокоссовский.

— Немножко царапнуло осколком, — ответил генерал.

— Ничего себе немножко, — добавил Галанин, — глубоко задета кость. Рекомендую лечь в госпиталь, он и слушать не хочет.

— Что вы ко мне пристали, как мухи! — раздраженно произнес Аревадзе. — Все твердят одно и то же: госпиталь, госпиталь. Я же сказал: никуда не поеду, мое место здесь, с моими пограничниками.

— Надо слушаться врачей, — улыбнулся командующий фронтом, вспомнив свое бегство из госпиталя. Он повернулся к Пухову и спросил: — Николай Павлович, какие в армии потери?

— Примерно одна треть личного состава выбыла из строя.

— А у вас, Иван Васильевич?

— Порадовать ничем не могу, чуть более тридцати процентов, — ответил Галанин.

— Как дрались пограничники?

— За время войны с фашистами я командую уже четвертой армией, но таких бойцов у меня еще не было, — сказал Галанин. — Сражаются до последнего. Иногда трудно понять, откуда у них берутся силы. С такими людьми я готов шагать до Берлина.

— Я хорошо знаю пограничников, — произнес Рокоссовский. — Они нигде и никогда не подводили. Я рад, что пограничники и здесь оказались на высоте.

Генералы зашли в землянку и уселись вокруг стола. Вспомнив «происшествие» за этим столом, командующий фронтом сказал:

— Михаил Егорович, вот где пригодилось бы ваше «Сапери».

— Как закончится война, приезжайте ко мне в Сербайси, я угощу вас вином из винограда, выращенного своими руками, — вдохновенно сказал Аревадзе. — Под моей гостеприимной кровлей вы будете чувствовать себя лучше, чем дома.

— За кончик языка привязывать не надо будет? — рассмеялся Рокоссовский.

— Нет, нет, этого не будет, — засмеялся генерал, поправляя раненую руку. У Рокоссовского не поворачивался язык говорить о скором, без отдыха, без перегруппировки сил, наступлении. Но другого выхода не было: приказ Ставки уже поступил.

— Я знаю ваши способности, — начал Рокоссовский. — Вы прекрасно оборонялись. 15 июля мы идем в наступление. Я уверен, вы покажете себя и здесь наилучшим образом.

Он поставил задачи двум армиям, рассказал о замысле операции, о взаимодействии с соседними фронтами и к вечеру вернулся на свой КП.

Наступление началось в срок. Оно шло тяжело. Войскам приходилось с большим трудом преодолевать одну позицию за

другой в многочисленных оборонительных рубежах противника, построенных им здесь за два года пребывания в Орловской области.

5 августа войска Центрального и Брянского фронтов освободили Орел, а войска Воронежского фронта заняли Белгород. В этот вечер Москва салютовала 12 залпами из 120 орудий освободителям этих городов. Отмечать новые победы с той поры стало традицией. Настало время, когда противник, огрызаясь, уходил на Запад.

Наибольших успехов достигла 60-я армия Черняховского. Командарм сумел найти слабо укрепленный участок обороны и до 31 августа прорвался вглубь на 60 километров. Началось освобождение Украины. В штаб фронта нагрянули журналисты центральных газет в то время, когда Рокоссовский находился в 60-й армии. Представителей прессы принимал начальник штаба фронта Малинин.

— Я бы вам рекомендовал написать о нашем командующем фронтом, — говорил Малинин. — Я с ним уже давно работаю и не перестаю восхищаться. Талант генерала, его смекалка, стратегический ум особенно ярко проявились под Сталинградом и здесь, на Центральном фронте.

Представители прессы скрипели перьями, а начальник штаба расхаживал перед ними и старался подобрать самые меткие слова для характеристики своего командира:

— Подкреплю свои слова примером. На участке армии Черняховского обозначился явный успех. Командующий фронтом, на мой взгляд, принимает смелое и, возможно, в этой ситуации единственно верное решение — он снимает с главных направлений сначала 2-ю танковую армию, затем резервный стрелковый корпус, артиллерию и бросает их в прорыв. Когда мы остались без резерва, я чуть не был от огорчения, но, оказывается, напрасно — мы за сутки достигли такого успеха, который нам и не снился.

Увлечшись рассказом, Малинин взял указку, подошел к карте и показал, в каких направлениях осуществлялся маневр и как это сказалось на результатах боев.

— Но это еще не все. — Генерал возвратился к столу и, окинув взглядом корреспондентов, оживленно продолжил: — Тут же Рокоссовский, неожиданно для всех, преподносит немцам следующий сюрприз. В прорыв, на стыке армий Черняховского и Батова, он вводит армию Пухова, срочно перебросив ее с правого

фланга. Противник сообразил, что он попал в мешок, но было уже поздно. Вот так обдурил фашистов Рокоссовский.

— Сладко, сладко поешь, Михаил Сергеевич! — в дверях комнаты появился командующий фронтом. — Здравствуйте! — кивнул он корреспондентам. — И у вас хватает терпения слушать этот панегирик? Вы что, не понимаете, что один человек сделать ничего не сможет, если плохо будут воевать те, кто находится в окопах?

— Стадо оленей во главе со львом сильнее стада львов во главе с оленем, — произнес густым басом Малинин.

— Наш начальник штаба замечательно поет песню «Летят утки и два гуся», — улыбнулся Рокоссовский. — Попробуйте его уговорить, не пожалеете.

Представители прессы накинулись на Малинина и стали его уговаривать спеть.

— А теперь, кроме шуток, — сказал Рокоссовский. — Я бы вам порекомендовал поехать к командарму Черняховскому. Иван Данилович — замечательный командир. Думаю, что это восходящая звезда на нашем военном небосклоне. Молодой, красивый, жизнерадостный, культурный — вот о ком надо писать.

А тем временем войска Центрального фронта рвались к Киеву. Сметая на своем пути остатки разгромленных дивизий, они подошли к Днепру.

4

Командный пункт армии Черняховского был расположен в дубовой роще, в нескольких десятках километров от Днепра. Сюда обещал заехать Рокоссовский и посоветоваться с командармом о проведении какой-то важной операции.

Черняховскому предоставилась возможность впервые за несколько месяцев спокойно подышать свежим воздухом и хотя бы немного расслабиться. Только теперь, когда наступила на фронте передышка, он почувствовал некоторую усталость. Он вышел из палатки, плотно прикрытой сверху дубовыми ветками, и начал прогуливаться по тропе, плотно прикрытой прошлогодними листьями. Наступала осень. Часто шли обложные дожди, но сегодня они прекратились.

Он держал в руке фуражку, легкий прохладный ветер трепал его черные волнистые волосы. Земля была усыпана коричневыми желудями, на высоких стеблях покачивали головки красные цветы. Из куста метнулась какая-то птица,

и желтые листья, словно мелкий дождик, посыпались на зеленый ковер.

Он вспомнил такую же раннюю осень 1918 года в селе Вербово. Тогда маленькому Ясю, так звали его в семье, исполнилось двенадцать лет. Ту осень он никогда не забудет. В этот год их семью постиг страшный удар. Почти в один день от тифа скончались отец и мать. И он остался с пятью маленькими сестрами и братьями.

Услышав гул мотора, Черняховский надел фуражку и направился навстречу командующему фронтом.

Рокоссовский, тепло поздоровавшись, зашел в штабную палатку.

— Иван Данилович, — сказал генерал армии, подойдя к карте. — Понимаешь, какая сложилась ситуация. Правофланговые армии Воронежского фронта отстали от нашего левого фланга на 100 — 120 километров. К тому же мы заняли Прилуки, которые находятся за пределами нашей разграничительной линии.

— Да их просто нельзя было не взять! — воскликнул Черняховский. — Я взял их с вашего разрешения.

— Генштаб по этому поводу выразил мне свое неудовольствие.

— За что? — поднял черные брови командарм.

— За то, что мы с тобой перестарались, — ответил, усмехнувшись, Рокоссовский. — Ставка передала из своего резерва армию Белова, которую мы вводим в стык между 65-й и 13-й армиями. Это позволит сузить полосу наступления твоей армии.

— И ускорит ее продвижение к Киеву! — загорелся Черняховский. — Я мечтаю об освобождении столицы Украины.

— Точно такое же настроение у меня.

Два похожих по характеру, возможно, и по таланту, да что-то у них было общее и во внешнем виде, генерала горячо начали обсуждать план освобождения Киева. Они так увлеклись разработкой операции, что не заметили, как наступили сумерки.

Вскоре позвонил Калинин и сообщил неприятную весть: по распоряжению Ставки разграничительная линия между Центральным и Воронежским фронтами была отодвинута к северу и Киев отошел в полосу соседа. Главным направлением Центрального фронта теперь становилось черниговское.

Расстроенные таким поворотом дела, генералы начали искать выход.

— А что, если позвонить Сталину? — прилив надежды обуял командующего фронтом.

— Удобно ли к нему обращаться с такими вещами?

— Я с ним вел разговор похлеще таких вещей. И ничего, как видишь, жив. — Он подошел к ВЧ и связался с Верховным. После приветствий Рокоссовский сказал:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, в связи с глубоким продвижением армии Черняховского и Пухова на киевском направлении перед нашим фронтом открываются заманчивые перспективы.

— Какие?

— Мы можем нанести удар во фланг вражеской группировки, которая ведет бои против войск правого крыла Воронежского фронта и сдерживает его продвижение. Тем самым мы не дадим противнику отвести войска за Днепр и обеспечим продвижение соседа. Потом совместными усилиями овладеем Киевом.

— Киев находится в полосе Воронежского фронта.

— Я не понимаю причин такого изменения разграничений.

— Это сделано по настоянию Жукова и Хрущева. Они находятся на месте, и им виднее.

На этом разговор закончился.

Генералы поужинали, посетовали, что их, как им казалось, оригинальный замысел операции отклонен, и Рокоссовский уехал на КП к Пухову.

Осень набирала силу. Шли дожди. Стали труднопроходимы-ми дороги. Тем не менее войска Рокоссовского с ходу начали переправу через Днепр. К концу сентября левофланговые армии прочно удерживали плацдарм на Днепре, правофланговые — достигли реки Сож. Задача, поставленная перед Центральным фронтом, была выполнена.

В начале октября Рокоссовский передал две армии, в том числе и армию Черняховского, Воронежскому фронту, а сам получил новую задачу: приступить к освобождению Белоруссии. Для ее выполнения ему выделили еще три армии: 50-ю — под командованием генерала И.В. Болдина, 3-ю — генерала А.В. Горбатова и 63-ю — генерала Колпакчи. Силами шести армий Рокоссовскому предстояло 15 октября начать операцию.

Командующий фронтом убедился, что армии Романенко и Батова застряли в междуречье Сожа и Днепра и не смогут расправиться с гомельской группировкой противника. Он принял смелое решение: в междуречье оставить армию Романенко, которая должна была сковать противника, а армиями Батова и Белова форсировать Днепр южнее.

Начальник штаба фронта генерал Малинин с озабоченным видом ехал на КП армии Батова. До этого он посетил армию Романенко. Октябрьская ночь была темной, и подфарники машины освещали дорогу приглушенным светом. Генерала очень волновала переправа через Днепр. Маленькие речушки и те нередко причиняют немало хлопот, даже в них люди гибнут во время переправ.

Днепр, там, где предстоит его форсировать, около 400 метров шириной и до восьми метров глубиной. Противоположный берег — господствующий, и там находится прочная оборона, так называемый «Восточный вал». Катастрофически не хватает переправочных средств. Вот теперь и ломай голову, как ускорить переправу и своевременно выполнить задачу, поставленную перед фронтом.

На рассвете он подъехал к полуразрушенной деревне на берегу реки Сож. За плетнями некоторых огородов лежали кучки гниющей картофельной ботвы, торчали палки от подсолнухов. Окна во многих уцелевших домах были забиты крест-накрест серыми досками. От деревни до самой реки блестел на солнце пустырь, покрытый сухим бурьяном. Рядом с домами, где был расположен КП армии, стояли две рябины. Видно, солдаты, срывая ягоды, поломали нижние ветки, и лишь верхушка вызывающе пламенела увесистыми гроздьями.

Навстречу Малинину вышли Батов, начальник штаба Глебов и член Военного Совета Радецкий. Они были убеждены, что Малинин зря не приедет. Видимо, хочет помочь решить мучившую их задачу: как выбраться из этой трясины междуречья и вновь пойти в наступление.

Они зашли в хату, где их на столе ждал крепкий чай.

Батов посмотрел на потемневшее лицо, воспаленные глаза Малинина и спросил:

— Не приболел ли, Михаил Сергеевич?

— Чертовски устал. Весь день воевал с Романенко. Остановка требует решительных действий, а вы все топчетесь, как слоны, на месте. — Малинин резко отодвинул стакан с чаем и перешел к делу: — По решению Военного Совета фронта изменяется направление удара вашей армии. Это вызвано тем, что вы не можете

выбраться из болота. Вам надлежит снять два корпуса, перебросить их в район Лоев — Радунь и сходу форсировать Днепр.

— Корпус Самарского кому передать?

— Он остается в вашем подчинении и сковывает противника в междуречье.

Малинин говорил с увлечением: чувствовалось, что он глубоко проникся идеей — ударить по противнику сжатой в кулак армией Батова там, где он не ждет.

«План остроумен, — размышлял Батов, пока штабисты наносили обстановку на карту. — Гитлеровцы на Соже сильны в обороне, но к наступлению не способны. Пусть думают, что они связали две армии в междуречье. Корпус Самарского сумеет обвести их вокруг пальца, а тем временем основные силы армии будут уже в сорока километрах в стороне и ударят там, где противник не ждет. Все-таки головастый мужик Рокоссовский».

— Срок форсирования? — спросил Батов.

— Через двое суток.

Начальник штаба Глебов, взглянув на Батова, пожал плечами, Радецкий не сводил с Малинина недоумевающего взгляда. Войска армии выполняли не первое оригинальное поручение Рокоссовского. Они всегда были взвешенны и продуманны.

— А сколько вам нужно времени? — вдруг спросил Малинин.

— Шесть суток, не меньше, — ответил Батов. — Если не будет такого срока, я буду звонить командующему фронтом.

— Я согласен, звонить не надо.

Стало понятно, что начальник штаба фронта увлекся и хотел форсировать события.

В этой операции были задействованы все армии. Своими действиями они сковывали противника, чтобы лишить его возможности маневра.

Взаимодействие войск в борьбе за Днепр — это одна из самых ярких страниц полководческой биографии Рокоссовского.

В первые дни лишь узкий круг людей, включая командира дивизии, знал, куда и зачем передвигается армия. В ночь на 8 октября соединения обоих корпусов покинули свои позиции и исчезли в прибрежных лесах. В лесах на восточном берегу горели многочисленные костры: пусть фашисты знают, что наши войска стоят на месте. Ночью части шли по шоссе Гомель — Чернигов в новый район. Днем же усиливалось движение в обратном направлении — в сторону сожских плацдар-

мов. День и ночь работали радиостанции корпусов, имитируя связи с дивизиями на плацдарме.

Когда части корпуса расположились около Днепра, на озерах началась боевая учеба. В это время года осенние ночи оказались светлыми и, как по заказу, над водой висел густой туман. Людей почти не было видно, но по голосам можно было догадаться, что здесь происходило.

— Ты что, Вася, притопал сюда из далекого вологодского шалаша? — спрашивал старший лодки. — Раз, два, раз, два...

— Пошто кричишь?

— «Пошто», ускоряй темп! Раз, два, раз, два...

В другом месте группа солдат тащила к воде пушку и грузила ее на паром из бревен.

— Держи ее за хобот, иначе башку снесет!.. Ну-ну, давай, давай...

Недалеко солдаты тренировались на готовых плавсредствах, на которых надо выйти на берег перед самым носом у немцев.

— Соломахин, сигай в воду!

— Разрешите раздеться?

— Ну и комик же ты, Роман! Ты что, собираешься за фрицами бегать без штанов?

— Мустафа, цепляйся быстрее за лодку, а то колуном пойдешь ко дну.

Послышался гул самолета, и разговоры притихли.

Усилия командования фронтом армии Батова не пропали даром.

Уже к 10 часам 15 октября Батов мог доложить, что на западном берегу находилось четыре батальона, но он хотел сделать доклад только тогда, когда прочно закрепится на прибрежных высотах. Но Рокоссовский окольными путями узнал об этом и ранним утром разыграл по телефону своего начальника штаба, зная его слабую струнку — узнавать все фронтовые новости первым.

— Михаил Сергеевич, что нового у Батова?

— Обстановку мне еще не докладывали, но наверняка все еще топчется на месте.

— Ну тогда поспи, — сказал Рокоссовский, весело рассмеявшись. — А 65-я уже на той стороне.

Из штаба фронта раздался звонок Глебову.

— Где ваша армия?

— На месте, товарищ генерал.

— Не дурите голову, сколько батальонов на той стороне?

— Пятый переправляем.

— Передайте Батову мои поздравления, за несвоевременный доклад взыщу.

Начавшееся наступление армии Батова оправдало замысел Рокоссовского. За пять дней боев мощную реку преодолела вся армия. Оборона немцев на Днепре трещала по всем швам. Теперь перед Батовым находилась вторая полоса, но прорвать этот рубеж с ходу не удалось. Сокращение линии фронта позволило противнику и уплотнить боевые порядки, и создать очень сильную огневую систему. Ночью 20 октября Батов получил шифровку:

«Временно до получения резервов прекратить наступление, стойко удерживать плацдарм, ввести все дивизии в первый эшелон, штабы и тылы подтянуть ближе к войскам, очистить на плацдарме районы для сосредоточения 4 — 5 новых корпусов. Рокоссовский».

Получив подкрепление личным составом и техникой, войска Белорусского фронта (так с 20 октября стал именоваться фронт Рокоссовского) 10 ноября начали новое наступление. А к концу этого месяца войска левого фланга фронта отбросили противника на 130 километров, очистив от фашистов значительную часть территории Белоруссии. Утром 26 ноября после ночного боя был освобожден Гомель.

Фронт успешно продолжал наступление, но Рокоссовскому на некоторое время пришлось покинуть войска.

2

С 28 ноября по 1 декабря проходила Тегеранская конференция. Столица Ирана принимала глав правительств трех союзных держав во Второй мировой войне: СССР (И.В. Сталин), США (Ф. Рузвельт), Великобритании (У. Черчилль).

Советская делегация остановилась в нашем посольстве. Начальник оперативного управления Генштаба С.М. Штеменко три раза в день собирал по ВЧ и телеграфу сведения об обстановке на фронтах и докладывал Сталину.

Верховного тревожило положение дел на 1-м Украинском фронте, которым командовал Ватутин. После освобождения Киева его войска овладели Житомиром и Коростенем. Но противник в короткий срок сумел перегруппировать силы, ввел свежие резервы и перешел в контрнаступление. Он нанес удары в направлении Киева в самый центр нашей группировки. Ему уда-

лось вновь захватить Житомир и окружить Коростень. Создавалась явная угроза Киеву.

Поздно вечером 28 ноября после встречи с Рузвельтом в неофициальной обстановке Сталин в маршальской форме ходил по комнате и, посасывая трубку, хитро улыбался. Он был доволен: по его приглашению Президент США поселился в советском посольстве. Черчилль был весьма раздражен. Он полагал, и не без основания, что Сталин обвел его вокруг пальца. Теперь у него появилась возможность встречаться наедине с Рузвельтом обговаривать без него, Черчилля, важные вопросы и склонять президента в свою сторону.

В этот момент зашел на доклад Штеменко. Сталин еще некоторое время продолжал ходить по комнате, не обращая внимания на генерала. Затем, остановившись, спросил:

– Товарищ Штеменко, как дела под Киевом?

– Ничего утешительного сказать не могу, товарищ Сталин! Немцы снова продвинулись на 35 километров к Киеву.

– Как это все понимать, товарищ Штеменко? – Сталин сурово посмотрел на генерала так, словно он был повинен в том, что немцы теснят войска 1-го Украинского фронта. – Скажите, товарищ Штеменко, сколько это может продолжаться?

– Н-не знаю, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– «Не знаю», – раздраженно произнес Сталин. Он тут же пошел к ВЧ и связался с Рокоссовским.

– Константин Константинович, у Ватутина сложилось критическое положение. Немцы перешли в наступление и вновь захватили Житомир. Положение становится угрожающим. Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы смогут ударить во фланг войскам вашего фронта. Немедленно выезжайте к Ватутину в качестве представителя Ставки, разберитесь на месте и примите меры.

В голосе Верховного Рокоссовский уловил раздражение и тревогу. Ошеломленный таким неожиданным приказом, он закурил и присел у окна. «Почему меня, – думал он, жадно затягиваясь. – Разве не хватает представителей Ставки, готовых в любой момент затыкать дыры на фронтах? Они уже в этом поднаторели и ловко научились снимать пенки с победных сражений. Но при чем здесь он? На Белорусском фронте тоже идут ожесточенные бои. Звонок не из Москвы, а из Тегерана? Что все это значит?»

Как бы то ни было, а рано утром пришлось собираться в дорогу. Оставив вместо себя своего заместителя генерала И.Г. За-

харкина и взяв с собой командующего артиллерией фронта Казакова, Рокоссовский поспешил на юг. Перед самым отъездом ему вручили телеграмму Верховного Главнокомандующего, предписывавшую в случае необходимости, не ожидая дальнейших указаний, занять место командующего 1-м Украинским фронтом.

Самолет летел на предельно малой высоте. Внизу, словно спины гигантских животных, вздымались и опускались серые холмы, бежали леса, плыли озера, время от времени вспыхивавшие серебряными бликами под лучами солнца.

Самолет резко завибрировал и начал снижаться.

– Василий Иванович! – Рокоссовский повернулся к дремавшему Казакову. – Он отложил в сторону книгу. – Ты что, не слышишь?

Генерал даже не пошевелился.

– Василий Иванович, начинай! – подал команду Рокоссовский, рассмеявшись.

– Где телефон?.. Куда делся телефон?.. – вскочил Казаков и тут же, поняв, в чем дело, начал протирать глаза. – Черт возьми! Я думал, что прозевал дать команду на открытие артогня.

Самолет пролетел над самыми верхушками деревьев, над развертывавшимся перед ним еще зеленоватым лугом. Резкий толчок от прикосновения с землей – и высокие бурые травы, будто спасаясь от какой-то опасности, побежали от самолета волнами.

Генералы вышли из самолета, сели в ожидавшие их машины и направились к Ватутину.

Вскоре машины подъехали к КП фронта. Он находился западнее Киева – в лесу, в дачном поселке. Дома стояли скученно, почти вплоты один к другому; их крыши потемнели; окна были забиты досками.

Ватутин встретил Рокоссовского с группой офицеров управления фронта. В его невысокой полноватой фигуре, в круглом добродушном лице явно угадывалась озадаченность: мол, я не справляюсь с обязанностями, вот и прислали замену.

С первых минут генерал армии заметил, что командующий фронтом сильно расстроен. Ватутина Рокоссовский знал давно: в Киевском особом округе он был начальником штаба. Он видел в нем высокообразованного, спокойного и выдержанного генерала. Казалось бы, встретились два товарища – командующие соседними фронтами, которые не первый день воюют и хорошо

знают друг друга. Но душевной встречи не получилось. Ватутин соблюдал в общении дистанцию и говорил каким-то оправдывающимся тоном, словно хотел объяснить старшему начальнику объективные причины своих неудач.

— Николай Федорович, дорогой мой, — вынужден был заявить Рокоссовский на второй день работы. — Я приехал сюда не уличать вас в бездеятельности, не пугать вас, не вмешиваться в вашу компетенцию и не читать вам мораль, в которой вы не нуждаетесь. Я искренне хочу, насколько сумею, помочь вам разобраться в тех временных неудачах, которые нас постигли. Ведь на войне бывает всяко. Я тоже не святой.

— Спасибо, — улыбнулся Ватутин.

Натянутые отношения между генералами постепенно начали исчезать. Рокоссовский направил Казакова в штабы армий, а сам в течение нескольких суток изучал обстановку в управлении фронта.

— Когда вы вступаете в командование 1-м Украинским фронтом? — деликатно спросил Ватутин, когда работа подходила к концу.

— С ролью командующего войсками фронта вы справляетесь не хуже любого из нас, — ответил Рокоссовский. — У меня и в мыслях этого нет. Мне бы скорее вернуться к себе. У нас своих дел уйма.

— Все ясно, — совсем повеселел Ватутин, заранее зная, что Рокоссовский был направлен к нему не с обычными полномочиями. Он знал, что к этому генералу особое расположение питает Сталин. Он на миг представил себе, если бы в роли Рокоссовского оказался кто-то другой, тогда неудачи не сошли бы ему с рук.

Генерала армии несколько удивила система работы командующего фронтом. Он сам редактировал приказы и распоряжения, вел переговоры по телефону и телеграфу с армиями и штабами.

С начальником штаба фронта генералом Боголюбовым, способным штабистом, у Рокоссовского состоялся не очень приятный разговор.

— Почему вы допускаете, что командующий фронтом загружен по уши работой, которой положено заниматься штабу и лично вам?

— Я ничего не могу поделать, — ответил тот. — Командующий старается все сделать сам.

— Вы обязаны немедленно перестроить работу и заняться своими прямыми обязанностями. В противном случае будет страдать дело.

— Хорошо, я постараюсь, но вы переговорите по этому вопросу и с командующим.

К замечаниям Рокоссовского Ватутин отнесся очень серьезно.

— Сказывается то, что я продолжительное время работал в штабах, — смущенно признался он. — Вот и хочется ко всему приложить руку. Я это сейчас же поправляю.

В комнате командующего фронтом за чаем Рокоссовский, чтобы не обидеть Ватутина, сказал:

— В обстановке на фронте я ничего страшного не вижу. Дело вполне поправимо, но надо идти на риск и активно наступать.

— Если бы не близость украинской столицы, то я бы не перешел к обороне.

— Николай Федорович, дело вот в чем, — генерал армии вернулся к Ватутину. — Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал крупную танковую группировку и стал наносить удары то в одном месте, то в другом. На мой взгляд, ошибка ваша в том, что вы, вместо того чтобы ответить сильным контрударом, продолжали обороняться.

— Да, тут я допустил явный промах. Не хотел рисковать, и напрасно.

— Если присмотреться, то тут нет никакого риска, — Рокоссовский махнул рукой с дымящейся папиросой. — У вас помимо отдельных танковых корпусов имеются две танковые армии, дышащие друг другу в затылок. Это же большая пробивная сила. А общевойсковые армии, а артиллерийские резервы? Да с таким количеством войск только и наступать, а не сидеть в обороне.

— На днях нанесу удар. Спасибо за совет.

Вечером Рокоссовский в присутствии Ватутина связался по ВЧ со Сталиным и доложил свои выводы об обстановке, о намеченных мерах, которые уже начали проводиться в жизнь. Он особенно акцентировал внимание на том, что Ватутин как командующий фронтом находится на своем месте и войсками руководит уверенно. Рокоссовский попросил разрешения у Сталина вернуться на Белорусский фронт.

Ватутину было трудно узнать: он подтянулся, шутил, улыбался, а на прощание Рокоссовскому сказал:

— Я много был наслышан о ваших человеческих качествах, а

теперь убедился в этом и сам. Спасибо за помощь, за урок душевности, который вы мне преподнесли. Я никогда этого не забуду.

Это была их последняя встреча. В ближайшие недели войска Ватутина нанесли противнику ряд сокрушительных ударов, до основания расшатавших его оборону. Но 29 февраля 1944 года во время очередной поездки в войска генерал был тяжело ранен украинскими националистами — и 15 апреля его не стало.

Рокоссовский был потрясен этой утратой.

Глава двадцать первая

1

Светлым августовским утром 1943 года «кукурузник» приземлился на зеленый луг, который тянулся широкой полосой вдоль деревни Ловцевичи. Здесь, где-то в семидесяти километрах северо-восточнее Минска, располагался штаб партизанского отряда, куда был направлен прямо из Москвы Белозеров. С самого начала войны эта деревня входила в партизанский район, куда никогда не ступала нога фашистов. Хозяевами здесь были народные мстители — партизаны.

Вскоре его встретили трое молодых людей с автоматами на груди и повели в сторону деревни. Они с любопытством поглядывали на пришельца с Большой земли и, ведя разговор между собой на белорусском, застенчиво улыбались.

— Куда мы идем? — спросил Белозеров, расстегивая верхние пуговицы своего десантного полевого обмундирования.

— К командиру партизанского атрада, — ответил один из них. — Уже близко.

Они прошли метров двести по сосновому лесу, который кончался небольшим выступом в форме клина, а затем по полевой дороге, среди ржаного поля, направились в деревню.

— Кто здесь сеял рожь? — спросил Белозеров, чтобы не молчать.

— Як хто? Мы сами, — ответил тот же партизан. — Нам тожа ести трэба. Бяз хлеба не пражывешь.

Освещенная солнцем земля, словно покрытая нежным золотым покрывалом, уходила на восток, где виднелся зеленый холм, отсвечивавший памятниками и крестами.

Дом, в котором жил командир отряда, был окружен деревьями и вместе с другими постройками занимал довольно-таки

приличное пространство. Резные ставни были покрашены в белый цвет и резко выделялись на фоне потемневших бревен. В саду стояла пятиметровая вышка.

В одной половине дома располагался штаб отряда, а другая его часть была отведена под жилье командиру.

Когда Белозеров вошел в дом, навстречу ему из-за стола вышел широкоплечий двухметрового роста здоровяк лет пятидесяти с крупным загорелым лицом. Глядя на его роскошные усы, казалось, что ему в каждую щеку воткнули по лезвию кинжала.

— Муц Павел Андреевич, — представился мужчина и пожал Белозерову руку так, что тот чуть не присел. — Командир здешнего партизанского отряда. — Он жестом пригласил его сесть, а сам, заложив руки за спину, ходил по комнате. — Мы очень рады вашему прибытию. Нам катастрофически не хватает квалифицированных кадров. Мне передали, что вы хорошо знакомы с подрывным делом.

— Да, почти месяц постигал эту науку.

— Вот и прекрасно. Теперь мы зададим фашистам перцу. А сейчас, Андрей Николаевич, вам покажут комнату, где вы будете жить. Передохните немножко с дороги и часика через два заходите ко мне. Подойдут другие начальники, и мы с вами обговорим все вопросы нашей дальнейшей работы.

В тот же день Белозеров был в штабе партизанского отряда, где собралось около десятка человек. Здесь он узнал, что Муц, бывший директор школы, ведет борьбу с фашистами с самого начала войны. Вместе с ним партизанят и его трое сыновей. Отряд насчитывал 140 человек. Андрея познакомили с сыном бывшего помещика из Западной Белоруссии Вячеславом Жуковским.

— Это парень сорвиголоу. Он будет вашим подчиненным. За ним нужен глаз да глаз.

Выяснилось, что основная задача партизанского отряда заключается в том, чтобы побольше тревожить немецкие гарнизоны, задерживать их здесь и не давать возможности перебрасывать войска на фронт. На шоссе и железной дороге Молодечно — Минск за отрядом закреплен участок Красное — Радощковичи.

— На железной дороге и на большаке, — говорил командир отряда, — у фашистов земля должна гореть под ногами. Нам подбросили достаточное количество боеприпасов, мин, другого военного имущества. Осталось дело за нами. Фронт приближается к Белоруссии, и мы обязаны помогать ее освобождению от фашистского ига.

Белозеров был назначен заместителем командира отряда по разведке и диверсиям.

Поздно ночью, после ужина в штабе отряда, он шел к себе в комнату. Ночь была ясной и по-летнему теплой. Подставляя лицо теплову ветру, Андрей с наслаждением вдыхал запах белорусской земли, которая, как теперь ему казалось, станет для него родной и близкой.

Он зашел к себе в комнатку с отдельным входом (хозяева дома жили в другой половине), зажег керосиновую лампу и улегся в постель. Обстановка в комнате была настолько скромной, что напоминала камеру, где он находился в первые дни ареста. Он просидел в ней тогда около шести месяцев. Именно оттуда он ходил на единственное свидание с женой за все четыре года тюрьмы. Он помнил ту встречу до мельчайших подробностей.

Однажды днем дверь в камеру открылась.

— Белозеров! — крикнул дежурный надзиратель.

Вздрогнув от неожиданности, он вскочил с койки.

— Тебя вызывают на свидание!

— Свидание? — переспросил он и, опомнившись, сказал: — Хорошо, я готов.

Его провел надзиратель по длинному коридору, по высоким ступенькам и, наконец, открыл железную дверь и завел в комнату, приспособленную для свиданий. Она была разделена двумя продольными барьерами высотой до пояса. Между барьерами коридор — место надзирателя во время свиданий.

Оля стояла за барьером. Увидев его, она округлила в испуге глаза и тут же залилась слезами. Теперь перед ней стоял не гордый с волнистым чубом Андрей, а худой, бритоголовый, с изможденным лицом, с синяками на лбу мужчина в зеленой тюремной форме.

Та сцена задела за живое даже пожилого служаку-надзирателя. Он разрешил Оле зайти в коридор между барьерами, а сам отвернулся. Она прижала к себе его голову и заплакала. А его душили спазмы. Они стояли безмолвно несколько минут, затем Оля спросила:

— Андрей, милый, за что тебя?

— Не знаю.

— Может, ты от меня что-нибудь скрывал?

— Оленька, ты же знаешь, я от тебя ничего не скрываю, — выдал он. — Скажи, как Сашенька?

— Растет, все спрашивает, где наш папа.

Надзиратель повернулся к ним.

— Свидание закончено!

...Белозеров протянул руку к стене, где висела на гвоздике полевая сумка, достал томик стихов Лермонтова, который подарил ему перед отъездом Рокоссовский, и начал читать. Минут через тридцать его сморил сон.

2

С тех пор как Белозеров прибыл к партизанам, прошло два месяца. За это время он присмотрелся, освоился и уже несколько раз принимал участие в рельсовой войне, в разгроме одного гарнизона фашистов. Он сдружился с Вячеславом Жуковским, которого все называли Чесик. На долю этого тридцатидвухлетнего человека выпало много испытаний. В сентябре 1919 года, когда Красная Армия вошла в Западную Белоруссию, он с отцом бежал сначала в Литву, а потом в Польшу. В июне 1941 года вместе с немецкими войсками он появился в селе Граничи, где когда-то располагалось имение отца, разграбленное дотла. Он оставался у знакомых и стал внимательно наблюдать за жизнью людей в оккупации. Имея высшее образование (он закончил университет в Варшаве), Жуковский владел, кроме русского, польским и немецким языками.

Немецкие власти ему полностью доверяли и часто приглашали работать переводчиком.

Однажды в деревне появились каратели и по доносу зажиточных крестьян, не вступивших в колхоз и враждебно относившихся к Советской власти, арестовали около десятка бывших советских активистов. На окраине села каратели собрали народ и, по желанию доносчиков, решили устроить над арестованными самосуд.

На этом собрании с обвинительными речами выступили два человека. Когда Жуковский перевел их речи, немцы избili своих пособников и только жены спасли их от расстрела. Желающих выступить больше не нашлось, и арестованные были отпущены на свободу.

Через несколько дней Жуковский приехал в село на легкой машине в форме капитана гестапо. Он собрал своих знакомых и с ними уехал в лес к только что появившимся партизанам. С тех пор он, неоднократно рискуя жизнью, воевал с фашистами, считая их врагами человечества.

Чесик никогда не расставался с кожаной курткой, а осенью

и зимой с каракулевой шапкой с плоским матерчатым красным верхом.

Жуковский преклонялся перед военным талантом своего земляка Рокоссовского. Зная его слабость, с Большой земли ему привозили газеты и журналы, где публиковались материалы о его кумире. К удивлению Белозерова, Чесик был осведомлен о таких боевых эпизодах генерала, о которых он сам ни разу не слышал.

Самая заветная мечта Жуковского заключалась в том, что, когда фронт Рокоссовского ступит на землю Белоруссии, он уйдет воевать под его началом. Теперь он был уверен, что мечта его обязательно сбудется – его новый друг Белозеров поможет ее осуществить.

Командир отряда поручал друзьям самые ответственные и рискованные задания. И вот теперь, получив приказ во что бы то ни стало подорвать эшелон с войсками и техникой и на несколько суток задержать переброску гитлеровских войск с Западного фронта на Восток, Муц поручил его выполнить Жуковскому и Белозерову. Выполнить такую задачу было очень сложно, так как немцы установили на железной дороге дзоты через 300 – 400 метров. И прежде чем провести взрывы полотна, надо было сначала уничтожить две-три укрепленных точки и только потом минировать дорогу. Такие операции никогда не проходили без жертв. К тому же все дзоты ночью по определенному графику освещали ракетами окружающую местность и подойти незамеченным к железной дороге было почти невозможно. Поэтому, когда объявлялась рельсовая война, партизаны бросали в бой все имевшиеся в их распоряжении силы. А тут особый случай – необходимо было найти решение задачи малыми силами. На ее выполнение было отведено десять суток.

Объектом атаки они выбрали дзот в километре от деревни Лоси. Холмистая местность и крутой поворот скрывали его от соседних огневых точек.

Хорошо замаскировавшись на чердаке одного из домов, партизаны в течение пяти суток вели наблюдение. Гарнизон дзота состоял из 10–12 человек. Днем солдаты вели себя беспечно. Службу нес только один часовой, находившийся в небольшом укрытии, а остальные, если пригревало солнце, даже пытались загорать, раздевшись до пояса. От деревни Лоси к точке подхода грунтовая дорога, затем она поворачивала вправо и вдоль

железной дороги шла на деревню Плебань. Здесь, в семи километрах от дзота, был расположен гитлеровский гарнизон.

Партизаны заметили, что почти каждый день, скорее всего, самовольно, в деревню приходили два-три вооруженных солдата и выменивали у местных жителей различные мелкие товары (мыло, губные гармошки, карандаши и т.д.) на масло, яйца и сало. Это обстоятельство мгновенно родило предложение, которое внес Жуковский и сразу же поддержал Белозеров.

Вечером следующего дня они доложили план операции командиру отряда. Муц поспорил, поколебался, ссылаясь на большой риск, но, учитывая, что немцы интенсивно перебрасывают войска на Восток (за сутки до десяти эшелонов), согласился.

Серые, затхлые, застоявшиеся дни осени сменились холодом. Внезапно нахлынули сухие ночные заморозки. Рано темнело, и поздно светало. С пропуском для партизанских районов машина выехала из деревни Ловцевичи еще до наступления темноты. Жуковский в форме капитана гестапо сидел за рулем (он приехал на этой машине к партизанам), а пехотинец, майор Белозеров, находился рядом. Запасной водитель в форме ефрейтора сидел сзади. Луна и подмерзшие дороги позволяли ехать в опасных местах без света. По хорошо знакомой местности им предстояло проехать около шестидесяти километров. К утру машина подъехала к деревне Лоси и в ста метрах от нее остановилась. Встретивший их местный житель Антон, знакомый Чесика, сообщил, что поезда по железной дороге проходят почти каждый час. Немецкие солдаты находились вчера в селе с десяти до двенадцати часов. Некоторым жителям обещали принести мыло и керосин. Заказали самогон и сало.

– Крепость вашей самогонки? – вдруг спросил Жуковский.

– Хай ее халера, бье у нос, аж слезы тькуть, – ответил Антон, усмехнувшись. – Яны бяруть только первач.

– Это хорошо, что первач, – задорно произнес Чесик.

– Ты что, сам для смелости решил хватить шнапсу? – спросил Белозеров.

– Потом скажу. Есть одна идея, и неплохая.

Местный житель с интересом рассматривал «немцев».

– Похожи? – уточнил Андрей.

– Як мая дочка на жонку, – ответил Антон и, глянув на ефрейтора, спросил:

– А ен лопоча па-нямецки?

— Нет, он нем, как рыба, — проговорил Жуковский. — Зато классный водитель.

Партизаны проверили немецкие автоматы, рожки к ним, пистолеты, увесистые мешки с толовыми папками, детонаторы и стали ждать сигнала от Антона, дом которого находился на окраине села.

Когда взошло солнце, из деревни выползла телега с крестьянином. Водитель открыл капот машины и начал ковыряться в двигателе. Проезжая мимо машины, прикрытой деревьями, крестьянин снял шапку и кивнул офицерам, сидевшим у дороги.

— Но-о! — крикнул он и ударил кнутом свою клячу. — Чуть ноги тягнешь! Каб ты здохла!

Около десяти часов Антон вышел на крыльцо, постоял и зашел дважды в коровник. Это значило — немцы зашли в деревню. Спустя минут сорок он вышел на крыльцо и закурил. Сигнал — пора действовать.

Вскоре машина ехала по улице. Она остановилась возле солдат, окруженных женщинами. Немцы переглянулись и отдали честь.

— Уходите отсюда, — махнул рукой капитан.

Женщины со страхом разошлись.

— По чьему разрешению вы сюда пришли? — спросил майор, взглянув на бутылки, которые держал в руках один из солдат.

— Нас послал сюда наш начальник, — начал отвечать, видимо, тот, кто был назначен старшим. Он поспешно спрятал самогон в сумку.

— На фронте за фюрера солдаты кровь проливают! — крикнул майор. — Вы чем тут занимаетесь?

— Мы виноваты, господин майор! — со страхом произнес старший.

— Садитесь в машину! — подал команду капитан и содрал с их плеч автоматы. — Таким солдатам оружие доверять нельзя! Сейчас мы с вами разберемся!

Солдаты находились в машине между офицерами. У выхода из деревни машина припарковалась к забору, заросшему кустарником.

— Господа офицеры, отдайте нам оружие. Нас отдадут под суд, — взмолился старший. Он готов был заплакать.

Жуковский разрядил автоматы, проверил, нет ли у немцев запасных рожков, и протянул оружие:

— Боевые патроны таким солдатам, как вы, доверять нельзя.

— Спасибо, — сказал старший.

Капитан достал из сумки четыре бутылки первача и вместе с майором уговорил солдат выпить. Те сначала сопротивлялись, но постепенно разошлись и высосали последнюю бутылку. Машина постояла еще несколько минут. А когда немцы не вязали лыка, направилась к дзоту.

Майор вышел из машины и, презрительно наблюдая, как ефрейтор и капитан вытаскивают пьяных солдат из машины, равкнул:

— Старшего ко мне!

На ходу одеваясь, к нему подбежал сержант и вытянулся в струнку. Рядом лежали пьяные в стельку два солдата с автоматами на шее. Один из них, уткнувшись носом в землю, молчал, старший оказался покрепче. Он, не открывая глаз, пел:

Es geht alles foruber,

Es veht alles forbei...*

— Молчать, скотина!.. Черт бы вас подрал! — кричал капитан.

— Позор на всю Германию!

— Ваши! — ткнул пальцем майор.

— Так точно, наши!

Жуковский замахап руками перед самым носом:

— Пойдешь под суд! Тварь! Дерьмо!.. Вы все тут пьяны!

— Нет, не все! — вытаращил глаза сержант.

— Уберите их отсюда! — закричал майор. — Оружие поставьте в пирамиду!

По команде сержанта прибежали человек семь, в том числе часовой, и начали тащить в бункер «пьяниц». Поднялась всеобщая суматоха.

Майор поставил часовым своего ефрейтора и, собрав в спальный бункер весь личный состав, в грубой форме продолжал разнос.

А тем временем Жуковский присел к телефону, находившемуся в первом отсеке, где стояла пирамида с оружием. Он уяснил, что спальня изолирована и массивные железные двери позволяют закрыть весь личный состав на замок.

— Мне должны звонить, господин майор! — сказал сержант. — Через час проследует эшелон.

— Я об этом знаю! — отрезал майор. — Вы не солдаты великой Германии, а ее предатели!

*Всё уходит, всё проходит мимо... (нем.).

— Господин майор! Подойдите сюда! — крикнул капитан. — Об этом преступлении надо немедленно доложить по команде!

— Иду! Все пойдете под суд!

Как только майор переступил порог, Жуковский захлопнул дверь и повернул ключ.

В течение тридцати минут на железной дороге все было готово. За двадцать пять минут до прихода по телефону была выдана информация, во сколько проследует эшелон с техникой.

Через амбразуры партизаны сначала хотели забросать немцев гранатами, но потом передумали — поднимать шум раньше времени не было никакого смысла.

Только они выехали из села, как за их спиной раздался оглушительной силы взрыв.

— Теперь они долго будут чесать в затылке! — сказал удовлетворенно Жуковский.

Машина повернула на шоссе Молодечно — Минск, пролетела по нему километра четыре и за кладбищем села Красовщина повернула влево на грунтовую дорогу.

Километров через пятнадцать начиналась партизанская зона, но им предстояло проскочить небольшой немецкий гарнизон, расположенный на деревенском кладбище в полукилометре от дороги.

Когда до спуска, где им уже не был страшен огонь из стрелкового оружия, оставалось метров двести, Жуковский обнял Белозерова и воскликнул:

— Все, Андрей, считай, проскочили! Вот это удача!

И в этот момент затарахтел крупнокалиберный пулемет, несколько пуль прошли кузов машины. Чесик покачнулся, произнес что-то невнятное и упал на руки Андрея. Отъехав в безопасное место, машина остановилась. Жуковского вынесли из машины, положили на траву, зажали бинтом рану на шее, из которой хлестала кровь.

— Чесик! Чесик! — кричал Белозеров, пытаясь привести его в чувство. — Чесик! Ну!.. Отзовись! Чесик!

Но тот не подавал никаких признаков жизни. Андрей пощупал пульс и медленно опустил руку. На бледных губах Жуковского застыла последняя в его жизни улыбка.

3

Вячеслава Жуковского похоронили в деревне Ловцевичи. На его похороны собрался весь партизанский отряд. Многие не верили, что того, с кем они пришли прощаться, уже нет в живых.

Как же это может быть, если только несколько дней назад они вместе обсуждали дела, шутили, пели песни, рассказывали забавные истории, слушали его сказ-мечту о том, как он в составе фронта Рокоссовского будет освобождать Варшаву, где у него остался младший брат Юзеф Зигмундович Жуковский.

На краю могильной ямы горками темнела влажная земля. Рядом на деревянном постаменте стоял свежесколотенный гроб. Жуковский, одетый в свою любимую кожаную куртку с ремнями, отдыхал перед последней дорогой. На крышке гроба лежала его кубанка.

Обнажив головы, молчаливо и понуро стояли партизаны. Многие из них не скрывали горьких мужских слез. В философском раздумье стоял лес, не шумели сосны и березы, не пели птицы — все притихло. Под тяжестью утраты склонила голову плакучая ива.

Командир отряда Муц, окинув взглядом мрачно-сосредоточенные лица партизан, дрожащими губами произнес:

— Мы воевали с тобой, Чесик, против фашистов не один год. — Его крупное лицо казалось похудевшим, выступали скулы. — Мы восхищались твоим умом, храбростью и жизненным любием... Прости, дорогой друг, что мы не уберегли тебя. Мы тебя никогда не забудем.

Вслед за командиром отряда на свежий холмик поднялся Белозеров. Он посмотрел на лицо Жуковского, на партизан и сказал:

— Тебе не придется встретиться, дорогой мой друг, с твоим обожаемым полководцем Рокоссовским, я за тебя обязательно это сделаю. Я расскажу ему все, о чем мы с тобой говорили, о чем мечтали. Ты уже не примешь участия в освобождении Варшавы, но мы это сделаем вместо тебя. Я клянусь, что увековечу твою память в сердце белорусского народа, за свободу которого ты отдал свою красивую и молодую жизнь. Нам не хватило лишь нескольких секунд для того, чтобы ты остался жив... Мы отомстим фашистам за твою смерть.

Белозеров попытался еще что-то сказать, но ему не хватило слов — комок в горле и навернувшиеся слезы не позволили это сделать.

Гроб на веревках начали опускать в землю. Партизаны поднимали над головой оружие — прозвучали прощальные очереди. В могилу, стуча о крышку гроба, посыпались влажные комки земли.

К весне 1944 года Красная Армия очистила от захватчиков огромную территорию. Но под властью гитлеровцев находились еще Прибалтика, большая часть Белоруссии, Правобережная Украина и Молдавия. За Вислой и Дунаем ждали прихода наших войск стоявшие под ярмом фашизма народы Европы. Советское Верховное командование готовилось к летней кампании 1944 года.

Согласно предварительному плану войскам 1-го Белорусского фронта предстояло обойти Полесье с севера и дальше наступать в направлении Бобруйск – Баранович – Варшава. Левое крыло фронта Рокоссовского упиралось в бескрайние полесские болота, и это ограничивало возможность маневра и взаимодействия со вторым Белорусским фронтом. По предложению Рокоссовского часть сил этого фронта была передана в подчинение 1-му Белорусскому фронту. Таким образом, в состав фронта Рокоссовского входили десять общевойсковых, одна танковая, две воздушных армии, три танковых, три кавалерийских и один механизированный корпус.

Стремясь удержаться в Белоруссии, германское командование сосредоточило там крупные силы группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Буш*. Немцы готовились к нашему наступлению. Дивизии фон Буша, собранные против 1-го Белорусского, числом своим не уступали дивизиям, подготовленным к встрече английских и американских войск во Франции. Но войска Буша превосходили европейские армии фашистов своей выучкой и богатым военным опытом. Эти вышколенные и отборные войска готовились отражать атаку армий Рокоссовского.

Буш лично незадолго до нашего наступления объезжал дивизии и полки, призывая солдат и офицеров к стойкости. С них брали подписку, что они умрут, но не отступят ни на шаг.

Гитлеровцы организовали многокилометровую оборону. Они ждали удара. Захваченный в плен офицер рассказал, что единственной темой разговоров среди немецкого офицерства было предстоящее наступление советских войск. Ломали голову над вопросом о направлении главного удара и немецкие генералы.

Об этом же думали в Ставке и в штабе 1-го Белорусского фронта. Плану наступательных боев в Белоруссии было присвоено кодовое название «Багратион»*.

Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии Рокоссовский, тщательно изучив расположение обороны противника, условия болотистой местности, пришел к выводу, что на правом участке фронта было бы целесообразней всего нанести два главных удара – один в направлении на Бобруйск, второй – на Слуцк.

Такое решение командующего фронтом было совершенно необычным. История войн, военное искусство учили, что нельзя распылять силы, надо наносить мощный удар в одном направлении.

Рокоссовский был искренне рад, когда его вызвали в Ставку, где 22 и 23 мая предстояло окончательно отработать план операции «Багратион». Появилась возможность отстоять свою позицию по двум ударам и повидать семью.

Штаб фронта располагался в разрушенном фашистами Гомеле. Командующий фронтом только что вернулся из поездки, в ходе которой им были приняты под командование войска 2-го Белорусского фронта. Теперь фронт Рокоссовского растянулся более чем на 900 километров. Практика Второй мировой войны не знала такого случая, когда фронт, имевший наступательные цели, имел бы такую большую протяженность. Уже в начале апреля Военный Совет фронта представил в Ставку свои соображения о предполагаемой операции. И теперь Рокоссовский был готов отстаивать свои идеи в Москве.

20 мая к исходу дня генерал армии подъехал к деревенскому дому на окраине Гомеля, где можно было передохнуть и перед поездкой в Москву собраться с мыслями.

В сосновом лесу, примыкающем к дому, ни на минуту не умолкал щебет птиц. Рокоссовский присел на скамейку у дома, а вернее, на доску с двумя подпорками, и закурил. Живительный, смолистый воздух леса залил свежим румянцем его усталое выразительное лицо. Ему только сегодня вручили письмо из Москвы, и он хотел прочитать его в уединении. С каким-то особым душевным трепетом он достал из полевой сумки письмо и начал читать:

«Дорогой наш папа, Константин Константинович!

Я очень долго думала, колебалась – написать или промолчать. Потом набралась храбрости и взялась за ручку. Я давно со-

биралась это сделать, но, подумав, откладывала. Ведь у тебя, как принято говорить, есть законные жена и дочь. В жизни женщины есть только одно счастье – это любить и быть любимой. Я это поняла, когда была с тобой.

Дорогой мой и до конца моей жизни любимый Костя, я теперь не одинока. У меня есть наша дочь Надя – Наденька, которой уже будет скоро годик. Если бы ты видел, какая она красавица – очень похожа на тебя. Наш маленький ангелочек – вот моя теперь любовь. Такие наши вести, наш дорогой папочка.

Прости, что я потревожила тебя. Мы много читаем о твоих фронтовых успехах и гордимся тобой. Я знаю, Костя, что буду хорошей матерью. Валентина».

Рокоссовский положил письмо в карман, глубоко вздохнул, задумался. Над лесом висело теплое весеннее солнце, освещая кудрявую зеленую рощу на холме за речушкой. Тени ее доходили до самого ручья и, казалось, пили из него воду. Прозрачное небо, усыпанный белым снегом вишневый сад, бутоны одичавших роз, задушевное пение скворцов – все это должно было создавать ощущение сказочной красоты, приподнятого настроения. Но сегодня эта красота не согревала, как всегда, душу Рокоссовского, а, наоборот, наводила какую-то непроходящую тоску. Видимо, виною тому была раздвоенность чувств. В сущности, у него теперь две семьи. И в каждой – по одной дочери. Теперь появилась дилемма: с какой семьей жить дальше? С красивой и молодой Валентиной Кругловой или же с испытанным другом, прошедшим с ним вместе огонь и воду, Юлией Петровой?

Охваченный раздумьями и тревогой, он просидел возле дома до той поры, пока не поблекло золото солнечных лучей и темень не охватила мягкими объятьями лес и дом.

Наконец он решил, что будет ежемесячно помогать дочери и Валентине до тех пор, пока будет получать зарплату и пенсию, а с Юлией и Адой будет жить до конца своих дней. Но пока не уляжется в душе буря, он не станет встречаться в ближайшее время ни с одной семьей.

Ссылаясь на крайнюю занятость по службе, он попросил представителей Генерального штаба заказать ему в гостинице номер на одни сутки. Теперь он надеялся, что время залечит его душевные раны. А пока у него дел по горло – надо добивать фашистов.

Рано утром 21 мая Рокоссовский прилетел в Москву. Встречал его генерал, представитель Генерального штаба. Путь от аэродрома до Кремля на машине, обеспеченной всеми существующими в столице пропусками, занял сорок минут.

До заседания Ставки оставалось полчаса, и Рокоссовский успел переговорить с командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта Баграмяном и заместителем начальника штаба Антоновым.

– Алексей Иннокентьевич, а где Черняховский и Петров? – спросил Рокоссовский.

– Черняховский приболел, командующего 2-м Белорусским мы не вызывали.

– Почему? – уточнил Баграмян.

– В операции «Багратион» он действует на вспомогательном направлении, – сказал Антонов и, услышав второй звонок, кивнул Рокоссовскому: – Пошли, вам предстоит сегодня новое сталинградское сражение.

За столом президиума сидели И.В. Сталин, В.М. Молотов, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников и Г.К. Жуков. Перед ними за столами вдоль стены находились А.А. Новиков, Н.Н. Воронов, Н.Д. Яковлев, А.В. Хрущев, М.П. Воробьев, И.Т. Пересыпкин, А.М. Василевский.

Слева от президиума висели карты, многочисленные схемы. Рядом с ними стоял стол, на котором лежала указка.

Оба командующих фронтами и Антонов торопливо зашли в зал и заняли крайние места за столами.

– Товарищ Василевский, все в сборе? – спросил тихим голосом Сталин, вставая.

– Так точно, товарищ Верховный Главнокомандующий, все! – приняв стойку «смирно», ответил Василевский.

– Тогда будем начинать, – сказал Сталин и после некоторой паузы добавил: – Нам следует обсудить порядок проведения масштабной операции «Багратион». – Он медленно повернулся к заместителю начальника Генерального штаба, – Товарищ Антонов, докладывайте.

Антонов встал, подошел к картам и хорошо поставленным голосом начал:

– Наши войска в результате решительного наступления в середине апреля 1944 года вышли на рубеж Чудского озера и реки Великой, на подступы к Витебску, Орше, Могилеву, прорвались

к Ковелю. Главные силы Украинских фронтов вырвались на просторы древней волынской земли и в предгорья Карпат. Вскрылись направления на Львов, Бухарест. Все это положительно оценивается в Генеральном штабе.

Сталин, набивая трубку, наклонился к рядом сидевшему Молотову и о чем-то с ним переговорил. Тот одобрительно кивнул головой.

— Это хорошо, товарищ Антонов, — сказал Верховный, повернувшись к картам. — Какой вывод делает Генштаб?

— Мы не сомневаемся, товарищ Главнокомандующий, — продолжал уверенно Антонов, перекладывая указку из одной руки в другую, — что сопротивление противника, несмотря на то, что он понес большие потери и остро нуждается в восстановлении сил, не только не ослабнет, но станет еще более ожесточенным.

— Что из этого следует? — Сталин поднял вверх руку.

— Нужно наращивать наши удары, не позволяя гитлеровским генералам перегруппировать силы и организовать прочную оборону.

— Так почему же мы не наступаем немедленно? — произнес Верховный с нажимом на слово «немедленно». — Как я предлагал?

— Нам необходимо перегруппировать силы, — ответил Антонов, уловив сочувствующий взгляд Рокоссовского. — Оборону мы рассматриваем не как самоцель, а как вынужденную меру, которая позволит нам хорошо подготовиться к решительному наступлению.

— Хорошо, товарищ Антонов, продолжайте, — сказал Сталин, прикурив трубку.

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что выгодное для нас оперативно-стратегическое положение, сложившее к весне 1944 года, остается необычайно сложным. Продолжать наступление на Украине и в Молдавии мы пока не можем, поскольку на этих участках фронта сложились мощные и почти равные по силам группировки.

— Но там у нас все шесть танковых армий, — произнес Сталин, попыкая трубой. — Так, товарищ Жуков?

— Так точно, товарищ Сталин! — ответил тот. — Но войска устали, снабжение их нуждается в серьезном улучшении.

— Говорите дальше, товарищ Антонов, — сказал Сталин.

— Если бы на этих направлениях мы попытались наступать сейчас, то нам предстояла бы длительная кровопролитная борь-

ба с весьма сомнительным успехом. Нет заманчивых перспектив и на Севере, — Антонов неожиданно закашлялся, но вскоре продолжал обычным деловым тоном. — Там разгром противника мог привести только к выходу из войны Финляндии, а для самой Германии угрозы бы не представлял.

Сталин, раскуривая трубку, вышел из-за стола, подошел к Антонову и сосредоточенно начал разглядывать карту. Антонов посторонился и стал рассматривать какие-то бумаги, лежавшие на столе. Наступила короткая пауза.

— Как вы называете линию фронта, которая сложилась на западном направлении севернее и южнее Полесья? — спросил Верховный, не отрывая взгляда от карты.

— Белорусский балкон, — ответил Антонов.

— «Белорусский балкон», — повторил Сталин, усмехнувшись. — И чем же он не нравится Генеральному штабу?

— Он прикрывает путь нашей армии на Варшаву, — сказал Антонов, работая указкой. — Он может служить плацдармом для фланговых ударов противника в случае наступления наших войск к границам Пруссии. Кроме того, с территории Белоруссии можно осуществлять авиационные налеты на Москву. Наконец, войска противника, занимающие «Белорусский балкон» и имеющие возможность быстро маневрировать по хорошо развитым железнодорожным линиям и шоссейным дорогам, сковали здесь весьма крупные силы нашей армии. — Антонов повернулся к Сталину. — Все эти обстоятельства, товарищ Главнокомандующий, заставили Генеральный штаб рассматривать наступление в Белоруссии с целью разгрома находящейся там крупной группировки противника как важнейшую задачу на современном этапе борьбы с фашизмом.

Все присутствующие в кабинете с удовлетворением наблюдали за Антоновым, который и на этот раз аргументированно, грамотно и по-военному четко доложил обстановку на фронтах, сделав разумные и последовательные выводы.

— Убедительно, товарищ Антонов, — сказал Сталин и занял свое место в президиуме. — Для нанесения здесь удара способствует и обстановка в тылу противника. Против фашистов действует 150-тысячная армия белорусских партизан. Это немалая сила. — Он повернулся к начальнику Генерального штаба. — Операция «Багратион» уже согласована, а вы, товарищ Василевский, доложите кратко о ее замысле.

Василевский подошел к карте и доложил, что к операции привлекаются силы трех Белорусских фронтов и 1-го Прибалтийского фронта. Он подробно рассказал о силах и средствах, имеющихся в наличии для осуществления масштабной операции «Багратион».

— Ставка утвердила план действий правого крыла 1-го Белорусского фронта на Люблинском направлении, — продолжал Василевский. — Ему отводится основная роль в осуществлении хорошо продуманной нами операции. — Начальник Генштаба глянул на Верховного и продолжал водить указкой по карте. — Мы предлагаем: главный и решающий удар нанести с хорошо подготовленного и выгодного плацдарма на Днепре (район Рогачево). Мы думаем сосредоточить здесь основные силы прорыва обороны противника.

Василевский положил указку на стол, вытер вспотевшее лицо и, повернувшись к президиуму, произнес:

— Товарищ Главнокомандующий, есть один очень важный вопрос. Тот, кто должен проводить в жизнь наш план операции, отнесется к нему отрицательно.

— Как вас понимать, товарищ Василевский? — повысил голос Сталин.

— Товарищ Главнокомандующий, несмотря на то, что все представители Ставки поддерживали план операции, командующий 1-м Белорусским фронтом с ним не согласен и настаивает на двух главных ударах.

— Это что еще за новости? — повысил голос Сталин, вынимая изо рта трубку. — Константин Константинович, почему вы не согласны с решением Ставки и Генерального штаба?

— Потому, товарищ Сталин, — поднялся Рокоссовский, — что я считаю — при выполнении моего замысла мы достигнем больших успехов при минимальных потерях.

— Если строй идет нога в ногу, а один выпадает из строя, — махнул трубкой Верховный, — то кто здесь прав?

— Я настаиваю на своем плане операции.

— Доложите свои соображения, товарищ Рокоссовский.

— Есть, товарищ Главнокомандующий! — ответил Рокоссовский и направился к карте.

Член Ставки Ворошилов, преданно взглянув на Сталина, предвидя разнос с его стороны, ехидно улыбнулся.

Буденный потрогал усы, посмотрел на Рокоссовского с сочувствием.

Жуков резко повернулся к карте и не сводил глаз с командующего фронтом. Его взгляд, казалось, говорил: «Ну-ну, посмотри я на тебя, когда ты останешься без перьев».

Только один Молотов окинул Рокоссовского безразличным взглядом. Видимо, в хитросплетениях военной стратегии он понимал мало и ему было безразлично сколько наносить ударов — один или пять, лишь бы гитлеровцы были биты.

Под неодобрительными взглядами представителей Ставки и любопытными взорами остальных участников совещания — они еще не были свидетелями такого дерзкого «бунта» — Рокоссовский подавил в себе минутное волнение и с едва уловимой улыбкой произнес:

— Глубоко изучив обстановку, расположение своих сил и противника, а также замысел операции «Багратион», я пришел к выводу, что на правом крыле 1-го Белорусского фронта целесообразно нанести два главных удара с разных участков. Один, как это и предусмотрено планом, — с Рогачева на Бобруйск. — Он показал направление удара на карте. — Другой — из района нижнего течения Березины, Озаричи в общем направлении на Слуцк. Повторяю: оба удара должны быть главными.

Жуков угрюмо посмотрел на командующего фронтом и беззвучно зашевелил губами. Создавалось впечатление, что, если бы не представители Ставки, он бы высказал свое мнение по поводу двух ударов, не стесняясь в выражениях.

Сталин медленно вышел из-за стола и, продолжая посасывать трубку, остановился на некотором расстоянии от генерала армии. Подняв на него глаза, сказал:

— Вы думаете, товарищ Рокоссовский, что мы, разрабатывая операцию «Багратион», не изучили обстановку, — он поднял вверх дымящуюся трубку, — а взяли все с потолка?

— Нет, товарищ Главнокомандующий, я так не думаю, — ответил спокойно командующий фронтом. — Но в изучении противника, находясь на переднем крае, мы имеем преимущество.

— В чем это преимущество?

— Составлению нашего плана предшествовала большая работа не только на карте, но и на местности. Иногда приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе, — усмехнулся Рокоссовский.

Спокойствие и рассудительность командующего фронтом начали раздражать начальника Генерального штаба. Василевский

был уверен в своей правоте и с нетерпением ждал, когда закончится этот, как он считал, бесполезный разговор.

— У вас есть подозрение, что Генеральный штаб и ставка совершают ошибку?

— Я понимаю, что мое предложение идет вразрез с установившимися взглядами на ведение наступательного боя, — несколько смутившись, сказал Рокоссовский. — Да, принимая несколько необычное решение, мы идем на известное распыление сил, но в болотах Полесья, товарищ Сталин, другого выхода просто нет, а вернее сказать — другого пути к успеху операции я лично не вижу.

Сталин, явно недовольный несговорчивостью Рокоссовского, подошел к нему поближе:

— Пройдите в соседнюю комнату и еще раз обдумайте свое предложение. Вы оказались тем солдатом, который идет в строю не в ногу.

В течение получаса Рокоссовский ходил из угла в угол по комнате и, обращаясь к своей богатой памяти, тщательно взвешивал варианты предстоявшего наступления. На его лице и в голубых глазах появилась еще большая решительность — он считал свой план наступления единственно правильным.

— Ну что, надумали? — тихо спросил Сталин, откинувшись на спинку стула.

— Я считаю, что необходимо нанести два главных удара, — произнес Рокоссовский уверенно. — Я стою на прежней точке зрения.

— Какими силами вы собираетесь это делать? — вспыхнул Сталин.

— Удар на Бобруйск силами 3-й и 48-й армий, — ответил Рокоссовский. — Кстати, местность здесь не позволяет сосредоточить больше сил. — Другой удар я бы нанес силами 65-й и 28-й армий.

— Я считаю, как и все члены Ставки, — побледнев, произнес Сталин, — что удар надо наносить только один. — Он поднялся, объявив перерыв и, бросив на Рокоссовского тяжелый взгляд, властно произнес:

— Я не понимаю вашего упрямства, товарищ Рокоссовский! Идите и еще раз подумайте!

Все знали, что Сталин был сложным человеком. Он не любил, когда с ним не соглашались.

Рокоссовский закрыл за собой дверь и вновь уселся на диван. «Что я теперь скажу Верховному? Правильность моего решения

не вызывает сомнения. Может, нанести один удар? — подумал он. — Но при двух ударах успех несомненен и жертв меньше».

Он взглянул на часы: скоро надо идти на заседание. И все-таки один удар или два? Один — это ошибка. Два — это успех. А может быть, хватит упорствовать? Просто прийти и сказать, что ты не прав? Зачем лезть на рожон? В случае неудачи можно спрятаться за широкие спины представителей Ставки. И не надо будет корчить из себя большого оригинала.

Рокоссовский на миг представил себе почти тысячекилометровую линию фронта, идущую по белорусским болотам, лесам, озерам и рекам. В его подчинении сотни тысяч солдат и офицеров. Именно по его приказу они пойдут в наступление... Судьбы многих из них зависят от его решения. «Нет, нет, люди не должны расплачиваться жизнью за мои ошибки, — подумал он. — Нельзя отступать от того, в чем ты абсолютно уверен».

Рокоссовский зашел в кабинет, где уже все были в сборе.

— Так что же, будем наносить один удар или два? — прищурился Сталин.

— Считаю, что необходимо нанести два удара, — спокойно произнес он.

Верховный закурил трубку и молча начал бесшумно ходить по кабинету, время от времени поглядывая на командующего фронтом.

«Ну и твердолобый! — мысленно воскликнул Ворошилов. — Не зря я тебя уволил из армии и дал санкцию на арест. Все равно тюремная наука не пошла тебе впрок».

Жуков и Василевский ждали развязки, которая должна была оказаться не в пользу Рокоссовского. У них даже появилось опасение, что они могут потерять незаурядного полководца.

Рокоссовский посмотрел на маршала Воронова. Тот кивком головы одобрил его действия.

— Товарищ Главнокомандующий, — не выдержал молчания генерал армии, — разрешите мне до конца высказать аргументы в пользу двух ударов.

Сталин остановился, набивая табаком трубку, и после длинной паузы произнес:

— Говорите!

Рокоссовский подошел к карте, взял указку.

— Дело в том, что, если группировке войск на направлении главного удара не оказать помощь на другом участке, противник, вполне возможно, не даст прорвать оборону.

— Почему? — остановился Сталин и поднял глаза на генерала.
— Потому, товарищ Сталин, что у него остается реальная возможность перебросить сюда силы с не атакованных нами рубежей, — ответил Рокоссовский.

— А что дают ваши два главных удара? — негромким голосом спросил Сталин, остановившись у стола президиума.

— Два главных удара решают все проблемы, — запальчиво сказал Рокоссовский. — В сражение одновременно вводится основная группировка войск правого крыла нашего фронта. Гитлеровцы напрочь теряют реальную возможность маневра. Успех, достигнутый пусть даже сначала на одном из этих ударов, ставит немецкие войска в тяжелое положение, а нашему фронту обеспечивает энергичное развитие наступления. — Рокоссовский повернулся к Верховному, шагавшему по кабинету. — У меня все, товарищ Главнокомандующий.

Сталин раскурил трубку, медленно, с остановками, почти вплотную подошел к Рокоссовскому.

Кое-кому, в первую очередь Ворошилову, показалось, что Верховный сорвет погону с плеч несговорчивого и упрямого командующего фронтом. Рокоссовский в эти тревожные минуты не потерял самообладания. Известная всем, едва заметная добродушная улыбка и сейчас не сходила с его лица.

После некоторого раздумья Сталин поднял глаза на Рокоссовского и, сжимая в руке потухшую трубку, тише, чем обычно, сказал:

— Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления им тщательно продумана. — Он повернулся к президиуму. — А это надежная гарантия успеха. Утверждаем решение Рокоссовского.

4

Вернувшись из Москвы, командующий фронтом начал готовить операцию, которую предполагалось начать 15 — 20 июня. Он вновь отправился на передний край. Ему предстояло окончательно отработать операцию «Багратион». Один главный удар наносился армиями Горбатова и Романенко, второй — армиями Батова и Лучинского.

Во второй половине дня Рокоссовский на стыке двух армий собрал всех командармов. Обещанная синоптиками гроза так и не пришла, но продолжал моросить дождик. В палатке было душно, хотя одна сторона ее была полностью открыта. На столе

перед генералами лежали карта и аэрофотоснимки местности и укреплений противника на Бобруйском направлении. Командующий фронтом довел план операции «Багратион», умолчав о трудностях его принятия, поставил задачи армиям, вместе с командармами определил плацдармы и сроки сосредоточения войск.

— Хотел бы напомнить о маскировке, — в заключение сказал Рокоссовский. — Части сосредотачивать и перегруппировывать только ночью. Продумайте, где можно навести ложные переправы, для видимости прокладывайте лжедороги. На второстепенных рубежах необходимо сосредоточить большое количество орудий, производить из них огневые налеты, а затем увозить их на направление главного удара, оставляя на ложных позициях макеты. Короче, вы все опытные командармы и знаете, что немцы должны знать только то, что мы хотим им показать.

На следующий день Рокоссовский принял участие в штабных учениях и уехал на КП фронта, куда должен был прибыть представитель Ставки Жуков. Когда его машина плутала по фронтовым дорогам Белоруссии, уже было темно. Подпрыгивая на ухабах, она торопилась на фронтовой аэродром. По верхушкам леса катилась круглая луна, купаясь в светло-желтом сиянии.

Водителю и расположившимся позади автоматчику и адъютанту казалось, что командующий фронтом подремывает. Но он только от усталости прикрывал глаза. Мысль работала напряженно. Возникали и решались десятки самых неотложных вопросов будущего наступления. Ему предстояло решить важную проблему с командармом Батовым — выбрать на местности плацдарм для сосредоточения основных сил и нанесения второго главного удара. Успешно завершить операцию «Багратион» он считал делом своей чести. «Не мешали бы только представители Ставки, — подумал он. — Неизвестно, как поведет себя Жуков. Ведь он был против моего плана».

Вскоре машина была на аэродроме, где стояли в ряд около десятка «По-2». Генерала армии быстро посадили в самолет, который быстро взмыл под облака. Усталость взяла свое — примостившись на сиденье, Рокоссовский уснул.

Рано утром машина снова мчалась по лесу. Она прыгала вверх, натываясь на выбоины и горбатые корневища. Пахло прелью лесных просторов, перекликались ранние птицы. Лес кончился. Поля были окутаны нежным розовым светом. Навстречу бежали темные силуэты кустов, отовсюду веяло раздольем,

и невольно думалось: скорее бы кончилась война, вернулись бы люди к своей обычной жизни и несли бы дальше по этим дорогам свои печали и радости.

Временный командный пункт 1-го Белорусского фронта размещался в деревне Дуревичи. Освобожденная несколько месяцев назад, она тоже пострадала от войны, но более половины домов уцелело, и жители помогли разместить КП в лучших строениях. Рядом со штабом шумели стройные сосны и липы.

Когда машина командующего подошла к дому, несмотря на ранний час, здесь уже кипела жизнь.

— Михаил Сергеевич, что нового? — спросил Рокоссовский, протягивая Малинину руку.

— Всё по плану. Готовим два удара, — усмехнулся тот. — Скоро подойдет Жуков.

— А он уже здесь? — спросил с удивлением Рокоссовский. — Как у него настроение?

— Вполне благодушное, — ответил Малинин, взглянув на дом, из которого выходил Жуков, и сказал: — А вот и он, легок на помине.

Маршал Советского Союза, широкоплечий, плотный, невысокий, шагал твердо и уверенно. Вся его фигура излучала волю, силу, энергию.

Рокоссовский был гораздо выше маршала, и в его фигуре, голосе, в поведении чувствовались мягкость и внутренняя культура. Лишь в лицах обоих было что-то общее, какая-то невысказанная, глубоко затаенная мысль. После приветствий они перебросились несколькими словами о погоде, о красоте здешней природы, но тень предстоявшей операции вставала между ними даже тогда, когда они обменивались ничем не значащими репликами.

— Ну так что, все-таки два удара? — первым начал Жуков, подняв глаза на командующего фронтом.

— Да, два, — улыбнулся Рокоссовский.

— Ну что ж, два так два, — Жуков кивнул на начальника штаба фронта. — Твой Малинин мне доложил, что один удар уже подготовлен.

— Да, с Горбатовым и Романенко все отработано.

— Что ж, ладно, раз первый удар готов, поехали готовить второй, — сказал деловым тоном Жуков и, подняв глаза на командующего фронтом, не жаловавшего представителей Ставки, спросил: — Не возражаешь?

— Поехали, там предстоит интересная работа, — не удержался от улыбки Рокоссовский — наконец-то заместитель Верховного согласился с его планом.

5

Павел Иванович Батов, пожалуй, был самым опытным и прославленным командармом Великой Отечественной войны. Он начал военную службу еще в царской армии, участвовал в Гражданской войне, воевал в Испании, командовал войсками в Крыму, а затем по своему желанию и воле Рокоссовского возглавил 65-ю армию, с которой прошел от Сталинграда до Щецина. Генерал был старательным, хитроватым, умным и осторожным служакой. Он был одновременно и мягким, и волевым человеком, обладавшим уникальной способностью прислушиваться к мнению подчиненных.

Рокоссовский ко всем командармам относился ровно и старался не повышать голоса даже на тех, кто допускал промахи и ошибки.

Но Батов был его любимцем и верным другом. Он доверял ему во всем, и между ними за всю войну не возникло никаких разногласий. И в операции «Багратион» он отвел армии Батова нанесение самого сложного, главного удара на бобруйском направлении.

В начале июня КП фронта армии находилось в лесу рядом с деревней Просвет. Батов уже много раз побывал на передовой, все изучил, в охотничьих резиновых сапогах облазил болота. И сегодня, вернувшись из окопов, ходил по лесной тропе недалеко от палаток и землянок, все размышляя о плане наступления, который необходимо было представить в штаб фронта 8 июня 1944 года. Его мучил вопрос: где нанести главный удар? Над самыми сложными вопросами он любил ломать голову один. Единственные свидетели его дум — немые сосны да хилые, выросшие в тени кусты малины.

Его армия перед наступлением занимает полосу, сплошь покрытую лесами. А сколько небольших рек с широкими поймами, каналов и топких болот? Какой же тут маневр по таким гиблым местам?

Гитлеровское командование использовало эти особенности местности и создало сильную, глубоко эшелонированную оборону. Но у них есть очевидная промашка — они слепо поверили в условный топографический знак «Непроходимые бо-

лота» и поддались иллюзии: по болотам и топям никто наступать не сможет.

Батов присел на валежину, положил на пенек уставшие ноги. «Вот почему гитлеровские генералы ждут главного удара в районе Паричей и сосредоточили там основные силы, — подумал он. — А между тем разгадать ваш замысел, выходит, просто, проще пареной репы».

Командарм, прислушиваясь к беззаботному пению лесных птиц, вновь вышел на тропу и начал ходить туда и обратно.

Конечно, паричское направление является весьма заманчивым: участок местности сухой, без водных преград. Но господствующие высоты у противника. Плотность огневых средств здесь самая высокая. Наступать под Паричами — значит нести здесь тяжелые потери. «Нет, такой план наступления Рокоссовский ни за что не одобрит, — размышлял он, отгоня фуражкой комаров. — А что, если пройти там, где нас не ожидают?»

В отдалении Батов заметил тлеющий костер, а возле него группу пожилых людей. Подошел, завязался непринужденный разговор.

— Пройти по гэтым балотам можно, товарищ генерал, — сказал пожилой мужчина. — Я тутэйший и знаю, як можна прайсці. Калі былі малыя, мы тут шмыгали як зайцы.

— Ну, а все-таки, как можно преодолеть эти болота? — спросил генерал.

— Як, все просто, на мокроступах.

— А что это такое?

— Гэта лыжы из лазы. В них ноги в трясине не тонуть. Гразь в рашотках тоже не задерживается. Идешь сабе як па дарозе, толька вада хлюпая.

— Можешь сделать завтра десяток? — загорелся командарм.

— Калі памогуць, магу зрабіць і дваццаць. Сколькі тут той работы? Была бы толька лаза.

Батов выдал распоряжение поставить крестьянина на довольствие и выделить ему необходимое количество помощников. Он зашел в свою палатку, развернул карту, долго рассматривал ее и, улыбнувшись, вслух произнес:

— Если подтвердится, что по болоту могут пройти люди, значит, найдем способ провезти и боевую технику. Вот тогда мы преподнесем фашистам подарок!

На следующие сутки, ночью, гвардейцы начали освоение одного из участков болота. Разведчики шли в мокроступах, каж-

дый солдат нес два-три соломенных мата для подстилки в самых топких местах. На болотах у немцев не было сплошного фронта обороны. Она строилась по принципу отдельных опорных пунктов, расположенных на возвышенных участках, имевших между собой лишь огневую связь. Офицеры инженерного отдела шли за разведчиками и через определенные промежутки времени измеряли глубину топи.

Отряд вышел незамеченным на передний край обороны противника. Несколько солдат подкрались с тыла к опорному пункту немцев и захватили в плен дремавшего у пулемета часового.

Данные разведки подтвердили вывод Батова: во первых, противник исключал возможность наступления на этом направлении и имел здесь слабую оборону; во-вторых, топи проходимы для людей, а если проложить гати, то и для техники.

7 июня, на рассвете, на КП армии неожиданно приехали Жуков и Рокоссовский.

— Когда последний раз был в войсках? — спросил Жуков.

— Сегодня ночью.

— Где?

— В корпусе Иванова, на участке 69-й дивизии.

— Покажи на карте.

— Вот этот участок. Здесь болотистая местность.

— Можно проехать?

— Не рекомендую, местность открытая, обстреливается артиллерией. Ночью безопаснее.

— Ну что, едем сейчас? — Жуков посмотрел на командующего фронтом.

— Едем.

Сообразительный Батов был недоволен таким ходом дела. «Черт подери, — подумал он. — Никакой срочности в этой поездке нет, а им зачем-то приспичило. Они могут скомпрометировать это направление. Немцы наверняка обнаружат эту рекогносцировку и могут догадаться о моих намерениях.

— Если решено ехать, товарищ маршал, то весьма ограниченному кругу лиц. Интервал между машинами — две-три минуты.

Рокоссовский глянул на Батова и, словно догадываясь, о чем думает командарм, в знак согласия кивнул.

Все рекомендации Батова были выполнены — на этом настоял Рокоссовский.

От опушки леса генералы прошли небольшое расстояние пешком и вскоре укрылись в ходах сообщений. Солнце уже под-

нялось над горизонтом, но в лесу было прохладно — давала о себе знать густая болотная сырость. Батов живо семенял впереди, а за ним едва поспевали маршал и генерал армии. Изредка на позициях немцев трещали пулеметные очереди. Следовали один за одним рапорты командиров подразделений. «Оставайтесь на месте, занимайтесь своим делом», — звучал зычный голос Жукова.

Гости расположились в первой траншее и стали внимательно изучать местность и тактическую глубину обороны противника. «Ищут направление главного удара? — мелькнула мысль у Батова. — Неужели наши планы совпадают?»

После продолжительного наблюдения группа переехала на другой участок переднего края.

— Павел Иванович, — расспрашивал Рокоссовский по дороге, — скажи мне, почему ты бываешь больше всего в районе болот, а не в районе Паричей.

— Товарищ командующий, я там тоже бываю, — отвечал с хитринкой в глазах Батов.

— Ты не хитри. Здесь ты бываешь почти каждый день, — засмеялся Рокоссовский. — Это, видимо, не с бухты-баракты.

— И вы, наверное, неспроста приехали именно на этот участок, — ответил Батов, заглядывая в глаза командующему фронтом. — Я так думаю.

— Скажи, хитрец, как расцениваешь возможности наступления войск на Паричи? — спросил генерал армии.

— Отрицательно, немцы тоже не дураки. Там хорошо организованная оборона.

— Ты считаешь, здесь выгоднее нанести главный удар? — спросил до сих пор молчавший Жуков.

— Да, именно так.

— Каковы реальные возможности? — спросил Рокоссовский.

— Про твои мокроступы я уже знаю, хотя ты и темнишь, а вот как быть с техникой? Ты представляешь, какая работа предстоит, чтобы превратить эти болота в проходимые участки?

— У нас уже кое-что сделано.

— А о танках ты подумал? — уточнил генерал армии.

— Разрешите показать, как это будет выглядеть.

Командарм привез гостей на один из танкодромов на болоте, и они уселись на бревна у кромки болота.

Командующий бронетанковыми войсками армии рассказал, как все щели в нижней части машин заделываются промаслен-

ной паклей, как на случай опасности танки соединяются стальными тросами. После показа, как танки преодолевают болото на гатях, Жуков, улыбаясь, подошел к командарму:

— Спасибо, Павел Иванович, теперь ты родоначальник инженерной операции. Не зря тебя хвалят Рокоссовский. Не зря.

Оперативная группа представителя Ставки с этого дня капитально обосновалась на территории армии Батова.

6

План операции «Багратион» захватил Рокоссовского своей необычностью, масштабностью и смелостью. Перед наступлением он налаживал контакт с руководством партизанского движения Белоруссии. Получив задание от командующего фронтом, партизаны ударили по коммуникациям и базам немецко-фашистских войск. Не один военный эшелон гитлеровцев улетел под откос на железнодорожных магистралях Бобруйск — Осиповичи — Минск.

Через руководителей партизанского движения Рокоссовский пытался найти Белозерова, но он как в воду канул — о нем не было ни слуху ни духу.

К двадцатым числам июня войска фронта заняли исходные позиции. На направлении главных ударов было обеспечено превосходство над противником в 4 — 5 раз в людях и технике.

До наступления оставались считанные дни, и Рокоссовский решил побывать на левом крыле фронта, которому предстояло вступить в дело позднее. Здесь действовала 1-я польская армия, подчиненная его фронту, и ему хотелось с ней познакомиться. Ведь он оказался первым военачальником, под чьим командованием польские дивизии делали первые шаги в борьбе с фашистами.

На ковельское направление (левое крыло фронта) он добирался сначала на бронепоезде (в лесах бродили банды бандеровцев), а затем на самолете «У-2».

Рокоссовский сидел рядом с начальником артиллерии фронта Казаковым и думал о предстоящей встрече с поляками*.

Через несколько минут самолет подрулил к деревянному зданию, где командующего фронтом ждали командармы четырех армий, занимавших позиции в первом эшелоне. На следующий день Рокоссовский обговорил с ними все вопросы, связанные с предстоящей военной страдой, и выехал в штаб польской армии в окрестностях города Сарны.

Машины командующего фронтом и охраны прибыли в расположение польской армии под вечер. Жара спала. На западной окраине села, где размещался штаб армии, пламенели верхушки берез, широкие тени от дворов и заборов покрыли улицу, темными полосами легли на двор КП армии. Лиловыми красками переливались окрестные поля.

Когда Рокоссовский вышел из машины, загремела маршевая музыка и, чеканя шаг, ему навстречу шел командующий армией Зигмунд Берлинг. «Мне только этих торжеств не хватало», — подумал генерал армии и поспешно протянул руку.

— Здравствуйте!

— Здравия желаю, пан генерал армии!

«Давно меня паном не называли», — подумал Рокоссовский, улынувшись, и вслух произнес: — Благодарю вас, товарищ генерал, но у нас очень мало времени. Надеюсь, вы сократите торжественную часть?

Но командующий фронтом ошибся — Берлинг не дал себя сбить с намеченного церемониала и продолжал щелкать каблучками.

Рокоссовский прижал правую ладонь к сердцу и, поклонившись в сторону оркестра, сказал:

— Если можно, товарищ Берлинг, дайте команду, чтобы они перестали бить в барабаны. Ведь я приехал на деловую встречу.

Генерал поднял руку вверх и резко ее опустил. Оркестранты оборвали музыку.

— Рокоссовский! Рокоссовский! — молниеносно разнеслось по ротам. На двор школы стекались все новые и новые толпы солдат, сержантов и офицеров.

Мгновенно генерал армии оказался в плотном окружении поляков. На десятки метров зеленели четырехугольные фуражки, раздавались восхищенные возгласы, заставлявшие Рокоссовского краснеть.

Он обвел собравшихся улыбающимися глазами и приветственно помахал рукой.

— Панове, панове, соблюдайте тишину! — кричал Берлинг.

Рокоссовского засыпали вопросами.

— Как по-вашему, скоро будет освобождена Варшава?

— Да, скоро.

— Ваши войска будут брать Варшаву?

— Я об этом мечтаю.

— Почему наша польская армия находится в резерве?

— Вам надо обязательно подучиться. Чтобы фашистов бить наверняка, нужно овладеть военными знаниями. Освобождать Польшу мы будем вместе.

— Как вы относитесь к Армии Крайовой? — спросил полковник.

— Боюсь, что ее авантюризм может дорого стоить полякам.

Из толпы вышел молодой красивый офицер.

— Пан генерал армии, мы гордимся вашей славой, вашими победами. Разрешите пожать вашу мужественную руку!

— С удовольствием подаю руку смелому польскому офицеру, — засмеялся Рокоссовский и, сняв с руки часы, протянул: — *Na ramię atkę naszego spotkania!**

— О Пресвятая Дева! — гордо воскликнул офицер, глядя на командующего фронтом. — Клянусь честью! Я постараюсь быть похожим на вас!

Вскоре разговор с солдатами и офицерами пришлось завершить, а дальше длилась беседа с командованием армии, которая закончилась далеко за полночь. На следующий день рано утром Рокоссовский улетел на правый фланг фронта, где решалась судьба операции «Багратион».

7

24 июня 1944 года утро в Белоруссии выдалось тихим и настороженно-спокойным. После короткой и теплой ночи незаметно выплывали из темноты березовые рощи, синевато-дымчатые сосняки. На восточной стороне горизонта зловеще светилась красная полоса, похожая на раскаленное железо. В этом пугающем свете было что-то жуткое и тревожное. Все вокруг притихло, задумалось и онемело. В лесу не было слышно никаких посторонних звуков, словно все живое, получив какой-то сигнал, притаилось в ожидании какого-то необычного события.

Над бобруйскими болотами густой пеленой повис туман, и солдаты, занимавшие исходные позиции для наступления, копошились в этой пелене, будто сказочные богатыри в морской пучине.

И вот чуть свет эту тишину расколол гром артиллерийской канонады. Тысячи орудий, сотни бомбардировщиков обрушили на передовые позиции фашистов шквал огня. Два часа снаряды и бомбы взрывали вражеские доты и траншеи, громили переправы, мосты, штабы...

*На память о нашей встрече (польск.).

Затем пошли вперед танки и самоходки, поднялась в атаку пехота. Северная группировка – Горбатов и Романенко – в этот день смогла захватить лишь первую и вторую траншеи. А от Батова Рокоссовский получил донесение: «Прорыв закреплен надежно. Танковый корпус, не встречая сильного сопротивления, идет к населенному пункту Брож, обтекая с юга и запада бобруйский узел сопротивления».

Это сообщение Жукову показалось преувеличенным. Вскоре Батов получил телеграмму: «Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии. Жуков». Когда же Батов вновь сообщил о крупном успехе его войск, телеграф отстучал лаконичную телеграмму: «Приеду смотреть сам».

В этот же вечер Жуков и Рокоссовский были у Батова на новом наблюдательном пункте в только что занятом местечке Гомза. Едва машины проскочили на НП, немецкая артиллерия накрыла дорогу.

– Жарковато у тебя, Павел Иванович, – сказал Рокоссовский.

– Да, жарковато, советую не задерживаться.

– Никуда не поедem, – произнес Жуков. – Доложи, что с противником в Паричах, и давай обедать.

– Противнику в Паричах мы зашли с тыла, окружили его и теперь добиваем.

– Ловко у тебя получается, – сказал Жуков, окинув одобрительным взглядом командарма. – А вот у Горбатова и Романенко дела похуже.

– Вот-вот они увеличат темпы наступления, – проговорил Рокоссовский, разглядывая карту. – Песня бобруйской группировки гитлеровцев спета.

Видимо, другой бы на месте генерала армии напомнил бы о порочности плана, на котором настаивала Ставка (это подтвердили действия двух армий с плацдарма Рогачево), но Рокоссовский за все время успешной операции «Багратион» не сделал Жукову об этом даже малейшего намека.

Приходится только удивляться, как некоторые военные историки и писатели, не моргнув глазом, заявляют: «Творцом и исполнителем операции «Багратион», освободившей Белоруссию и часть Польши, был опять же Г.К. Жуков...»

Этими «опять же» напичкана наша мемуарная и художественная литература. Пусть простит меня читатель за это отступление.

А тем временем, наспех пообедав, Жуков и Рокоссовский уехали на правый фланг фронта.

Войска 1-го Белорусского фронта за пять дней наступления прорвали оборону противника на 200-километровом фронте; они окружили и уничтожили бобруйскую группировку и продвинулись вглубь на сто километров.

Войска фронта вырвались на оперативный простор. 28 июня Ставка поставила войскам новую задачу – частью сил наступать на Минск, а основными – на Слуцк, Барановичи. Войска Рокоссовского совместно с 3-м Белорусским фронтом завершили окружение 4-й армии немцев и 3 июля после упорных боев освободили Минск. Более чем 100-тысячная группировка гитлеровцев агонизировала в лесах восточнее Минска.

Атакуемые на дорогах партизанами и авиацией, немцы пытались пробиться то на одном, то на другом направлении, но ни одна из попыток успеха не имела. К 13 июля с группировкой противника было покончено. 17 июля по улицам Москвы прошли 57 600 фашистских солдат и офицеров, плененных во время операции в Белоруссии. Впереди колонны, опустив головы, брели немецкие генералы. Три часа, по двадцать человек в ряд, шли мимо молчаливых москвичей «победители» Европы без всякой надежды на благоприятный исход войны.

8

Белорусское сражение и его результаты уже на пятые сутки вызвали яростное раздражение Гитлера. Как всегда, ему понадобился козел отпущения, на которого можно было снова свалить вину за поражение. Своему окружению он дал понять, что кто-то должен ответить за провал боев в Белоруссии. На развалившийся фронт бросаются все наличные силы. 28 июня он отстраняет фельдмаршала Буша от командования группой «Центр», а вместо него назначает командующего группой «А» фельдмаршала Моделя. Несмотря на свои 53 года, Модель был бодр, полон энергии, подвижен и оптимистично смотрел в будущее. Он еще верил, что его кумир Гитлер спасет Германию от поражения. Воодушевленный получением звания «генерал-фельдмаршала», Модель, официально не приняв дела у Буша, в день назначения вылетел в Бобруйск в штаб окруженной девятой армии. Он считал, что своим присутствием сможет предотвратить катастрофу.

Судьба распорядилась так, что ровно три года тому назад, 28 июня 1941 года, тогда еще командир 3-й танковой дивизии, входившей в танковую группу генерал-полковника Гудериана, генерал-лейтенант Модель первым ворвался в Бобруйск.

Теперь он увидел пылающий город и деморализованные части своих войск. Окруженная группировка, вместо того чтобы вести борьбу с противником, уничтожала орудия, тягачи, танки и машины. В течение полутора суток ему удалось навести кое-какой порядок. Он собрал в один кулак войска прикрытия, состоявшие из отборных солдат и офицеров, и пытался во что бы то ни стало вырваться из окружения. Он понимал, что это безумие, но другого выхода не видел.

Пьяные офицеры, переступая через трупы солдат, рвались вперед на северо-запад. Им даже удалось прорвать оборонительный рубеж. В прорыв хлынуло более пяти тысяч солдат, но спастись им не удалось. 29 июня русские овладели Бобруйском и бегущие части были уничтожены.

Надо отдать должное храбрости и смелости Моделя; он сумел вылететь из бобруйского «котла», и его самолет приземлился в окрестностях города Слуцка, где располагался штаб фельдмаршала Буша.

— Ну что, Вальтер, тебе удалось вывести хотя бы часть войск из окружения? — спросил усталый Буш, когда Модель переступил порог кирпичного дома, который занимал бывший командующий группой «Центр».

— Эрнст!.. Коньяк у тебя есть? — вместо ответа спросил Модель.

— Есть, — ответил Буш, и по его лицу пробежал нервный тик.

— Налей, — произнес Модель, тяжело опустившись на диван.

Буш повернулся, подошел мелкими шажками к шкафу, достал бутылку коньяку, плитки шоколада, поставил на журнальный столик перед Моделем.

С глаз на глаз они побеседовали за коньяком около часу.

— Скажи мне, Эрнст, — проговорил Модель, — почему мы терпим в белорусской операции такие неудачи? Где, по-твоему, кроется их основная причина?

— Основная причина, Вальтер, заключается в том, что русские нас обхитрили. — Буш отошел на несколько шагов, чтобы видеть собеседника целиком. В связи с отстранением от должности он чувствовал некоторую неприязнь к своему преемнику, оказавшемуся в этот момент более удачливым.

— Спасибо, Эрнст, за откровенность, — едва усмехнулся Модель.

— Я верил нашей разведке. — Буш подошел к карте, висевшей на стене. — Основной удар мы ждали в районе Рогачева. Я надеялся, если русские будут сильно наседавать, я перебросаю туда силы с других участков. К этому все было готово. Как мы и предвидели, они бросили в прорыв две армии.

— Так почему ты не осуществил свой замысел? — спросил Модель, смакуя коньяк.

— Русские перепутали мне все карты.

— Не укладывается в голове, как это могло случиться? — повысил голос Модель, давая понять, что Буш виноват в провале операции.

— Русские нанесли одновременно второй мощный удар, — продолжал Буш, обращаясь к карте. — Он был нанесен не в районе Паричей, где у нас был хорошо укрепленный район, а в другом направлении.

Буш замолчал и прошелся по комнате. Модель встал, начал рассматривать карту.

— Они что, высадили в тылу десант?

— Нет, они вылезли, как черти, из болота и зашли нам в тыл, — с огорчением произнес Буш и протянул руку к карте. — Здесь сплошные дремучие леса, зыбкие трясины... Рокоссовский сумел переправить здесь не только пехоту, но и технику. Это невероятно, но факт остается фактом — он нанес здесь мощный удар. Рокоссовский это сделал вопреки всем ожиданиям. — Буш повернулся так, что Моделю был виден коротко подстриженный седой затылок и яйцевидная плешь на макушке головы фельдмаршала. — Я тебе не завидую, Эрнст: Рокоссовский — очень хитрый противник. А тебе с ним предстоит воевать.

— Все говорят «Рокоссовский, Рокоссовский», — Модель сел на диван рядом с Бушем. — Когда я стажировался в русской военной академии вместе с Манштейном и Боком, такой фамилии я даже не слышал. — Модель чуть отодвинулся, чтобы не дышать в лицо Бушу. — Что это за птица?

— Это птица высокого полета, — сказал Буш, наполняя рюмки коньяком. — Ему около пятидесяти лет, поляк, воевал на стороне красных во время революции. Воевал под Москвой, под Курском. Я уже не говорю о Сталинграде. Это он разделся с Паулюсом. — Буш замолчал, взял в рот кусочек шо-

колада. — Самое странное заключается в том, что Рокоссовский был репрессирован. Три года тюрьмы никак не повлияли на его патриотический дух.

— Да, таких людей трудно понять, — произнес Модель, закуривая. — В них есть что-то такое, что не поддается нашей логике.

— Как ты думаешь, Вальтер, почему наша лучшая в мире армия терпит одно поражение за другим? — Каждую фразу Буш произносил так, будто ему было тяжело ворочать языком.

— Ее довели до этого безголовые генералы из окружения фюрера, — с раздражением произнес Модель. — Они вводят его в заблуждение. Чем дольше тянется война, тем лучше они себя чувствуют. Они ведь не кормят вшей на передовой, а живут в особняках и получают награды первыми. — Он повернулся к Бушу и с пафосом произнес: — Запомни, Эрнст, скоро придет время — фюрер позовет нас, и только мы спасем Германию от поражения! Да, да, только мы!

— Вальтер, с тобой можно разговаривать откровенно, — неуверенно произнес Буш, поднимаясь. — Только чтобы разговор был между нами?

— Конечно, Эрнст, конечно, слово офицера.

— Я имел честь присутствовать на совещании 14 июня 1941 года, — начал тихо Буш, расхаживая от одного окна к другому. — Тогда Гитлер собрал в Берлине всех командующих группами армий, чтобы обосновать решение о нападении на Россию и выслушать доклады о завершении подготовки к войне. Гитлер сказал, что не может разгромить Англию. Поэтому, чтобы прийти к миру, ему необходимо добиться победоносного окончания войны на материке. Чтобы создать себе неуязвимое положение в Европе, надо разбить Россию. На мой взгляд, изложенные им причины, вынудившие начать войну с Россией, были неубедительными.

— Ты пришел к такому выводу сейчас или еще тогда?

— Тогда я был на стороне фюрера.

— А теперь? — сверкнул на него глазами Модель.

— Хайль Гитлер! — поднял руку Буш.

— Говори дальше, — как-то непроизвольно вырвалось у Моделя.

— Ты, Вальтер, опытный военный и знаешь, к чему приводит недооценка противника.

— Так, так, — сказал Модель и подошел к окну.

— Гитлер не верил ни в донесения о военной мощи огромного государства, ни сообщениям о возможностях промышленности и, если хочешь, прочности государственной системы России. Для военного времени она оказалась незаменяемой.

— Я не могу согласиться с тобой, Эрнст. Я верю в гений Гитлера! — сказал Модель. — Я до сих пор неуклонно выполнял его приказы и буду их выполнять. Я стал солдатом для того, чтобы защищать отечество. Я честно исполню свои обязанности до конца*.

В дверь постучали. Оба фельдмаршала, вытянув шеи, устремили взгляд на генерала, стоявшего на пороге.

— Господин фельдмаршал, разрешите доложить?

— Докладывайте, — поднялся Модель.

— Вчера, 29 июня, командующему 1-м Белорусским фронтом русских Рокоссовскому присвоено воинское звание «маршал», — заглядывая в папку, произнес генерал. — Танки Рокоссовского находятся в пятидесяти километрах отсюда. По нашим расчетам, они могут быть здесь через 2 — 3 часа.

— Это черт знает что такое! — взорвался Модель. — Начальника штаба ко мне!

— Нам пора отсюда уезжать, Вальтер, — сказал Буш, когда начальник штаба ушел. — Дела передам в дороге.

Через несколько минут машины фельдмаршалов под усиленной охраной уходили по дороге на Брест.

Глава двадцать третья

1

Итак, войска правого крыла 1-го Белорусского фронта к середине июля ушли далеко вперед, а теперь пришла пора показать себя левофланговым армиям. 7-го июля Ставка утвердила план Люблинско-Брестской операции. Замысел маршала Рокоссовского заключался в том, чтобы уничтожить брестскую и люблинскую группировки противника ударами войск фронта в обход Брестского укрепленного района с юга, севера и, продолжая продвижение на варшавском направлении, выйти широким фронтом на рубежи реки Вислы. 18 июля пять общевойсковых армий, танковая и воздушная армии левого крыла фронта перешли в наступление и уже 20 июля вышли к Западному Бугу на границу.

Рокоссовский оставался самим собой — он постоянно находился в войсках. На пыльных фронтовых дорогах его походный, защитной окраски автомобиль видели и пехотинцы, и летчики, и артиллеристы.

К вечеру 22 июля командующий фронтом приехал на берег Западного Буга, где на хуторе размещался временный КП фронта. После ужина на стол легли радиogramмы, телеграммы, донесения о перехватах радиоразговоров противника.

Из донесений стало ясно, что наиболее тревожная обстановка у Батова. Его соединение выдвинулось далеко на запад. Слева войска Лучинского и справа войска Романенко отстали на десятки километров. «Это что за близорукость? Неужели они не видят, что фланги 65-й армии открыты?» — мелькнула мысль у Рокоссовского. Он тут же наткнулся на радиоперехват: «Командир пятой танковой дивизии СС «Викинг» Галла ведет радиопереговор с командиром четвертой танковой дивизии Петцелем. Галл — в Высоколитовске, Петцель — в Бельске. Готовятся в четыре ноль-ноль нанести по нашим войскам встречные удары и соединиться в районе Клешелей».

Рокоссовский связался с Батовым.

— Павел Иванович, что делается в ответ на замысел немецких генералов?

— Вывожу КП из Клешелей в Гайновку. Войска готовлю для отражения танков. Сил мало, резервов нет.

— Держись на занимаемых рубежах. Помощь будет оказана.

Из армии Романенко командующий фронтом направил к Батову стрелковый корпус и танковую бригаду. К утру он получает радиogramму от командарма: «Артиллерия не в силах сдерживать удар бронированного кулака. Сто танков с севера и сто танков с юга». Рокоссовский радирует: «Сжать основные силы армейской группировки к центру, оставить часть территории, сократить линию фронта и занять круговую оборону».

К полудню следующего дня командующему фронтом стало ясно, что немецкие группировки соединятся.

Днем Батов по радио докладывал:

— Противник наносит встречный удар на Клешели. Штаб армии отведен в Гайновку. Сам с оперативной группой управляю боем на...

Рокоссовский много раз запрашивал по радио: «Где Батов? Что с ним случилось?» Не получив ответа, он выслал в разведку эскадрилью истребителей, но они машин командарма не обнаружили.

Почти двое суток тревога не покидала Рокоссовского. И только 24 июля поступило сообщение: подоспевшие на помощь стрелковый корпус и танковая бригада разгромили гитлеровцев под Клешелями и восстановили прежнее положение 65-й армии. Еще днем Батов связался с Рокоссовским.

— Товарищ маршал, спасибо за помощь. Если бы не она, немцы бы меня растерзали.

— Оказывается, даже сам Батов может допускать ошибки.

— Да вот, хватился за ум, но было уже поздно.

— Павел Иванович, ну как же ты допустил, что тебя немцы обхитрили и дали такого хорошего тумака?

— Виноват, товарищ маршал!

— Как видишь виноватых бьют, — рассмеялся Рокоссовский. — Ладно, не расстраивайся. На войне бывает всяко.

Вечером после короткого совещания с членами Военного Совета маршал вернулся к текущим делам. Где-то к полуночи он склонился над картой. Здесь, за Бугом, польская земля. Как давно он не был в этих краях.

Многое думалось Рокоссовскому в эту ночь. Если бы ему сказали раньше, что спустя тридцать лет он будет возглавлять миллионную армию и придет с ней в Польшу, чтобы освободить свою родину от варваров, он ни за что на свете не поверил бы.

Он вспомнил свои детские и юношеские годы, учебу в школе, беззаботные шалости, первую любовь, картины родной природы — невольно возникали в памяти лица отца, матери, сестер. «Жива ли моя родная сестричка Елена, — подумал он. — Из нашей семьи остались только мы с тобой, когда я уходил в армию. Три десятка лет я о тебе ничего не знаю».

Все безрадостные картины детства как-то сами собой ушли на задний план, и остались в памяти самые яркие и красивые, которые отзывались в сердце маршала сладкой грустью, оттого что все это ушло в невозвратную даль и больше никогда не вернется.

Мысли Рокоссовского перекинулись в Москву к жене и дочерям. Он давно их не видел и не писал писем. Он корил себя за то, что по его вине отношения в семье стали неискренними и натянутыми.

Маршал вызвал адъютанта и попросил связать его с квартирой в Москве. Пока налаживалась связь, он курил и ходил по комнате.

— Юленька, ты? — с волнением произнес он. — Здравствуй, ми-

лая! — В трубке возникли помехи. Он стал говорить громче. — Как вы там? Как здоровье? — Голос жены едва был слышен.

— У нас все хорошо, поздравляем тебя с высоким званием! Как ты себя чувствуешь? Как твоё здоровье, настроение?

— Все нормально. Воюю. Думаю, скоро закончим эту канитель. Где Ада?

— Здесь. Даю трубку.

— Папулечка, родной, здравствуй! — затараторила Ада. — Мы по тебе скучаем! Я работаю в партизанском штабе. У меня все хорошо. Понимаешь, все хорошо!

— Молодец, дочурка!

— Папулечка, почему ты нам не пишешь? Мы очень волнуемся. Что же ты у нас стал таким недисциплинированным?

— Адуля, я буду выкраивать время и буду писать. Обнимаю вас и целую. До свидания!

После телефонного разговора непрошенная грусть покинула душу маршала. Он разостлал постель на солдатской кровати, лег и моментально уснул.

На следующий день Рокоссовский поднялся рано. Он уточнил у дежурного, какие соединения переправились через Буг, выяснил общую обстановку на фронте и вышел к реке.

Солнца еще не было видно, лишь бледный предрассветный отблеск скупо освещал Буг. То тут, то там из камышей доносилось криканье уток. Над ленивым течением реки разливался теплый воздух. Внизу у берега, в густой чаще лозы отозвалась лягушка, потом еще одна, окрестности огласил целый хор. Рассвет набирал силу. С острова, поросшего ольховником и вербой, с писком вылетела какая-то длиннокрылая птица и в три взмаха поднялась вверх. Взглянув в упор на Рокоссовского, она унеслась на противоположный берег. «Посидеть бы сейчас на зорьке с удочкой», — подумал маршал, но отдаленный стон артиллерии за Бугом вернул его к действительности, и он поспешил в дом.

2

Выходом войск Рокоссовского к Висле завершилось окружение брестской группировки противника. В числе других на берегу этой польской реки оказалась 8-я гвардейская армия В.И. Чуйкова. Горячему и смелому генералу не терпелось быстрее форсировать Вислу.

В блиндаж Чуйкова входили и выходили люди. Он то и дело крутил ручку телефона, разговаривал то с одним, то с другим

командиром корпуса. В промежутках между встречами и разговорами рассматривал карту и думал о предстоящей операции. Он скрупулезно уточнял обстановку, медленно и основательно изучал свои позиции и противника, подходы к Висле. Танковая армия Богданова вместе с 1-й Польской армией продвигались к предместьям Варшавы. Его соединение командующий фронтом вел на вожжах, словно норовистого коня, и пока не разрешал форсировать Вислу. Командарм не выдержал искушения и связался с Рокоссовским, которого смущала северная группировка противника.

— Товарищ командующий фронтом, почему мы не форсируем Вислу, чего мы боимся?

— Узнаю храбреца, понимаю твоё рвение, Василий Иванович.

— Если понимаете, тогда разрешите провести рекогносцировку?

— Хорошо, только примите меры безопасности.

К рассвету 30 июля корпус, обеспечивавший рекогносцировку, вышел на берег Вислы и замаскировался. Как раз в этот день польские крестьяне отмечали какой-то праздник, возможно, освобождение от фашистов, и в селах шло шумное и беззаботное гулянье. И это несмотря на то, что противник располагался всего лишь за рекой.

Участники рекогносцировки переоделись и под видом местных жителей, веселившихся на празднике, пробрались к берегу. Позже, когда Чуйков доложит о «маскировке» Рокоссовскому, тот в шутку скажет: «Вам только не хватало паненок»*.

Спокойно катила свои воды Висла. Кое-где над заливами плавал молочный туман. С берега в суровом молчании смотрели на дно реки величественные сосны. Их тени шевелились в воде, словно живые.

«Крестьянам» Чуйкова показалось, что левый берег Вислы укреплен слабо.

Командарма мучил вопрос: ждет ли противник, что мы примем решение форсировать реку здесь? Активной подготовки к обороне замечено не было. По левому берегу Вислы тянулась земляная дамба, скрывавшая обзор в глубь местности. В случае форсирования удар мог быть внезапным.

Чуйков распределил участки для корпусов, средства усиления и, приказав организовать наблюдение за левым берегом, направился в местечко Желехув, где находился штаб армии.

*Паненка — незамужняя девушка (польск.).

Дорога по пологому подъему бежала в гору и вышла на асфальт; лес редел, и за ним виднелось потемневшее клеверное поле, а дальше стоял густой сумрачный бор.

Зайдя на КП, Чуйков доложил Рокоссовскому о результатах рекогносцировки и свои предложения по форсированию Вислы.

— Хорошо, готовь переправу, — сказал Рокоссовский. — Но все время поглядывай на север — над нами висит сильная группировка противника. Когда Чуйков осматривал участки будущих переправ, его вызвали к ВЧ.

— Необходимо начать форсирование Вислы дня через три на участке Мацевица. План высылайте шифром к четырнадцати первого августа.

— Задача понятна, но форсирование прошу разрешить на участке Вильга — Подвебже.

— Почему?

— Лучше, если на флангах будут реки Пилица и Радонка.

— Хорошо, Василий Иванович, разумное предложение. Имей в виду, Ставка придает большое значение форсированию Вислы.

— Могу начать форсирование завтра с утра. Все подготовительные работы уже проведены.

— У вас мало артиллерии и переправочных средств. Фронт может помочь только через три дня.

— Думаю, обойдусь своими средствами. Я рассчитываю на внезапность. Прошу разрешения начать завтра.

— Хорошо, я согласен. Успехов тебе, Василий Иванович.

— Спасибо.

Армия Чуйкова форсировала Вислу и к третьему августа захватила плацдарм более десяти километров по фронту, около шести — в глубину и постепенно начала его расширять. Захват плацдарма в районе Магнушева армией Чуйкова создал угрозу удара с юга всей группировке немцев. Это заставило гитлеровское командование, как и предполагал маршал, бросить основные силы против магнушевского и наревского (его захватил Батов) плацдармов. Прорыв висло-наревского рубежа открывал нашим войскам дорогу в Германию. Поэтому по мере накопления сил и средств гитлеровское командование упорно обороняло свои позиции на правом берегу Вислы восточнее Варшавы, переходя время от времени в наступление.

Этот участок больше всего тревожил Рокоссовского. Разумеется, было отчего волноваться. Здесь была сосредоточена очень

сильная группировка противника: четыре танковых и две пехотных дивизии.

На КП фронта Рокоссовский и Калинин озабоченно нагнулись над картой.

— Михаил Сергеевич, мы не можем допустить, чтобы эта мощная группировка противника постоянно угрожала нашим армиям, — сказал командующий фронтом.

Тот оторвал покрасневшие от усталости глаза от карты.

— Я думаю, надо попытаться разгромить вражеские войска и овладеть предместьем Варшавы Прагой.

— Какими силами?

— Для этой операции я бы привлек 47-ю и 70-ю армии. Они уже на подходе.

— Хорошо, так и поступим. Используем к тому же силы 1-й польской армии и воздушную армию. Для усиления этой группировки выгребай все, что можно, из других участков. Иного выхода я не вижу.

Донесения из самого пекла магнушевского плацдарма радовали маршала. Он помогал этой армии чем мог и надеялся на Чуйкова как на сильного и толкового командарма. Рокоссовский ввел на плацдарм танковый корпус 2-й танковой армии. Он чувствовал, как трудно защищаться командарму от напора крупных сил фашистов, и ему хотелось поддержать его своим присутствием.

Он подошел к телефону:

— Василий Иванович, как дела?

— Попытка противника остановить наши части свежими силами успеха не имела. На всех участках борьбы за плацдарм враг остановлен.

— Как тебя найти?

Чуйков, будучи хорошим психологом, сразу уловил, что командующий фронтом задает этот вопрос не потому, что хочет к нему кого-то послать на помощь, — он хочет приехать на плацдарм сам. Ему всегда были приятны встречи с этим умным человеком. Но на этот раз он не мог и не имел права рисковать жизнью командующего фронтом. Его командный пункт находился недалеко от переднего края, противник может заметить движение машины и совершить артиллерийский налет. Прямой, честный, не терпящий ни малейшей фальши и неправды, командарм поглаживал пальцами левой руки свой массивный нос и не знал, что ответить.

— Ты что молчишь, Василий Иванович?

— Товарищ маршал, я уже не помню, когда мылся, и заказал баню. Часа через два буду на том берегу. — Пошел на обман Чуйков, покраснев до корней волос.

— Проще говоря, ты не хочешь пустить меня на плацдарм. Так надо понимать твой ответ?

— Нет, серьезно. Чешется спина. Хочется попариться. Баня уже заказана. Приглашаю и Вас.

— Раз чешется спина, давай попаримся, — рассмеялся Рокоссовский. — Через три часа буду у тебя.

Чуйкову срочно пришлось искать работника тыла, который был знаком с польским крестьянином Янэком Красицким в деревне Желехув. Это у него была бревенчатая русская баня, где однажды парился страстный любитель банных процедур командарм Чуйков.

3

Баня находилась на берегу озера в сосновом бору, недалеко от дома Красицкого. Янэк, узнав, что к нему едет командующий фронтом, поляк, маршал Рокоссовский с генералом Чуйковым, который ему очень понравился своей простотой в прошлый раз, старался как никогда. Красицкому было уже под шестьдесят, но выглядел он крепким и моложавым мужчиной. Он не скрывал, что в 20-м году попал к русским в плен, жил в Смоленской области, потом в Белоруссии и только через пять лет вернулся домой. Когда машины подошли к озеру, пан Янэк уже ждал гостей.

— Баня уже готова, но должна еще немножко дозреть, — доложил он Рокоссовскому после обмена приветствиями.

Он рассказал военным, почему летом надо топить баню березовыми, зимой — и березовыми, и дубовыми дровами. Он поведал, как сохранить в дровах душистость, мягкость и сухость.

— Пан Янэк, проживание в России для вас не прошло даром, — улыбнулся Чуйков.

— Нет, нет, пан генерал, — смущенно ответил Красицкий. — Я там многому научился.

Наконец гости зашли в просторный предбанник, где на деревянном столе стояли варенье, мед и чашки для чая, разделись, зашли в моечную, обмылись теплой водой и подались в парную. Она оказалась небольшой, но четыре человека в ней помеща-

лись свободно. В углу — печь-каменка, двухступенчатые полки. На полу — сосновый лапник, от которого пахло вольным смолистым духом.

После нескольких заходов пошли в ход веники.

Генерала Чуйкова парил постоянный его банщик — адъютант Василий. Рокоссовский с интересом наблюдал, как крепкий Чуйков, размякший от жары, вертелся на полке и приговаривал:

— Давай, Вася!.. Молодец, так, так!.. Вася, подбрось парку!.. Еще, еще чуть-чуть!.. О!.. О!.. Вот так!.. Вот так!.. Гм!.. Гм!..

Вскоре Чуйков, облившись холодной водой, сидел за столом и пил чай. Пан Янэк уложил на полку Рокоссовского, плеснул квасом на камни, взял в руки два веника и приступил к делу. Он глядел ему спину, где был хорошо виден красный рубец от раны, поднимал веники, обдавая тело крепким паром, прижимал их к лопаткам и пояснице. Веники ходили и плясали в его руках, как живые. Он плеснул на камни теперь уже соснового настоя, и Рокоссовскому сразу же стало легче дышать. Пан Янэк окунул веники в холодный квас и хлестнул ему спину. Потом встряхнул веники под потолком, зашелестел ими и вновь начал хлестать по спине. Когда тело Рокоссовского испытало все прелести березового веника, пан Янэк облил маршала ледяной водой и вновь попросил его в парилку, где снова отхлестал вениками.

А потом, в предбаннике, Рокоссовский, завернутый в простыню, чувствуя необыкновенную легкость в теле, за чаем вынужден был отвечать на многие вопросы хозяина бани.

— Пан маршал, — обратился к нему Янэк. — Уже освобождены многие города и села Польши, но я не могу понять, что у нас происходит? Одни ведут войну с фашистами, другие отсиживаются в лесах и наблюдают, что будет дальше.

— Много польских вооруженных отрядов сражаются с оккупантами, но они пока не объединены общим руководством, — сказал Рокоссовский, отпивая маленькими глотками чай. — Здесь и Гвардия Людова, и Армия Людова, и Армия Крайова и Батальоны холопски.

— Я встречал и смешанные партизанские отряды, руководимые советскими офицерами, — добавил Чуйков.

— Да, и такие тоже есть, — кивнул Рокоссовский. — Все эти группы состоят из людей различных политических взглядов. С нашим приходом они получили возможность объединить свои силы в борьбе за будущее Польши.

— Польское население относится к вам очень хорошо, — сказал Красицкий.

— Да, сегодняшняя баня подтверждает справедливость ваших слов, — улыбнулся маршал.

— Спасибо, — засмеялся Янэк. — Вы высоко оценили мои старания.

— Первая польская армия пополняется добровольцами из местного населения, — произнес Чуйков, намазывая на хлеб мед.

— Это так, — поддержал его Красницкий. — Из деревни ушло в армию несколько десятков молодых людей.

— Одна Армия Крайова, — сказал Рокоссовский, вытирая вспотевшее лицо, — категорически отказывается с нами сотрудничать. Штабные офицеры встречались с офицерами-аковцами. Они держатся надменно и заявляют, что подчиняются только распоряжениям польского лондонского правительства. — Он отодвинул чашку с чаем и, подумав, произнес: — Они так определили отношение к нам: против советской армии оружие принимать не будем, но и никаких контактов иметь не хотим. Мы установили тесную связь с Польским Комитетом национального освобождения*, который находится в Люблине. Он взял на себя решение многих вопросов.

— Я слушаю постоянно радиостанцию Армии Крайовой, — сказал Янэк. — Она беспрерывно говорит о восстании в Варшаве и о том, что Красная Армия не желает помогать восставшим полякам. Это правда, пан маршал?

— Нет, это неправда, — ответил Рокоссовский, одеваясь. — Руководитель восстания Бур-Комаровский и его помощник генерал Монтер по приказу лондонского правительства решили захватить в столице власть до прихода в Варшаву наших войск и этим самым обрекли восставших на поражение. Эта трагическая ошибка дорого обходится варшавянам. — Голос Рокоссовского был сдавлен и глух. — Мы помогаем чем можем. Я каждые сутки посылаю по несколько десятков самолетов с продовольствием и оружием для восставших. Мы ведем тяжелые бои на подступах к Варшаве. Каждый шаг дается нам с огромным трудом. Вот такие наши невеселые дела, пан Янэк.

Тепло распрощавшись с хозяином, Рокоссовский и командарм уехали в расположение второго эшелона армии.

А тем временем в Варшаве шли кровопролитные бои. Офицер связи Гиммлера с Гитлером регулярно докладывал фюреру о варшавских событиях. Гитлер раздражался, отдавая приказы, касающиеся тактики боевых действий и отношения к жителям Варшавы. Этот гнев нашел свое выражение в инструкции верховного комиссара войск СС и полиции восточной зоны генерал-губернатору Кракова Франку: «Новая политика в отношении Польши. Обергруппенфюрер фон де Бах получил приказ умиротворить Варшаву, т.е. еще до окончания войны сравнять Варшаву с землей, поскольку это не помешает выполнению военных планов по сооружению укреплений. До начала разрушений из Варшавы должны быть вывезены все виды сырья, текстиль и мебель. Это является основной задачей гражданской администрации».

Во время одного из разговоров с Рокоссовским Сталин приказал еще раз рассмотреть вопрос о Варшавской операции и, пока идет подготовка, продолжать доставку вооружения повстанцам. Было рекомендовано для установления связи забросить в Варшаву парашютиста, снабженного средствами связи.

Но дело осложнялось тем, что Бур-Комаровский не желал вступать в контакт с руководством Красной Армии. Парашютист, сброшенный на Варшаву, не зная расположения повстанцев, попал в лапы фашистов. Грузы, сбрасываемые советскими самолетами повстанцам, часто попадали не по назначению.

В то же время западная пресса, в первую очередь польской эмиграции, развернула крикливую кампанию, обвиняя советскую сторону в нежелании помочь восставшим. Сама мысль об этом вызывала негодование у Рокоссовского. Он хорошо понимал, что вооруженное восстание в Варшаве может оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно согласовано с действиями его фронта. Правильный выбор времени начала восстания являлся решающим фактором. До него доходили сведения, что повстанцы плохо вооружены, у них не хватает продовольствия. Маршала крайне угнетало то, что он в данный момент не мог освободить Варшаву.

После нескольких недель тяжелых боев в Белоруссии и в Восточной Польше войска фронта понесли большие потери, отстали тылы, люди устали. Рокоссовский понимал, что развернуть крупномасштабное наступление — значит послать солдат на верную гибель.

Свое отношение к руководителям восстания в Варшаве Рокоссовский выразил в ответе корреспонденту английской газеты «Санди таймс» Александру Верту:

«Командование Армии Крайовой совершило страшную ошибку. Мы (Красная Армия) ведем военные действия в Польше. Мы — та сила, которая в течение ближайших месяцев освободит Польшу. Бур-Комаровский вместе со своим приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке — как тот клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковер... Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идет о политической аванюре, а аванюра эта будет стоить Польше сотен тысяч жизней. Это ужасная трагедия, и сейчас всю вину за нее пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в борьбе за освобождение Польши».

Наступательные возможности фронтов иссякли, и 29 августа Ставка вынуждена была дать приказ трем Белорусским, 1-му и 4-му Украинским фронтам о переходе к обороне. Лишь войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта предстояло наступать в направлении Варшавы.

В начале сентября 1944 года разведка сообщила командующему фронтом, что гитлеровские части, находившиеся под Прагой, атаковали плацдармы на Висле южнее Варшавы.

Рокоссовский в этот же день уже был в 47-й армии, которой командовал генерал Гусев. На совещании в штабе армии он ознакомил присутствующих с приказом о наступлении.

— Мы не можем не воспользоваться тем, что немцы перебросили силы на другой участок, — говорил он, находясь у карты. — Вашей армии во взаимодействии с 70-й и польской армиями предстоит прорвать оборону противника, выйти к Висле и овладеть Прагой. Из резерва фронта вам выделяются танковые и артиллерийские части. На подготовку операции дается пять суток. — Маршал подошел к Гусеву. — Николай Иванович, прошу вас ни в коем случае не ориентировать солдат и офицеров на легкую победу.

— Такого больше не будет, — ответил командарм, вспомнив грешок, который подметил за ним командующий фронтом в одной незначительной операции.

Сражение развернулось 11 сентября, а уже 14 сентября войска овладели Прагой и нанесли противнику значительный урон.

15 сентября Рокоссовский прибыл в предместье Варшавы. На землю уже опустилась осень. Возле подкошенных войной де-

ревьев лежали ворохи желтой листвы. В небе грустно курлыкали журавлиные стаи и старались держаться подальше от земли, где время от времени были слышны выстрелы. Рокоссовский, находясь у разрушенного парка, поднял глаза вверх, где длинными покачивающимися косяками плыли журавли. Ему показалось, что их скрипучее курлыканье было более печальным, чем обычно, словно они тоже были поражены результатами боев. Прощальный крик этих птиц бередил сердце тоской по погибшим в этой бессмысленной войне людям. Копотный, тяжелый дым стлался по улицам Праги. Все погрузилось в мглистые сумерки, похожие на водяную пыль.

Машина Рокоссовского с остановками медленно пробиралась по улицам предместья Варшавы, где прошло его детство, где жили его родители, братья отца, воспитавшие его и научившие понимать жизнь. Как же все переменялось! Вот улица Маршалковская, где он жил у бабушки Констанции. Не видно фабрики, где он работал с матерью, разрушен железнодорожный вокзал, где трудился отец.

Маршал вышел из машины, спустился в блиндаж, располагавшийся у самой воды. С противоположного берега Вислы немцы стреляли по всему живому. Моросил дождь. Сквозь его завесу были видны руины Варшавы. Слева на Висле чернели развалины — это были железные груды того самого моста, облицовкой которого занимался шестнадцатилетний каменотес Костя Рокоссовский. С противоположного берега несло гарью, доносились взрывы и пулеметные очереди.

Тридцать лет спустя он смотрел через амбразуру блиндажа на Варшаву, где разыгрывалась человеческая трагедия, — и самое страшное было в том, что он не мог в данный момент эффективно помочь восставшим.

Солдаты 1-й армии Войска Польского сделали такую попытку. Они сумели зацепиться за противоположный берег, но пробиться к центру города не смогли. По вине Бур-Комаровского не удалось наладить связь с восставшими. С каждым днем и часом положение на плацдарме становилось более тяжелым, и Рокоссовский решил прекратить операцию и вернуть поляков на наш берег. Польским солдатам форсирование реки стоило больших потерь.

Единственное, чем мог помочь маршал варшавянам, — это сбрасывать с самолетов оружие, боеприпасы и продовольствие. С 14 сентября по 1 октября авиация совершила около двух с по-

ловиной тысяч вылетов. Но и это не помогло. 28 сентября фашисты предприняли решительный штурм, и через три дня повстанцы оказались на грани полного поражения. 2 октября командование Армии Крайовой отдало приказ о капитуляции.

5

У стен Варшавы активные действия не предпринимались, но на модлинском направлении шли тяжелые бои. Гитлеровцы прочно удерживали на восточном берегу Вислы и Нарева небольшой плацдарм в виде треугольника, вершина которого была обращена к слиянию рек. Атаковать этот выгодный для противника участок можно было только в лоб. К тому же он располагался в низине и был окаймлен высокими берегами Вислы и Нарева. Все подступы фашисты простреливали перекрестным артиллерийским огнем с позиций, находившихся за реками, а также мощной артиллерией крепости Модлин, расположенной в вершине треугольника. Трудно было найти более выгодные позиции.

Войска 70-й и 47-й армий несколько раз атаковали плацдарм, но выбить противника не могли. Они несли большие потери, теряли технику.

Командующий фронтом несколько раз предлагал представителю Ставки Жукову прекратить бессмысленное наступление, но тот категорически отвергал предложения.

Наконец терпение у Рокоссовского лопнуло. Он вошел в дом, где располагался Жуков. Несмотря на поздний час, представитель Ставки отдыхать не собирался. В полной маршальской форме он сидел за столом и при желтоватом свете фонаря записывал что-то в блокнот. Рядом лежали карта с нанесенной обстановкой и стопка каких-то бумаг.

— Ну что? — Жуков поднял голову и, кивнув на кресло, посмотрел на командующего фронтом. — Что стряслось, чем расстроен?

— Все то же, — ответил Рокоссовский, присаживаясь. — Еще одна безрассудная атака на модлинский треугольник провалилась. С выгодных позиций противник расстреливает нас в упор.

— Это еще не значит, что следующее наступление не будет иметь успеха, — заявил Жуков.

— Я настаиваю на прекращении этой бессмысленной лобовой атаки, — решительно сказал Рокоссовский. Он поднялся, про-

шелся по комнате. Его лицо приняло суровое выражение, глаза расширились. — Если даже гитлеровцы сами уйдут из этого треугольника, то мы его все равно занимать не будем.

— Это почему же? — повысил голос Жуков, окинув суровым взглядом командующего фронтом.

— Потому что мы его обойдем и он больше нам не понадобится... В тех атаках, которые мы проводим, я смысла не вижу!

— А я вижу! — поднялся Жуков. — Атака должна быть проведена быстро, стремительным броском, без оглядки на опасность!

— Георгий Константинович, я уверен — ни одна атака успеха иметь не будет. Еще раз прошу отложить наступление!

— Я не могу уехать в Москву, зная, что противник удерживает плацдармы на восточных берегах Вислы и Нарева. — Жуков остановился против командующего фронтом. — Что я скажу Сталину? Что?

— Это меня не касается.

— А что тебя касается? — жестко спросил Жуков.

— Меня касается сохранение жизни людей! — Рокоссовский резким движением надел фуражку и направился к выходу. — Я сейчас уезжаю на передний край. И если я лично приду к выводу, что атака успеха иметь не будет, то останавливаю эту бессмысленную бойню и дам команду о переходе к обороне.

— Последнее слово за мной!

— Нет, я поступлю так, как решил! — произнес Рокоссовский и вышел.

Еще до рассвета командующий фронтом с двумя офицерами штаба прибыли в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне. Атака должна была начаться на рассвете. Под рукой у маршала были телефон и ракетница. Он установил сигналы: бросок в атаку — красная ракета, атака отменяется — зеленая.

Ночь была тихая. Рокоссовский со своими спутниками находился в первой траншее, на исходном положении для атаки. К нему подполз командир батальона.

— Товарищ маршал, вы уже привыкли к темноте?

— Да, уже присмотрелся.

— Справа на восточном берегу видите сплошную цепь неровностей?

— Да, вижу.

— Это железобетонные бункеры, которые не берет ни одна артиллерия, — тихо объяснил капитан. — Точно такие же и слева.

Что касается крепости Модлин, то тут и говорить нечего. В этой яме они перемалывают нас, как в мясорубке. У меня от батальона осталось меньше половины.

— Спасибо за откровенность, капитан. Мы их еще раз попробуем подавить артиллерийским огнем.

— Пробовали, ничего не получается.

— Попробуем.

Появились первые проблески рассвета: на востоке, над лесом, висела желто-красная кайма, можно было уже различить лица солдат, притаившихся в окопах. Звенели комары, то тут, то там раздавался унылый свист какой-то птицы.

Рокоссовский глянул на потемневшее лицо командира батальона, на его покрасневшие от бессонницы глаза, и ему показалось, что во всем его облике светилась какая-то безысходность.

— Сколько воюешь?

— Третий год.

— Где учился?

— На войне. Был старшиной роты, а теперь команду батальоном.

— Я тебе присваиваю звание «майор». — Он повернулся к генералу штаба фронта. — Запишите, пожалуйста.

— Спасибо, товарищ маршал, — повеселел командир батальона.

В расположении наших частей слышался шум машин, повозок, подальше от передовой искрились трубы походных кухонь. Командующий фронтом про себя отметил, что противник проявляет к нам пренебрежение и по явно видимым целям не открывает огня.

Наконец наша артиллерия в условленное время открыла огонь, заговорили реактивные установки. Но не прошло и десяти минут от начала нашей артподготовки, как противник открыл ураганный огонь в трех направлениях: справа — из-за Нарева, слева — из-за Вислы, косопрямленный и в лоб — из крепости Модлин и ее фортов. Много видел за время войны Рокоссовский, попадал в различные ситуации, едва уходя от смерти, но в таком аду он еще не был. Со всех сторон доносился такой грохот, что казалось, кругом работают какие-то адские машины с мощными двигателями без глушителей и кто-то отчаянно бьет молотом по громадным барабанам. Яркий, слепящий свет и вой осколков загоняли всех в землю. В какой-то момент взгляды ко-

мандующего фронтом и командира батальона встретились. Рокоссовский ободряюще подмигнул капитану. А тот, в свою очередь, глянул на потемневшее от пыли и грязи лицо командующего, на прокопченную дымом гимнастерку и улыбнулся: мол, пора идти в атаку.

Рокоссовский сам убедился, что до тех пор пока артиллерийская система противника не будет уничтожена, не может быть и речи о ликвидации занимаемого гитлеровцами плацдарма. Для подавления этой системы нужна была более мощная артиллерия, нежели та, которой располагает фронт.

Когда ураганный огонь утих, Рокоссовский по телефону переговорил с командующими армий Гусевым и Поповым, которым приказал воздержаться от всяких наступательных действий до его особого распоряжения.

— Звонил заместитель Верховного Главнокомандующего... — пытался доложить Гусев.

— Николай Иванович, немедленно выполняйте приказ! — оборвал его командующий фронтом и повернулся к генералу, который тушил дымящуюся пилотку. — Давайте зеленую ракету!

К середине дня Рокоссовский вернулся на свой фронтовой КП. Таким возбужденным и расстроенным его никто ни разу не видел. Даже Жуков, глядя на потемневшее лицо и насупленные брови командующего фронтом, не пытался задавать ему вопросы, хотя уже знал о его решении, которое, по сути, отменяло приказ заместителя Верховного Главнокомандующего и представителя Ставки.

Озадаченный Жуков беспрерывно ходил по комнате с суровым и нахмуренным лицом. Казалось, он вот-вот взорвется грубой бранью и насилу сдерживает эмоции.

Рокоссовский сидел молча за столом и курил. Лицо его было необычно напряженным, и весь вид его говорил о том, что он готов ринуться в словесную атаку.

Из соседней комнаты вышел член Военного Совета фронта Н.А. Булганин.

Заметив возбужденное состояние маршалов, он спросил:

— Что у вас тут происходит?

— Спроси у него, — кивнул Жуков, продолжая мерить комнату тяжелыми шагами.

— Я принял личное решение о прекращении наступления! — Рокоссовский глянул на Булганина и затаился папирсой.

— Доложи об этом Верховному Главнокомандующему. — Жуков посмотрел на Рокоссовского: будет звонить или нет? Командующий фронтом тут же связался по ВЧ с Верховным и доложил о своем решении.

— Что заставило вас это сделать?

— На стороне противника, товарищ Сталин, все преимущества, — говорил возбужденно Рокоссовский, демонстративно отвернувшись от Жукова. — Не один десяток хорошо укрепленных и защищенных позиций, господствующая местность, неограниченное количество боеприпасов. Я лично сам убедился, что гитлеровцев в настоящее время невозможно оттуда выбить. Только зря теряем людей.

— Я подумаю и позвоню.

Через несколько минут Сталин позвонил и согласился с решением командующего фронтом и предложил прислать свои соображения об использовании войск фронта в дальнейшем.

После перехода к обороне войска фронта закрепились на занимаемых плацдармах (пултусском, пулавском, магнусефском, наревском). Теперь они являлись трамплином для броска войск на территорию Германии.

В первой половине октября дружный коллектив штаба фронта, с которым Рокоссовский прошел всю войну, приступил к отработке элементов новой грандиозной фронтовой операции. Ее замысел распространялся и на Берлин.

Рокоссовский на первом этапе операции предполагал нанести главный удар с пулавского плацдарма на Нареве в обход Варшавы с севера, а с плацдармов южнее столицы Польши — в направлении на Познань.

6

В начале ноября исподволь нахлынули затяжные дожди, нередко переходившие в снег. Захлебывались от мутных потоков ручьи и реки, размякли дороги. Но через несколько дней из розовых облаков начало проглядывать чистое, словно заново вымытое голубое небо. Наступили погожие, прохладные и светлые дни. По утрам подмораживало, а днем еще припекало солнце.

В один из таких дней Рокоссовский посетил пулавский плацдарм на Нареве, занимаемый армией генерала Колпакчи. С ним они были знакомы по Белорусскому военному округу еще в 1930 — 1931 годах. Когда Рокоссовский командовал диви-

зией, Колпакчи был начальником штаба корпуса. Они более суток отработывали различные варианты действий 69-й армии с пулавского плацдарма.

Завершив работу, они пили чай на КП армии и не могли оторваться от мыслей о будущих операциях.

— Представляешь, Владимир Яковлевич, теперь нам нет необходимости брать Варшаву в лоб, — сказал маршал. — Мы ее обойдем с севера и юга и заставим гитлеровцев капитулировать. После Сталинграда и операции «Багратион» они бояться окружения, как огня. Вот только не подвели бы дороги.

— Мы, по-моему, неплохо изучили маршруты движения танков, — Колпакчи смотрел на командующего фронтом темными пронзительными глазами. — Немцы поддерживали дороги в довольно-таки приличном состоянии.

— А воронки от бомб?

— Обочины хорошие, воронки можно обойти. Наш удар должен быть быстрым и сильным.

— Давно ли это было? — произнес Рокоссовский, размешивая кусочки сахара в чашке. — Помнишь, Владимир Яковлевич, первый год войны.

— Такое не забудешь по гроб жизни, — поджал губы Колпакчи. — Зато теперь поддаем фашистам и в хвост и в гриву. Скоро, думаю, доберемся и до их логова — Берлина. Ведь он находится в полосе наступления 1-го Белорусского фронта.

— Да, — проговорил Рокоссовский и подошел к карте. — У меня есть соображения, как его взять с наименьшими потерями.

— Наполеон сказал: «На войне выпадает лишь один благоприятный момент. Гений пользуется им», — улыбнулся Колпакчи.

— Люблю остряков, но не уважаю подхалимов, — сказал добродушно Рокоссовский, отпивая чай.

— Константин Константинович, ну, а если серьезно?

— Если серьезно, то брать в лоб Берлин я бы не стал, — маршал повернулся и посмотрел на собеседника, который следил за указкой командующего фронтом. — Фанатики фашисты, без сомнения, будут драться не на жизнь, а на смерть. В полосе наступления нашего фронта противник располагает очень сильно укрепленными полосами глубоко эшелонированной обороны. Поэтому основой будущей операции должно быть окружение берлинской группировки противника, ее расчленение и уничтожение по частям.

— Ей-богу, здорово!
— В данной обстановке — это просто логично. — Командующий фронтом вышел из-за стола. — Но до этого еще далеко.

Они вышли во двор, где стояла машина Рокоссовского. На лице провожавшего его Колпакчи застыло выражение благодарности и признательности.

Когда Рокоссовский уехал, Колпакчи, провоевавшему всю войну, командовавшему пятью армиями на различных участках фронта, пришло в голову, что он встречал на своем пути три категории командующих фронтами — напористые и грубые, не терпящие возражений; суетящиеся и крикливые, но не державшие обиды на людей; и спокойные, культурные, рассудительные и уверенные в себе.

«К последним можно отнести только Рокоссовского, — подумал Колпакчи, — да, пожалуй, и Черняховского».

Глава двадцать четвертая

1

За сутки до заседания Ставки Сталин приехал в свой кремлевский кабинет раньше обычного. Еще не было и десяти часов, а он уже ходил по кабинету и раскуривал трубку, стараясь отогнать усталость. Но она не проходила. Видимо, сказывались многодневное напряжение и недосыпание. Он много думал о последнем этапе войны. Факт остается фактом — она подходит к концу и ее надо закончить достойно. Именно он, Сталин, должен сыграть здесь решающую роль... В его гениальности должен лишний раз убедиться не только народ его страны, но и весь мир. Решающая роль в разгроме фашизма принадлежит ему, Сталину.

Он попросил подать чаю и, выпив одну чашку, поднес белый платок к усам, легким движением вытер их. Озабоченный своими мыслями, он снова начал ходить по кабинету, глубоко затаиваясь и выпуская клубы дыма.

Сталин вдруг остановился посередине кабинета, прищурив глаза, улыбнулся своим мыслям — решение было найдено. Он положил трубку на край пепельницы и сел за стол.

Вскоре в кабинет зашел Ворошилов.

— С чем пожаловал, Клим? — спросил Сталин, подняв голову от бумаг. — Садись.

— Перед заседанием Ставки хочу внести одно дельное предложение.

— Давно от тебя не поступало дельных предложений, — усмехнулся Сталин, удовлетворенный тем, что после минут утомительного размышления появился собеседник, с которым можно вслух поделить кое-какими мыслями. Он набил трубку табаком, затем устремил глубоко посаженные глаза на Ворошилова. — Ты знаком с планом операции по окончательному разгрому врага?

— Знаком, Коба, знаком, — дружески кивнул Ворошилов, довольный тем, что у Верховного хорошее настроение.

— Стратегическое положение советских войск, — сказал тихо Сталин, держа в руке трубку, — а также стран антигитлеровской коалиции вполне позволяет завершить разгром Германии.

— Да, да, конечно.

— По существу, Советская армия и англо-американские силы заняли выгодные исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстоит совершить последний решительный бросок и в короткий срок окончательно сокрушить врага.

— Пора бы, пора бы, — кивнул седой головой Ворошилов. Был момент, когда ему хотелось добавить что-нибудь весомое к тому, что говорил вождь, но он промолчал — боялся сказать невпопад. К тому же он не сомневался, что Коба понимает больше него и дальше видит и его мысли не нуждаются в комментариях. Хозяин кабинета прикурив трубку и вышел из-за стола.

— Завтра мы рассмотрим положение дел в полосах действий 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов, — проговорил Сталин, расхаживая по кабинету. — Нам осталось сильно нажать на центр врага, мощным ударом расчленив немецкий стратегический фронт и, не теряя времени, развить наступление на Берлин. Он должен быть взят нашими войсками, а не войсками союзников.

— Смелое и талантливое решение, Коба, — бодро произнес Ворошилов. — Оно будет вписано золотыми буквами в историю Второй мировой войны.

Сталин остановился, взглянул на Ворошилова, сначала на его до синевы выбритое лицо, обращенное к нему в профиль, затем на руки с темными прожилками — и промолчал.

Верховный в раздумье снова начал ходить по кабинету.

— Какое у тебя предложение, Клим? — спросил Сталин после некоторого молчания.

— По замыслу Генштаба Берлин должен брать 1-й Белорусский фронт, — сказал Ворошилов, поворачивая голову так, чтобы видеть Верховного. — На мой взгляд, этим фронтом должен командовать более волевой и напористый человек.

Сталин сразу же догадался, о ком идет речь. Это предложение Ворошилова вызвало у него бурю возмущения тем, что такой недалекий человек, как Ворошилов, разгадал его, Сталина, мысли. Он только несколько минут назад принял решение назначить командующим 1-м Белорусским фронтом своего заместителя, а координацию действий всех фронтов по окончательному разгрому фашистов взять лично на себя. Здесь в полную силу и проявится его полководческий талант, который приведет в восхищение весь мир.

Он только вынашивал эти сокровенные мысли и думал над тем, как их обнародовать, а этот бездарный маршал уже высунулся со своим предложением. Сталин с трудом подавил гнев и, не говоря ни слова, продолжал ходить по кабинету, попыхивая трубкой.

— Да, Жуков воюет не хуже Рокоссовского, — наконец произнес Сталин. — Но как мы объясним это перемещение командующему 1-м Белорусским фронтом? Ты думал об этом?

— Приказы Верховного Главнокомандующего не обсуждаются, — произнес Ворошилов, считая, что его предложение принято. — Подумаешь, Рокоссовский!

Эта реплика окончательно взбесила Сталина. Он относился к Рокоссовскому с уважением, и всю войну его мучила совесть, что такой талантливый полководец мог не вернуться из тюрьмы.

Верховный занял место за столом и уставился на Ворошилова немигающим взглядом.

— Ты помнишь, Клим, закрытое Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 56 от 1 апреля 1942 года? — заработала феноменальная память Сталина.

— Я его знаю наизусть, товарищ Сталин, — сконфуженно сказал Ворошилов, переходя на официальный тон.

— О чем говорит первый пункт этого постановления? — с издевкой спросил Сталин.

— Война с Финляндией в 1939 и 1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве Наркомата обороны, — хриплым голосом говорил маршал, вытирая со лба пот и проклиная себя за то, что пришел добровольно в этот кабинет. — В ходе этой войны выяснилась неподготовленность НКО к

обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск. Вскрылись большая запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, управление боевой подготовки, управление ВВС, низкий уровень организации дела в военно-учебных заведениях и др.

— Так вот, под другими, — перебил его Сталин, — мы имели в виду, Клим, военные кадры. В войне с Финляндией дивизиями командовали бывшие капитаны. Почему?

— М-м, — замялся Ворошилов, не зная куда девать глаза. — Вы же знаете, кто в этом повинен. Нельзя сваливать вину на меня одного.

Сталин не стал развивать болезненную для себя кадровую тему, а поставил вопрос по-другому.

— А что сделал товарищ Ворошилов в начале войны, будучи Главнокомандующим Северо-Западным округом?

Ворошилов, опустив глаза, молчал. Лицо у него зарумянилось, на носу выступили капельки пота.

— Молчишь? Я отвечу. Товарищ Ворошилов, вместо организации артиллерийской обороны Ленинграда, увлекся созданием рабочих батальонов и вооружал их ружьями, пиками и кинжалами. Это тоже было записано в Постановлении Политбюро. Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был откомандирован на Волховский фронт в качестве представителя Ставки, — продолжал издеваться над своим преданным другом Сталин. — Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. Это тоже записано в Постановлении.

— Не надо больше, товарищ Сталин, я знаю, что у вас железная память, — взмолился маршал.

— Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, — Сталин вновь тихими шажками заходил по кабинету, — ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет проваливаться на этом деле.

Ворошилов машинально взглянул на портрет, висевший напротив на стене. Ленин смотрел на него, как ему показалось, снисходительно-насмешливо. «И этот против меня», — подумал он.

Сталин остановился напротив Ворошилова, затянулся хорошей порцией дыма и, не отрывая от него насмешливого взгляда, сказал:

— Ввиду изложенного ЦК ВКП(б) постановляет: признать товарища Ворошилова не оправдавшим себя на порученной ему работе на фронте.

— Товарищ Сталин, я прошу вас... Мне тяжело это слушать. — У Ворошилова задрожали губы. — Я умоляю вас, хватит.

— Ну что ж, хватит, так хватит. — Глаза Сталина смеялись. — А теперь скажи, Клим, имеет ли право товарищ Ворошилов говорить: «Подумаешь, Рокоссовский».

— Нет, нет, товарищ Сталин, он не имеет права так говорить, — поспешно ответил Ворошилов, надеясь, что этот унижительный для него разговор закончился.

— Ну что ж, Клим, иди готовься к заседанию Ставки, — примирительным тоном сказал Сталин. — Я хорошо подумаю над твоим предложением.

2

Вечером 12 ноября, рассмотрев документы, Рокоссовский пошел в столовую ужинать. Но не успел он сесть за стол, как дежурный офицер доложил, что его вызывает Ставка к ВЧ.

Сталин, поздоровавшись, сразу взял быка за рога.

— Вы, товарищ Рокоссовский, назначаетесь командующим 2-м Белорусским фронтом.

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок? — выпалил Рокоссовский, опешив.

— Вы ошибаетесь, Константин Константинович, — Сталин будто ждал этого вопроса. — Этот участок входит в общее Западное направление, и от тесного взаимодействия 1-го, 2-го Белорусских, а также 1-го Украинского фронтов зависит успех предстоящей решающей операции. Она будет масштабной и, судя по всему, последней операцией в этой войне. На подбор командующих фронтами мы обращаем особое внимание.

— Да, это видно, — с иронией в голосе сказал Рокоссовский. Сталин пропустил эту реплику мимо ушей.

— На ваше место назначен Жуков. Как вы смотрите на эту кандидатуру?

— Кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителей из числа наиболее способных военных. — Лицо Рокоссовского было подернуто обидой и нахмурено.

— На Второй Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, — извиняющимся тоном сказал Сталин. Видимо, он хорошо понимал настроение Рокоссовского. — Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков. Я не буду возражать, если вы возьмете с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработались за время войны.

— Спасибо! Надеюсь, и на новом месте встречу способных сотрудников и хороших товарищей, — ответил уже более спокойно Рокоссовский.

— Вот за это благодарю.

На другой день Рокоссовский выехал к новому месту назначения — торопила обстановка. Жукова он не видел. Приняв дела на новом месте службы, он решил встретиться с ним и попрощаться с командованием фронта.

Глава двадцать пятая

1

К концу ноября со стороны Балтийского моря дохнуло холодом. Сухие ночные заморозки перекинулись и на день. Трещал ледок на побелевших лужах; в воздухе носились белые снежинки; рано темнело. В деревне Крулевщизна, где располагался КП 1-го Белорусского фронта, запахло дымом. По утрам он вырастал над побелевшими крышами розовато-голубыми грибами.

Штаб фронта занимал двухэтажный деревянный дом, здесь же на первом этаже размещалось жилье командующего фронтом Жукова. Сегодня вечером он ждал прибытия Рокоссовского, который изъявил желание встретиться с ним и со своими соратниками и друзьями по фронту.

Жуков дал распоряжение начальнику тыла Антипенко организовать по этому поводу небольшое фронтовое застолье, а сам ломал голову над тем, что он скажет Рокоссовскому по поводу своего назначения на его место.

В военное время титулы и власть второго лица в государстве создали у маршала Жукова необычно высокое мнение о себе. Он не только считал себя (и не без основания) великим полководцем, но в случае необходимости был готов стать и государственным деятелем.

Просчеты, допущенные в бытность командующим войсками Киевского Особого военного округа (1940 год), и грубые ошибки в начале войны (Жуков был начальником Генштаба и заместителем наркома обороны СССР – в январе – июле 1941 года) забылись на фоне побед, и Жуков выдвинулся на первый план среди полководцев Великой Отечественной войны.

Жуков понимал, что после высококультурного, выдержанного, уважаемого всеми Рокоссовского командовать фронтом ему будет не так просто. Он знал настроения генералов, которые приняли известие о его назначении без восторга. Напряжение, которое он теперь испытывал, давалось ему нелегко.

Уже несколько дней он не позволял себе повышать голос, грубить подчиненным и давить на них своей властью. Ни один взгляд, ни одно слово, ни один жест – ничего не было случайным, все должно было работать на то, чтобы завоевать расположение управления фронта и командармов, симпатизировавших бывшему командующему фронтом.

Так, в течение определенного времени личность маршала Рокоссовского положительно влияла на поведение маршала Жукова и являлась для него эталоном.

Раньше они хорошо знали друг друга, вместе учились, вместе работали в Белорусском военном округе, но потом их дороги разошлись: Рокоссовский отсидел почти три года в тюрьме, а за это время Жуков отличился под Халхин-Голом, стал генерал-полковником и командующим округом. Кто знает, как сложилась бы военная судьба Рокоссовского, если бы не репрессии?

До приезда командующего 2-м Белорусским фронтом оставалось около часа. Жуков то сидел за столом и, слюнявя кончиком языка палец, просматривал бумаги, стопкой лежавшие перед ним, то снова поднимался и расхаживал по комнате. Он все время думал: как поведет себя Рокоссовский?

«Конечно, он, Жуков, вполне мог бы отказаться от предложенной ему должности, и Сталин согласился бы с ним. Но уж очень заманчиво было сыграть заключительный аккорд в этой войне. Но ведь и Рокоссовский мог бы взять Берлин и имел на это полное право».

Жуков сел за стол. Его смуглое, загрубевшее лицо было отрешенным и задумчивым. Он целиком погрузился в свои мысли.

Вскоре в комнату вошел Рокоссовский. Жуков торопливо вышел навстречу и протянул руку. В его взгляде появилось что-то виноватое. Рокоссовский почувствовал некоторую неловкость.

Маршалы уселись за стол и, поглядывая друг на друга, замолчали. Жуков думал о том, с чего начать разговор, Рокоссовский соображал, как снять напряжение между старыми друзьями, возникшее в связи с этими злополучными перемещениями.

– Не осуждай меня, Костя. Я не просился на этот фронт, – сказал Жуков и нахмурился, как бы готовясь к тому, что его собеседник пойдет в атаку.

– Нет ничего хуже, чем смотреть на мир через призму своей болячки, – улыбнулся Рокоссовский. – Это раз, а второе – мы делаем общее дело и какая тут может быть обида.

Жуков мгновенно повеселел и сдержанно усмехнулся.

Бресть пробита, и Рокоссовский удачными остроумиями начал ее расширять.

– Одна рыба сказала другой: «Слушай, подвинься маленько». – «Куда мне двигаться: мы обе на одной сковородке жаримся».

Жуков расхохотался и вышел из-за стола. Он взял под руку Рокоссовского.

– Приглашаю на ужин.

– С этого бы и начинал.

Застолье прошло весело, непринужденно и дружно. По настоятельной просьбе Рокоссовского Калинин исполнил «Летят утки» и тем самым рассмешил всех до слез. Особенно хохотал Жуков. Он знал давно Калинин, уважал его за талант штабиста, но что он так громозвучно поет, он предположить не мог. В конце ужина взял слово член Военного Совета Телегин.

– С маршалом Рокоссовским мы прошли много фронтовых дорог, – говорил он. – Теперь нам предстоит воевать под началом маршала Жукова. Я не сомневаюсь, что традиции нашего фронта мы успешно будем развивать и дальше. Но нам будет не хватать общения с вами, душевных бесед, вашей красивой улыбки и доброго лица. За ваше здоровье, Константин Константинович!

– Спасибо вам, друзья, за совместную работу, – поднялся Рокоссовский. – Все, чего мы достигли в борьбе с фашизмом, – это плод нашего коллективного труда. Я уверен – с маршалом Жу-

ковым вам всегда будет сопутствовать успех. — Рокоссовский обвел взглядом присутствующих. — Вот тут Константин Федорович Телегин, мой хороший друг и помощник, в запале тоста говорил о моем лице. Я хотел бы вам в связи с этим рассказать одну вещь.

Участники вечера отложили вилки и приготовились слушать. Жуков вытер салфеткой губы и стал пристально смотреть на Рокоссовского.

— Некий Тимур, — продолжал тот, — покорив много стран, добрался до Европы. Там он впервые увидел зеркало, а в нем свое безобразное лицо. От расстройства завоеватель заплакал. Плакал почти целый день. На другое утро он заметил, что горько плачет и его визирь. Тимур спросил у визиря, почему тот плачет. Визирь ничего не ответил и продолжал плакать целую неделю. Тогда Тимур уточнил у визиря, почему тот так долго плачет? «Как же мне не плакать, — ответил визирь, — вот ты увидел свое лицо в зеркале всего лишь один раз и заплакал, а я вижу твоё лицо каждый день».

После дружного смеха Рокоссовский продолжил:

— Так что правильно поступило начальство, что переместило меня на другой фронт. Мое лицо вам уже давно примелькалось.

Провожая поздно вечером Рокоссовского к его новому месту службы, друзья подарили ему букет красных роз. Трудно сказать, где они его добыли в такую стужу, да еще в прифронтовой полосе. Это для маршала осталось неразгаданной тайной.

2

Шли последние дни 1944 года. От Балтики до Карпат Вооруженные Силы Советского Союза готовили мощное наступление на гитлеровскую Германию. Предстояло разгромить группировку противника и выйти к Одру, отсечь и уничтожить немалые силы противника в Восточной Пруссии.

С тринадцатого века на побережье Балтийского моря, между Вислой и Неманом, обосновался Тевтонский орден*. Восточная Пруссия была превращена в сильный, плацдарм для осуществления широко известного «Натиска на Восток». Отсюда на протяжении семи столетий одно за другим следовали вторжения на земли соседей. Здесь издревле строилась система крепостей. Она являлась исходным рубежом для нападения и спасительной стеной для обороны.

Теперь Восточная Пруссия оказалась осажденной Советскими войсками; с северо-востока на ее территорию вошли войска Баграмяна и Черняховского (1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов), а с юга, в пределах польской области Мазовии, держали оборону войска 2-го Белорусского фронта.

В распоряжении Рокоссовского к началу наступательной операции насчитывалось семь общевойсковых армий, одна танковая и одна воздушная, кавалерийский, танковый и механизированный корпуса, а также артиллерия прорыва.

Граница фронта уходила к югу до впадения Наревы в Вислу. Поэтому по просьбе командующего фронтом три боевых армий (65-я Батова, 48-я Романенко и 70-я Попова) были переданы 2-му Белорусскому фронту.

В декабре 1944 года погода была неустойчивой: то валил снег, то злился мороз, то вдруг небо покрывалось тучами и шел дождь.

21 декабря командующий фронтом возвращался на КП после двухнедельного знакомства с армиями, соединениями, с обстановкой и местностью, где предстояло наступать войскам его фронта. Вместе с командующим 2-й ударной армией генералом И.И. Федюнинским он ехал ночью с Наревского плацдарма.

— Темень — хоть глаз выколи, — сказал Рокоссовский, повернувшись к генералу. — Можно напороться на любое препятствие.

— У меня режет глаза. Я уже ничего не вижу.

— Дима, — дал команду водителю командующий фронтом. — Хотя бы на время включи подфарники.

Вскоре у мостика машину остановила бойкая девушка-регулировщица.

— Эх вы, товарищи генералы, как вам не стыдно?

— А чего нам должно быть стыдно? — спросил Федюнинский.

— Сами отдаете приказы и сами их нарушаете. Нет на вас командующего фронтом Рокоссовского. Он бы вас заставил соблюдать светомаскировку.

— А вы его знаете? — засмеялся Рокоссовский.

— А кто не знает Рокоссовского? Конечно, знаю.

— А как он выглядит? — спросил Федюнинский, давась от смеха.

— Обыкновенный мужчина, только справедливый и симпатичный.

— А вы не ошибаетесь? — рассмеялся маршал и открыл дверь. Увидев маршальские погоны, девушка растерялась.

— Ой! Так это вы?

— Молодец, хорошо несете службу. — Рокоссовский порывлся в карманах и протянул регулировщице ручку. — Это вам на память.

— Служу Советскому Союзу!

— Дима, выключи свет, надо выполнять приказ.

Командующий фронтом прибыл на КП уже в двенадцатом часу ночи. На поздний ужин к командующему явились начальник штаба фронта А.Н. Боголюбов и член Военного Совета Н.Е. Субботин. Увидев Рокоссовского за столом, Субботин удивленно поднял брови.

— Судя по всему, именинник не собирается отмечать день рождения?

— Если честно, то да, — улыбнулся Рокоссовский. — Закончим войну, тогда и гульнем.

— Нет, Константин Константинович, так не пойдет. — Он повернулся к Боголюбову: — Александр Николаевич, действуй.

— Мы не позволим нарушать народные традиции, — произнес Боголюбов и поставил бутылку коньяка на стол. — Люди нас не поймут.

Генералы поздравили командующего фронтом с днем рождения и повели разговор о фронтовых делах.

Начальник штаба признался, что он сначала был недоволен, когда маршал необычно, как ему показалось, построил работу штаба. Ему не очень нравилось, что в их штаб-квартире, на КП, заслушивалась информация, сообща обдумывались планы и тут же принимались решения.

— Я знаю, что вы педантичный штабист, — сказал Рокоссовский. — Но то, что годится в мирное время, не всегда подходит для боевых условий.

— Теперь я за такой стиль работы, — произнес Боголюбов. — Мы экономим время и оперативней реагируем на обстановку.

— Я рад, что наши позиции совпадают.

Командующий фронтом угостил собеседников папиросами и закурил сам.

— Константин Константинович, сегодня мы напоролись на упрямство командующего армией генерала Романенко, — сказал Субботин. — Уперся рогами в землю и стоит на своем.

— За ним это водится, — сказал Рокоссовский, стряхивая пепел. — Несмотря на этот изъян, командарм он толковый.

— Как известно, он должен был провести частную наступательную операцию, чтобы улучшить свои позиции, — вмешался Боголюбов.

— Для этого мы выделили артиллерийский корпус прорыва. — Рокоссовский подошел к окну и открыл форточку.

— Из-за распутицы корпус опаздывает, — продолжал начальник штаба. — Операцию надо отложить на два дня.

— В чем дело, откладываете, — сказал командующий фронтом.

— Романенко заявил, что операцию откладывать не собирается, и потребовал обеспечить прибытие артиллерии, — пояснил Боголюбов. Рокоссовский попросил вызвать к телефону Романенко.

— Прокопий Логвинович, как обстановка, уважаемый?

— Все в порядке, товарищ маршал, завершаем подготовку к операции. Завтра начинаем точно в намеченный срок.

— А как с артиллерией, корпус прорыва на месте?

— Нет, не все бригады подошли. Он только и подводит. Но я дал приказ, чтобы завтра в назначенное время артиллерия была готова к открытию огня.

— Прокопий Логвинович, — улыбнулся Рокоссовский. — Но ведь это нереально.

— А что мне осталось делать?

— Перенести операцию на два дня. Глядишь, артиллерия будет на месте.

— А вы разрешаете?

— А почему нет? Это ваша армейская операция, вам и решать.

— Спасибо, товарищ командующий. Мы со штабом все спланируем, и я вам доложу.

— Хорошо. Желаю успеха. — Рокоссовский положил трубку.

3

В начале января 1945 года стояла сухая морозная погода. Полная луна освещала землю мягким желтовато-розовым светом, который можно увидеть только в снежную холодную зиму. Ночами все было безмолвно, все застыло от мороза, и воронки на полях битвы, искореженная техника и холмы под березовыми крестами не так зловеще чернели, как в пасмурные дни осени.

Ставка внезапно потребовала ускорить подготовку и перейти в наступление на шесть дней раньше намеченного срока.

Причины очередной спешки на сей раз были внешнеполитическими. В конце декабря 1944 года немецкие войска нанесли мощный удар по англо-американским войскам в Арденнах и там сложилось катастрофическое положение.

Уинстон Черчилль в специальном послании просил Сталина ускорить начало наступления, и Советское правительство поспешило выполнить эту просьбу.

Это неожиданное распоряжение застало Рокоссовского на одном из плацдармов, откуда должна была наносить удар армия Батова. Маршал срочно вызвал «Виллис» и выехал на КП армии.

Всю дорогу командующий фронтом думал о том, как, не дожидаясь пополнения, выполнить поставленную перед фронтом задачу. Он жалел, что директива Ставки не учитывает реальную обстановку. Кроме этого, Рокоссовского беспокоило и другое: во всех директивах Ставки нет даже намека на взаимодействие с 3-м Белорусским фронтом. Не исчезало предчувствие, что это большой недостаток в плане общей операции по окончательному разгрому Германии.

Ему даже не было известно, где командующий фронтом Черняховский наносит главный удар.

Тем не менее 2-й Белорусский фронт перешел в наступление, как и было приказано, 14 января. Он успешно прорвал оборону противника, и к утру 29 января наши войска вступили в пределы Восточной Пруссии. Фронт выполнил задачу, поставленную перед ним Ставкой, и овладел многими прусскими опорными пунктами, в том числе и Танненбергом.

Машина Рокоссовского летела по ровной автострате Восточной Пруссии, мимо угрюмых, покрытых инеем деревьев, мимо покинутых населением чистеньких, ухоженных немецких городов и сел.

Шел уже второй час дня, когда Рокоссовский прибыл в Танненберг. Глядя на развалины города, маршал испытывал сложные чувства. Название этой крепости он узнал, когда изучал военные науки.

Здесь 15 июля 1410 года под Грюнвальдом у Танненберга произошло решающее сражение «Великой войны» 1409 – 1411 гг. Русские, литовские, польские и чешские полки под командованием польского короля Владислава II Ягелло окружили и разгромили войска немецкого Тевтонского ордена во главе с великим магистром Ульрихом фон Юнгеном. Здесь же, западнее Ма-

зурских озер, в августе 1914 года, примерно в том же направлении, что и армии 2-го Белорусского фронта, наступала 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова. Тогда она смело вела боевые действия и добилась значительного успеха. Но 1-я русская армия наступала в сторону Кенигсберга, а не на соединение с армией Самсонова. Между ними образовался разрыв, чем умело воспользовалось командование противника. Немцы приостановили наступление и, направив основные силы против Самсонова, разгромили его армию. Ее остатки ушли за реку Нарев, командуя армией застрелился. Подобная ситуация сложилась сейчас между 3-м Белорусским фронтом Черняховского и его фронтом. Явную ошибку в планировании операции он, Рокоссовский, устранял теперь тем, что постоянно держал в готовности сильный резерв, чтобы в случае удара немцев в разрыв между фронтами, немедленно ликвидировать возможную группировку противника. Для этого была выделена целая группа штабистов-разведчиков, которая постоянно следила за передвижениями гитлеровцев и докладывала командующему фронтом лично.

Он знал, что немецкие историки сражение 1914 года называли Танненбергским. В честь Гинденбурга*, с именем которого связана победа, гитлеровцы соорудили огромный мемориальный комплекс. Здесь же находились саркофаги Гинденбурга и его жены.

Отступая, немцы взорвали памятник. И теперь Рокоссовский стоял перед его развалинами. Кругом лежал снег, до боли в глазах светило солнце. Тихо шумели уцелевшие от взрыва сосны и ели. Над бетонными глыбами кружились стаи ворон и оглашали окрестности хриплым карканьем.

Рокоссовский сел в машину и направился дальше. Безостановочно текли колонны солдат, шли танки, грузовые и легковые машины, тягачи волокли мощные пушки.

Война пришла и на немецкую землю. Три с половиной года Рокоссовский ждал этого часа, приближал его своими победами и твердо верил, что и на нашей улице будет праздник. Он верил в это и тогда, когда догорали последние машины его корпуса в июне 1941 года. Он был уверен в этом, когда его полки сражались под Смоленском и Волоколамском, он был убежден в этом, глядя на руины Сталинграда, на сожженные села и города Белоруссии и Польши.

Много мыслей теснилось в голове маршала, когда он ехал по немецким дорогам.

Когда солдаты и офицеры фронта вступили на землю Германии, многим из них трудно было понять, как после тех зверств, что творили гитлеровцы в их стране, можно относиться к немцам великодушно. Он предвидел эти настроения и принимал строгие и решительные меры, чтобы не допустить бесчинств и чтобы ненависть к захватчикам не вылилась в тупую, бесчеловечную месть.

Еще до вступления на территорию Германии на Военном Совете прошел разговор о поведении солдат и офицеров на немецкой земле. Он издал приказ, в котором напоминал, что мы пришли на землю немцев, чтобы помочь им избавиться от фашистского дурмана, которым отравлена большая часть населения.

Продвигаясь вместе с войсками в глубь Германии, Рокоссовский убеждался, что главари фашистов не ставили свой народ ни в грош. Отступая, гитлеровцы по приказу фюрера взрывали фабрики, электростанции, железные дороги и мосты.

Когда отдельные генералы начали говорить Гитлеру о том, что эти бессмысленные меры приведут к массовому обнищанию и смерти многих людей, он на это ответил: «Если проиграна война, то погибает и народ»*.

С выходом войск 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю все сухопутные коммуникации восточно-прусской группировки противника были перерезаны. С 14-го по 26-е января армии фронта продвинулись на 200 – 220 километров. Они овладели крепостями Модлин (обошли и взяли в кольцо), Млава, Фордон, Мариенбург и окружили крепость Торн*.

Немецко-фашистское командование понимало масштабы катастрофы, поэтому, собрав все силы, нанесло мощные контрудары.

В свою штаб-квартиру Рокоссовский подъехал к вечеру. Эту ночь запомнил маршал на всю жизнь.

В первой половине ночи поднялся ураганный ветер, плотной стеной повалил снег, разыгралась дикая метель. А на КП летели сообщения одно тревожнее другого.

– Противник наступает превосходящими силами, ничего поделать не могу – давит по всему фронту, – докладывал командарм-48 Романенко.

– Немцы приближаются к командному пункту! Прошу срочного разрешения перейти в распоряжение войск армии Федюнинского! – кричал в трубку командарм Вольский.

Рокоссовский немедленно перебросил на угрожающие направления стрелковый, механизированный и два танковых кор-

пуса, пять истребительно-противотанковых бригад и стрелковую дивизию. На вторые сутки гитлеровцы были сначала потеснены, а потом отброшены на исходные позиции.

Только сумел командующий фронтом устранить угрозу, как затрещала оборона на другом участке. В районе города Торна 70-я армия блокировала группировку фашистов, но по оценке командарма в крепости должно было быть около пяти тысяч солдат, а их оказалось там более 30 тысяч.

Рокоссовский с Боголюбовым только начали искать силы для закрытия брешей в обороне и ликвидации торнского гарнизона, как командующего фронтом срочно вызвали к телефону.

– Товарищ маршал! – взволнованно докладывал командарм-70 Попов. – Немцы прорвали кольцо и идут на север к Грауенцу.

– Что вы предприняли?

– У меня нет резерва! Противник подходит к КП!

– Хорошо! Переходите в ближайшую дивизию и попытайтесь остановить противника. Я прикажу Батову оказать вам помощь!

В это время армия Батова вела бои за расширение плацдармов на берегу Вислы.

– Павел Иванович, помогай! – говорил Рокоссовский с хрипотой в голосе.

– Что случилось?

– Немцы вырвались из Торна и разгуливают по тылам 70-й армии. Они взяли курс к вашим переправам. Что у тебя имеется на восточном берегу?

– Дивизия и полк.

– Этого мало. Верни обратно с плацдарма минимум две дивизии.

– Хорошо, выполняю!

Объединенными усилиями двух армий прорвавшаяся группировка гитлеровцев была разгромлена.

Настоящее лицо полководца проявляется не только в победах, более отчетливо оно обнаруживается в период неудач и непредвиденных обстоятельств. Побеждать проще, а вот осмыслить неудачу, мгновенно оценить обстановку и принять единственно возможное решение – для этого необходимо нечто большее, чем упорное выполнение хорошо продуманной операции. И способен на это только тот, кто сохраняет в сложной обстановке ясность ума, спокойствие и дар предвидения.

В этой нестандартной и сложной для войск фронта ситуации Рокоссовскому удалось на одном участке обеспечить стабильность, а на другом — непрерывность ударов по противнику и их нарастающую силу.

4

В середине февраля пришли оттепели и начали раскисать дороги.

Рокоссовский подъехал к КП, который находился на хуторе в перелеске на берегу Балтийского моря. Нудно шумели мокрые сосны; вокруг стоял неумолчный шорох капель.

Переговорив с начальником штаба фронта, командующий попросил адъютанта высушить плащ и фуражку, а сам вызвал начальника разведывательного управления фронта.

— Иван Владимирович, прошу доложить свежие данные о противнике, — сказал маршал, кивнув на карту, у которой стоял генерал.

— Как мы и предполагали, на территории Восточной Пруссии, — с ходу начал Виноградов, — немецкие войска объединились в группу армий «Висла». Командовать ими теперь назначен сам Гиммлер*.

— Гиммлер? — удивился командующий фронтом. — Насколько мне известно, он в военном деле профан.

— Гитлер подчинил ему опытных и обстрелянных генералов. В его распоряжении находятся части танкоистребительной дивизии.

— А что она собой представляет?

— Эта дивизия сформирована по приказу самого Гитлера. Это соединение состоит из рот самокатчиков под командованием отборных лейтенантов-фанатиков.

— Чем они вооружены?

— Фаустпатронами. Расчеты этих рот призваны уничтожать наши Т-34 и тяжелые танки.

— Какими силами располагает группа «Висла»?

— В общей сложности она насчитывает свыше тридцати дивизий, в том числе восемь танковых и моторизованных.

Командующий фронтом поднял трубку.

— Александр Николаевич, готова справка о наличии наших сил?.. Зайдите.

Генерал Боголюбов разложил перед командующим фронтом справки, схемы, отдельные листы карт.

После доклада начальника штаба фронта Рокоссовский в не веселом настроении подошел к карте.

— В данный момент противник оказался сильнее нас. Это не дело. Четыре армии, которые мы передали 3-му Белорусскому фронту, ослабили нашу мощь.

— Некомплект личного состава составляет пятьдесят процентов, — произнес Боголюбов. — Вот и войой.

— А воевать надо, — сказал маршал, закуривая.

Генералы смотрели на Рокоссовского и ждали, что он скажет.

— Посмотрите на карту, — размышлял маршал. — Фактически вся Восточная Пруссия отрезана от центра Германии. Так ведь?

— Да, образован изолированный остров, — сказал Виноградов.

— Он может снабжаться только воздушным и морским путем, — добавил Боголюбов.

— Именно так, — поддержал его командующий фронтом. — Это ослабляет воздушные и морские силы противника. — Он подошел к столу, потушил папиросу и снова подошел к карте. — Мне кажется, учитывая наши возможности, с ликвидацией окруженной группировки противника можно не торопиться. Ее разгром — это вопрос времени. Пока мы находимся в ослабленном состоянии, я предлагаю начать операцию по разгрому померанской группировки немцев, и, как только мы получим подкрепление, сразу же ускорим развязку на берлинском направлении.

В конце февраля войска 2-го Белорусского фронта вновь пошли в наступление. Рокоссовскому хотелось как можно скорее разделаться с окруженной группировкой противника, чтобы высвободить силы для дальнейшего наступления. Но ему для выполнения этой задачи не хватало подвижных соединений. Рокоссовский по ВЧ связался с Верховным Главнокомандующим.

— Я прошу, товарищ Сталин, передать фронту одну из двух танковых армий, действующих в составе 1-го Белорусского фронта.

— Чем обоснована ваша просьба?

— Чем быстрее мы покончим с гитлеровцами в Восточной Померании, тем скорее освободятся войска для Берлинской операции.

— Какая армия находится ближе к вашему фронту?

— Первая танковая армия генерала Каткуова.

— Хорошо, я согласен. Сейчас же даю команду.

Через несколько минут позвонил командующий 1-м Белорусским фронтом.

— Предупреждаю! — произнес Жуков недовольным голосом. — Армия должна быть возвращена в таком же составе, в каком она к вам уходит.

— Хорошо, — ответил Рокоссовский. — Я не предупреждаю, а прошу, чтобы армия нам была выделена боеспособная. Иначе нечем будет прикрыть фланг 1-го Белорусского, нашего уважаемого соседа.

Обмен «любезностями» между маршалами можно понять: всем хотелось иметь в своем распоряжении побольше сил — противник был еще силен и отчаянно сопротивлялся.

Рокоссовский сознавал, что гитлеровцы используют малейшую задержку в продвижении его войск для организации сопротивления, поэтому наступление шло без остановок и перегруппировок. За несколько дней войска фронта продвинулись на сотню километров и освободили около тысячи населенных пунктов.

В первой половине марта они подошли к Гданьску*, мощному Данцигскому укрепленному району. Предстояли осада и штурм крепости.

Командующий фронтом перед штурмом отправился изучать оборонительные сооружения противника.

Его автомобиль с трудом пробирался по забитой техникой дороге. Но больше всего досаждали беженцы, которыми были запружены дороги. Давала о себе знать геббельсовская пропаганда, которая трубила об ужасах и зверствах советских солдат. Поэтому, едва заслышав об их приближении, люди с ужасом покидали насиженные места и убегали куда глаза глядят. По мере того как они убеждали, что советские солдаты не воюют с мирными жителями, людская река текла в другом направлении.

Обгоняя понуро бредущих по обочинам дороги немцев, маршал вспоминал горькие дни начала войны, когда вот так же, выбиваясь из сил, шли по дорогам наши старики, дети и женщины. Разница была лишь в том, что фашистские самолеты никого из них не щадили.

С командующим 19-й армией В.З. Романовским маршал поднялся на вышку, построенную в верхушках елей.

Балтийский ветер с гневом налетал на деревья, безжалостно тормозил их зеленые космы. Внизу, опираясь на собратьев, продолжала жить наполовину обнажившая свои корни сосна. На земле густым ковром росли вереск и можжевельник. Над Гданьской бухтой, куда впадала Висла, над розовым маревом висело яркое солнце.

В течение нескольких часов командующий фронтом вел наблюдение за крепостью Данциг — старинной, одной из сильнейших на Балтийском побережье.

Мощные, хорошо замаскированные форты держали под обстрелом все окрестности в радиусе 15 километров. Крепостной вал, сохранившийся с давно ушедших времен, плотным кольцом опоясывал город. Перед валом был построен внешний пояс современных оборонительных сооружений, к которому приложили руку лучшие военные инженеры фашистской Германии. На всех командных высотах были сооружены железобетонные и камнебетонные доты. По сведениям нашей разведки, эту цитадель защищали почти два десятка дивизий.

Не менее сильными были и укрепления на подступах к Гдыне*. Сухопутная оборона подкреплялась огнем с моря: в Данцигской бухте стояли шесть крейсеров, тринадцать миноносцев и десятки более мелких кораблей. Рокоссовский убедился, что такой хорошо укрепленной крепости ему еще не приходилось штурмовать.

— Непросто будет штурмовать такие укрепления, — сказал Романовский. — Потребуются крупные силы. Крепость расположена так, что придется брать ее в лоб.

Рокоссовский молча достал складной нож, спустился по лестнице на несколько ступенек вниз, срезал несколько березовых веток.

— Владимир Захарович, — улыбнулся маршал и протянул командарму соединенные вместе несколько палочек. — Ломайте.

Романовский, покраснев, взял их обеими руками и пытался сломать, но, как ни старался, у него ничего не получилось.

— Не могу.

— А по одной? — Рокоссовский не сводил с командарма улыбкающих глаз.

— По одной — пожалуйста.

— Вот так и мы поступим, будем ломать противника по частям, — сказал Рокоссовский, прильнув к стереотрубе. — Владимир Захарович, посмотрите в центр города, видите?

— Да, вижу.

— Красное здание — это ратуша. Она построена в 14 — 15 веках, — продолжал наблюдение маршал. — Метрах в двухстах правее — костел Святой Марии, тоже 14 — 16 век. Надо постараться все это сохранить при штурме.

— Откуда вы знаете историю этого города? — Романовский с удивлением посмотрел на маршала.

— Откуда? — задумался Рокоссовский. Его брови взлетели вверх. — Во время учебы в гимназии Купеческого собрания в Варшаве мы изучали историю города Гданьска. Я его хорошо помню по фотографиям. Город принадлежал тогда Германии, но поляки законно его считали своим.

Со стороны города раздалось несколько громовых ударов, гулким эхом прокатившихся над лесом.

— Слышите, Владимир Захарович? — кивнул Рокоссовский.

— Слышу.

— Немцы нам напоминают, что пора заканчивать, — усмехнулся маршал.

Они спустились вниз, зашли в палатку и за чаем обговорили с командованием армии все детали предстоящего штурма.

Солнце уже садилось за дюнные сосны, когда Рокоссовский выехал на дорогу, близко подходившую к берегу моря.

Следуя чувству, которое пробудилось в нем в связи с воспоминаниями об учебе в гимназии, он вышел из машины.

С закатной стороны туго наседали моряник, подгоняя к берегу клочковатые, набрякшие весенней влагой тучи. Слева, обнявшись ветвями, стояло целое содружество деревьев: сосна, дуб, береза, ель. Правее, ближе к берегу, росли крепкие одинокие сосны. Маршалу подумалось, что они первыми принимали бой со свирепыми штормами, чтобы не допустить бешеной атаки на своих сестер и братьев в лесу. Эти сосны стояли, как часовые на посту, чтобы своим шумом предупредить других о приближении опасности.

Рокоссовский прошелся по берегу. Из-за невидимых в темноте облаков появлялись и исчезали звезды. Тяжелые удары волн по песчаному берегу, шипение воды вывели Рокоссовского из раздумья, и он сел в машину.

5

Фронт наступления войск Рокоссовского теперь не превышал по протяженности 60 километров (в начале Восточно-Поме-

ранской операции он достигал 240 километров). Ширина полосы каждой из армий, действующих на ударном направлении, составляла всего лишь 10 — 12 километров.

Командующий фронтом решил, не допуская ни малейших промедлений в боевых действиях, нанести раскалывающий удар в направлении Цоппота (Сопота), чтобы вбить клин между крепостями, расчленив их и уничтожить группировки по частям.

Штурм начался 14 марта. Рокоссовский во время наступления постоянно находился на своем КП. Сведения, приходившие с переднего края, обнадеживали командующего фронтом. По его приказу в первый же день боя воздушная армия Вершинина уничтожила на данцигском аэродроме все находившиеся там самолеты. Бомбардировщики и штурмовики нанесли удар по кораблям, и они вынуждены были спешно покинуть бухту.

Танковая армия Катукова опрокинула заслоны противника, вышла к заливу и совместно с армией Романовского ударила по Гдыни с севера. На правом фланге теснила немцев 2-я ударная армия Федюнинского.

Сосед справа, 3-й Белорусский фронт, подошел к правому берегу Вислы и соединился со 2-й ударной армией. Между ними образовался треугольник, плотно занятый гитлеровцами, которые старались уйти из-под ударов 2-го Белорусского фронта, предпочитая уклониться в сторону соседних армий.

Вступивший в командование 3-м Белорусским фронтом после нелепой гибели Черняховского А.М. Василевский связался с соседом:

— Константин Константинович, зачем ты гонишь на мой участок вражеские войска?

— Этому радоваться надо.

— Чему я должен радоваться?

— Вам достанется больше пленных, почестей и наград, — отшутился командующий фронтом.

Конечно, Рокоссовскому тогда было не до лоскутка пустого побережья, где скрывались гитлеровцы. Весеннее половодье вывело реки из берегов и превратило почти всю местность в болото. Но и в этих неблагоприятных условиях войска фронта завершали первый этап Данцигско-Гдыньской операции. Трудно, тяжело, но армии шли вперед.

Донесения с мест боев все больше убеждали Рокоссовского,

что время работает на нас и в операции наступает решающий перелом. Войска очистили от гитлеровцев Цоппот и вышли к предместью Данцига. С выходом войск к заливу группировка фашистов была рассечена на три части.

Во избежание бессмысленных потерь и разрушений гитлеровцам был направлен ультиматум:

«К гарнизонам Данцига и Гдыни.

Генералы, офицеры и солдаты 2-й немецкой армии!

Мои войска вчера, 23 марта, заняли Цоппот и разрезали окруженную группировку на две части.

Гарнизоны Данцига и Гдыни изолированы друг от друга. Наша артиллерия обстреливает порты Данцига и Гдыни и подходы к ним с моря. Железное кольцо моих войск все теснее сжимается вокруг вас.

Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет к гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Я предлагаю вам:

1. Немедленно прекратить сопротивление и с белыми флагами в одиночку, отделениями, взводами, ротами, батальонами и полками сдать в плен.

2. Всем сдавшимся в плен я гарантирую жизнь и сохранение личной собственности.

Все офицеры и солдаты, которые не сложат оружия, будут уничтожены в предстоящем штурме.

Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы.

Командующий войсками 2-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза К. Рокоссовский.

24 марта 1945 г.»

Гитлеровское командование не ответило на это предложение, и Рокоссовский отдал приказ о штурме.

28 марта была освобождена Гдыня, 30 марта – Гданьск. Остатки неприятельских войск бежали в заболоченное устье Вислы, откуда, вывозившись по уши в грязи, шли сдаваться в плен.

Над старинным польским городом взвился польский национальный флаг. Польскому народу было возвращено все Поморье с крупными городами и портами на Балтийском море.

После ликвидации сильной восточно-померанской группи-

ровки противника фронту предстояло принять непосредственное участие в Берлинской операции.

Отдыхать было некогда – внимания маршала снова требовали неотложные дела. Надо было позаботиться об отдыхе войск, дать распоряжения на несколько дней вперед.

Рокоссовский связался с начальником штаба фронта Боголюбовым. Как и с Малининым, маршал быстро нашел с ним общий язык и внимательно прислушивался к его советам и предложениям. Они коротко обсудили итоги операции и наметили задачи на ближайшие дни.

Только Рокоссовский закончил разговор с командующим воздушной армией, как позвонил маршал Жуков.

– Слушай, Костя, в одном селе, которое мы освободили, к нам подошла женщина и сказала, что она Елена Ксавьеревна Рокоссовская.

– Елена? – воскликнул Рокоссовский.

– Да, Елена.

– Это моя родная сестра! – взволнованно сказал маршал.

– Как тебе ее доставить?

– Георгий Константинович, направь ее ко мне машиной. Буду благодарен.

– Какой вопрос! Часа через три будет у тебя. За безопасность не переживай.

– Спасибо, Георгий!

6

Давно не испытывал Рокоссовский такого душевного трепета. Как всегда в минуты сильного волнения, он курил одну папиросу за другой и не находил себе места. Он пытался заняться служебными делами, но срочных не оказалось, а повседневные оттеснялись предстоящей встречей с сестрой.

До предполагаемого приезда Елены оставалось чуть больше получаса. Рокоссовский снял полевую форму и облачился в повседневную, с золотистыми погонами и большой маршальской звездой.

Рокоссовский бросил взгляд на стол: шоколад, консервы, копченая колбаса, печенье, чашки для чая.

Чтобы скоротать время, он вышел во двор. К нему подошел какой-то бродячий пес, поднял голову, посмотрел недоверчиво и потрусил к соседнему дому.

Деревня, где располагался КП фронта, не была изранена вой-

ной, хотя в нескольких километрах от нее проходили кровопролитные бои. Поляки, жившие здесь, почтительно относились к своему знаменитому земляку. Вот и теперь местный житель, проходивший по улице, поклонился и снял шапку:

— *Dień dobry! Szanowy pan Rokosowski!**

— *Dień dobry! Dien dobry!* — кивнул маршал. — *Wszystkiego najlepszego!***

Походив по двору, Рокоссовский вызвал адъютанта и дал ему команду, чтобы тот выехал на перекресток дорог, где должна появиться машина с Еленой, а сам вышел за ворота.

Солнце уже повернуло на вторую половину дня. На скворечне, прикрепленной к дереву, перебирая крылышками, высвистывал свою извечную мелодию скворец. На пригорке кудрявились столетние дубы; у луговой излучины темнел молодой ельник.

Рокоссовский думал о сестре. Как давно он ее не видел? Они жили долгое время в разных странах: он — на русской земле, она — в Польше. Из неумолимого времени, словно из тумана, выросал образ его сестрички, с которой он расстался, когда ему не было еще и восемнадцати, а ей шел шестнадцатый год. Он помнил ее маленькой лепетуньей, потом повзрослевшей девочкой, заводилой среди сверстниц в предместье Варшавы — Праге. Его постоянно мучила тревога, что из-за него гитлеровцы могут расправиться с Еленой.

Маршал заметил шлейф пыли на дороге, по которой шли машины. Первая машина притормозила. Старшина-водитель, расплывшись в улыбке, открыл дверцу. Из машины вышла одетая в темный плащ женщина, поклонилась старшине — не то благодарила, не то прощалась.

Женщина огляделась вокруг. Она была среднего роста, живая, подвижная, на вид ей было лет сорок. Некоторое время она смотрела на клен, стоявший у дома, видимо, пораженная размером гигантского дерева, потом взглянула на шагавшего ей навстречу Рокоссовского, кинулась в его объятия и заплакала.

— *Konstanty kochany mój... Brat rodzony... Jakie szczęście!****

— Хеленка, родная моя!.. Как я рад! — обнимал и целовал сестру Рокоссовский. — Как же мы давно с тобой не виделись... Хеленка.

*Добрый день, уважаемый пан Рокоссовский! (польск.).

**Добрый день. Всего хорошего! (польск.).

***Костя, любимый мой... Родной брат... Какое счастье! (польск.).

— Да, Константы, да. — Глаза Елены вскинулись на лицо брата, на погоны маршала. — *Ty teraz wiadomy**.

Елена была очень похожа на брата: тот же интеллигентный красивый профиль, те же небесного цвета глаза, тот же мягкий и доверчивый голос, те же светлые волосы.

Уже давно на землю опустилась ночь, уже адъютант дал команду повару убрать со стола, уже начали перекликаться в деревне петухи, а брат и сестра после долгой и мучительной разлуки не могли наговориться. Непроизвольно, сами по себе все бежали и бежали слова о том, что было обоими пережито, о былом сиротстве, скитаниях с места на место, о безжалостной судьбе родных, так рано ушедших из жизни. Почти никому не рассказывал Рокоссовский о своем глубоко личном — об увлечении стихами. Оказывается, он выкраивал минуты между боями, находил уединенный уголок и сочинял стихи о природе, о любви, о смысле жизни. Единственное, о чем умолчал Рокоссовский, — это о годах, проведенных в тюрьме. Он не хотел скрывать эту трагическую страницу своей жизни от родной сестры, но сейчас ему не хотелось об этом говорить.

Елена рассказала брату, как за ней во второй половине 1944 года охотились гестаповцы, как обещали за нее фашисты сто тысяч марок тому, кто поможет ее задержать.

Опершись локтями на стол, он добрыми глазами смотрел на сестру и слушал ее рассказ.

— В Варшаве, где я остановилась у знакомых, за час до прихода гестапо, прибыл ксендз** и увез меня в район Груеца. В селе Золотоклосс меня укрывали до прихода ваших войск. Я час-то болела. — Она замолчала, влажными глазами посмотрела на брата. — Теперь, Константы, все будет по-другому. Кончится война, люди подумают, что они натворили, опомнятся и будут жить спокойно.

Рокоссовский сочувственно посмотрел на Елену и, моргнув усталыми глазами, произнес:

— Хорошо бы так, Хеленка, но человеку, к сожалению, трудно перемениться сразу. Можно говорить, думать по-другому, а уклад жизни долго будет прежним. Так же, как зимой идет снег, а весной — дождь, так же, как птицы улетают в теплые края, а потом возвращаются обратно, так же своими маршрутами ходит и человек. Очень трудно направить его на другую дорогу.

*Ты теперь знаменитый (польск.).

**К с е н д з — католический священник (польск.).

— Да, Констанцы, но все же... — сказала она усталым голосом.

— Пойдем, дорогая, спать, — поднялся Рокоссовский. — На втором этаже тебе приготовлена постель. Иди отдохни, моя радость, я вижу, ты очень устала.

Он проводил сестру на отдых, а сам успел написать письмо в Москву, в котором поделился своей радостью. Он рассказал жене, что Елене будет оказана медицинская помощь и потому она будет направлена в город Груец к знакомым. Он указал адрес, где она будет жить, и просил жену написать ей письмо.

Глава двадцать шестая

1

После ликвидации Померанской группировки противника опасность срыва наступления наших войск на Берлин ударами во фланг и тыл с этой территории Германии совершенно исключалась. Поэтому можно было смело приступать к Берлинской операции.

Штабы фронта, армий, родов войск, тыла днем и ночью работали над планом операции. Получив директиву Ставки, 3 апреля командующий фронтом собрал представительное совещание на своем КП.

Во дворе дома, в центре просторной штабной палатки, стояли длинные столы, по обеим сторонам выстроились стулья. С левой стороны, на подставке, висела оперативная карта.

У торца стола, в полевом обмундировании находился Рокоссовский.

— Требования Ставки сводятся к следующему. — Он взял указку, подошел к карте. — Нашему фронту предписано наступать в штеттин-ростокском направлении. На Одере мы должны сменить части 1-го Белорусского фронта. Сложность нашей операции заключается в том, что мы шли на восток, а теперь поворачиваем на 180 градусов и наступаем на запад. Нам предстоит форсированным маршем преодолеть 300—350 километров, — говорил он, глядя на присутствующих, лишь время от времени оборачиваясь к карте, чтобы показать маршруты движения, исходные позиции для наступления и сосредоточение войск противника. — Нам предстоит пройти по местам, где только что закончились ожесточенные бои. Инженерные работы по расчист-

ке дорог только что начались, нам предстоит перебросить сотни тысяч людей, десятки тысяч единиц техники, тысячи тонн боеприпасов.

Поставив задачи службам и родам войск, Рокоссовский перешел к характеристике противника.

— Установлено, что в полосе нашего наступления противник имеет два рубежа обороны в 20 километрах от Одера. В глубине воздушная разведка обнаружила третью полосу. — Маршал повернулся к Виноградову. — Иван Владимирович, данные подтвердились?

— Да, подтвердились, — поднялся генерал.

— Против нашего фронта находится крупная группировка противника, состоящая из курсантов учебных заведений. Кроме того, на южном участке фронта обороняются 3-я танковая немецкая армия, три армейских корпуса, три артполка и артиллерийская дивизия. — Он сел за стол и продолжил: — Самое тревожное заключается в том, что наиболее сильная группировка гитлеровцев располагается именно там, где мы собираемся, вопреки нашим правилам, наносить главный удар. Спросите: почему? Ответу: обстановка сложилась так, что изменить направление главного удара невозможно. — Рокоссовский поднял руку, призывая к тишине. — Разрабатывая Берлинскую операцию, советское командование учитывало стратегическую и политическую обстановку. Несмотря на явный проигрыш войны, фашистская верхушка на что-то надеется. Она рассчитывает на какие-то силы, которые могут Германию спасти. Отсюда вытекает и главная задача наших войск: как можно быстрее разгромить немецко-фашистскую группировку на Берлинском направлении, овладеть немецкой столицей и выйти на реку Эльба.

Рокоссовский сделал паузу, давая возможность участникам совещания осмыслить сказанное, потом продолжил:

— Выполнение этой задачи возлагается на три фронта. — Он снова подошел к карте. — На 1-й Белорусский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский. В общих чертах операция должна развиваться следующим образом. — Командующий фронтом подошел к столу, выпил несколько глотков чая и вернулся к карте. — Удар в общем направлении на Берлин наносит 1-й Белорусский фронт, одновременно частью сил обходит город с севера, 1-й Украинский фронт наносит рассекающий удар южнее Берлина. Наш 2-й Белорусский фронт наносит рассекающий удар севернее Берлина,

обеспечивая правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможных ударов противника с севера, и на этом направлении ликвидирует вражеские войска, прижимая их к морю. Срок начала операции для войск Жукова и Конева – 16 апреля, для нашего фронта 20 апреля.

По палатке пробежал шумок.

– Да, да, друзья, 20 апреля. – Рокоссовский подошел к столу, оглядел своих соратников. – Кровь из носу, а мы должны быть на исходных позициях и начать наступление в срок. – Он глянул на карманные часы. – Судя по всему, мы проводим последнюю операцию в этой войне. Матери, жены, близкие ждут не дождутся своих родных с фронта. Я прошу вас и требую принять все меры для сохранения жизни людей. Это, пожалуй, самая главная задача в этой операции. Надо – приостанавливайте наступление, не жалея боеприпасов, подавляйте огневые точки, активно привлекайте для этого артиллерию и авиацию. Все команды на этот счет им выданы. По моему разумению, теперь уже не имеет существенного значения, когда мы добьем фашистов – днем раньше или днем позже, – главное, чтобы было меньше жертв. На этом заканчиваем разговор и приступаем немедленно к делу.

2

В начале апреля уже начали подсыхать дороги. Войска 2-го Белорусского цпи и шли на запад. В тучах пыли двигался нескончаемый поток машин, повозок, пехотных колонн.

Рычали тягачи; злобно фыркали грузовики, везущие тяжелые боеприпасы; гудели полуторки, в которых сидели запыленные, с потемневшими лицами, солдаты; парусами поднимался брезент над «Катюшами».

Приспособившиеся к войне, ритмично переставляли ноги лошади; прижимаясь к обочине дороги, скрипели крестьянские телеги; дымящимся потоком скрежетали танки.

Машина командующего фронтом, обгоняя колонны войск, пробиралась между воронками от бомб и снарядов, обгоревших артиллерийских лафетов, танков и машин. Когда до Одера оставалось несколько десятков километров, Рокоссовский подъехал к остановившейся на привал колонне.

– Чье соединение? – спросил маршал, заметив хорошую организацию передвижения войск.

– Корпус генерал-лейтенанта Аревадзе, товарищ маршал.

– Где командир?

– В голове колонны.

– Спасибо, полковник! – сказал командующий фронтом и сел в машину.

– Маршал Рокоссовский! – разнеслось по колонне.

Когда этот клич докатился до генерала Аревадзе, он тут же достал из машины принадлежности для чистки сапог и начал наводить на них зеркальный блеск. Он надел новую пилотку, влажным полотенцем протер лицо, машинально поправил брови. Педантичная аккуратность генерала не однажды была предметом досужих разговоров. Многие подчиненные называли его «фронтовым щеголем». Аревадзе знал об этом и не обижался. Он был уверен, что во внешнем виде командира, особенно в условиях войны, заложены любовь к жизни, уважение к людям, которыми ты управляешь, к самому себе и уверенность в победе. Машина командующего фронтом резко притормозила у «Виллиса», стоявшего у обочины дороги.

– Товарищ маршал Совет... – Пытался доложить Аревадзе, щелкнув каблучками.

– Михаил Егорович, – перебил его Рокоссовский, улыбаясь. – Что случилось, почему без усов?

– Я дал себе слово, товарищ командующий фронтом, как только ступлю на территорию Германии, то сразу сбрею усы.

– Чем это вызвано?

– Не хочу, чтобы женщины тех мужчин, с которыми я воюю, любовались моими красивыми усами.

– Остроумно, – рассмеялся Рокоссовский.

– Приглашаю на чай, товарищ маршал, – сказал генерал, покосившись на походный столик, за которым хлопотали адъютант с водителем.

– За язык никого не будем привязывать? – усмехнулся Рокоссовский, напомнив генералу о забавном приключении на Курской дуге.

– Никак нет, – покраснел Аревадзе, в душе радуясь, что его еще раз свели фронтовые дороги с этим знаменитым и простым человеком. Их первая встреча, благодаря Аревадзе, приобрела большую огласку, обросла неправдоподобными подробностями и теперь уже смахивала на анекдот, который гулял по всему фронту.

– Теперь скажите, как идет переброска войск? – спросил командующий фронтом, допивая чай.

— Все идет по плану, товарищ маршал, — бодро ответил Аревадзе. — Мы даже опережаем график на десять часов.

— Артиллерия не отстает?

— Никак нет, я ее держу впереди колонны. У меня на учете каждая пушка.

— Вот за это молодец, Михаил Егорович, — поднялся Рокоссовский.

Похвала маршала была бальзамом для впечатлительной души Аревадзе, для его гордой самолюбивой натуры. Он вдруг покраснел, заморгал глазами и взволнованно произнес:

— Мы на пороге конца войны, товарищ маршал. Я уверен — последняя ваша операция будет такой же успешной, как и остальные. Заранее поздравляю вас с победой.

Рокоссовский добродушно улыбнулся и, прощаясь, произнес:

— Желаю успеха, Михаил Егорович. Но победу трубить еще рано.

Он сел в машину и уехал.

3

В теплый и ясный весенний день, 10 апреля, на своем КП в районе Жидовице, в бывшем управлении одерскими шлюзами, командарм Батов встретил Рокоссовского, прибывшего с большой группой генералов на рекогносцировку. Здесь уже находились все три командарма ударной группировки — кроме самого хозяина были на месте командующий 70-й — В.С. Попов и командарм 49-й — И.Т. Гришин.

Настроение у всех было приподнятое и боевое — на огромной территории разворачивалась последняя в этой изнурительной войне битва. Еще одно решительное усилие, и гитлеровский рейх будет уничтожен. Не об этом ли времени мечтал каждый участник этой исторической рекогносцировки?

Командующий фронтом всегда старался быть в хорошем настроении, которое передавалось его подчиненным, если даже на душе было скверно. Но сегодня, казалось, он искусственно сдерживал положительные эмоции и старался выглядеть строгим и серьезным. Вероятно, он боялся, что на последнем этапе войны, когда до победы подать рукой, могут появиться самоуверенные и легкомысленные настроения в ожидании скорого и неизбежного успеха. А это может привести к неоправданной гибели людей. Это тревожило Рокоссовского не на шутку. Обладая опреде-

ленным педагогическим тактом, он не стал выражать свои мысли в назидательной форме, а поступил по-другому.

— На войне нередко бывает, — говорил он, — когда полководец уже потирает руки и радуется, что выиграл сражение, вовсю бьет в фанфары. Но вдруг узнает, что противник, сохранив силы, перешел в контрнаступление и давит на войска по всему фронту. Вот тогда-то эйфория победы мгновенно сменяется отчаянием. Такую ситуацию я переживал и сам. Фашистский зверь ранен, но он еще не добит. Думаю, вы знаете, что раненый зверь более опасен, чем тот, который сумел скрыться от охотника.

Затем участники рекогносцировки обсудили замысел предстоящей операции, который сводился к тому, чтобы сначала задержать Мантейфеля*, не дать ему возможности двинуть армию к Берлину, а затем расчленить его войска и уничтожить.

После обеда генералы поднялись на крышу рыбацкого домика, стоявшего рядом с берегом.

С моря тянул сильный порывистый ветер. Наши войска и позиции противника разделяла река. Хорошо просматривались два широких рукава — Ост-Одер и Вест-Одер, а между ними тянулась огромная трехкилометровая пойма, переплетенная множеством каналов и дамб. Гидротехнические и дорожные сооружения предусмотрительными немцами были приспособлены к обороне еще в мирное время.

Километрах в четырех от западного Вест-Одера поднимались в небо крутые высоты. Оптические средства позволяли увидеть юго-восточные окраины Щецина. Огромной глыбой серого камня город нависал над рекой.

Было принято оригинальное решение — форсировать реку одновременно на участках всех трех армий. В случае успеха на один из участков должны быть направлены фронтовые резервы и часть сил и средств с других армий. Забегая вперед, скажем, что это решение оказалось удачным и принесло успех в операции. Противник метался с места на место и не мог определить, где же наносится главный удар, чтобы перебросить туда основные силы.

Командующий фронтом закончил предварительную работу по подготовке к наступлению с командным составом фронтового и армейского звена еще до прибытия войск на исходный рубеж.

Все было проделано согласно плану, и утром 20 апреля все три армии главной группировки фронта перешли к форсированию Вест-Одера.

Как и следовало ожидать, проворнее и изобретательнее всех командармов оказался Батов. К началу форсирования у него было необходимое количество лодок, катеров, паромов, самоходных барж.

Командарм решил начать наступление на час раньше установленного времени. Не сумев найти Рокоссовского, он связался с начальником артиллерии фронта генерал-полковником Сокольским и получил ответ:

– Рассвет наступает ровно в семь, и артиллеристам необходимо время, чтобы осмотреться и подготовиться к открытию огня. Начало артподготовки для всех одинаково – в 9 часов.

Через некоторое время на КП Батова раздался звонок.

– Мне доложили, Павел Иванович, что ты что-то там мудришь, – говорил Рокоссовский. – Меняешь время начала операции. Меня правильно информировали?

– Так точно, прошу извинить, что задержался с докладом.

– Верно, что артподготовку планируешь начать раньше?

– Верно.

– Но ты же действуешь не отдельно, а в составе фронта. В чем причина такого предложения?

– Ветер нагоняет в пойму воду, уровень ее поднимается не по часам, а по минутам. Это усложняет форсирование.

После некоторой паузы Рокоссовский сказал:

– Я хорошо запомнил твои слова: «Мы и на этом направлении в люди выйдем, товарищ командующий фронтом». Ты извини меня, но в этих словах много хвастовства. Скажи по совести, тебя толкает на такое решение желание показать себя и не быть похожим на других или же обстановка?

– Я понимаю, товарищ маршал, слово не воробей, вылетит – не поймашь. Тогда меня занесло, но теперь я говорю совершенно серьезно: такое решение мне диктует обстановка.

– Добро, начинай, как решил.

Вскоре Рокоссовский приехал на наблюдательный пункт генерала Батова. Он видел, как смело и сноровисто переправлялась через Одер 37-я гвардейская дивизия генерала К.Е. Гребенника, как занимали плацдарм на том берегу другие соединения командарма Батова.

Командующий фронтом тут же принял решение через одну из переправ Батова перебросить армию Федюнинского на западный берег Вест-Одера и направить ее в обход Щецина с юго-запада.

Через некоторое время маршал уже находился на наблюдательном пункте генерала Попова. До этого его армия отбила на плацдарме около шестнадцати атак фашистов. Когда Рокоссовский прибыл на западный берег Вест-Одера, более десятка батальонов выдерживали яростные атаки немцев. Пользуясь недостатком у нас артиллерии, противник донимал пехоту танковыми атаками.

Маршал впервые увидел командарма в таком необычном для него состоянии – он нервничал, кричал, горячился.

– Где начальник артиллерии?.. Почему не подавил опорный пункт в районе Гра... Грай... Тьфу!.. Он у меня ответит перед судом военного трибунала!!! – держал у уха трубку Попов, пересыпая свою речь грубой бранью.

– Василий Степанович! – Подошел Рокоссовский, которого в пылу разговора Попов не заметил. – Этот район называется Грайфехтгаген – это раз, а второе – положите трубку, сядьте и успокойтесь. Командующий фронтом связался с Вершининым.

– Константин Андреевич, я вас попрошу помочь подавить в районе Грайфехтгагена опорный пункт, его координаты возьмите у начальника штаба 70-й армии. – Он взглянул на Попова, вытиравшего текший градом пот, и добавил: – Желательно задействовать авиацию из женского авиационного полка Бершанской.

– Почему?

– Об этом просит красавец мужчина Василий Степанович Попов.

– Есть! Будет сделано!

И Попов встал, снял фуражку, пригладил волосы, вытер платком покрасневшее лицо, затем виновато произнес:

– Извините, товарищ командующий фронтом, такое больше не повторится.

– Забудем об этом, Василий Степанович, – улыбнулся Рокоссовский. – Я ничего не слышал и не видел.

Вскоре летчицами-штурмовиками Н.Ф. Меклин, Р.Е. Ароновой, Е.А. Никулиной и Е.А. Жигуленко злополучный опорный пункт был уничтожен.

Тут же, на глазах у Рокоссовского и сопровождавших его лиц, саперы подвели к дамбе понтоны, и к концу дня на Вест-Одере действовало девять десантных, четыре паромных переправы и 50-тонный мост. Рокоссовский подошел к Попову, распрощался с ним.

— Василий Степанович, я ничуть не сомневаюсь, что у вас и дальше пойдут дела хорошо, — сказал он, садясь в машину.

Командующий армией вернулся на КП фронта. После уточнения обстановки на всем участке фронта он связался с командармом-49 Гришиным.

— Иван Тихонович, боевой мой генерал, мы вам выделили больше средств усиления, чем другим, а вы что-то уж долго стоите на месте. Батов и Попов отвоевали солидные плацдармы за Одером и скоро приступят к штурму Щецина. Скажите, в чем дело?

— Товарищ командующий фронтом, армейская разведка допустила грубую ошибку.

— А именно?

— Междуречье изрезано многочисленными каналами, и один из них разведка приняла за основное русло Вест-Одера.

— Что, и весь огонь артиллерии велся впустую?

— Именно так.

— Да, — тяжело вздохнул маршал.

— Я прошу вас разрешить нам возобновить штурм 21 апреля.

— Если вы этого не сделаете, — телефонная трубка окуталась дымом, — то противник перебросит силы туда, где у нас обозначился успех.

— Я это понимаю.

— При возобновлении штурма вы обязаны выполнить одно условие — за ваши ошибки не должны расплачиваться люди жизнями.

— У меня мало снарядов.

— Я сейчас же даю команду. Снаряды вам пришлют.

Положив трубку, Рокоссовский прошелся по комнате. «В штабе армии были аэрофотоснимки всего участка наступления, — подумал он. — Какая непростительная оплошность. Плохо мы проверили готовность армии Гришина».

Рокоссовский вызвал Боголюбова, начальника оперативного управления и вместе с ними наметил меры, чтобы подобные ошибки больше не повторялись...

21 апреля продолжались ожесточенные бои на всем фронте, но к 25 апреля был завершен прорыв вражеской обороны на ширину до 20 километров. Все армии, в том числе и Гришина, медленно, с боями приближались к намеченной цели.

26 апреля войска Батова штурмом овладели Щецином и устремились на северо-запад. Начиная с 27 апреля у противника

силы иссякли и он не мог закрепиться ни на одном рубеже. Все части танковой армии гитлеровцев были расчленены и уничтожены.

3 мая гвардейский танковый корпус генерала Панфилова вышел к Эльбе юго-западнее Виттенберга и установил связь с передовыми частями 2-й британской армии.

Войска 2-го Белорусского фронта очистили многие острова от гитлеровцев, в том числе датский остров Борнхольм, и 4 мая вышли на разграничительную линию с союзниками. Они выполнили задачу и наступательную операцию закончили.

Но приходилось еще прочесывать отдельные районы, обезвреживать небольшие группы гитлеровцев, оставшихся в тылу наших войск. На датских островах были взяты в плен свыше 12 тысяч немецких солдат и офицеров и большие военные трофеи.

Морской десант, высаженный на острова в составе двух дивизий, ликвидировал последний перевалочный пункт и военноморскую базу фашистов.

К вечеру 5 мая на КП фронта улеглась суматоха. Боголюбов подошел к столу, за которым сидел Рокоссовский, и протянул ему кипу телеграмм.

— Вот донесения. Все соединения фронта задачу выполнили.

Командующий фронтом был близок к тому, чтобы громко рассмеяться. Он вышел из-за стола, улыбнулся и протянул руку генералу.

— Александр Николаевич, поздравляю с окончанием войны. Со свирепым и заносчивым противником покончено.

— Мне повезло, что я закончил эту войну под вашим командованием.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В КРУГОВОРОТЕ ДНЕЙ

*«О время! Все несется мимо,
Все мчится на крылах твоих:
Мелькают весны, медлят зимы,
Гоня к могиле всех живых».*

Д. Байрон

*(Из записной книжки К. Рокос-
совского.)*

«Все это было, было, было...»

А. Блок

Глава первая

1

и скрежет танков, ни грохот орудий, ни вой самолетов, ни горе и слезы не могли повлиять на законы природы, остановить ее немолчимую поступь. В начале мая 1945 года ласково светило солнце, цвели сады, зеленели луга, пели птицы. Если закрыть глаза на трагические итоги войны, то можно подумать, что огненная завеса не разделяла лю-

дей, что это был только дурной сон.

Несколько дней подряд Рокоссовский объезжал свои войска, которые были размещены теперь на огромном пространстве – от побережья Балтийского моря до предместий Берлина. Он не мог

не пожать руку, не заключить в объятья своих командармов, генералов, не вручить высокие награды отличившимся на заключительном этапе войны. Если бы этого не произошло, он бы не был Рокоссовским, а его солдаты гордо не называли бы себя «рокоссовцами» или же не говорили: «Я солдат Кости Рокоссовского».

Командующий фронтом возвращался на свой последний фронтовой командный пункт, который размещался в сельском добротном доме на самой окраине города Штеттина.

Уже давно наступил рассвет, когда машина командующего вышла из леса. Колонна солдат в темно-зеленых мундирах оставилась, чтобы пропустить маршала. Сотни глаз пленных смотрели на Рокоссовского: некоторые с любопытством, а большинство с тупым безразличием.

Он смотрел на растерянных, подавленных людей и думал о том, как могло случиться, что талантливый и трудолюбивый народ, имеющий глубокие культурные корни, за несколько лет был обогрван неврастеником Гитлером и превращен в послушное стадо.

Рокоссовскому пришлось обгонять не только унылые колонны пленных. На дорогах бурлила и беда через край подлинная человеческая радость. Толпы голодных и оборванных людей с криками и ликованием встречали маршала, приветствовали на всех языках мира.

У Рокоссовского замирало сердце при виде этого разноплеменного людского моря. Многие были донельзя измождены, еле передвигали ноги, поддерживали друг друга, чтобы не упасть, но все равно – глаза светились радостью.

Ближе к вечеру машина командующего фронтом по асфальтированной дороге подъехала к белому двухэтажному зданию. С левой стороны дом примыкал к лесу, а справа раскинулось живописное озеро, на берегу которого находилось одноэтажное строение из красного кирпича, где жил хозяин, владелец этого поместья и окрестных земель.

Когда Рокоссовский поднимался на второй этаж, там его уже ждали члены Военного Совета. Были накоротке обсуждены текущие дела, намечены меры по оказанию помощи десяткам тысяч людей, освобожденных из фашистских лагерей.

После заседания Военного Совета к маршалу зашел генерал Субботин.

– Константин Константинович, вчера мне звонил начальник Главного управления контрразведки, попросту говоря «СМЕР-Ша», генерал Абакумов Виктор Семенович.

— Что ему от нас надо? — нахмурил брови Рокоссовский. Он хорошо помнил Абакумова по «душевной» беседе в 1939 году.

— Он уточнил, когда вы приедете, и просил передать, что он завтра в 10 утра заедет к вам по очень срочному делу.

— Спасибо, — криво усмехнулся Рокоссовский.

— Вы с ним знакомы?

— Знаком, Никита Егорович, знаком, — сказал маршал и взял под руку генерала. — Пойдем, хотя бы один раз спокойно поужинаем.

Чувствуя некоторую расслабленность после напряженных боев, Рокоссовский сел за стол, достал из чемодана томик Генриха Гейне, который ему подарил Батов на день рождения, и начал читать:

Надев сюртуки побогаче,
Мещане гуляют в лесу.
Резвятся в восторге телячьим
И славят природы красу.
И тают в блаженстве их души,
Цветет романтический дол!
И внемлют, развесивши уши,
Как в чаще щебечет щегол.

Рокоссовский усмехнулся, отложил книгу. Вечерний свет потоком вливался в просторные окна, будто пытался его выманить из дома, в этот уже почти мирный чарующий весенний вечер. Это был первый весенний вечер за четыре года войны, когда не надо было думать о предстоящих операциях и боях, а можно было спокойно отдохнуть душой и хотя бы непродолжительное время побыть наедине с природой.

Рокоссовский переоделся в спортивный костюм, который не надевал уже несколько недель, и вышел во двор.

* Солнце уже спряталось за лесом, но день отстаивал свои позиции и не хотел их уступать ночи. В этом равновесии хозяйкой была тишина, которая, казалось, поглотила все вокруг: и озеро, где, подергивая головками, плавали утки, и голубые ели, обступившие со всех сторон усадьбу, и сказочные постройки с красными черепичными крышами.

Рокоссовский подошел к ухоженному кусту роз, присел. От запаха нежно-сиреневых бутонов приятно кружилась голова. Он сел на скамейку и устремил взгляд на озеро, в которое плюхнулась еще пара уток.

Нет, не перестал любить красоту Рокоссовский, грубая и жестокая сила войны не смогла одолеть в нем романтическую душу. Он любил красоту так же, как и раньше. В юности он познавал ее в нежном лепестке розы, в белом цветении садов, в необъятном и загадочном величии неба. В более зрелые годы он умел видеть красоту в вековой забайкальской тайге, в бескрайних степях Даурии.

Вдруг со стороны леса Рокоссовский услышал юный девичий голос:

Ty pjdziesz górą,
Ty pjdziesz górą,
A ja dolina,
Ty zakwitniesz różą,
Ty zakwitniesz różą,
A ja kaliną*.

Из леса по тропинке выходила девочка и, не замечая Рокоссовского, тихонько пела. Размахивая веткой по верхушкам папоротника, девочка приближалась к Рокоссовскому. Видимо, она не знала до конца слова песни — пропев две первые строчки, она начинала сначала. В детском приятном голосе слышались тоска и затаенная надежда на встречу с кем-то душевно близким...

Светловолосая, аккуратная головка повернулась к незнакомцу, и девочка в испуге остановилась. Маленькая грудь под пестрым поношенным платицем выдавала юный возраст прелестной певуньи.

Эта встреча для Рокоссовского тоже была внезапной, и он никак не мог начать разговор. И только тогда, когда девочка повернулась, чтобы уйти, у него сорвалось с языка.

— Девочка, — сказал он тихо по-польски. И раньше, чем она успела исчезнуть, произнес громче: — Девочка, ты меня не бойся, я свой!

Она повернулась, пристально посмотрела на незнакомца, и на ее губах появилась пугливая улыбка. Затем лицо ее посветлело и она сказала:

— Добрый вечер!

Рокоссовский протянул руку. И маленькая ладонь, на которой он почувствовал грубые мозоли, спряталась в его большой руке.

* Ты идешь горою, ты идешь горою, а я долиной. Ты зацветешь розой, ты зацветешь розой, а я калиной (польск.).

- Пан ест наш, пан уцека с неволи?
- Серые глаза девочки смотрели на него доверчиво.
- А как паненочку зовут?
- Стася. А пана?
- Константы, — ответил Рокоссовский.

Девочка рассказала ему, что два сына хозяина воюют на фронте и что они со старшей сестрой уже около двух лет работают от темна до темна на хозяина за кусок хлеба. Теперь они думают, как отсюда выбраться, но не знают, как это сделать.

Пообещав девочке помощь и попрощавшись с ней, Рокоссовский зашел к себе в комнату, поднял на ноги генералов, отвечавших за освобождение людей из немецкой неволи, и приказал немедленно разобраться во всей округе с людьми, которые до сих пор находятся в фашистском рабстве, и отправить их домой, на родину.

Всю ночь ворочался во сне Рокоссовский: то не выходила из головы судьба той польской девочки, так рано познавшей унижительный труд, то он думал о предстоявшей встрече с Абакумовым и не мог догадаться, зачем он ему понадобился, то его тревожили мысли о судьбе Белозерова, который как в воду канул.

2

День для Рокоссовского, казалось, начался обычно, как и многие другие: зарядка, завтрак, уточнение обстановки, отдачи распоряжений — все это действовало, как хорошо отлаженный механизм, несмотря на то, что боевые действия были прекращены.

В поведении маршала сегодня ничего особенного не бросалось в глаза. Но если бы наблюдатель обратил внимание на его лицо, глаза, он бы обязательно заметил, что они с утра были усталыми, он бы не увидел привычной добродушной и мягкой улыбки, способной растопить самые черствые сердца. Причина такого настроения лежала на поверхности — ему не хотелось встречаться с начальником Главного управления контрразведки. Это вольно или невольно ворожило воспоминания о годах репрессий, о которых он не мог думать без содрогания.

Ровно в десять утра Рокоссовский сидел за столом и рассматривал многочисленные документы. Его маршальский мундир был безукоризненно подогнан и отутюжен.

Когда зашел генерал Абакумов, он, изменив своей привычке, не вышел из-за стола, а просто встал, протянул руку и кивнул на стул:

- Прошу садиться.
- Спасибо, — промолвил могучий шеф особых отделов. Он повел крутыми плечами и опустился на стул.
- Чем могу служить? — проговорил Рокоссовский, захлопывая папку с документами.
- Прежде чем приступить к делу, ради которого я приехал, я хотел бы, чтобы вы, товарищ маршал, не обижались на меня за тот разговор, произошедший между нами в 1939 году. — Абакумов скупно улыбнулся.

- А вы разве его не забыли, Виктор Семенович?
- Нет, не забыл, Константин Константинович.
- Я на вас зла не держу, — лаконично произнес Рокоссовский. — Что было, то быльем поросло. Я на эту тему говорить не люблю.

- Я об этом знаю.
- Вот и хорошо, — тень улыбки пробежала по лицу маршала.
- А теперь обратимся к тому, что привело меня к вам. — Абакумов достал из кожаного портфеля папку и раскрыл ее на приставном столике. — У контрразведки не так давно появилось необычное дело. Я пришел к выводу, что без вашего участия заниматься им пока не следует. — Он не сразу раскрывал карты и упивался тем, что может поставить маршала в щекотливое положение. Затем, устремив взор на Рокоссовского, сказал: — Вы хорошо знаете Андрея Белозерова?

— Да, это мой лучший друг, — ответил маршал, откинувшись на спинку стула. — С ним что-то случилось?

— Когда войска вашего фронта освободили военнопленных лагеря «Сталаг», — внушительно говорил Абакумов, — то среди американских и английских офицеров почему-то оказался и Андрей Белозеров.

- Как он туда попал? — вырвалось у Рокоссовского.
- Для нас это загадка, и мы ею занимаемся, — с довольным видом сказал Абакумов, — По версии Белозерова, его немцы взяли в плен в бессознательном состоянии.
- Когда? — маршал напряженно посмотрел на генерала.
- Как он утверждает, это было в Белоруссии, в деревне Пятый Бор, в мае 1944 года во время блокады.
- Как его здоровье? — спросил Рокоссовский.

— У него были перебиты обе ноги, но немцы, видимо, неплохо за ним ухаживали, и он теперь чувствует себя вполне прилично.

— Андрей для меня больше, чем друг, — задумчиво сказал Рокоссовский. Он посмотрел на генерала, словно изучая, чего от него можно ждать, и заинтересованно спросил: — Виктор Семенович, что вы еще можете сказать о Белозерове?

Генерал всем видом показывал, что он доволен тем, что добился расположения маршала и ведет с ним разговор на равных. До встречи с ним он не был уверен, что этот знаменитый теперь полководец, пользовавшийся уважением самого Сталина, не пошлет его подальше за все прошлые мучения, к которым он тоже причастен.

— Об этом человеке нам известно все, начиная с того, как он воевал в Гражданскую, как сидел в тюрьме, какие давал показания на вас, как попал в штрафной батальон, — словом, мы изучили его дело досконально.

— Курите? — уточнил Рокоссовский, прикуривая.

— Спасибо. — Абакумов взял из протянутого портсигара папиросу, прикурил и с удовольствием затянулся. — У нас насчет Белозерова очень много сомнений и подозрений.

— В чем вы сомневаетесь? — спросил маршал, выпустив дым в сторону окна.

— Он ведет себя как человек, — который намеренно что-то скрывает, — весомо ответил Абакумов. — Но у нас этот номер не пройдет. Не хвастаясь, могу сказать, что пока такое еще никому не удавалось.

Рокоссовский, сам того не желая, вспомнил некоторые яркие эпизоды допросов в тюрьмах НКВД. Ему хотелось встать из-за стола, подойти к этому наглому верзиле и залепить пощечину. Но он взял себя в руки и, избегая колючего взгляда генерала, спокойно спросил:

— И все-таки в чем вы сомневаетесь?

— Мы подозреваем, что он сдался в плен добровольно, а за это полагается по нашим законам до десяти лет, — говорил убежденно Абакумов. — Мы не можем понять, почему он сидел в лагере вместе с офицерами наших так называемых союзников. Мы не понимаем, зачем ему понадобилось изучать английский язык, которым он овладел в совершенстве. У нас есть и другие вопросы, но они являются второстепенными.

— А наши пленные сидели вместе с ним?

— Да, около десятка человек.

— Они тоже под подозрением?

— Да, все до единого.

— Андрей Белозеров сам признался, что он советский офицер?

— Да, сам. Англичане и американцы уговаривали его остаться с ними, но он настоял, чтобы его забрали наши.

— Что вы намерены с ним делать? — пристально посмотрел на Абакумова Рокоссовский.

— Перед нами поставлена четкая задача нашей партией и государством, и мы ее будем выполнять, — заявил Абакумов. — Не зря же нашу организацию называют «СМЕРШ». Нам видится, что дело Белозерова не лишено перспектив.

Эти слова генерала резанули по сердцу маршала, словно ножом. «Неужели снова будет дан ход «перспективным» делам?» — с горечью подумал он, не зная, что предпринять для спасения друга.

Но по мере определения опасности, которая снова нависла над Андреем, он неумолимо двигался к убеждению: во что бы то ни стало он обязан спасти Белозерова. И если его снова запрячут в тюрьму, а, судя по всему, особистам это не составит большого труда, то жизнь его, Рокоссовского, до конца дней будет омрачена.

— Виктор Семенович, — сказал он, переступая через самого себя. — Я уверен, что Белозеров ни в чем не виноват. — Рокоссовский некоторое время помолчал. — Вы не могли бы отпустить его под поручительство? Я готов написать любой документ, где будет сказано, что отвечаю за него, как за самого себя.

— Константин Константинович, я за этим и приехал, — произнес Абакумов, улыбнувшись. — Вы меня простили, скажем так, за недоразумение 39-го года, а я вам делаю другую услугу — под вашу ответственность отпускаю на все четыре стороны вашего друга Андрея Белозерова.

— Спасибо, Виктор Семенович.

— И вам спасибо, что сняли у меня камень с сердца, — произнес Абакумов, в душе торжествуя, что хоть таким способом он одержал верх над Рокоссовским. Он уже давно спал и видел себя на самом верху служебной пирамиды НКВД. Он считал, что лучше его кандидатуры не найти. На этом пути у него не должно быть никаких подводных камней. Эпизод с Рокоссовским мог случайно всплыть при назначении на этот высокий пост.

— Где я могу найти Белозерова?

— Он теперь находится в областном центре, в тюрьме города Молодечно.

— Вы его отпустите на свободу?

— Нет, мы обязаны соблюсти небольшие формальности, — сказал Абакумов, пряча папку в портфель. — Вы должны забрать его сами. Все распоряжения на этот счет соответствующим органам будут выданы.

— Ладно, я подумаю, как это лучше сделать, — произнес Рокоссовский, вставая. — Желательно, чтобы он был в курсе дела нашего уговора.

— Не сомневайтесь, я сегодня переговорю с ним по телефону.

Когда Абакумов уехал, Рокоссовский постоял во дворе несколько минут, стараясь собраться с мыслями и переключиться на свою обычную работу. Он достал папиросу, закурил и жадно затянулся.

По небу прокатился гром, точно где-то начиналась артподготовка. Маршал поднял голову. Над вершинами елей вставала серая дождевая туча. Она тихонько надвигалась на поля и заявляла о себе длинными раскатами грома. Ветер дохнул влагой. Ощувив капли дождя, Рокоссовский зашел в дом.

3

8 мая 1945 года был подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции немецко-фашистских вооруженных сил. Это известие застало Рокоссовского ночью в Щецине. Улицы были озарены ярким светом. В подразделениях, размещенных в городе, не стихала стрельба, слышались песни, крики «ур-ра». Сначала все эти счастливые мгновения захватили и командующего фронтом, но вскоре пришло отрезвление — немолчная трескотня выстрелов к добру не приведет. Он вызвал командиров и дал распоряжение прекратить стихийный салют в городе. Маршал дал телеграммы командармам, где требовал навести порядок и не допускать расхлябанности, что может привести к небоевым потерям.

В эту ночь Рокоссовский спал очень мало. Возможно, этот день, после выхода из тюрьмы, был вторым самым счастливым днем в его жизни.

Как долго тянулось, а вместе с тем, как быстро летело военное время. Все четыре года запечатлелись в памяти как длинный кошмарный сон. Теперь ему казалось, что все операции в этой войне, сражения, бои не имели конца, а только одно непрерывное начало.

Вероятно, и его вклад в победу не останется в тени. Война принесла ему славу, награды. Но ведь он к ним не стремился, а

упорно трудился, ничего не требуя и не ожидая, хотя и был уверен, что он не лишен таланта и мастерства в управлении войсками. Он пальцем не двинул, чтобы проложить себе путь к известности. А то, что она явилась к нему сама и бросилась в объятья, то, видимо, дар судьбы.

Многое передумал в эту первую победную ночь Рокоссовский, и только под утро ему удалось крепко уснуть.

Пора кровавых битв прошла, и наступило время торжественных встреч и приемов. Командующий 21-й армейской группой британский фельдмаршал Монтгомери*, которому английский король даровал титул Алонейского в честь победы под Аль-Аламейном в Египте осенью 1942 года, пригласил маршала Рокоссовского посетить его штаб-квартиру в Висморе.

Кортеж командующего фронтом при въезде в город был встречен британскими офицерами. У входа в резиденцию, к которой вели дорожки, тщательно посыпанные желтым песком, стоял среднего роста, в военной форме спортивного покроя, пожилой, сухопарый военный. Это был фельдмаршал Монтгомери.

Ему навстречу, в наглаженных брюках и начищенных до блеска сапогах, в кителе, на котором отсутствовали его многочисленные награды, уверенным шагом шел рослый и статный маршал Рокоссовский.

Военачальники, улыбаясь, обменялись крепкими рукопожатиями и комплиментами, положенными в таких случаях. Эта была первая встреча командующих двух союзных армий, соединившихся в центре Германии после совместной борьбы с фашизмом.

Все было чин по чину: почетный караул, орудейный салют, журналисты и многочисленные фоторепортеры.

Монтгомери оказался умным собеседником и интересным человеком. Рокоссовский тоже понравился фельдмаршалу. Он очень душевно отзывался о нем в своих мемуарах.

Встреча прошла непринужденно и весело. От фотокорреспондентов не было отбоя. Особенно вертелась вокруг маршала одна красивая женщина лет тридцати по фамилии Митци Прайс. Через переводчика она охотно рассказала, что ее жених, капитан британской армии, погиб в Африке в 1941 году и что он был очень похож на маршала Рокоссовского. Когда она его сегодня увидела, то даже испугалась — не жених ли явился с того света в образе прославленного советского маршала. Эта высокая, стройная, с пронзительными черными глазами женщина не отходила от него ни на шаг.

В конце приема, когда гости расслабились и повеселели, Монтгомери пригласил гостей в залу, где играл военный оркестр. Улыбаясь, он подошел к музыкантам, что-то сказал им, и волшебная мелодия вальса Штрауса «Сказки Венского леса» наполнила залу, улетела через открытое окно в целиком сохранившийся парк.

— Ну что, мужики, — обратился к своим генералам маршал, — посмотрите, сколько здесь красивых дам, выбирайте любую и танцуйте.

— Рады бы, да ноги кривые, — ответил за всех подвижный и юркий Батов. — Нам бы что-нибудь попроще, мы бы тогда показали класс.

Английские офицеры и генералы со своими дамами, похоже, в основном с представительницами прессы, закружились в вихре вальса.

Монтгомери изысканно-вежливо взял под ручку Прайс, подвел ее к Рокоссовскому.

— Этот вальс, господин маршал, исполняется в вашу честь. Госпожа Прайс стесняется пригласить вас на танец сама. Будьте любезны, танцуйте, пожалуйста.

На удивление, Рокоссовский оказался искусным танцором. Элегантно поддерживая за талию свою улыбающуюся партнершу, он выделял такие па, отдельные движения, что гости одобрительно зашумели.

— Во дает командующий, во дает, — переговаривались между собой стоявшие в углу наши генералы.

А маршал Рокоссовский впервые за многие годы, вспомнив свой юношеский задор и время, когда на него обращали внимание красивые польские паненки, самозабвенно кружился в танце, на мгновение забыв обо всем на свете. Он прислушивался к чарующей музыке Штрауса, и ему казалось, что в предвечернем лесу раздается звон птиц, в его ветвях играют блики солнца, аромат цветов и трав пьянит его сердце каким-то неизъяснимым блаженством.

Когда оркестр перестал играть, отовсюду раздались аплодисменты. Рокоссовский только сейчас заметил, что в танцевальном круге оставались только две пары — он с Митци Прайс и Монтгомери со своей дамой, которые в конце танца пришли на помощь своему гостю.

Рокоссовский подвел свою даму к фельдмаршалу, поцеловал ей руку и, улыбаясь, сказал:

— Спасибо, госпожа Прайс, вы очень хорошо танцуете.

Фоторепортер, взглянув на маршала, смущенно проговорила:

— Этот танец останется со мной на всю жизнь. Поверьте мне, господин маршал, я его никогда не забуду. — Она подняла на него глаза. — Завтра я улетаю в Лондон, и через день-два во всех влиятельных газетах и журналах Англии будет напечатан портрет самого красивого маршала, принимавшего участие во Второй мировой войне. Это будет портрет маршала Рокоссовского.

— Неужто так? — поднял брови покрасневший Рокоссовский. — Хотя, это все знают, творческим людям свойственно преувеличение.

— Я не преувеличиваю, — мило улыбнулась Прайс и, повернувшись к Монтгомери, сказала: — Надеюсь, Бернард не станет на меня обижаться?

— За что?

— За мое мнение о маршалах.

— Нет, нет, что вы? Это суцая правда, — рассмеялся Монтгомери.

На прощание Рокоссовский пригласил англичан нанести ему официальный визит, и Монтгомери приглашение принял.

У входа в здание, где состоялась встреча, развевались флаги СССР, США и Великобритании. Машину фельдмаршала ожидал эскорт из гвардейцев-кавалеристов. Когда машины подъехали к штаб-квартире Рокоссовского, оркестр исполнил национальный гимн Великобритании. Продемонстрировал свою строевую выправку почетный караул.

После официальной части Рокоссовский и фельдмаршал заняли почетные места во главе огромного стола.

— Я предлагаю, — поднялся хозяин застолья, — поднять бокалы за руководителей наших государств, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, — за Сталина, Черчилля и Рузвельта.

Гости поддержали этот тост. Ответная речь Монтгомери не была такой официальной.

— Мы начали наш путь с разных сторон Европы, — сказал он. — Мы огнем пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищен до глубины души. С началом этой большой войны англичане, прожи-

вающие на своих островах, все время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имен, которые я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нем не объявляли по радио, я бы все равно видел его славный путь по салютам в Москве. Я сам пробил себе дорогу через Африку, был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского.

Англичане были в восторге от обильного стола, за которым они провели несколько часов, от концерта художественной самодеятельности. Тепло распрощавшись, они уехали поздно ночью.

Глава вторая

1

До отбытия в Москву Рокоссовский решил осмотреть логово фашистской Германии — Берлин. Он нашел Жукова, который переезжал с одного места в другое, поздравил его с Победой. Члена Военного совета 1-го Белорусского фронта Телегина он так и не смог найти. Говорили, что он выполняет какое-то важное поручение Жукова и занят неотложными делами.

В полуразрушенном здании почти в самом центре города он нашел командарма Чуйкова. Тот познакомил его с ходом операции по взятию Берлина.

— Радость победы стоит рядом с горечью потерь, — посетовал Чуйков. — Мы надеялись, что все будет по-другому. Ваш замысел операций отличался от того, что мы осуществили.

Рокоссовский удивленно посмотрел на командарма.

— На Зееловских высотах*, — нахмурил мохнатые брови Чуйков, — полегло не три и не четыре сотни тысяч солдат, а гораздо больше.

— Василий Иванович, дорогой мой, ведь было же известно, что на Зееловских высотах гитлеровцы изменили принцип построения своей обороны, — сказал маршал. — Раньше они основные силы располагали на первой оборонительной полосе, вторая и третья полосы, хотя и готовились в глубине, но не всегда занимались войсками вторых и третьих эшелонов. — Рокоссовский закурил и оживленно продолжал: — Резервы тоже, как правило, не занимали рубежи обороны, а находились в ближнем тылу, в готовности к контратакам. На Зееловских высотах, как показав-

ла разведка и аэрофотоснимки, еще тогда, когда я командовал фронтом, противник выстроил оборону по-новому. Как мы убедились, он занимал не только первую и третью полосы, расположив там пехоту, танки и артиллерию, но он имел там и сильные резервы.

— Это мы знали, — вздохнул Чуйков.

— Так в чем же дело? — Рокоссовский перевел взгляд на генерала. — Первый Белорусский фронт имел превосходство над противником по личному составу в два с половиной раза, по орудиям и минометам — почти в четыре раза, по танкам — чуть ли не в пять раз, по самолетам — больше чем в два раза. Вы же имели плотность артиллерии на километр фронта такую, что нам не снилось ни под Сталинградом, ни в операции «Багратион».

— Да, имели, — согласился Чуйков.

— А почему такие громадные потери?

— Причин тут несколько, — пояснил Чуйков. — Во-первых, апрель — пора бурного разлива рек. Долина Одера от главного русла до Зееловских высот шириной в 10–15 километров была изрезана каналами, а над ней возвышались высоты. С них противник просматривал весь плацдарм.

— А где же артиллерия и авиация? — воскликнул Рокоссовский. — Ведь ты помнишь, Василий Иванович, на сильно укрепленном плацдарме в междуречье Вислы и Нарева, в так называемом модлинском треугольнике, мы нашли выход и не стали атаковать его в лоб.

— Но с каким скандалом?

— Да, но сколько мы спасли от верной гибели людей? — произнес Рокоссовский, затянувшись папиросой. Он встал, подошел к Чуйкову, надел фуражку, надвинул ее до самых бровей.

— Василий Иванович, будь другом, дай мне провожатого офицера, который мало-мальски знает Берлин.

— Хорошо, — сказал Чуйков. — Но без обеда я вас не отпущу.

Погода была ясная, но пыльно-дымные облака, поднявшиеся над городом, закрывали солнце, похожее на диск луны, печально обзирающий землю.

«Джип», в котором ехали маршал и сопровождающие его офицеры, с большим трудом продвигался по улице Унтер-ден-Линден. Вся она была завалена обломками стен. Горы битого кирпича загромождали дорогу.

Наконец они добрались до бывшей канцелярии фюрера. Вокруг лежали рухнувшие здания, груды металла и железобетона. К самому входу в канцелярию машина не дошла, и до него пришлось добираться пешком.

На каждом шагу стояли советские патрули, предупредительные передававшие маршала по эстафете. «Рокоссовский! Рокоссовский!» — сдержанно звучало от одного патруля к другому вплоть до парадного входа.

От парадного входа остались только стены, изрешеченные многочисленными осколками, зияющие пробоинами от снарядов. Громадные окна чернели пустотами. Здание канцелярии произвело на маршала странное впечатление. «Вероятно, замысел архитекторов сводился прежде всего к тому, — подумал Рокоссовский, — чтобы у человека, который к этому зданию приближался, появилось чувство страха и какой-то демонической силы. Оно похоже на гигантскую древнюю гробницу».

Рокоссовский с каким-то внутренним холодком прошелся по залам канцелярии, которые использовались Гитлером для собраний и разного рода церемоний. Он еще обратил внимание на то, что зал был разрушен не слишком сильно.

Рокоссовского провели в нижнюю часть канцелярии, которая уходила под землю на несколько этажей.

Сопровождавший офицер показал маршалу развалины запасной электростанции.

— Весь Берлин могла поглотить тьма, а здесь всю горел бы свет.

Осмотр произвел на Рокоссовского мрачное, тягостное впечатление. Маршала провели на участок, где когда-то стоял дом Геббельсов, а теперь остались одни развалины. Здесь были обнаружены трупы шестерых детей, самого Геббельса и его жены. Рокоссовский, окинув грустным взглядом развалины, сказал:

— В истории немного таких преступлений, которые по глубине маразма и жестокости могут сравниться с тем, что натворили эти фашистские убийцы. — Он закурил и после некоторого молчания добавил: — Геннадий, поехали в аэропорт. Грустно на все это смотреть.

2

Прилетев на самолете в Литву, Рокоссовский пересел на машину и по шоссе Вильнюс — Минск направился в город Молодечно.

Уже около месяца в Белоруссии не было дождей, и середина

мая оказалась на редкость знойной. Пожелтели и не шли в рост хлеба; побурела, будто ее покрыли охрой, трава.

Тюрьма стояла чуть на отшибе, ближе к лесу, в километре от большака.

Машина остановилась у трехэтажного каменного здания с железными решетками на окнах. Этот серый домина с почерневшей крышей был обнесен высоким забором из колючей проволоки. По углам стояли сторожевые вышки.

У входа в тюрьму маршала встретили начальник военного гарнизона, на машине которого он приехал, начальник областного управления НКВД, главный тюремный начальник (по просьбе Рокоссовского местные партийные и советские органы о его приезде извещены не были).

В кабинете начальника тюрьмы на столе появились бутерброды, чай, сахар, но Рокоссовский к еде не притронулся. Не чаи распивать он сюда приехал — дорога каждая минута. Завтра вечером самолет вылетает из Минска в Москву. На днях правительство собирает командующих фронтами.

Начальник НКВД оказался бывшим партизаном, хорошо знал местные условия и сочувственно относился к Белозерову. Но расследование проводили особисты.

Из разговора Рокоссовский уяснил, что в мае 1944 года немцы решили обезопасить свои тылы и организовали мощную чистку партизанских районов, привлекая для этого армейские части, танки, артиллерию, самолеты.

Многие партизанские отряды приняли решение: разбиться на мелкие группы и, по возможности, уклоняться от боев до окончания блокады. Группе партизан из шести человек удалось лавировать между гитлеровскими гарнизонами и ускользать от противника. Но под конец блокады партизан высмотрел фашистский пособник и навел на них карателей. В результате скоротечного боя трое партизан были убиты, двум удалось уйти, а раненого Андрея Белозерова фашисты взяли в плен.

— Законы наши суровы, — заключил начальник НКВД. — За сдачу в плен причитается до десяти лет.

— А где находятся те, кому удалось спастись? — спросил Рокоссовский.

— Бывший начальник отряда Муц работает у нас начальником отдела образования, а Казимир Волк — в Радошковичах директором школы.

— Андрей с ними встречался? — уточнил маршал.

— Да, встречался, — ответил начальник НКВД. — Они ему ничем помочь не могут — Белозеров был пленен без свидетелей.

— Я его забираю с собой, — сказал Рокоссовский. — Документы готовы?

— Пожалуйста, распишитесь, — произнес начальник тюрьмы, положив перед маршалом бумаги.

После оформления документов Рокоссовский попросил привести к нему Белозерова.

— Есть, — проговорил начальник тюрьмы и, странно ухмыльнувшись, вышел. Маршалу показалось, что он хотел что-то сказать, но потом передумал.

Вскоре, припадая на правую ногу, в кабинет вошел Белозеров. Худой, в помятом солдатском обмундировании, со свинцовым лицом и лихорадочным блеском в глазах, он выглядел, как человек, держащийся только на нервах и готовый взорваться в любую секунду.

— Андрей! — Рокоссовский вышел ему навстречу и обнял за плечи.

Белозеров, сжав губы, стоял совершенно неподвижно и, к удивлению маршала, никаких эмоций не выказал.

— Что с тобой? Ты что такой ершистый? — спросил Рокоссовский, пожимая обе его руки. Он с недоумением посмотрел узнику в глаза. — Андрей, ты не рад нашей встрече?

— Не надо, маршал, не надо, — хриплым голосом сказал Белозеров. — Дайте команду, пусть вернут меня в камеру.

— Ты что, Андрей, белены объелся? — опешил Рокоссовский. Он впился взглядом в лицо друга. Маршала поразили его глаза — одно бездонное горе, одна боль, одно отчаяние, ни капли надежды, ни искры радости.

— Я прошу оставить нас одних, — сказал Рокоссовский и усадил Белозерова на стул. Когда они остались одни, Рокоссовский подвинул свой стул и сел напротив.

— Андрюша, дорогой, что случилось?

— Тюрьма — мое пристанище. Я хочу сдохнуть здесь! — Глаза Белозерова блестели, на щеках появился нездоровый румянец. — Жалею, что меня не добились фашисты... Написали бы «пал смертью храбрых». Хотя писать некому... Но все равно было бы приличней...

Многое еще наговорил Белозеров, но Рокоссовский терпеливо слушал его и не перебивал. Он знал, что после этого ему станет легче.

— Тысячи людей попали в плен не по своей воле, — продолжал говорить Белозеров, и его голос дрожал. — Они тоже добывали победу... За это их надо упрятать в каталажку и там добить. — Он со слезами на глазах смотрел на Рокоссовского. — Скажи, Костя, где есть еще такая страна, которая бы так методично уничтожала своих людей? Скажи, где?..

Не дождавшись ответа, Белозеров болезненно улыбнулся и произнес:

— Шаг вправо, шаг влево рассматривать как побег! Меня постоянно будет тянуть в сторону, так как правую ногу мне укоротили. Вот там за побег и закончит русский человек, Андрей Белозеров, свой земной путь... Я уже себя приучил к этой мысли, Костя, и мне не надо другой судьбы.

— У тебя все? — тревожным голосом спросил Рокоссовский.

Образовалась длинная молчаливая пауза.

— Андрей, в тебе накопилось слишком много злобы, — произнес наконец маршал. — Это мешает рассудку.

Рокоссовский потратил более часа, чтобы уговорить Белозерова покинуть тюрьму. Но все равно он категорически отказался ехать с ним в Москву и заявил, что останется здесь, в Белоруссии.

Пока Андрей переодевался в костюм, который по просьбе маршала где-то купил начальник военного гарнизона, Рокоссовский и представитель НКВД посетили бывшего начальника отряда Муца. Он при них подписал приказ: Белозерова Андрея Николаевича назначить преподавателем немецкого языка в среднюю школу г. Радошковичи.

Этот небольшой старинный городок находился на большаке на самой середине между Молодечно и Минском. На машине предстояло проехать чуть больше тридцати километров. Уже солнце собиралось уйти за горизонт, когда машина вышла из города. Березы, стеной стоявшие по обочинам, прикрывали дорогу тенью и создавали прохладу. После городской жары здесь легче дышалось. Они одну за другой обгоняли тарахтевшие по дороге телеги, на которых сидели женщины и пожилые мужчины. Подъезжая к селу Красное, они увидели несколько десятков женщин с косами на плечах. Чтобы не поднимать пыль, машина сбавила скорость. Женщины шли босиком и пели песню, мелодичную, на тягучий, берущий за душу лад. Что-то надрывно-печальное слышалось в их голосах, отчего у Рокоссовского заныло сердце.

— Белорусский народ настрадался от войны больше всех, — сказал Белозеров.

— Да и прошлые войны не обходили его стороной, — охотно поддержал его Рокоссовский. У него появилась надежда, что его друг постепенно начал приходить в себя.

— Смерть здесь поработала усердно, переходя из дома в дом, — вновь заговорил Белозеров. — Напировавшись в одном селе, она шла в соседнее. Почти нет домов ни в селе, ни в городе, которые бы она не опустошила.

Когда машина проскочила поворот на деревню Лоси, Белозеров рассказал маршалу о партизане Жуковском, мечтавшем воевать с фашистами под знаменами армий Рокоссовского.

Вскоре машина повернула влево. Перед заходом солнца Радошковиичи открылись сначала новыми деревянными домами, а затем старыми, вросшими в землю жилищами, помнившими не только Первую мировую войну, но и войска Наполеона. Два ряда изб глядели маленькими окнами друг на дружку так, словно это им давным-давно надоело.

На небольшой площади машина остановилась. Белозеров пошел уточнить, где проживает директор школы, а маршал, открыв дверцу, щелкнул портсигаром, закурил. Увидев военного с большой звездой на погонах, его обступили прохожие. А когда уточнили, что это сам Рокоссовский, расспросам не было конца. К нему протиснулся библейского вида старик.

— Сынок, кажуть, что ты маршал Рокоссовский.

— Точно, дедуля, на самом деле так, — улыбнулся он. — Закурите?

— Не откажусь, — произнес старик, протягивая руку к портсигару. — Скажи мне, скоро наши хлопцы придуть з вайны?

— Скоро, дедуля, скоро, — сказал Рокоссовский, взглянув на подошедшего Белозерова. Он протянул руку старику. — Всего вам хорошего.

Машина проехала мост, вскоре повернула направо и мимо полуразрушенного белокаменного костела, из окон которого торчала потемневшая солома, спустилась вниз и подошла к дому, стоявшему в окружении деревьев.

Пассажиры вышли из машины, постояли минуту-другую, оглядевшись по сторонам. Правее дома, упираясь в длинный обитый досками сарай, тянулся огород с яблоневым садом. Слева к реке, поросшей ивняком, спускалась тропа. По ней, оживленно разговаривая на своем языке, поднимались к дому гуси.

В просвете деревьев полыхал закат.

Из сеней вышел высокий, светловолосый мужчина, одетый по-деревенски. Он присмотрелся к приезжим.

— Андрей, ты? — услышали незваные гости радостный голос.

— Да, Казимир, это я! — сказал Белозеров, распахнув объятия.

Рокоссовский познакомился с хозяином, рассказал ему о цели их приезда и, убедившись, что Андрей в надежных руках, собрался уезжать в Минск. Но Казимир Викторович Волк, директор здешней средней школы, не мог допустить, чтобы маршал уезжал, не побывав у него в гостях. Это могло нанести большую обиду хозяину, и Рокоссовский вынужден был согласиться переночевать.

Не прошло и двух часов, как был накрыт деревенский стол. Дымящаяся белая картошка, гусятина, сало, соленые огурцы, маринованные грибы — все это источало такой необычный аромат, что гости не могли дожидаться, когда же их усадят за стол.

Лицо Казимира победно сияло от радости, когда он колдовал вокруг стола. Жена с детьми уехала в деревню к родственникам, и он делал все сам.

— Прошу за стол, дорогие гости, — сказал Волк, зашел в кладовку, принес оттуда две бутылки самогона, поставил их на стол и, смутившись, произнес: — Товарищ маршал, извините, другого у нас ничего не водится.

— И это роскошь, — рассмеялся Рокоссовский, вслед за Белозеровым садясь за стол.

Директору школы было лестно, что он, простой деревенский интеллигент, бывший партизан, встречает знаменитого на всю страну гостя. Он гордился и не скрывал этого ни от самого гостя, ни от своего друга Белозерова. Он с радостью встретил весть, что Андрей назначен в его школу учителем, еще больше ликова-ла его душа за то, что Белозерова выручил Рокоссовский и тот избежал несправедливого наказания.

Вначале разговор за столом не очень клеился. Казимир время от времени поглядывал на большие звезды маршала, и видно было, что он чувствует себя скованно. Заметив это, Рокоссовский повесил китель на спинку стула.

— Казимир Викторович, пусть вас эти звезды не смущают — за столом мы все равны.

Мало-помалу хозяин дома разговорился, и оказалось, что у него есть своя точка зрения на многие вопросы.

Белозеров с интересом слушал полемику своих друзей и, когда возник спор о немецкой нации, не вмешиваясь в разговор, он принял сторону Рокоссовского, хотя аргументы хозяина дома тоже были весомыми.

— Мы должны отделить немецкую нацию от Гитлера, Геббельса и ему подобных, — говорил Рокоссовский.

— Каждый взрослый немец несет ответственность за газовые камеры, рвы, набитые детьми, стариками и женщинами, — возражал ему Казимир, — за все, что вытворяли фашисты на оккупированных землях.

— Гитлер и его верхушка — не нация, — сказал маршал. — Мы это обязаны понимать.

— Я не могу с этим согласиться, — говорил Волк. — Гитлер не с неба свалился. Его произвела на свет сама нация. «Немецкая раса занимает высшую ступеньку в мире. Это особая раса». Немцы этому аплодировали. От этого идеологического варева у них не было расстройства желудка. Вожди-убийцы не появляются на свет, если нет для них хорошей питательной среды.

— Казимир, выходит, вы против народа?

— То, что из человеческой кожи делали дамские сумочки, а из человеческих трупов варили мыло — народ здесь ни при чем? Он что — безгрешен? — Глубоко упрятанные глаза Казимира блестели. — Я понимаю, люди неодинаковы — одни являются носителями добра, другие зла.

— Вот в этом я с вами согласен, — произнес Рокоссовский, потупив окурок. — Что-то наш философ сегодня молчит?

— Отхожу от немецкого лагеря и своей родной тюрьмы, — сказал Белозеров. — Собираюсь с мыслями. Ведь мне придется начинать жизнь заново.

Ужин и горячие споры подошли к концу. Хозяин увел маршала на отдых, а Белозеров остался за столом один. Он смотрел прямо перед собой и думал о том, как повезло ему в жизни, что у него есть такой преданный друг. От избытка чувств ему хотелось воскликнуть: «Спасибо тебе, Костя, за терпение, простоту и мудрость!» Но он промолчал, докурив папиросу, вылез из-за стола и вышел во двор. Со стороны реки дул влажный свежий ветерок. На темно-голубом небе золотой россыпью блестели звезды.

Спал Рокоссовский на старинной деревянной кровати в комнате, выходившей двумя окнами на речку.

Необычный душевный прием, простой и непринужденный разговор в самой глубинке Белоруссии навел его на воспоминания о далеких 30-х годах, когда он командовал дивизией в Белорусском военном округе. Здесь, на старой границе, которая проходила в нескольких сотнях метров от Радошкович, командир корпуса Тимошенко, он, командир полка Жуков неоднократно проводили штабные и полевые учения. Он часто наблюдал за этим крошечным городком и никогда не предполагал, что его сюда занесет судьба и он оставит здесь на постоянное жительство своего друга Андрея Белозерова.

Сквозь занавешенные марлей окна доносилась ночная прохлада, с ней — долгие соловьиные песни.

Утром, тепло распрощавшись с Казимиром и Андреем, Рокоссовский вызвал машину, находившуюся у родственников директора школы, и направился в Минск. На окраине города он вышел из машины. Над полями поднималось солнце, теплый ветер снова гнал по дороге легкую пыль. Над головой, купаясь в воздухе, пели жаворонки. Выйдя на взгорок, он остановился, посмотрел на кладбище, где среди верхушек деревьев золотился купол церкви. Перед ним, на старой границе*, открылась заросшая кустарником контрольно-следовая полоса, а правее, в ложбине вдоль реки, разноцветными пятнами копошились люди. Пахло свежим сеном; где-то заливисто лаяла собака; в кладбищенских деревьях кричали грачи.

3

Внезапно, во второй половине мая Рокоссовский после продолжительного отсутствия появился дома, и то лишь для того, чтобы оставить свой единственный походный чемодан, с которым он вернулся с фронта, и переодеться в парадную форму.

Юлия Петровна была до того счастлива, что не находила себе места. Вместе с адъютантом она готовила мужу маршальскую форму, которую увидела на нем впервые, и не знала, какими словами выразить переполнявшие ее чувства.

Она расспрашивала мужа о всяких мелочах, ставивших его в тупик и заставлявших постоянно улыбаться. Опустив глаза, он ласково-насмешливо следил за суетившейся женой и чувствовал, что она соскучилась по нему и безмерно его любит. Она одевала мужа, ни на минуту не умолкая.

— Ой, Костя, как же тебе идет маршальская форма!.. Я в тебя заново влюбилась... Не стой как монумент, повернись!.. Снимай китель, я разглажу на спине складку... Вот так... Подними рукав!..

24 мая, ровно в 18 часов, Рокоссовский уже был в Кремле, где Калинин ему, Коневу, Жукову, Малиновскому и Толбухину вручил ордена «Победа»*. Вечером он уже находился в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Здесь Правительство устраивало прием в честь командующих войсками Советской Армии.

Много воды утекло с тех пор, как он впервые в 1937 году посетил этот исторический зал во время чрезвычайного 17 съезда Советов Российской Федерации. Ему почему-то вспомнились заседания того съезда. Он четко видел Сталина в окружении своих соратников-подхалимов. Он помнил, как страсти зала разбивались о надменное спокойствие вождя. «Неужели нужны такие глубокие потрясения, как война, чтобы переоценить многие ценности?» — подумал он, расхаживая по залу, где еще было мало народу.

Теперь он был иного мнения о Сталине. Он хорошо изучил его во время войны. Ему показалось, что Сталин резко отличался от того человека, который прятал себя под строгой и суровой маской. Сталин военного времени не чурался героических страниц истории России, был более человечным и внимательным к людям, мог спокойно выслушать мнение других. Рокоссовский сам убедился в том, что он мог принимать не только свои решения, но и утверждать чужие, умел быть любезным и обходительным.

Перебирая в памяти подробности того съезда, Рокоссовский вспомнил Валентину Круглову, их встречу на Брянском фронте. Улыбаясь добродушно-печальной улыбкой, он вспоминал эту женщину, пока в зал валом не повалили военные.

Рокоссовский, оживленный, довольный, улыбающийся, стоял в толпе командующих армиями, с которыми он добывал победу на фронте — их набралось около четырех десятков человек, — и обменивался репликами. Дружеские объятия, рукопожатия, восклицания.

— О, какой молодец! Здоров! Прямо кровь с молоком! С Победой тебя!..

— Помню, товарищ маршал! Помню, как же. Если бы не вы, меня бы заклевали! — восклицал Галанин.

— А здорово вы меня тогда подковырнули, — произнес Попов. — Ох, здорово!

— О чем речь, Степаныч? — спросил Рокоссовский.

— Это когда красавец мужчина, то есть я, просил летчик подавить опорный пункт, название его, убей, не помню.

— Грайфехтгаген, — расхохотался Рокоссовский. — Было, было, ничего не скажу.

— Ну что, хитрец Павел Иванович, война кончилась, теперь кого будешь обманывать?

— Женщин, товарищ маршал, я по ним очень соскучился, — ответил Батов, вызвав всеобщий смех.

— Константин Константинович, мы так и не закончили разговор о берлинской операции, — сказал Чуйков.

— Дорогой Василий Иванович, после драки кулаками не машут. Теперь говорить об этом поздно.

— И все-таки мы к этому вопросу когда-нибудь вернемся.

— Когда-нибудь — да, но только не сейчас.

Отдельные командующие фронтами, заложив руки за спину, ревниво поглядывали на Рокоссовского, окруженного доброжелательным вниманием, и меряли зал короткими шагами, делая вид, что они еще не отошли от фронтовых будней.

В этот торжественный вечер в Георгиевском зале было произнесено много тостов. Дошел черед и до командующих фронтами.

Молотов, которому было поручено произносить тосты, поднял бокал в очередной раз.

— Теперь я предлагаю тост за маршала Рокоссовского, — говорил он, — героя Сталинградской битвы, которая явилась историческим поворотом в нынешней войне, полководца, руководившего операциями в Белоруссии, изгнавшего немцев из Данцига и Штеттина.

Из-за столов, улыбаясь и блестя орденами, к Рокоссовскому потянулась вереница генералов, чтобы высказать ему свою признательность и пожелать здоровья.

Под конец допоздна затянувшегося вечера выступил Сталин.

— Я поднимаю тост за здоровье русского народа... — Сталин говорил о допущенных ошибках. О том, что были моменты отчаянного положения в первые годы войны, когда наша армия отступала, о жертвах, на которые пошел русский народ во имя победы. В заключение произнес: — Спасибо русскому народу за доблесть!

После выступления артистов Рокоссовский с букетом роз направился домой, где, несмотря на поздний час, его ждали жена и дочь.

За праздничным столом они просидели более часа. Заметив, что муж чувствует себя усталым, Юлия Петровна сказала:

— Впереди у нас много времени, еще наговоримся. Отпусти, доченька, отца, видишь, он от усталости валится с ног:

В мае — июне 1945 года памятные события следовали одно за другим. Через неделю после кремлевского приема, 2 июня, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, где за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте в районе Померании и достигнутые в результате этих операций успехи Рокоссовский был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

В этом же месяце его ждала еще одна новость. Через несколько дней после завершения войны Сталин издал приказ — подготовить и провести в Москве Парад Победы.

После завершения подготовительной работы было созвано совещание, на которое пригласили командующих фронтами. Когда был доложен подробный ритуал парада, возник вопрос: кто будет принимать парад и кто будет им командовать?

Все единодушно считали, что, как принято во всех странах, парад должен принимать Верховный Главнокомандующий.

Сталин, пощасывая трубку, ходил по кабинету, слушал выступавших и молчал. Затем подошел к столу, где сидели маршалы, оглядел их и сказал:

— Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную площадь на коне. Я же на коня садился только один раз в своей жизни, и то, когда убегал из ссылки. Я уже стар, чтобы гарцевать на коне.

Многие, в том числе и Рокоссовский, начали возражать:

— Не обязательно только на коне. Верховный Главнокомандующий Президент США Рузвельт парады принимает на машине, а мы чем хуже?

— Рузвельт — другое дело, — усмехнулся Сталин, — у него парализованы ноги. Не будем отклоняться от традиций — на Красную площадь надо выехать на коне.

Отдельные командующие фронтами с ним согласились.

Сталин прошелся, раздумывая, по кабинету, потом подошел к столу и остановился.

— У нас есть старые кавалеристы — Жуков и Рокоссовский — пусть один принимает парад, а другой им командует.

Сводные полки (по тысяче человек от каждого фронта) тренировались на центральном аэродроме. Военные атлеты шили и подгоняли обмундирование.

Для принимающего парад и командующего парадом подобрали коней. Жукову — белого, Рокоссовскому — вороного. Маршалы занимались парадом сами: подбирали знамена, формировали полки, занимались тренировками. За пару дней до парада все было готово.

4

Накануне парада Рокоссовский лег спать поздно, но это не мешало ему подняться с рассветом. Он глянул в окно. О, ужас!

На улице шел дождь. Темным покрывалом затянуло небо и — никакого просвета.

Конечно, никто отменять парад не будет — придется топтать по лужам.

Юлия Петровна и Ада поднялись еще раньше. Они утюжили, чистили до блеска ордена, медали, шпоры, заглядывали в тревожные глаза маршала:

— Папочка, что еще надо сделать?

Они помогли ему одеться в новенькое маршальское обмундирование, и к 8-ми часам утра Рокоссовский уже был на площади, куда стекались полки, танки, артиллерия, заполняя улицу Горького, площадь Революции и Охотный ряд.

В 9.45 на трибунах волна рукоплесканий: на Мавзолей поднимаются руководители страны.

Рокоссовский, как заправский наездник, занимает место для движения навстречу принимающему парад маршалу Жукову. Чем ближе к 10 часам, тем чаще стучит сердце командующего парадом. Рокоссовский ловил себя на мысли, что он редко так волновался даже перед самым сложным сражением.

Кремлевские куранты начинают бой. Ровно с десятым ударом из ворот Спасской башни, уверенно держась на лошади, выезжает Жуков.

Дождь усиливается, но Рокоссовский не ощущает, как он льется за шиворот и оседает каплями на лице.

— Парад, смирно-о! — подает он команду и трогает с места послушного коня, которому передалось волнение седока: уши коня напряженно двигаются.

Солдаты и офицеры, выполнившие свой долг перед Родиной, возвращались с фронта. Не всем повезло, не все вернулись домой. Иные жены напрасно искали своих мужей, старики и старики напрасно высматривали своих сыновей. Все громче и громче звучал по всей стране плач, ибо те, кто встретил своих, тоже неудержимо плакали — от счастья.

Одновременно с демобилизацией и сокращением армии проводилась реорганизация Вооруженных Сил. Советские войска, находившиеся в восточной части Германии, в Австрии, Венгрии, Польше и Румынии, объединялись в группы войск.

Рокоссовский возглавил руководство группой советских войск, дислоцировавшихся на территории Польши. В июле 1945 года вместе с семьей он приехал в штаб группы, размещавшейся в небольшом старинном городке Легнице Вроцлавского воеводства.

После долгих лет испытаний и разлуки наконец вся семья собралась вместе. Юлия Петровна с неистовым рвением принялась создавать домашний уют. По домашнему очагу, который был разрушен еще в мае 1937 года, соскучился и Рокоссовский. Теперь, когда он появлялся дома, у него светлело на душе, радостно билось сердце и добрая ласковая улыбка озаряла лицо.

Ада, которой шел уже двадцатый год, пошла в десятый класс средней школы, чтобы ликвидировать пробелы в образовании, накопившиеся не только за годы войны, но и тогда, когда отец находился в тюрьме. В ней уже просыпалась инстинктивная кокетливость женщины, сознающей свою красоту. Она до щепетильности опрятно одевалась, ухаживала за своей прической, часто меняла ее, искала ту, которая ей к лицу. Неизменной только оставалась темная прядка волос на белом высоком лбу.

Отец по-прежнему любил дочь и неназойливой строгостью, добротой делал так, чтобы ее юность была счастливой и безоблачной, чтобы она радовалась жизни и с оптимизмом смотрела в будущее.

Их дом стоял среди берез, сосен и елей. Из его окон видно было живописное озеро, окруженное лесом. В нем водились рыба и водоплавающие птицы.

Через пару недель после того как Рокоссовские приехали в этот город, в погожий выходной день они расположились на берегу озера для отдыха.

Жуков уже рядом, лицо его застыло в ожидании рапорта.
— Товарищ маршал! Войска действующей армии и Московского гарнизона для Парада Победы построены!

Оба маршала объезжают войска. Потом Жуков поднимается по ступенькам мавзолея, а сводный оркестр исполняет «Славься, русский народ» Глинки.

Жуков во всю мощь своего командирского голоса произносит с трибуны краткую речь, и начинается парад.

Один за другим в том порядке, в каком были расположены фронты с севера на юг, шли и шли по площади сводные полки.

Рокоссовский хорошо помнил их очередность. Первым шел полк Карельского фронта, во главе его — маршал К.А. Мерецков. Следом колонна Ленинградского фронта, которую вел маршал Л.А. Говоров. Далее — полк Прибалтийского фронта, возглавляемый генералом армии И.Х. Баграмяном. Сводный полк 3-го Белорусского фронта вел маршал А.М. Василевский. Против трибуны появился 2-й Белорусский. Маршировал впереди заместитель Рокоссовского генерал-полковник Трубников. Во главе 1-го Белорусского — генерал армии В.Д. Соколовский. Следовала колонна Войска Польского под руководством начальника Генерального штаба В.В. Корчица.

Чеканил шаг полк 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И.С. Коневым, за ним шел 4-й Украинский с генералом армии А.И. Еременко, затем — 2-й Украинский со своим командующим, маршалом Р. Я. Малиновским, и, наконец, 3-й Украинский — маршала Ф.И. Толбухина. Это грандиозное шествие замыкал сводный полк военных моряков, возглавляемый вице-адмиралом В.П. Фадеевым.

Умолкает оркестр. Тишину прерывает тревожная дробь барабанов, и на площади появляется необычная колонна. Двести советских воинов несут двести вражеских знамен, в разное время захваченных в боях с фашистами. Под этими знаменами четыре года назад враги напали на нашу страну, под ними они мечтали маршировать по Красной площади в Москве. Теперь их несут солдаты-победители, несут, склонив к земле, и полотнища со свастикой волочатся по мокрой брусчатке и затем летят к подножью мавзолея.

Вечером в Кремле состоялся прием в честь участников парада. Вновь теплые и восторженные речи. Затем военачальники разъехались, им предстояло выполнять новые служебные обязанности.

Война закончилась, но служба маршала Рокоссовского продолжалась.

Маршал ловил удочкой рыбу; жена сидела рядом и вязала свитер для своего Кости, чтобы у него в прохладную и сырую погоду была в тепле спина и не ныла фронтовая рана; Ада плавала, загорала и читала стихи Есенина, которые она с трудом раздобыла у одного московского букиниста.

Воскресный отдых, как водится, окончился трапезой. Уха «подаурски», приготовленная Рокоссовским, была самым лакомым блюдом. Чувствуя себя в некоторой степени польщенным, маршал выслушивал похвалу за кулинарные способности и своим скромным молчанием завоевывал еще больший авторитет у семьи.

После обеда Рокоссовский и Ада около часа играли в волейбол, а потом уселись в тени под кленом и начали читать вслух Есенина.

Юлия Петровна, ловко орудуя вязальными спицами, исподволь поглядывала на них, и ей казалось, что затянувшаяся осень в ее жизни переходит в весну. Она встала, размяла ноги, села рядом с ними, взяла мужа за руку и долго ее не отпускала.

— Ты жива еще, моя старушка, жив и я; привет, тебе, привет, — прочитала Ада, задумалась и повернулась к отцу. — Вот ты хвастаешься, что вспомнил польский язык и теперь владеешь им свободно.

— А ты в этом сомневаешься?

— Если откровенно, то да.

— Напрасно.

— А ты подкрепи это делом, тогда я окончательно поверю.

— Каким образом?

— Переведи на польский язык строчки Есенина, которые я только что прочитала. — Она несколько раз повторила их наизусть.

— Хочешь меня испытать?

— Да, хочу! — заявила Ада.

Рокоссовский представил себе беспокойную и мудрую рязанскую маму, ее светлый бессмертный образ, что родился в душе беспабашного русского поэта, и строчки на польском языке поились сами собой:

Żylesz jeszcze, biedna stara matka?

I ja żyję, Pozdrowienia się...

— Мама! — воскликнула Ада. — Ты только посмотри на нашего папу! Если бы он не был военным, он бы обязательно стал поэтом.

— Возможно, доченька, — рассмеялась мать, ласково прижавшись к мужу. — Я хранила несколько стихов, которые сочинил в Кяхте наш папа и подарил их мне.

— А где же они, мамочка?

— При обыске забрали.

Неизвестно, когда бы ушли домой Рокоссовские, если бы не начал накрапывать дождик. Они быстро собрали вещи и покинули озеро.

Догадки семьи о том, что Рокоссовский обладал поэтическими способностями, не были случайными. Когда фашисты уничтожили дом под Курском, где проживал командующий Центральным фронтом, вместе с другими личными вещами сгорели в огне и три тетради стихов Рокоссовского. Он не любил вести разговор на эту тему и считал свои увлечения сугубо личным делом.

2

Во второй половине 1945 года в Северной группе войск, созданной из армий 2-го Белорусского фронта, Рокоссовский приступил к перестройке жизни и учебы частей и соединений на мирный лад. Наряду с демобилизацией солдат старшего призывного возраста пришлось менять и организационную структуру армий.

К тому же параллельно надо было оказывать помощь польскому народу в репатриации немецкого населения и в освоении западных земель. Это была не менее важная задача, чем боевая учеба в мирных условиях.

Только в 1945 — 1946 годах воины Северной группы войск освоили 750 тысяч гектаров земли и передали ее польским переселенцам. Солдаты Рокоссовского оказали помощь польским войскам в восстановлении и разминировании автомобильных дорог, железнодорожных путей и мостов.

Командование группы войск активно занималось репатриацией советских граждан, угнанных на принудительные работы в Германию, а также реабилитацией раненых и больных, находившихся на излечении в госпиталях и санаториях.

При Северной группе войск было несколько лечебных учреждений, в том числе санаторий Лендек-Здруй.

Летом 1946 года Ада закончила школу и встал вопрос о ее дальнейшей учебе. На семейном совете, проходившем в бурных дебатах, было принято решение — Ада подает документы в Мос-

ковский пединститут на факультет французского языка. Дочь направлялась в столицу для сдачи экзаменов, вместе с ней уехала и Юлия Петровна. И вновь квартира Рокоссовского опустела.

Маршал вспомнил, что с 1940 года он ни одного дня не отдыхал, хотя больше года тому назад война закончилась, но круговорот мирных дней его так захватил, что думать об отдыхе было некогда. И он решил взять отпуск.

Чтобы не отрываться далеко от дел в группе войск, он уехал в санаторий Лендек-Здруй.

Красота местности, где была расположена здравница, поразила воображение маршала. Она находилась на границе Польши и Чехословакии среди пологих гор, покрытых густым смешанным лесом. Белокаменное здание санатория стояло в центре парка, плавно переходившего в лес, который тянулся на многие километры вплоть до самой горной вершины под лирическим названием «Góra miłosci»*.

В санатории отдыхали и лечились в основном войны бывшего 2-го Белорусского фронта. Санаторий славился всевозможными процедурами, но маршал предпочел плавательный бассейн, просторный, отделанный светло-голубой плиткой, с выпшкой для прыжков и кабинками с горячей и холодной водой.

Многие офицеры, попав в санаторий, пользовались только одной процедурой – бассейном.

На вторые сутки после приезда командующего Северной группой войск, явившись по расписанию в бассейн, офицеры увидели у входа двух автоматчиков. Не вдаваясь в объяснения, часовые твердили:

– Входить в бассейн запрещено!

– Мы пришли по графику! – размахивали санаторными книжками офицеры.

– Русским языком говорим: запрещено!

– Кто запретил?

– Не знаем. Нас поставили сюда, мы выполняем задачу.

– Кто поставил?

– Начальник караула.

Офицеры, теряясь в догадках, расходились и бурно обсуждали причину такого нелепого запрета.

Оказалось, когда Рокоссовский прибыл в санаторий, к нему тут же явилось местное военное начальство в лице коменданта города, начальника гарнизона и главы санатория за указаниями.

*Гора любви (польск.).

Маршал, смущенный тем обстоятельством, что оторвал людей от дела и своим приездом причинил им лишние хлопоты, высказал свои пожелания.

– Я хотел бы вас попросить, чтобы вы занимались своими делами и не обращали внимания на мой приезд. Если можно, я хотел бы посещать бассейн два раза в день – утром и после обеда. У меня есть желание поиграть в теннис. – Он посмотрел на начальника санатория. – Мои просьбы не нарушат установленный в санатории режим и распорядок дня?

– Никак нет! – ответил начальник здравницы, приняв стойку «смирно». – Товарищ маршал, можно вам задать один вопрос?

– Пожалуйста, задавайте.

– Ваши пожелания по питанию?

– Да, у меня есть одно пожелание, – улыбнулся Рокоссовский.

– Повара у нас очень хорошие, – сказал полковник, достал блокнот и выразил готовность записать указания. – Я вас внимательно слушаю, товарищ маршал!

– Запишите, пожалуйста, – усмехнулся Рокоссовский.

– Я готов!

– Посадите меня не за отдельный стол, а вместе с остальными отдыхающими. Кулинарное искусство ваших поваров я оценю за общим столом. Договорились?

– Д-договорились, – упавшим голосом произнес полковник.

Но слишком услужливый начальник санатория все равно перестарался и на следующий день выставил у бассейна автоматчиков.

Рокоссовский, ничего не подозревая, пришел утром в бассейн, поздоровался со служащими в белоснежных халатах, зашел в одну из кабин, разделся и вдруг обнаружил, что он в бассейне один, будто в санатории и вовсе нет отдыхающих.

– Что случилось? Почему люди не принимают такую массовую процедуру?

Подскочивший к маршалу начальник санатория, который почему-то оказался под рукой, начал объяснять:

– Товарищ маршал, мы составили расписание так, чтобы в это время отдыхающие принимали другие полезные для здоровья процедуры.

Рокоссовский окинул суровым взглядом растерявшегося полковника медицинской службы.

– Вы говорите правду?

Полковника бросило в жар. Он покраснел и опустил глаза.

– Как вас величать?

– Юрий Николаевич.

– Так вот, Юрий Николаевич, я вас прошу и требую, – с холодком в голосе произнес Рокоссовский, – немедленно уберите часовых и не нарушайте установленный вами распорядок. Впредь, какая бы шишка сюда ни приехала, подобными делами заниматься я вам не рекомендую.

Полковник вышел на улицу, распахнул дверь.

– Прошу заходить, товарищи, произошло маленькое недоразумение.

Более двух недель офицеры и генералы вместе со своим бывшим командующим прыгали с вышки, плавали в бассейне, гуляли по лесу, шутили, смеялись, вспоминали годы войны, встречи и разлуки, рассказывали фронтовые байки.

Рокоссовский впервые здесь услышал от заместителя командующего 70-й армией «быль» о том, как генерал Аревадзе угощал его имеретинским вином.

Переходя из уст в уста, эта байка обросла новыми подробностями и утратила правдоподобие. Согласно услышанному варианту, командующий фронтом так и не попробовал вина, обещанного гостеприимным грузином. Рокоссовский держался за живот от смеха, когда генерал образно рассказывал, как командир дивизии искал пропавшее вино. Он ползал по полу землянки, заглядывал под койки, кричал, потел, бормотал какие-то проклятия на своем родном языке. Оказалось, что накануне адъютант генерала с телефонистками штаба дивизии устроил веселый фронтовой праздник, где вино из солнечной Имеретии было выпито до капли.

Лучшие чувства генерала были оскорблены, и он придумал для адъютанта очень суровое наказание – не разговаривал с ним целый месяц и не обещал больше присутствовать после войны на его свадьбе.

– Ну, а как на это реагировал командующий фронтом? – уточнил Рокоссовский, сдерживая смех.

– Говорят, он наградил генерала медалью «За отвагу» и молча уехал.

После хорошего отдыха Рокоссовский вновь окунулся в повседневные дела Северной группы войск. Особенно много хлопот ему доставила подготовка к совместным учениям наших войск и соединений польской армии.

События менялись одно за другим, и время летело незаметно. Рокоссовский никогда не думал, что Ада поступит в институт с первого захода. Его опасения имели под собой почву. Большие перерывы в учебе, разные школы не давали больших надежд для успешной сдачи экзаменов. Оказалось, что он не знал как следует свою дочь – Ада получила приличные оценки на экзаменах и уже учится на втором курсе института. На радость родителям французский язык дается ей легко и по остальным предметам она учится хорошо.

Юлия Петровна разрывалась теперь между мужем и дочерью – она то жила некоторое время в Легнице, то улетала в Москву. Эта челночная жизнь порядком надоела ей, и она мечтала о том, чтобы мужа скорее перевели в столицу.

К счастью, Рокоссовский сказал по секрету, что в 1949 году ее мечта сбудется.

Уже в июне 1948 года было принято решение о перемещении части войск, подчиненных маршалу Рокоссовскому, на территорию Советского Союза. Маршал потихоньку готовил к передаче в распоряжение Войска Польского казармы, военно-учебные заведения, полигоны, а также разное военное имущество и сельскохозяйственные объекты.

Рокоссовский кроме управления войсками занимался и некоторыми общественно полезными делами.

Летом 1948 года в Польше, в городе Вроцлаве, проходил Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира. В Советскую группу войск приехали некоторые из участников конгресса – Александр Фадеев, Михаил Шолохов и академик Тарле*.

С академиком Тарле Рокоссовский общался несколько вечеров подряд. Чем больше говорил академик с маршалом о Наполеоне, Кутузове, особенно о причинах наших неудач в начале войны с немцами и некоторых стратегических просчетах в планировании операций, тем он пристальней смотрел на него и изучался его эрудиции.

– Поверьте мне, не знал я, не знал! – воскликнул Тарле. – Мне нравится ваше мнение о прошедшей войне. Ей-богу, не знал! Просто ушам своим не верю. Я говорил со многими военачальниками – все дуют в одну официальную дуду. Ваши мысли оригинальны.

— Ничего особенного в них нет, — сказал Рокоссовский. — Свои взгляды на причины нашего поражения на первом этапе войны в июле 44-го я откровенно высказал Сталину.

— Вы — Сталину? — удивился академик. — Невероятная новость.

— Евгений Викторович, наш спор с ним во время войны — не редкость. И в этом ничего невероятного я не вижу.

— Нет, голубчик, нет! Глотать все готовое, что в рот кладут, закатывать глаза и только двигать кадыком — это не по-научному. В споре, в споре, голубчик, рождается истина.

Более двух суток гостили в войсках писатели Фадеев и Шолохов. Если с Шолоховым было проще, хотя он часто был навеселе, то с Фадеевым пришлось изрядно повозиться. Рокоссовский и политработники досадовали, что его пригласили.

Фадеев почти не выходил из гостиницы, во взгляде отсутствовал интерес к окружающему миру. Мрачный, осунувшийся, он ходил из угла в угол по номеру, иногда подолгу стоял у окна.

Когда была объявлена встреча с известными писателями, пришел один Шолохов. Он сидел на сцене за столом, курил одну сигарету за одной и непринужденно вел беседу о том, как он писал «Тихий Дон», о его героях, о минувшей войне и о своей книге «Они сражались за Родину».

Вдруг появился на сцене с грозно нахмуренными бровями, болезненно-пронзительным взглядом, едва держащийся на ногах Фадеев. Он плюхнулся на стул рядом с Шолоховым и, облокотившись на стол, устремил взгляд в одну точку поверх голов солдат, офицеров и их семей.

Когда генерал, который вел встречу, предоставил слово известному писателю, первому секретарю Союза писателей СССР, Фадеев, не поднимаясь с места, неуверенным языком произнес:

— Я... Я... предлагаю тост за ге-генералиссимуса то-товарища Сталина-а!

Тут же закрылся занавес, и президиум был отрезан от слушателей. Одни из них были в недоумении, другие — добродушно улыбались, третьи — откровенно смеялись.

Рокоссовскому и его команде из политработников и штабистов пришлось много поработать, чтобы загладить этот конфуз.

По роду своей деятельности маршал был частым гостем польского правительства. По приглашению министра национальной обороны маршала Михаила Жиммерского Константин Константинович посетил Варшаву в день годовщины Советской

Армии в 1949 году. Свое выступление на торжественном заседании в Польском театре, принятое бурными овациями, он произнес на польском языке.

Несколько месяцев спустя Рокоссовский был гостем на торжествах по случаю пятой годовщины Манифеста Польского Комитета национального освобождения. В своем выступлении он заявил: «Наперекор врагам, на радость народу — Варшава поднимается из развалин, становится цветущей и прекрасной столицей народной Польши. Это доказательство того, что пролитая советскими воинами и лучшими сынами польского народа кровь не была напрасной, она принесла свои плоды»*.

В этот раз Рокоссовский посетил предместье Варшавы Прагу, побывал в гостях у сестры.

На следующий день он выехал из столицы Польши в штаб группы войск. По дороге он остановил машину у перекрестка, где увидел указатель: «Город Груец — 43 километра». Он постоял, закурил, и его неудержимо потянуло в места своей юности. Он сел в машину и повернул ее в направлении указателя.

На месте дома, где он когда-то жил, — развалины, слегка присыпанные снежком. Со стороны улицы костлявые плети вьющихся роз причудливо цеплялись за полулежащий забор. Воспоминания давних лет и согревали душу, и наводили глубокую тоску. Приходили на память времена, когда он в этом городе мужал, учился, встретил свою первую любовь, здесь же стал на военную дорогу.

Старые знакомые вставали у него перед глазами, словно живые: дядя Стефан и тетя Софья Высоцкие, приютившие его у себя дома, Петр Странкевич, Зося Пенкальская. Он вздохнул при мысли о том, что одни родные и знакомые ушли из жизни, а о других он ничего не знает.

Он вспомнил полкового командира Артура Шмидта. Он не забыл сказанные полковнику слова: «Ваше высокоблагородие, возьмите меня, не пожалеете. Я буду все делать, что скажете. Буду стараться изо всех сил. Я многое умею». Он представил себе, как под дружный смех молодежи он объезжал дикого коня по кличке «Ад», и у него тревожно забилося сердце. Он отчетливо помнил строчки приказа полкового командира: «Зачислить в списки вверенного мне полка охотником рядового звания». «Как же странно все в жизни получается, — подумал Рокоссовский, — воля этого человека направила меня на новую дорогу, начертала мне судьбу, а я ничего о нем не знаю. Все-таки странная штука жизнь».

Он в последний раз посмотрел на площадь города, по которой шел старик с клюкою и где его приняли в полк «охотником рядового звания», грустно усмехнулся и сел в машину.

4

Поздно вечером Рокоссовский подъехал к своему дому. Юлия Петровна находилась в Москве, и он специально задержался в штабе, чтобы как можно меньше времени находиться в одиночестве. За войну он забыл, что такое семейный очаг, семейное счастье, и теперь они действовали на его уставшую душу, как целительный бальзам. А тут оказалось, что дом снова пуст и его темные углы навевают тоску и скуку.

Он зашел в дом, повесил шинель в шкаф, уселся на диване и начал читать письмо, полученное от Белозерова.

«Костя, дорогой, извини, что так долго не давал тебе ответа. Причина молчания – тягостное чувство, что я не могу сообщить ничего хорошего. Мне хотелось дожидаться того времени, когда я смогу доложить тебе, что мое прошлое отошло в сторону и уступило место настоящему.

Все эти годы я привыкал к новой обстановке, можно сказать, искал себя заново.

Почему я молчал? О! на это была уважительная причина. В первый послевоенный год на меня напала такая хандра и безысходность, что я... Хотя обо всем по порядку. Случилось так, что мое «Я» раздвоилось. Одна половина моей души, та, которая сражалась на фронтах гражданской войны, училась в институте, преклонялась перед вождем всех народов, а потом воевала с гитлеровцами под Сталинградом и в Белоруссии, готова была отстаивать порядки, сложившиеся в стране за десятилетия. Эта половина собиралась жить спокойно, не терзаясь совестью.

А вот со второй половиной моего «Я» у меня было посложнее. Эта половина помнила арест, тюрьмы, издевательства, штрафной батальон и ту статью, по которой за «добровольную» сдачу в плен мне причиталось около десяти лет.

Первая половина – услышав на приеме в Кремле, где присутствовал и мой друг, тост Сталина «за здоровье русского народа, не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и... терпение», – ликовала и хлопала в ладоши. Мол, и ты, Андрей Белозеров, тоже принадлежишь к русскому народу, значит, и ты наделен правом руководить другими, значит, и ты умен и талантлив.

Вторая же половина категорически возражала: «Выходит, другие народы, населяющие нашу страну, менее умные, попросту – дураки? Они что, не обладают терпением, стойким характером? Далеко ходить не надо, взять белорусский народ, среди которого ты живешь. Нет, ему терпения не занимать. А о характере и говорить нечего. Почти каждого третьего жителя уничтожили фашисты, а он, этот народ, еще с большой яростью принимался на борьбу с захватчиками. Да и другие народы показывали свой характер не хуже русских».

Особенно распоясалась вторая половина, когда местные власти выделили мне квартиру в доме, хозяин которого в 1940 году исчез ночью со всей семьей только за то, что имел две коровы, лошадь, пять гектаров земли и не хотел добровольно идти в колхоз.

Как я ни старался, но так и не удалось мне примирить эти противоречия. Так и боролся в моей душе эти половины до тех пор, пока я окончательно не решил их помирить. Ты бы ни за что, Костя, не догадался, каким способом я их усмирил. Очень просто – запил. На это согласились обе мои половины. И зажили они в ладу, дружбе и полном согласии. Прошло около года. Мало-помалу пары Бахуса меня обложили так, что глаза мои перестали различать восход и закат. Начал я жить вопреки природе. Был полутрезвым только тогда, когда предстояло давать уроки немецкого языка.

Казимир и коллектив школы пытались вытащить меня из ямы, но мои обе родные «Я» не хотели об этом и слушать. Еще немного, чуть-чуть, и добрые люди меня бы покинули. Я понял наконец, что окончательно увязну в этом безумстве. Махнул рукой на обе половины, взял себя в руки, и болезнь отступила. Мне еще долго хотелось погоревать в обществе любителей выпить, но меня окончательно спасла любовь к женщине. Курносая блондинка с синевою в лучистых глазах Ядвига Куликовская окончательно направила меня на истинный путь. Семейное счастье примирило по-настоящему обе мои половины. А когда родилась наша дочурка Людмила (ей исполнится скоро годик), меня словно подменили. У меня теперь нет времени на глупости. Я даже не догадывался, что во мне таились такие нежные отцовские чувства.

На днях мы открыли памятник на могиле Жуковского. Присутствовали почти все его друзья-партизаны. Вспомнили погибших, поговорили о жите-быте».

Рокоссовский зашел в кухню, приготовил чай и, попивая его, дочитал письмо. Он отложил его в сторону и представил себе Андрея Белозерова на очной ставке в тюрьме. Почему-то этот образ запомнился ему наиболее ярко, хотя прошло с тех пор более восьми лет. Изрезанное трагическими морщинами лицо, ввалившиеся щеки, обезумевшие глаза...

Рокоссовский не ожидал, что получит такое исповедальное письмо от Белозерова. С одной стороны, оно его расстроило из-за того, что друг не выдержал, сорвался, а с другой обрадовало – теперь он был уверен, раз у него хватило силы воли порвать с таким страшным недугом, значит, он вышел на верную дорогу и теперь постепенно залечит свои болячки, терзающие его душу. Человеческий век и так небольшой, и если с его пути не убирать обиды и горе, то он и вовсе будет короток.

Глава четвертая

1

Наступил октябрь 1949 года. Закончив штабные учения Северной группы войск, Рокоссовский взял очередной отпуск. Более двух месяцев он не видел семьи и его потянуло в Москву. Накануне он получил письмо от жены, где она сообщала о том, что через пять-шесть дней подрядчики заканчивают строить дачу и было бы неплохо, чтобы он сам, как главный проектировщик, принял бы от них работу. Его присутствие обязательно еще и потому, что жители села Салтыковка написали анонимное письмо в ЦК КПСС, в котором обвиняют хозяина дачи в капиталистических замашках. С письмом поручено разобраться министру Вооруженных Сил Николаю Александровичу Булганину. Жена писала, что он недавно звонил и просил передать, чтобы Рокоссовский нашел время для поездки в Москву. Все эти обстоятельства заставили маршала, не раздумывая, улететь в столицу.

Уязвленный такой нелепой жалобой, Рокоссовский на следующий день после прилета позвонил Булганину.

– Николай Александрович, я в Москве. Горю желанием выехать на дачу.

– Хорошо, что позвонил, сроки жалобы подпирают. Через два часа моя машина будет у твоего подъезда.

На северо-западе в сорока километрах от Москвы в 1947 году маршал получил участок земли для строительства дачи. Как мы знаем, он с детства любил природу и никогда не расставался с

ней, где бы ему ни приходилось служить: в Забайкалье, в Монголии, в Белоруссии, на Украине. «Охотник рядового звания», как часто называли его товарищи по рыбалке и охоте, любил посидеть с удочкой на берегу реки или озера, побродить с ружьем, как только для этого представлялась малейшая возможность.

И теперь он строил дом, чтобы, уйдя от активных дел, можно было отдыхать на природе. Ему никогда не приходило в голову, что на него могут жаловаться по поводу того, что он на свою маршальскую зарплату будет строить дом в Подмосковье.

День был по-осеннему прохладным. Хмуρο задумалось небо и с утра плакало снежно-дождевыми слезами. Дворники на ветровом стекле машины едва успевали убирать осеннюю слякоть. На улицах деревень в усталой позе иногда попадались живые души, пахло гнилью, за заборами дворов качались на ветру красные гроздья рябины.

Булганин сидел на заднем сиденье левее Рокоссовского и угрюмо молчал. Его спокойное лицо с тонкими чертами, с маленькими седеющими усами и бородкой, не выражало никаких эмоций. Рокоссовский открыл окно машины, завозился и, пошуршав в кармане, закурил папиросу.

– Я думал, закончится война и появится возможность отдохнуть, – сказал он. – Все оказалось не так, снова приходится вернуться, как белке в колесе. Жизнь моя по-прежнему похожа на фронтовую – то лечу на самолете, то плыву на корабле, то еду на машине. Так и не знаю, когда я доеду до места.

– Может, это и хорошо, – сказал Булганин. – Каждый человек всю свою жизнь должен ворочать свой камень, и если он его докатит до последней точки и поставит на место, то на этом, видимо, и закончится его жизнь.

– Да, с этим нельзя не согласиться. Но все-таки хочется пожить на даче, собраться с мыслями, может, даже кое-что написать.

– Рано еще, Константин Константинович, мечтать об отдыхе, – произнес Булганин и, порывшись в портфеле, достал лист бумаги. – Почитай, что пишут люди насчет дачи.

Рокоссовский, выбросив в окно потушенный окуроч, взгляделся в текст.

«В Центральный Комитет КПСС. Жалоба.

Мы, жители села Салтыковка, отдаем все силы для того, чтобы в нашей родной стране был как можно скорее построен самый справедливый строй на земле – социализм. Вот уже много

лет мы получаем мизерную плату за трудодень. Почти все наши-ми руками заработанное идет в общий котел — государству. Мы не в обиде на это, так как хорошо понимаем, что чем лучше мы будем трудиться, тем скорее наступит для нашего народа счастливое будущее.

В то время когда у нас нет средств для ремонта крыши дома, когда наши дети не всегда имеют кусок хлеба, рядом с нашим селом строится дворец-дача.

Мы пришли к выводу, что не все понимают задачи, стоящие перед страной, так, как мы их понимаем, и думают не о благополучии всего народа, а заботятся только о себе.

Мы очень удивились, когда узнали, что строящаяся дача принадлежит прославленному полководцу Великой Отечественной войны маршалу Рокоссовскому. Очень жаль, что коммунист Рокоссовский теряет классовую бдительность и превращается в простого обывателя. Он так может совсем оторваться от народных масс и уплыть назад к капитализму на своем буржуазном корабле, который называется дачей.

Пока не поздно, просим принять к члену партии Рокоссовскому строгие меры и остановить строительство этого поместья.

Группа ветеранов партии села Салтыковка».

Булганин погладил свою профессорскую бородку и, повернувшись к Рокоссовскому, спросил:

— Ну и как?

— Все это смешно и грустно.

— Смешно не смешно, а приказано разобраться.

— А кто возражает, пожалуйста.

Вскоре машина остановилась на окраине леса.

— Красивое место, — произнес Булганин, подходя к строениям, прибавившим шпалетник. Он надел плащ, натянул на голову капюшон.

— Да, красивое. Этот пейзаж достоин кисти Шишкина.

Над деревней висели косматые облака. Из низко плававшей тучи сыпалась то водяная пыль, то мелкая снежная крупа; тихо шумели сосны и ели, лениво помахивая ветвями.

Двухэтажная дача из бруса примыкала к лесу. На первом этаже было четыре комнаты, на втором — две.

Когда Булганин и Рокоссовский поднялись на второй этаж, они застали там двух строителей, которые сидели на полу за бутылкой водки.

— Это с какой радости вы тут пируете? — спросил Рокоссовский. — Вроде рабочий день не кончился.

— Продрогли и решили малость погреться, — ответил низкорослый мужчина, оказавшийся бригадиром.

— Откройте окно, пусть выйдут винные пары, — сказал Булганин, — а то здесь дышать нечем.

Бригадир распахнул окно и, повернувшись к Рокоссовскому, сказал:

— Константин Константинович, через пару дней мы готовы представить итоги нашей работы на ваш суд.

— Хорошо, я обязательно подъеду.

Булганин то ходил по комнатам, то присаживался на крыльце на табуретку, то снова поднимался и, вдыхая острый смолистый воздух, ходил по двору.

Под конец осмотра он подошел к Рокоссовскому, стоявшему у хозблока, посмотрел на его озабоченное лицо и сказал:

— Константин Константинович, у меня есть дельное предложение.

— Готов выслушать.

— Но сначала скажи, зачем тебе приспичило строить за свой счет дачу?

— А у меня что, маленькая зарплата?

— Да мы тебе построим дачу за государственный счет в два раза лучше.

— За это спасибо, но я хочу построить ее сам. Средства у меня на это есть.

— У нас отбою нет от желающих, а ты отказываешься. Зря, Костя, зря.

— Мне этот вариант не подходит.

— Я бы тебе не советовал связываться с «группой членов партии».

— Я что-нибудь делаю противозаконное?

— Да нет, — улыбнулся Булганин. — Но они от тебя не отстанут.

— Не думаю, что я буду им костью в горле. Попишут и успокоятся, — произнес Рокоссовский, прикуривая. — Главное, чтобы те, кому поручено разбираться по этой анонимке, не показали жалобщикам, что они им сочувствуют.

— Выходит, ты отказываешься от моего предложения?

— Выходит, отказываюсь, — улыбнулся Рокоссовский.

— Ну что ж, дело хозяйское.

Когда Рокоссовский проводил Булганина, в городе уже было темно. Он сидел в машине и курил. Такое случилось с ним почти всегда, когда надо было принимать какое-нибудь ответственное решение. Пока машина плутала по освещенным улицам, стояла на перекрестках у светофоров, у него напряженно работала мысль: дочь Наденьку, которой уже исполнилось пять лет, он еще не видел. Его воображение много раз рисовало эту встречу, но она так и не состоялась. И в этом он повинен сам.

Он почувствовал такое сильное желание увидеть дочь, что, заметив цветочный киоск, тут же остановил машину, купил букет алых роз и дал команду водителю:

— В универмаг «Детский мир».

Вскоре, облепленный пакетами, коробками, будто Дед Мороз в новогоднюю ночь, Рокоссовский на лифте поднялся на пятый этаж, нашел 401 номер квартиры и, покраснев, нажал на кнопку звонка.

— Костя? — в проеме двери стояла Валентина. Она смотрела на него во все глаза.

— Да, как видишь, — смущенно произнес он.

— Проходи, — сказала она, застегивая на груди халат.

Он зашел в прихожую, взглянул на Валентину, более изумленную, чем обрадованную, и протянул цветы.

— Спасибо.

— Кто там, мама? — послышался детский голос из комнаты.

— Это знакомый дядя, доченька, — ответила мать. — Мы встречались с ним на фронте. Я его лечила.

В легком светлом платье подошла девочка и, прижавшись светлой головкой к маме, подняла на незнакомца голубые глаза.

— Ну, что смотришь, как тебя звать? — растерявшись от пронзительного взгляда дочери, он пытался придать своему голосу шутливый тон.

— Меня зовут Наденька, — насупившись ответила девочка.

— А меня... меня зовут... дядя Костя, — выдавил Рокоссовский, не зная, как представиться малышке.

— Раздевайся, — сказала Валентина. — Вешалка рядом.

Она зашла с дочерью в спальню и вскоре появилась перед маршалом в темном платье с беленьким воротничком. Она была стройна и красива, он на миг увидел прежнюю Валентину Круглову, с которой он познакомился в 37-м году в Кремле, а затем

память его перенесла в лето на Брянщине, когда он, увидев ее у зеркала, потерял голову...

— В ногах правды нет, — повела бровями Валентина. — Садись, пожалуйста.

— Я сейчас, — он собрал все подарки, разложил их на столе. — Наденька, вот эту куклу зовут «Машенька», а эту «Наташа».

У девочки загорелись глаза от любопытства. Она прижимала обеими ручонками куклы и, моргая глазенками, смотрела то на мать, то на куклы, то на доброго дядю. Она не могла понять, откуда на нее свалилось такое счастье.

— Иди ко мне, Наденька, — Рокоссовский взял на руки сразу же посмелевшую девочку. Он смотрел на ее застенчиво-ласковое личико, и чувства, которые он носил в себе после известия о ее рождении, были запечатлены во всем его облике: глаза повлажнели, лицо таяло от нежности, с губ не сходила добрая улыбка. В его душу вселилась какая-то трудно объяснимая радость; сладко ныло сердце. Он прижал к себе малышку и на мгновение замер.

Валентина сначала смотрела на них широко открытыми глазами, потом опустила голову и внезапно заплакала, плечи ее вздрагивали, сквозь пальцы, которыми она прикрывала глаза, сочились слезы.

Девочка восторженно вырвалась из рук Рокоссовского и покосилась на него злыми глазами.

— Ты обидел мою маму! — воскликнула она, надув сердечком губы. Уловив своим детским умом какой-то подвох в появлении в их доме этого дяди, она собрала подарки, положила их на стол и сквозь слезы сказала:

— Мне не нужны твои подарки!

Валентина поспешно вытерла слезы, прижала к себе дочь.

— Наденька, дядя не виноват в том, что я заплакала. У меня внезапно заболели зубы... Дядя этот очень хороший, ты его не обижай.

Что-то тупо колото под сердцем у Рокоссовского, и он не знал, что делать дальше — оставаться или уходить.

Валентина подошла к столу, развернула коробки, в которых оказалось около десятка платьев для девочки от пяти до десяти лет.

— Смотри, Надюша. — Она показывала дочке подарки. — Одно платье лучше другого, тебе нравится?

— Нет, они плохие. — Девочка продолжала смотреть недоверчиво, исподлобья на Рокоссовского.

Валентина незаметно для дочери взяла в столе плитку шоколада и протянула ее Рокоссовскому: мол, попробуй задобрить.

— Наденька, — сказал он, держа за спиной шоколад. — А я знаю, что ты больше всего на свете любишь?

— Нет, не знаешь.

— Хорошо, может я действительно не знаю, тогда ты мне сама скажи, что тебе больше всего нравится?

— Шоколадка, — сказала девочка.

— Правильно, я не ошибся, — улыбнулся он. — Получи свою любимую шоколадку

— Спасибо, — улыбнулась она.

Рокоссовский покорно смотрел в глаза девочке, вымаливая хотя бы каплю ласки. Но Наденька оказалась с характером — она весь вечер вела себя с ним настороженно. Видимо, она не поверила тому, что причина плача матери заключалась в зубной боли.

Вскоре девочка уснула, и Рокоссовский мог вдоволь налюбоваться ее нежным и красивым личиком, ласковой детской усмешкой, которая, как ему показалось, очень похожа на его улыбку. Обе ее новые куклы «отдыхали» рядом.

— Валюша, нелегко тебе живется? — спросил Рокоссовский, когда они заканчивали пить чай.

— Не надо об этом, Костя. — Валентина глубоко вздохнула, окинула его грустным взглядом. — Теперь разговор этот ни к чему. У тебя есть законная жена, дочь, тебе только не хватало моих забот. Я работаю в военном госпитале, зарплата у меня по нынешним временам приличная. Каждый месяц получаем помощь от тебя. Спасибо, что помнишь о нас, не забываешь.

— Да вот все как-то не так. Я давно собирался...

— Нет, нет, Костя, ты не беспокойся, — перебила его она. — Мы живем нормально. Ты не думай... — У Валентины на глаза навернулись слезы. — Ты меня извини.

Рокоссовский пристально посмотрел на Круглову и опустил голову.

— Извини, это пройдет, — говорила она, вытирая платком глаза. — У всех женщин глаза на мокром месте.

Рокоссовский глянул на часы.

— Валюша, мне пора.

Они вышли из-за стола. Валентина взяла под руку маршала и подвела его к выходу. Она помогла ему надеть плащ и подняла на него потемневшие глаза. Побледневшее лицо и напряжен-

ный излом бровей выдавали ее сильное душевное волнение. Видно было, что она борется с собой, чтобы не разрыдаться.

Они с минуту стояли молча и смотрели друг на друга.

— Береги нашу малышку, — ласково произнес Рокоссовский. — Я буду вам звонить.

— До свидания, — Валентина резко отняла руку. Он нагнулся, поцеловал ее в щеку и вышел. Накрапывал дождь. Он прошел через густую тьму, покрывшую двор, и на освещенной тусклыми фонарями улице сел в машину.

3

На следующий день после приема дачи Рокоссовский объявил, что есть возможность поехать в санаторий в Сочи и что он настроен воспользоваться этим случаем. Юлия Петровна, словно догадываясь о его душевном надломе, отказалась ехать с ним в Сочи под видом занятости — у дочери большая нагрузка в институте и ей надо облегчить домашние заботы.

Рокоссовский для приличия пожал плечами, развел руками, но уговаривать жену не стал. О если бы знали его домашние, как ему хотелось теперь побыть одному! Вроде бы летел домой на крыльях, а встретился с Валентиной и Наденькой, и к семье появилось стойкое равнодушие. Он будто очнулся от тяжелого сна, открыл глаза и увидел, что его словно подменили. Ему даже стало стыдно глядеть в глаза жене, дочери, не хотелось приходить домой.

Тайный голос говорил ему, что отдых, морской климат, плавание, общение с новыми людьми вернут его в семью и он вновь будет по-прежнему счастлив.

Не прошло и пяти суток, как он уже был в Сочи, в двухместном номере санатория. Разложив свои вещи по шкафам и тумбочкам, он вышел на балкон.

Второй месяц осени подходил к концу, а здесь, в Сочи, продолжался бархатный сезон. Он с содроганием вспоминал промозглую московскую осень с ее черными тучами, сумрачными влажными днями и восторженно смотрел на бирюзовое теплое небо, на раскаленный шар солнца, полыхавший над самым морским горизонтом. Яркие лучи заходящего светила, отражаясь от поверхности воды, заливали кипящими искрами длинный шлейф морского пути от самого горизонта до зеленого мыса, раскинувшегося у подножия санатория.

Отсюда, с высоты, море выглядело огромным и синим, словно поле, густо засеянное льном и васильками.

Поужинав, Рокоссовский вышел во двор санатория. Отдыхающие неторопливо гуляли по дорожкам среди пальм, тропических вечнозеленых деревьев и украдкой бросали на него взгляды — то ли любясь его высокой стройной фигурой, затаенной в белый, спортивного покроя костюм, то ли узнавая в нем маршала Рокоссовского.

Чтобы не мозолить людям глаза, он вышел за ворота и поднялся на каменистую площадку, с которой город и море были видны как на ладони. В распадах, на склонах гор мигали огни санаториев и домов отдыха. Ему казалось, что весь берег покрыт громадными шатрами, от которых гирляндами спускаются огни к морю, затопленному густой темнею. Где-то далеко вспыхивал огоньками маяк да на рейде загадочными звездами светились корабли. Мощные репродукторы разносили веселую беспечную музыку.

Он представил себе, как отдыхают семейные пары, радуются жизни, праздничные застолья, женские возгласы, смех, звон фужеров, песни...

Уже поздно вечером он шел к себе в номер, прислушивался к своим шагам, к голосам влюбленных, хрусту гальки под ногами и приходил к неутешительному выводу: этот отдых не принесет ему желанного облегчения.

Он зашел в номер, принял душ, а спать не хотелось. Он открыл холодильник, взял бутылку боржоми. Шипучая струя заиграла на дне стакана и, пока он пил, приятно щекотала горло.

Рокоссовский вновь вышел на балкон. Из тишины ночи едва доносился шорох прибоя. Он думал о разных событиях, о своих делах в группе войск, но этих размышлений хватило ненадолго... «Невозможно уйти от самого себя, — подумал он. — Все то, что с тобой происходит, не вылечить ни лекарствами, ни самоуспокоением. Вновь обрести семью ты сможешь только тогда, когда между женой и тобой произойдет разговор начистоту. Чем дольше я буду скрывать от нее правду, тем глубже будет становиться пропасть между нами».

Он начал вспоминать, как он сухо попрощался с женой, когда уезжал в санаторий. Ему показалось, что Юлия Петровна вел себя не так, как обычно, избегала его взгляда и вроде бы хотела что-то сказать на прощание, но передумала и, сдерживая слезы, отвернулась.

Он зашел в номер, закурил и уставился на телефонный аппарат. Теперь он был во власти одного желания — немедленно переговорить с женой и рассказать ей все. Какое жена примет ре-

шение, так и будет, но дальше играть с ней в прятки он не в силах. Что бы ни случилось, но он должен освободиться от этой непосильной душевной ноши.

Рокоссовский жадно затаился, отложил дымящуюся папиросу в пепельницу и набрал номер телефона.

— Я слушаю, — ответила усталым голосом жена.

— Ты скажи, Юлия, Ада дома?

— Нет, их факультет продолжает работать в каком-то подмосковном колхозе на уборке картошки.

— Она скоро вернется? — спросил Рокоссовский, чтобы как-то заполнить паузу и приступить к тяжелым объяснениям.

— Дней через десять.

— Пусть поработает. Это ей на пользу.

— Как ты доехал?

— Хорошо.

— Почему не спишь?

— Да вот, не спится.

— Почему?

— Знаешь, Юленька, я не могу больше так, — сказал Рокоссовский взволнованным голосом. — Нам надо с тобой откровенно поговорить. Я перед тобой виноват, ты должна все знать.

— А я и так знаю, — тихо ответила жена.

— Что ты знаешь? — настороженно спросил он.

— Я знаю, что у тебя была другая женщина, что твоей дочери уже пять лет и ее зовут Надеждой.

Рокоссовский замолчал и затаился папиросом.

— Так почему же ты молчала?

— Ты молчишь, и я молчу. Если бы я заговорила, что бы изменилось? — сказала Юлия Петровна, удивляясь своему спокойствию. — Я подозреваю, что ты был у них, поэтому у тебя такое настроение.

— Юленька, так и есть! — воскликнул Рокоссовский.

— Тогда почему ты мне не сказал? Я бы малышке приготовила подарки. Ведь она такая же твоя дочь, как и Ада.

— Юленька, милая, ты на меня не обижаешься?

— Костя, не ты первый, не ты последний, — дрогнувшим голосом произнесла жена. — Я даже готовила себя к тому, что ты, по примеру других, уйдешь к той женщине навсегда.

— Юленька, милая, прости меня. Я от тебя ни за что не уйду! — говорил он, боясь, что жена положит трубку.

— Мне об этом стало известно месяц тому назад, и я передумала все варианты. И тот, о котором ты говоришь, для меня самый лучший.

— Спасибо, родная, ты сняла с моей души камень!

— Спокойной ночи... — В телефонной трубке раздались гудки.

Рокоссовский посмотрел на трубку так, словно она обладала каким-то волшебным свойством. Он радостно улыбнулся, поцеловал ее и положил. За десять дней отдыха Рокоссовский почувствовал себя бодрым, энергичным, помолодевшим, полным радужных надежд. Рано утром, напевая про себя какую-то знакомую мелодию, он подошел к теннисной площадке, огороженной высокими железными сетками. Он присел в тени магнолии, украшенной пышными белыми цветами, и стал ждать кого-нибудь любителя игры. Вскоре подошла молодая высокая девушка.

— Сыграем? — спросила она, увидев ракетку в руках Рокоссовского.

— С удовольствием, — улыбнулся он.

На площадке играли двое — высокий, начинающий сидеть, в белых шортах и тенниске, крепконогий, мускулистый, проворный в движениях Рокоссовский, и черноволосая, стройная, в короткой спортивной юбочке девушка.

Рокоссовский размахисто посылал длинные и резкие подачи через сетку, девушка металась то в один, то в другой квадрат площадки, гибко, как кошка, прыгала, играючи отражая сильные удары партнера. Как ни старался маршал, а врасплох застать ее не мог. Она ловко брала мячи и у самой сетки, когда партнер пытался ее обмануть.

В сопровождении симпатичного молодого человека лет восемнадцати к площадке подошел по-летнему одетый пожилой мужчина. У него под носом красовались внушительных размеров усы. В этом живом седовласом человеке нетрудно было узнать генерала Аревадзе.

Узнав своего командующего фронтом, он не стал выказывать свой южный темперамент — боялся отрицательно повлиять на исход теннисной игры. Спрятав глаза глубоко под черные кустистые брови, генерал с интересом разглядывал партнершу маршала, ее темные волосы, туго стянутые красной лентой, греческий профиль с пухлыми сочными губами, высокую грудь, крепкие загорелые ноги.

— М-да, — задумчиво произнес он и подошел поближе к пло-

щадке, где, не всегда успевая за мячом, потел его командующий, с которым он прошел от Курской дуги до конца войны.

— Милая девушка, — протянул руку Рокоссовский, едва переводя дыхание. — Сдаюсь, молодость берет свое.

— Там, где маршал Рокоссовский, там всегда победа, — сказал Аревадзе, шагая навстречу с расставленными руками.

— Маршал Рокоссовский? — удивилась девушка. — Мне не грех было бы и проиграть.

— В следующий раз, — рассмеялся маршал.

— Спасибо вам за компанию, — улыбнулась девушка.

— Ну, как жизнь, Михаил Егорович? — воскликнул Рокоссовский после крепких объятий. — Здоровье?

— Все хорошо, товарищ маршал! Лучше быть не может! — воскликнул Аревадзе. — Отдохнул, набрался сил и сегодня улетаю в Тбилиси.

— Чем занимаетесь?

— Продолжаю работать на железной дороге. — Он подозвал стоявшего в сторонке молодого человека. — Мой младший сын Годердзи. Мечтает быть военным.

— Похвально, — улыбнулся Рокоссовский. — Он тоже отдыхал?

— Нет, если он будет в таком возрасте отдыхать, то не жди добра в старости, — сказал Аревадзе и с гордостью посмотрел на сына.

К ним чуть ли не бегом подскочил начальник санатория и надтреснуто-дребезжащим голосом произнес:

— Товарищ маршал! Вас вызывает на свою дачу генералиссимус Сталин!

— Кто передал? — спросил Рокоссовский.

— Сам Александр Николаевич Поскребышев!

— По какому поводу?

— Не могу знать, товарищ маршал! Только они передали, чтобы вы прибыли без опозданий.

— Во сколько я должен быть у Сталина?

— Ровно в 12 часов дня. В 11.15 машина будет у главного подъезда.

— Спасибо, — сказал Рокоссовский.

— Разрешите идти? — вытянулся в струнку начальник санатория.

— Ради бога, — сказал Рокоссовский, и когда начальник санатория ушел, он с сожалением произнес: — Вот видишь, Михаил Егорович, так и не дали нам поговорить.

— Да, не дали, — мрачно сказал Аревадзе. — Сам Сталин вызывает, зачем?

— Трудно сказать, — проговорил Рокоссовский и, тепло попрощавшись, ушел.

4

До встречи со Сталиным оставалось три часа, и Рокоссовский, теряясь в догадках, размышлял: зачем он ему понадобился? После завтрака он переоделся в строгий костюм, вышел из санатория, спустился вниз, забрел в пустынное место, подальше от толчей отдыхающих, и начал прогуливаться по тропе. Здесь, под прикрытием кустов магнолии, обросших мхом валунов хорошо дышалось и думалось,

В Северной группе войск вроде идет все по плану, дисциплина не хуже, чем у других, уровень боевой подготовки вполне соответствует современным требованиям. Это отметила группа инспекторов из Министерства обороны. Есть недостатки, но у кого их не бывает. Отношения с польским правительством? Тут никаких нареканий быть не может. Польский народ к советским воинам тоже относится с уважением. Наши солдаты платят взаимностью.

Его дачные дела вряд ли могут интересовать Сталина. Тогда зачем он ему понадобился? Интерес к его семейным отношениям? Это слишком мелко для главы государства.

В памяти всплыл министр МГБ Абакумов. Он подробно вспомнил разговор с ним в Германии. А что если он проинформировал Сталина об Андрее Белозерове и его заступнике Рокоссовском? Во время войны люди стали смелее, раскованнее, и гебисты вновь начали закручивать гайки.

Маршал прошелся над самым обрывом и присел на скамейку. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, обещая теплый и светлый день. Оно заливало золотым блеском зеркальную гладь моря, стоявшие на рейде пассажирские пароходы и множество рыбацких шлюпок, похожих издалика на плавающих уток. Внизу, у самого берега, плескалось в воде, отливавшей изумрудом, множество отдыхающих. Слева, над вершиной белого дворца, неподвижно висело белое облако.

Мысль о всемогуществе МГБ вызвала глубокое чувство тревоги. Он знал, что уже после войны оказался в тюрьме бывший член Военного Совета фронта К.Ф. Телегин, с которым он не разлучался от Сталинграда до Варшавы. Командир кавалерийского

корпуса В.В. Крюков, мужественно воевавший в составе его фронта, тоже арестован вместе со своей женой Руслановой. Говорят, что они замешаны в каких-то барахольных делах. Может, и правда, они в чем-то виноваты? Неужели тогда, когда он пытался разыскать в Берлине Телегина, чтобы поздравить его с Победой, он и впрямь занимался какими-то непотребными делами, выполняя поручение Жукова? Ходят же упорные слухи об этом, а, как известно, дыма без огня не бывает.

Теперь его пугали аресты, которые имели место: в Москве 23 апреля 1946 года под стражу был взят Главком ВВС маршал А.А. Новиков — главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза.

Он восстановил в памяти тот злополучный день 2 июня 1946 года, когда состоялось заседание Высшего Военного совета, в котором он тоже принимал участие. Оно так поразило его воображение, что он несколько дней не мог прийти в себя. Он несколько раз восстанавливал в памяти весь ход того Совета и помнил его до мельчайших подробностей.

Заседание было экстренным, и о повестке дня не было сказано ни слова. Как человека, многое испытавшего в жизни, его охватило тогда мрачное предчувствие, что над кем-то из присутствующих навис дамоклов меч.

В небольшой комнатухе всего лишь с одним окном, где собрался военные, было светло от маршальских звезд на погонах и от многочисленных орденов. Никто почему-то не хотел высказываться по поводу предстоящего совета, хотя чувствовалось по поведению каждого, что таинственная неизвестность сидела занозой под сердцем.

В назначенное время их пригласили в зал заседаний. Тихо, без излишней суеты, но с душевным трепетом все заняли свои места. В отдалении находился стол секретаря Совета. Его занял генерал Штеменко.

Вскоре вошли Маленков, Молотов, Каганович и другие члены Политбюро.

Через несколько минут, в довоенном френче, с выдавшей вид папкой, с хмурым, потемневшим лицом появился Сталин. Все участники заседания, как подсолнухи на свет, повернули в его сторону головы. Ему, Рокоссовскому, показалось, что этот Сталин был очень похож на того, каким он видел его в 37-м году в Кремлевском дворце. Разница лишь заключалась в том, что этот был старше и с более злым лицом.

Сталин медленно подошел к Штеменко, повернулся, окинул взглядом военных. Как ему показалось, он дольше всех задержал взгляд на Жукове.

Сталин молча положил папку на стол и с грузинским акцентом произнес:

— Товарищ Штеменко, прочитайте эти документы.

Его ошарашило то, что читал генерал, необычность этих документов, их сходство с тем, что он встречал на допросах и суде. Он запомнил их почти слово в слово.

Новиков признавался, что залез в грязь преступлений, лично присваивал фронтовое имущество. Он возомнил себя большим человеком, которого знают не только у нас, но и во всем мире. В разговоре со своей женой называл себя выдающейся личностью. В своем заявлении он каялся, что допускал вражеские выпады против Сталина.

Новиков сообщал, что он был связан с Жуковым и вел с ним вредные разговоры в период войны и до последнего времени. Он призывал положить конец карьере Жукова, ибо это может привести к пагубным последствиям.

Новиков характеризовал Жукова как человека самовлюбленного и властолюбивого, не терпящего возражений, любящего славу, почет и угодничество. Вместо того чтобы спланировать командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, он пытается умалить его роль в войне и в то же время выпячивает свою роль, заявляя, что все военные операции разработаны им лично.

Далее Штеменко читал о том, что Жуков считает, что его недооценивает Сталин и, если бы не он, не было бы ни Сталинграда, ни Ленинграда, ни Курска, ни других побед.

Как же ему, Рокоссовскому, все это было знакомо. Он помнил зловещую тишину, повисшую в зале после того, как Штеменко закончил читать.

После продолжительного молчания Сталин предложил присутствующим высказаться по поводу услышанного.

Первым говорил о виновности Жукова Маленков, дважды держал слово Молотов и оба раза приводил факты, говорившие о бонапартистских замашках Жукова.

И если бы не военные, неизвестно, уехал бы Жуков командовать Одесским военным округом или же подался бы к Крюкову в Тайшет. Была критика в выступлениях Конева, Соколовского, Рыбалко, Василевского и других. Отметил грубость и власто-

любие, которыми обладал Жуков, и он, Рокоссовский. Но все маршалы не допускали и мысли, что Жуков способен на предательство и забвение интересов Родины. Они в один голос поддерживали своего товарища. Единственный, кто пытался опозорить маршала, был генерал Ф.И. Голиков.

Рокоссовский так увлекся воспоминаниями, что не заметил, как время приближалось к 11 часам. Он быстро поднялся, подошел к санаторию, сел в машину и уехал.

Он не обращал внимания на визг шин на крутых поворотах, на скрип тормозов. Его занимала одна мысль: видимо, не зря он вспомнил Абакумова и неспроста пришло на память заседание Высшего Военного Совета. С такими тревожными мыслями он подъезжал к даче Сталина, расположенной в живописном ущелье недалеко от берега моря.

У входа в санаторий Рокоссовского встретил Поскребышев. Почтительно поздоровавшись, он провел его через проходную и любезно проговорил:

— Поворачивайте направо и идите по по дорожке, Иосиф Виссарионович вас ждет.

А между тем навстречу Рокоссовскому, в светлом полувоенном костюме, поседевший, еще больше осунувшийся, с букетом красных роз в руке шел Сталин.

Рокоссовский, справившись с волнением, ускорил шаги.

После коротких приветствий Сталин протянул маршалу букет:

— Мне кто-то из военных говорил, кажется Воронов, что вы обожаете розы?

— Так точно, товарищ Сталин, за мной водится такая слабость, — покраснев, произнес Рокоссовский. — Большое спасибо. — Драматические предчувствия в его душе моментально исчезли. Он заметил, что всемогущий вождь с болезненным лицом и смеющимися глазами настроен к нему доброжелательно. Когда Сталин дарил розы, Рокоссовский заметил на его руке две капли крови. Видимо, хозяин срезал розы сам. Он тут же смахнул кровь носовым платком, взглянул на маршала и кивнул в сторону беседки:

— Прошу вас на чай.

На столе, в оплетенной виноградом беседке, стояли коньяк, вино, боржоми, разнообразные холодные закуски, но чая не было.

— Я пью вино, а вы что будете пить? — спросил Сталин, хитро заглядывая в глаза.

— Не откажусь от рюмки коньяка, — улынувшись, ответил маршал.

День был жаркий и легкий, ветерок, поддувавший с гор, приятно освежал собеседников.

— Черчилль хотел посадить на шею полякам правительство в изгнании во главе с Миколайчиком*, — говорил медленно Сталин, раскуривая трубку. — По этому поводу он много раз дурил мне голову, присылал десятки писем. Но народ Польши поступил по-другому — он выбрал себе народную власть. — Сталин взглянул на Рокоссовского. — Как сейчас дела в Польше?

— Когда я видел Польшу во время войны, мне казалось, что на ее восстановление уйдут десятилетия. К счастью, я ошибся. Польша восстает из руин буквально на глазах. Народ трудится с большим энтузиазмом.

— Хорошо, товарищ Рокоссовский, — сказал Сталин, набивая трубку. — Нам надо помогать полякам. В истории наших отношений было много всякого, были и завалы, их надо рассчитывать. — Сталин прошелся по беседке, раскурив трубку. Потом подошел вплотную к Рокоссовскому, заглянул в глаза. — Скажите, Константин Константинович, как вы относитесь к военачальникам, которые пытаются удовлетворить ничем не обоснованные амбиции?

— Я к этому отношусь отрицательно. Каждый человек должен заниматься своим делом в пределах своей компетенции, знаний и способностей, — помолчав, ответил Рокоссовский. Он выдержал взгляд вождя и спокойно добавил: — Смотреть на людей с высоты своего амбициозного величия не пристало даже выдающимся людям.

— Золотые слова, — улынувшись Сталин. — Спасибо вам за это. — Он снова прошелся по беседке, остановился у стола и, помахивая трубкой, сказал: — Еще спасибо вам за то, что вы мужественно пережив нанесенную вам обиду, не топорщитесь, не играете на публику, а являетесь таким, как есть.

Сталин вновь сел за стол, и Рокоссовскому показалось, что он хочет сказать что-то важное и обдумывает, как сформулировать свои мысли. Он заговорил негромко, словно размышляя:

— Недавно я встречался с Берутом*. Мы много говорили с ним о Польше, о международных делах, о том, что империалисты от нас не отстанут и странам, строящим социализм, надо хорошо заниматься вооруженными силами. — Он снова прошелся вдоль стола и, выпустив струйки синеватого дыма, в лоб произнес:

— Болеслав Берут вышел на нас с настоятельной просьбой о том, чтобы мы отдали ему маршала Рокоссовского на должность министра обороны. — Сталин приблизился к гостю и, остановившись в двух шагах от него, заглядывая в глаза, спросил:

— Что думает по этому поводу сам маршал Рокоссовский?

Теперь стало ясно, ради чего был затеян этот прием. Рокоссовский молчал. Вся его военная жизнь прошла здесь, в России, тут он уже давно пустил глубокие корни. Он полюбил этот народ, обычаи, язык и сам стал частью этого народа. И теперь начинать все сначала? Надевать польский мундир? Ни за что!

Сталин, видимо, понимая, какой трудный вопрос он поставил перед гостем, тоже молчал, продолжая рассказывать из угла в угол.

— Ну, что скажете, Константин Константинович? — не выдержав слишком долгого молчания Сталин.

— В Польше есть свои талантливые военачальники, и им по плечу должность министра обороны, — ответил, смутившись, Рокоссовский. — Говорю так потому, что я их хорошо знаю.

— Вы для поляков тоже не чужой.

— Да, но я маршал Советского Союза.

Сталин сел за стол, посопел, пристально посмотрел на маршала, затем налил в рюмку коньяка, наполнил фужер вином и поднял его над столом.

— Рокоссовский у нас один, — говорил он неторопливо. — Но его опыт и талант потребовался народной Польше, и мы не можем отказать друзьям в их просьбе. Надо помочь поставить их вооруженные силы на ноги. Это в наших общих интересах.

— Я — солдат, товарищ Сталин! Интересы моей страны для меня — закон, — поднялся Рокоссовский. — Как решите, так и будет.

— Спасибо, Константин Константинович, другого ответа я от Вас не ожидал. — Сталин отпил несколько глотков вина и поставил фужер на стол. Рокоссовский пригубил коньяк, взяв букет роз и с разрешения Сталина покинул беседку. У выхода с дачи его снова встретил Поскребышев и, видимо, по заданию Сталина познакомил его с окружающей местностью, пляжем, с группой высокопоставленных поляков, отдыхавших в соседнем псковском санатории.

Уже перед заходом солнца в длинной черной машине Рокоссовский возвращался к себе. За этот день на него навалилось столько переживаний и непредвиденных событий, что нервы

были напряжены до предела. Через открытое окно машины он вдыхал прохладный морской воздух и думал о том, что неплохо было бы завалиться в какой-нибудь укромный уголок ресторана, поговорить со знакомым человеком, расслабиться. «Жаль, что нет напарника, а в одиночку устраивать себе застолье – глупо», – подумал он с грустью.

И какая же маршала охватила радость, когда у входа в санаторий его встретил в праздничном костюме генерал Аревадзе.

– Михаил Егорович! – воскликнул Рокоссовский. – Ты же должен быть уже в Тбилиси?

– С двумя билетами улетел сын, – сказал, добродушно улыбаясь, генерал. – Разве я мог улететь, не выпив бокала имеретинского вина со своим дорогим командующим фронтом? – Он взял под руку Рокоссовского. – Прошу, батона!*

Они зашли в одноместный номер, в котором был накрыт богатый стол. Рокоссовский за всю свою жизнь не слышал о себе столько хороших слов, как в эту южную лунную ночь. Аревадзе оказался не только храбрым воином, но и искусным тамадой.

Тост «За самого интеллигентного и красивого маршала», который... Тост «За храброго и смелого полководца», который... Тост «За командующего фронтом, тонко понимающего юмор»... – одним словом, тостам, анекдотам и побасенкам не было конца. Застолье закончилось только тогда, когда дежурный врач санатория напомнил, что уже время перевалило за полночь.

Глава пятая

1

Маршал Рокоссовский переживал вторую молодость, когда через тридцать лет, на протяжении которых он прошел путь от солдата Каргопольского полка до одного из выдающихся полководцев нашего времени, – перед ним открывалась дорога возвращения на родину.

После беседы со Сталиным этот вопрос решился с головокружительной быстротой. Разговор состоялся в конце октября, и уже с ноября 1949 года маршал Польши Рокоссовский издает первый приказ по Войску Польскому.

Нельзя не восхищаться тем, как с ходу Рокоссовский включился в совершенно новую для себя обстановку. Ведь прошед-

*Батона – господин (*грузинск.*).

шие годы, за исключением войны, не соединяли его со своим народом, его языком, средой обитания.

Смотришь на речи, резолюции на письмах и других документах, сохранившихся в архиве Войска Польского, и тебя не покидает удивление: как можно было так быстро вспомнить свой родной язык, его грамматику. Четкий каллиграфический почерк, отсутствие грамматических ошибок, выразительность, образность языка – вот характерные черты всех резолюций, докладов, речей. Приходится только удивляться уникальным способностям этого человека.

В период «холодной войны» при активном участии Рокоссовского была принята новая программа развития вооруженных сил Польши. Его богатый военный опыт помог повысить боеготовность армии, способствовал развитию бронетанковых войск, артиллерии, авиации и других родов войск, были созданы войска противовоздушной обороны.

За два года напряженного труда удалось создать три военные академии, двадцать четыре офицерских училища, курсы по переподготовке высшего командного состава, несколько центров обучения офицеров запаса и корпус кадетов. За то же время создавалась сеть военно-научных учреждений, происходило бурное развитие польской военной мысли.

В 1951 году за выдающиеся заслуги в боях за освобождение народной Польши и укрепление обороноспособности Войска Польского Рокоссовский был награжден орденом «Budowniczych Polski Ludowej»*.

2

Юлия Петровна целый день носилась с телеграммой, которую утром получила из Москвы. Она ходила по своей роскошной трехкомнатной квартире и не находила себе места. Близких подруг у нее здесь не было, и не с кем было поделиться такой радостной новостью. Правда, знакомые были, но они относились к ней как к жене министра, поэтому душевного разговора с ними не получалось. Единственная женщина, которая поддерживала с ней сердечные отношения, была сестра мужа. Сегодня она уже с ней разговаривала по телефону и поделилась своей новостью.

Она прочитала телеграмму еще несколько раз, хотя уже знала ее наизусть. Юлия Петровна приготовила праздничный

*Орден «Строителей Народной Польши».

ужин и с нетерпением ждала мужа, чтобы сообщить ему эту сногсшибательную новость.

Уже был девятый час вечера, а Рокоссовский, как назло, не появлялся. Жена не имела привычки звонить на работу, но сегодня не выдержала. Она открыла справочник, нашла номер телефона кабинета министра обороны.

- Костя, ты скоро приедешь?
- Что-нибудь случилось?
- Случилось, приезжай, узнаешь.
- Юлия, не интригуй, что-нибудь с Адой?
- Не волнуйся, приезжай.

Когда Рокоссовский переступил порог квартиры, он не мог понять, что случилось с женой. Она была одета в новое платье и вся светилась радостью.

- Поздравляю, папочка, - она поцеловала его в щеку.
- С чем?
- На, читай! - жена протянула ему телеграмму.

«Дорогие мои родители. Я выхожу замуж. Свадьба назначена на 15 сентября.

Ждем вас. Целуем. Ада и Виль».

- Узнаю свою дочь.
- А ты чем недоволен?
- Прежде чем объявлять свадьбу, могла бы посоветоваться с родителями.

- Костя, молодежь сейчас другая, и надо с этим считаться.

- Ты Аде звонила? - приглушенно спросил Рокоссовский.

- Да, звонила.

- Кто жених?

- Старший лейтенант химических войск Кубасов Виль, - ответила жена, продолжая улыбаться. - Сын генерала, начальника химслужбы Вооруженных Сил.

- Я не пойму, чему ты так радуешься?

- Костя, ну как не радоваться? Дочь выходит замуж, пойдут внуки, для нас на склоне лет знаешь какое будет счастье?

- Брак по любви или по расчету? - не мог успокоиться Рокоссовский.

- Ада говорит, что по любви.

- Ну что ж, я займусь списком своих гостей, - сказал уже более примирительно маршал, - а ты собирайся в дорогу. Молодым надо помочь.

После этого разговора прошло всего лишь десять дней, и на

даче Рокоссовского уже гуляли свадьбу. Природа, словно по заказу, подарила к этому празднику по-летнему теплый день. Пахло свежей соломой, дымком пригоревшей на кострах картошки, зрелыми травами. В воздухе носился крепкий аромат хвой и можжевельника.

В чутком лесу раздавались возгласы прогуливавшихся гостей. До начала торжеств оставалось около двух часов, и Рокоссовский с Батовым, Чуйковым, Малининым, Казаковым и другими своими сослуживцами обменивались мнениями о современной жизни, о состоянии дел в армии и, конечно, о прошедшей войне.

Когда речь зашла об операции «Багратион», Батов с присущей ему горячностью сказал:

- Я до сих пор не могу понять, почему члены Ставки и Генштаб так единодушно отвергали план Константина Константиновича насчет двух ударов.

- У них были свои соображения, и они их отстаивали, - сказал Рокоссовский. - Тут уже пошли в ход амбиции.

- Ни заместитель Верховного Жуков, ни начальник Генштаба Василевский не хотели отдавать пальму первенства в стратегическом мышлении, - сказал Малинин. - Это сильно подрывало их авторитет. Вот они и стояли до конца на своем.

- Если бы мы нанесли главный удар с Днепровского плацдарма, как предлагалось раньше, по сильно укрепленному Борисовскому району, - вслух размышлял Батов, - мы бы до сих пор чесали затылок.

- Это почему же? - спросил Чуйков.

- Только потому, что это стоило бы нам больших жертв, - с горячностью ответил Батов.

- Он рассуждает так потому, что является крупным специалистом по болотным операциям, - рассмеялся Чуйков. - Именно Павел Иванович нанес второй главный удар в обход Борисова с юга. Мне рассказывали, что немцы приняли его за болотного черта.

- Ты не язви, Василий Иванович, - усмехнулся Батов. - Спасибо Сталину, что он сумел оценить стратегическую смекалку нашего командующего фронтом. В противном случае мы бы имели первые Зееловские высоты. - Батов уколол Чуйкова за большие потери при штурме Берлина.

- Друзья, не надо ссориться, - Рокоссовский обнял за плечи своих бывших командармов. - Как всегда, вы оба правы. Не будем портить настроение перед свадьбой.

А тем временем в доме продолжалась предсвадебная суматоха — шум, гам, суета. Носился запах пирогов, хрена, копченой рыбы, салатов. Звякала посуда, падали из рук ножи и вилки. Бились к счастью тарелки.

Едва держалась на ногах и мать невесты. Со своими помощницами она накрывала на стол, растянувшийся в самой большой комнате от порога до самого противоположного угла. Пахучий чад плавал на кухне. В кастрюлях, на противнях что-то шипело, трещало, постреливало.

В другой комнате около невесты крутились подружки — то завивали и укладывали ей волосы, то примеряли к ее ушам золотые сережки, подаренные родителями, то вешали на шею золотую цепочку, которую она получила от родителей мужа. Сначала Ада покорно доверялась своим подругам, надела белое, с пышным воротником подвенечное платье, доставленное ей из Варшавы, но, увидев себя в зеркале, показала характер — ей, комсомолке, не пристало смешить людей старыми свадебными обрядами. Несмотря на то что она своим поступком довела мать до слез, все равно сделала по-своему. Она надела сиреневое платье с белым воротничком, сунула ноги в светлые туфли на высоких каблуках.

— Вот это другое дело, — сказала она, взглянув в зеркало. — Теперь я такая, какой меня знают люди.

— Ада, милая, ведь ты невеста, — уговаривала ее мать со слезами на глазах. — Надень подвенечное платье.

— Мамочка, не приставай, все равно не надену.

Когда Юлия Петровна пожаловалась по этому поводу отцу, тот ответил:

— Юленька, оставь ее в покое. Ты забыла, что она уже совсем взрослая.

Заурчали под окнами машины, и Ада с подругами подбежала к окну.

— Жених приехал, — засуетились они.

Из машины вышла дородная женщина, одетая в строгое платье цвета морской волны. Эта строгая женщина, похожая на южанку из Закавказья, приходилась жениху матерью. За ней стоял среднего роста, худощавый, с русым непослушным чубом, молодой человек, в элегантном черном костюме. Он оставил у дома гостей, которые выходили из машины и тут же познакомились с будущими родственниками и их друзьями, и вошел в дом. У дверей он на мгновение задержался, поцело-

вал руку Юлии Петровне, которая подошла к нему первая, и зашел в комнату невесты и ее подруг.

Раскрасневшаяся Ада стояла у окна и делала вид, что она интересуется гостями, а на самом деле она ждала, когда к ней подойдет жених, — ей было интересно, как он в данном случае поступит.

— А вот и я, моя милая Ада, — сказал он, чуть заикаясь от волнения. Он робко поцеловал ее в щеку.

— Знакомься, мои подружки, — усмехнулась Ада отцовской улыбочкой.

Вскоре гости уселись за столы. Виля и Аду усадили в угол, где стояли пышные букеты роз, которыми занимался лично Рокоссовский. По правую сторону от невесты сидела ее родня: мать, отец, подружки, по левую — родственники жениха — отец, мать, ее брат, мужчина с обиженным большим носом, упирающимся в помятые усы. Друзья сидели где попало, вразнобой, только многочисленные сослуживцы маршала держались вместе.

За отдельным столом в соседней комнате сидели музыканты: аккордеонист, скрипач, гитарист, барабанщик и редкий специалист, игравший на английском рожке. Последний, видимо, для вдохновения хлебнул лишнего и все порывался играть.

Гости поднимали рюмки, поздравляли молодых. После третьего тоста, по поручению тамады, Малинин прогудел:

— Горька-а!!! Горька-а!!!

Мало-помалу свадьба слилась для молодых в один непрерывный гул, звон и веселый говор. Они поднимались, целовались, краснели, смеялись — короче говоря, все было как у людей.

Застолье проходило звонко и весело, хмельные напитки делали свое дело — гости становились раскованнее, мягче и добрее. Когда Рокоссовский поздравлял молодых, он внешне выглядел точно так же, как всегда: высокий, стройный, с синим и добрым огоньком в глазах. Темно-синий костюм сидел на нем безукоризненно. Только седина и морщинки вокруг глаз выдавали возраст и напоминали о том, что его жизненный путь был проложен не по ровной дороге.

Ада наблюдала за отцом, и ее внимание было направлено не только на то, что он желал своей единственной дочери, но и на выражение лица, интонацию.

После тоста, к которому было привлечено внимание гостей, маршал вышел из-за стола и, повернувшись к музыкантам, произнес:

— Прошу исполнить польский народный танец «Краковяк». Он подошел к дочери, как заправский танцор, поклонился и, взяв ее под руку, встал посередине комнаты.

Когда заиграли музыканты, он подмигнул дочери и на несколько минут отдался танцу своей юности. Он галантно, с молодым азартом водил свою партнершу по кругу, и у той пышная черная копна волос колыбалась так, будто ее трепал сильный ветер. Веселый и задорный танец захватил их обоих. Потом Рокоссовский, исполнив эффектное па, распустил руки, словно крылья, грациозно поплыл, подпевая:

Kra-ko-wia-a-a-czek je-e-den
Miał ko-ni-ików sie-e-dem*.
Na-a войну-у уе-ехал,
Во-от была поте-е-ха.

Танец кончился. Музыкантов и танцующую пару гости наградили аплодисментами и одобрительными возгласами.

А когда оркестр заиграл плясовую и беспшабашная, неукротимая удаль заговорила в каждом звуке, в круг вышли Батов и Чуйков. Темп их пляски учащался. Они танцевали все удалее и забористее до тех пор, пока, взявшись за сердце, не упали на стулья.

— Как воевали, так и пляшут, — заметил бывший начальник бронетанковых войск, потянувшись за бутылкой водки.

— Орел, может, хватит? — сказала жена.

— Я хотел обменяться тостом с отцом жениха, — виновато проговорил генерал.

— Ты уже выпил целых десять.

— Ты не права, только семь.

— Больше я не разрешаю, — властно проговорила жена. — А то из Орла превратишься в мокрую курицу.

Рокоссовский поднялся и, подмигнув Малинину, пришел на выручку другу:

— Я предлагаю тост за наше фронтовое братство.

— От такого тоста грех отказать, — повеселел Орел.

Время уже приближалось к полуночи, но смех и веселье возобновились с новой силой, когда Малинин исполнил «Летят утки и два гуса».

Вскоре гости разъехались. Молодожены уехали в Москву. Рокоссовский и Юлия Петровна стояли у открытого окна. При

*Один краковячек имел семь лошадей (польск.).

тусклом свете луны в их душах звучала какая-то грустная мелодия. Теперь их дочь Ада не будет принадлежать им безраздельно — у нее своя семья.

В лесу было тихо. Только откуда-то издали доносился протяжный звук поезда, будто он кого-то звал. Лес подхватил этот крик и унес его вдаль. Мягким, задумчивым светом мелькали в небе звезды. Одна из них огненной дугой промелькнула по небу и бесследно исчезла.

3

Президенту Польши Болеславу Беруту, как и всем руководителям социалистических стран, не были чужды замашки вождизма: безукоризненная вера в свою правоту, неприятие критики, благосклонное отношение к восхвалению его личности. Где бы ни появлялся президент, он становился центром всеобщего внимания.

Но затмить личность Рокоссовского ему никогда не удавалось. Берут понимал это и поддерживал с ним дружеские отношения. Особенно выгоден был ему Рокоссовский, когда возникла необходимость в переговорах с Москвой об удовлетворении каких-нибудь солидных запросов.

Вот и сегодня, 18 июня 1952 года, они вышли из кабинета Председателя Совета Министров СССР, где договорились насчет лицензии по производству реактивных самолетов в Польше.

В приемной ему сообщили о том, что звонила жена и просила передать, что у него вчера вечером родился внук. Попрощавшись с Берутом, Рокоссовский заехал домой, взял жену и направился в роддом. Надев халаты, они зашли в палату, где лежала их дочь.

— Позвольте мне первой поздравить вас, товарищ маршал, с рождением внука, — сказала встретившая их врач.

— Спасибо, — улыбнулся счастливой улыбкой Рокоссовский и вручил врачу, принимавшему роды, букет роз, коробку конфет и духи.

— Спасибо, извините, у нас не принято брать подарки, — смущенно сказала женщина.

— Где это у вас? — усмехнулся Рокоссовский.

— Здесь, в нашей больнице.

— А у нас в Польше другие порядки, — сказал Рокоссовский. — Как чувствует себя мать?

— Посмотрите сами. Помучилась... Скрывать не стану, рождение сына далось ей нелегко.

— Теперь все благополучно? — уточнил Рокоссовский.

Врач утвердительно кивнула головой.

Рокоссовский подошел к кровати, на которой, закинув руки за голову, неподвижно лежала Ада и дремала. Он глянул на врача: стоит ли будить? Но Ада повернула голову и увидела отца. Ее лицо было бледным; под глазами виднелись темно-синие круги.

Рокоссовский присел на стул и тихо произнес:

- Доченька, как ты себя чувствуешь?
- Немного лучше, – ответила она слабым голосом.
- Я поздравляю тебя с сыном.
- А я поздравляю тебя с внуком.
- Спасибо.

Он нагнулся и поцеловал ее в щеку. В этот момент он увидел рядом с ней прикрытого одеялом сморщенного младенца. Он внимательно, с гулко бьющимся сердцем, смотрел на красное личико этого маленького человечка. Ада приоткрыла одеяльце, и он увидел закрытые глазки и усилия этого человечка подвигать тельцем, будто он хотел повернуться на другой бок. Затем он открыл глазки, и Рокоссовскому показалось, что он внимательно изучает своего дедушку. Глаза у него были голубые, а волосики светлые, как у дедушки.

Маршал, растаяв в улыбке, вложил палец в маленькую ручонку, и малыш зажал его в свой крохотный кулачок.

– Будет крепкий мужчина, – радостно улыбнулся дедушка. – Молодец.

Лица Ады и Юлии Петровны озорились радостью.

– Как мы назовем этого богатыря? – спросил Рокоссовский сначала Аду, потом жену.

- Мы уже единогласно решили, – ответила Юлия Петровна.
- Любопытно, что же вы решили?
- Мы назовем его в честь деда, Костей.
- Константин Рокоссовский, – произнес он, словно хотел еще раз проверить, как звучит это имя.
- Тебе это имя нравится? – усмехнулась жена.
- А тебе?
- Мне очень.
- Спасибо, мои дорогие женщины. Вы мне очень угодили.

Род Рокоссовских продолжается.

Ему страшно хотелось взять на руки малыша, пройтись с ним по палате и победным голосом произнести:

– Слушайте меня, люди, на свет появился еще один Константин Рокоссовский.

– Извините, товарищ маршал, вам пора уходить, – сказала врач.

Рокоссовский попрощался с дочерью и, не сводя глаз с малыша, тихонько вышел из палаты.

Он отъездом жены и уехал в аэропорт. В комнате для именитых особ уже находился президент Польши. Они выпили по бокалу шампанского за нового человека, сели в самолет и улетели в Варшаву.

В превосходном расположении духа Рокоссовский по старой привычке смотрел в иллюминатор. Машина летела над плотными светлыми облаками, похожими на необозримый горный ландшафт.

4

После ряда лет напряженного труда народное войско превратилось в современную, прекрасно вооруженную армию.

Не без участия Рокоссовского промышленность Польши освоила производство боевой техники и начала поставлять для войск танки, самолеты, орудия, а также другие виды оружия и военного имущества.

Архивы хранят подлинные указания, предложения, рекомендации и решения, а также личные разработки некоторых концепций обороны, написанные рукой маршала.

Хранящиеся документы с резолюциями Рокоссовского свидетельствуют о том, что в стиле его работы отсутствовали бюрократизм и категоричность. Он всегда старался учитывать мнение подчиненных.

Сохранившиеся в архивах многочисленные фотографии запечатлели теплые встречи маршала с рядовым составом, с офицерами, их семьями.

В 1952 году Рокоссовский был избран от варшавских железнодорожников в депутаты сейма.

После избрания в сейм Рокоссовский был назначен на должность заместителя премьер-министра, что расширило круг его служебных обязанностей и полномочий. Неоднократно ему приходилось представлять польское правительство на конгрессах, конференциях, в организациях ветеранов войны.

Глубокая симпатия и доверие, которые питал польский народ к своим вооруженным силам, в большой степени зависели от личности Рокоссовского.

Рокоссовский был горячим сторонником укрепления польско-

советской дружбы и для этого сделал немало. Поглощенный работой в министерстве национальной обороны, Рокоссовский тяжело переживал политические события, происходившие в Москве в середине пятидесятых годов. Его потрясли политические интриги в руководстве страны в борьбе за власть после смерти Сталина. Многие из тех, кого он относил к порядочным людям, верным коммунистическим идеалам, теперь напоминали ему пауков в банке. Мышиная возня за власть в первой стране социализма отдавалась гулким эхом в Польше и других социалистических странах.

Волны неприятных событий набрасывались на маршала одна за другой. Можно понять душевное состояние Рокоссовского, когда его в марте 1956 года настигла весть о смерти в Москве Болеслава Берута, с которым его связывала большая дружба. Ведь по его просьбе он оказался в Польше. Из всех ударов судьбы, перенесенных Рокоссовским с момента назначения министром, этот, пожалуй, оказался наиболее тяжелым.

5

Осень 1956 года наступила внезапно. Над Варшавой нависли, угрожая дождем, темные тяжелые облака. На улице вдоль здания, где был расположен кабинет Рокоссовского, деревья уже были голыми и уныло ждали наступления холодов.

Маршал подошел к окну. До конца дня еще было далеко, но то, что творилось за окном, напоминало ночь — темная тягучая мгла охватила все вокруг.

В глазах маршала не горел задорный огонек, очень редко покидавший их, на лице не было видно того сердечного добродушия, которое все привыкли видеть, общаясь с ним на протяжении долгих лет.

В странно-печальной тишине кабинета, освещенного бледным светом, чувствовалась какая-то тягостная безнадежность.

Рокоссовский то ходил по ковровым дорожкам, то садился за стол, беспрерывно дымя папиросами. Строгое лицо, плотно сжатые губы, в голубых глазах — затаенная тревожная мысль.

Почти семь лет тому назад он не без колебаний дал согласие Сталину занять пост министра обороны Польши. Никто не может упрекнуть его в том, что он зря потратил время, — польская армия входит в пятерку лучших армий в Европе.

Теперь нет могущественного вождя, умело склонившего его к этому решению. Нет Болеслава Берута, под руководством которого он почти заново создавал польскую народную армию.

Маршал вспомнил ноябрь 1949 года. В то время, когда он приступил к своим обязанностям, ему доложили польские генералы, что состоялся третий Пленум Польской объединенной рабочей партии, где видный деятель польского рабочего движения Владислав Гомулка был выведен из состава ЦК ПОРП. Почему? За что? Об этом никто говорить не хотел.

В августе 1951 года Гомулка был арестован. Эти странные обстоятельства ареста были восприняты польской общественностью отрицательно. Маятник качнулся в другую сторону и в сознании Рокоссовского. Им не забыты были репрессии в Советском Союзе. О них он помнил, хотя с другими на эту тему говорить не хотел. Он потом узнал, что между Берутом и Гомулкой были разногласия по ряду вопросов внутренней политики, особенно по вопросу коллективизации сельского хозяйства. Но разве это могло быть основанием для ареста? Маршал, соблюдая осторожность, несколько раз пытался заговорить на эту тему с Берутом, но тот умело от этого разговора уклонялся. По советскому образцу средства массовой информации Польши героизировали образ Берута и преувеличивали все темные стороны Гомулки, когда-то признанного лидера рабочего движения. В 1954 году Гомулка вышел на свободу, в этом же году его реабилитировали, а с октября 1956 года он стал руководителем польского государства.

Не прошло и месяца, как Гомулка стал выдвигать на руководящие посты своих людей. Рокоссовский, министр обороны, начал замечать прохладное отношение к своей персоне. Вокруг него постепенно начали появляться другие люди: молчаливые, безразличные, надменные. Оставшиеся старые кадры тоже начали отдаляться.

Полководец, прославивший свою нацию, отдавший семь лет служению Польше, Константин Рокоссовский пришел к неутешительному выводу: теперь он в этой стране лишний.

Теперь его неудержимо потянуло к жене, к семье дочери, к друзьям, с которыми делил радость и горе. От этой мысли стало веселее на душе, и он подошел к столу, взял лист бумаги и машинально написал рапорт об отставке. Он не успел еще раз его прочитать, как зашел в кабинет помощник и доложил:

— Звонила какая-то пани и назвалась Зосей Пенкальской.

— Зося Пенкальская? — с удивлением посмотрел на офицера Рокоссовский. — Откуда она звонила?

— Не знаю. Она хочет с вами встретиться.

- Когда?
- Сегодня. В удобное для вас время.
- Маршал глянул на старинные настенные часы.
- Я готов ее принять в 16.30.
- Пропуск заказать?
- Не надо, я встречу ее сам.

К зданию министерства обороны спешила женщина. На ней был черный плащ и такого же цвета шляпа. В такт шагам она размахивала коричневой сумочкой, которую крепко держала в руках. На вид ей было лет пятьдесят. Выражение ее приятного, видимо, когда-то красивого лица, носило отпечаток глубокой задумчивости.

У входа в министерское здание, к удивлению часовых, ее встретил виновато улыбавшийся Рокоссовский. Заглядывая ей в глаза и целуя руку, маршал произнес:

— Здравствуй, Зосенька, какими судьбами?

— Случайно узнала, что мой друг юности — очень важная в Варшаве персона. Захотелось взглянуть на него, вспомнить молодость.

Зайдя в приемную, Рокоссовский помог даме снять плащ, повесил его на вешалку. Он открыл дверь кабинета и, слегка поклонившись, произнес:

— Прошу.

— Спасибо, — сказала Зося, взяв под мышку сумочку.

— Присаживайся, — кивнул маршал.

— Извини меня, Константы, что я тебя потревожила, — сказала она, когда они уселись друг против друга за приставной стол.

— Кстати, можно с тобой на «ты»?

— Зосенька, как тебе не стыдно, конечно, можно, — без тени жеманства проговорил Рокоссовский.

Вошла девушка, поставила перед ними чашки с чаем, печенье, конфеты и лимонные дольки.

— Спасибо, Анна, — поднял глаза на нее Рокоссовский.

С любопытством посмотрев на посетительницу, она вышла.

Рокоссовский и Пенкальская проговорили около часа. В основном вспоминали прошлое и очень мало касались настоящего. Как заметил про себя маршал, Зося не очень была расположена к разговору. Ему показалось, что ее мучила какая-то сиюминутная тревога, которая выражалась во взгляде, на лице, в интонации голоса.

А когда речь зашла об августовском восстании 1944 года в

Варшаве, в ее лице появилась злоба, руки с тонкими пальцами время от времени дрожали.

— У меня погиб там сын! Мой единственный сын! Он был патриотом и хотел жить! Он нуждался в защите! — Пенкальская говорила глубоким, низким, слегка вибрирующим голосом и совсем не была похожа на ту юную красавицу, которую когда-то знал Костя Рокоссовский.

— Да, Зосенька, это тяжелая утрата, — сочувственно произнес он.

— В этом повинен ты, Константы! — прикрываясь столом, она держала сумочку на коленях.

— Зося, побойся бога, обвинять меня в таких страшных грехах, — сказал маршал и, выходя из-за стола, спросил: — Мне можно курить?

Пенкальская не ответила. Рокоссовский подошел к полуоткрытому окну, закурил. В стекле оконной рамы отражался стол, где сидела посетительница. Он заметил, что она опустила правую руку вниз и, что-то вынув из сумочки, держала ее под столом.

— Зося, — повернулся он и окинул ее спокойным взглядом. — А тебе не кажется, что ты ошибаешься?

Пенкальская истерично выкрикнула:

— По твоей вине погибли десятки тысяч поляков! Твои солдаты стояли у стен Варшавы, а ты не пошевелил и пальцем, чтобы помочь бедным людям!.. Ты повинен в смерти моего сына Ярослава!.. Предатель!

Рокоссовскому показалось, что Пенкальская в любой момент может выстрелить. Он ни на минуту не сомневался в ее намерениях. Что делать? Ускользнуть из кабинета? Это трусость и позор. Преодолев внутренний страх, он начал спокойно ходить по кабинету.

— Милая Зося, я тебя понимаю. Утрата, которую ты понесла в этой жизни, может лишить рассудка... Но я вижу, что ты оказалась мужественной и терпеливой женщиной. Именно такой я тебя представлял, когда вспоминал нашу юность в часы одиночества. — Рокоссовский закурил и, мельком поглядывая на посетительницу, продолжал ходить по кабинету. — Теперь послушай, что я тебе скажу. Поверь мне, Зосенька, я всегда говорю то, что знаю.

Пенкальская, держа руку под столом, продолжала напряженно сидеть. Ее лицо приняло безразличное выражение.

— В Польше есть города и земли, — продолжал Рокоссовский, прикурив следующую папиросу, — где каждый камень,

каждая травинка, каждое оставшееся в живых дерево дышат болью минувшей войны. Я при тебе хочу задать себе два вопроса и постараюсь на них ответить. Что случилось на исходе лета 1944 года? Почему восставшая Варшава обрела себя на унижение, и кто в этом виноват? – Рокоссовский посмотрел в окно, остановился и, повернувшись к Пенкальской, продолжал: – Так называемый план «Буря» и основные его положения были разработаны штабом Армии Крайовой к исходу ноября 43-го года. Общий замысел этого плана – после выхода Красной Армии на границу довоенной Польши в немецких тылах должно было начаться мощное вооруженное восстание, поддерживаемое воздушным путем из Англии. Предполагалось – заставить гитлеровцев, находящихся в Польше, добровольно сложить оружие и отступить за созданный Армией Крайовой барьер, отделяющий немцев от Красной Армии.

– Это ваша советская пропаганда! Это ложь! – вспыхнула Пенкальская.

Рокоссовский молча подошел к сейфу, порылся в бумагах и достал нужную папку.

– Вот что говорится в рапорте от 14 июля 1944 года, – продолжал он, подойдя к столу. – На имя председателя комитета по делам обороны генерала Сосновского одним из руководителей восстания Бур-Комаровским: «Бездеятельность Армии Крайовой с момента вступления на наши земли Советов может привести к тому, что сторонники встретят их хлебом и солью и не будет никаких препятствий для фальсификации воли народа и создания Советской республики»*. – Рокоссовский глянул на чуть присмирившую Пенкальскую, положил папку на стол и продолжал дальше: – Роковую роль, Зосенька, в надвигавшейся драме сыграли жесткая установка руководства Армии Крайовой на максимальное ограничение контактов с командованием Красной Армии, переоценка масштаба возможности помощи со стороны западных союзников и преступная недооценка сил фашистов.

Вероятно, под влиянием доводов маршала на лице Пенкальской появилось внимательное, вдумчивое выражение.

Рокоссовский снова взял в руки документы.

– Вот что говорилось о взаимодействии с Красной Армией. Послушай, что говорится в приказе Главного командования Армии Крайовой от 12 июля 1944 года:

«Командиры АК ведут как можно больше боевых действий

против немцев самостоятельно, не прибегая к скорой связи с советскими войсками»*.

– Мне можно папиросу? – вздрагивающими губами спросила Пенкальская.

– Извини, я не догадался, – он подошел к столу, положил перед Зосей пачку папирос и зажигалку.

Она взяла папиросу, прикурила:

– Что ты еще можешь сказать?

– Известный закон войны, – Рокоссовский сел за стол министра, – за головоуязвление командиров расплачиваются солдаты.

– Но почему российские войска останавливали наступление на Варшаву и дали возможность гитлеровцам уничтожить восставших? – спросила Пенкальская. В ее голосе чувствовалось нетерпение. – Это была воля Сталина? Да? Его приказ?

– Эту ложь подкинуло руководство Армии Крайовой, чтобы оправдать свой авантюризм, – ответил Рокоссовский, устремив взгляд на собеседницу. – Правда же состоит в том, что наши войска, неся большие потери, рвались к сражающейся Варшаве. Мы пытались взять город в лоб, но эта попытка оказалась абсолютно безнадежной. Наши войска вынуждены были перейти к обороне.

Пенкальская снова закурила и после некоторого молчания холодно, с чуть заметным оттенком презрения в голосе сказала:

– Повстанцы погибали не только от зверств фашистов, но и от недостатка продовольствия и оружия. Почему вы им не оказали помощь?

– Это еще одна ложь руководства Армии Крайовой, – Рокоссовский показал Пенкальской справку, где были изложены все данные по самолетовылетам 1-го Белорусского фронта и количеству продовольствия и оружия, брошенных повстанцам.

Пенкальская протянула маршалу документы и, облизывая сухие губы, трагическим взглядом посмотрела ему в глаза.

– Прошло более пяти лет, но, к сожалению, ложь удивительно живуча. – Рокоссовский снова сел напротив Пенкальской. – Мне кажется, Зосенька, что твое горе кто-то использует в своих корыстных целях. Этим людям, в сущности, наплевать на твою жизнь.

Пенкальская замерла, затем, глядя испуганными глазами на Рокоссовского, достала из-под стола пистолет, дрожащими руками положила его на стол и горько заплакала.

Рокоссовский поднялся, взял пистолет, разрядил его и положил в сейф. Он подошел к графину, налил стакан воды.

— Выпей, пожалуйста, тебе станет легче.

Она опорожнила стакан и подняла заплаканные глаза на спокойное лицо Рокоссовского, заглянула в его голубые глаза, и ей на миг показалось, что перед ней все тот же юноша Константин, который уходил из города Груеца в русскую армию. Она до сих пор помнила его слова и прощальный поцелуй. Она смущенно, будто стыдясь того, что она намеревалась сделать, сдавленным голосом проговорила:

— Константы... ведь мы когда-то были молодыми. — В ее глазах стояли слезы, руки, лежавшие на столе, нервно вздрагивали. — Да, Константы, ты помнишь?.. Помнишь?

— Да, Зосенька, помню, мы были с тобой молоды.

Пенкальская тяжело поднялась, вытерла платком слезы, чуть приободрилась, вышла на середину кабинета и упавшим голосом произнесла:

— Я готова. Звони в полицию.

— Зосенька, никуда я звонить не буду, — подошел к ней Рокоссовский и, ласково улынувшись, сказал: — Все это останется между нами во имя нашей первой любви.

— Константы, спасибо... Ты... Ты такой же, как и прежде, — сказала она, глядя на Рокоссовского благодарными глазами.

Маршал проводил Пенкальскую до выхода из здания министерства обороны, как ни в чем не бывало, поцеловал ей руку и вернулся в свой кабинет.

По настоянию Рокоссовского уже через пять дней был решен вопрос об удовлетворении его просьбы об уходе в отставку с поста министра обороны Польши.

Глава шестая

1

Возвратясь в Москву, Рокоссовский получил просторную квартиру в центре столицы на улице Грановского и — не было бы счастья, да несчастье помогло — сумел собрать под одну крышу всю свою семью: жену, дочь, ее мужа и своего любимца — внука Костю, который был теперь для него источником тепла, ласки и душевного отдыха.

Итак, в ноябре 1956 года шестидесятилетний маршал Рокос-

совский вернулся на службу в ряды Советской Армии, занимая должность заместителя министра обороны СССР, а вскоре — командующего Закавказским военным округом.

Назначение полководца Рокоссовского командующим этим округом в период резкого обострения напряженности на Ближнем Востоке, вызванной англо-французско-израильской агрессией против Египта, было воспринято во всем мире однозначно: подтверждение решительной позиции Советского Союза в этом конфликте и готовность к защите страны, подвергшейся агрессии.

После стабилизации положения в этом регионе маршал был назначен на новую ответственную должность — Главного инспектора Советской Армии.

Оснащение Вооруженных Сил СССР ядерным оружием поставило Главную инспекцию перед лицом многих принципиально новых проблем. Имея громадный опыт управления войсками, Рокоссовский принимал непосредственное участие в решении вопросов в области теории боевой подготовки, оперативно-тактического искусства, в решении проблем военных действий с применением ядерного оружия.

Время возвращения Рокоссовского в Москву совпало со сложным процессом осмысления недавнего прошлого. Шла шумная кампания по борьбе с культом личности Сталина, начатая по инициативе Н.С. Хрущева на Двенадцатом съезде партии. И, как всегда, маховик пропаганды, раскрученный партией, с таким же буйством и рвением разоблачал культ личности, с каким его и создавал.

После обеда, в один из выходных дней, когда Рокоссовский сидел в своем кабинете, просматривая газеты и журналы, раздался телефонный звонок. Звонил заведующий отделом ЦК КПСС Пономарев Борис Александрович и просил дать ему аудиенцию. Он в вежливой форме изъявил желание не откладывать встречу в долгий ящик и обещал, если это будет удобно, через полчаса быть у Рокоссовского.

Маршал встретил заведующего отделом ЦК КПСС у подъезда, провел его в дом. Пономарев, пожилой, худощавый, с седеющими щетками-усиками, небольшого роста, был в хорошем расположении духа. Он был крайне вежлив с Рокоссовским, сказал несколько любезных слов жене, четырехлетнего Костю, который поминутно болтал и прыгал по комнате, как мячик, даже погладил по светлой головке.

— Зачем ты прилепил к носу волосы? — бесперемонно спросил тот, глянув на незнакомца.

— Ну ты и любопытный, Костя, — рассмеялся Рокоссовский. — Любопытной Варваре нос оторвали.

— Усы гусара украшают, — улыбнулся Пономарев.

— Ты не гусар-р.

— Что, не похож? — спросил Пономарев.

— Нет, не похож, — серьезно ответил малыш и, забравшись к Рокоссовскому на колени, произнес: — Один мой дедушка гусар-р, больше никто.

— Ну ладно, гусар, — поцеловал внука маршал и опустил его на пол. — Иди гуляй.

Они зашли в кабинет и сели на диван.

Пономарев раньше близко не общался с Рокоссовским, но был наслышан о его эрудиции и поэтому тщательно обдумывал, с чего бы начать разговор, чтобы постепенно перейти к основному вопросу, ради которого он приехал сюда по личному заданию Хрущева.

— Константин Константинович, — начал он, — мой отдел занимается международным и коммунистическим движением, и мне было бы интересно и полезно выслушать ваше мнение о положении дел в Польской народной республике.

Они сидели за чаем и вели непринужденную беседу. Маршал подробно обрисовал ситуацию в Польше, высказал свои предположения о развитии ситуации в этой стране.

Рокоссовский протянул руку к термосу, налил в чашки крепкого чая, вышел из-за стола и включил свет.

— Все, что вы рассказали относительно Польши, было очень интересно, — говорил неторопливо Пономарев. — А теперь мне хотелось бы затронуть другую тему

— Я вас слушаю.

— Как вы знаете, Константин Константинович, наша партия развернула смелую, бескомпромиссную борьбу с культом личности Сталина. Мы хотим навсегда покончить с этой трагической полосой нашей истории.

— Как это можно сделать? — удивился маршал. — Насколько я понимаю, то, как мы живем, исправить можно, а то, как мы жили, — это уже достояние истории.

— Вы меня не так поняли, — сказал Пономарев после небольшой паузы. — Речь идет о том, что мы хотим развенчать сталинщину. — Он поднялся, заходил по кабинету и, не глядя

на хозяина, будто убеждая самого себя, а не собеседника, заученно говорил то, что, видимо, повторял за последние месяцы десятки раз. — Сталин принес много вреда нашему народу. Вы об этом знаете не хуже меня. Я хочу остановиться лишь на одном вопросе, который касается и вас. Мы не можем забыть, что за несколько лет до войны с самым коварным врагом было уничтожено ядро командного состава Красной Армии. — Пономарев начал приводить цифры. — По нашим данным, было репрессировано: из пяти маршалов три, из двух комиссаров первого ранга два, из двенадцати командиров второго ранга двенадцать, из шести флагманов флота первого ранга шесть. Можно еще перечислять. — Пономарев остановился напротив Рокоссовского, который стоял у окна и, выпуская в форточку дым, курил. — Общее число репрессированных не поддается учету. Взять только корпусных командиров: перед войной их было двадцать восемь, а осталось в живых только три, в их числе и вы.

Рокоссовский с интересом наблюдал за Пономаревым и прикидывал: что ему от меня надо?

Пономарев сел на стул, отпил несколько глотков чая, вытер платком усы.

— Есть ли в истории такой пример, чтобы в результате поражения были такие огромные потери высшего командного состава?

— Пожалуй, нет, — ответил Рокоссовский и сел за стол.

— Вот видите, что натворил диктатор в мирное время! — воскликнул Пономарев. — И это только одна сторона деятельности тирана.

«Зачем он мне говорит прописные истины», — подумал маршал. Его так и подмывало спросить: чем я могу быть вам полезен?

Вероятно, душевное состояние маршала отражалось у него на лице.

Поэтому Пономарев, уловив это, сказал:

— Зачем я вам все это говорю?

— Хотелось бы знать, — улыбнулся Рокоссовский.

— В нашей пропагандистской разоблачительной работе не хватает ярких выступлений в печати видных военачальников, подвергшихся репрессиям, — продолжал Пономарев. — Их живое слово, рассказ о том, что они испытали сами в те страшные годы, явились бы весомым подтверждением правоты нынешнего курса.

— Вы так считаете? — в глазах Рокоссовского появился озорной огонек.

— Никита Сергеевич Хрущев принадлежит к тем, кто считает вас одним из умных и талантливых полководцев нашей страны.

— Борис Александрович, — сказал Рокоссовский с досадой в голосе. — Извините, но мне не совсем приятно то, что вы говорите. Мне претит панегирический тон разговора. Я вас понял, но писать ничего не буду.

— Но это же просьба самого Генерального секретаря ЦК КПСС! — с возмущением в голосе произнес Пономарев. Он достал платок и вытер с лица пот.

— Вы сами культ личности создавали, сами его и расхлебывайте.

— Как это сами?

— Мне довелось присутствовать на чрезвычайном съезде Советов Российской Федерации в 1937 году, и я был свидетелем, как заискивающе рукоплескал Сталину Никита Сергеевич Хрущев. Он один из всех членов президиума в угаре подхалимажа изволил даже присесть. — Он вышел из-за стола и остановился посередине кабинета. — Не кажется ли вам, Борис Александрович, что вы удобряете почву для нового культа личности?

— Константин Константинович, о чем вы говорите?

— Вы меня прекрасно понимаете!

Пономарев подошел к открытой форточке, Рокоссовский, заложив руки за спину, прошелся по кабинету.

— Жаль, что вы отказались выступить со статьей в «Правде», — нарушил молчание Пономарев.

— Борис Александрович! Я — солдат! — произнес Рокоссовский, остановившись. — Сталин во время войны был Главкомом. Под его руководством мы одержали Великую Победу. Командующие фронтами, я сузу по себе, не боялись перед ним отстаивать свою точку зрения. И надо отдать должное Сталину: когда он убеждался, что не прав, то менял свое мнение в пользу дела. По моему разумению, он был дальновидным стратегом. И если бы я сегодня, после его смерти, выступил против своего Верховного Главнокомандующего, я бы перестал себя уважать.

— Странная позиция, — произнес Пономарев. — Вот уж никогда не думал, что вы будете против разоблачения культа личности.

— Вы ошибаетесь. — Рокоссовский поднял взгляд на Понома-

рева. — Вы, политики, должны принять такие законы и создать такие социально-политические условия, чтобы страной управляли личности, призванные народом. — Он подошел к серванту, взял бутылку коньяка, коробку конфет, наполнил рюмки. — Надеюсь, вы меня поймете.

— Что делать, — проговорил Пономарев, поднимая рюмку. — Пусть этот разговор останется между нами. Хрущеву я сумею объяснить, почему вы отказались принять его предложение.

— Хорошо, хранить военную тайну я умею.

2

Зимой 1957 года Главный инспектор Советской Армии маршал Рокоссовский вернулся с Северного флота с инспекторской проверки. За всю свою жизнь он никогда не был на Крайнем Севере, и этот суровый край произвел на него огромное впечатление.

Уже прошло более десяти дней, а перед его глазами стояли в сиянии северной ночи белые снега, звенящая тишина и какие-то таинственные тени, соединяющие небо с землей. Поэтическая восторженность охватывала его, когда он вспоминал северное сияние, увиденное им в Североморске. Он восхищался морями, которые несли службу в северных морях, их преданностью своей профессии.

Сегодня он сидел в кабинете Министерства обороны, готовился к докладу министру о результатах проверки флота, корректировал предложения по совершенствованию боевой выучки моряков и улучшению их быта.

На следующий день у него состоялась встреча с министром обороны. Жуков нашел в предложениях по результатам проверки целый ряд принципиальных проблем и обещал рассмотреть их на Военном Совете Министерства обороны.

После доклада Жуков осторожно спросил:

— Мне доложили, что ты выступал на научной конференции в Академии Генерального штаба?

— Да, выступал, — ответил Рокоссовский.

Как раз в это время разоблачение культа личности набрало самые высокие обороты, и десять сталинских ударов в Великой Отечественной войне, о которых так трубила военная наука, понемногу, незаметно стали приписываться маршалу Жукову, затмив тем самым вклад в Победу других полководцев, в том числе и Сталина.

Рокоссовский пользовался огромным авторитетом в научных кругах, его часто приглашали на разного рода встречи, конференции, где он откровенно высказывал свою точку зрения на многие вопросы войны.

— Говорят, ты там на Жукова катил бочку, — министр устремил колючие глаза на Рокоссовского.

— Я не на Жукова катил бочку, а на военную прессу, которая часто искажает факты и тем самым переписывает историю войны. К примеру, пишет о том, чего не было в первые дни сражений.

— Ну и чего не было в первые дни сражений? — загадочно спросил Жуков.

— В «Военно-историческом журнале» черным по белому записано, что начальник Генштаба Жуков в июне — июле 1941 года лично организовал контрудар по флангам войск генерала Клейста в районе Дубно — Ровно, Броды — Луцк. Завязалось первое в истории крупное танковое сражение. В результате были сорваны планы молниеносного захвата Киева.

— Ну и что?

— А то, — произнес с жаром Рокоссовский, — что, когда проводилась эта спонтанно возникшая операция, у нас не было связи не только с Генштабом, но и с Киевом. Это раз.

— А что два?

— Мой механизированный корпус был укомплектован танками старого образца всего лишь на тридцать процентов, и часть их мы потеряли на марше. Танкового сражения, о котором говорит журнал, вовсе не было. Слишком неравны были силы.

— Но ведь удар по Клейсту был?

— Да, был, но в нем в основном принимали участие пехота и артиллерия, которую мы по указанию свыше не отправили на полигон, где потом бы ее утюжили немецкие танки.

Жуков взял в руки карандаш и, грозно насупившись, начал постукивать по столу.

— Ну а еще о чем ты там говорил?

— Далее я коснулся того, что пишет сам Жуков в своих мемуарах.

— Ну, и что же он там пишет? — министр сжал губы.

— Откровенно говоря, меня огорчает, что Жукову иногда изменяет объективность.

— Так, так. — Голос Жукова звучал спокойно, но в тоне прощальзывали недовольные нотки. — И что же тебя огорчает?

— Так, Жуков пишет, что на Центральном фронте разработка операции проводилась начальником штаба Малининым и им же была представлена в Генеральный штаб. — Рокоссовский отодвинул лежавшую перед ним папку, взглянул на министра обороны. — На самом же деле план операции разрабатывался командованием фронта с привлечением всего коллектива руководящих работников управления и штаба и был представлен в Ставку Военным Советом фронта.

— Так, так, дальше.

— Малинин — порядочный человек, — сохраняя внешнее спокойствие, продолжал Рокоссовский, — и на подобный поступок, который приписывает ему Жуков, он никогда бы не решился. К тому же добавлю, что для окончательной доработки плана обороны войск Центрального фронта я был вызван в Ставку и лично докладывал свои соображения Верховному Главнокомандующему и, после некоторых уточнений, этот план был утвержден.

— Я этого не помню, — министр зло усмехнулся.

— А я хорошо помню, — твердо заявил Рокоссовский. — Жуков утверждает, что более успешные действия Центрального фронта, чем Воронежского, объясняются тем, что против войск Центрального фронта было значительно меньше сил.

— А что, разве не так?

— Нет, не так. Ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, состояла из 14 дивизий, а против Центрального — из 15 дивизий.

— Но там было больше танков.

— Да, на две дивизии. Но против нас было больше артиллерии, — Рокоссовский наблюдал за тем, как Жуков вышагивал по кабинету.

— Предположим, что так.

— Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются вовсе не количеством войск противника, а умелым построением обороны, — Рокоссовский пытался поймать взгляд Жукова. — Хорошо изучив тактику немцев, мы правильно определили, где будет нанесен главный удар, и сосредоточили там основные силы, а Воронежский фронт расположил их равномерно на всем участке.

Они посмотрели друг другу в глаза долгим, пристальным взглядом. Затем Рокоссовский продолжал:

— Теперь о личной работе Жукова на Центральном фронте как представителя Ставки.

— Это уже совсем интересно, — Жуков остановился у окна, не сводя глаз с собеседника.

— В своих воспоминаниях он подробно рассказывает о проведенной у нас работе как в подготовительный период, так и в процессе самой оборонительной и наступательной операции.

— А что не так? — спросил Жуков грубоватым тоном.

— Я вынужден сообщить министру обороны с полной ответственностью, — Рокоссовский улыбнулся горькой улыбкой, — если нужно, это могут подтвердить живые свидетели, что изложенное Жуковым не соответствует действительности. И он об этом хорошо знает.

Жуков надул щеки и снова начал ходить по кабинету. Ему хотелось закончить этот разговор, но, учитывая, что он его затеял сам, пришлось выслушивать до конца.

— Жуков впервые прибыл к нам на КП в Свободу 4 июля и пробыл у нас до 10 — 11 часов 5 июля. Находясь у нас в штабе в ночь перед началом сражения, когда было получено донесение Пухова о захвате вражеских саперов, сообщивших о начале немецкого наступления, Жуков отказался взять на себя ответственность и отдать приказ о начале артиллерийской контрподготовки, заявив: «Ты командующий, ты и решай». А утром с разрешения Сталина уехал к Соколовскому. Теперь же Жуков рассказывает читателю, как он давал команду на открытие артиллерийского огня и как трудно далось ему это решение, но оно было единственно верным, и перед наступлением немцы понесли большие потери в живой силе и технике.

Рокоссовский поднялся, взял свою папку, надел фуражку.

— Искажать истину и приписывать себе то, чего не было?... Странно, очень странно.

Жуков продолжал ходить по кабинету и молчал.

Говорить дальше не было смысла — Жуков делал вид, что в этом разговоре он не нуждается. Рокоссовский, не глядя на маршала, вышел из кабинета.

Поднимая эти вопросы, Рокоссовский преследовал одну единственную цель — сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне, пока еще живы ее активные участники.

Видимо, стремление Жукова увенчать себя лаврами единственного стратега в разработке и осуществлении операций в прошедшей войне сильно повлияло на выступление Рокоссовского на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 года, когда снимали маршала с поста министра обороны. Он часто спорил с Жуко-

вым, но к его таланту относился с уважением. Однако на пленуме, вспомнив «трофейные» грехи Жукова, разбор его дела при Сталине, Рокоссовский сказал: «Он тогда прямо признал, что да, действительно, за ним были такие ошибки. Он, мол, зазнался, у него известная доля тщеславия и честолюбия, и дал слово, что исправит свои ошибки на другом месте работы. Но это были только слова...»

3

Шли годы, здоровье маршала начало сдавать — сказались человеческое напряжение в войнах, в которых он участвовал с небольшими перерывами более 15 лет, и тюрьма, угнетавшая его душу и терзавшая тело почти три года. В апреле 1962 года Константин Константинович покинул пост начальника Главной инспекции Вооруженных Сил и остался в составе группы генеральных инспекторов Министерства обороны, которую в армии называли «райской группой». Но, учитывая его неумную жажду к работе, скромность и добросовестность, райской жизни у него в этой группе не получилось.

Он активно участвовал в работе Советского комитета ветеранов войны, мобилизуя своих старых друзей по оружию на работу среди молодежи по ее воспитанию в духе любви к Родине.

«Сквозь большое окно, — пишет журналист, — в кабинет смотрит сумрачный зимний день. Над столом возвышается крупная фигура в маршальской форме. Кто не видел Рокоссовского с той курской поры, возможно, и найдет в нем перемены: резче обозначились морщины на лице, посеребрились сединой и без того светлые волосы. Но в главном — в поведении, в характере — он тот же. Сколько им пережито, сколько перенесено ран, да и лет уже шестьдесят восемь, но он не поддается недугам, голубоглазый, стройный, он также бодр, приветлив, улыбчив. На квартире у него я видел на видном месте, как самую ходовую вещь, эспандер — каждое утро зарядка, да и днем нередко подойдет, расправит плечи. Сейчас он то и дело встает из-за стола, размашисто прохаживается — все та же излюбленная привычка думать на ходу. Часто звонит телефон. Скульптор Э.В. Вучетич хочет проконсультироваться по сооружаемому на Мамаевом кургане монументу героям битвы на Волге. Звонок из Военно-научного управления Генерального штаба: в сборнике «Великая битва на Волге», который редактирует Константин Константинович, надо посмотреть последние статьи».

Рокоссовский поддерживал душевные контакты со своими бывшими подчиненными. Они частенько бывали гостями маршала, в том числе и польские офицеры. Он, как и прежде, интересовался проблемами Варшавы, Войска Польского.

Духовная связь с Родиной проявлялась и в деятельности Общества советско-польской дружбы, и в постоянном интересе к польской литературе и искусству.

«Во время работы в Москве я встречался с маршалом Рокоссовским и его семьей, — вспоминает генерал дивизии Ян Слєвинський, — как сам маршал, так и его супруга с большой теплотой вспоминали Польшу и Варшаву. Несмотря на то что маршал покинул Родину при сложных обстоятельствах, но в его сердце сохранилось чувство любви к польским солдатам и офицерам».

Рокоссовский не упускал ни одного случая, чтобы поговорить с польскими гостями. На торжественных выпусках в военных академиях он всегда находил удобный момент для того, чтобы побывать в кругу польских офицеров, поздравить их и побеседовать накоротке — притом всегда на польском языке.

Сегодня на исходе дня, когда Рокоссовский редактировал статью для сборника «Великая битва на Волге», ему принесли письмо от Белозерова. Он прочитал его, повертел в руках, будто сомневаясь, понял ли его, вышел из-за стола, закурил, прошелся по кабинету. Было видно, что письмо испортило ему настроение. И было за что переживать.

Наряду с рассказом о своей жизни, о работе, о семье, Белозеров пошел в атаку на решения двадцать второго съезда КПСС, наметившего программу построения коммунизма в нашей стране. Андрей рубил тут направо и налево.

Рокоссовский снова взял письмо и, раздумывая, прочитал небольшой отрывок вслух:

«Знаешь, Костя, у меня создается стойкое впечатление, что жизнь народа нашей страны заключается только в жертвенности. Не хватает хлеба, ходим в латаных штанах, едва сводим концы с концами, а тут на тебе — наше поколение уже будет жить при коммунизме. Это же бред, рассчитанный на то, чтобы народу вскружить мозги. Неужели наши многострадальные люди не заслужили счастья при жизни? Ты извини меня, Костя, но я не могу справиться с эмоциями. Люди, поглощенные будущим, забывая о настоящем, напоминают мне ослов: чтобы заставить последних идти быстрее, на прикрепленной к их голове палке вешают вязанку сена. Осел постоянно видит ее перед со-

бой и семенит за ней, чтобы ее схватить. И так, бедолага, трудится в надежде вдосталь поесть, бежит и бежит, пока не наступит его конец. Примерно таким методом мы строим наше будущее».

«Это уж слишком», — подумал Рокоссовский и лихорадочно принялся за ответ. Рокоссовский своим обостренным чутьем угадывал опасность в рассуждениях друга и просил его не впадать в крайности и вести более благоразумный образ жизни. В заключение он ему напоминает: «Ты, Андрей, как лунатик, гуляешь по крышам, но когда тебя разбудят, ты можешь провалиться в пропасть. Я настоятельно рекомендую жене и дочурке держать тебя в узде и не пускать на крышу. Ты же умный мужик и хорошо знаешь, что она может и поехать».

Глава седьмая

1

В конце 1966 года Рокоссовский сидел в своем кабинете и работал над будущей книгой. Зеленое сукно стола, свет, падавший из двух окон, спокойная и привычная обстановка — все это настраивало на рабочий лад. Сегодня он писал с удивительным чувством свободы и легкости, еле поспевая за мыслью. Одна треть книги, над которой он работал уже около года, была готова, и он, словно предчувствуя, что не так много осталось времени ходить по этой земле, старался ее побыстрее закончить. Пройдено много разных дорог, остались позади победы и неудачи, встречи с известными и простыми людьми, трудные для понимания исторические события. Все это надо было вспомнить, обдумать и правдиво рассказать людям. Маршал был твердо намерен сегодня посидеть за столом пять-шесть часов, но вот незадача — napросился на встречу знакомый еще по войне корреспондент, который собирался у него взять интервью в связи с семидесятилетием. Не лежала у него душа к разговорам, но газетчик оказался слишком настырным, и он не мог ему отказать.

Как было условлено, через четверть часа корреспондент уже сидел у него в кабинете и, применяя свои журналистские приемы, пытался маршала разговорить. Задав несколько дежурных вопросов и получив на них короткие ответы, сотрудник газеты натолкнулся на нежелание маршала вести какую-либо беседу. Было заметно, что стоять у него сегодня над душой бесполезно и что, вопреки общему мнению о веселом нраве Рокоссовского, в

этот раз у него не было настроения.

— Можно задать вопрос не для печати? — спросил корреспондент.

— Пожалуйста, только покороче.

— Как вы относитесь к Никите Сергеевичу Хрущеву?

— В основном, как к шуту.

— Теперь меняются взгляды, подходы к проведению тех или иных операций в Великой Отечественной войне. Оказывается, роль Хрущева, а теперь Брежнева в истории военного искусства недооценивались. Как вы на это смотрите?

— Очень просто.

— А именно?

— Создается впечатление, что войну выиграли люди, которые ели больше всего каши из котла победоносных армий.

— В чем теперь ваше счастье?

— В моих внуках. — Лицо Рокоссовского потеплело. На щеках пробился болезненный румянец. — Старший, Костя, становится взрослым... Уже начинает басить. Хороший парень. Младший внук Павлик пошел только что в первый класс. Теперь мы неразлучные друзья: вместе учимся, вместе играем. — Маршал вышел из-за стола, открыл дверь. — Павлик, иди сюда!

Когда к нему подошел вихрастый малыш, с большими моргающими глазами*, с вымазанными в чернилах пухленькими щечками, дедушка словно захмелел от радости.

— Вот он, мой ученик. — Рокоссовский вытер платком щеки внука, который крутил головой, чтобы избежать этой неприятной процедуры.

— Павлик, кем ты собираешься стать, когда вырастешь? — спросил корреспондент.

— Прокурором, — серьезно ответил малыш.

— О-о, как ты высоко берешь! — улыбнулся маршал и, повернувшись к подошедшей дочери, сказал: — Ада, у нас с представителем прессы пропал контакт. Может, ты ответишь на его вопросы?

— С удовольствием, — усмехнулась она, поглаживая волосы сына.

— Отлично! Вот это идея! Превосходно! — воскликнул сотрудник газеты.

— Даже интересно знать, что думает обо мне моя дочь, — сказал Рокоссовский.

Несколько часов подряд задавал вопросы корреспондент

учительнице французского языка Аде Рокоссовской (она сохранила добрачную фамилию).

— Как вы относитесь к известности маршала Рокоссовского?

— Для меня он прежде всего был и остается отцом, близким, любимым человеком, который чинил мои куклы, помогал мне решать задачи по алгебре, читал Пушкина, Байрона, Мицкевича, Есенина, учил ездить на лошади, понимать и любить природу. Таковы почти все отцы, но мой все равно кажется мне самым добрым, самым чутким, самым умным и веселым.

— Как вы считаете, какой нрав у вашего отца?

— Мой отец очень веселый, остроумный и неунывающий. Он умеет шутить, петь песни, которых знает великое множество. Причем он поет не только русские песни, но и польские, и литовские. Он очень уважает талантливых людей и бережно к ним относится.

— Вы можете привести пример?

— Пожалуйста. Во время боев на Днепре, обходя позиции, он услышал прекрасную мелодию украинской народной песни, которая лилась из окопа. Он дослушал песню до конца, а затем подошел к солдату. Отец поговорил с ним, записал его фамилию и пообещал, что после освобождения Киева он направит его учиться пению в консерваторию. Солдат пытался отказываться, неудобно, мол, ему перед товарищами, они будут воевать, а он поедет песни распевать. Но командующий фронтом сдержал свое слово: рядовой Кривуля был откомандирован на учебу в киевскую консерваторию. Узнали мы об этом случае спустя несколько лет после войны из письма самого Кривули, ныне солиста Ленинградской оперы. Немало отец сделал и для того, чтобы получил возможность учиться пению и сын полка, сейчас известный исполнитель русских народных песен Иван Суржиков.

— Как вы считаете, почему Константин Константинович к семидесяти годам сумел сохранить такую спортивную осанку и молодежавый вид?

— Это все потому, что он любит спорт. Особенно уважает волейбол и теннис, но футбола не любит. Когда идет по телевизору футбол, он говорит моему старшему сыну: «Костя, иди смотри, там уже твои «башашкины» бегают».

— Почему он так называет футболистов?

— Дело в том, что когда папа командовал Северной группой войск, туда приехала какая-то известная футбольная команда, где третьим номером играл защитник Башашкин, который в не-

трезвом виде начал дебоширить в городе среди поляков. Скандал принял такой оборот, что пришлось вмешаться в это дело маршалу. Когда папа пытался его урезонить, тот артачился: меня вся Москва знает, когда возникает потребность сообразить на троих, то говорят: «Башапкинским будешь?» С тех пор папа презвзято относится к футболистам и называет их «башапкинскими».

— Что еще вы могли бы сказать о маршале Рокоссовском?

— Мой папа страстно любит природу. Он может часами бродить по лесу в поисках грибов, ягод, уважает охоту и рыбалку. Если бы вы знали, как он обожает розы! Отец не расстается с ними всю свою жизнь. Теперь он их выращивает на даче. Обзавелся специальной литературой и ухаживает за ними сам. Я очень рада, что любовь к природе он передает и внукам.

— Неужели ваши отношения с отцом всегда были такими безоблачными?

— Почему, всякое бывало. Иногда сгущались тучи. Он мог быть строгим и требовательным. После войны я, как и большинство моих сверстников, стояла перед выбором жизненного пути. Война помешала нам кончить школу. Каково было садиться вновь за парту? Отец же советовал учиться, несмотря ни на что. Я противилась, тогда он поставил вопрос очень серьезно: я сажусь за парту или лишаюсь его уважения. Всю оставшуюся жизнь я буду благодарить его за тот ультиматум.

2

31 декабря, как раз в канун 1966 года, Рокоссовский зашел в свой кабинет в здании Министерства обороны. Он попросил своего помощника принести папку, которая хранилась в архиве начиная с 1945 года. Над маршалом многие подшучивали, что ему пишет письма и поздравления некая англичанка, но он относился к этим шуткам с юмором и никогда не проявлял интереса к почте, приходившей в адрес Министерства обороны на имя маршала Рокоссовского. Однако сегодня, когда ему сообщили об очередном письме из Англии, его не на шутку заело любопытство и он решил выяснить: что стоит на самом деле за теми намеками и насмешками, которым он подвергался многие годы.

Он разложил на двух столах письма, переведенные с английского языка на русский сотрудниками Министерства обороны, многочисленные открытки, фотографии.

Все оказалось не так просто, как об этом думал раньше Ро-

коссовский. Этой корреспонденткой оказалась репортер английской прессы, та красивая, высокая, с изящными движениями и пронзительными глазами женщина, с которой он танцевал вальс Штрауса «Сказки Венского леса» на приеме у маршала Монтьомери в мае 1945 года.

С тех пор эта женщина писала письма маршалу, объяснялась ему в любви, поздравляла его со всеми религиозными праздниками. Она любила только его, Рокоссовского, и во имя этой любви отказалась выйти замуж, хотя многие мужчины предлагали ей руку и сердце.

Она выучила русский язык и читала в подлиннике Чехова, Толстого, Бунина к Достоевского. В трех комнатах своей пятикомнатной квартиры Митци Прайс создала музей русских полководцев, запечатлела его репродукции на фотографиях и прислала в Москву. Стены этого музея были обвешаны в основном фотографиями Рокоссовского, которые она делала на приеме, а также взятыми из английского журнала «Военная иллюстрация». В музее находились портреты Суворова, Кутузова, Александра Второго, Деникина, Врангеля, Колчака, разукрашенных усами казаков и даже был запечатлен на тачанке с большими бешеными глазами батый Махно.

Рокоссовский рассматривал открытки с шикарными букетами цветов, с экзотическими зелеными попугайчиками среди раскрывшихся почек вишни, читал многочисленные любовные письма, а сердце ставило его на место той несчастной женщины и вызывало сострадание. Ему трудно было понять такую тайную и достойную удивления любовь, но раз она существует, значит, она тоже имеет право на жизнь.

После долгих раздумий Рокоссовский написал длинное и обстоятельное письмо, но о его содержании нам ничего не известно. Тайну этого письма знает только Митци Прайс.

Глава восьмая

1

Начиная с ранней весны и кончая поздней осенью 1967 года Рокоссовский находился на своей тихой и скромной даче. После инфаркта, который он перенес в 1966 году, врачи запретили ему всякие служебные нагрузки. С ним постоянно находилась Юлия Петровна, и почти все лето его не покидали внуки, с которыми он любил рыбачить на водохранилище.

Впервые за многие годы у него появилась возможность без суеты радоваться приходу весны и любоваться колдовством природы. В конце апреля и начале мая оживала земля. Пошла в рост зелень. Красно-зеленые носики тянули вверх тюльпаны. Утром, побитые легким морозцем, они, будто деревенские старушки, ежились от холода, а днем, как только пригревало солнце, медленно, почти незаметно, расправляли плечики и к середине дня стояли, как солдаты на строевом плацу. Уже краснели язычки на розах; набухли почки смородины, сирени и жимолости.

Маршал почти каждое утро наблюдал за скворцами, стайками суетившимися на скворечнях. Они бормотали, верещали, свистели, забавно перебирая крылышками, и отстаивали право на жилье и продолжение рода.

По мягкому выражению лица, спокойной смиренной улыбке и мудрому оживлению в глазах можно было судить, что Рокоссовский не утратил интереса к жизни.

Наступило лето. Каждое утро маршал занимался легкими гимнастическими упражнениями и проходил по дорожкам дачи до двух километров — несколько раз туда и обратно по двести метров.

Юлия Петровна следила, чтобы дистанция соблюдалась неукоснительно: она выкладывала на стол шишки, которые, пройдя двести метров, Рокоссовский обязан был по одной бросать в корзину.

Сегодня, рано проснувшись, с дедушкой выпагивал и внук Павел.

— Ба-а! Шишки уже кончились, — крикнул он, — а дедушка все равно продолжает ходить!

— Ты что ж, братец, вздумал шпионить за мной? — добродушно сказал Рокоссовский. — Это не по-мужски. Так не поступают настоящие мужчины.

— Я еще маленький, а мужчины большие, — сказал малыш, подняв глаза на деда.

— А, ну тогда простительно.

— Папа! — На крыльце, застегивая фартук, появилась жена. — Садись, отдыхай! Все шишки кончились!

— Да, кончились, — засмеялся Рокоссовский, присаживаясь на скамейку у дома. — Нет больше шишек.

После завтрака Юлия Петровна пошла хлопотать по хозяйству. Она была занята двумя делами: наводила порядок в доме и

готовила угощение для гостя — сегодня обещал подъехать Андрей Белозеров.

Рокоссовский же играл с внуком в войну, читал ему сказки, рассказывал различные забавные истории из своей жизни.

Павлик то слушал деда, то забегал в кухню отведать чего-нибудь вкусенького.

— Павлик, ты хотя бы минуту посидел на месте! — шумела бабушка. — Ты только полчаса назад ел!

Внук хитро улыбался и пояснял:

— Ба-а! Я в этом не виноват, мое пузо хочет есть.

Бабушка отрезала ломоть черного хлеба, намазала его маслом, медом и протянула внуку:

— Егоза, на, ешь, может, быстрее расти будешь.

В то время как Рокоссовский рыхлил почву под богатым кустом алых роз, к воротам подъехало такси, из которого вышел с портфелем в руках Андрей Белозеров. Он огляделся вокруг и, заметив идущего ему навстречу Рокоссовского, расставив руки, воскликнул:

— Костя!.. Дорогой, сколько зим, сколько лет!

— Подумать только, больше двадцати лет мы не виделись, — обнимал друга маршал. — Эх, Андрей, Андрей, постарели мы с тобой, постарели!

— Годы свое берут, Костя, тебе пошел восьмой десяток, а мне скоро тоже стукнет семьдесят. Они несколько минут смотрели друг на друга, словно хотели уточнить, насколько изменились за годы длительной разлуки.

Подойшла Юлия Петровна с внуком. Белозеров наклонил голову, приложился к ее ручке и, взглянув на Павлика, вручил ему шоколадку.

— Иди вымойся, замарашка, — улыбнулся Рокоссовский, — а то, глядишь, облепят пчелы, да еще и покусают.

— Не облепят! Не облепят! — уплетая шоколадку, прыгал то на одной, то на другой ноге малыш.

Хозяйка дачи, взяв за руку внука, пошла накрывать на стол, а друзья прогуливались по участку. Сосны и ели, отличающиеся во все времена года своим зеленым постоянством, угрюмо молчали. Казалось, их занимали какие-то тайные глубокие думы.

Белозеров с любопытством посматривал на грядки с цветами и восхищался обилием роз. Здесь росли и турецкие гвоздики, и лилии, и каллы, и васильки, и душистый горошек, и георгины,

и гладиолусы. В воздухе носился такой букет запахов, от которого приятно кружилась голова и появлялась какая-то особенная умиротворенность.

Друзья ходили по дорожкам, останавливались и рассказывали друг другу о том, что важного произошло в их жизни за последние два десятка лет.

Через некоторое время они сидели в беседке, оббитой розами, за рюмкой коньяка и продолжали разговор.

— Вот ты говоришь, что твоя семья живет безбедно за счет американского родственника, — сказал Рокоссовский. — Это что за такой покровитель?

— Понимаешь, Костя, где-то лет пять тому назад объявился родной брат матери моей жены, который в 20-х годах уехал из Западной Белоруссии в Америку. — Белозеров запнулся, кашлянул так, что по лесу пронеслось эхо и, покраснев, сердито произнес: — Проклятая тюрьма и плен дают о себе знать.

— Что-нибудь серьезное?

— Врачи рекомендуют беречься, — уклончиво ответил Белозеров.

— Ну, объявился американец, дальше что?

— О! Все очень просто. Почти каждый месяц он присылал нам посылки с дорогими отрезами на костюмы и пальто. Вначале я противился этим подачкам, потом вынужден был уступить жене и теще — делайте как хотите. Американские вещи вырывали у моих женщин из рук. У нас начали водиться деньги. Обставили квартиру, оделись сами, нарядили дочку. Кстати. — Белозеров достал из внутреннего кармана пиджака фотографию. — Вот она наша дочурка, похожа на мать. Посмотри.

— Симпатичная, очаровательная девушка, — сказал Рокоссовский. Он с едва заметной улыбкой глянул на Белозерова: — В двух словах, кто он такой — ваш благодетель?

— Живет в Лос-Анджелесе. Все члены семьи имеют собственные дома, машины. Работает посредником между покупателями города и фермерами.

— Как ему понравилась наша Москва?

— Городом восхищался, но, когда заглядывал в магазины, морщился, жена качала головой, глядя на длинные очереди недовольных и плохо одетых людей, — ответил Андрей и, гулко кашлянув, произнес: — Вчера в аэропорту он мне заявил: «Я

знал, что вы живете не роскошно, но в том, что вы нищие, я убедился только сейчас». И вообще, насколько я понял, они были расстроены.

— Чего же они так? — Рокоссовский потушил в пепельнице папиросу. — Разрешили приехать на Родину. Для пожилых людей это много значит.

— Хм! — покачал головой Белозеров. — Дело в том, что под различными предложениями на Родину их не пустили и они Радошковиичи так и не увидели. Когда им об этом сказали, они не могли скрыть слез.

— Почему им запретили это сделать? — искренне удивился Рокоссовский.

— Наше любимое КГБ, — уткнув лицо в букет цветов, сказал Белозеров, — обязано ограждать советское общество от подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов.

— А при чем тут эти старики, которые, может быть, перед кончиной приехали попрощаться со своей настоящей Родиной. — сказал Рокоссовский, печально улыбнувшись. — Под конец жизни человека тянет в те места, где он родился и где прошло его детство. — На лице Рокоссовского появилась досада. — Тем, кто далек от этого чувства, никогда не понять, что это такое... Жаль стариков.

— Я, думаю, в данном конкретном случае не захотели показывать нашу нищету.

— Как же американцы встретились со своими родственниками?

— Под неусыпным оком КГБ.

— Все же это любопытно.

— Дальше Минска гостей не пустили, и они вынуждены были для своих родственников накрыть столы в ресторане «Беларусь». Собралось на это пиршество более ста колхозников, которые впервые в своей жизни оказались в ресторане.

— Ты присутствовал?

— Да, — коротко ответил Белозеров и после недолгой паузы с иронией продолжил: — Я готов был провалиться сквозь землю от такого позора.

— Почему?

— Костя! — Он минуту молчал с мрачным видом. — Ты не поверишь, как мне было тяжело наблюдать эту унижительную

картину. Во-первых, почти половина обслуживающего персонала были габэшники. Я их физиономии за версту вижу. Во-вторых, я впервые осознал, что наш простой народ не знает элементарных культурных норм. А что удивительного? Когда живешь среди непривычных людей, то растворяешься в их среде и тебе кажется, что по-другому и быть не может.

— А что здесь плохого? — спросил маршал мягким и тихим голосом.

— Это другой вопрос, — ответил Белозеров, покосившись на Павлика, пытавшегося залезть на яблоню. — Как ты думаешь, я имею право поглядеть на себя со стороны?

— Конечно, имеешь.

— Так вот. Когда увидишь себя в непривычной ситуации, то оторопь берет — дикорастущие мы люди. Посмотрел бы ты, как наши колхозники вели себя за столом. Копошимся в темноте — вроде бы не отличаемся от других, а при свете мы выглядим по-другому. — Он замолчал и, хрипло откашлявшись, продолжил: — Я убедился в этом, когда закончился прием в ресторане. Несмотря на волевые жесты «официантов», гости в считанные минуты рассовали себе в торбы и сумки все, что оставалось на столе.

— И правильно сделали, — улыбнулся Рокоссовский. — Не пропадать же добру. — Мне было не до смеха, Костя, — возразил Белозеров, подняв на маршала беспокойные глаза. — Я находился рядом с американцами и не знал, куда девать глаза. Мне казалось, что меня пригвоздили к позорному столбу.

— В чем эти люди провинились, что ты на них нападаешь?

— Я не на них нападаю! — сказал Белозеров, махнув рукой. — Мне претит эта наглая ложь о счастливой жизни!

— Твои доводы, Андрей, с первого взгляда, неоспоримые, но их можно опровергнуть, — сказал Рокоссовский, наливая в рюмки коньяк. — Я не стану этого делать. Но я уверен в одном — на крутых поворотах истории на наш народ можно положиться. Всеобщая беда прошедшей войны объединила всех — правых, виноватых, униженных и оскорбленных. Ты вспомни себя, как ты правдами и неправдами рвался на фронт.

Белозеров, облокотившись на стол, не спускал глаз со своего друга. Он давно не слышал его спокойного, уверенного голоса и теперь ловил каждое слово.

Рокоссовский умолк, погруженный в раздумья.

— Все это так, дорогой мой маршал, — произнес Белозеров и

перевел взгляд на лес, словно там, в его дебрях, находились ответы на мучившие его вопросы.

— Ведь мы, Андрей, не были готовы к войне, — продолжал Рокоссовский утомленным голосом. — На мой взгляд, руководство страны совершило ряд политических ошибок, связанных с обороной. Генеральный штаб накануне войны проявил непрестительную беспечность и бездеятельность. — Маршал был бледен. — Короче говоря, мы отдали политическую и стратегическую инициативу в руки противника и своими неразумными действиями поощряли Германию к нападению.

— Но ведь мы победили.

— Да, победили, — сказал Рокоссовский, поднимая рюмку. — Армия, обесценившая от потерь и разрушений, потрясенная до основания первыми месяцами боев, выведенная из морального равновесия, была поддержана народом. Он своими неисчислимыми жертвами сумел восполнить то, чего не хватало для победы над фашизмом, и исправить все предвоенные ошибки. — Рокоссовский встал. — Я хочу поднять тост за величие духа нашего народа, за терпение и доброту.

— Я согласен, наш народ уникален и достоин другой жизни, — Белозеров опорожнил рюмку, взял из вазы конфету и после некоторого раздумья добавил: — Нет, Костя, нет и еще раз нет, не то общество мы построили, к какому первоначально стремились. Не все люди представляют, какой мы построили социализм.

— А ты представляешь? — полунасмешливо, полусерьезно спросил маршал, вновь прикуривая папиросу.

— Эх, Костя, дорогой мой друг! — воскликнул Белозеров. — Не просто ответить на этот вопрос, но я попробую, и очень коротко.

— Давай, философ, давай, — сказал Рокоссовский, окутываясь дымом.

— Знаешь, Костя, мне иногда кажется, что под куполом прекрасных идей равенства, свободы и братства мы построили арену цирка, где дрессируем не зверей, а людей.

Подошла Юлия Петровна и поставила на стол чайник, варенье. Заметив усталое лицо мужа, сказала:

— Вам не надоело говорить о политике?

— Нет, мама, не надоело, — ответил Рокоссовский, поднося ко рту ложечку варенья. — Нас уже не переделаешь.

— Андрюша, ты не передумал, может, останешься на ночь? — спросила хозяйка, поправляя короткие черные с проседью волосы.

— У меня уже билет в кармане.

— Во сколько поезд? — спросила она.
— В двадцать три сорок я должен быть на Белорусском вокзале.
— Костя, ты машину заказал?
— Разумеется. К десяти часам подойдет.
— В моем распоряжении еще более часа, — глянув на часы, произнес Белозеров.

Подошел Павлик, попрощался с бабушкой и гостем, и Юлия Петровна ушла укладывать его спать.

— Что-то, Костя, ты не очень охотно рассказывал сегодня о себе, — сказал Белозеров, поднимаясь из-за стола вслед за Рокоссовским. — Ты ведь много видел. Служил в Польше, потом снова вернулся в Россию.

— О чем говорить, Андрей, ирония моей судьбы и так ясна.
— В чем же она?
— В России меня считают поляком, а на родине — русским, — горько улыбнулся маршал.

Еще один летний день уносил частицу жизни в небытие. Между деревьями просвечивалась желто-багровая полоса, оставленная на небе уходящим за горизонт солнцем. Над лесом с пронзительным шумом пролетела стая скворцов; где-то ворковали голуби; со стороны поля доносилась перепелиная песня — «пить-полоть», «пить-полоть».

Друзья, теперь уже в мирной душевной беседе, прошли по лесу, затем присели на бревно, приспособленное под скамейку. Они говорили о прошедшей войне, заглядывали в будущее страны...

Было заметно, что разговор давался Рокоссовскому с трудом. Встреча с другом заставила его повеселеть, поговорить, но под конец обернулась утомлением: лицо вытянулось, глаза смотрели куда-то вдаль, голос стал тихим.

Белозеров понял, что с другом творится что-то неладное. Он положил ему руку на плечо и осторожно спросил:

— Костя, дорогой, скажи честно, ты болен?
— Да, Андрей, — ответил Рокоссовский, испытывая острую неловкость. — От меня близкие скрывают, но я знаю... — Он повернулся к Белозерову. — Я безнадежно болен, Андрей... У меня рак.

На крыльце дачи поблескивал свет фонаря; на темно-синем небе загорались звезды; продолжала петь перепелка — «пить-полоть», «пить-полоть».

— Андрей, — нарушил молчание Рокоссовский. — Ты слышишь меня?

— Слышу, слышу, Костя.

— Не надо, друг, не грусти. Случилось то, что должно было случиться, рано или поздно. Тут нет ничего необычного... Давно мы с тобой, Андрей, не пели.

Он затыкнул тихим голосом, песню подхватил Белозеров:

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Андрей поднялся, прислонился к гладкому стволу березы и, скрестив руки на груди, не сводил глаз с Рокоссовского. Он в последний раз всматривался в красивый профиль, смотрел на теряющуюся на темном фоне леса фигуру.

Он думал о судьбе, которая свела его с этим незаурядным человеком, об утрате революционной борьбы, выпавшей на их долю, об истинной дружбе, которая связывала их многие годы, о совместном хождении по мукам. Вдруг он порывисто подошел к шагнувшему навстречу другу и крепко обнял его за плечи. И так они стояли молча до тех пор, пока не услышали сигнал машины.

Они несколько раз поднимали друг на друга глаза, будто хотели что-то сказать, но снова опускали. Тихо, задумчиво стоял лес, словно ему одному были ведомы тайны, которыми были полны души этих людей в минуты последнего в их жизни расставания. Растроганно и печально продолжала петь перепелка — «пить-полоть», «пить-полоть».

2

В зимнюю стужу 1968 года маршал Рокоссовский последний раз встречался со своими товарищами и сослуживцами. Это было на научной конференции, которую проводило Министерство обороны в связи с 50-летней годовщиной Советской Армии. В разговоре с друзьями он сетовал на то, что в связи с прогрессирующей болезнью он отказался от замысла воспроизвести в своих мемуарах всю свою жизнь и огромный опыт, а вынужден сосредоточиться только на Второй мировой войне.

Чувствуя себя неважно, Рокоссовский в обеденный перерыв обратился к министру обороны с просьбой освободить его от участия в дальнейшей работе конференции. Перед поездкой в

больницу тепло попрощался с сослуживцами, с членами польской делегации, попросил генерала бронетанковых войск Юзефа Урбановича позаботиться о его сестре Елене.

Остаток своей жизни он провел в Кремлевской больнице. Консилиум пришел к выводу, что болезнь дошла до такой стадии, что проводить операцию нет никакого смысла. Об этом Рокоссовский знал и, пересиливая боль, почти пять месяцев сам работал над мемуарами, увидевшими свет уже после его смерти.

Персонал больницы был поражен выдержкой и самообладанием маршала. Вот как об этом вспоминает его лечащий врач Мошенцова Прасковья Николаевна:

«Более красивого пациента, чем Константин Константинович Рокоссовский, у меня, пожалуй, не было. Имею в виду не только внешнюю красоту, а удивительную гармоничность всего его облика... Как сейчас вижу перед собой. Он всегда был выдержан, держался просто, был откровенен и вел себя исключительно мужественно...»?

Июль 1968 года. В середине месяца Рокоссовский закончил работу над книгой «Долг солдата» и передал ее в издательство, где, к сожалению, немалая часть страниц была выброшена, а другая часть — искажена. Жить маршалу оставалось всего лишь две недели. Он сильно похудел, осунулся, от неимоверных болей и постоянной бессонницы глаза стали темно-синими и лихорадочно блестели.

Сегодня он лежал на койке, тяжело дыша. К нему пришли внуки, жена и дочь. Юлия Петровна и Ада сидели у постели больного и тихонько плакали, отворачиваясь, чтобы он не видел их слез. Внуки Константин и Павел сидели поодаль, растерянные и подавленные.

Прошло еще несколько дней. Рокоссовский попросил врача, чтобы рядом не было никого из родных, когда начнется агония. Рано утром зашла к нему Прасковья Николаевна, взяла руку, проверила пульс.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — ответил он, пытаясь улыбнуться.

— Как сегодня спали?

— Всю ночь видел розы. Весну и лето они скучали по мне, — с грустью произнес Рокоссовский. — Я разговаривал с ними во сне. Они затаили обиду. По этому поводу я сочинил стихи. — Он виновато глянул на врача. — Прасковья Николаевна, я почти никому не читал своих стихов... Хотите, я прочитаю их вам?

— Обязательно, Константин Константинович, обязательно.

— Только вы не судите меня строго, я ведь не профессиональный поэт, — сконфузившись, проговорил он.

— Что вы, что вы, читайте.

Распустились розы у меня в саду,
Я их не заметил, к своему стыду.

Подошел поближе: запах — благодать.

Я нагнулся ниже — глаз не оторвать.

Ветер мимолетный облака унес,

А на солнце розы плакали до слез.

Им обидно стало, что их красоту

Люди видят часто только на лету.

Прасковья Николаевна опустила голову, чтобы Рокоссовский не видел ее влажных глаз, и покачала головой:

— Какой же вы необыкновенный человек, маршал двух народов Рокоссовский! Скажите честно, как врачу, вы не боитесь смерти?

— Глупо ее бояться, — уставшим голосом произнес он. — Вся наша жизнь — путь к смерти. За молодостью по пятам следует старость, а за старостью неотступно плетется смерть. Моя жизнь продлится в моих внуках, в их детях... — Он замолчал, затем непослушной рукой дотронулся до руки Прасковьи Николаевны. — Спасибо вам, вы удивительный врач.

Утром 3 августа Рокоссовский, опираясь на ослабевшие руки и ноги, кое-как встал. Дрожащими пальцами он поднял задвижку и, распахнув окно, облокотился на подоконник. Над вековыми липами висело черное косматое облако. Внезапно налетел ветер, засверкали в небе молнии и тишину раскололи оглушительные раскаты грома. Он прикрыл окно и беспомощно опустился на кровать.

В груди жгло так, словно вспыхнул единственный огонь, поддерживавший его силы. Он прижал обе руки к сердцу, будто хотел во что бы то ни стало удержать это пламя и продлить жизнь.

Перед его взором с неимоверной быстротой беспорядочно мелькали сцены из прошлого: то он скакал на лошади по степям Забайкалья, то его допрашивал следователь, то он руководил боем, то перед глазами появлялись родные и близкие...

Рокоссовский вдруг открыл глаза и с изумлением увидел ле-

чащего врача. Женщина в белом халате стояла перед ним, ухватившись двумя руками за спинку стула.

По телу пробежали судороги, дыхание становилось все реже и реже. Лицо становилось спокойным и отрешенным. Глаза смотрели куда-то далеко-далеко, в неизведанное. Казалось, что он видел там что-то необыкновенное.

За окном висела густая душная тьма. Шел дождь, и тихо шумели липы.

Комментарии

Анатолий Андреевич Картмит родился в 1929 году в Белоруссии. Окончил военное училище и Московский юридический институт. Продолжительное время служил в пограничных войсках на различных должностях. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награжден орденами «Красной Звезды» и «Знак Почета». Лауреат литературной премии «Золотое кольцо границы».

Автор романов «Горькая ягода женьшеня», «Герана», повестей «Полонез Огинского», «Капитан Рузавин», «Возвращение» и других.

Принимал участие в создании многосерийного телевизионного фильма «Государственная граница».

Роман «Терновый венец славы» посвящен легендарному военачальнику, герою Великой Отечественной войны, Маршалу Советского Союза Константину Константиновичу Рокоссовскому.

Стр. 14. Георгиевский орден был учрежден в России в ноябре 1769 года и предназначался первоначально лишь для награждения офицеров. В 1807 году для поощрения храбрости и мужества солдат и унтер-офицеров учредили знак отличия военного ордена, получивший в обиходе наименование Георгиевского креста. В статуте его было сказано: «Сей знак отличия приобретает только на поле сражения, при обороне крепостей и на водах». В 1913 году статут ордена был переработан и, кроме Георгиевского креста, имевшего четыре степени, стали производить награждение Георгиевской медалью, также четырех степеней (награждение проводилось в порядке постепенности, начиная с четвертой степени).

Поскольку награждение солдатскими Георгиевскими наградами проводилось только за боевые отличия, георгиевские кавалеры пользовались всеобщим уважением.

Стр. 15. Газета «Ленинградская правда» от 7 января 1937 года.

Стр. 42. Карл Клаузевиц (1780 – 1831), немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Участвовал в войнах с Францией (1806 – 1807, 1812 – 1815). Служил в России (1812 – 1814). В 1818 – 1830 директор военного училища в Берлине. Последователь философии Гегеля, Канта и Фихте. Автор труда «О войне». Сформулировал положение о войне как продолжении политики.

Стр. 43. КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) была построена русским правительством в соответствии с русско-китайским договором 1896 года об оборонительном союзе России и Китая против возможного нападения Японии. На строительство этой железнодорожной магистрали, пересекающей Северо-Восточный Китай от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин до станции Пограничная, с южной линией до Порт-Артура, русское правительство истратило огромные деньги.

Стр. 62. ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия.

Стр. 73. Ярослав Домбровский (1836 – 1871), польский революционный демократ. Один из военных деятелей Парижской коммуны (1871), генерал, командовал участками фронта, главнокомандующий вооруженными силами Коммуны. Погиб в бою с версальцами.

Стр. 77. Тадеуш Костюшко (1746 – 1817), польский военный деятель, руководитель национально-освободительного польского восстания 1794 года. Участник войны за независимость в Северной Америке (1775 – 1783), бригадный генерал. Во время восстания 1794 года главнокомандующий повстанческой армии. Ранен в бою, взят в плен царскими войсками. Освобожден из Петропавловской крепости в 1796 году. Умер в Швейцарии. Прах перевезен в Краков. Именем Костюшко была названа 1-я польская пехотная дивизия Войска Польского.

Стр. 87. Ливонская война (1558 – 1583), война России с Ливонским орденом, Швецией, Польшей и Великим княжеством Литовским за выход к Балтийскому морю.

Смутное время («смута») – период, связанный с событиями польской и шведской интервенции начала XVII века и крестьянской войны под предводительством И. И. Болотникова (1606 – 1607).

Стр. 107. Литвинов Максим Максимович, в 1930 – 1933 народный комиссар иностранных дел.

Стр. 109. Рейхсвер – по Версальскому договору 1919 г. вооруженные силы Германии в 1919 – 1935 гг. были ограничены по составу и численности (100 тысяч – в сухопутных войсках, 15 тысяч – в ВМС). В 1935 году фашистская Германия аннулировала ограничительные военные статьи Версальского договора, ввела всеобщую воинскую повинность. На базе Рейхсвера был сформирован Вермахт (вооруженные силы).

Стр. 138. Драгомиров Михаил Иванович (1830 – 1905), русский военный теоретик и педагог. Труды по военной истории, тактике, обучению и воспитанию войск широко использовались в русской армии.

Стр. 147. Мюнхенское соглашение 1938 года. Подписано премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье, фашистскими диктаторами Германии А. Гитлером и Италии Б. Муссолини. Предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области и пограничных с Австрией районов.

Мемель. Прежнее – немецкое – название города Клайпеда.

Стр. 158. Советско-финляндская война длилась с 30.11.1939 года по 12.03.1940.

Стр. 159. Линия Маннергейма. Система долговременных укреплений на Карельском перешейке. Сооружена в 1927 – 1939 финским правительством. Общая протяженность 135 км, глубина – до 90 км. Названа по имени Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867 – 1951), государственного и военного деятеля Финляндии, маршала (1933). В 1889 – 1917 на службе в русской армии, генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В 1918 командовал белофинской армией. Главнокомандующий финской армией в войнах против СССР. В 1944 – 1946 президент Финляндии.

Стр. 160. Николай Коперник (1473 – 1543), польский астроном, создавший гелиоцентрическую систему мира. Благодаря этому простое объяснение получил ряд непонятных, с точки зрения геоцентрической системы, закономерностей движения планет. Он внес новую идею исключительной важности – о единстве мира, о том, что «небо» и «Земля» подчиняются одним и тем же законам. Учение Коперника развил итальянский физик, математик и астроном Галилео Галилей (1564 – 1642). Его учение преследовалось католической церковью, и он стал «узником инквизиции».

Стр. 177. Киевский Особый военный округ с началом войны был переименован в Юго-Западный фронт.

Стр. 184. Уры – укрепленные районы, оборудованные инженерными сооружениями, предназначенными для повышения эффективности применения оружия и военной техники, защиты войск от средств поражения.

Стр. 186. Дмитрий Григорьевич Павлов (1897 – 1941), Герой Советского Союза (1937). В Советской Армии с 1919. Участник

Первой мировой и Гражданской войн. В 1936 – 1939 служил в Испании. С 1940 командовал войсками Белорусского округа. В первые дни войны командовал Западным фронтом. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля был лишен всех званий и орденов и приговорен к расстрелу.

Стр. 212. Архив МО, ф. 208, оп. 2511 и 332.

Стр. 230. Дюнкерк, город, судостроительный и промышленный центр и крупнейший порт на южном берегу пролива Па-де-Кале.

Стр. 247. Имеется в виду рапсодия из оперы М.П. Мусоргского «Хованщина».

Стр. 297. Манштейн Эрих фон Левински (1887 – 1973), генерал-фельдмаршал (1942). Участник Первой мировой войны. Во Вторую мировую войну во Французской кампании 1940 командовал корпусом, на советско-германском фронте – корпусом, армией, а в 1942 – 1944 армиями «Дон» и «Юг». В 1944 отстранен от командования. В 1950 осужден британским военным трибуналом, но в 1953 освобожден.

Стр. 322. Фридрих Второй (Великий) (1712 – 1786), прусский король. В результате завоевательной политики (Силезские войны 1740 – 1742 и участие в Семилетней войне 1756 – 1763, в первом разделе Речи Посполитой в 1772) территория Пруссии почти удвоилась. В сражении с русскими войсками при Грос-Егерсдорфе и Кунерсдорфе армия Фридриха Второго потерпела поражение.

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (1815 – 1898), первый рейхсканцлер Германии. Завершил объединение Германии.

Стр. 323. Оберквартирмейстер – начальник оперативного управления.

Рейхенау Вальтер (1884 – 1942), генерал-фельдмаршал (1940). В 1930 – 1933 начальник штаба, затем командующий военным округом. При нападении Германии на Польшу (1939) командовал армией. Участвовал в агрессии против Франции и СССР. Проводил массовое уничтожение советских военнопленных и мирного населения.

Стр. 324. Звание генерал-полковника было присвоено Рокоссовскому 15.01.1943.

Стр. 333. В Советских Вооруженных Силах были введены погоны в начале 1943 г.

Ордена, названные именами великих русских полководцев –

Суворова, Кутузова и Александра Невского, – были учреждены Президиумом Верховного Совета СССР 29 июля 1942 для награждения командного состава Красной Армии за выдающиеся успехи в управлении войсками.

Стр. 359. Модель Вальтер (1891 – 1945), генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны. С 1940 командир танковой дивизии. На советско-германском фронте командовал танковым корпусом и армией, в 1944 – группами армий «Север», «Северная Украина», «Центр».

Стр. 360. Рокоссовский «Долг солдата».

Стр. 389. Буш Эрнст (1885 – 1945), генерал-фельдмаршал. Во Второй мировой войне командовал армией во Французской и Польской кампаниях. На советском фронте командовал армией и группой армий «Центр». На захваченных территориях устанавливал жесткий оккупационный террористический режим. После капитуляции Германии сдался в плен англичанам.

Стр. 390. Багратион Петр Иванович (1765 – 1812), русский полководец, сподвижник Суворова и Кутузова, герой Отечественной войны 1812. Участвовал в русско-турецкой войне 1787 – 1789, итальянских и швейцарских походах Суворова 1799, войнах против Франции 1805 – 1809 и русско-шведской войне 1808 – 1809, в Отечественную войну 1812 командовал армией. Смертельно ранен в Бородинском сражении.

Стр. 402. Весной 1943 года на территории СССР была сформирована польская армия.

Стр. 405. Модель в 1945 командовал войсками Запада, группой армий «Б». После поражения в Рурской операции застрелился.

Стр. 418. Польский комитет национального освобождения был создан в июле 1944 на территории, освобожденной советскими войсками. Временно исполнял функции правительства.

Стр. 424. Модлин – крепость в Польше. Построена в средние века. В 1811 – 1812 превращена Наполеоном I в опорный пункт подготовки войны с Россией. Занята русскими войсками в 1813. В 1832 на месте старой построена новая крепость (названа Ново-георгиевской). Во время германско-польской войны 1939 защитники Модлина прекратили сопротивление одними из последних.

Стр. 436. Тевтонский орден (орден немецких крестоносцев) – католическая духовно-рыцарская организация, возникшая в

Палестине в конце XII в. во время крестовых походов. С XIII в. в Прибалтике на землях, захваченных орденом у пруссов, литовцев, поляков, существовало государство Тевтонский Орден. Орден разгромлен в Грюнвальдской битве 1410. С 1466 – вассал Польши. В 1525 его владения в Прибалтике превращены в светское герцогство Пруссия.

Стр. 441. Гинденбург Пауль фон (1847 – 1934), германский генерал-фельдмаршал, в Первую мировую войну командовал армией и фронтом. В 1918 один из руководителей интервенции против России. В 1925 – 1933 – президент Германии. В 1933 передал власть нацистам.

Стр. 442. Торн (польск. Торунь), город и крепость на территории Польши, важный узел коммуникаций и мощный опорный пункт обороны.

Стр. 446. Гданьск, порт в Польше на Балтийском море в дельте реки Вислы. В XIII в. центр Восточно-Поморского княжества. В 1793 – 1918 под германским господством (Данциг). По Версальскому мирному договору 1919 – «Вольный город Данциг» под управлением Лиги Наций. В 1939 – 1945 подвергся немецко-фашистской оккупации.

Стр. 447. Гдыня, порт в Польше, входит в Гданьское воеводство.

Стр. 459. Мантейфель Хассо-Эккарт фон (род. 1897), генерал танковых войск немецкой армии. В 1941 – 1944 командовал дивизией на советско-германском фронте, в период наступления фашистских войск в Арденнах (1945 – 1945) – 5-й танковой армией, с которой сдался в плен американским войскам.

Стр. 473. Монтгомери Бернард Лоу (1887 – 1976), английский фельдмаршал. Участник Первой мировой войны. Во Вторую мировую войну командовал корпусом, армией в Северной Африке, группой союзных армий, высадившихся в Нормандии. В 1945 главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии. В 1946 – 1948 начальник имперского генштаба. В 1951 – 1958 1-й заместитель Верховного главнокомандующего блока НАТО в Европе. Награжден высшим советским орденом «Победа».

Стр. 476. «Зееловские высоты», гряда высот вдоль левого берега старого русла р. Одер, в 50 – 60 км восточнее Берлина.

Стр. 485. Старая граница – граница между Восточной и Западной Белоруссией, до 1939 принадлежавшей Польше.

Стр. 497. Тарле Евгений Викторович (1875 – 1955), совет-

ский историк, академик АН СССР. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. С 1917 профессор Петроградского, а затем Ленинградского и Московского университетов. Автор многих научных трудов по всеобщей и русской истории, в т.ч. военной, – «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год», «Русский флот и военная политика Петра Первого», «Крымская война», а также о М. М. Кутузове, Наполеоне, Ф. Ф. Ушакове, П. С. Нахимове и др. Лауреат Государственной премии СССР (1942, 1943, 1946).

Стр. 499. «Польска Збройна», 23.07.1949.

Стр. 518. Миколайчик Станислав (1901 – 1966), премьер-министр польского эмиграционного правительства.

Берут Болеслав (1892 – 1956), председатель Совета министров, Первый секретарь ЦК ПОРП (1948 – 1954).

Стр. 534. «Лагерь польской реакции 1939 – 1945 гг.» Варшава, 1948.

Стр. 546. Устный рассказ Яна Слевиньского.

Стр. 560. П. Мошенцова. «Тайны Кремлевской больницы». Коллекция «Совершенно секретно» Москва, 1998.

Хронологическая таблица

1896, 9 (21) декабря в городе Великие Луки (б. Псковской губ.) родился Ксаверий Константинович Рокоссовский.

1900 – семья Рокоссовских возвращается в Варшаву.

1903 – 1911 – К.К. Рокоссовский учится в школе и гимназии Купеческого собрания.

1911 – начало трудовой деятельности Рокоссовского.

1914 – 1917 – служба К.К. Рокоссовского в 5-м Каргопольском полку. Участие в боях на Западном и Северо-Западном фронтах.

1917, декабрь – К.К. Рокоссовский вступает в ряды Красной Армии.

1918, октябрь – К.К. Рокоссовский – командир эскадрона 1-го Уральского кавалерийского полка.

1919, июнь – К.К. Рокоссовский – командир 2-го Уральского кавалерийского дивизиона.

1919, 4 ноября – за бой под станцией Вокоринской К.К. Рокоссовский получает свою первую награду в Красной Армии – орден Красного Знамени.

1920, январь – К.К. Рокоссовский – командир 30-го конного полка.

1920, сентябрь – К.К. Рокоссовский – командир 35-го конного полка.

1921, 2 июня – в бою под станцией Желтуринской К.К. Рокоссовский ранен, за этот бой награжден вторым орденом Красного Знамени.

1922 – 1924 – К.К. Рокоссовский служит в Забайкалье, в 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригаде.

1924 – 1925 – К.К. Рокоссовский учится на Кавалерийских курсах усовершенствования командного состава в Ленинграде.

1925 – 1929 – К.К. Рокоссовский продолжает службу в Забайкалье.

1929, ноябрь – К.К. Рокоссовский участвует в разгроме китайских милитаристов во время конфликта на КВЖД.

1930 – 1931 гг. – К.К. Рокоссовский командует 7-й Самарской дивизией в Белорусском военном округе.

1932 – 1935 – К.К. Рокоссовский вновь командует 15-й кавалерийской дивизией в Забайкалье.

1936 – 1937 – К.К. Рокоссовский командует 5-м кавалерийским корпусом в Пскове.

1937, июнь – К.К. Рокоссовский освобождается от занимаемой должности и зачисляется в распоряжение Управления по начальствующему составу РККА.

1937, июль – К.К. Рокоссовский увольняется в запас РККА.

1937, август – по ложным доносам арестован и обвинен в измене Родине.

1940, март – К.К. Рокоссовский освобожден из заключения и восстановлен во всех гражданских правах.

1940 – К.К. Рокоссовский командует 9-м механизированным корпусом.

1941, 22 июня – 14 июля – К.К. Рокоссовский сражается на Юго-Западном фронте. 19 июля – К.К. Рокоссовский становится командующим группой, а затем 16-й армией.

1941, октябрь – 1942, март – Рокоссовский во главе 16-й армии сражается на подступах к Москве.

1942 год, 8 марта – К.К. Рокоссовский тяжело ранен в Сухиничах.

14 июля – К.К. Рокоссовский вступает в командование Брянским фронтом.

1 октября – К.К. Рокоссовский принимает командование Донским фронтом.

1942, 19 ноября – 1943, 3 февраля – К.К. Рокоссовский участвует в разгроме гитлеровских войск под Сталинградом.

1943, февраль – К.К. Рокоссовский вступает в командование Центральным фронтом.

1943, июль – К.К. Рокоссовский руководит боевыми действиями на Курской дуге.

1943, август – 1944, апрель – войска Центрального, а затем Белорусского фронтов под руководством К.К. Рокоссовского участвуют в освобождении Украины и Белоруссии.

1944, 19 июня – К.К. Рокоссовскому присвоено звание Маршала Советского Союза.

1944 – К.К. Рокоссовский становится командующим 2-м Белорусским фронтом.

1945, январь – март – К.К. Рокоссовский руководит войсками фронта во время Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операций.

1945, 24 июня – К.К. Рокоссовский командует Парадом Победы в Москве.

1945 – 1949 – К.К. Рокоссовский руководит группой совет-

ских войск, дислоцированных на территории Польской Народной Республики.

1949, ноябрь – 1956, ноябрь – К.К. Рокоссовский занимает пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета министров Польской Народной Республики.

1957 – 1958 – К.К. Рокоссовский заместитель министра обороны СССР, генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

1968, 3 августа – кончина К.К. Рокоссовского.

Содержание

К.К. Рокоссовский. *Биографическая статья*..... 5

А. Карчмит. ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ СЛАВЫ. Роман

Часть первая. Охотник рядового звания..... 9

Часть вторая. Фронтовые дороги..... 162

Часть третья. В круговороте дней..... 464

Комментарии..... 563

Хронологическая таблица..... 570